ДОБРОТОЛЮБИЕ

Том V

Издание
Сретенского
монастыря

ДОБРОТОЛЮБИЕ

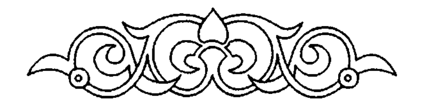
Том V

Перевод с греческого
святителя
ФЕОФАНА
ЗАТВОРНИКА

4-е издание

Издательство
Сретенского монастыря
МОСКВА
2010

УДК 271.2-42
ББК 86.372
Д 56



Разрешено к печати
Издательским Советом
Русской Православной Церкви

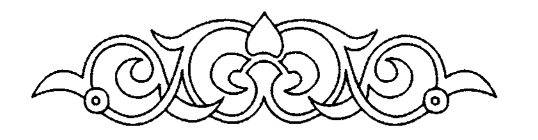
Д 56 **Добротолюбие**: В 5 т. — Т. 5. — 4-е изд. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2010. — 560 с.

ISBN 978-5-7533-0415-5 (т. 5)
ISBN 978-5-7533-0410-0

Пять томов Добротолюбия составляют золотой фонд православной аскетики. На протяжении столетий монахи и миряне черпают из этой книги сокровища духовного опыта святых подвижников. Настоящее издание, набранное по правилам современной орфографии, дополнено специальным приложением, посвященным истории составления Добротолюбия.

УДК 271.2-42
ББК 86.372

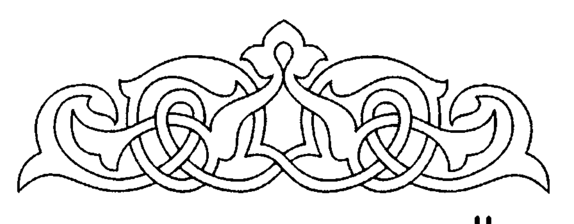
ISBN 978-5-7533-0415-5 (т. 5)
ISBN 978-5-7533-0410-0



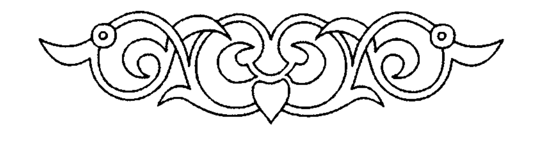
ПРЕДИСЛОВИЕ

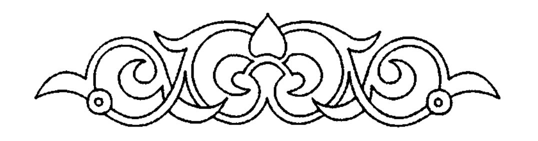
Пятый и последний том Добротолюбия совмещает в себе остальные статьи греческого Добротолюбия за исключением: 1) двух книг Петра Дамаскина, имеющихся в переводе Оптинской пустыни; 2) глав Симеона Метафраста, извлеченных из бесед святого Макария Египетского, печатаемых у нас вместе с беседами сего отца; 3) физических, богословских и нравственных глав святого Григория Паламы, в коих очень много трудного для понятия и выражения; и 4) глав Каллиста Катафигиота, слишком утонченных и преимущественно умозрительных, силлогистических, как выражает их характеристическую черту самое заглавие.

От этого, впрочем, опущения никакого ущерба не потерпит наш сборник, имевший в виду не умовую, а почти исключительно деятельную жизнь. А для этой жизни сколько дает настоящий том, всякий может увидеть из оглавления статей, вошедших в состав его. Одна книга Каллиста и Игнатия представляет систематическое изложение всего хода духовной жизни с обычными в ней деланиями, чего до них, а можно прибавить, и после них, никто не предпринимал.



ПРЕПОДОБНЫЙ СИМЕОН НОВЫЙ БОГОСЛОВ





КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ
О ПРЕПОДОБНОМ СИМЕОНЕ НОВОМ БОГОСЛОВЕ

Святой Симеон, родом из Пафлагонии, воспитывался в Константинополе у дяди, одного из придворных. По окончании учения был немного при дворе, но скоро все оставил и вступил в обитель Студийскую, где был старец его, Симеон Благоговейный, руководивший его еще со времени образования его. Слишком строгая жизнь его возбудила среди братства против него неудовольствие, и он с совета старца перешел в обитель святого Мамонта, где по смерти настоятеля избран в игумены и посвящен в пресвитера патриархом Николаем Хрисовергом. Благоустроив обитель сию, святой Симеон убезмолвился, поставив вместо себя достойного преемника, испытанного Арсения. Но не до конца пришлось ему наслаждаться покоем безмолвия. Поднялась против него буря за его чествование старца своего, Симеона Благоговейника, почившего и выбросила его из Константинополя. Там недалеко облюбил он место, где стояла ветхая церковь святой Марины. Владелец сего места, чтитель его, один из вельмож, Христофор Фагура, уступил ему всю ту местность и помог устроить там обитель. Устроив все, и здесь святой Симеон опять убезмолвился и после тридцатилетнего покоя в безмолвии почил в начале II века.

Святые мощи его явились в 1050 году. Память его – 12 марта – день кончины его. Никодим Агиорит, поместив его в своем Синаксарнике под сим числом, замечает под чертою, что память его перенесена на 12 октября, и что им составлена ему служба.

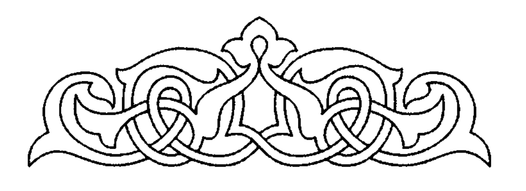
Святой Симеон оставил много писаний. Во время управления обителями он обычно говорил поучения в церкви и на покоях обоих писал послания и наставления, общехристианские и подвижнические. Последние более в виде кратких статей или глав.

Ученик его Никита Стифат, составитель жития его, собирал его писания и переписывал набело еще при жизни святого.

В печати, в особой книге, имеются на новогреческом 92 слова его, аскетические главы его и старца его, и на еллинском 55 молитв, писанных стихами. Слова и главы переведены на русский и изданы, и находятся на руках Афонских старцев.

Греческое Добротолюбие взяло из писаний святого Симеона аскетические его главы, включив в среду их и старца его главы, а некоторые из его глав опустив, и в конце своем прибавило два слова из общего собрания.

Берем и мы себе аскетические главы и святого Симеона Богослова, и старца его, особо каждые, как они находятся не в греческом Добротолюбии перемешано, а в особой книге. Берем и два́ слова, помещая их не после глав, а там же, где они стоят в греческом Добротолюбии, к концу всего сборника.



ПРЕПОДОБНОГО СИМЕОНА НОВОГО БОГОСЛОВА ДЕЯТЕЛЬНЫЕ И БОГОСЛОВСКИЕ ГЛАВЫ

1. Вера есть (быть готову) умереть Христа ради за заповедь Его, в убеждении, что такая смерть приносит жизнь; нищету вменять в богатство, худость и ничтожество в истинную славу и знаменитость, и в то время как ничего не имеется, быть уверену, что всем обладаешь, — особенно же (она есть) стяжание неисследимого богатства познания Христа и взирание на все видимое, как на прах или дым.

2. Вера во Христа есть не то только, чтоб небречь о приятностях жизни, но и то, чтоб терпеливо и благодушно переносить всякое находящее искушение в печалях, скорбях и неприятных случайностях, пока возблаговолит Бог призреть на нас, подражая Давиду, который говорит: *терпя потерпех Господа и внять ми* (Пс. 39, 1). (То есть, терпя скорби, я уповал, что Господь поможет мне; почему и Господь, видя, что я, не колеблясь, чаю помощи от Него, призрел на меня и явил мне милость Свою.)

3. Предпочитающие в чем-либо родителей своих заповеди Божией, веры во Христа не имеют. Конечно, и собственная совесть их обличает их в таком неверии, если только совесть жива в них. Ибо истинно верующих отличительный знак есть ни в чем никогда не преступать заповеди великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

4. Вера во Христа, истинного Бога, рождает желание вечных благ и страх мучений; желание же сих благ и страх мук приводят к строгому исполнению заповедей, а строгое исполнение заповедей научает людей глубокому сознанию своей немощности; это сознание истинной немощности нашей рождает память о смерти; кто же возымел сию память сожительницею себе, тот приболезненно взыщет узнать, каково будет ему по исходе и удалении из сей жизни; а кто тщательно старается

узнать о будущем, тому прежде всего надлежит лишить себя настоящего (благ и вещей мира сего). Ибо обладаемый пристрастием к чему-либо из сего последнего, даже самому ничтожному, не может стяжать совершенного познания о том первом. Даже когда бы, по смотрению Божию, вкусил он сколько-нибудь такого познания, то — если тотчас не оставит того, пристрастием к чему одержим, и не предастся всецело стяжанию сего единого познания, не позволяя себе даже думать о чем-либо другом, кроме его — взято будет от него и это познание, какое мнится он иметь.

5. Отречение от мира и совершенное из него удаление — если восприимем при сем и совершенное отрешение от всех житейских вещей, нравов, воззрений (принципов) и лиц, с отвержением тела и воли своей — в короткое время великую принесет пользу тому, кто с таким жаром ревности отрекся от мира.

6. Имея в намерении удалиться из мира, смотри, не вдавай души своей в плотские утешения в начале, пока еще живешь и вращаешься в мире, хотя бы все сродники и друзья понуждали тебя к тому. Это им демоны внушают, чтоб погасить теплоту сердца твоего, — через что, если и не воспрепятствуют они исполнению твоего намерения, то всячески охладят и ослабят его.

7. Когда ты мужественно будешь отказываться от всех удовольствий житейских и держать себя чуждым всякого утешения, тогда демоны, возбудив сострадание в родных, заставят их плакать и рыдать о тебе пред лицом твоим. Что это истинно так есть, сие познаешь из того, что, когда ты останешься непоколебим и при этом искушении, то тотчас увидишь, как родные твои возгорятся яростью и ненавистью против тебя, отвратятся от тебя как от врага и смотреть на тебя хотеть не будут.

8. Видя скорбь о себе родителей, братьев и друзей, посмеивайся демону, разнообразно сим способом против тебя вооружающемуся; но поспеши и удалиться со страхом, прилежною докучая Богу молитвою сподобить тебя поскорее достигнуть в пристанище доброго Отца, в коем Сей упокоил бы душу твою, утружденную и обремененную, ибо житейское море представляет много бедственного и крайне пагубного.

9. Желающий возненавидеть мир из глубины души должен возлюбить Бога и память о Нем стяжать непрестанную, ибо ни что другое, как сие, не побуждает с радостью оставить все и отвращаться от того, как от уметов.

10. Ни по благословным, ни по бессловесным причинам не оставайся долго в мире, но как только позван будешь, спеши послушаться. Ибо ничему другому не радуется так Бог, как нашей скорости (в исполнении воли Его), так как лучше скорое послушание с бедностию, нежели медлительность со множеством имений.

11. Если мир и что в мире преходит все, а Бог нетленен и бессмертен, то радуйтесь все, которые ради Его оставили тленное. Тленно же не только богатство и деньги, но и всякое удовольствие и наслаждение греховное есть тля. Одни заповеди Божии свет суть и жизнь, и так всеми именуются.

12. Если, брате, пламенем ревности о спасении объятый бегом притек ты в киновию или к духовному отцу, то когда будет предлагать тебе он или сподвизающиеся тебе братия бани или брашна, или другие какие утешения в упокоение плоти, не соглашайся на то. Но всегда будь готов (желай, ищи, стремись) к пощению, к злостраданию (произвольным лишениям), к крайнему воздержанию. Если отец твой о Господе повелит тебе дать некое утешение телу, послушай его, отсекая и в этом собственную волю свою, а если нет, то с радостью исполняй терпеливо, что делать произвольно восхотел ты (всячески воздерживаться от всего). Соблюдая сие, будешь всегда во всем, как постящийся и воздерживающийся и своей воли по всему отрекшийся. И не это только, но и сущий в сердце твоем пламень, все презирать тебя понуждающий, сохранишь ты неугасимым.

13. Когда демоны, сделав все с своей стороны, не успеют расстроить наше по Богу намерение или воспрепятствовать исполнению его, тогда привходят они в притворяющихся благочестивыми (братий), и посредством их покушаются воспрепятствовать начавшим уже подвизаться в добрых подвигах их. И, во-первых, будто любовию и состраданием движимые, советуют им не чуждаться телесных утешений, чтоб и тело, говорят,

не изнемогло, и самим не впасть в уныние. Потом, вызывая их на бесполезные беседы, целые дни попусту проводить в них заставляют. Затем, если кто из ревностных послушает их советов и станет подобен им, то они начинают смеяться над тем, будто радуясь его погибели; если же не послушает их слов, но сохранит себя чуждым всего, себе внимающим и бездерзновенным (скромным и робким пред всеми), то подвигаются на зависть и вооружаются против него, употребляя все способы, чтоб изгнать его даже из монастыря: ибо для бесчестного тщеславия несносно видеть, как у него перед глазами хвалят истинное смирение.

14. Томится болезненно тщеславный, видя, как смиренный, проливая слезы, и Бога ими умилостивляет, и людей подвигает к невольной похвале.

15. После того, как передашь ты всего себя духовному отцу своему, знай, что ты чужд всему, что принес совне — вещи ли то какие или деньги. Почему ничего не делай с ними без его воли и ничего не проси себе у него из того: ни малого, ни большого; разве только сам он, по собственному произволению, или тебе велит взять что, или собственноручно даст тебе то.

16. Без воли отца твоего по Богу не загадывай давать милостыню из принесенных тобою денег, но и через посредника какого не домогайся взять у него что-либо из них. Ибо лучше быть и именоваться нищим и странным, нежели расточать и раздавать бедным деньги, когда ты еще новоначальный. Все передать в волю духовного отца своего, как в руку Божию, есть дело совершенной веры.

17. Даже глотка воды проглотить не проси, хотя бы случилось тебе быть палиму жаждою, пока духовный отец твой, сам в себе подвигнут будучи, не велит тебе это сделать. Утесняй себя и нудь во всем, уговаривая себя такими словами: если хочет Бог и достоин будешь напиться, то Он откроет всеконечно отцу твоему сказать тебе «напейся». И тогда напьешься с чистою совестью, хотя бы это было и не вовремя.

18. Некто, опытом познавший духовную пользу и неложную стяжавший веру, предлагая Бога свидетелем истины, сказал:

«Я положил в себе такой помысл, чтоб никогда не просить у отца моего ни есть, ни пить, и вообще ничего другого не принимать, пока Бог не внушит ему приказать мне это. И действуя так, я никогда, — говорит, — не был тщетен в надежде моей».

19. Действенную стяжавший веру к отцу своему по Богу, видя его, мнит видеть Самого Христа, и бывая с ним или последуя ему, верует несомненно со Христом быть и Ему последовать. Таковой никогда не пожелает беседовать с кем-либо другим и не предпочтет что-либо из мирских вещей памяти и любви Его. Ибо что лучше или что полезнее в настоящей и в будущей жизни того, чтоб быть со Христом? Что прекраснее или сладчае созерцания Его? Если же и беседы от Него сподобляется кто, то, конечно, почерпает из нее жизнь вечную.

20. Благорасположенно любящий тех, которые его поносят и обижают, и причиняют ему ущерб, и молящийся о них в короткое время достигает великого преуспеяния. Ибо когда так бывает в чувстве сердца, тогда это благонастроенного сим образом вводит в бездну смирения и изводит из него источники слез, в которых погружается вся троечастность души (то есть разумная, желательная и раздражительная ее силы): возводит ум на небо бесстрастия и делает его созерцательным, вкушением же тамошних благ располагает вменять в уметы все блага настоящей жизни, и самую пищу и питие принимать не в сладость и не так часто.

21. Не от дел только злых должно подвижнику удаляться, но надобно стараться быть свободным и от помыслов, и мыслей противных (заповедям и воле Божией), и всегда быть заняту в себе душеспасительными и духовными воспоминаниями, пребывая беспопечительным о вещах житейских.

22. Как тот, кто обнажил все тело свое, если оставит при сем глаза свои закрытыми каким-либо покровом и не захочет взять сей покров и сбросить, не может от одного этого обнажения прочего тела видеть свет: так и тот, кто оставил все свои и вещи, и деньги, избавился и от самых страстей сих, если не освободит при сем и ока души своей от воспоминаний житейских

и помышлений худых, никогда не увидит умного света, Господа нашего Иисуса Христа и Бога.

23. Что покров, на глаза наложенный, то помыслы мирские и воспоминания житейские для ума или ока души. До тех пор, пока попустим им быть, ничего не увидим; когда же изгоним их памятию о смерти, тогда узрим свет истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир.

24. Кто слеп от рождения, тот не может знать силу пишемого, ни верить тому; но если он когда-либо сподобится прозреть, то станет свидетельствовать, что пишемое и читаемое истинно.

25. Видящий чувственными очами знает, когда бывает день и когда ночь, а слепой не знает ни того, ни другого. И духовно прозревший, и зрящий умными очами, если после того, как повидит истинный и незаходимый свет, по нерадению и беспечности опять возвратится к прежнему ослеплению и лишится света, то, находясь в благочувствии, добре чувствует лишение сего света и того, от чего случилось с ним такое лишение, не неведает; но пребывающий от рождения слепым (духовно) ничего такого не знает ни по опыту, ни по действу, разве слухом что услышит и узнает о том, чего никогда не видал, и станет рассказывать о том другим, хотя ни он, ни слышащие ничего верно не знают о тех вещах, о коих разговаривают.

26. Невозможно и плоть наполнять досыта брашнами, и духовно наслаждаться умными и божественными благами. Ибо в какой мере кто работает чреву, в такой лишает себя вкушения духовных благ; напротив, в какой мере кто станет утончать тело свое, соразмерно с тем будет насыщаем пищею и утешением духовными.

27. Оставим все земное — не богатство только и золото, и другие вещи житейские, но и самое похотение к ним совершенно изгоним из душ наших. Возненавидим не только удовольствия тела, но и бессловесные движения его, и постараемся умертвить его трудами и подвигами: ибо через него возбуждаются похоти и приводятся в дело. И пока оно живо, по всей необходимости душа наша бывает мертвою — трудноподвижною, или и совсем неподвижною на всякую заповедь Божию.

28. Как пламень огня всегда поднимается вверх, особенно когда станешь ворочать вещество, в котором возгорелся и горит огонь; так и сердце тщеславного не может смиряться. Но как только скажешь ему что для его пользы, он более и более воздымается; если его обличают и вразумляют, он противоречит сильно; если хвалят и привечают, он напыщается зле.

29. Человек, научившийся противоречить, сам для себя есть обоюдуострый меч: он убивает душу свою, не сознавая того, и делает ее чуждою жизни вечной.

30. Противоречивый подобен тому, кто произвольно предается противникам царя своего, врагам. Противоречие есть удочка, имеющая затравою правдословие (защиту правды, себя оправдание, самозащиту), которым будучи прельщаемы, проглатываем мы удочку (крючок удильный) греха. Так обыкновенно похищается такая бедная душа за язык и гортань духами злобы. И то воздымается горе, то погружается в хаотическую бездну греха и осуждается вместе с ниспадшими с неба.

31. Кто, будучи бесчестим или досаждаем, сильно болит от этого сердцем, о том ведомо да будет из сего, что он носит древнего змия в недрах своих. Если он станет молча переносить наносимое ему или противоотвечать с великим смирением, то сделает сего змия немощным и расслабленным (и совсем убьет). А если будет противоречить с горечью и говорить с дерзостью, то станет придавать силы змию изливать яд в сердце свое и немилосердо пожирать внутренности свои: так что змий тот, будучи таким образом каждодневно усиливаем, поглотит, наконец, самое намерение бедной души его исправить себя и держать исправною в добрых порядках жизни, и силу к тому отымет. И станет таковой после сего жить греху и совсем мертвым быть правде.

32. Если захочешь отречься от мира и научиться евангельскому житию, то отдай себя не неопытному и не нечуждому страстей учителю, чтоб вместо евангельского диавольскому не научиться житию. Ибо у добрых учителей и уроки бывают добрые, а у худых — худые; от худых же семян и произрастения бывают всегда худые.

33. Молитвами и слезами умоли Бога послать тебе руководителя бесстрастного и святого. Исследуй и сам Божественные Писания, и особенно деятельные писания святых отцов, чтоб, с ними сличая то, чему учат тебя учитель и настоятель, мог ты, как в зеркале, видеть, насколько они согласны между собою, и затем согласное с писаниями усвоять и удерживать в мысли, а несогласное — рассудив добре — отлагать, чтоб не прельститься. Ибо знай, что во дни сии много явилось прелестников и лжеучителей.

34. Всякий невидящий (слепой духовно), если берется руководить других, есть прелестник, и последующих ему ввергает в ров пагубы, по слову Господа: *слепец же слепца аще водит, оба в яму впадут* (Мф. 15, 14).

35. Слепой в отношении к одному (Богу) слеп и весь в отношении ко всему; и видящий в едином (Боге) в видении есть всего; между тем он и отстоит от видения всего, и бывает в видении всего, и есть вне всего видимого. Будучи так в Едином, видит он все, и во всем будучи, не видит ничего из всего. Видя во Едином, через Него видит и себя, и все, и всех; и будучи сокрыт в Нем, ничего из всего не видит.

36. Кто во внутреннем своем умном или духовном человеке не облекся во образ Господа нашего Иисуса Христа, небесного человека и Бога, с чувством и сознанием, тот кровь только есть и плоть, и не может посредством слова только восприять чувство духовной славы, подобно тому, как и слепые от рождения не могут познать, что такое есть свет солнца, из слов только о нем.

37. Кто слышит так и видит, и чувствует, тот знает силу того, что говорится, как уже облекшийся во образ небесного и пришедший *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13). Будучи таковым, может он добре руководить на пути заповедей Божиих и стадо Христово. А кто не знает этого и не таков есть, в том, очевидно, чувства души не просвещены и не здравы. И ему гораздо лучше быть руководиму, нежели руководить с опасностью для других и себя.

38. Напряженно внимающий своему учителю и руководителю, как Богу, противоречить не может. Кто думает и говорит, что имеет то и другое (то есть что он и внимает отцу своему, как Богу, и противоречит), тот да ведает, что находится в заблуждении, ибо не знает, какое расположение к Богу имеют люди Божии.

39. Кто верует, что в руке пастыря его находится его жизнь и смерть, тот никогда не воспротиворечит. Неведение же сего рождает прекословие, причиняющее духовную и вечную смерть.

40. Пока не состоится решение над подсудимым, ему дается слово самооправдания — говорить судье о том, что наделал; по раскрытии же дел его и произнесении над ним решения судии он уже ни мало, ни много не противоречит тем, кои наказывают его (во исполнение приговора).

41. Прежде чем вступит монах в это судилище (покаяния — монастырь) и откроет лежащее на сердце его, может быть можно ему говорить что против, одно по неведению, другое по замышлению скрыть иные свои дела. По открытии же и искренней исповеди своих помыслов уже нельзя ему никогда противоречить своему по Богу судье и владыке, даже до смерти. Ибо монах, вступивший в сие судилище и в начале обнаживший сокровенности сердца своего, с самых начатков жизни здесь носит, если имеет здравый смысл, убеждение, что он достоин бесчисленных смертей, но верует, что через свое послушание и смирение избавится от всякого мучения и наказания, если, конечно, истинно знает силу таинства сего.

42. Кто неизгладимо сохраняет сие в уме своем, тот никогда не подвигнется сердцем на недолжное, когда его учат, вразумляют и обличают. Ибо впадающий при сем в пагубный грех прекословия и неверия духовному отцу своему и учителю, еще живой бедственно низводится во глубину ада и становится жилищем сатаны и всего его нечистого воинства, как непокоривый сын погибели.

43. Умоляю тебя, взявшего на себя иго послушания, часто обращать сие в мысли своей и со всяким старанием подвизаться, чтоб не попасть, как сказано, в ад на муки вечные, но всякий

день так молиться тепло Богу и говорить: Боже и Господи всяческих, имеющий власть над всяким дыханием и всякою душою, един могущий уврачевать меня, услыши моление мое, и гнездящегося во мне бедном змия, наитием всесвятого Духа Твоего, умертвив, истреби. Научи и настрой меня нищего и обнаженного от всякой добродетели, припадать к стопам отца моего, и его святую душу расположи к состраданию и милостивости ко мне. Даруй, Господи, смирение в сердце мое и помыслы, подобающие грешнику, положившему каяться Тебе. Не остави в конец душу, единожды сочетавшуюся Тебе, Тебя исповедавшую, Тебя вместо всего мира избравшую и всему предпочетшую. Ты ведаешь, Господи, что я желаю спастися, хотя злой обычай мой полагает тому препятствие. Но Тебе, Владыко, возможно все, невозможное для людей.

44. Те, которые во дворе благочестия со страхом и трепетом положили доброе основание веры и надежды, и ноги свои незыблемо утвердили на камне послушания духовным отцам, слушая заповедуемое ими, как из уст Божиих, и на сем основании послушания без колебаний в смирении души устрояя исполнение того, — скоро преуспевают. И исправляется в них великое и первое дело, состоящее в том, чтоб отвергнуться себя самих. Ибо исполнение чужой, а не своей воли не только самоотвержение душевное укореняет, но и умертвие всему миру производит.

45. Тому, кто прекословит отцу своему, сорадуются демоны; тому же, кто даже до смерти смиряется пред ним, удивляются Ангелы. Ибо таковой дело Божие совершает, уподобляясь Сыну Божию, который исполнил послушание Отцу своему даже до смерти, смерти же крестной.

46. Безмерное и безвременное сокрушение сердца о чем-либо чувственном омрачает и возмущает ум. Оно изгоняет из души чистую молитву и умиление, а всаждает в нее болезненное томление сердечное. Отсюда жесткость и нечувствие безмерное; а через это демоны обыкновенно отчаяние наводят на взявшихся жить духовно.

47. Когда случится с тобою таковое, монаше, ты же между тем находишь в душе своей ревность и великое желание совершенства, так что сильно стремишься исполнить всякую заповедь Божию не погрешить даже в праздном слове и нисколько не отстать от древних святых ни в деянии, ни в ведении, ни в созерцании, но видишь, что тебе препятствует в этом враг, всевая плевелы малодушия и не попуская тебе воспарить на такую высоту святости, тем, что наводит расслабление, через возметание помыслов страшливых такими внушениями: невозможно тебе спастись среди мира и неопустительно исполнять все заповеди Божии; тогда ты, севши в угол одиноко, сожмись и собери помыслы свои, — и дай благой совет душе своей, сказав ей: *вскую прискорбна еси, душе моя; И вскую смущаеши мя; уповай на Бога, яко исповемся Ему. Спасение лица моего* не дела мои, а *Бог мой* есть (Пс. 41, 6). Кто оправдится от дел закона? И царепророк говорит: *не оправдится пред Тобою всяк живый* (Пс. 142, 2). Но верою, какую имею в Бога моего, надеюсь спасенным быть по неизреченному благоутробию Его даром. Ступай прочь с глаз моих, сатана! Господу Богу моему поклоняюся и от юности моей служу Ему, могущему спасти меня по единой милости Своей. Отступи же от меня. Бог, создавший меня по образу и подобию Своему, да сокрушит тебя.

48. Бог от нас человеков не требует ничего другого, кроме одного того, чтоб мы не грешили. Но это не есть исполнение закона, а только ненарушимое хранение образа и горнего достоинства, в коих стоя по естеству и нося светло-осиянную одежду Духа, мы пребываем в Боге и Он в нас, бываем по благодати богами и сынами Божиими, и знаменуемся светом познания Бога (по слову: *знаменася на нас свет лица Твоего, Господи.* — Пс. 4, 7).

49. Расслабление и тягота телесная, прибывающие в душу от лености и нерадения, отбивают от обычного правила и производят омрачение ума и малодушие. Отсюда почасту появляться начинают в сердце помыслы страхования и хулы, и искушаемый демоном расслабления и уныния нередко от робости не может войти в обычное место молитвы и предается лености,

а нередко испытывает нападки неуместных помышлений о Творце всяческих. Итак, зная причину, откуда это тебе нашло, поспеши войти в обычное место молитвы твоей и, падши пред человеколюбивым Богом, молись со стенаниями сердечными в сокрушении и слезах, испрашивая избавления от тяготы расслабления и уныния, и от помыслов злых. И вскоре дано будет тебе освобождение от них, если будешь толкать (в двери милосердия Божия) притрудно и неотступно.

50. Кто стяжал чистое сердце, тот победил страхование. А кто еще очищает его, тот иногда побеждает его, а иногда сам бывает побежден им. Кто же совсем не подвизается (о сей чистоте), тот или всеконечно ниспал в состояние нечувствия и, как друг страстей и бесов, при тщеславии болезнуя еще и самомнением, *мнит себе быти что, ничтоже сый* (Гал. 6, 3), или есть раб, преданный в руки страхования, и как младенчествующий умом, трепещет и боится страха там, где для боящихся Бога нет страха, ни страхования.

51. Боящийся Бога не боится устремления против него бесов, ни их немощных нападений, равно как угроз злых людей, но будучи весь как пламень некий и огнь палящий, когда даже проходит по скрытным и неосвещенным местам, обращает в бегство демонов, которые больше, чем он от них, бегут от него, чтоб не быть опаленными от исходящего из него пламеневидного луча Божественного огня.

52. Кто проникнут страхом Божиим, тот не боится обращаться среди злых людей. Имея внутри себя страх Божий и нося непобедимое оружие веры, он силен бывает на все и может делать даже то, что многим кажется трудным и невозможным. Он ходит среди их как гигант среди обезьянок или лев рыкающий среди псов и лисиц, уповая на Господа, твердостию мудрования своего изумляет их, ужасает смыслы их, поражая их словом премудрости, как жезлом железным.

53. Не только безмолвник или послушник, но и игумен, настоятель над многими, — и он, все устрояя, должен быть беспечален, то есть свободен от печальной заботы о житейских потребностях. Ибо если печемся, то оказываемся преступниками

заповеди Божией, которая говорит: *не пецытеся душею вашею, что ясте, или что пиете*, или *во что облечетеся: всех бо* тех *языцы* ищут (Мф. 6, 25, 32). И еще: зрите, *да не когда отягчают сердца ваша объядением и пиянством, и печальми житейскими* (Лк. 21, 34).

54. У кого помысл занят попечением о житейских вещах, тот несвободен: ибо попечение об них держит его в своих руках и делает рабом своим, для себя ли он заботится о них или для других. Свободный же от сего ни для себя, ни для других не печется о житейском, будь он епископ или диакон, или игумен. Но и праздным он никогда не бывает и ни о чем, даже самом последнем и ничтожном, никакого небрежения не оказывает, а богоугодно все делая и устрояя, о всем беспечален пребывает, — и это на всю жизнь.

55. Смотри, не разори своего дома, желая построить дом ближнего. Трудное это дело и неудобь исполнимое; почему поопасись, как бы не случилось, что, взявшись за это, ты свой дом разорить разоришь, но и того дома построить отнюдь не сможешь.

56. Если не стяжал ты совершенного беспристрастия к житейским вещам и деньгам, то не желай, чтоб тебе поручена была экономия (смотрение за этими вещами и распоряжение ими по обители); чтобы не быть пленену ими, и вместо воздаяния за труд служения обители не подпасть осуждению за воровство и святотатство. Если же будешь принужден настоятелем взять сие дело, то веди его так, как бы ты обращался с палящим огнем. Расстраивай и самый первый прилог помысла (о чуждоприсвоении) исповедью и покаянием, и молитвою настоятеля сохранен будешь невредимым.

57. Не сделавшийся бесстрастным не знает даже, что есть бесстрастие, и не верит, чтоб был кто-либо такой на земле. Ибо тому, кто сам не отвергся прежде себя и крови своей усердно не истощил за эту воистину блаженную жизнь, — как подумать, что другой кто сделал это, чтоб стяжать бесстрастие? Таким же образом и тот, кто мнится иметь Духа Святого, ничего не имея, когда слышит, что действия Духа Святого явно познаваемы

бывают в тех, кои имеют Его, никак тому не верит, равно как и тому, что есть кто-либо и в настоящем роде равный апостолам Христовым и всем от века святым, подобно им движимый и воздействуемый Божественным Духом, или в видении Его бывающий, с сознанием того и чувством. Ибо всякий по собственному своему состоянию судит и о том, что касается ближних по тому, то есть, каков сам, по добродетели ли сказать или по грехам.

58. Иное есть бесстрастие души и иное бесстрастие тела. То (душевное) и тело освящает своим собственным сиянием и светоизлиянием Духа, а это одно само по себе ни на что неполезно для того, кто стяжал его.

59. Как тот, кто из последней бедности обогащен царем и возведен в светлый сан, облечен им в блестящее одеяние и определен стоять пред лицом его, — и самого царя с вожделением видит и как благодетеля чрезмерно любит, и на одеяние, в кое облечен, весело смотрит, и сан свой сознает, и данное ему богатство знает; так и монах, который, истинно оставив мир и все мирское, приступил ко Христу, и влеком будучи добрыми чувствами, возшел на высоту духовного созерцания через исполнение заповедей, — и Самого Бога непрелестно созерцает, и совершившееся в нем изменение ясно видит. Ибо всегда видит осиявающую его благодать Святого Духа, именуемую и одеянием, и царскою багряницею, — чем наипаче для верующих есть сам Христос Господь, так как верующие в Него облекаются в Него.

60. Многие сами читают Божественные Писания, другие слушают читающих оные, но немногие бывают в силах правильно уразуметь значение и смысл читаемого. Иные полагают, что читаемое в Писаниях Божественных невозможно; иные, почитая прямой смысл пишемого неудобоприемлемым, берутся истолковывать то по-своему, и истолковывают зле. Что сказано о настоящем времени, о том судят, что оно будет иметь место в будущем; а что сказано о будущем, то понимают, как сбывшееся уже или сбывающееся каждый день. Таким обра-

зом, у них нет правильного суждения и истинного распознания отличий в вещах Божеских и человеческих.

61. На всех верных должны мы смотреть, как на одного, и думать, что в каждом из них пребывает Христос, и такое любовное иметь к нему расположение, чтоб быть готовыми положить за него души свои. Отнюдь не должно нам говорить или думать, что кто-либо зол, но всех видеть добрыми, как сказано. Хотя увидишь кого боримым страстьми, не брата, а страсти ненавидь, борющие его. А когда увидишь такого, над которым тиранствуют похоти и недобрые привычки, имей к нему еще большее сострадание, чтоб иначе и самому не быть искушену подобно ему, как изменчивому и состоящему под влиянием изменчивого вещества.

62. Если кто фальшив от лицемерия или по делам виновен, или немного уязвлен какою-либо страстью, или несколько неисправен в каком-либо отношении по нерадению, то такой не приемлется в число исправных во всем, но как непотребный и неискусный на доброе отметается, чтобы он не произвел разрыва в союзе, которому должно пребывать неразрывным, и разделения между теми, которые должны пребывать нераздельными, тех и других ввергнув в печаль, так как те, кои впереди (преуспевают), станут болезненно печалиться о тех, кои позади их, а сии о разлучении с теми, кои упредили их.

Примечание. Перевод делается по тексту греческого Добротолюбия. Место темно. Новогреческий перевод делает ему такой перифраз, со *чтобы:* «...чтоб не сделал он того, что связь цепи расторгнется, когда ее натянут, то есть чтоб не причинил он расторжения единения братий в то время, когда они вдадутся в большие подвиги добродетелей, не произвел разделения между братиями, которые должны пребывать нераздельными, и не стал причиною печали для обеих частей, так как те, которые идут впереди, то есть преуспевают в добродетели, станут печалиться о тех, кои оказались позади, а оставшиеся позади станут печалиться о разлучении с первыми».

63. Как тот, кто на пламень разженной печи набрасывает земли, угашает оный, так и житейские попечения и всякий вид

пристрастия к чему-либо, даже последнему и ничтожному, истребляет возжегшуюся в начале теплоту сердца.

64[1]. Кто с радостию и с совершенным чувством отрекся от всего внешнего, от вещей, разумею, и людей, и забыл все сие, преходя, как стену, всякое пристрастие к тому (оставляя позади себя), тот чужд мира и всего, что в мире, и, в собранности держа ум свой, в одном поучается всегда — в памяти и помышлении о смерти. Почему и печется всегда о том, что касается суда и воздаяния, весь пленен бывает сим и, как узами, окован, внедряя неизреченный страх в сердце свое такими помыслами и углублением в них.

65[2]. Кто вселит во глубине сердца своего страх суда, тот является на зрелище мира, как некий осужденник, закованный в цепи. Почему пребывает объят страхом, как бы был схвачен палачом немилостивым и влеком на место казни, не думая ни о чем другом, кроме страданий и терзаний, какие имеет претерпеть от мук в вечном огне. Это чувство мук хранится неизгладимо в сердце его страхом, породившим его, и (вместе с ним) не дает ему заботиться о чем-либо человеческом; так как он всегда находится в таком состоянии, как бы был повешен на крест и чувствовал во всей силе болезни и страдания крестной смерти, что и не попускает ему ни внимать лицу чьему-либо, ни думать о чести или бесчестии человеческих. От всей души почитая себя достойным всякого презрения и бесчестия, и внимания не обращает он на поношения и унижения, какие ему делают.

66[3]. Всяким яством и питием, и украшением гнушается чреватый страхом смерти; и в удовольствие ни хлеба не ест, ни воды не пьет, доставляя телу только потребное, сколько нужно для поддержания жизни; всякой воли своей отвергается и бывает рассудительным рабом, исполняя все, что ни приказывают ему.

---

[1] Сего пункта нет в греч. и слав. Добротолюбии.

[2] Сего пункта нет в греч. и слав. Добротолюбии

[3] В Добротолюбии греч. и слав. 64; 67-й здешний, там 65... и т.д.

67. Предавший себя в рабы своим по Богу отцам не станет ради страха мук избирать из повелеваемого то, что облегчало бы болезнь сердца его и разрушало узы страха, и тех не послушает, которые дружески, или льстительно, или повелительно поощряли бы его к тому. Но паче предпочтет то, что возращало бы сию болезнь, возжелает того, что крепче стягивало бы сии узы, и возлюбит то, что делало бы более сильным палача. В таких расположениях пребудет он навсегда, не питая надежды когда-либо совсем освободиться от заслуженных крайностей; ибо надежда избавления делает болезнь сердца легчайшею, что не полезно теперь кающемуся.

68. Всякому, начавшему жить по Богу, полезен страх мук и порождаемая им болезнь сердца. Кто же без такого болезнования и без таких уз страха думает положить начало (доброй жизни), тот не на песке только полагает основание своих деяний, но мечтает построить дом на воздухе без основания, что конечно невозможно. Между тем болезнование то скоро порождает всякую радость, узы сии разрывают узы всех грехов и страстей, и палач сей не смерти, а вечной жизни бывает виновником.

69. Кто не станет уклоняться и бегать сердечного болезнования, порождаемого страхом вечного мучения, но будет последовать ему произволением сердца (следовать с ним по доброму пути или последовать решениями произволения с сочувствием сердца тому, что внушает оно со страхом) и по мере успеха все более и более стягивать себя узами его, тот поспешнее будет шествовать. Оно представит его и пред лице Царя царствующих. И когда сие будет, тогда, лишь только воззрит он, еще не так ясно, на славу Его, тотчас разрешатся узы его, страх — палач — далеко отбежит от него и сердечное болезнование его преложится в радость, которая сделается в нем живым ключом или бьющим источником, источающим всегда чувственно реки слез, а духовно — тишину, кротость и неизреченное услаждение, но при этом и мужество с готовностью свободно и невозбранно тещи ко всякому исполнению заповедей Божиих, что для новоначальных еще невозможно, а свойственно восшедшему к средине преуспеяния; для тех же, кои подходят

к совершенству, источник сей бывает светом при внезапном изменении и преложении сердца.

70. Имеющий в себе свет Всесвятого Духа, не в силах бывая стерпеть зрение Его, падает на землю ниц, взывает и вопиет в ужасе и страхе великом, как увидевший и испытавший нечто такое, что выше естества, выше слова и разума. И бывает он подобен человеку, у которого от чего-нибудь возгорались внутренности огнем, от которого жегомый и жжения пламени не могши терпеть, становится он весь измученным и совсем не имеющим силы быть в себе. Но будучи непрестанно орошаем слезами и ими прохлаждаем, еще сильнее воспламеняется он огнем желания Божественного, а от этого слезы еще обильнее у него текут, и он, будучи омываем излиянием их, еще блистательнее сияет. Когда же, весь разжегшись, станет он, как свет, тогда исполняется на нем сказанное (Богословом): «Бог с богами соединяем и ими познаваем» (так Бог соединяется с обожаемыми от Него и Его познающими), и притом в такой, может быть, степени (исполняется сие на нем), в какой соединился он уже с Сочетавшимся с ним и в какой оказался познавшим Его.

71. Прежде плача и слез, — никто да не прельщает нас пустыми словами, и сами себя да не прельщаем, — нет в нас покаяния, ни истинного намерения перемениться, ни страха Божия в сердцах наших; не сознали еще мы себя виновными и не осудили, и душа наша не была еще в чувстве будущего суда и вечных мук. Ибо если б мы осудили себя, если б возымели такие движения сердца, если б были в таких чувствах, то тотчас извели бы и слезы. Без этого же ни жестокосердие наше никак не может умягчиться, ни душа наша стяжать духовное смирение, ни мы не в силах сделаться смиренными. А кто не таков, тот не может соединиться с Духом Святым; не соединившийся же с Ним через очищение себя от всего страстного, созерцания Бога и боговедения сподобиться не может, и недостоин сокровенно научаемым быть добродетелям смирения.

72[1]. Сначала от плача по Богу бывает смирение; от него приходят потом радость и веселие неизреченные; окрест же смирения по Богу вырастает надежда спасения. Ибо чем кто грешнейшим всех людей считает себя от всей души, тем более вместе с смирением разрастается в нем надежда, цветет внутрь сердца его и исполняет его удостоверением, что он несомненно имеет быть спасен посредством смирения.

73. Чем более кто нисходит в глубину смирения и осуждает себя самого, как недостойного спасения, тем более плачет и изводит источники слез; по мере слез и плача источается в сердце его духовная радость, а вместе с нею соисточается и совозрастает надежда и дает вернейшее удостоверение во спасении.

74. Всякому надлежит рассматривать себя и внимать себе разумно, чтоб ни на надежду одну не полагаться без плача по Богу и смирения, ни опять на смирение и слезы не полагаться без споследования им надежды и радости духовной.

75. Есть мнимое смирение, происходящее от нерадения и лености, и от сильного осуждения совести. Возымевшие его нередко почитают его виною спасения, но оно не есть таково поистине, потому что не имеет радостотворного плача, который бы соединен был с ним.

76. Бывает и плач без духовного смирения, и те, которые плачут таким образом, тоже думают, что такой плач очищает грехи, но они тщетно обманывают себя, потому что лишены бывают сладости Духа, таинственно порождающейся в мысленном сокровище — хранилище души, и не вкушают благости Господа. Почему таковые скоро воспламеняются гневом и не могут совершенно презреть мира и то, что в мире. А кто не презрит сего совершенно и не стяжет ненависти к сему от всей души, тот никогда не возможет стяжать твердую и несомненную надежду спасения, но всегда мается сомнением туда и сюда, так как не основал надежды своей на камне.

---

[1] Сего нет в греческом Добротолюбии и следующих глав до 78-й.

77. Плач двоякое имеет действие: и, как вода, погашает слезами весь пламень страстей и омывает душу от скверны, причиняемой ей ими; и опять, как огонь, присутствием Святого Духа животворит, согревает и обнимает сердце и воспламеняет в ней любовь и вожделение к Богу.

78. Внимай себе и познай действия, происшедшие в тебе от смирения и плача, и замечай, какую пользу приносят они тебе каждый час. В новоначальных же и такая еще бывает от них польза — отвержение всякой земной заботы и пристрастия и отречение от всех людей, родителей, родных и друзей — беспопечение и презрение всех вещей, денег и всего, не только до последней нитки, но даже и до самого тела своего.

79[1]. Притворяющихся добродетельными и иными являющихся по внешнему виду, иными же бывающих по внутреннему человеку — исполненных иной раз всякой неправды, полных зависти, рвения и зловония сластей чувственных — многие почитают, как бесстрастных и святых, имея неочищенным око души (чтоб познать их прямо) и сие в состоянии будучи познать их по плодам их; а тех, которые живут в благоговеинстве, добродетели и простоте сердца, и суть воистину святы, не отличают от прочих людей, мимоходят их с небрежением и вменяют ни во что.

80. Говоруна и показливого такие почитают более учительным и духовным, а молчаливого и блюдущегося от празднословия почитают дикарем, необразованным и безгласным.

81. От того, кто говорит в Духе Святом, высокоумные и недугующие диавольскою гордынею отвращаются, как от высокоумного и горделивого, будучи словами его паче поражаемы, чем приводимы в умиление и сокрушение; а того, кто мелет, как жернов, и говорит от чрева своего или по науке, хвалят и принимают, хотя он о деле спасения все лживо толкует. Таким образом, между такими никого, кто бы мог добре и как есть на самом деле распознать и видеть (людей или дело спасения).

---

[1] В Добротолюбии греч. и слав. 70.

82. *Блажени,* говорит Бог, *чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Чистым же сердце делают не одна, не две, не десять добродетелей, а все вместе, слившись, так сказать, во едину добродетельность, достигшую последних степеней совершенства. Однако ж и в таком случае добродетели одни не могут сделать сердца чистым, без воздействия и присещения Духа Святого. Ибо как ковач, как бы искусно ни умел он действовать орудиями, ничего не может сработать без содействия огня, так и человек пусть все делает со своей стороны (для очищения сердца), пользуясь для сей цели добродетелями, как орудиями, но без присещения огня Духа, все делаемое им останется бездейственным и бесполезным для его цели, так как это одно не имеет силы очищать нечистоту и скверну души.

83. В Божественном крещении мы получаем отпущение прегрешений, освобождаемся от прародительской клятвы и освящаемся наитием Святого Духа, но совершенную благодать, как она означается в словах: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16), не тогда получаем. Ибо это есть достояние совершенно утвержденных в вере и доказавших ее делами. Если же мы по крещении уклоняемся на скверные и злые дела, то совершенно теряем и самое освящение. И уже покаянием, исповедью и слезами, соответственно делам, получаем опять сначала отпущение прегрешений, а потом и освящение вышнею благодатию.

84. Через покаяние совершается отмытие скверны прежних непотребных дел, а после такого очищения бывает причастие Святого Духа; но не просто, а в силу веры, расположения (крепкой решимости стоять не падая) и смирения кающихся от всей души; и не только после проявления таких расположений, но и после того, как получится разрешение грехов от духовного отца и восприемника. Почему хорошо каждодневно каяться, как повелевает заповедь. Ибо слова: *покайтеся, приближибося Царствие Небесное* (Мф. 3, 2) возлагают на нас делание, не ограничиваемое определенным временем, а всегдашнее.

85. Благодать Всесвятого Духа дается уневестившимся Христу душам, как обручение или залог. И как жена без обручения не имеет твердой уверенности, что несомненно сочетается

некогда с мужем, так и душа никогда не восприимет верного удостоверения, что будет вечно сопребывать с Владыкою своим и Богом, или таинственно и неизреченно сочетаваться с Ним и наслаждаться неприступною красотою Его, если не получит обручения или залога благодати Его, и не возымеет в себе сознательно Его самого.

86. Как обручение не бывает надежно, пока согласительные бумаги, в коих пишутся условия брака, не будут подписаны достойными веры свидетелями, так не бывает твердо воссияние благодати прежде делания заповедей и стяжания добродетелей. Ибо, что суть при заключении условия свидетели, тем при духовном обручении бывает делание заповедей и добродетелей: через них всякий имеющий спастися получает совершенное обладание обручением (благодатию Святого Духа).

87. Сначала как бы пишутся брачные условия деланием заповедей, потом добродетелями они запечатлеваются и подписываются; и тогда Жених Христос невесте-душе дает перстень, то есть обручение Духа.

88. Как невеста прежде брака получает от жениха только залог обручения, условленное же приданое и прочие обещанные дары ожидает получить после брака; так и невеста Христова — Церковь верных и душа каждого из нас сначала получает от Жениха Христа только обручение Духа, вечные же блага и Небесное Царство чает получить по исходе отсюда, будучи удостоверяема в том залогом обручения, который показывает ей все то, как в зеркале, и подтверждает несомненность получения того, на чем состоялось соглашение ее с Владыкою своим и Богом.

89. Как если невеста, разгневавшись по тому случаю, что жених замедлил в отлучке или, будучи занят другими делами, отложил на время совершение брака, презрит любовь его и брачный договор или изгладит, или раздерет; то вместе с сим тотчас лишается и всех надежд, столь многое обещавших ей от жениха, так обыкновенно бывает и с душою. Ибо когда кто из подвизающихся, сказав себе: доколе же должен я злострадать (терпеть всякие лишения), вознебрежет о подвижнических трудах и подвигах, и через нерадение о заповедях и оставление всегдашнего

покаяния как бы изгладит и раздерет свои с Господом условия, то вместе с сим тотчас лишается и залога обручения (благодати) и совершенно теряет всякую надежду на Бога.

90. Как невеста, обратив к другому любовь, какою обязана к обрученному с нею жениху, и начав жить с ним явно или тайно, не только не получает ничего из обещанного ей женихом, но должна ожидать и достойного наказания и позора по закону, так тоже бывает и с нами. Ибо, если какая душа явно или тайно преложит любовь к Жениху Христу на возлюбление какого-либо другого предмета и сердце ее будет завладено им, то бывает ненавистна и омерзительна Жениху и недостойна сочетания с Ним. Ибо Он сказал: *Аз любящие Мя люблю* (Притч. 8, 17).

91. По таким признакам каждому надлежит распознавать, получил ли он обручение Духа от Жениха и Владыки Христа. Если получил, да потщится держать сие и хранить; а если еще не сподобился получить, да потщится посредством дел благих, благопотребных деланий и теплого покаяния поскорее получить его и потом сохранять деланием заповедей и приумножением добродетелей.

92[1]. Обручение Святого Духа неизъяснимо и для того, кто стяжал его, так как оно постигается непостижимо, держится недержимо, видится невидимо; живет, глаголет и движет того, кто стяжал его; отлетает из таинницы, в коей пребывает запечатленным, и опять обретается там нежданно, тем образует убеждение, что оно как присещения своего не делает утвержденным однажды навсегда, так отшествия своего — невозвратным, после которого уже не возвратилось бы. Таким образом, стяжавший его и когда не имеет его (присущим осязательно), есть как бы имел его, и когда имеет его, в таком находится расположении, как бы не имел его.

93. Как если когда кто, стоя в доме будто ночью при дверях и окнах, со всех сторон заключенных, отворит одно какое окно, то свет внезапно обдает его блестящим сиянием, и он, не вынося такого сияния, тотчас закрывает очи свои, закутывается

---

[1] Глав 92-94 нет в Добротолюбии.

и прячется: так и когда душа, заключенная отвсюду в чувственное, выглянет как-нибудь умом своим, как сквозь окно, во внечувственное и облистается сиянием сущего внутрь ее обручения Святого Духа, то не вынося блистания Божественного непокровенного света, тотчас трепетать начинает умом своим, вся прячется в саму себя и убегает как бы в дом какой, под покров чувственного и человеческого.

94. *Вважет ли кто огнь в недра,* говорит премудрый Соломон, *риз же (своих) не сожжет ли?* (Притч. 6, 27). А я говорю: кто, прияв внутрь сердца своего непокровенный небесный огнь Духа Святого, не возгорится и не облистается, не воссияет и не возымеет облистаний Божества, в меру своего очищения и восприятия огня? Ибо восприятие огня идет вслед за очищением сердца, и опять очищение сердца идет вслед за восприятием огня, то есть сколько очищается сердце, столько приемлет и Божественной благодати, и опять: сколько приемлет оно благодати, столько и очищается. Когда же завершится сие (и очищение сердца, и приятие благодати достигнуть совершенства и полноты), тогда человек весь всецело бывает бог по благодати.

95[1]. Как в доме кровля держится на основании с прочим зданием, а основание (с прочим зданием) кладется для держания кровли, поелику то и другое необходимо и благопотребное — и ни кровля обыкновенно не устрояется без основания (с прочим зданием), ни основание (с прочим зданием) без кровли не составляет жилища, годного для жизни; так и в душе благодать Святого Духа блюдется исполнением заповедей, а исполнение заповедей полагается, как основание для получения дара благодати Божией, и ни благодать Святого Духа обыкновенно не остается в нас без исполнения заповедей, ни исполнение заповедей Божиих не бывает благопотребно и полезно без благодати Божией.

96. Как дом бескровный, оставленный таким по нерадению здателя, не только не гож ни к чему, но еще служит в посмеши-

---

[1] В Добротолюбии этому месту соответствует глава 83.

ще здателю; так и положивший основание исполнением заповедей и стены высоких добродетелей воздвигший, если не получит и благодати Святого Духа с видением и ощущением того душевным, несовершен есть и составляет предмет сожаления для совершенных. А лишен благодати бывает таковой по следующим двум причинам: или потому, что пренебрег покаянием, или потому, что, возмалодушествовав пред полным стяжанием добродетелей, как делом безмерно великим, оставил некоторые из них, которые, однако ж, хотя кажутся нам маловажными, но существенно необходимы для полного устроения и окончания дома добродетелей, так как невозможно, чтоб без них дом сей покровен был благодатию Святого Духа.

97. Если Сын Божий и Бог для того снисшел на землю, чтоб посредничеством Своим примирить с Отцем Своим нас, сущих врагов Ему, и с Собою сочетать нас осязательно посредством Святого и единосущного Духа своего, то лишающийся такой благодати какую другую получит? Всеконечно таковой ни с Тем (Отцем) не примирился, ни с Сим (Сыном) не имеет сочетания благодатию Святого Духа.

98. Соделавшийся причастным Божественного Духа от страстных похотей и сластей избавляется, а от естественных потребностей телесных не освобождается. Почему как освободившийся от уз страстного похотения, вкусивший бессмертной славы и сладости и сочетавшийся с нею понуждается непрестанно возноситься горе и с Богом пребывать, не позволяя себе даже на мгновение отступить от созерцания Его и ненасытного Им наслаждения; а как связанный телом и тлением, отторгается им от горнего, влечется долу и возвращается к земному. Тогда такая бывает у него печаль о сем (разлучении с горним), какую, полагаю, испытывает душа грешника, разлучающаяся с телом.

99. Как для телолюбивого и жизнелюбивого, для сластолюбивого и миролюбивого разлучение с сими предметами его любви есть смерть: так для любителя чистоты и Бога невещественного и добродетели воистину смерть есть даже малое отступление от них сердцем. Ибо если видящий чувственный

свет, когда смежит очи свои сам или другой кто закроет ему их, тяготится, скорбит и долго сносить этого не может, особенно если он смотрел на предметы нужные и дивные; не тем ли паче просвещаемый Духом Святым и видящий ясно в видении наяву и мысленно, в бодрственном состоянии и во сне, те блага, которых око не видало, о которых ухо не слыхало, которые на сердце человеку не всходили, и в которые сами Ангелы Божии желают проникнуть, будет печалиться и скорбеть, если чем-нибудь будет отторгнут от созерцания их? Ибо это праведно кажется ему смертию и отчуждением от жизни вечной.

100. Одни ублажают пустынную жизнь, другие общежительную, третьи начальственную, чтоб предстоять народу, вразумлять его и учить и устроять церкви, от которых обыкновенно многие питаются и душевно и телесно. Я же не желал бы предпочтение дать никакой из них пред другими, ни сказать, что та достойна похвалы, а эта — порицания. Во всяком образе жизни преблаженна жизнь, во всех делах и деяниях ведомая для Бога и по Богу.

101. Как обыкновенная жизнь человеческая строится и течет под взаимодействием разных житейских предприятий, мастерств и искусств, то есть, один одно, другой другое делает и приносит другим на потребы, и, таким образом, друг другу передавая и друг от друга принимая, живут люди, удовлетворяя естественные свои телесные потребности: так то же самое можно видеть и в духовной жизни — один одну добродетель проходит, другой другую; один такой путь жизни избирает, а другой — другой, но все вместе текут к единой цели, друг другу содействуя.

102. Цель всех по Богу живущих есть — благоугодить Христу Богу нашему и примириться с Богом Отцем через приятие Святого Духа, и таким образом устроить свое спасение, ибо в этом состоит спасение всякой души. Если этого нет у нас (в цели и действии), то тщетен всякий другой труд и суетно всякое другое делание наше. Бесполезен всякий путь жизни, не ведущий к сему того, кто течет по нему.

103. Оставивший мир весь и в гору удалившийся на безмолвие, и оттуда тщеславно пишущий к сущим в мире, одних ублажая, другим ласкания и похвалы расточая, подобен тому, кто, разведшись с женою блудною, непотребною и всезлобною, и отшедши на страну далеко, чтоб изгладить и самую память о ней, забыл потом о сей цели, для которой удалился на страну — в гору; и пишет с вожделением к тем, которые обращаются с тою женою, или прямее сказать, оскверняются, и ублажает их. Таковой, хотя телом не оскверняется, но сердцем и умом всячески оскверняется, как бы сочувствуя тем произволением в их связи с тою женою.

104. Сколько живущие среди мира и очищающие чувства и сердца свои от всякой греховной похоти достойны похвалы и ублажения, столько же живущие в горах и пещерах и вожделевающие похвал и ублажений от людей достойны порицания и отвержения. Таковые пред Богом, испытующим сердца, равны прелюбы творящим. Ибо страстно желающий, чтоб его жизнь, имя и дела слышны были в мире, любодействует от Бога, по образу древнего народа Иудейского, как говорит Давид.

105. С несомненною к Богу верою отрекшийся мира и всего, что в мире, верует, что милостивый и щедрый Господь приемлет приходящих к Нему в покаянии, и ведая, что Он рабов Своих через бесчестие возводит к чести, через крайнюю нищету обогащает их, через поношения и уничижения прославляет, через смерть соделывает наследниками и причастниками жизни вечной, посредством их (бесчестья, нищеты и пр.) усиливается тещи, как олень жаждущий, к бессмертному источнику, и по ним восходит к горнему, как по лествице, по коей Ангелы восходят и нисходят на помощь восходящим, а Бог восседит вверху ее, ожидая наших посильных трудов и усилий не потому, чтоб Ему радостно было видеть нас трудящимися, но потому, что, человеколюбив будучи, желает награду нам даровать, будто долг.

106. Бог не попускает тем, которые всеусердно текут к Нему, совсем ниспасть (с той лествицы), но, видя их изнемогающими, содействует им и помогает, простирая к ним свыше руку силы

Своей и к Себе возводя, содействует и явно и неявно, и ведомо и неведомо, пока они, прошедши всю лествицу, к Нему самому приблизятся, и всецело с Ним соединясь, забудут все земное, с Ним сопребывая там и сожительствуя, аще в теле, аще ли кроме тела, не вем, и неизреченных наслаждаясь благ.

107. Праведно есть прежде игу заповедей Христовых подклонить нам выи свои, ни в сторону не уклоняясь, ни вспять не возвращаясь и не отставая, но право и усердно шествуя в них даже до смерти, паче и паче обновляя себя и новым воистину делая себя Божиим раем, пока со Отцем Сын через Духа Святого внидет и станет обитать в нас. И тогда уже, когда таким образом стяжем Его себе жителем и учителем, тогда кому из нас повелит Он (взять на себя какое служение), и кому какое служение вверит, тому оно и да вручится; и он да ведет его так, как сие благоугодно Богу. Но прежде времени не следует сего служения искать, не следует и принимать его, когда дают его люди (сами от себя), но надлежит пребывать в заповедях Владыки нашего и Бога и ожидать повеления Его (взять на себя какое служение).

108. Если после того, как вверено нам будет служение в Божественных вещах, и мы потрудимся в нем достохвально, направлены мы будем Духом перейти на другое служение или делание, или дело, — да не сопротивляемся. Ибо Бог не хочет ни того, чтоб мы были праздны, ни того, чтоб оставались на одном и том же делании, с которого начали; но хочет, чтоб, преуспевая, все более и более подвигались к достижению лучшего, не своею однако ж, но Божиею руководясь в сем волею.

109. Старающийся умертвить свою волю должен творить волю Божию; вместо своей воли вводить в себя волю Божию, насаждать и внедрять ее в сердце свое. И при этом тщательно смотреть, прорастает ли насаждаемое и внедряемое, пустив в глубь корни; если проросло, и дало ствол, то ствол сей, будучи надрезан для принятия прививка, сросся ли с сим прививком и стал ли в одно с ним древо, затем, вырос ли прививок, расцвел ли и дал ли плод прекрасный и сладкий, чтоб не неведомы были ему и земля, прежде приявшая в себя семя, и корень, на

котором глубоко утвердилось сие непостижимое и неизреченное живоносное растение (перифраз; место очень темно).

110. Кто страха ради Божия отсекает свою волю, тому Бог, неведомо для него, так что он не знает, как то бывает, дарует свою волю и соделывает ее неизгладимою в сердце его, открывая при сем очи сердца его, чтоб он познал ее (что это Божия воля), и силу подавая исполнять ее. Творит же сие благодать Святого Духа, а без нее ничего не бывает.

111. Если ты получил прощение всех своих грехов, просто ли только через Таинство покаяния и исповеди, или с приятием при сем и святой ангельской схимы, то какой любви, какого благодарения и смирения должно быть сие для тебя источником — что, будучи достоин бесчисленных мук, ты не только избавлен от этого, но еще удостаиваешься сыноположения, славы и Царства Небесного?

Обращая сие в уме своем и всегда помня, будь готов и преднастрояйся к тому, чтоб не обесчестить собою Сотворшего тебя и почтившего, и бесчисленные простившего тебе согрешения, но всеми делами своими прославить Его и почтить, чтобы и Он тебя, почтенного Им паче всякой видимой твари (в творении), еще паче почтил в воздаяние за то (во благодати), и другом Своим искренним наименовал тебя.

112. Сколько душа честнее тела, столько разумный человек лучше и выше всего мира. Не на великость сущих в мире творений смотри, чтоб ради того думать, будто они честнее тебя, человек; но на данную тебе благодать воззрев, и достоинство умной и славной души своей уразумев, прославляй в песнях Бога, почтившего тебя паче всего видимого.

113. Будем смотреть и умудряться, как прославить Бога. Прославляется же Он нами не иначе, как так, как прославлен был Сыном. Но чем Сын прославил Отца своего, тем и Сам прославлен был от Отца. Будем и мы делать то же (что Сын) со тщанием, чтоб тем прославить Отца нашего, *Иже есть на небесех,* благоволившего так наименоваться, и от Него быть прославленными *славою* Сына, которую имел Он у Него *прежде мир не бысть* (Ин. 17, 5). Это суть — крест или умертвие всему

миру, скорби, искушения и другие страсти Христовы, которые перенося с полным терпением, подражаем мы Христовым страстям и прославляем тем Отца нашего и Бога, как сыны Его по благодати и сонаследники Христовы.

114. Душа, не освободившаяся совершенно от мирских навыков и пристрастия к видимым вещам, в самых чувствах и расположениях сердца своего не может беспечально переносить приключающихся ей печалей и находящих на нее напраслин и искушений от демонов и людей. Но как узами связанная пристрастием к человеческим вещам уязвляется ущербом в деньгах, тяжкою поражается скорбью от потери вещей и сильно болезнует о наносимых телу ее ранах.

115. Кто отторг душу свою от пристрастия и привязанности к чувственному и тесным союзом сочетал ее с Богом, тот не только равнодушен будет к сущим около его деньгам и вещам, и терпя потерю в них, будет беспечален, как бы они были не его, а чужие, но и самому телу его причиняемые боли будет переносить с радостью и подобающим благодарением, видя всегда, по слову божественного апостола, что когда внешний *человек тлеет обаче внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16). Иначе же с радостью переносить скорби по Богу невозможно. Потребны для сего ведение совершенное и мудрость духовная, — которых лишенный всегда ходит в тьме безнадежия и неведения, не имея никакой возможности видеть свет терпения и утешения (молитвы).

116. Всякий, мнящийся быть мудрым, потому что прошел все науки и сведущ во внешней мудрости, никогда не сподобится проникнуть в тайны Божии и увидеть их, если прежде не смирится и не сделается в чувствах сердца своего буиим, вместе с самомнением отвергая и приобретенную ученость. Ибо кто так поступает и с неколеблющеюся верою последует мужам мудрым в Божественных вещах, тот, будучи ими руководим, вместе с ними входит в град Бога живого, и Духом Святым наставляемый и просвещаемый, видит и познает то, чего никто из других людей видеть и познать не может. Так делается он богонаученным.

117. Богонаученных ученики мудрых века сего людей почитают буиими, между тем как сами воистину суть буии и наострились только по внешней премудрости объюродевшей, которую, по божественному апостолу, *обуи Бог* (1 Кор. 1, 20) и богословный глас признал земною, душевною, бесовскою, исполненною рвения и зависти (см. Иак. 3, 15). Таковые, будучи вне Божественного света, не могут видеть чудес, находящихся в нем, и тех, которые, водворяясь в сем свете, видят, что в нем и поучают тому, почитают прельщенными, между тем как сами прельщены и никогда не вкушали Божественных благ.

118. И ныне есть и среди нас вращаются люди бесстрастные, святые и исполненные Божественного света, которые так умертвили уды свои, сущие на земле, отребив их от всякой нечистоты и всякого страстного похотения, что не только сами от себя не помышляют делать что-либо худое, но и когда влекут их к тому другие, не терпят никакого изменения в присущем им бесстрастии. Их узнали бы и те, которые презрительно об них относятся и не верят им, когда они поучают о Божественных вещах в премудрости Духа, если б добре разумели Божественные словеса, каждодневно ими читаемые и поемые. Ибо если б они знали совершенно Божественное Писание, то веровали бы обещанным нам от Бога и дарованным благам. Но как они непричастны сих благ за свое самомнение и нерадение, то осуждают и тех, которые сподобились причастия их и учат о них, не веря им.

Примечание. Так в греческом Добротолюбии. В новогреческом эта глава перифразирована так: «Те, которые говорят, что во времена сии нет ни одного бесстрастного, и не верят тем, которые в премудрости Духа ведут беседы о Божественных вещах, если бы понимали Божественные слова, какие каждодневно читают и поют, узнали бы, что и ныне есть бесстрастные, святые и исполненные Божественным светом, и живут среди нас, отребив себя от всякой нечистоты и всякого страстного похотения, так что не только сами от себя не помышляют делать что-либо худое, но и когда другой кто влечет их к тому, не терпят никакого изменения в бесстрастии, которое в них. Но те, не зная Писаний, говорят, что ныне нет никого такого. Ибо если б разумели, как должно, Божественное Писание, то верили бы тем благам, которые Богом

нам обещаны и дарованы. Но как они непричастны таких благ по причине самомнения и нерадения своего, то, не веря им, охуждают и оклеветывают тех, которые сделались причастными их и учат о них».

119. Исполненные благодати Божией и совершенные в ведении и премудрости, которая свыше, для того только желают ходить в мир и видеть сущих в нем, чтоб напоминанием о заповедях Божиих расположить их к доброделанию и через то дать случай заслужить награду некую, если конечно послушают их, возьмут в толк и убедятся. Так как они, не Божиим водимы будучи Духом, во тьме ходят и не знают, куда идут, и преуспевают ли в каких заповедях; то (во благодати живущие идут к ним с показанными напоминаниями в желании и надежде) не воспримут ли они когда-нибудь истинного учения Святого Духа, воспрянув от обдержащего их самомнения, и искренно, а не с притворством и самохвальством, вняв воле Божией, не покаются ли, чтоб, исполнив ее, соделаться причастными какого-либо дарования духовного. Если же не случится им быть виновниками такой для посещаемых мирян пользы, то они, плача об ожесточении и ослеплении сердец их, возвращаются в свои келлии и начинают день и ночь молиться о спасении их. Ибо о другом чем не печалятся с Богом непрестанно пребывающие и преисполненные всякого блага.

120. Какая цель воплощенного домостроительства Бога Слова, которая во всем Божественном Писании проповедуется, но которой мы, читая сие Писание, не знаем? Не другая какая, как та, чтоб, приобщившись тому, что наше, соделать нас причастными того, что есть Его. Сын Божий для того соделался Сыном Человеческим, чтобы нас человеков соделать сынами Божиими, возводя род наш по благодати в то, что сам Он есть по естеству, рождая нас свыше благодатию Святого Духа, и тотчас вводя нас в Царство Небесное, или, лучше сказать, даруя нам иметь сие Небесное Царствие внутри нас (см. Лк. 17, 21), чтоб мы, не надеждою только войти в него питаясь, но уже в обладание им быв введены, взывали: *живот* наш *сокровен есть со Христом* в Боге (Кол. 3, 3).

121. Крещение не отъемлет самовластия и самопроизволения нашего, но дарует нам свободу от тиранства диавола, который не может уже более против воли нашей властвовать над нами. По крещении в нашей уже состоит воле или пребывать самоохотно в заповедях Того, в Кого крестились, Христа, Владыки и Бога, и ходить путем повелений Его, или, уклонясь от правого пути сего, опять возвратиться к диаволу, противоборцу и врагу нашему.

122. Те, которые по святом крещении повинуются хотениям лукавого и угодное ему творят, отчуждают себя от святых ложесн святого крещения, по сказанному Давидом: *очуждишася грешницы от ложесн* (Пс. 57, 4). Ибо каждый из нас не изменяется или не прелагается из естества, как создан, в другое. Но быв создан от Бога благим (ибо Бог ничего злого не сотворил), и пребывая непреложным по естеству и существу, как создан, что свободною своею волею произволяет и желает, то и делает, доброе ли то или злое. Ибо как нож, на зло ли кто его употребляет или на добро, не прелагается из своего естества в другое, но остается железом по естеству, так и человек действует и содевает, как сказано, что хочет, но из естества своего не выступает.

123. Не то спасает, если кто однажды и одному кому окажет милость, хотя то, если кто и одного презрит, повинным делает огню вечному. Ибо — *взалкахся и возжадахся* — сказано не про один случай и не про один день, но указывает на всю жизнь. Равным образом *напитасте, напоисте, одеясте* (см. Мф., гл. 25) и прочее, что следует, не на однократное дело указывает, но на всегдашнее и в отношении ко всем. Христос Господь и Бог нам заповедал, что Он такую милость Сам приемлет от рабов Своих (в лице нуждающихся).

124. Кто подал милостыню сотне нуждающихся, но, могши дать и другим, накормить и напоить многих, отказал умолявшим его и вопиявшим к нему, тот будет судим от Христа, как не напитавший Его. Потому что и в этих всех Он есть тот же самый, которого питаем мы в каждом из бедных.

125. Кто ныне всем нуждающимся все потребное для тела доставил, тот, если завтра, имея возможность то же сделать,

вознерадит о некоторых братиях и оставит их умирать с голода, жажды и холода, того самого оставил умирать, того самого презрел, Кто сказал: *понеже сотвористе единому сих... менших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40).

126. Того ради Господь благоволил восприять лице каждого бедного и каждому бедному Себя уподобил, чтоб никто из верующих в Него не возносился над братом своим, но, чтоб каждый, видя в брате своем Бога своего, почитал себя меньшим и худшим брата своего, как есть меньше Сотворшего его, и как Сего, принимал его и чтил, и в помощь ему готов был истощить все имение свое, как Христос и Бог наш истощил кровь Свою для спасения нашего.

127. Кому повелено иметь ближнего своего, как самого себя, тот конечно не один день, но всю жизнь свою должен иметь его таковым. Также и тот, кому заповедано давать всякому просящему, заповедь имеет всю жизнь свою поступать так. Равно как и от желающего, чтоб другие делали ему добро (всегда разумеется), требуется, чтоб он и сам то же делал для других.

128. Так как имеющий ближнего своего как самого себя не может дозволить себе иметь что больше ближнего, то если кто, имея, не раздает независтно, пока и сам не сделается бедным и не уподобится ближним своим, тот не оказывается точным исполнителем заповеди Владычной. Равным образом (не оказывается) хотящим давать всякому просящему тот, кто имеет хоть грош или кусок хлеба, отошлет ни с чем просящего у него или, не делая сам для ближнего, чего тот желает (отошлет), чтоб сделал для него это другой кто. Таким образом, и тот, кто всякого бедного и нищего кормил, поил, одевал и все другое для него делал, а презрел только одного и об одном понерадел, и этот сочтен будет презревшим Христа Бога, алчущего и жаждущего.

129[1]. Как иные заключают Христа Господа в одном бедном, тогда как Он нераздельно разделяется и есть весь во всяком бедном? Предположим теперь в уме своем, что сто бедных суть,

---

[1] Сего нет в Добротолюбии.

как один Христос, ибо Христос совершенно нераздельно пребывает. Кто потому дал по монете девяносто девяти бедным, а одного разбранил, прибил и выгнал ни с чем, кому тот, думаешь сделал это? Конечно, Самому Христу, Который сказал, говорит и всегда будет говорить: *понеже, сотвористе единому сих... менших, Мне сотвористе* (Мф. 25, 40).

130. Из сказанного видно, что Господь Себе усвояет и принимает за сделанное собственно для Него Самого, что сделано для бедных братий наших. И слово Господа: *ни Мне сотвористе,* не ограничивается только теми, к которым мы немилостивы были, ни теми, которых неоправдовали или которых собственностью покорыстовались, или которым наделали всякого рода других зол, но заключает и тех, которых мы презрели. И этого одного достаточно к нашему осуждению, потому что, презирая их, мы презираем Самого Иисуса Христа.

131[1]. Может быть, это всем покажется тяжелым, и они потому сочтут благословным говорить в себе: кто может до точности все это исполнить, чтобы всех удовольствовать и напитать, и отнюдь никого из них не оставить неудовлетворенным? Но да послушают они Павла, который ясными взывает словами: *любы* Христова *обдержит нас суждших сие* (2 Кор. 5, 14).

132. Как главные заповеди объемлют все заключающиеся в них частные заповеди, так и главные добродетели заключают в себе все частные объемлемые ими добродетели. Продавший, например, все свое и раздавший то бедным, и сделавшийся сам бедным, зараз исполнил все частные, относящиеся сюда, заповеди. Почему не имеет уже нужды просящему давать, и от хотящего занять у него не отвращаться. Таким же образом и непрестанную стяжавший молитву, в сем едином исполненными имеет все заповеди о молитве и не состоит уже под необходимостию седмерицею в день хвалить Господа или в вечер, заутра и полудне, как исполненными уже имеющий в себе все молитвы, какими молимся мы и какие поем по уставу в определенные времена и часы. Равно, сознательно имеющий в себе даю-

[1] Добротолюбие, 117.

щего ведение человекам Бога, все прошел Святое Писание, и как плод, собрал всю могущую от чтения его произойти пользу, и не имеет уже нужды в чтении книг. Ибо какую будет иметь в сем нужду тот, кто, стяжав собеседником себе Того, Кто вдохновлял писавших Божественные Писания, имеет печатлеемыми в себе от Него неизреченности сокровенных таин? Напротив, он сам будет для других вдохновенною книгою, носящею новые и древние тайны, написанные перстом Божиим в нем, как совершившем все и почившем в Боге от всех дел своих — что есть верх совершенства.

133. Бывающее во время сна истечение от многих обычно происходит причин: от чревонеистовства, от тщеславия и от зависти бесов. Но бывает и от долгого бдения, вследствие которого тело разнеживается во сне, и от страха, когда страшится кто, как бы не пострадать сего, или ради Божественной литургии, которую имеет совершать, будучи иереем, или ради святого причастия (к коему готовится, будучи простым братом). С занятым такими помыслами на одре своем, с боязнию, как бы сего не пострадать, бывает, что он лишь только заснет, как страждет то: что самое также происходит по зависти демонов. И вот еще что бывает: иной увидит днем красивое лицо и нарисует его в мысли, потом отходит ко сну с блудными помыслами, по расслаблению не отогнав их, и подпадает истечению во сне, а иногда и не заснувши еще, лежа на одре. Бывает и так: сидят иные нерадивые, подобно мне, и разговаривают о страстных движениях, страстно или бесстрастно; потом и отходя ко сну, вращают такие образы в уме своем и засыпают в сочетании с ними, во сне и подвергаются сказанной неприятности; может же быть, что еще во время беседы один из них приял вред от другого. Почему внимать должно самим себе всегда и поучаться в слове пророка: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8), и слух заграждать от таковых словес. Иные нередко подвергались плотским движениям, когда упразднялись от молитвы (оставляли молитву), как мы показали и в главе о молитве.

134[1]. Ни к тому, кто богословствует, не идет покаяние, ни к тому, кто кается, не идет богословствование. Ибо сколько отстоит восток от запада, столько богословие выше покаяния. Кто находится в состоянии покаяния и воистину творит дела покаяния, тот себя имеет, как человек больной, день за днем проживающий среди разнемоганий, или как бедный, одетый в рубища и просящий милостыню. А кто богословствует, тот походит на человека, который проводит время в царских палатах, в светлом царском уборе, всегда находится близ царя, беседует с ним и от него самого слышит ясно повеления его и все, чего он хочет (разумеется состояние созерцания, а не научное богословствование).

135. Умножение познания Бога бывает причиною умаления знания всего другого. То есть чем больше кто познает Бога, тем больше оскудевает в знании всего прочего. И не только это (бывает с ним), но он все больше и больше приходит в сознание, что не знает и Самого Бога. Обилие воссияния Его в духе бывает совершенным Его невидением, и выше чувства воспаряющее чувство — нечувствием всего того, что вне. И как может быть и называться чувством такое чувство, которое не знает, что такое есть, каково и где есть то, в чем оно пребывает, и узнать то или понять совершенно не может? Да и как возможно, чтоб подлежало чувству то, чего око не видало, о чем ухо не слыхало и что на сердце человеку не всходило?

136. Дарующий нам то, что выше чувства, дает нам благодатию Святого Духа и другое чувство выше чувства, чтоб мы им чувствовали чисто и ясно дары Его и дарования, кои выше чувства.

137. Кто глух к слову Бога, тот глух и ко всякому гласу Его; как, напротив, кто слышит слова Бога, тот слышит (способен слышать) их все (всякие слова Божии), и никого он не слышит, кроме тех, которые говорят слова свои (поучения) благодатию Слова, и не их слышит он, но только слово, которое безгласно говорится голосом их.

---

[1] С сей главы до главы 182 включительно в Добротолюбии нет. Следующие за предыдущею главы Добротолюбия, 120–152, заимствованы из глав Симеона, духовного отца его, которые помещаются вслед за сим.

138. Когда ты долу — в земном, тогда не исследуй того, что горе, то есть небесного; и восходя горе, прежде, чем достигнешь верха, не любопытствуй дольнего, чтоб, поскользнувшись, не упасть, или лучше сказать, чтоб не оставаться долу (мняся восходити горе).

139. Кто обогатился небесным сокровищем, разумею, пришествием и вселением в него Христа, Который сказал: Аз *и Отец приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23), тот знает знанием душевным (опытно, сознанием, чувством) какую получил радость, каковое сокровище имеет в царских сокровищницах сердца своего. Беседуя с Богом, как друг с другом, с дерзновением стоит он пред лицем Того, Кто обитает в нем во свете неприступном.

140. Кто верует тому, что я сказал, тот блажен. Кто деятельно подвизается посредством священных подвигов достигнуть ведения о том (опытно познать то), тот треблажен. Кто посредством делания и созерцания достиг высоты такого состояния и как сын дошел до Самого Бога, тот, чтоб не сказать нечто большее, есть Ангел.

141. Как тот, кто стоит на берегу моря, видит безмерную пучину вод, но предела их не досягает зрением, а видит только малую некую часть их, так и тот, кто сподобился через созерцание узреть безмерное море славы Божией и видеть мысленно Самого Бога, видит умными очами Бога и бездну славы Его, не всю, сколько ее есть, но лишь столько, сколько сие возможно для него.

142. Как тот, кто находится близ моря, не только видит его, но и в самые воды его входит, сколько хочет; так бывает и духовно (с достигшими совершенства духовного), что они, когда хотят, входят в свет Божий и созерцают его и причащаются его сознательно в миру подъятых трудов, усилий и желательных стремлений.

143. Как тот, кто стоит на берегу моря, пока находится вне воды, все видит вокруг и обозревает пространство моря; когда же начнет входить внутрь воды и погружаться в нее, тогда чем больше сходит в нее, тем больше ничего не видит вне ее, так и те, которые сделались причастными Божественного света, чем

более преуспевают в познании Бога, тем в большее, соответственно тому, приходят неведение (всего, что вне Бога).

144. Как тот, кто входит в воду моря по колено или до пояса, ясно видит все, находящееся вне воды, а когда низойдет в глубь и станет весь под водою, ничего уже не может видеть, что вне, и одно только знает то, что он весь в глубине моря, то же бывает и с теми, кои возрастают в духовном преспеянии и восходят в совершенство видения и созерцания.

145. Преспевающие в духовном совершенстве, когда просвещаются или осияваются в уме, тогда видят мысленно славу Господа и научаемы бывают мысленно Божественною благодатию ведению за ведением, восходя от созерцания сущего к познанию того, что воистину есть выше всего сущего.

146. Приближающиеся к совершенству, видя только еще отчасти беспредельность (духовных вещей) и сознавая непостижимость того, что видят, удивляются и приходят в изумление, а чем более входят они, неведомо как, в свет ведения, тем более сознают свою немощь. То, что является им некоторым образом примрачно, показывает себя как бы зерцалом в гадании, и отчасти осиявая ум, мыслящий о том, когда благоволит явить себя в большем свете и соединиться по причастии с тем, кто им освещается, вовлекая всего его в себя так, что он бывает весь во глубине Духа, как бы в глубине безмерных светлых вод, тогда он восходит неизъяснимо в совершенное неведение, как вступивший туда, где все выше ведения.

147. Ум наш, будучи прост, когда обнажится от всякого стороннего помышления и внидет в простой свет Божий, тогда, будучи объят и сокрыт весь сим светом, не может уже встретить ничего кроме того света, в коем находится, чтоб подвигнуться к помышлению о том, но пребывает внутри Божественного света, не бывая попускаем посмотреть вовне. И сие-то показывает изречение: Бог свет есть и свет высочайший; почему когда бывает сказанное выше, тогда последует успокоение (почитие) всякого созерцания.

148. Тогда приснодвижный ум становится недвижимым и немыслящим — без мыслей, когда весь покроется Божественным

облаком и светом, пребывая однако ж в сознательном созерцании и чувстве, и вкушая те блага, среди коих находится. Глубины Святого Духа не таковы, как глубины воды морской, но они суть живая вода вечной жизни. Все, что находится там, в глубинах Святого Духа, непостижимо и неизъяснимо. Ум входит внутрь того, после того как минует все видимое и мысленное, и среди тех непостижимых вещей недвижно движется и вращается, живя паче жизни в жизни, будучи светом во свете, и не светом, поколику есть сам в себе. Тогда он видит не себя самого, но Того, Кто есть выше его, и будучи изменяем мысленно от тамошней славы, становится совсем не знающим себя самого.

149. Достигший в меру совершенства бывает мертв и не мертв, а живущ паче жизнию в Боге, с Коим пребывает, так как он не живет более сам по себе, как говорит апостол: *живу же не ктому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Бывает он также слеп и не слеп; он смотрит не естественными очами, так как стал выше всякого естественного зрения, получив новые очи, несравненно лучшие естественных очей, коими и смотрит выше естества. Бывает бездействен и недвижим, как исполнивший всякое собственное действие. Бывает немыслящ, как соделавшийся едино с Тем, Кто выше всякой мысли, и почивший там, где нет места действию ума, то есть движению его в воспоминании или помысле, или размышлении. Не имея возможности постигнуть и познать непостижимое и дивное, он некоторым образом опочивает на сем совершенным почитием, оным недвижением блаженного нечувствия, то есть нелюбопытно наслаждаясь неизъяснимыми благами, с чувством однако и верным, и определенным.

150. Кто не сподобился достигнуть в такую меру совершенства и проникнуть до таких благ, тот пусть винит себя одного, а не говорит в извинение, что это дело невозможно или что бывает в нас совершенство, такое однако ж, о котором мы и не знаем. Удостоверяем будучи Божественным Писанием, да ведает он, что дело сие возможно, и в истинной своей силе бывает в действительности, и совершается заведомо с сознанием его, но по причине неисполнения и нарушения заповедей

Божиих всякий собственно сам себя лишает таких благ, соответственно своей неисправности.

151. Бог от начала сотворил два мира, видимый и невидимый, и царя над видимым, который носит в себе характеристические черты обоих миров — одного в своей видимой части, а другого в части мысленной — в душе и теле. В этих мирах сияют и два солнца, это — видимое, и другое — мысленное. И что есть для видимого и чувственного солнце, то есть для невидимого и мысленного Бог, Который есть и именуется солнцем правды. Чувственный мир и все, что в нем, освещается чувственным сим и видимым солнцем, а мир мысленный и те, которые находятся в нем, освещаются и осияваются мысленным солнцем правды. И чувственное освещается чувственным солнцем, а мысленное — мысленным раздельно, особо одно от другого, так как не смешаны и не слияны между собою ни мысленное с чувственным, ни чувственное с мысленным.

152. Из всего видимого и мысленного только один человек создан от Бога двояким. У него есть тело, составленное из четырех стихий, чувство и дыхание; и душа мысленная, не вещественная, не телесная, соединенная неизреченно и неисследованно, срастворенная неслиянно, и сочетанная несмесно с тем, что есть в теле. И вот что есть человек — животное смертное и бессмертное, видимое и невидимое, чувственное и мысленное, способное видеть видимое творение, и познавать мысленное. Как два солнца раздельно действуют каждое на свой мир, так раздельно действуют они и на каждую сторону человека: одно освещает тело, а другое душу, и каждое подает из собственного своего света соответствующей себе стороне или богато, или скудно, сколько может вместить освещаемый.

153. Чувственное солнце видимо, но не видит; мысленное же солнце и зримо бывает достойными, и само зрит всех, паче же тех, которые на него смотрят. Чувственное солнце не говорит и ни кому не дает силы и способности говорить; мысленное же солнце и само говорит друзьям своим, и всем дает способность и силу говорить. Чувственное солнце, светя на чувственный сад, иссушает только теплотою лучей своих сырость земную,

а не насыщает и не ботит растений и семян; мысленное же солнце, когда воссияет в душе, оба сии оказывает действия: иссушает сырость страстей, очищая вместе скверноту и зловоние, происходящие от них, и сообщает мысленной земле души удобрение (жирною делает), то есть Божественную благодать, коею будучи насыщаемы, произрастения добродетелей мало-помалу возрастают в довольстве.

154. Чувственное солнце, восходя, освещает чувственный мир, и все, что в нем: людей, зверей и прочее все, над которыми одинаково простирает свет свой, царствует в полдень, затем опять скрывается, оставляя во тьме те места, над которыми светило. Солнце мысленное, воссияв, всегда светит, невместно вмещаясь все во всем, и вместе отособляясь от тварей своих, и неотделимо отдельно пребывая от них, будучи все во всем и не будучи нигде в тварях своих исключительно (так чтобы не быть в других местах). Оно — все в видимом и все в невидимом, — все всюду присуще и нигде — все исключительно.

155. Христос есть начало, средина и конец. Он есть и в первых, и в средних, и в последних, и как есть в первых, так и во всех. Для Него нет разности между сими, как *несть* у Него ни варвар, ни скиф, *ни еллин, ни иудей..,* но всяческая и во всех Христос (Гал. 3, 28).

156. Святая любовь, проникая всех от первых до последних, от головы до ног, всех с собою сочетает, сцепляет, связывает и единит, и делает их крепкими и непоколебимыми. Будучи познаваема, она открывается каждому из них одною и тою же. Она есть Бог, с коим и последние бывают первыми, и первые, как последние.

157. Как мысленные чины Небесных Сил освещаются Богом по порядку, так что Божественное светолитие проникает из первого чиноначалия во второе, из этого в третье и так во все: так и святые, будучи освещаемы святыми Ангелами, связуемы и соединяемы союзом Святого Духа, делаются равночестными с ними и подобными им. Затем святые, которые являются из рода в род, от времени до времени, после святых, предшествовавших им, посредством исполнения заповедей Божиих при-

цепляются к ним, к тем прежним, и, получая благодать Божию, осияваются подобно им, — все же последовательно составляют таким образом некую златую цепь, каждый будучи особым звеном сей цепи, соединяющимся с предыдущим посредством веры, добрых дел и любви, — цепь, которая, утверждаясь в Боге, неудоборазрываема есть.

158. Кто не изволяет со всею любовию и желанием в смиренномудрии соединиться с самым последним (по времени) из всех святых, имея к нему некое неверие, тот никогда не соединится и с прежними, и не будет вчинен в ряд предшествовавших святых, хотя бы ему казалось, что он имеет всю веру и всю любовь к Богу и ко всем святым. Он будет извержен из среды их, как не изволивший в смирении стать на место, прежде век определенное ему Богом, и соединиться с тем последним (по времени) святым, как предопределено сие ему Богом.

159. Сколько хочет Бог быть нами познанным, столько открывается; и сколько откроется, столько зрим бывает и познавается достойными. Но сподобиться сего и испытать сие никто не может, если прежде не соединится с Духом Святым, стяжав наперед трудами и потами сердце чистое, простое и сокрушенное.

160. Как тот, кто станет предлагать уроки по риторике и философии изучающему лишь азбуку, не только никакой не принесет ему пользы, но отвратит его и от того, что он проходит, и сделает, что он забудет выученное, потому что ум его не вмещает предлагаемых ему учений: так и тот, кто толкует о последних степенях совершенства новоначальным и особенно более ленивым из них, не только не принесет им пользы, но еще сделает, что они возвратятся вспять. Потому что как взглянут они на высоту добродетели и увидят, как далеко отстоят от вершины ее, то, подумав, что им никак невозможно взойти на верх ее, бросят и те немногие добрые дела, которые начали уже делать, как бесполезные, и погрузятся в безнадежие.

161. Которых держат в своей власти и над которыми господствуют страсти, те, когда услышат, что совершенный по Богу человек почитает себя нечистым паче всякого человека, всякого животного и всякого зверя, и что он, будучи бесчестим,

радуется, будучи злословим, благословляет и хвалит, будучи гоним, терпит и со слезами и болезнию сердечной молит Бога о врагах своих, — во-первых, не верят всему этому, почитая и выставляя себя подобными им; потом, будучи обличаемы Божественным Писанием и опровергаемы святыми, показавшими все сие на самом деле, сознаются, что не могут достигнуть в такую меру совершенства; а когда услышат, что если они не станут так поступать, то и спастися не могут, тогда, не желая отстать от греховных навыков и покаяться, в чем согрешили, впадают в безнадежие.

162. Где глубокое смирение, там и слезы обильные; а где есть сие, там есть и присещение Святого Духа; когда же придет благодать поклоняемого Духа, тогда в том, кто начинает быть под действием Его, является всякая чистота и святость, тогда он зрит Бога, и Бог призирает на него. Ибо Господь говорит: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго, и трепещущаго словес моих* (Ис. 66, 2).

163. Человек может побеждать страсти, но не может их искоренить. Он получил власть не делать зла, но не и не помышлять о нем. Благочестие же настоящее состоит не в том только, чтоб не делать зла, но чтоб и не помышлять о нем. Кто помышляет о зле, в том нет чистоты. Ибо как может быть чисто сердце у того, кто оскверняется нечистыми помыслами, как зеркало затемняется пылью?

164. Чисто сердце, я полагаю, у того, кто не только не бывает тревожим и тяготим какою-либо страстию, но и не помышляет даже ни о чем худом или мирском, хотя бы и хотел того, и одну память о Боге держит в себе с неудержимою любовию. Ибо око души, ум, когда ничто не мешает его созерцанию, чисто в чистом свете видит Бога.

165. Бесстрастием почитаю я то, когда кто не только удаляется от действования по влечению страстей, но чужд бывает и самой похоти их; и не это только, но когда ум его обнажен от самого помышления о них и свободно возносится превыше небес, как ни захочет, заходя за пределы всего видимого и чувственного, как бы чувства его были совсем закрыты, и ум преви-

тал в области вышечувственной, имея однако ж с собою и чувства, как орел имеет свои перья (в выси при себе).

166. Ни ум без чувства не проявляет своих действий, ни чувство без ума.

167. Сердце чисто есть и называется то, которое не находит в себе никакого помышления или помысла мирского, но все прилеплено к Богу и сочетано с Ним так, что не вспоминает уже ничего мирского, ни печального, ни радостного, но превитает в созерцании, возносясь до третьего неба, восторгаясь в рай и видя наследие благ, обетованных святым, применительно к чему представляет потом, сколько возможно сие для немощи человеческой, и блага вечные. Вот что служит знамением чистоты сердечной и верным признаком, по которому всякий может определить меру своей чистоты и видеть себя как в зеркале.

168. Как тот, кто находится вне дома, не видит тех, которые заперты в доме, так и тот, кто распялся и умер миру, не имеет никакого чувства о вещах и делах мира.

169. Как мертвое тело не имеет никакого чувства ни к живым телам, ни к мертвым, лежащим вместе с ним, так и изшедший из мира благодати Святого Духа и сущий с Богом не имеет чувства к миру, ни пристрастия к вещам мира, хотя подлежит потребностям тела.

170. Бывает смерть прежде смерти физической, и прежде воскресения тел бывает воскресение душ — делом, опытом, силою и истиною. Ибо когда смертное мудрование уничтожается бессмертным умом и мертвенность изгоняется жизнию, тогда душа, как бы воскресшая из мертвых, узревает чисто себя саму, как узревают себя пробудившиеся от сна, и познает истинного Бога, ее воскресившего, о Ком помышляя и Коего благодаря, выходит она за пределы чувств и всего мира, преисполненная неизреченной сладости, и тем заставляет утихнуть всякое мертвенное движение.

171. Иное вносится (в жизнь спасительную) нами самими, иное подается нам Богом. Чем больше мы очищаемся посредством собственных наших трудов и священных потов, тем более светимся Божественным светом, тем более очищаемся

собственными слезами нашими, принося от себя слезы и вместо их получая от Бога свет сокрушения.

172. Многие, привнося собственное свое, не получали того, что обыкновенно подается Богом. Это явно из того, что сделали и что пострадали Каин и Исав. Ибо если кто не привнесет своего с правым помыслом, с благочестным расположением, с верою и великим смирением, то нельзя, чтобы Бог призрел на него милостиво и принял приносимое им, а не принявши сего, нельзя, чтобы дал вместо того и то, что обыкновенно Им подается в таком случае.

173. Мертв для святых мир и люди мира. Почему, как мирские, видя, не видят добрых дел святых мужей, и, слыша, не могут нисколько понять Божественных словес, предлагаемых им благодатию Святого Духа, так и духовные и святые мужи не могут видеть лукавых дел лукавых мирских людей, и понять страстных речей их — то есть и они, видя, не видят что в мире и, слыша о том, что касается мирских людей, находятся в таком божественном состоянии и расположении, как бы не слышали то, по неимению к тому чувства. Таким образом, не бывает никакого общения ни у духовных с мирскими, ни у мирских с духовными.

174. Как явно разделение света и тьмы и смешение их невозможно: *кое бо общение свету ко тме... или какая часть верну с неверными* (2 Кор. 6, 14—15); так такое же бывает разделение одного с другим, и в тех, кои имеют Святого Духа, и в тех, кои не имеют Его. Ибо духоносцы имеют житие свое на небесах, сделавшись из людей более Ангелами, а эти (не имеющие Духа) сидят еще во тьме прародительской и в сени смерти, прикованные к земле и земному. И те освещаются обильно мысленным невечерним светом, а эти только чувственным; те видят и себя самих и ближних, а эти, видя каждый день и себя самих и ближних умирающими душевною смертию, не знают и не верят, что есть воскресение мертвых, суд и воздаяние каждому по делам его.

175. Имеешь ли ты Духа Святого, это можешь ты верно узнать из действий Его в тебе, как говорит о сем святой Павел,

что где *Дух Господень,* там *свобода* (2 Кор. 3, 17), и что там *плоть убо мертва греха ради, дух же живет правды ради* (Рим. 8, 10), что *иже Христовы суть, плоть распяша со страстми и похотми* (Гал. 5, 24). Ибо крестившиеся в Духе Святом облеклись во всего Христа, стали сынами света и ходят в невечернем свете, видя мир, не видят и, слыша мирское, не слышат. Как о плотских людях написано, что они, видя, не видят, и слыша о Божественных вещах, не разумеют того и не могут вместить духовного, потому что оно кажется им буйством: таким же образом рассуждай и об имеющих в себе Духа, что они хотя носят тело, но неплотяны суть, как говорит апостол: *вы же несте во плоти, но в Дусе, понеже Дух Божий живет в вас* (Рим. 8, 9). Они мертвы для мира и мир мертв для них, как он же говорит о них в своем лице: *мне мир распяся и аз миру* (Гал. 6, 14).

176. Как человек двояк, состоя из души и тела, так и мир, подобно ему, двояк видимый и невидимый, и в каждом из них свои особые идут дела, по духу каждого, и свои заботы о делах. То же нахожу я и в видениях и снах. Чем душа занята и о чем разглагольствует наяву, о том мечтает или философствует она и во сне: или проведши весь день в работах о делах человеческих, об них же суетится она и в сновидениях, или поучавшись все время в вещах Божественных и небесных, в видение их входит и во время сна и умудряется видениями, по пророку: *юноши ваши видения узрят* (Иоиль в Деян. 2, 17). И не прельщается ложными сновидениями, но сновидит истинное и поучается откровениями.

177. Когда желательная часть души движется на страсти, утехи, наслаждения и удовольствия мира сего, тогда душа видит и сны, подобные сему. И опять, когда раздражительная часть души озверяется и рассвирепевает против однородных себе людей, тогда и в сновидениях видятся нападения зверей и пресмыкающихся, войны и брани, споры и бой в судах с теми, с коими состоят в раздоре. Когда же умовая часть души надымается в тщеславии и гордости, тогда во сне мечтаются воспарения на воздух на крыльях или восседания на высоких креслах

судей и властителей народных, торжественные выходы и встречи и тому подобное.

178. У тех только бывают истинные во сне видения (их не следует называть снами, а видениями), которых ум благодатию Святого Духа сделался прост и свободен от всякого давления со стороны страстей и от рабства им, у которых вся забота и попечение о Божественном и все помышление о будущих наградах и воздаяниях, которых жизнь выше жизни живущих, беспопечительна, не развлеченна, тиха, чиста, исполнена милости, мудрости, небесного ведения и других плодов благих, возделываемых в них Духом Святым; у тех же, кои не таковы, сны ложны и беспорядочны, и все в них обман и прелесть явная.

179. Кто делает мертвою волю свою, тот всеконечно делается безвольным, не имеющим воли; из живых же и самодвижных тварей нет ни одной безвольной, кроме не имеющих чувства и движения. Растения движутся как бы внутри и возрастают, но не говорится, что они делают это движение и возрастание по естественной воле своей, потому что они бездушны. Но всякая воодушевленная тварь имеет и естественную волю. Итак, кто умертвит волю свою подвигом и особым направленным к тому вниманием и тщанием, и сделается безвольным, тот очевидно вышел из естества своего и стал вне его, и ничего уже не хочет собственным хотением своим, и ничего не делает сам, ни доброго, ни худого.

180. Из тех, которые сподобились соделаться едино с Богом, соединясь с Ним содействием Святого Духа, и вкусить неизреченных благ Его, никто не услаждается пустою, скажу — бесчестною и ничтожною славою, приносимою ему от людей; не вожделевает он также ни денег, ни одежд дорогих, ни камней многоценных, как называют их люди неразумные; не любит прилеплять сердца своего или пристрастие иметь и к богатству, текучему и непостоянному, переносящемуся от одного к другому; не любит и того, чтоб знаему быть царям и начальствующим, которые не суть поистине начальники, властители и господственные, будучи обладаемы и господствуемы многими страстями; он и

не почитает их за что-либо великое и высокое, и не думает, чтоб они особою какою облекали славою тех, кои близкими становятся к ним, не желает быть близким и к другому кому из именитых и славных в мире сем, как никто не желает из богатого сделаться бедным или из властного начальника, великого и славного, сделаться бесчестным, бесславным, презренным, низшим всех.

181. Тому, кто много говорит устами в молитве своей, неудобно сознавать все, что говорит; но кто молится немногословно, тот может сознавать, что говорит в молитве. Тем, которые не все сознают хорошо, что говорят, положено много говорить; тот же, кто научился сознавать, что говорит в молитве, не может говорить много, чтоб не рассеиваться умом. Нет нужды много говорить к Богу, но немного с разумным сознанием того, то есть чтоб понимаемо было то. Впрочем, молиться с разумным сознанием никак невозможно, не сделавшись причастником Духа Святого. Если кто не содружится с Богом через Господа Иисуса Христа в Святом Духе, то душа его не может молиться с разумным сознанием, как сказал один из великих отцов: то, силою чего мы молимся как должно, есть Дух Святой. Итак, кто думает, что молится настоящим образом без Духа Святого, тот, и прославляя Бога песнословно, то же, что хулит Его, поскольку нечист есть и не содружился еще с Богом.

182. Как тот, кто всегда смотрит на солнце чувственное и нехотя претерпевает изменение в зрении, то есть начинает смотреть иначе, потому что не может ничего другого из видимого видеть, а во всем видит одно солнце: так и тот, кто умом своим и сердцем всегда смотрит на умное Солнце правды и нехотя претерпевает изменение в умном зрении, потому что он ничего уже из земного воображать не может, но во всем видит единого Бога.

183[1]. Спросили однажды святого и блаженного сего Симеона, каков должен быть иерей, и он ответил, говоря: «Я недостоин быть иереем, но каков должен быть иерей, верно знаю. Во-первых, он должен быть чист не только телом, но и душою,

---

[1] Это и след. и в Добротолюбии есть, тоже в конце.

и при этом непричастен никакому греху. Во-вторых, он должен быть смирен не по внешнему только себядержанию и обычаю действовать, но и по внутреннему настроению. Потом, когда предстоит священной и святой трапезе, должен всеконечно, видя чувственно Святые Дары, мысленно созерцать Божество. И не это только, но и Самого Того, Кто невидимо присущ в Дарах, должен он стяжать и иметь обитающим в себе в сердце своем сознательно, чтоб таким образом с дерзновением мог он возносить моления к Богу и, как друг с другом беседуя, говорить *Отче наш,Иже еси на небесех, да святится имя Твое* (Мф. 6, 9) потому что молитва сия показывает, что произносящий ее имеет живущим в себе сущего по естеству Сыном Божиим, со Отцем и Святым Духом. Таких видел я пресвитеров, простите мне, отцы и братия».

184. Говорил он еще и следующее, будто об ином ком, себя прикрывая и бегая славы человеческой, понуждаемый однажды объявить то по любви к ближнему на общую пользу: «Слышал я, — говорит, — от одного монаха иерея, доверившегося мне, как другу своему: никогда (говорил он) не литургисал я, не увидев Духа Святого, как видел Его сошедшим на меня в то время, когда меня рукополагали и митрополит читал надо мною молитву иерейского посвящения и “Евхологий”[1] лежал на бедной главе моей». Я спросил его, как он Его тогда видел и в какого рода образе? Он сказал: «Простым и безвидным, однако ж как свет; и когда я, увидев то, чего никогда не видел, удивился сначала и сам в себе рассуждал, чтобы это было такое, тогда Он таинственно, но внятным гласом сказал мне: “Я так нисхожу на всех пророков и апостолов, и нынешних избранников Божиих и святых; ибо Я есмь Святый Дух Божий”. Ему слава и держава во веки веков. Аминь».

---

[1] Омофор с возложением рук; а «Евхологий», или служебник, держит книгодержец.

ПОДВИЖНИЧЕСКОЕ СЛОВО СТАРЦА СИМЕОНА БЛАГОГОВЕЙНОГО

Предлежащее слово подвижническое и нравоучительное, состоящее из многих глав, не святому Симеону Новому Богослову принадлежит, а Симеону Благоговейному, старцу святого Симеона Нового Богослова

1[1]. Брате, в самом начале отречения своего от мира потщися насадить в себе благие добродетели, чтоб и братству ты был полезен, и самого тебя Господь возвеличил напоследок. Не стяжавай себе особого дерзновения пред игуменом и не ищи себе особой от него чести. Не стяжавай дружбы с набольшими в обители и не учащай в келлии их, зная, что через это не только страсть тщеславия начнет пускать в тебе свои корни, но и самому настоятелю сделаешься ненавистен; а почему это, — разумеваяй да разумеет. Сиди в мире в келлии своей, какова бы она ни была; но и хотящего посетить тебя и побеседовать с тобою не отвращайся, ради сохранения своего благоговеинства, потому что, с совета отеческого беседуя с ним, не потерпишь вреда, хотя бы он был и из противных, то есть не согласен с тобою ни в правилах, ни в мыслях. Если и не видишь, чтоб это было полезно для тебя, делай так, побуждаясь возможностию доставить пользу другому.

2. Должно всегда иметь страх Божий и каждодневно обследовать и обсуждать, что доброго и что худого сделано тобою: и доброе предавать забвению, чтоб не впасть в страсть тщеславия, а о противном тому проливать слезы с исповедью и напряженною молитвою. Суд сей над собою совершай так. Когда кончится день и настанет вечер, начинай разглагольствовать с собою и вопрошать себя: как, с помощью Божиею, провел я день сей? Не осудил ли кого? Не досадил ли кому словом? Не соблазнил ли кого? Не посмотрел ли страстно на чье-либо лицо?

---

[1] Добротолюбие, 120.

Не преслушал ли в чем настоятеля по послушанию своему и понерадел о нем? Не прогневался ли на кого? Стоя в собрании (церковном), не занимал ли ума своего чем бесполезным, или, отяготясь от лености богослужением, не уходил ли из церкви и с правила? Хотя бы ты нашел себя во всем этом неповинным, что, однако ж, невозможно, потому что никто не бывает *чист от скверны, аще и един день* будет *жития его* (Иов. 14, 4), и *никто же похвалится чисто имети сердце* (Притч. 20, 9); и тогда, помянув это, возопий к Богу со многими слезами: Господи, прости мне, елика согреших словом и делом, в ведении и неведении, ибо мы во многом погрешаем, и не зная того.

3. Каждодневно должно исповедывать всякий помысл духовному отцу своему, и что он будет говорить тебе, принимать то как из уст Божиих с полным убеждением (в истине того непреложной); другому же никому не передавать, что-де спросил я отца моего о том-то и том-то, и он ответил мне то и то; и тем паче не переспрашивать, хорошо ли он сказал мне это, и что мне делать во уврачевание себя? Потому что это суть слова неверия отцу своему, и пагубны для души. Это наиболее случается обычно с новоначальными.

4. Всех, сущих в киновии, должно видеть святыми и только себя одного почитать грешным и последним, прилагая к сему, что из всех спасаемых ты один осужден будешь на вечные муки в день он. Когда стоишь на службе, все об этом думай и не переставай тепло плакать в сокрушении сердечном, не обращая внимания на соблазняющихся или насмехающихся. Только когда увидишь, что начинаешь от этого поскользаться в тщеславие, тогда выходи из церкви и делай это втайне, поскорее возвращаясь потом на свое место. Это для новоначальных очень полезно; особенно во время шестопсалмия, чтения Псалтири и поучений, и во время Божественной литургии. Но смотри, никого не осуждай, а вот что положи в уме своем: те, которые видят меня так плачущим, почитая меня многогрешным, усердно молятся о мне. И конечно так непрестанно помышляя и всегда поступая, великую получишь ты пользу, и Божию привлечешь благодать, и Божественного блаженства причастником сделаешься.

5. Не ходи ни к кому в келлии, кроме игумена, и это как можно реже. Но если желаешь спросить его о каком-либо помысле, делай это в церкви; от службы же церковной прямо уходи к себе в келлию и потом на дело послушания своего; а после повечерия, положив поклон игумену и испросив молитв, опять, поникши головой, с молчанием беги в келлию. Лучше одно Трисвятое прочитать со вниманием и лечь спать, нежели без сна провести четыре часа в бесполезных разговорах. Впрочем, где сокрушение и плач духовный, там и Божественное осияние; а когда оно найдет, тогда отгоняются и леность, и немощь.

6. Особой любви ни с каким лицом не заводи, особенно из новоначальных, хотя и покажется тебе жизнь его очень хорошею и нимало не подозрительною. Потому что из духовной такая любовь очень часто прелагается в страстную и бывает причиною многих бесполезных скорбей. И это случается наиболее с теми, кои ревностнее подвизаются. Впрочем, смирение и частая молитва научит, как тут поступать; подробно же говорить о сем здесь не нахожу уместным. Разумеяй да разумеет.

7. В отношении к каждому брату в киновии надо держать себя чужим и странным, особенно из тех, кои были знакомы по мирской жизни, но всех любить, и любить ровно, на благоговейных и подвижников смотреть как на святых, а о подобно мне нерадивых прилежно молиться. Впрочем, как и выше показали мы, почитая всех святыми, потщися плачем очиститься от страстей, чтоб, осветившись благодатию, на всех смотреть одинаково и сподобиться блаженства чистых сердцем.

8. Вот что почитай совершенным, имени своего достойным, удалением от мира — всеконечное воли своей умерщвление, потом беспристрастие к родителям, родным и друзьям и совершенное от них отречение.

9. Далее еще обнажение себя от всего имущества своего, через раздаяние его бедным, по слову Господа, сказавшего: *продаждь имение твое и даждь нищим* (Мф. 19, 21), и забвение действительное всех лиц, какие сердечно любил или плотскою, или духовною любовию.

10. Также исповедание всех сокровенностей сердца твоего и всего, что до сего самого часа наделано тобою, духовному отцу,

или игумену, как Самому Богу, испытующему сердца и утробы, ведая, как Иоанн крестил крещением покаяния, и все шли к нему исповедывать грехи свои (Мф. 1, 4, 5). Ибо от этого бывает великая радость на душе и облегчение совести, по пророческому слову: *глаголи ты* первее грехи твоя, *да оправдишися* (Ис. 43, 26).

11. Еще и то, чтоб положить в помысле такое убеждение, что после твоего поступления в обитель померли твои родители и друзья, и почитать отцом и матерью лишь Бога и настоятеля; затем ничего уже у них не просить ради телесной потребности. Если они по своему о тебе попечению пришлют тебе что, прими то и помолись о них за их о тебе заботу, но присланное отдай в гостиницу или в больницу, и сделай это со смирением, потому что это не есть дело совершенных, но последнейших.

12. Делай всякое дело доброе со смирением, помня слово Господа: *егда сотворите вся повеленная вам, глаголите, яко раби неключими есмы: яко, еже должни бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10).

13. Всячески блюдись, чтоб никогда не принимать Святого Причастия, имея что-либо на кого, даже в виде прилога помысла, пока не устроишь совершенного примирения с ним посредством покаяния. Впрочем, и этому научишься от молитвы.

14. Каждодневно будь готов к подъятию всякой скорби, помышляя, что скорби суть избавление от многих долгов, и благодаря за них (когда встретятся) Святого Бога. Сим образом стяжавается непостыдное упование по слову великого апостола: *скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит* (Рим. 5, 3-5); так как, по неложному обетованию, *ихже око не виде, и ухо не слыша и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9), есть достояние тех, кои с помощию благодати показывают полное терпение в скорбях; без благодати же ничто не может быть сделано как следует.

15. Не имей в келлии своей никаких вещей, даже до иглы, кроме рогожи, овечьей кожи, рясы и того, во что одеваешься (или чем одеваешься ночью), если возможно, ни даже подножия. Есть что сказать о всем этом; но разумеяй да разумеет.

16. Опять и у игумена не проси ничего потребного, кроме положенного по уставу; но и это, когда сам он позовет тебя и даст, никак не соглашаясь при сем с помыслом, внушающим пе-

ременить что-либо из даваемого, но каково бы оно ни было, принимай то с благодарностию, как от Бога, и тем довольствуясь, без замысла купить другое от себя, потому что это неуместно. Так как платье загрязняется, то его надо мыть дважды в год, выпрашивая на это время подобно нищему и страннику, со всем смирением, у другого брата, чем одеться, пока своя одежда вымытая высохнет на солнце, и потом опять отдавая то с благодарностью. Так и с рясою поступать надобно и со всем другим.

17. Трудись по силе (не ленясь) в деле послушания, а в келлии прилежи молитве, со вниманием, сокрушением и частыми слезами, не слагаясь в сердце с помыслом, что де, как ныне я преутрудился, то отниму немного от молитвы, труда ради телесного: ибо говорю тебе, что, сколько бы кто не преутруждал себя в деле послушания, коль скоро через это отвлекается он от молитвы, пусть держит в мысли, что потерял нечто великое. И это так есть воистину.

18. Прежде всех приходи в церковь на богослужение и после всех выходи, кроме крайней какой нужды, особенно на утреню и литургию.

19. Всякое повиновение имей к своему игумену, от коего и пострижен ты, и без раздумывания исполняй, что ни повелит он, даже до смерти, хотя бы то казалось тебе и невозможным. Действуя так, будешь подражателем Того, Кто послушлив был даже до смерти, смерти же крестной. Но не только игумена, но и всю братию, и того, кому поручено смотреть за послушаниями, ни в чем не должно преслушивать. Если он назначит тебе, что не по силам тебе, положив поклон, проси снисхождения; если не снизойдет, понудь себя исполнить то, помышляя, что нудящихся есть Царствие и что его восхищают те, которые нудят себя (см. Мф. 11, 12).

20. С сокрушенным сердцем припадай к ногам всей братии, как ничтожный, безвестный и совсем будто не сущий. Кто так обращается со всеми и так проводит жизнь свою, тот, дерзаю сказать, бывает прозорливым и с помощью благодати многое предсказывает. Таковой молится и о прегрешениях других братий, пребывая не развлекаемым пристрастием к вещественному, так как духовная Божественная любовь не попускает ему поскользнуться на это. Предсказывать — не дивное дело. Часто

бывает это и от бесов, но разумеяй уразумеет сие. Впрочем, когда кто начнет исповедывать или принимать открытия ему помыслов другими, то бывает, что лишается и сего, будучи занят рассуждением помыслов других. Но если по великому смирению перестанет это делать, то есть выслушивать и говорить по сему случаю, то опять возводится в прежнее устроение. Почему так бывает, знает един Бог; я же, страхом объемлем, не дерзаю говорить об этом.

21. Имей ум всегда в Боге: и во время сна, и вовремя бодрствования, при вкушении пищи и беседе, за рукоделием и всяким другим делом, по слову пророка: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Пс. 15, 9). Почитай себя грешнейшим паче всякого человека. Ибо когда такое помышление долгое время занимает ум и сердце, тогда внутри обыкновенно является некое духовное воссияние света, наподобие луча. И чем более взыскиваешь его со вниманием крепким, мыслию не развлеченною, трудом великим и слезами, тем более оно является яснейшим и яснейшим: являясь таковым, возлюбляется; любимо бывая, очищает; очищая, делает боговидным, просвещая и научая различать доброе от худого. Впрочем, брате, много требуется труда и с Божиею помощью, чтоб такое сияние благодатное совершенно вселилось в душу твою и ее освещало, как луна мрак ночи. Потребно также внимательно смотреть, не прокрались бы прилоги помыслов тщеславия и самомнения, чтоб не осудить кого, видя, что он делает что-нибудь неподобающее. Ибо демоны, видя, что душа через вселение в нее благодати и установление в ней мирного устроения освободилась от страсти и искушений, обыкновенно влагают в нее такие помыслы, но помощь от Бога (приходит и разоряет их козни). Да будет у тебя и плач непрестанный, и сытости в слезах не знай. Внимай еще, как бы не пострадать чего из-за обильной радости духовной и умиления; а постраждешь, если подумаешь, что они суть плод собственного твоего труда, а не благодати Божией, потому что за это они взяты будут от тебя, и ты много поищешь их в молитве, и не обрящешь, и узнаешь, какое потерял ты дарование благодати. Но Господи, никогда не попусти нам лишиться благодати Твоей. Впрочем, брате, если и случится сие с тобою, возверзи на Бога немощь

свою и, восстав, воздень руки свои, и так говори в молитве: Господи! Помилуй меня грешного, немощного и бедного, и ниспосли на меня благодать Твою, не попуская мне искуситися паче, нежели могу. Виждь, Господи, в какое бездушие и в какие помыслы ввергли меня грехи мои многие. Я, Господи, если бы и захотел почесть, что мое самомнение, бывшее причиною лишения Твоего благодатного утешения, произошло у меня от бесов, не могу тем извинить себя, ибо знаю, что с теплым усердием творящие волю Твою легко сопротивляются им. Не они, а мои собственные грешные расположения, кроющиеся в сердце, искусили меня. Каюсь в сем, Господи мой, Господи, и молю Тя, если благоугодно Тебе и для меня полезно, да внидет паки благодать Твоя в раба Твоего, да, видя ее, радуюся со умилением и плачем, будучи просвещаем присносветлым сиянием ее и сохраняем от скверных помыслов и всякой злой вещи, и от всех недобрых дел и слов, коими каждодневно согрешаю я в ведении и неведении, укрепляясь в благонадежном дерзновении пред Тобою, Господи, скорбями, каждодневно приключающимися рабу Твоему от бесов и людей, и отсечением собственной воли своей, помышляя и о благах, уготованных любящим Тебя. Ибо Ты сказал, Господи, что *просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется* (Мф. 7, 8). К сему, брате, прилагая и другое, что вложит Бог в сердце твое, пребывай терпеливо в молитве, не расслабляясь скучанием и унынием, — и благий Бог не оставит тебя.

22. В келлии, какую в начале получил ты от настоятеля, терпеливо пребудь до конца. Если помысл станет смущать тебя по причине ее ветхости или опасности падения, то, поклонившись настоятелю, скажи ему об этом со смирением. Если он послушает тебя, радуйся; а если нет, и в таком случае благодари, воспомянув о Владыке своем, не имевшем, где главу подклонить. (И не повторяй уже прошения.) Ибо если ты два, три или четыре раза подокучаешь об этом настоятелю (и не получишь удовлетворения), то от этого родится сначала дерзость пред ним, потом недоверие к нему и наконец презрение (и жизнь твоя расстроится). Почему, если хочешь проводить жизнь тихую и покойную, не проси у настоятеля ничего, что служит к удовлетворению телесных потреб. При поступлении твоем в монашество,

в начале об этом и речи не было. Не обещался ли ты, напротив, мужественно сносить по заповеди Божией, если бы тебя все презирали и уничижали? Итак, если хочешь сохранить веру и любовь к настоятелю своему и всегда смотреть на него как на святого, соблюди следующие три вещи: не проси у настоятеля того, что служит к упокоению телесному, не позволяй себе особой пред ним смелости и не учащай к нему, как некоторые делают, имея в виду будто бы то, чтоб пользоваться его наставлениями и руководством, — не иноческое это дело, а человеческое; впрочем, я этого не осуждаю. Прибавь к сказанному еще и то, чтоб не скрывать от него никакого помысла, находящего на тебя. Если будешь соблюдать все сие, то без волнений переплывешь море жизни и отца своего, каков бы он ни был, не перестанешь почитать святым. Если подошедши в церкви к отцу своему спросить о своем каком-либо помысле, найдешь, что другой предупредил тебя по тому же предмету или другому какому, и увидишь, что на тебя не обращается внимания, смотри, не оскорбись и не подумай чего-либо недоброго; но стань особо поодаль и жди, сложив руки, пока не кончится речь с тем и тебя не позовут. Бывает, что отцы нарочно так делают для испытания и для заглаждения прежних наших в сем обстоятельстве погрешностей.

23. Поститься в посты надлежит тебе так: в Великий пост по два дня, кроме великого какого праздника, субботы и воскресенья; в другие посты через день (вкушать); в прочие же дни года есть по одному разу в день, кроме субботы, воскресенья и праздника, но не досыта.

24. Старайся быть для всего братства назидательным образцом во всякой добродетели: в смирении и кротости, в милостивости и послушании даже в низких вещах, в безгневии и беспристрастии, в нестяжательности и умилении, в незлобии и нелюбопытности, в простоте нрава и чуждости ко всякому человеку, в посещении болящих, в утешении скорбящих, в том, чтобы не отвращаться от ищущих пользы под предлогом беседы с Богом: ибо любовь лучше молитвы; в том, чтоб быть сострадательну ко всем, нетщеславну, недерзостну, необличительну, нетребовательну, ни от настоятеля, ни от другого какого распорядителя, соблюдающу поч-

тительность ко всем иереям; в том, чтобы показывать внимание к молитве, неподдельное благонастроение и любовь ко всем, чтоб не славы ради стараться любопытно исследовать Писания, чему научит тебя молитва, бывающая со слезами, и просвещение благодати. Когда спросит кто о чем подобающем, учи его тому, что касается богодейственных и богоугодных деяний, как подаст тебе благодать, со всем смирением, из опытов своей жизни, как бы другого кого, не тщеславясь в помысле, кто бы ни был ищущий у тебя пользы. И того не отвращайся, кто ищет у тебя врачевства против какого-либо помысла, но восприими его погрешения, какие бы они ни были, и молись о нем с плачем: ибо это есть знак совершенного сострадания и любви. И того ради, чтоб не получить вреда от слышания таких вещей, не отрывай от себя приходящего. Действуя из любви, не потерпишь никакого вреда, при помощи благодати Божией. Впрочем, чтоб не произошло от этого вреда для других, надобно вести речь о сем (принимать помыслы и давать уроки по поводу их) в тайном месте. Но если и подвергнешься, как человек, приражению какого помысла, — чего однако ж не потерпишь, если сподобился действа благодати, — то и при этом не переставай так действовать: ибо мы научаемся не своей искать пользы, *но многих, да спасутся* (1 Кор. 10, 33). Относительно действа благодати знай, что когда станешь ты воистину иметь себя грешнейшим паче всякого человека, тогда это будет значить, что восприял ты действо благодати. Будь только беспопечителен (о земном) и нестяжателен, и сподобишься сего. Как же все сие бывает, не умею сказать: Бог весть.

25. Часы бдения проводи так: два часа читай (отеческие книги), два часа молись в умилении со слезами (это от себя, не по молитвеннику), затем приложи канон, какой хочешь (или из Октоиха дневной, или из Минеи, или общепокаянный, или еще какой), и двенадцать псалмов, если угодно, — наконец, молитву «*Нескверная, Неблазная...*» и молитву святого Евстратия «*Величая величаю Тя...*» Это когда ночи бывают велики; когда же они коротки, тогда и последование молитв пусть будет у тебя покороче, по даемой тебе от Бога силе: ибо без Него ничто доброе не делается, как говорит пророк: *от Господа стопы человеку исправляются* (Пс. 36, 23), и как сказал Господь: *без Мене*

не можете творити ничесоже (Ин. 15, 5) Но причащаться никогда не причащайся без слез.

26. Ешь предлагаемое, каково бы оно ни было; подобным образом и вино (пей, какое подадут), с воздержанием, без ропота. Если живешь один, по немощи ешь сырые зелия (овощи, салаты), с маслинами. Если кто из братий пришлет тебе какое варево, прими с благодарностию и смирением, как странник, и поешь того, что бы то ни было, что же останется, пошли то другому брату, бедному и благоговейному. Если кто позовет тебя на угощение, ешь все предлагаемое, но всего по малу, по заповеди, соблюдая воздержание. Вставши из-за трапезы, сделай поклон звавшему, по обычаю странников и бедных, и поблагодари его, говоря: Бог да воздаст тебе, отче святый. Говорить же ничего не говори, хотя бы приходилось сказать и что-либо полезное.

27. Если кто из братий, в скорби или от настоятеля, или от эконома, или от другого кого, придет к тебе, утешь его такими словами: «Поверь, брате, что это случилось тебе на испытание. Часто и со мною бывало это, и я по малодушию скорбел от того; но когда воспринимал удостоверение, что это посылалось мне на испытание, переносил то с благодарностью. Поступай и ты таким же образом, и не печалиться, а паче радоваться будешь от таких скорбей». Хотя бы тот на брань и поношение (оскорбивших) поползнулся, ты и при этом не отворачивайся от него, но как подает тебе благодать, постарайся утешить его. Ибо много есть рассуждений (пригодных на это дело); и ты, как поймешь состояние брата и его помыслы, сообразно с тем подойди с ними к нему и помоги ему; неуврачеванным же ни за что не отпускай его от себя.

28. Если какой брат болен, и тебе случится долгое время не посетить его, то, желая наконец это сделать, пошли наперед предуведомить его и сказать: поверь мне, отче святый, что я ныне только узнал о болезни твоей, и прошу в этом извинения. Потом сам иди, и пришедши, положи поклон и по молитве скажи: «Как тебе, отче святый? Как милует тебя Бог?» Затем сядь, сложа руки, и молчи. Если и другие там будут, пришедшие для посещения, смотри, ничего не говори, ни от Писания,

ни из естествословия, чтоб после не скорбеть. Это наибольшею частью случается с простейшими из братий.

29. Если случится тебе угощаему быть трапезою вместе с другими благоговейными братиями, все предлагаемое надобно тебе есть без раздумывания, что бы там ни было. Если имеешь от кого-либо заповедь не есть, например, рыбы или другого чего, а это предложено, то когда тут же или недалеко давший тебе заповедь, поди и умоли его позволить тебе есть то; когда же нет его или знаешь, что он не разрешит тебе, а ты не хочешь смутить тех, с которыми сидишь за трапезою, ешь, не колеблясь, и после стола расскажи ему все, как и почему так ты поступил, прося прощения. Если не хочешь ни того, ни другого, то лучше тебе не ходить на такое угощение. От этого получишь ты два добрых плода: и беса тщеславия избежишь, и тех братий избавишь от смущения и неприятности. Но если то будут братия из дебелейших, то соблюди свою заповедь. Впрочем, лучше и при них есть понемногу от всего. Таким же образом поступай и при утешении всей братии кем-либо (когда кто для всей братии предлагает трапезу), по апостолу, заповедавшему нам *все предлагаемое* есть *ничтоже* сумняся *за совесть* (1 Кор. 10, 27).

30. Если кто из братий, когда ты творишь молитву в келлии своей, постучит в дверь, отвори ему и, седши, побеседуй с ним со смирением о том, что предложит он из относящегося к душеполезным предметам, и если он отягчен скорбию, постарайся утешить его словом или делом. Потом, когда удалится он, затвори опять дверь и докончи свою молитву, начав с того, на чем прерван был. Ибо утешение и уврачевание приходящих равнозначительно с примирением (враждующих). Впрочем, с мирскими не так должно поступать, но начинать с ними беседу уже по окончании молитвы.

31. Когда молишься, страх ли нападет на тебя или стук подымется, или свет воссияет, или другое что случится, не смущайся и не робей, но пребудь на молитве гораздо долее обыкновенного. Такое смятение, страхование и ужасание бывает от демонов, чтоб, растерявшись и расслабевши, оставил ты молитву, а когда такие тревожности обратятся у тебя в навык, чтоб совсем тебя взять в свои руки и помыкать тобою. Но если во

время совершения тобою молитвы своей иной некий воссияет тебе свет, которого изобразить в слове я не в силах, от которого душа преисполняется радости, возрождается вожделение лучшего и начинают тещи слезы со умилением; то ведай, что это есть божеское присещение и заступление. Если слишком долго будет держаться такое состояние, то, чтоб по причине обилия слез не показаться тебе пред собою чем-либо более, нежели каков ты на деле, обрати ум свой на что-либо телесное и тем смири себя. Из-за страха же вражеского, смотри, никогда не оставляй молитвы, но как дитя, убоявшись каких-либо страшилищ, бежит в объятия отца или матери и там отлагает всякий страх, так и ты, востекши к Богу молитвою, избежишь страха, наводимого бесами.

32. Если, когда ты сидишь в келлии, какой-нибудь брат придет и спросит тебя о плотской брани, не отсылай его ни с чем; но со умилением из того, что подаст тебе благодать Божия и что стяжал ты собственным опытом, попользуй его и так отпусти. Когда же будет он выходить, поклонись ему и скажи: поверь мне, брате, уповаю на человеколюбие Божие, что отбежит от тебя эта брань, только не поддавайся и не расслабляйся (не поблажай). А когда выйдет, встань и вообразив брань его, воздень руки свои к Богу и помолись Ему о брате со слезами и воздыханиями, говоря: Господи Боже, не хотящий смерти грешника, устрой дело сие, как знаешь и как полезно брату сему. И Бог, зная веру его к тебе и твое к нему из любви сострадание и искреннюю о нем молитву, облегчит ему брань его.

33. Все сие, брате, пригодно к возбуждению и укреплению умиления, и должно все то исполнять с сокрушенным сердцем, терпением и благодарением; так как в этом причина слез, очищение страстей и прямой путь в Царствие Небесное: ибо Царствие Небесное есть достояние нудящих себя, и только нудящие себя восхищают его. Если исполнишь все это, то совершенно отстанешь от прежних навыков и расположений, а может быть станешь свободен и от самых прилогов помысла: ибо обыкновенно свету уступает тьма и солнцу тень. Кто же вознерадит о сем в начале, тот, расслабев в помысле и сделавшись пытливым (занявшись пустыми вещами), лишается благодати и вследствие того впадши в злые страсти, познает свою немощь (являет

опыты немощи, или опытом изучает ее), полн будучи боязни и робости (того не могу, другого не в силах — говорит он и чувствует, когда сознает, что следовало бы то и то сделать). Тому, кто исполняет это, не должно думать, что исполняет то собственными силами, но все приписывать благодати Божией. Ему прежде надобно себя очистить, а потом чисто беседовать с Чистым (Богом), как сказал некто. Когда ум очистится многими слезами и восприимет осияние Божественного света (которое не умалится, хотя бы его весь мир получил), тогда с любовию мысленно пребывает весь в будущем[1], и созерцает его, как то показывает ему Бог, и радуется радостию духовною, по апостолу, который говорит: *плод же духовный есть любы, радость, мир, долготерпение*, кротость (Гал. 5, 22-23).

34. Кто стяжал сие, да внимает себе и бдительно смотрит за прилогами помыслов. Ибо кто живет среди множества людей, тому невозможно, думаю, избежать их, особенно прилогов зависти и тщеславия тому, кого хвалят мирские люди за славную жизнь его и презрение видимых вещей. Но и то бывает, что иной раз, видя или слыша, как кто-нибудь поступает неподобающим образом, невольно осуждает его. Почему таковой пусть остерегается от любопытства знать, что говорит или что делает игумен или помощники его; если же побуждаемый страстью подумает или скажет что с любопытством (или то, что узнал, или чтоб узнать о них), пусть исправит себя в этом покаянием. Пусть смотрит он за собою в сем отношении и во время стояния в церкви и во время исправления дела послушания; потому что помыслы тщеславия и в это время обыкновенно нападают на ревнителей доброго действования, когда или по тому поводу, что они добре внимают псалмопению, или потому, что молятся без блуждания ума туда и сюда, внушают им, будто другие братия все мятутся помыслами и только они одни пребывают в созерцаниях, возбуждаемых духовною мелодиею (пением псалмов), мысленно подражая чинам ангельским, что, однако ж, никому не явно кроме одного Бога и тех, которые одинакового суть с ними устроения. Бывает, что иным еще образом искушают их помыслы,

[1] Отселе до конца глав в Добротолюбии нет.

именно или осуждая их, или ублажая. Впрочем, всего этого можешь ты избегать, если будешь блюсти себя и себе внимать со смирением, любовью, исповедью и беспристрастием.

35. Старайся никого не опечалить ни словом, ни делом; напротив, даже тех, которые опечалены другими, утешай, сколько можешь. Однако ж никогда не думай, что ты препобедил козни диавола, и не тщеславься. Ибо все человеческое естество не может препобедить их; одна благодать Божия творит сие. Итак, живущие братством в подчинении настоятелю должны поступать, как сказано. Что же касается до любителей безмолвия (живущих одиноко), тем я не могу ничего сказать. Впрочем, судя по тому, что я сказал, всякий пусть сам додумывается и до того, что свойственно безмолвникам. Безмолвие требует более строгой и внимательной жизни.

36. Если стяжал ты полную веру к кому-либо из братий киновии и исповедуешь ему свои помыслы, смотри, не опускай этого никогда, но всякий день и час ходи к нему и открывай помыслы, находящие и смущающие. Следовало бы всем ходить к игумену исповедываться; но как иные не хотят открывать помыслов своих игумену, по немощи своей и неверию к нему, то я и говорю так по снисхождению к сему. Впрочем, не следует тебе переходить от одного к другому, слушая врага нашего, который обыкновенно внушает тайно, что-де ты тяготишь брата того, принимающего твои помыслы, тем, что часто ходишь к нему, или что стыдно тебе многократно сказывать ему о себе одно и то же, почему перестань исповедываться у него, а ходи к другому. Ибо если не послушаем таких внушений, а все будем ходить к первому, то еще большую возымеем к нему веру, и еще большую получим пользу, и от жизни его, и от слов его. За такую жизнь никто не будет осуждать нас, напротив, все будут хвалить, что с таким постоянством храним веру к нему одному. Если вознерадим мы часто открывать помыслы свои, то впадем в большие страсти, и затем, стыдясь открыть их, впадем в ров нечаяния. Если пойдем к другому духовнику (что непозволительно нам делать), то когда духовник этот одной с нами киновии, все братия осудят нас за то, что оставили веру, какую имели к прежнему, и Бог крепко осудит нас за это. Да и самый

духовник, к которому перейдем, подумает, что и в отношении к нему мы также поступим наконец. И наверное поступим; и таким образом, привыкши переходить от одного к другому, уже никогда не прекратим этого; начнем пытать, где есть какие столпники, затворники, безмолвники, и ходить к ним исповедываться, тоже переходя от одного к другому и теряя веру к каждому. Наконец, потеряем веру ко всем, сделаемся неверующими никому и во всем безуспешнейшими; и, что бедственнее всего, подпадем общему осуждению и клятве. Почему тому духовнику, которому исповедался ты в начале, старайся пребыть верующим несомненно до самой смерти своей, ибо, как я сказал, если ты презришь его и перейдешь к другому, то подпадешь многим искушениям, начнешь таким же образом осуждать и всех других, и сам себе угладишь путь в пагубу. Но Господи, Господи, избави нас от всякого неверия и подозрительности, и покрой Божественною Твоею благодатию.

37. Если и ты сам приобретешь учеников, имеющих веру к тебе и исповедающих тебе свои помыслы, и увидишь, что они беседуют с некоторыми братиями из более благоговейных, смотри, не соблазняйся тем. Демоны и тем, которые право живут и добре ведут дела свои, внушают тайно, что такие ученики не шествуют в прямоте и простоте сердца и ходят к нам исповедывать помыслы свои не с истинною к нам верою, но прикрываясь лицемерием, не с доброю целью соглядают лишь свободу нашу, и внушая это, возбуждают в нас неудовольствие и недоверие к таким ученикам. Так ты не принимай такого помысла, когда бесы станут влагать его тебе, но со всею простотою и любовию, Бога ради и ради самого добра, старайся исправить таковых и душевно попользовать их, почитая их преуспеяние собственною своею славою.

38. Если какой-либо из учеников твоих возымеет неверие к тебе, ты рассмотри, от чего это случилось, так как это бывает по многим причинам и предлогам: или от того, что потщеславившись, будто уже достиг совершенства, впал он в гордость и не хочет уже называться учеником, а желает быть в учительском чине; или от того, что, утыв и утолстев (предавшись беспечности), возлюбил плоть и желает жить в полном довольстве телесном; или

от того, что ты прежде любил его больше, а потом стал любить других, и он впал в зависть; или от того, что он желает рукоположения, а ты препятствуешь ему, так как, судя по делам, им исповеданным, недостоин он священства; или от того, что ты предпочитаешь ему в этом другого, после него, может быть, к тебе пришедшего, потому что такого рода действование сильную причиняет скорбь тому, кто сильно желает и не получает желаемого, особенно если он пришел к тебе от младых ногтей и ты любил его по Богу крепко; или может быть ты когда-нибудь, в побуждение, чтоб он воздерживался от страстей, обещал ему, что дашь ему позволение принять рукоположение (ибо духовники часто имеют обычай давать юным такие обещания рукоположения, чтоб воодушевить их отсечь совершенно наклонность, какую по злой привычке имеют они к известным страстям), и он, не улучив по недостоинству своему того, чего надеялся по обещанию твоему, подвигся на зависть и говорит такие обличения против того другого брата, что их даже выслушать нельзя спокойно, а не только высказать. Кроме сказанного, бывают и другие причины неверия, — когда, например, иной по нерадению впадает в сосложения (с худыми пожеланиями) или в действительные грехи, и стыдясь исповедать то по тщеславию, умалчивает, а через умолчание такое мало-помалу приходит и в совершенное неверие (отцу своему); или когда кто, увидев тебя состоящим под влиянием какой-либо страсти, осудил тебя и отвратился от тебя. Признаком отвращения таковых от тебя да будет тебе, если ты опытен, взор лица их или, если это тебе неподручно, изменение во внешнем виде сравнительно с обыкновенным. Ибо учишь ли ты такого или обличаешь, или утешаешь, он держит вид, будто принимает внушения твои, но видно, что он принимает их слухом, но сердцем не принимает, что они неприятны ему, что он пересматривает их или раздражается против них. Если иной раз, желая испытать, чист ли он от страсти, велишь ты ему причаститься или другое что сделать, он тотчас соглашается сделать это без всякого раздумывания, чтоб ты не обличил его. Врачевство для таковых — молитвы к Богу усердные со слезами, умножение любви, частое внушение, телесное упокоение и всегдашние собеседования, иногда кроткие и усладительные, а иногда строгие и обли-

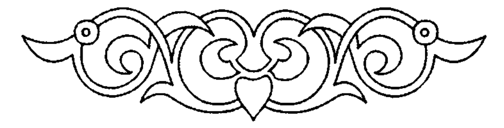
чительные, как лучше и пригожее к тому, чтоб они слушались и умягчались нравом.

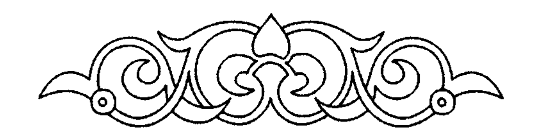
39. Когда ученик твой скажет о некоторых братиях, что они благоговейны, и похвалит их, ты промолчи. Если он спросит тебя о них, ответь со смирением: «Поверь мне, отче, не знаю; я, будучи малосмыслен, долг имею смотреть за своим нерадением; что касается до других, то они все по благодати Божией святы и добры; впрочем, каждый что посеет, то и пожнет». И ты не хвали и не осуждай никого в частности, но всех их хвали, особенно, когда придет ученику твоему помысл, будто ты имеешь к кому-либо из них особую веру. Таким способом, он ублагонастроится и избавится от того помысла.

40. Если два юных брата возымеют любовь между собою в простоте сердца, и ты, услышав от иных, что эта любовь их не добрая, а страстная, чувствуешь понуждение пресечь такое их друг к другу пристрастие, когда случится, что они часто ходят к тебе, то добре обсуди, как надлежит тебе вести к ним беседу о том, что может их упользовать, чтоб вместо пользы не причинить им вреда. Итак, если думаешь, что что-либо из сказанного тебе похоже на правду, позови одного из них и, беседуя с ним с истинною любовию, с лицом радушным и с душевною приятностию, толкуй ему о многих и разных предметах, но в эту речь свою внеси малое нечто и некоторым образом прикровенно и касающееся той страсти; затем скажи ему: внимать себе подобает нам, брате, потому что ходим посреди сетей, и *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем... к духовом злобы* (Еф. 6, 12. и враг наш *яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити* (1 Пет. 5, 8). Уже многих он из великих подвижников победил в брани; тем легче одолеет он тех, кои подобно мне нерадивы. Внимай убо себе и блюдись от сосложения со всякими помыслами, и от особенного с каким-либо братом содружества, чтоб не вплестись тебе опять в прежние грехи или может быть и худшие. Прибавив после сего еще что полезное о других вещах, чтоб рассеять всякое подозрение, отпусти его. Другого же совсем не трогай. Если этот, с коим говорил ты, дельный человек и подвижник истинно духовный, то он от одних к нему твоих слов разойдется с тем, если имеет веру к тебе, или разорвет

он содружество то от стыда или от тщеславия, или от страха, — так как иные по этим трем причинам с помощию благодати Божией отстают от страстей, без труда и подвига. Если увидишь, что и после этого взаимное пристрастие сих юных остается попрежнему, тогда призови и другого — одного, может быть, более бесстрастного, и потолкуй ему, подобно как и первому, или больше того. Потом прибавь и следующее: «Слышал я, что ты имеешь любовь к такому-то. Зная вас обоих, я уверен, что эта любовь между вами духовная. Но чтоб иные не соблазнялись, послушай меня, если хранишь любовь и веру ко мне, перестань вести с тем братом беседы и сидеть наедине. И это тем охотнее, что игумен имеет хорошее о тебе мнение и намерен представить тебя к рукоположению». Сказав это, начни бранить и укорять другого, что он и страха Божия не имеет, и принадлежит к числу плотяных людей. Этим расположишь его отстать от того или по духовному побуждению, или по страсти тщеславия, хиротонии ради, о коей ты сказал.

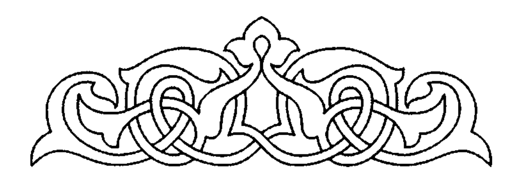
ПРЕПОДОБНЫЙ НИКИТА СТИФАТ





КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ НИКИТЕ СТИФАТЕ

Преподобный Никита, пресвитер Студийской обители, искреннейший ученик святого Симеона, Нового Богослова, процветал в одиннадцатое столетие. Он посвящен был святым Симеоном во все таинства духовного любомудрия и в такой мере усвоил себе все добродетели его, что являлся воистину вторым, параллельно с учителем своим, солнцем, отражающим в душе своей все лучезарные преломления благодатных даров его и учений. Потом и сам по себе, с неусыпными трудами углубляясь в Божественные Писания, иное же и делом испытав и пережив, собрал он премножество прекраснейших воззрений на порядки духовной жизни, и соделав через все сие ум свой как бы чреватым Божественных и преестественных созерцаний, породил высокие и премудрые изречения, как желающим можно удостовериться из предлагаемых трех сотниц их, которые, если кто назовет точным правилом деятельной жизни, руководством к непогрешительному ведению, зерцалом совершенства богоподобной жизни, одним словом, богатейшею сокровищницею нравственных уроков и умозрительных идей, тот скажет о них настоящую истину. Они как высоки по мыслям, так благолепны и по красоте выражений, так что недоумеваешь, мысль ли в них заключающаяся, или красота изложения такое услаждение вливает в душу читающих.



НИКИТЫ, ПРЕПОДОБНОГО МОНАХА И ПРЕСВИТЕРА СВЯТЕЙШЕЙ ОБИТЕЛИ СТУДИЙСКОЙ,

ДЕЯТЕЛЬНЫХ ГЛАВ[1] СОТНИЦА ПЕРВАЯ

1. Четыре, полагаю, есть причины, побуждающие писать о душеспасительных вещах. Первая есть свобода, самое, разумею, бесстрастие души, через притрудное делание достигшее до естественного созерцания творения и оттоле вступившее в мрак богословия. Вторая, слезами и молитвою производимая, чистота ума, от коей рождается слово благодатное, и источаются струи спасительных разумений. Третья — вселение в нас Святой Троицы, от коей исходит светолитие Духа на пользу всякому из очищаемых, для проявления таин Царствия Небесного и откровения сокрытых в душе сокровищ Божиих. Четвертая — лежащий на каждом получившем талант *слово разума* (1 Кор. 12, 8) долг, по смыслу угрозы Божией, гласящей: *лукавый рабе и ленивый... подобаше убо тебе вдати сребро мое торжником: и пришед Аз, взял бых свое с лихвою* (Мф. 25, 26-27); по каковой причине, конечно, и Давид говорил: *се устнам моим не возбраню: Господи, Ты, разумел еси. Правду Твою не скрых в сердце моем, истину Твою и спасение Твое рех, не скрых милость Твою и истину Твою от сонма многа* (Пс. 39, 10, 11).

2. Начало жизни по Богу — всецелое удаление от мира. Удаление же сие есть отвержение пожеланий души и земного мудрования отменение: вследствие чего, востекая к Божественному мудрованию, соделываемся мы из плотских духовными, умерщвляемы бывая плоти и миру, оживотворяемы же в душе, во Христе и Духе.

---

[1] Которых глав по номерам не достает, те опущены по крайней темноте их.

3. Ведение о Боге неложное, вера глубоко внедренная, при презрении всего видимого, и добродетельное действование, чуждое самолюбия — се треплетная вервь, которая, по Соломону, *не скоро расторгнется* (Еккл. 4, 12) от духов лукавствия.

4. Верою чаем получить воздаяния за труды; потому легко переносим труды доброделания. Духом же Святым будучи в сем удостоверяемы, любовию воспаряем к Богу.

5. Не тогда, как терпим приражения нечистых помыслов, бываем мы уже принадлежащими и к части тех, кои делают непотребное. Но тогда, по ослаблении в душе усилий ревности о добром, и ум, вследствие небрежного и беспорядочного поведения, начнет вращаться в смутительных и омрачительных воображениях, и труды по добродетели, при лености к богомыслию и молитве, престанут. Тогда, и не делая непотребного, числимся мы на стороне произвольно валяющихся в блате нечистых сластей.

6. Когда ослабнут бразды владычественнейших (высших) чувств, тогда тотчас поднимается восстание страстей и приходит в движение действо раболепнейших (низших) чувств. Ибо обычно неразумным сим (чувствам), разрешась от уз воздержания (или удержания и обуздания), бросаться на предметы страстей и пастись на них, как на смертоносных пажитях, и это тем ненасытнее, чем долее продолжается услаждение ими; потому что не могут, когда свободны от уз, удерживаться от вкушения того, к чему естественное имеют стремление.

7. Из чувств одни, — именно зрение и слух, — словесны суть и паче других любомудреннейши и владычественнейши; а другие, — именно вкус, обоняние и осязание, — бессловесны и животны, назначенные служить словесным. Ибо сначала видим и слышим, а потом, движимые помышлением, осязаем предлежащий предмет и по обонянии предаем вкусу. Таким образом три последние чувства более скотны и беспрекословнее раболепны, чем два первые; и преимущественно над удовлетворением их трудятся те из скотов и зверей, которые более чревонеистовы и более похотливы, день и ночь или пищею ненасытно себя наполняли, или неудержимо ища соития.

8. Кто действие внешних чувств заменяет внутренними: зрение — устремлением ума к зрению света животного, слух — вниманием душевным, вкус — разумным рассуждением, обоняние — умным постижением (ощущением, чувством), осязание — бодренным трезвением сердечным, тот ангельскую на земле проводит жизнь; для людей он и есть и видится человеком, для Ангелов же и есть и понимается Ангелом.

9. Умным зрением приемлем свет Божественный, ведение сокровенных таин Божиих; душевным вниманием восхождение (возникновение) в сердце помыслов располагаем с разумом (или распоряжаемся ими, различая хорошие от худых); разумным рассуждением, как вкусом, распознаем виды разумений, и те, которые произрастают из горького корня, или прообразуем в сладкую для души пищу, или совсем отбрасываем, а которые от былий добрых и злачных ограждаются, те приемлем, *пленяюще всяк разум в послушание Христово* (2 Кор. 10, 5); умным постижением обоняем мысленное миро благодати Духа, исполняясь веселием и радованием сердечным; бодренным трезвением сердца благоумно ощущаем, как свыше Дух орошает пламень наших добрых вожделений или согревает наши силы, охладевшие под действием хлада страстей.

14. Кто славы человеческой, которая ничто же есть, ищет, как бы она чего-либо стоила, сластолюбие лобызает с душевною ненасытимостью и любоименно предается сребролюбию; тот или в демона превращается через высокоумие и гордыню, или скотам уподобляется через порабощение похотям чрева и подчревных частей, или зверем для ближних делается через ненасытимое и бесчеловечное сребролюбие. Ибо таковой, по слову Господню, отпадает от веры в Бога, потому что славу от человеков приемлет (см. Ин. 5, 44), отвращается от целомудрия и чистоты, потому что ненасытно услаждается жжением подчревных частей и подчиняется срамным их влечениям; отторгается от любви, потому что об одном себе печется, ближним же, нуждающимся, ничего не уделяет из своих имений: через что все является чудовищем некиим из многих противоположностей сложившимся, и враждебным и Богу, и людям, и скотам.

15. Гнев, вожделение и разумная сила ума, тогда в естественном своем чине стоят и действуют; тогда соделывают человека всего Божественным некако и боговидным, всегда здраво действующим и отнюдь не уклоняющимся от естественного ему ступания. Когда же они в противность естеству уклоняются от надлежащего образа действования и принимают движения (или направления), несвойственные их естеству, тогда являют его, как сказано, чудовищем некиим, из многих противоположностей сложившимся.

16. Гнев в междупределии стоит вожделения и разумной силы души, служа для каждой из сих сил оружием, по естеству ли они действуют, или противоестественно. Когда вожделетельная и разумная сила души действует по естеству, направляясь к вещам Божественным, тогда гнев для каждой из них служит оружием правды против злобного змия, нашептывающего им и предлагающего вкусить от сластей плоти и утешиться славою человеческою. Когда же они уклоняются от естественного им движения и обращаются к противоестественному, и свой труд и занятия от Божественных вещей переносят на человеческие, тогда он служит для них оружием неправды, они борются и воюют со всеми, кто полагает им преграду в их похотениях и стремлениях, так что человек в среде церкви верных является или деятельным, созерцательным и богословствующим, когда действует по естеству, или скотным, зверонравным и демоноподобным, когда уклоняется к тому, что противоестественно.

17. Если кто прежде душевных своих сил болезненным покаянием и усиленными подвигами не преобразит и не сделает такими, какими в начале дал их нам Бог, когда, создав Адама, вдунул в него дыхание жизни: то ни самого себя познать не может когда-либо, ни стяжать помысл владычественный над страстями, не кичливый, не пытливый, не лукавый, простой, смиренномудрый, чуждый зависти и клеветы, — через пленение всякого помышления в послушание Христово. Но и души своей никогда не будет он иметь горящею и пламенеющею любовию к Богу, не преступающею пределов воздержания, довольствующеюся предлагаемым и желающею упокоения святых.

Если же она этого не стяжет, то и сердца своего никогда не возможет иметь кротким, смирным, безгневным, благим, не задорным, полным милостивости и радушия, потому что тогда она так наветует сама против себя и так расстраивает свои силы, что является неспособною вмещать в себе лучи благодати Святого Духа.

18. Кто таким образом не восприимет в себе снова первоначального благолепия и не вообразит отличительных черт образа Того, Кто в начале создал его по образу Своему, тому как возможно когда-либо соединиться с тем, от Кого он отдалился неподобием отличительных черт, и Коему, Свету сущему, погасив свой свет, привлек к себе противное (тьму)? Не соединившийся же с Тем, от Кого получил начало бытия, и из не сущего стал сущим, и над сущими получил власть, куда ввержен будет, как не подобный Создавшему его, по отсечении от Него? Сие явно видящим, хотя я промолчу.

19. Пока имеем мы в себе вещества страстей и причины их самоохотно лелеем, не произволяя оттрясти их, дотоле сила их превозмогает над нами, приемля власть на то от нас же самих. Когда же мы отвергнем их от себя и сердце свое очистим слезами покаяния, возненавидев и обольщение видимыми вещами, тогда соделываемся причастными присещения Духа Утешителя, Бога зря и зримы бывая от Него.

20. Отрешившиеся от уз пристрастия к миру пребывают в свободе от всякого порабощения чувствам, Единому Духу живя и с Ним собеседуя, яко движимые от Него, через Коего они обычно сочетаваются и с Отцем и Словом, единосущными Ему — един дух, по святому Павлу, с Ними бывая. Таковые не только не уловимы бывают для демонов, но и страшны, как причастники Божественного огня и сами огнем соделавшиеся.

21. Осязание есть не частное некое чувство, в одной какой части тела действо свое проявляющее, но чувство общее, по всему телу распространенное. Почему, когда оно осяжет без нужды что-либо, питая еще пристрастие к вещам нежащим, тогда колеблет ум страстными помыслами. Когда же коснется чего по необходимой естественной потребе, отрешившись уже

от всяких нежностей и преодолев чувственность, тогда оно не колеблет душевных чувств.

22. Когда ум преселится к вещам сверхчувственным, тогда чувства, состоя в своем чине, бесстрастно входят в соприкосновение с предметами страстей, исследуя лишь причины их и природу, и верно определяя их действия и свойства, без пристрастия к ним и без склонения к ним желания против естества.

23. Подвиги и труды духовные рождают радование душевное, коему предшествует умирение страстей. Вследствие сего, что для людей, чувственности порабощенных, тяжко и неприятно, то для души, в духовных трудах пребывающей и священными потами любовь к Богу стяжавшей и вожделением Божественного ведения уязвленной, легко и весьма сладостно. Для тех, как преданных упокоению тела и наслаждению чувственными удовольствиями, труды и подвиги добродетели неприятны и жестоки, так как они не предпринимали сладость удовольствий сих отмывать потоками слез; а для этой (для души, работающей Богу) они вожделенны и сладостны. Так как она мерзит удовольствиями, причиняющими ей зло, и отрясла всякое к ним пристрастие, и всякое самолюбивое угождение телу, то для нее прискорбно одно — покой от трудов и пресечение подвигов. Таким образом, что для тех служит к плотскому веселию, то душе, всецело расположившейся к Божественному, причиняет скорбь, а что ей доставляет духовное радование, в том для тех причина воздыханий и мучений.

24. Труды мучительными кажутся в начале для всех, вводимых в поты и подвиги духовные. Когда же они начнут охотно упражняться в них для возращения в себе добрых расположений, и достигнут до средины преуспеяния в том, тогда труды сии являются для них источником дивной некоей отрады и утешения. А когда, наконец, мертвенное сие мудрование плоти пожрется бессмертною жизнию, подаемою присещением Духа Святого, в тех, кои, пребывая в неутомимых трудах, простираются к последним пределам добродетели; тогда лица такие исполняются неизреченною радостию и веселием, потому

что через это в них самих открываются чистый источник слез и сладкие струи свыше дождем льющегося утешения.

25. Если желаешь достигнуть последних пределов добродетели и непогрешительно обрести путь, ведущий к Богу, не давай сна очам своим*, ни веждям своим дремания,* или *покоя скраниам* (вискам, бокам) своим (Пс. 131, 4), пока многими трудами и слезами не обретешь места бесстрастия для изможденной души твоей и не внидешь в святилище ведения Божия и через ипостасную Премудрость Его не прозришь разумно в последние концы человеческих дел, и, презрев дольняя, жаждательнейше подобно еленю не востечешь на высшие горы созерцания.

26. Краткий путь к стяжанию добродетели для начинающих есть молчание уст, смежение очей и ушей до глухоты заткнутие. Ибо ум, вследствие сего пользуясь бездействием сих чувств и заключив входы к себе совне, начинает всматриваться в себя самого и в свои движения, и тотчас исследует, какие воспоминания плавают по мысленному морю помыслов, и какие помышления ввергаются в горнило рассуждения его, для дознания, чисты ли они и не смешаны с горькими семенами, яко от Ангела света подаемые или суть плевелы непотребные, всеваемые свету противными, темными силами. Таким образом он, как бы некий самодержавный владыка, стоя посреди помышлений, обсуждает их и разделяет лучшие помыслы от худших, и одни из них влагает в мысленную житницу свою, как хлебы некие, на воде Божественной замешанные и огнем Духа испеченные, коими питаясь, возмогает и светом наполняется, а другие отсылает в глубину забвения, стрясая с себя горечь их. Это, впрочем, бывает делом одного того, кто духовно вступил на путь, незаблудно ведущий на небеса и к Богу, совлекшись плачевного рубища темных страстей.

27. Душа, решительно отвергшая лукавство и непотребное мудрование неразумнейшего кичения, вместо же того обогатившая простым и незлобивым сердцем под действием присещения Утешителя, всегда бывает вся в себе и в Боге, и все, что видит и слышит (в области веры), почитает верным и истин-

ным несомненно, как переступившая через пагубные пропасти неверия и носящаяся выше адской зависти.

28. Во главе всех добродетелей шествует искренняя вера, при коей душа неколеблющеюся водится мыслию, но всецело отметает самолюбие. Ибо только что выступившему на подвиги ничто так не препятствует исполнять делом заповеди, как всезлобнейшее самолюбие (жаление плоти). Оно служит препоною к преуспеянию даже и ревностным. Оно влагает в них мысль о неисцельных болезнях и страданиях тела (если станут строго жить) и тем охлаждает жар ревности душевной и склоняет ее отказаться от злостраданий (произвольных лишений) ради добродетели, как навета против самоугодливой жизни. Есть же самолюбие неразумная любовь к телу или саможаление, которое делает монаха самолюбивым, душелюбивым и телолюбивым, и отдаляет его от Бога и Царствия Его, по следующему преподобному слову: *любяй душу свою, погубит ю* (Ин. 12, 25).

29. Кто трудолюбно начал исполнять заповеди Божии и с теплым рачением взял на рамена свои легкий ярем подвижничества, тот не щадит здоровья тела, не ужасается тяжелости дел добродетели, не отступает в болезненном страхе пред трудами и не посматривает на другого кого, нерадиво и беспечно относящегося к подвигам, но с горячим желанием шествует стезею добродетелей во всяком злострадании (при всяких лишениях), смотря на себя одного и на заповеди Божии, и каждодневно бросает в слезах семена свои на поле живых, пока породится в нем злак бесстрастия, возрастет в стебель ведения Божественного и даст клас, приносящий зерно слова и порождения правды.

30. Ни от чего, думаю, преуспеяние души не бывает так скоро и поспешно, как от единой веры, но веры не той только, коею веруют в единого Бога и единородного Сына Его, но особенно той внутреннейшей веры, коею веруем, что как все обетования Христовы, какие обетовал и уготовал Он любящим Его, так и угрозы и муки адские, кои уготованы диаволу и рабам его, несомненно истинны. Такая вера убеждает душу, в подвиге сущую, уповать, что достигнет устроения святых и блаженного их бесстрастия, востечет на высоту святости их и

соделается сонаследницею с ними Царствия Божия. Будучи же так удостоверяема, она ревностнее устремляется к деланию заповедей, и ни мало не колеблясь, старается подражать трудам их, в чаянии подобными ихним подвигами достигнуть и совершенства их.

32. Внутреннее делание или венцы заслуживает душе, или казни и муки. Ибо если оно Божественными занимается вещами и с любовию удобряет поле смиренномудрия, то, имея слезное свыше орошение, возделывает к Богу любовь и веру, а к ближнему сострадание, через кои душа, отображая в себе красоту образа Христова, бывает светом для людей, лучами добродетелей привлекая к себе взоры их и всех возбуждая к славословию Бога. Если же оно занимается вещами дольними и человеческими, и подземные прокапывает и взрывает мины греха, то, обдаваемо будучи снизу смрадом и мраком, возделывает ненависть и отвращение к добру, через кои душа, отображая в себе перстный и безобразный образ ветхого человека, мраком всецело бывает для приближающихся, непотребными делами и беседами развращая незлобивые и неутвержденные души и возбуждая хулы на Бога. В конце же всего, в каком состоянии застигнута будет душа смертию, сообразное с тем получит и воздаяние.

33. Возделыватель худых помышлений мрачным и печальным делает внешний вид лица своего, язык — неспособным к пению Божественных песней и себя — для всех неприятным и нежеланным встречником и собеседником. Возделыватель же благих и бессмертных произрастений в сердце радующееся и улыбающееся имеет лицо и сладкозвучный в молитвах язык, и для всех всегда бывает приятным собеседником. Так что отсюда для всех, видящих добре, явно есть и бывает, кто из таковых находится еще в рабстве нечистых страстей, и состоит под невольным законом земного мудрования, и кто освобожден от такого рабства законом Духа.

34. Делами укореняющиеся, страсти делами же противоположными им и врачуются. Ибо как невоздержание, сластолюбие и объядение, жизнь изнеженная и рассеянная образуют

в душе страстное настроение и ведут ее к делам неуместным; так утеснение себя во всем и воздержание, труды и подвиги духовные снабжают ее бесстрастием и из состояния страстного переводят ее в состояние бесстрастное.

35. Когда кто через притрудное и усиленное подвижничество при смиренномудрии сподобится от Бога великих даров, а потом, поступившись оттуда, предан будет страстям и демонам наказателям, да ведает таковой, что превознесся и великое нечто о себе возмечтал, с презрением смотря на других. *Начало греха — гордыня* (Сир. 10, 15). И ему ни в чем другом не найти врачевства и избавления от овладевших его жизнью страстей и демонов, как в возведении себя в прежнее благонастроение через покаяние, избрав себе в посредники при сем добрые — смирение и сознание своих мер, под действием коих всякий, добре стоящий на основании добродетелей, почитает себя низшим всякой твари.

36. Равное зло есть и пред Богом и пред людьми, во Христе живущими, как то, когда кто страстен делами, так и то, когда кто надмен в добродетелях духом самомнения. Ибо как о делах первого и о том, что у него бывает *отай, срамно есть и глаголати* (Еф. 5, 12): так и высокосердие второго мерзость есть пред Богом (см. Притч. 16, 5); и как тот отвратителен Богу, так что Он не может иметь в нем покоя, потому что он плоть, по слову Божию (см. Быт. 6, 3), так и этот нечист пред Господом, потому что горд.

37. Не так, что если страсть, то уж и грешное дело; но ино это, и ино то: страсть в душе движется, а деяние греховное телом видимо совершается. Так — сластолюбие, сребролюбие и славолюбие суть пагубные страсти душевные, а блуд, лихоимание и неправда суть греховные деяния; похоть, гнев и гордость суть страсти душевные, — следствия противоестественного движения сил ее, а блуд, убийство, кража, пьянство и другое что, противозаконно телом совершаемое, суть плотские деяния грешные и пагубные.

38. Есть три главнейших начальника всех страстей и три против них ополчения, и три чина лиц, кои борются с ними

и низлагают трехглавого дракона сластолюбия, сребролюбия и славолюбия: новоначальный, средний и совершенный.

40. Кто теперь только обнажился для подвигов благочестия и вводится в ополчение против страстей, тот всю брань свою устремляет против духа сластолюбия, и сильно поражает его посредством всякого злострадания, — плоть изможддая неядением, спанием на голой земле, бдениями и всенощными молитвами, а душу сокрушая помышлением об адских муках и памятью смертною, и сердце от осквернения сочетанием и сосложением омывая слезами покаяния.

41. Кто ступание свое от начала простер до среды, и поты от борения с духом сластолюбия отер губкою бесстрастия (прогнал сего духа), и открытыми очами начал смотреть на естественные вещи, тот теперь поднимает оружие веры против духа сребролюбия, веры не имеющего, ум возвышая к помышлению о Божественных вещах, разум устремляя к уразумению значения тварей и к изъяснению свойств их, а душу возводя верою от видимого на высоту невидимого, питая убеждение, что Бог, приведший все из небытия в бытие, Он же есть и Промыслитель о своих произведениях, и надеждою окрыляясь к достижению Божественной жизни.

42. Кто с помощью созерцания и бесстрастия прошел средину и, миновав прелести мирского чувства, вступил с помощью слова разума и ипостасной Премудрости Божией во мрак богословия, тот силою смирения поднимает теперь оружие против духа славолюбия, душу сокрушая священными откровениями и заставляя ее неболезненно проливать слезы, мудрование же свое низлагая памятованием о человеческой немощи и возвышая его разумениями Божественного разума.

43. Постами, бдениями и молитвами, спанием на голой земле, трудами телесными и отсечением своей воли в смирении душевном ставим мы духа сластолюбия безуспешным; порабощаем его себе слезами покаяния, и вводя в узилище воздержания, делаем недвижимым и бездейственным, — разумеется тогда, как сами состоим в ополчении ревностных подвижников.

44. Оружиями веры и *мечем духовным, иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17), победив духа сребролюбия, закалаем его, и вместе с тем с помощью слова премудрости востекаем к созерцанию существующего, словом разума становимся выше ничтожества видимых благ, и в царских дворах любви упокоеваемся под действием многобогатых сокровищ упования.

45. На крыльях бесстрастия и смиренномудрия плавая в воздухе таинственного богословия и входя в горнюю глубину ведения таин Божиих действом Божественного Духа, молниями Божественных догматов и разумений попаляем духа славолюбия; взирая же на конец человеческих дел, дождем слез и потоками сокрушения потопляем бесов его тристатов, воюющих против нас самомнением, тщеславием и гордынею.

46. Кто похоть плоти, похоть очес и гордость житейскую — мирские сии неправды, по причине любления коих бываем мы врагами Богу, — душевно возненавидел и отрекся от них, тот распял себе мир и сам распялся миру, разрушив во плоти своей вражду между Богом и душою, и сотворив в обоих мир. Ибо умерший сим в совлечении плотского мудрования примирил себя с Богом, убив вражду мира в умерщвлении сластей через распятую миру жизнь, и облобызал возлюбление Иисуса. Почему таковой бывает уже не враг Божий, как друг мира, но друг Божий, как распявшийся миру и могущий говорить: *мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14).

47. Всякое подвизающихся оставление благодатию бывает обыкновенно за следующие вины: за тщеславие, за осуждение ближнего и надмение добродетелями. Почему коль скоро что-либо из сего окажется вошедшим в души подвизающихся, то это причиняет им оставление от Бога; и не избежать им праведного осуждения за это при падениях, пока отвергши то, что было прежде причиною оставления, не убежат на высоту смиренномудрия.

48. Не то только есть нечистота и осквернение души, когда кто нечист бывает от скверных страстных помышлений, но и то, если кто превозносится всегдашнею исправностию поведения и *надымается* добродетелями; также, когда много думает

о своей премудрости и своем познании Бога и осуждает кажущихся беспечными и нерадивыми братий. Это видно из притчи о мытаре и фарисее.

49. Не думай получить ослабу от страстей и избежать осквернения происходящими от них страстными помышлениями, нося еще в себе гордостное и дмящееся о добродетелях мудрование. Не увидеть тебе двора мира в благостыне помыслов и не войти в храм любви с радостию во всякой милостивости и тихости сердца, пока надеешься на себя и на дела свои.

50. Если душа твоя страстно прилепляется к красивым телам и подвергается потом тиранству страстных помыслов, рождающихся от сего, не предполагай, что они-то и суть причина происходящей в тебе бури помыслов и страстного движения, но знай, что причина сего сокрыта внутрь души твоей, которая, как камень некий магнит железо, привлекает к себе вред от лиц в силу предрасположения к тому и злой страстной привычки. Творения же Божии все добры зело, по слову Самого Бога, и ничего не имеют такого, что давало бы основание к похулению создания Божия.

51. Как плывущие по морю и страждущие морскою болезнью, не по естественному свойству моря страждут сие, но по причине внутреннего некоего к тому предрасположения в них самих, так и душа не по причине красивых лиц, но по причине в ней самой залегшего расположения к сему злу подвергается крайне сильному влечению и тревоге страсти.

52. Соответственно внутреннему настроению души, инаковым и инаковым представляется ей и естество вещей. Когда умные чувства стоят в ней в своем естественном чине, и ум незаблудно шествует в понимании тварей, разумно объясняя существо и движения их, тогда в естественном чине видятся ей и вещи и лица, и всякое естество вещественных тел не имеющими сокрытой какой-либо причины заразы или вреда. Когда же силы ее действуют не по естеству своему, восставая одна против другой, тогда и это все видится ей, не как оно есть по естеству своему: оно естественною своею красотою не возводит

уже ее к познанию Творца, но, по причине страстного ее состояния, низводит в глубину погибели.

53. Если, оставлен быв благодатию, пал ты падением плоти или языка, или помысла, да не покажется тебе сие удивительным или странным: твое это падение и по твоей вине. Ибо если б ты прежде не подумал о себе что-либо особенное и важное, как не следовало, или не вознесся над кем-либо в горделивом о себе мудровании, или не осудил другого кого в естественной какой немощи человеческой, то не был бы, по праведному суду Божию, оставлен благодатию, и не испытал бы сам своей немощи. Испытал же ее ты теперь, да научишься из сего не осуждать, *не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовати* (Рим. 12, 3), и ни над кем не возноситься.

54. Падши во глубину зол, отнюдь не отчаивайся в возможности воззвания оттуда, хотя бы ты низвергся на последнюю ступень адской злобы. Ибо если ты имеешь у себя основание благочестия, усердно заложенное прежде деятельными добродетелями, то, хотя бы построенная тобою на нем из разных камней добродетели храмина его, поколеблена быв, подверглась падению и разорению с верха до низу, до самого лица страстнейшей земли зол, и тогда Бог не забудет прежних твоих трудов и потов, коль скоро ты сокрушенное о падениях своих носишь сердце, которое, помня прежние дни, с воздыханием взывает к Нему о своих падениях. Призирая, вскоре воззрит Он на тебя, *трепещущаго словес Его* (Ис. 66, 2), невидимо коснется очес болезнующего сердца твоего, и прежде трудами заложенное тобою основание добродетели взяв под свой покров, даст тебе силу, большую и совершеннейшую прежней силы в пламенной ревности горящего духа, на то, чтоб ты снова трудолюбно стяжал дела добродетели, сгубленные по зависти лукавого, и в духе смирения воздвигнул дом ее, светлейший прежнего, для вечного ее упокоения, как написано (см. Пс. 131, 14).

55. Все, к бесчестию нашему с нами случающееся от людей или от демонов, праведным судом Божиим по Его домостроительству случается к смирению суетного надмения наших душ. Цель у Бога, правителя жизни нашей та, чтобы мы были всегда

смиренны, *не мудрствовали паче, еже подобает мудрствовати, но мудрствовали в целомудрии* (Рим. 12, 3) и не думали о себе много, но на Него взирали и Его блаженному смирению по возможности подражали, ибо Он *кроток* был *и смирен сердцем* (Мф. 11, 29), каковыми и нам желает быть Он, претерпевший за нас смерть неправедную и бесчестную. Почему ничто другое так Ему не любезно и не привлекательно во всякой воистину добродетели, и ничто так не сильно возвысит нас от гноища страстей, как кротость, смирение и любовь к ближнему; так что, когда мы творим добродетели без соприсутствия их, тогда всякое наше делание суетно, и всякий труд подвизания бесполезен и Богу неприятен.

56. Вводимым в жизнь добродетельную к исполнению заповедей и избежанию грехов содействует страх мучений вечных. Тем же, которые через добродетель достигли до созерцания славы Божией, иной, подобно тому, сопутствует страх, крайне страшный им из любви к Богу, страх чистый, который и содействует им к неуклонному пребыванию в любви Божией, так как они боятся страшного от нее поскользновения. Первым, когда они падают, уклоняясь от своей цели, и потом, раскаиваясь, тотчас встают, сопутствует первый страх с благими надеждами; а за вторыми, по зависти диавола погрешившими падением с высоты созерцания славы Божией, не тотчас последует второй страх, но их приемлет мгла некая и тьма осязаемая, полная малодушия, скорбения и горести с первым страхом мук. И если бы Господь Саваоф не сокращал оных дней такого нестерпимого скорбения, то не спасся бы никто из падающих сим образом.

57. Когда душа успокоится от постоянного докучания страстных помыслов и мучительное жжение плоти увянет, тогда ведай, что внутри совершилось наитие Святого Духа на нас, возвещающее об оставлении прежних грехов и о даровании нам бесстрастия. Пока же она воню сих помыслов через частое их докучание ощущает, и пока подчревие плоти ее возжигается, дотоле ведай, что далеко от ней благоухание Духа, и что она вся держится в неразрешимых узах страстей и чувств.

59. Люта и неудобнопобедима страсть хуления, которая источником своим имеет гордостное мнение сатанинское. Она и на всех, по Богу живущих добродетельно, нападает, но особенно на тех, кои преуспели в молитве и созерцании Божественных вещей. Сего ради надлежит всяким хранением блюсти чувства и благоговеинствовать пред всеми страшными тайнами Божиими и внимательно наблюдать за нападениями духа сего. Он приседит нам, когда молимся и поем псалмы, и отрыгает иной раз, по нашему невниманию, нашими устами клятвы на нас же и странные хуления на Бога вышнего, привводя их в стихи псалмов и в слова молитвы. Но против него, когда он что-либо такое произносит устами нашими, или всевает в мысли наши, надо обращать слово Христово, говоря к нему: *иди за мною сатано* (Мф. 16, 23), всякого зловония исполненный и осужденный на вечный огнь; хула твоя да падет на главу твою. Сказав это, тотчас насильно, как пленника, обратим ум на другой какой предмет божеский или человеческий, какой вспадет на мысль, или со слезами вознесем его на небеса и к Богу. Так, с Божиим нам содействием, избавимся мы от тяготы хуления.

60. Печаль есть страсть тлетворная для души и тела, и самых мозгов касающаяся. Но такова печаль мира сего, нападающая на людей, по причине временных потерь и неприятностей, которая нередко бывает для них причиною даже смерти. Печаль же по Богу весьма полезна и душеспасительна: она подает терпение в трудах и искушениях, открывает источник умиления для подвизающегося и жаждущего правды Божией, и слезами, как хлебом, насыщает сердце его, так что на нем исполняется Давидское слово: *напитаеши нас хлебом слезным, и напоиши нас слезами в меру* (Пс. 79, 6) — вином умиления.

61. Части души, расстроенные деланием худых дел, успешно воссозидает печаль по Богу и снова поставляет их в естественное им состояние: она слезами так истончавает зиму страстей и облак греха, и из мысленного воздуха души изгоняет их, что в помыслах ума нашего тотчас соделывается вёдро, в море мыслей тишина, в сердцах наших веселие и в виде лица нашего

изменение, на которое взирая, имеющие очи видеть могут с Давидом взывать: *сия измена десницы Вышняго* (Пс. 76, 11).

62. Не принимай всеваемых в тебя помыслов на ближнего по подозрениям, потому что они лживы, гибельны и всегда прельстительны. Знай, что через это демоны покушаются ввергать в ров пагубы тех, кои делают уже успехи в добродетелях: ибо иначе не могут они кого-либо из подвизающихся направить в ров осуждения и деятельного греха, как внушив ему наперед принять лукавые подозрения на ближнего, по его внешнему поведению и обычаю, потому что, подводя его таким образом самого под суд (за осуждение) и доводя до падения в грех, они вплетают его в осуждение вместе с миром, по следующему святому изречению: *аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были: судими же* (судя же других), *от Господа наказуемся, да не с миром осудимся* (1 Кор. 11, 31-32).

63. Когда по небрежности дадим демонам место влагать в уши наши подозрения на братий, — именно не наблюдая за движениями очей, тогда доводимы бываем ими до осуждения иной раз даже и совершенных в добродетели. Иной, улыбающимся лицом смотрящий и доступный для беседы со всеми, может показаться сластолюбивым и страстным, а другой, строго и мрачно смотрящий — гневным и гордым. Но по таким внешним чертам не следует составлять суждения о людях, потому что они всегда почти бывают в таком случае погрешительны. Ибо в людях замечаются большие различия в естественных свойствах, навыках и телосложениях, на которые верно смотреть и верно о них судить могут одни те, кои умное свое око душевное очистили многим сокрушением и имеют пребывающим в себе безмерный свет Божественной жизни, — коим дано видеть и тайны Царствия Божия.

64. Сделавшись самоделателями срамных дел плотских, в противность естеству служим похоти и гневу, плоть оскверняя срамными токами, а душу омрачая горечью гнева, и за то отчуждаемы бывая от Сына Божия. Почему надлежит нам осквернение нечистыми токами из тела очищать потоками слез, а омрачение души горечью гневною прогонять светом сокруше-

ния и сладостной по Богу любви, и таким образом опять соединяться с Тем, от Кого прежде были ими отчуждены.

69. Иногда горесть и болезнование причиняются сердечному чувству излиянием слез, а иногда — радость и веселие. Когда очищаемся мы покаянием от яда и скверны греха, довольные к тому имея из него слезы, тогда, как млатами тяжелыми, бывая поражаемы воспоминаниями о содеянном, глубокие из сердца испускаем стенания, от полноты чувства горести и болезнования о том. Когда же, довольно быв очищены слезами, почувствуем свободу от страстей, тогда, обвеселяемы бывая Божественным духом, как тихое и чистое стяжавшие сердце, неизреченно сладостного преисполняемся утешения от радостотворных слез умиления.

70. Иные слезы, проливаемые от покаянного сокрушения и ины, проливаемые от Божественного умиления. Те, как река, потопляют и разрушают все твердыни греха, а эти бывают то же для души, что дождь для нив и роса для злаков, питая клас ведения и делая его многосердным и многоприплодным.

71. Не то же слезы, что и умиление, но между слезами и умилением большое расстояние, те приходят от раскаяния в прежнем образе жизни и прежних падениях души для очищения сердца, как бы огнем и кипящею водою; а это свыше находит от Божественной росы Духа в утешение и прохлаждение души, тепле вступившей теперь во глубину смирения и причастившейся неприступного света созерцания, и так к Богу Давидски в радости вопиющей: *проидохом сквозе огнь и воду и извел еси ны в покой* (Пс. 65, 12).

72. Говорят, слышал я, будто невозможно навыкнуть добродетели без ухода в даль и убежания в пустыню, и удивлялся, как вздумалось им неопределимое определять местом. Ибо, если навык в добродетели есть восстановление сил души в первобытное благородство и сочетание воедино главнейших добродетелей для свойственного ей по естеству действования; а это не совне привходит в нас, как нечто вводное, а прирождено нам от сотворения, и через это входим мы в Царствие Небесное, которое внутри нас есть, по слову Господа: то пустынь излишня, когда

мы и без нее входим в Царствие через покаяние и всякое хранение заповедей, что возможно на всяком месте владычества Божия, как поет Божественный Давид: *благослови душе моя Господа, на всяком месте владычества Его* (Пс. 102, 22).

73. Кто в массе царского ополчения под воеводами и командирами в ряду с другими воинами, готовыми помочь ему и защитить его, выступив на брань, не мог показать воинской доблести и храбрости против супостатов и хоть одного из них поразить, тот как один станет воинствовать и бороться с толпою многих тем вражеских, или как может показать при этом воеводское какое дело, неискусен будучи в воевании? Если же в человеческих делах это невозможно, не тем ли более в божеских? Кто, убежав в пустыню, может узнавать набеги бесов и подступы страстей, явные и неявные, или на них делать нападение, наперед добре не обучившись отсечению своей воли среди общества братии под руководством опытного вождя в деле такой брани невидимой и мысленной? Если же это невозможно, то тем паче невозможно, чтоб такой за других успешно воевал и других научал одерживать победы над врагами.

74. Отсеки укоризненное нерадение и достойное поношения небрежение о заповедях Божиих; отбрось самоугодие и вооружись нещадно против плоти; презри славу и честь; возненавидь сластные похотения тела; бегай сытости, от коей возгорается огнь в подчревии; облобызай скудость и всякие лишения; противостой страстям; обрати чувства свои во внутрь души; направь внутреннее твое к деланию лучшего; не осуечайся человеческими делами; всю силу твою иждивай на делание заповедей; плачь, спи на земле, люби лишение и уединение; познай, наконец, не то, что окрест тебя, а что такое ты сам; будь выше ничтожности видимых вещей; устремляй мысленное око свое к созерцанию Бога; узревай красоты небесные, и сошед оттуда, возвещай братиям о благах вечной жизни и о таинствах Царства Небесного. Вот это и есть делом убежание от людей через крайнее подвижничество и цель пребывания в пустыни.

75. Если желаешь увидеть блага, которые уготовал Бог любящим Его, вселись в пустыню отречения от своей воли и бегай мира. Какого же это мира? Похоти очес и плоти, гордости помыслов и прелости видимых вещей. Если убежишь от такого мира, то *рано воссияет* тебе *свет* через узрение Божественной жизни и *исцеления души твоей,* то есть слезы *скоро возсияют* (Пс. 58, 8), и ты изменишься изменением *десницы Вышняго* (Пс. 76, 11), и *рана* страстей после сего *не приближится телеси твоему* (Пс. 90, 10). Таким образом ты, среди мира и людей пребывая, будешь как живущий в пустыне и людей не видящий. Если же таким образом не убежишь ты от сего мира, то убежание из мира видимого нисколько не послужит тебе к преуспеянию в добродетелях и соединению с Богом.

76. Быть монахом не то есть, чтоб быть вне людей и мира, но то, чтоб, отрекшись от себя, быть вне пожеланий плоти и уйти в пустыню страстей (в бесстрастие). Если великому оному (авве Арсению) и сказано: бегай людей и спасешься, то сказано в этом именно смысле. Ибо видим, что он и после того, как убежал из мира, водворялся среди людей, проходил по населенным местам и живал с учениками. Но при этом старательно соблюдая внутреннее бегство при чувственном общении, никакому вреду не подвергался он от сопребывания с людьми. *Это же* и другой некто из великих воззвал, выходя из собрания: бегайте, братия, и указал на уста, когда спросили его, от чего бегать.

77. Жизнь сбором в одном месте безопаснее уединения. О необходимости такого совместного жительства свидетельствует Священное Слово Господа Иисуса, который говорит: *идеже бо еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, 20). Об опасности же жизни уединенной говорит Соломон: *горе единому,* потому что *егда падет, не будет втораго воздвигнути его* (Еккл. 4, 10). И Давид ублажает воспевающих Бога в любви и единомыслии, говоря: *блажени людие, ведущии воскликновение* (Пс. 88, 16). Похваляет он и совместное сожительство, когда говорит: *се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе?* (Пс. 132, 1). И об учениках Господа говорится

в Деяниях, что *у них была одна душа и одно сердце* (Деян. 4, 32). Наконец, и сошествие к нам Бога было не в пустыне, а в населенных местах, среди людей грешных. Итак, необходимо общее единомысленное житие, уединение же поскользновенно и опасно.

78. *Нужда бо есть приити соблазном,* говорит Господь, но *горе человеку тому, имже соблазн приходит* (Мф. 18, 7). Сие горе навлекает на себя тот, кто, потеряв благоговеинство и небрежно, без страха Божия ведя себя посреди собора братий, многим из простейших подает соблазны. Он то действиями своими, образом держания тела и нехорошими привычками, то словами и беседою растленною растлевает души и нравы добрые и благие.

79. Исполняющий заповеди не бывает камнем соблазна для людей, потому что *в нем нет соблазна* (1 Ин. 2, 10). *Мир многлюбящим закон Твой,* и *несть им соблазна* (Пс. 118, 165), но свет, и соль, и жизнь по слову Господа: *вы есте свет мира; вы есте соль земли* (Мф. 5, 14, 13). Свет есть таковой, как добродетельный по жизни, просветительный в слове, мудрый в совете; соль, как богатый Божественным ведением и сильный в премудрости Божией; жизнь, как словесами беседы своей оживляющий умерщвленных страстями и выводящий их из ада отчаяния: и при сем светом дел своих праведных сияя пред лицом людей и освещая их, приятностью и горькостью словес своих восстягивая их от разленения и избавляя от растления страстей; а жизненностью речей своих подавая оживление душам, умерщвленным грехом.

80. Страсть тщеславия есть трехостный волчец, тщеславием, самомнением и гордостию от бесов разжигаемый и выковываемый, но теми, кои водворяются в крове Бога Небесного, он легко схватываем бывает на месте преступления (в самом начале зарождения); и остны его сокрушаются, а они на крыльях смирения воспаряют горе, и упокоеваются под сенню древа жизни.

81. Когда нечистый сей и многокозненный бес приступит к тебе, и, если ты делаешь успехи в добродетели, начнет проро-

чить тебе высоту престолов, приводя на память в помыслах деятельность твою и превознося ее, как превышающую других, и представляя тебе, что ты довольно силен даже и для того, чтоб руководить других; тогда, схватив его мысленно, не пускай убежать от тебя, если свыше получил ты силу поступать так, и, взяв его, пойди с ним мыслию в воображении к какому-нибудь, прежде сделанному тобою, худому делу, и, обнажив его пред ним, скажи ему: делающие такие дела достойны ли взойти на сию высоту предстоятельства, и кажутся ли они тебе довольно гожими к тому, чтоб руководить души и приводить их спасенными ко Христу? Ты, может быть, скажешь это, а я молчу. И он, не имея, что ответить тебе, исчезнет как дым от стыда и не станет уже более сильно докучать тебе. Если же у тебя нет ничего худого, сделанного или сказанного тобою, потому что жизнь твоя премирна, то поставь себя пред заповедями и страданиями Господа, и тотчас увидишь, что ты настолько мал пред полною мерою совершенства, насколько купель воды меньше моря. Ибо правда человеческая столько отстоит от правды Божией, сколько величина земли от неба, и комар от льва.

82. Глубоко уязвившийся любовию к Богу не имеет достаточных к удовлетворению сего расположения сил тела: ибо в трудах и потах подвижничества нет насыщения сему его расположению. Находясь в состоянии, подобном тому, в каком находится томимый крайнею жаждою, ничем не может он до насыщения удовлетворить внутренней жгущей его жажды; день и ночь готов он быть в трудах, но силы тела оставляют его. Полагаю, что, таким же сверхъестественным жаром любви пленены быв, и мученики Христовы не чувствовали мук и насыщения не имели, предаваясь им; но сами себя побеждали распаленным к Богу рвением и всегда находили, что страдания их далеко отстают от меры их пламенного желания страдать за Господа.

83. Мерящий себя в каком-либо отношении с кем-либо из сподвижников или живущих с ним братий сам себя прельщает в неведении и не Божиим идет путем. Таковой или сам себя не знает, или уклонился от пути, ведущего на небо, по которому ревнители текут в самоуничиженном мудровании, коим, перелетев

через сети врага, воспаряют в мысленный воздух на крыльях бесстрастия и в светлых веснуют местах, украшены будучи смиренномудрием.

84. Напыщенный и в самомнении умом прельщающийся никогда во свете смирения не улучит благодати умиления, ради коего даруется свет премудрости Божией тем, кои сокрушены сердцем, как написано: *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10). Его покрывает ночь страстей, в коей расхаживают все дубравные звери человеческого естества и скимны самомнения, — бесы, говорю, тщеславия и блуда, рыкая, ищут, кого поглотить и ввергнуть в чрево отчаяния.

85. Для живущего по-человечески и увлекаемого духом самомнения жизнь настоящая бывает морем зол, погружая умную часть его души в море сластных утех и удовольствий, и троечастность его неистово поражая свирепыми волнами страстей под действием духов злобы. Ему угрожает страшная опасность крайнего отчаяния, пока ладья его и кормило душевное сокрушаются сластьми плотскими и кормчий — ум — остается во глубине греха и в смерти духовной; если море зол не укроет наконец волны свои в глубине смирения, море сластей не превратит своих течений в обильные дожди слез и не преложится в сладость светоносного умиления.

86. Кто сластям и делам телесным в сытость поработал, в сытость пусть попользуется и трудами подвижническими, в потах злострадания; чтобы сытость отбить сытостию, сласть горечью, покой трудами телесными, и обрести сытость веселия и радования в упокоение. Сим образом ты и насладишься благоуханием целомудрия и чистоты, и вкусишь неизреченной сладости бессмертных плодов духовных. Подобно сему обыкновенно кладем мы в одежды очистительные зелья, для очищения их от смрада, когда они пропитаны им до невозможности употреблять их.

87. Болезни полезны для тех, кои только вводятся в добродетельную жизнь, тем, что содействуют им к истощанию и усмирению горячей плоти. Они силу плоти делают слабейшею, грубое перстное мудрование души истончавают, ее же собственную

силу соделывают сильнейшею и мощнейшею, по Божественному Павлу, который говорит: *егда бо немощствую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10).

88. От беспорядочной и неровной диеты у многих часто рождаются болезни, когда кто-то при усилении ревнования о трудах добродетельных безмерно и без рассуждения налегает на крайнее неядение, то при ослаблении его поблажает телу, естественно врагу нашему, многоядением и пресыщением. Необходимо мерное воздержание и для тех, кои вступают на путь добродетели, и для тех, кои прошли за средину подвигов и простираются к области высшего созерцания. Оно — мать здравия, друг целомудрия и сотоварищ смиренномудрия.

89. Знай, что бесстрастие двояко и двояким образом бывает в ревностных особенно. И, во-первых, по достижении конца деятельной философии (жизни) первое бывает у ревностных бесстрастие, когда, по преуспеянии в многообразных трудах подвижничества, умирают в них страсти, стремления плоти останавливаются в бездействии, и силы души начинают действовать по естеству своему, а ум возводится в первое состояние — поучаться в Божественных вещах разумно. Потом, с начатками естественного созерцания, второе, совершеннейшее, явно прибывает к ним бесстрастие, в котором ум их, по убезмолвлении помыслов, возводится в мирное устроение и делается зрительнейшим и прозрительнейшим: зрительнейшим в вещах Божественных — в узрениях лучшего, и в раскрытиях таин Божиих; прозрительнейшим в вещах человеческих — кои издали еще идут и имеют случиться. В обоих сих видах бесстрастия действует один и тот же дух, который в первом властно держит и вяжет, а во втором разрешает в свободу вечной жизни, как говорит святой Павел (см. Рим. 6, 22).

90. Приблизившийся к пределам бесстрастия правые о Боге и естествах вещей творит умозрения, и от красоты тварей, соразмерно с своею чистотою, востекая к Творцу, приемлет светолития Духа. Благие о всех имея мнения, о всех всегда думает он хорошо, всех видит святыми и непорочными и правое о вещах Божеских и человеческих произносит суждение. Ничего

не любит он из вещей мира сего, о коих так рачительны люди, но совлекшись умом от всякого мирского чувства, к небесам и к Богу востекает он, чистый от всякой тины земной и свободный от всякого рабства; весь предается мысленным благам Божиим в едином духе, и зря Божескую красоту, любит боголепно пребывать мысленно в Божественных местах блаженной славы Божией, в неизреченном молчании и радовании, и изменившись всеми чувствами, как Ангел в вещественном теле невещественно сообращается с людьми.

91. Разум находит и аскетических пять чувств: бдение, богомыслие, молитву, воздержание и уединение. Кто сочетает с сими чувствами свои чувства, именно — зрение с бдением, слух с богомыслием, обоняние с молитвою, вкус с воздержанием, осязание с уединением, тот скорее очистит ум свой и, утончив его ими, соделает его бесстрастным и зрительным.

92. Ум, обуздавший свои страсти и ставший выше печали и радости, бесстрастен. Он ни в печальных случайностях не подавляется скорбию, ни в благоприятных не разливается в радостях, но в прискорбностях радующеюся держит душу, а в благоприятностях воздержною в радости и не выходящею из меры в ней.

93. Велика ярость бесов на тех, кои пребывают в созерцании. Они день и ночь приседят им с наветами, и то через тех, кои живут вместе с ними, возбуждают на них лютые искушения, то сами поднимают шум и топот для устрашения их, — иногда нападают на них спящих, завидуя их покойному отдыху, и всячески беспокоят их, хотя не могут причинить вреда тем, кои Богу себя посвятили. И если б не было при них Ангела Господа Вседержителя, охраняющего их, не избежать бы им их наветов и сетей смертных.

94. Состоя в подвиге по деятельному любомудрию добродетели, внимательнее наблюдай за наветами губительных бесов. Ибо сколько положишь ты восхождений преуспеяния в высших добродетелях, сколько увеличится Божественный свет в молитвах твоих, и ты благодатию Духа Святого внидешь в откровения и видения неизреченные; столько они, видя тебя восходящим к небесам, скрежещут зубами и старательно про-

стирают многоплетенные сети свои по мысленному воздуху. Не только плотолюбивые и зверские бесы похоти и гнева дохнут на тебя, но и духи богохульные в горькой зависти восстанут на тебя. Сверх того эти воздушные начала и власти, явленно (наружно) и неявленно в одном воображении начнут принимать разные странные и страшные образы, чтоб смутить тебя или вред какой причинить тебе. Но, упражняясь с бодренным оком ума в делании умной молитвы, тебе нечего бояться такой стрелы, *летящия во дни,* потому что они даже к обиталищу твоему не смогут *приближится* (Пс. 90, 5, 10), будучи, как тьма, гонимы сущим в тебе светом и Божественным огнем опаляемы.

95. Духи злобы крайне боятся благодати Божественного Духа, особенно когда она присетит богатно, или когда мы сияем чистотою под действием Божественного поучения и чистой молитвы. Не смея по сей причине приблизиться к обиталищу осияваемых таким образом, они одними мечтаниями и призраками, страшными топотами и безобразными криками, покушаются устрашить и смутить их, чтоб отвлечь от бдения и молитвы. Даже и когда они лягут немного поспать на земле, не щадят их; но, завидуя этому их коротенькому отдыху от трудов, нападают на них, и некими сотрясениями вземлют сон от веждей их, замышляя сим образом сделать жизнь их более тяжкою и исполненною прискорбностей.

96. Духи тьмы кажутся облеченными в тонкие тела, как подает повод думать опыт, призрачно ли они это представляют, обманывая чувства, или осуждены на это за древнее падение. Как бы то ни было, но они устремляются схватиться с подвижническою душою, когда раб ее, тело, склоняется ко сну; что, как мне кажется, служит и к испытанию души, стоящей теперь уже выше немощей смиренного тела, — каковы ее энергия и мужество против них, грозящих ей страшным чем-либо с яростию и неистовством великим. Душа, уязвленная любовию к Богу и главнейшими добродетелями преисполненная, не только сопротивляется им в праведном гневе, но и бьет их нещадно, если есть какое чувство в них, как видится, оземленившихся вследствие отпадения от первого Божественного Света.

97. Прежде схватки и победы бесы часто возмущают душевное чувство и отъемлют сон от веждей ее. Но душа, от Духа Святого исполненная дерзновения и мужества, ни во что ставя такой их обход и горькое неистовство, одним животворящим изображением (креста) и призыванием Иисуса и Бога разрушает их призраки и самих их обращает в бегство.

98. Если по деятельному любомудрию вышел ты расхитить добычи враждебных духов, смотри и внимай, отвсюду вооружив себя оружиями духовными. Ибо знаешь, чьи сосуды похитить вознамерился ты? — супостатов, конечно, но мысленных и бесплотных, тогда как ты, в теле еще сущи, воинствуешь Царю духов и Богу. Знай, что теперь они сильнее, чем прежде, станут нападать на тебя и множайшие против тебя начнут строить козни; пока или отвоевывая скрытно свою добычу и тебя вместе с нею заберут в плен, и многой горести исполнят душу твою, или ввергнут тебя в злые и болезненные искушения через уязвление и озлобление плоти твоей.

99. Не может добрый источник испускать ручьи нечистые и вонючие, отдающиеся запахом мирским, — ни сердце, вне Царствия Небесного сущее, когда-либо источать струи Божественной жизни, издающие благоухание мысленного мира. Едва ли, говорит святой Иаков, *источник от единаго устия источает сладкое и горькое* (Иак. 3, 11). Может ли терновник производить маслины, и маслина желуди? Так ни единый источник сердца не может в одно и то же время порождать злое и благое помышление. Но, по слову Господа, *благий человек от благаго сокровища сердца своего износит благое: и злый человек от злаго сокровища сердца своего износит злое* (Лк. 6, 45).

100. Как невозможно без елея и огня гореть светильнику и светить сущим в храмине, так и душе без Божественного Духа и огня явственно возвещать о Божественных вещах и просвещать тем людей: ибо *всяк дар совершен свыше есть, от Отца светов* подаваемый любящей душе, *у Негоже несть пременение, или преложения стень* (Иак. 1, 17).

ВТОРАЯ СОТНИЦА ЕСТЕСТВЕННЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ГЛАВ ОБ ОЧИЩЕНИИ УМА

1. Начало любви к Богу — презрение вещей видимых и человеческих; средина — очищение сердца и ума, от коего мысленное умных очей открытие и познание сокровенного в нас Небесного Царствия, а конец — неудержимое вожделение преестественных даров Божиих и естественное желание общения с Богом и упокоения в Нем.

2. Где любовь Божия, делание мысленных дел и причастие неприступного света, там мир душевных сил, очищение ума и вселение Святой Троицы. Так говорит Господь: любяй *Мя, Слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23).

3. Три состояния жизни признал разум: плотское, душевное и духовное. Каждое из них имеет свой собственный строй жизни, отличный сам по себе и другим неподобный.

4. ***Плотское*** устроение жизни то, когда всецело предаются удовольствиям и наслаждениям настоящей жизни, ничего не имея из душевного или духовного устроения, и даже не желая стяжать то. ***Душевное*** стоит в средине между грехом и добродетелью, когда пекутся о довольстве и здоровье тела и заботятся о славе человеческой, равно и труды по добродетели не отметают, и избегают дел плотских, не прилежат ни к добродетели, ни к греху: к добродетели по причине несладости ее для них и притрудности, а греху из-за страха лишиться человеческих похвал. ***Духовное*** же устроение — то, когда не изволяют иметь ничего из первых двух и не допускают худа, отличающего каждое из них, но, будучи свободны от того и другого, на посребренных крылах любви и бесстрастия перелетают через обеи их, не позволяя себе делать ничего из запрещенного.

5. ***Живущие плотски*** и плотское мудрование всегда в себе пребывающим имеющие, будучи совершенно плотяны, Богу угодить не могут, как ***омраченные смыслом*** и никаких лучей Божественного света к себе не пропускающие. Ибо приналегшие на них облака страстей наподобие высоких стен

отгораживают их от духовных светочей, и они остаются без света. Будучи расстроены и повреждены во внутренних чувствах душевных, не могут они воззреть на мысленные красоты Бога, видеть свет воистину истинной жизни и стать выше ничтожных видимых вещей. Но как бы оскотинившись и мирским переполнившись чувством, привязывают ум к видимому, и все попечение и труд обращают на преходящие блага, друг с другом из-за них воюют, а бывает, что и души свои за них полагают, прилепившись к богатству, славе и плотским удовольствиям, и великим лишением почитая неимение их. К ним праведно как от лица Божия изречено пророческое оное слово: *не имать Дух Мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть* (Быт. 6, 3).

6. ***Душевно живущие*** и потому называемые душевными суть какие-то полу-умные и как бы параличом разбитые. Никакого никогда не имеют они усердия потрудиться в делах добродетели и исполнения заповедей Божиих, и только славы ради человеческой избегают явных укоризненных дел. Одержимы будучи самолюбием, сею питательницею пагубных страстей, все попечение обращают они на сохранение здоровья и услаждение плоти, от всякой же скорби, от всякого труда и всякого злострадания из-за добродетели отказываются, паче надлежащего питая и грея враждебное нам тело. Держась такого образа жизни и поведения, оземленяют они ум, отучневший от страстей, и делаются неспособными к приятию мысленных и Божественных вещей, коими душа отторгается от земли и вся устремляется к мысленным небесам. Это страждут они, потому что обладаемы еще суть вещественным духом, по коему любят свои души и исполнение своих желаний всему предпочитают. Будучи чужды Духа Святого, они непричастны и даров его; почему и плодов Божественных не увидишь в них, не только любви к Богу и ближнему, радости в нищете и скорбях, мира душевного, искренней веры и всестороннего воздержания, но и сокрушения, слез, смирения и сострадания: все в них полно надмения и гордости. В глубины Духа входить не имеют они сил: ибо нет в них света, который руководил бы их к тому и от-

верзал их ум к уразумению писаний, а других, когда они вещают о том, слушать неохочи они. Праведно потому и о них изрек святой апостол: *душевен же человек не приемлет яже Духа Божия, юродство бо ему есть: и не может разумети; зане духовне востязуется* (1 Кор. 2, 14).

7. ***Духом ходящие*** и духовную всецело восприявшие жизнь благоугодны Богу, как Ему, яко Назореи, себя посвятившие и всегда об одном заботящиеся, чтоб очищать души свои трудами подвижническими и соблюдать заповеди Господни. Готовые и кровь свою пролить за любовь к Господу, они плоть свою истощают постами и бдениями, дебелость сердца утончают слезами, уды яже на земли умерщвляют злостраданиями (произвольными лишениями), молитвою и богомыслием ум исполняют света и светлым его соделывают, отвержением своих пожеланий освобождают души свои от пристрастия к телу и становятся совершенно духовными; почему духовными не только признаются, но и именуются от всех праведно. Они, идя к бесстрастию и любви, окрыляются к созерцанию творения и оттуда приемлют ведение сущего через сокровенную в Боге премудрость, одним тем даемую, которые стали выше тела уничиженного. Прешедши таким образом всякое чувство мирское и мыслию просвещенною став выше чувства, они светлы бывают разумом, и посреди церкви и многочисленного собрания верных отрыгают благие словеса из чистого сердца, и бывают для людей соль и свет, как и Господь изрек об них: *вы есте свет мира; вы есте соль земли* (Мф. 5, 13-14).

8. *Упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11). Это глас Божественного Слова и хотящими деятельно познается. Почему отказавшемуся однажды от многомятежия жизни и пагубной суетности ее полезно со многим вниманием и безмолвием тщательно исследовать внутреннее свое, пока познает, что находит в себе Бога, так как Царствие Божие внутри нас есть. Ибо и таким образом действуя, едва кто сможет в продолжение многих лет изгладить из души худые образы (воображения) и древнюю вполне восстановить красоту для Того, Кто даровал ее.

9. Поелику прежде заложенный в нас яд зла многообилен, то многого и огня требует для очищения своего, то есть слез покаяния и произвольных подвижнических трудов, ибо мы очищаемся от скверн греха или произвольными трудами, или невольными скорбями. Когда то, что от воли, предупредит сделать требуемое, тогда не встречается нужды в том, что не от воли. Когда же первое не производит должного очищения *внутреннято сткляницы или блюда* (Мф. 23, 25), тогда второе посылается в сильнейшей степени к восстановлению в нас древнего устроения. Так бывает по домостроительству Творца нашего и Бога.

10. Посмеваются над благочестием и посмеваемы бывают делами те, которые совершили свое отречение не как следует, и с самого начала не восхотели пользоваться учителем и руководителем своему последовав разуму и *пред собою показавшись себе разумными* (Ис. 5, 21).

11. Как в телесных болезнях никто не может точно узнавать причины их и врачевства против них без большой опытности во врачебном искусстве, так и в душевных — без долгого подвижничества. Ибо как удобопогрешительным кажется и на деле очень немногим доступно бывает телесных болезней распознание, в коем упражняется искусство врачей, так тем более удобопогрешительно и более трудно, чем оно, распознание болезней душевных. Ибо чем душа превосходнее тела, тем труднее узнаваться болезни, чем тела сего, всеми чувственно видимого.

12. Главные и начальственные над другими добродетели вместе с сотворением вселены в естество человеческое, из которых, как из четырех источников, реки всех других добродетелей наполняются водою и напояют град Божий, который есть сердце, очищаемое и утешаемое слезами. Соблюдший их нерушимыми или по падении многими трудами покаяния восставивший устроил в себе царский дом и палату, в коей обитель себе творит Царь всяческих, и тем, кои себя так благоустроили, богатые дары свои распределяет и дает.

14. Не хочет Бог, чтобы делание ревностных подвижников оставалось не искушенным, но чтоб подвергалось большим испытаниям. Почему напускает на них огнь искушений и на

время сокрывает даемую им свыше благодать, а духам злобы иной раз попускает взволновывать тишину помыслов их, чтоб видеть склонение души, кому она больше угодить хочет, Творцу ли и благодетелю своему, или мирскому чувству и сласти удовольствия чувственного. И потом или усугубляет им благодать, если они преуспевают в любви Его, или бичует искушениями и скорбями, если пристрастны к земным вещам, пока восприимут ненависть к видимым благам, по причине изменчивого их непостоянства, и горесть удовольствия от них потопят в слезах.

15. Как только мир помыслов бывает возмущен духами злобы, тотчас и разжженные стрелы похоти начинают быть часто пускаемы другими ловцами, бесами плотолюбивыми, на быстро востекающий на высоту ум. Когда же движение ума горе пресечено, тогда впадает он в движения нелепые и смешанные; и таким образом плоть начинает бесчинно восставать на дух, щекотаниями и разжениями совлекая ум долу и желая погребсти его в рове сласти. И если бы Господь Саваоф не сокращал дней таковых, и рабам своим не подавал силы терпения, то *не бы убо спаслася всяка плоть* (Мф. 24, 22).

16. Многоискусный и многокозненный бес блуда для одних бывает ***причиною падений*** в ров тинный, для других служит ***бичом и жезлом*** праведным, для третьих — ***испытанием и камнем Лидийским***. Из сих первое усматривается в новоначальных еще, когда они лениво и нерадиво тянут иго подвизания; второе — в достигших средины преуспеяния в добродетели, когда они коснее простираются к ней; третье — в протянувших уже крыло ума к созерцанию, когда они только что сделали сильный порыв к совершеннейшему бесстрастию. Каждому домостроительно обращается сие свыше на пользу.

17. ***Причиною падения*** в ров тинный бывает бес блуда для тех, кои в совершенном нерадении проводят монашескую жизнь. Он разжигает члены их огнем блуда и похотью и способы им доставляет творить волю плоти и без общения с другою плотью: о чем срамно и говорить, и помышлять. Таковые плоть сквернят, как сказано (см. Иуд. 1, 8), и плоды сланой сласти

снедают, — в зраках мраком исполняются и праведно лишаются лучшего (настроения душевного). Врачевство для тех из них, кои пожелают, теплое раскаяние и рождающееся от сего слезное сокрушение, которое и бегать зла сего располагает, и душу очищает от скверн его, и наследницею ее делает милости Божией. О нем-то гадая, и премудрый Соломон праведно сказал: *изцеление утолит грехи велики* (Еккл. 10, 4).

18. ***Бичом и жезлом*** праведно бывает сей бес для тех, кои в первом бесстрастии совершенствуются через деятельное любомудрие и делают успехи в простирании в предняя к большему совершенству. Ибо когда они, по разленению, ослабят силу держимого ими подвижничества, и немного уклонятся к неохраняемому смотрению мирского чувства и войдут в вожделение человеческих вещей; тогда, по великой к ним благости Божией, попущается на них сей бес, яко бич, и начинает бить их, когда они помышляют таковое, помыслами похоти плотской, чтоб, не терпя сего, они поспешили востещи в свою башню усиленного делания и тщательного внимания, и еще усерднее взялись за спасительные дела свои, восприяв более трудный образ жизни. Ибо Бог, благолюбив сущи, не хочет, чтоб душа, до сего достигшая, совсем возвратилась к мирскому чувству, но все простиралась в ***предняя*** и усердно бралась за совершеннейшие дела, чтоб бич злобы и не приближался к ее обиталищу.

19. ***Испытанием*** и ***камнем Лидским,*** по домостроительству, бывает дух сей для тех, коих первое бесстрастие довело до второго; чтоб, будучи им докучаемы, помнили о своей естественной немощи, и при умножении откровений, бывающих от созерцания, не превозносились, по слову апостола (см. 1 Кор. 12, 7), но видя, кто этот противовоюющий закону ума их, отрясали и самое тонкое воспоминание греховное, боясь, как бы не приять сочувствия к этой, порождаемой такими воспоминаниями, срамной нечистоте, и с высоты созерцания не низвесть долу ока ума своего.

20. Одни те возмогли сохранить ум свой не стужаемым даже тонкими воспоминаниями греховными, которые сподобились свыше через Духа получить животворную мертвость Господа и

в членах, и в помышлениях своих; и плоть мертвую греху носят они, дух же жизнию обогатили через *правду, яже о Христе Иисусе,* Которым дан ум Христов в слове премудрости, в тех оказалась и нестужаемая животворная мертвость в ведении Божием.

21. В очищаемые еще души обычно как бы привходить духу похоти и гнева. Чего ради? Для того, чтоб стрясти плоды Духа Святого, висящие на них. Поелику же и радость свободы в некоей мере разливается в душах сих, то все на пользу домостроительствующая премудрость, желая всегда своими дарами к себе привлекать их мысль и их держать в непоколебимом смиренномудрии, чтоб они не превознеслись над другими многою свободою и богатством даров и не возмнили, что своею силою и своим разумом стяжали великую сию палату мира, — попускает сим духам нападать на них, между тем, как сама скрывает свое действо, дабы, поражаемые страхом падения, твердо стояли они в хранении блаженного смиренномудрия, и убедившись, что все еще связаны плотию и кровию, взыскали безопасной для себя крепости, в которой могли бы сохранены быть силою Духа.

22. Наслание искушений бывает соответственно обдержащей нас болезни страстей и залегшей внутри нас прели греховной, и, судя по ним, горькая чаша судеб Божиих растворяется для нас или лютее, или милосерднее. Когда залегшая внутри нас материя греховная, от помыслов сластолюбивых или животолюбивых произшедши, удобоизлечима и легко поддается врачевствам, тогда врачом душ наших подается чаша искушений, растворенная милосердием, потому что в таком случае мы истязуемся за человеческие немощи, как страждущие нечто человеческое. Когда же она, как от помыслов надмения и крайней гордости происшедшая, неудобоизлечима, глубоко залегла внутри и производит смертоносное расстройство, тогда чаша сия подается нерастворенною, в лютости гнева: дабы болезнь, будучи ослаблена и истончена огнем непрерывно одних за другими следующих искушений, отошла наконец от душ наших, под действием порожденного ими смирения, после того, как

мы горькие помыслы гордыни потопим в слезах, и врачу душ наших чистыми покажемся во свете смирения.

23. Невозможно подвизающимся избегнуть следующих одних за другими искушений, если они не сознают немощи своей и не почтут себя чуждыми всякой правды и недостойными никакого утешения, никакой чести, никакого упокоения. У Бога, врача душ наших, цель та, чтоб мы всегда были смиренны, сокрушенны, устранялись от всякого человека и подражали Его страданиям. Будучи Сам кроток и смирен сердцем, хочет Он, чтоб и мы в кротости и смирении сердца текли путем заповедей Его.

24. Смирение состоит не в наклонении выи или в распущении волос, или в одеянии неопрятном, грубом и бедном, в чем многие поставляют всю суть добродетели сей, но в сокрушении сердца и смирении духа, как сказал Давид: *дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

25. Ино смиреннословие, ино смирение и ино смиренномудрие. Смиреннословие и смирение проявляются подвизающимися во всяком злострадании (в произвольных лишениях) и во внешних трудах добродетели, так как они все обращаемы бывают на делания и занятия телесные, почему при них душа, не всегда бывая в твердом благонастроении, при встрече искушения смущается. И смиренномудрие, дело некое сущи Божественное и великое, бывает в одних тех, кои наитием Утешителя переступили уже средину, то есть далеко прошли вперед кратчайшим путем добродетели посредством всякого смирения.

26. Смиренномудрие, проникши во глубину души и тяжелым камнем налегши на нее, так сильно гнетет ее и стискивает, что вся крепость ее истощается в неудержимом изгнании слез, от коих ум очищается от всякой скверны помыслов, бывает в видении Божием и под действием его понуждается воззвать, подобно Исаии: о *окаянный аз, яко умилихся, яко человек сый, и нечисты устне имый, посреди людий нечистыя устне имущих аз живу: и Царя Господа Саваофа видех очима моима* (Ис. 6, 5).

27. Когда придет к тебе глубокое смиреннословие, тогда высокоречие отойдет от тебя. Когда смирение вкоренится в глу-

бине сердца твоего, тогда и смиреннословие всякое отпадет от тебя. Когда же свыше обогатишься смиренномудрием, тогда и внешнее смирение и смиреннословие языка упразднятся в тебе, по слову апостола Павла: *егда же приидет совершенное, тогда, еже от части, упразднится* (1 Кор. 13, 10).

28. На сколько отстоит восток от запада, на столько отстоит истинное смиреннословие от истинного смирения. На сколько же небо больше земли и душа тела, на столько Духом Святым подаемое совершенным смиренномудрие и совершеннее и больше истинного смирения.

29. Ни того, кто при смиренном виде и одеянии говорит смиренно, не тотчас предполагай смиренным в сердце, ни того, кто говорит высоко и высокопарно, не вдруг почитай исполненным надмения и гордости, не испытавши их наперед; но от дел их познай их.

30. Плод Духа Святого есть *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22). Плод же противоположного духа есть ненависть, малодушие мирское, нестроение душевное, тревожность сердечная, лукавство, любопытное мудрование, беспечность, гнев, неверие, зависть, многоядение, пьянство, бранчивость, осуждение, похоть очес, надмение и гордость. От таковых плодов познавай древо, и сим способом верно будешь ты узнавать, какого духа тот, кто говорит с тобою. Имеешь признаки их и словом Господа еще яснее указанными. *Благий человек,* говорит Он, *от благаго сокровища* сердца своего *износит благая: лукавый же от лукаваго сокровища* сердца своего *износит лукавая* (Мф. 12, 35). Ибо по древу и плод его.

31. В ком есть и усматриваются плоды Духа Святого; в тех и Бог обитает. От них и немутный источник Слова с мудростию и разумом, смиренно славящими ли слышишь ты их или высокое вещающими. В ком же не усматриваются плоды и дары Святого Духа, а видятся плоды противного духа, в тех — мрак неведения Бога, толпа страстей и жилище вражеских духов; смиренноглаголивыми ли и смиренномудрствующими видятся

они тебе, или говорящими о высоких вещах, в одежде заморской и с представительною наружностью.

32. Не лицами, не внешними видом и не словами характеризуется истина, и не в них почивает Бог, но в сердцах сокрушенных, в духах смиренных и в душах просвещенных боговедением. Бывает, что иной, как видим, наружно на словах ставит себя ниже других, и пред всяким смиренные о себе употребляет речения для уловления похвалы человеческой, внутри будучи полон самомнения, лукавства, зависти и злопамятства против ближнего. Бывает напротив, что иной, как видим, наружно высокомудрыми словами ратует за правду и восстает против лжи или преступления Божественных законов, на одну только при сем взирая истину и внутри полон будучи скромности, смирения и любви к ближнему, хотя иногда хвалится о Господе, подражая Павлу, который, хваляся о Господе, говорил: *похвалюся в немощех моих* (2 Кор. 12, 9).

33. Бог смотрит не на наружность того, что мы говорим или делаем, но на душевное расположение и цель, с какою или делаем что из видимых дел, или говорим о чем из вещей мысленных: как и из людей превосходящие других разумением смотрят паче на силу слов и цель дел, и по ним составляют суждения о лицах непогрешимые. Обыкновеннее же бывает, что *человек зрит на лице, Бог же зрит на сердце* (1 Цар. 16, 7).

34. Богом присуждено, чтоб из рода в род не прекращалось уготовление Духом Святым пророков Его и друзей для благоустроения Церкви Его. Ибо, если змий древний не перестает изрыгать яд греха в уши людей на пагубу душ, то, *создавший на едине, сердца* наши (Пс. 32, 15) *не воздвигнет ли от земли* смирения *нища,* и от *гноища* страстей *не возвысит ли убога* (Пс. 112, 7), посылая в помощь наследию Своему *меч духовный, иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17)? Преподобно убо те, кои отвергаются себя, начиная смирением, востекают на высоту ведения, и дается им свыше силою Божиею слово премудрости, яко *благовествующим* спасение Церкви Его (Пс. 67, 12).

35. Познай себя самого; и это есть воистину истинное смирение, научающее смиренномудрствовать и сокрушающее

сердце, и сие самое делать и хранить понуждающее. Если же ты не познал еще себя, то не знаешь и того, что есть смирение, и делания и хранения его еще не коснулся: ибо познание есть конец делания заповедей.

38. Всякий, познавший себя, почил от всех дел, кои по Богу, и вошел во святилище Божие, в мысленное богослужение Духа и в Божественное пристанище бесстрастия и смирения. Не познавший же себя через смиренномудрие еще в труде и поте шествует путем жизни сей. О сем и Давид, гадательствуя, сказал: *сие труд есть предо мною, дондеже вниду во Святило Божие* (Пс. 72, 16-17).

39. Когда кто познает себя, а это требует многого совне охранения, упразднения от дел мирских и строгого испытания совести, тогда тотчас внезапно приходит в душу и Божественное некое паче слова смирение, приносящее сердцу сокрушение и слезы теплого умиления: так что тогда испытывающий его в себе действие почитает себя землею и пеплом, червем, а не человеком, недостойным даже и животной сей жизни, за превосходство сего дара Божия, в коем пребыть сподобившийся исполняется неизреченным некиим опьянением умиления, входит в глубину смирения, и, из себя изшедши, ни во что вменяет все внешнее — яства, пития, одеяния тела, — как изменившийся добрым изменением *десницы Вышняго* (Пс. 76, 11).

40. Смирение есть нечто величайшее в добродетелях: ибо оно в ком вкоренится через искреннее покаяние и в спутницы к себе примет молитву с воздержанием, тех тотчас делает свободными от страстей, мир силам их подает, сердце очищает слезами и исполняет его тишины в нашествии Духа. Когда же они так настроятся, тогда для них уясняется через то слово ведения Божия, и они входят в созерцание таин Царствия Божия и познания тварей. Но поскольку они углубляются в глубины Духа, постольку погружаются и в глубину смиренномудрия, а от сего возрастает в них познание своих мер и немощи человеческого естества, и увеличивается любовь к Богу и ближним, так что они убеждены бывают, что почерпают освящение от одного приветствия и близости обращающихся с ними.

41. Ни что так не окрыляет души к вожделению Бога и возлюблению Его, как смиренномудрие, умиление и чистая молитва. Смиренномудрие сокрушает дух, источает потоки слез и, представляя пред очи сознания невеликость наших человеческих мер, научает видеть свою немощность; умиление очищает ум от всего вещественного, просвещает око сердечное и делает душу всю светлоблестящею; чистая молитва всего человека сочетавает с Богом, делает его сотрапезником Ангелов, дает ему вкусить сладости вечных Божиих благ, сокровищами великих таин снабжает его, и, воспламенив любовию, располагает его дерзнуть на положение души своей за другов своих, как ставшего уже выше пределов человеческого ничтожества.

42. Сохрани ты мне добрый залог обогатительного смирения, в которое складываются на сохранение сокровенные сокровища любви, в коем хранятся маргариты умиления, и Царь, Христос Бог покоится как на престоле, окованном златом, разделяя дары Духа Святого питомцам его и великих сподобляя их удостоений: слова ведения Его, неизреченной Его премудрости, узрения Божественных вещей, предузрение вещей человеческих, животворного умертвия в бесстрастии и соединения с Ним теснейшего, для соцарствования с Ним в Царствии Отца и Бога, как Сам Он Ему молится, говоря о нас: *Отче, ихже дал еси Мне, хощу, да идеже есмь Аз, и тии будут со Мною* (Ин. 17, 24).

43. Когда кто, деятельно трудясь в исполнении заповедей, внезапно исполнится радостью неизглаголанною и неизреченною, так что и сам изменится дивным некиим и невыразимым изменением, и, как бы совлекшись бремени телесного, забудет о пище, сне и других потребах естества, тогда да ведает, что это есть Божие ему посещение, производящее в подвизающихся животворное умертвие и вводящее их через то в состояние бесплотных. Такой блаженной жизни виновница есть смирение; питательница и матерь — святое умиление; другиня и сестра — созерцание Божественного света; престол — бесстрастие; конец — Пресвятая Троица — Бог.

44. Достигший до сего акрополя (кремля) не может быть держим узами чувства ни к чему из всего тварного, не обращает

взора ни на какие утехи житейские, не различает неподобного от преподобного, но как Бог равно дождит и солнце воссиявает на праведных и неправедных, на злых и благих (см. Мф. 5, 45), так и он воссиявает и простирает лучи любви своей на всех, не утесняясь в утробах своих (см. 2 Кор. 6, 12), но чреватым пребывая любовию ко всем, и если чувствует тесноту и тяготу, то только тогда, как не может благотворить, сколько хочет. Отсюда, как некогда из Едема, другой некий исходит источник, разделяющийся на четыре начала (см. Быт. 2, 10) — смиренномудрие, чистоту, бесстрастие и неразвлекаемую ничем (безмолвную) молитву, и напояет лице всего мысленного творения Божия.

45. Не вкусившие сладости слез умиления и не ведающие, какова благодать их и каково действо, думают, что они ничем не разнятся от тех, кои проливаются по умершим, придумывая при сем многие виды предположений пустых и недоуменных умозаключений. Но они естественно нам прирождены; и когда гордость ума склонится к смирению, а душа смежит очи свои от прелести видимых благ и устремит их к одному видению первого невещественного света, оттрясет всякое к миру чувство, и свыше утешения Духа сподобится, тогда слезы, как воды источника, исторгаются из нее, услаждают чувства ее, и исполняют мысли ее всякого радования и света Божественного; и не это только, но и сокрушают сердце, и ум в видении лучшего соделывают смиренномудрым. Всему сему невозможно быть в тех, кои плачут и рыдают по иным причинам.

46. Невозможно разверзть источник слез без глубочайшего смиренномудрия, ни опять смиренномудрым быть без умиления, производимого наитием Духа: ибо умиление от смиренномудрия, и смиренномудрие от умиления Святым порождаются Духом. Они, как звенья цепи, держась друг за друга и единою благодатию связуясь, составляют неразрывный союз духовный.

47. Свет, от Духа Святого нисходящий в душу, обыкновенно отходит по причине уныния, нерадения и безразличия относительно слов и яств: ибо как безразличие в яствах и вообще сытая трапеза, так равно и неудерживание языка и очес нехранение

изгоняют его из ней и делают нас омраченными. Когда же мы наполнимся тьмою, тогда *все звери селения* сердца нашего и *скимны* — страстные помыслы — с рыканием расходятся по душе, *ища* себе *пищи* в страстях и покушаясь похитить положенное в нас Духом сокровище (Пс. 103, 21). Но истинная другиня наша — воздержание, и ангелотворная молитва не только не попущают ничему такому произойти в душе, но и сохраняют в уме неугасимым светение Духа, сердце делают тихим и чистым, источают Божественное умиление, душу расширяют любовью к Богу, и всю ее, в веселии и девственности, всецело сочетавают со Христом.

48. Ничто так не свойственно разумности, как чистота и целомудрие души, коих матерь и другиня есть воздержание всестороннее, а отец — страх Божий. Страх же Божий, преложившись в вожделение Бога и сочетавшись с сердечным расположением к Божественным вещам, соделывает душу свободною от страха, полною любви и Божественного разумения родительницею.

49. Страх, наперед сочетавшись с душою, через покаяние делает ее чреватою помышлением о суде. Тогда окружают ее болезни адских мучений (см. Пс. 114, 3); воздыхания и скорбные томления с сжатием сердца терзают ее при помышлении о будущем воздаянии за дела злые. Потом она, многими слезами и трудами во чреве помышление зачатое (намерение содевать спасение) возрастивши, рождает на земле сердца своего дух спасения (решимость), и освободившись от мучений при мысли об аде, и избавившись от стенаний под действием представления суда, воспринимает в себя вожделение и радость будущих благ, и сретается другинею — чистотою с целомудрием, кои искреннею любовию сочетают ее с Богом. С Богом же сочетавшись, душа ощущает неизреченную сладость и от сего с удовольствием уже и наслаждением проливает слезы умиления, чуждою делается сочувствия всему, что в мире, и как бы в исступлении сущи, течет вслед Жениху, так взывая к Нему безгласным гласом: «*В след Тебе, в воню мира Твоего теку. Возвести ми, егоже возлюби душа моя, где пасеши? где почиваеши в полдень*

чистого созерцания, чтоб не быть мне вынужденною блуждать по стадам другов Твоих — праведников (Песн. 1, 3, 6), ибо светлосияние великих таинств у Тебя». Жених же, введши ее в сокровищехранительницу сокровенных своих таин, делает ее созерцательницею существа творений с премудростью.

50. Не говори в сердце своем: невозможно мне прочее стяжать чистоту девства, после того, как я столько раз растлевал себя и подпадал неистовству тела. Ибо где приложены будут болезни и труды покаяния с злостраданием и теплотою душевною, и источатся реки слез умиления: там все твердыни греха разрушаются, всякий огнь страстей угасает, и совершается новое свыше рождение наитием Духа Утешителя; и душа опять соделывается палатою чистоты и девства, в которую преестественный Бог, нисшедши во свете и радовании неизреченном, и как на престоле славы восседши на высоте ума ее, дает мир сущим в ней силам, так говоря: «Мир вам от борющих вас страстей, мир мой даю вам для естественного вам действования, мир мой оставляю вам для достижения преестественного совершенства». Исцелив таким образом тройственностью дарования мира троечастность души и к троичному возведши ее совершенству и с Самим Собою соединивши, всю уже делает ее Бог девственною, всю доброю, всю прекрасною, намастив ее благоуханием мира чистоты, и говорит ей: «*Востани, прииди ближняя моя, добрая моя, голубице моя,* в деятельном любомудрии. *Яко се зима* страстей *прейде, дождь* сластолюбивых помыслов *отъиде, отъиде себе, цвети* добродетелей с благоуханием помышлений *явишася на земли* сердца твоего. *Востани, прииди* ко Мне в разумном ведении естества, *прииди ты, голубице моя* сама о себе, в покров и мрак таинственного богословия и веры, сего твердого во Мне Боге камня» (Песн. 2, 10-14).

51. Блажен мне из сподобившихся доброго изменения и восхода горе тот, кто, деятельным любомудрием превзошедши стену страстных привычек и оттуда на посребренных крыльях бесстрастия в ведении поднявшись в мысленный воздух созерцания всего сущего, а отсюда вошедши в мрак богословия, почил наконец от всех сих дел своих в Боге блаженною жизнию:

ибо он, соделавшись в совершенстве земным ангелом и небесным человеком, прославил Бога в себе, чего ради и Бог прославил его.

55. Худо неверие, лукавого сребролюбия и зависти лукавейшее порождение. Если же оно худо, не паче ли худо то, что порождает его? Ибо сие последнее любовь к злату делает в сынах человеческих предпочтительнейшею любви ко Христу, Содетеля вещества почитает меньшим сего вещества, и ему служить паче нежели Богу научает тех, кои охотнее соглашаются *служить твари паче Творца и истину Божию пременяют во лжу* (Рим. 1, 25). Если же недуг сей так худ, то какой степени худости не превосходит душа, произвольно им недугующая?

56. Если любишь быть другом Христовым, ненавидь злато и его ненасытное любление, так как оно к себе обращает помышление любящего его и отрывает его от сладчайшей любви к Господу Иисусу, которая является не в виде слова, а в виде действования по заповедям Его. Если вожделеваешь злата, то, увы! конечно приобретешь его, если приобретением считаешь, а не крайнею потерею любовь к нему, предпочтительно пред любовию ко Христу. Но ведай, что при сем Христа всячески потеряешь, а вместе с Ним потеряешь и Бога, без коего нет спасения человекам.

57. Если любишь золото, то не любишь Христа. Если же Христа не любишь, а любишь золото, то смотри, кому тиран сей уподобить тебя старается? Оному, хотя ученику, но не верному, хотя другу, но оказавшемуся наветником, зле восставшим на общего Владыку, бедственно отпадшим от веры и любви к Нему и бросившимся в глубь отчаяния. Убойся же этого примера и ты, и бегай злата и любви к нему, да Христа приобрящешь, оказывая вместе с тем и к себе самому истинную любовь: ибо видишь, какова участь падшего в этот грех?

58. Без призвания свыше никогда не ищи получить председательство при помощи золота или при содействии и ходатайстве людей, хотя бы ты видел, что имеешь силу пользовать души; ибо три следующие беды могут встретить тебя, и одна из них сбудется: или негодование Божие и гнев найдут на тебя

в различных напастях и скорбных обстоятельствах, когда восстанут на тебя не только люди, но и вся почти тварь, и жизнь твоя будет многовоздыхательна; или с великим бесчестием будешь свергнут оттуда, когда преодолеют тебя другие; или умрешь не в свое время, будучи отсечен от настоящей жизни.

59. Нельзя ни во что вменять славу и бесчестие и быть выше неприятностей и приятностей, если не сподобится кто право смотреть на то, чем кончается все такое. Когда же увидит, как всякая слава, всякое удовольствие и утеха, всякое богатство и благоденствие кончается ничем, потому что смерть все это отнимает и растлевает; тогда, познав явную суетность человеческих вещей, обращает он чувства свои к вещам Божественным, и к этим, пребывающим и растлиться никогда не могущим, прилепляется, а от тех отвращается, вследствие чего становится выше скорбей и утешений земных: скорбей, как победивший в душе сластолюбие, славолюбие и любоимание; утешений, как отторгший от души мирское чувство (всякое сочувствие к мирскому). От того, почитают ли его или бесчестят, скорби ли или утешения облежат его, он всегда одинаков, и за все благодарит Бога, не ниспадая помыслом долу.

60. Тщательный может и по сновидениям угадывать движения и расположения души, и соответственно тому направлять попечение об устроении своего духовного состояния. Ибо по настроению внутреннего человека и его забот бывают и телесные движения и душевные мечтания. Кто имеет душу веществолюбивую и сластолюбивую, тому мечтаются стяжания вещей и денежные прибытки, так же женские лица и страстные объятия, от коих случается с ним осквернение плоти и одежды. У кого душа любостяжательна и сребролюбива, тот и во сне видит всегда золото: то взыскивает уплаты, то умножает проценты, то прячет добытое в кладовую, то будто осуждается как немилосердый. Кто гневлив и завистлив, тому представляется, будто за ним гонятся звери или ядовитые пресмыкающиеся, и он испытывает великие ужасы и страхи. У кого тщеславием напыщена душа, тому мечтаются добрая о нем молва, шумные ему встречи народные, предложение ему или получение им какого-либо

чина и начальства. У кого душа горда и самомнением наполнена, тот видит себя разъезжающим на блестящих колесницах или летающим на крыльях по воздуху, а других всех трепещущими пред великостию власти его. Равным образом и боголюбивый человек, как ревностный о делах добродетели и неутомимый в подвигах благочестия, имея душу чистую от пристрастия к вещественному, видит во сне или сбытие будущих вещей, или откровение страшных видений, и просыпаясь, всегда находит себя молящимся в умилении и мирном устроении души и тела, со слезами на ланитах и с беседою с Богом в устах.

61. Из того, что представляется во время сна, иное есть мечтание, иное видение, иное откровение. Мечтания суть такие сновидения, которые не стоят неизменными в воображении ума, но которых предметы перемешиваются, одни вытесняют другие или изменяются в другие; от них никакой не бывает пользы, и самое мечтание их исчезает вместе с пробуждением; их тщаливейшие ревнители презирать должны. Видения суть такие сновидения, которые во все время стоят неизменными, не преобразуются из одного в другое и так напечатлеваются в уме, что остаются на многие лета незабвенными: они показывают сбытие будущих вещей, доставляют душе пользу, приводя ее в умиление представлением страшных видов, и видящего их делают самоуглубленным, и притрепетным от неизменного созерцания представляющихся страшных вещей; тщаливейшие ревнители должны считать такие видения драгоценными. Откровения суть сущие выше всякого чувства созерцания чистейшей и просвещенной души, представляющие дивные некие Божественные дела и разумения, тайноводство сокровенных Божиих таин, сбытие наиважнейших для нас вещей, и общее применение мирских и человеческих дел.

62. Из сказанных видов сновидений первые свойственны людям чувственным и плотолюбивым, для коих Бог — чрево и укоризненное насыщение, коих ум объят тьмою по причине нерадивой и страстьми истертой жизни, и над коими издеваются бесы посредством мечтаний; вторые — тщаливым ревнителям, очищающим душевные чувства, и через видимое благо-

детельно возводимым к постижению Божественных вещей и приумножению преспеяния; третьи — совершенным, действенно наитствуемым Божественным духом и с Богом соединенным богоглаголивою душою.

63. Не у всех людей сновидения бывают истинны, и не у всех печатлеются во владычественной части ума, но у одних тех, коих ум очищен и чувства душевные просветлены, кои востекли к естественному созерцанию, у коих нет попечения о житейских вещах, ни заботы о настоящей жизни, коих долгие пощения установились в общее воздержание, а поты и труды по Богу обрели покой во святилище Божием в ведении сущего и в высшей премудрости, коих жизнь ангельская сокровенна ныне в Боге, и коих преспеяние в священном безмолвии возвело на степень пророков Церкви Божией, о которых и в книге Моисея сказал Бог: *аще будет пророк в вас, во сне* явлюся *ему, и в видении* возглаголю к нему (Чис. 12, 6), и в книге Иоиля: *и будет по сих, излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваша, и старцы ваши сония узрят, и* юноши *ваши видения увидят* (Иоил. 2, 28).

64. Безмолвие есть состояние ума нестужаемого (помыслами), тишина свободы (от страстей) и отрады душевной, стояние сердца в Боге, нетревожимое и невлаемое, светлое созерцание, ведение Божиих таин, слово премудрости из чистого ума, бездна разумений Божиих, восторжение ума, беседа Божия, неусыпное око, молитва умная, беструдный в великих трудах покой, и, наконец, единение и совокупление с Богом.

65. Пока душа расстроена в себе, по причине беспорядочного действования ее сил и потому неспособна вместить в себе Божественные лучи, пока не сподобилась она свободы от рабства мудрования плоти и не вкусила еще мира по причине недавности прекращения в ней брани неудержимых страстей; дотоле потребно ей многое молчание уст, до того, чтоб и она могла говорить с Давидом: *аз же яко глух не слышах и яко нем не отверзаяй уст своих* (Пс. 37, 14). Всегда должно ей быть печальною и в сокрушении ходить путем заповедей Христовых, пока еще оскорбляет ее враг, и она ждет пришествия Утешителя,

Коим, когда она пребывает в сокрушении и омывает себя слезами, даруется ей свобода.

66. Когда в безмолвии уготовлявший мед добродетелей станет выше смиренной плоти вследствие подвигов любомудрия (подвижнических) и его душевные силы придут в естественное состояние по причине низвержения долу мудрования (самомнения, гордости), когда, очистив сердце слезами, сделается он способным вмещать лучи Духа, облечется в нетленную животворную мертвость Христову и, сидя в горнице безмолвия, приимет Утешителя с огненным языком; тогда долженствует он с дерзновением глаголати величия Божия, и в Церкви велицей благовестить правду Его (см. Пс. 144), яко приявший внутрь чрева закон Духа, да не подобно оному рабу лукавому, скрывшему талант своего господина, ввержен будет в огнь вечный. Так и Давид, после того, как омыл грех свой покаянием и опять восприял пророческое дарование, не могши скрывать Божии благодеяния, такое обращал к Богу слово: *се устнам моим не возбраню, Господи, Ты разумел еси: Правду Твою не скрых в сердце моем, истину Твою и спасение Твое рех, не скрых милость Твою и истину Твою от сонма многа* (Пс. 39, 10-11).

67. Ум, очищенный от всякой нечистоты, по блестящим и светлым разумениям бывает для души звездным небом, имея в себе Солнце правды сияющим и светлые лучи богословия испущающим, в уяснение, что есть глубина и высота, и широта ведения Бога. Прияв в недра свои сии лучи, Он изъясняет потом словом глубины Духа всем, имеющим Духа Божественного в себе, обнаруживает лукавство духов, и поведает о тайнах Царствия Небесного.

68. Телесные похотения и взыграния плоти останавливают воздержание, пост и борение духовное; разжения же душевные и волнения сердечные чтение Божественных Писаний охлаждает, непрестанная молитва смиряет, а умиление, как елей, утишает.

69. Ни что другое так, как чистая и чуждая всего вещественного молитва, не делает человека достойным собеседником Бога и не соединяет с Ним того, кто словом молится Ему нерассеянно

в духе, когда при том душа его омывается слезами, услаждается сладостью умиления и светом Духа просвещается.

70. Прекрасно и количество в молитвенных псалмопениях, когда им руководит терпение и внимание; но собственно качество оживляет душу и бывает причиною плода (от молитвы). Качество же псалмопения и молитвы (доброе) состоит в том, чтоб молиться в духе умом; а умом молится кто когда, поя и молясь, он умом обозревает то, что содержится в Божественном Писании и приемлет восхождения разумений в сердце своем из боголепных мыслей, коими мысленно в воздух света восхищаемая душа светло осиявается, еще паче очищается, вся восторгается к небесам и созерцает красоты уготованных святым благ, вожделением коих возгораясь, тотчас являет плод молитвы источением из очес источника слез от действия светотворного Духа, доставляющих душе вкушение столь сладостное, что сподобившийся его нередко забывает совсем о телесной пище. Это и есть плод молитвы, от качества псалмопения порождающийся в душах, добре молящихся.

71. Где видится плод Духа, там присуще и качество молитвы, а где есть это качество, там прекрасно и количество псалмопения. Где же плод не проявляется, там сухо и качество; если же оно сухо, тем паче количество, которое хотя и дает труд телу, но всячески для многих бесполезно бывает.

72. Берегись козней вражеских, когда молишься и поешь псалмы Господу: ибо они всячески ухищряются отвлекать мысль и чувство от того, что поется, и все то изгладить из памяти. Делают же сие для того, чтоб лишить нас плодов молитвы, и чтоб не вкушая сих плодов, мы заскучали на псалмопении и пресекли его, в предположении, что уже долго молились, как подущает враг. Но ты настой мужественно и еще прилежнее внимай псалмам, неспешно читая их; да пожнешь плод молитвы при созерцании того, что представляют стихи псаломские, и обогатишься просвещением Святого Духа, воссиявающим в душах молящихся (сокращенно).

73. Когда что-либо такое случится с тобою, когда стараешься петь разумно, смотри, не разленись, возмалодушествовав,

и покой тела не предпочти пользе душевной, подумав, что уже поздний час. Но как только заметишь пленение ума, остановись, и хотя бы ты был уже на конце псалма, востеки усердно к началу его, и снова начав, читай по ряду тот же псалом, и делай так, хотя бы многократно в час случилось с тобою пленение. Если будешь так делать, то демоны, не снося твоего терпения и постоянства и силы рвения, убегут от тебя, стыдом покрытые.

74. Твердо ведай, что непрестанная молитва та есть, которая не отходит от души ни днем, ни ночью и которая состоит не в воздеянии рук, не в положении тела молитвенном и не в возглашении молитв языком, чтоб можно было ее видеть телесными очами, но состоит в умном делании с памятованием о Боге при постоянном умилении, и уразумевается только умеющими уразумевать сие.

75. Можно пребывать всегда в молитве, если помыслы свои держать собранными под владычеством ума в мире и благоговеинстве полном, в глубины Божии проникая и ища вкусить оттуда истекающую сладчайшую струю созерцания: что при отсутствии мира (помыслов) невозможно. Только в том, у кого душевные силы умиротворены ведением, может благоустроиться непрестанная молитва.

76. Если когда поешь песнь молитвы Богу, брат придет и постучится в дверь келлии твоей, не предпочти дела молитвы делу любви, презрев стучащегося к тебе брата: ибо это не любезно Богу. Он желает от тебя в сие время елея любви, а не жертвы молитвы. Почему, оставя дар молитвы, дай брату беседу любви, и удовлетвори его желание. Потом, возвратившись, принеси дар твой Отцу духов со слезами и сокрушенным сердцем, и дух правый обновится во утробе твоей.

77. Не в определенное время и не в определенном месте совершается таинство молитвы. Ибо если определишь дело молитвы часами, временами и местами, то кроме сего, пожалуй как бы по праву, станешь проводить время в занятиях суетных. Предел молитвы есть неподвижное пребывание ума в Боге; дело — вращание души в вещах Божественных; конец — прилеп-

ление к Богу сердцем, чтоб быть с Ним един дух, по определению и слову апостола (1 Кор. 6, 17).

78. Хотя ты умертвился уже в членах плоти и душевно оживотворился Духом и преестественных дарований сподобился от Бога, но ты все же не оставляй блуждать туда и сюда мысленную силу души своей, а приучай ее всегда вращаться в памятовании о прежних твоих прегрешениях и о сущих в аде муках, и смотри на себя как на осужденника. Вращая ум свой в таких помышлениях и так смотря на себя, ты сохранишь сокрушенный дух, и будешь иметь в себе живой источник умиления, источающий струи Божественной благодати, и Бога будешь зреть смотрящим на тебя и дающим тебе Духа во утверждение сердца твоего.

79. Благоразумное пощение, приявшее в спутники себе бдение с Богомыслием и молитвою, скоро делателя своего приводит к пределам бесстрастия, когда у него при сем и душа в преизбытке смирения будет обливаема слезами и воспламеняема любовию к Богу. Когда же он дойдет до сего, тогда оно вводит его в мир духовный, превосходящий всякий ум свободный, и любовию соединяет с Богом.

80. Не так царь о славе и царстве высокомудрствует и, восхищаясь державною властью, радуется, как монах о бесстрастии и слезах умиления. Но у того высокое мудрствование увядает вместе с царством; а этого блаженное бесстрастие с ним переходит туда и там пребывает в радовании в бесконечные веки. Как колесо, вращается таковой в настоящей жизни между людьми, мало касаясь земли и того, что на земли по необходимым потребам естества; весь же он шаровидно несется в мысленный воздух, в себе самом сочетая начало с концом, и неся виды даров благодатных вделанными в венец смирения. Для него обильною трапезою бывает созерцание Сущего, питием — чаша премудрости, упокоением — Бог.

81. Волею предавший себя трудам добродетельным и с теплым усердием совершающий подвижнический путь, великих от Бога сподобляется даров. Подвигаясь в преуспеянии к средине, доходит он до Божественных откровений и видений, и

тем более делается световидным и мудрым, чем более напрягается его подвижнический труд. Но чем выше восходит он на высоту созерцания, тем большую против себя возбуждает зависть губительных бесов: ибо они не могут равнодушно видеть, как человек прелагается в ангельское естество; почему не ленятся тайно пускать на него стрелу самомнения. Если он, уразумев кознь вражью, укроется в крепость смирения, зазрев себя (или в чувстве презрения к себе), то избегает бедственности гордыни и вводится в пристань спасения. Если же нет, то, оставлен будучи помощью свыше, предается в руки духов злобы, требующих его, как своего по духу, на невольное обучение наказательное, за то, что произвольно не явил себя обученным и искусным. Эти обучительно наказательные духи суть духи сластолюбия и плотолюбия, злобы и гнева, кои и смиряют его лютыми нападениями, пока познает свою немощь, и оплакав свое падение, побудит отменить обучительное наказание. Тогда и он может с Давидом воззвать: *благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим* (Пс. 118, 71).

82. Бог не хочет, чтоб мы всегда были смиряемы страстями (немощными являлись пред ними) и, когда бываем гонимы ими, уподоблялись зайцам, полагая камнем прибежища одного Его: ибо иначе Он не сказал бы: *Аз рех: бози есте, и сынове Вышняго* (Пс. 81, 6). Но желает, чтоб мы, и как олени, востекали на высокие горы заповедей Его, и были жаждательнейшими животворных вод Духа; чтоб, как они, по естеству, пожирая змей, в разгорячении от долгого бега, дивно превращают, как говорят, ядовитое естество змей в безвредную пищу; так и мы всякий помысл страстный, приемлемый во чрево мысленное, действом огневого бега путем заповедей Божиих и силы Духа, претворяли в благое и спасительное деяние добродетели, да явимся *всякое разумение* через деяние *пленяющими в послушание Христово* (2 Кор. 10, 5). Ибо горнему миру надлежит быть наполненному не перстными и не совершенными мужами, но духовными и совершенными, востекшими в *мужа совершенна в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

83. Вращающийся всегда в одном и том же и в предняя простертися не желающий подобен мулу, который ворочает мельничное колесо, сам ни мало не подвигаясь вперед. Ибо всегда борющийся с плотью и в одних телесных деланиях упражняющийся, при всем злострадании причиняет сам себе великий ущерб в вещах высших, не замечая того, как не постигший цели Божественной воли. Ибо, по святому Павлу, *телесное бо обучение вмале есть полезно* (1 Тим. 4, 8), пока перстное мудрование плоти не будет поглощено потоками покаянных слез, и в тело не войдет животворная мертвость духовная, и закон духа не воцарится в мертвенной плоти нашей. Благочестие же душевное, которое под действием Божественных помышлений созерцается, как древо жизни, в мысленном делании ума, везде и во всем полезно, как чистоту сердца созидающее, как мир между силами души водворяющее, как всякую доброту духовную с собою вводящее: ума просвещение, чистоту тела, целомудрие, всестороннее воздержание, смиренномудрие, умиление, любовь, освящение, небесное ведение, мудрость слова и зрение Бога. Кто по многих подвигах востек к такому совершенству благочестия, тот, чермное море страстей прешедши, вошел в землю обетования, из коей течет млеко и мед боговедения — сие неистощимое услаждение святых.

85. По порядкам и степеням любомудрой (подвижнической) жизни, надлежит нам всяко простираться в предняя и восходить к высшему, пребывая приснодвижными в тех, яже к Богу, и никогда усталости не зная в делании добра. От этого деятельного подвижничества надлежит восходить к естественному созерцанию творения, а от сего — к таинственному Богословию и упокоиваться в нем от всех трудов телесного делания, став уже выше всего телесного и дольнего, и получив благорассудное ведение истинного различения вещей. Если же мы еще не получили ведения такого различения, то не знаем и того, как простираться в предняя и восходить к совершеннейшему; и оказываемся еще худшими мирян.

86. Душа, с теплым рвением усиленно очищаемая подвижническими трудами, Божественным светом озаряется и мало-помалу

начинает узревать естественно данную ей вначале Богом красоту, и расширяться в возлюблении Создавшего ее. Поскольку же уясняются ей по мере очищения ее лучи Солнца правды, и естественная красота ее обнажается пред нею и ею познается; постольку и она умножает труды подвижнические для большего себе очищения, чтоб чисто уразуметь славу дара, какого сподобилась, и древнее восприять благородство, и сохранить для Создателя своего образ Его чистым и несмешанным ни с чем вещественным. И никогда не послабляет она себе и не перестает прилагать труды к трудам, пока не очистит себя от всякой нечистоты и скверны и не соделает достойною зреть Бога и беседовать с Ним.

87. *Открый очи мои и уразумею чудеса от закона Твоего* (Пс. 118, 18), вопиет к Богу покрываемый еще мглою земного мудрования. Ибо неведение перстного ума, как мгла и мрак глубокий, покрывая очи душевные, отемненною и омраченною ее соделывает к уразумению Божественных и человеческих вещей, не могущею устремлять взора своего к озарениям Божественного света, или вкушать благ оных, которых око не видало, о которых ухо не слыхало, которые и на сердце человеку не входили (см. 1 Кор. 2, 9). Но открывая очи свои покаянием, она все сие видит чисто, слышит внятно и разумеет разумно. И не только это, но и восхождения разумений о сем полагает в сердце своем. Вкусивши же потом и сладости сего, просвещается она в разуме и словом премудрости поведает всем о дивных благах оных, которые уготовал Бог любящим Его и всех убеждает взыскать причастия их многими подвигами и слезами.

88. Семь есть даров Духа. Слово Божие, перечисляя их, начинает сверху — от премудрости, и нисходит до конца, до духа страха Божия, говоря: дух премудрости, дух разума, дух совета, дух крепости, дух ведения, дух благочестия, дух страха Божия (см. Ис. 11, 2, 3). Нам же надлежит начинать с очистительного страха, то есть со страха мук, чтоб прежде посредством его отторгши себя от худа и покаянием очистившись от скверн греха, достигнуть и сего чистого страха, дара Духа, путем настоящим

грядущи к нему и в нем упокоеваясь во всяком делании добродетели.

89. Начавший страхом суда и преуспевающий в очищении сердца слезами покаяния, исполняется, во-первых, премудростью, так как страх начало ее есть, по реченному (см. Притч. 1, 7); потом разумом вместе и с советом, помощью которого избирает себе душеспасительные преднамерения. Сего же достигший через исполнение заповедей восходит он к ведению сущего и получает точнейшее ведение Божеских и человеческих вещей. А от сего соделавшись весь жилищем благочестия, восходит в вышний град любви и является совершенным; и тотчас чистый страх — дар Духа приемлет его, чтоб хранить положенное внутрь его сокровище Царствия Небесного. Сей страх, будучи крайне спасителен, того, кто достиг высоты любви, делает трепещущим и на всякий подвиг готовым из боязни, как бы не ниспасть с такой высоты любви и не быть опять ввержену в ужас мук.

90. Чтение Писания инаково бывает для тех, кои только вводятся в жизнь благочестия, инаково для тех, кои прошли до средины преуспеяния, инаково для тех, кои востекают к совершенству. Для одних оно бывает хлебом трапезы Божией, укрепляющим сердца их на священные подвиги добродетели, который и силу крепкую подает им на борение с духами в страстях действующими и соделывает их мужественными борцами против демонов, так что они говорят: *уготовал еси предо мною трапезу сопротив стужающим мне* (Пс. 22, 5). Для других оно — вино чаши Божественной, веселящее сердца их, в исступление их приводящее силою помышлений, ум их вземлющее от писмени убивающего и в глубины Духа испытательно вводящее, и всего его соделывающее породителем и находителем уразумений, так что и им свойственно говорить: *и чаша Твоя упоявающи мя, яко державна* (Пс. 22, 5). А для третьих — елеем Божественного Духа, умащающим их душу, укрощающим и смиряющим ее преизбытком Божественных озарений и всю ее восторгающим превыше тела, так что и она, хвалясь, вопиет: *умастил еси елеем главу мою... и милость Твоя поженет мя вся дни живота моего* (Пс. 22, 5-6).

91. Доколе мы притрудно деятельным любомудрием в поте лица направляемся к Богу, умаляя страсти плотские, дотоле хлебом насущным, который возделыванием добродетелей уготовляется и сердца человеческие укрепляет, питается с нами Господь на трапезе дарований Своих. Когда же бесстрастием освятится у нас имя Его, и Он воцарится над всеми нашими душевными силами, покорив и умирив расстояние, — худшее, говорю, лучшему, — и воля Его будет и в нас, как на небе; тогда новое и неизреченное пиво премудрости Слова, растворяемое умилением и познанием таин великих, пьет Он с нами в Царствии своем, в нас пришедшим. Когда же соделаемся мы причастниками Духа Святого и добрым изменимся изменением в обновлении ума нашего, тогда Бог сый, яко с богами, будет с нами, обожив воспринятое (человечество).

92. Когда неудержимая вода страстных помыслов ума удержана будет наитием Духа Святого, и посланная неподобных мыслей и воспоминаний бездна обуздается воздержанием и помышлением о смерти, тогда веет Божественный Дух покаяния, и нисходят воды умиления, кои Бог и Владыка наш, вливая в умывальницу покаяния, умывает мысленные ноги наши и делает их достойными ступать по двору Царствия Его.

93. Бог Слово, быв плотию и совершенным став человеком, кроме греха естество наше в свою приял ипостась, и, яко Бог совершенный, воссоздал его и обожил. Слово же суще первого ума и Бога, с словесною его соединился частию и ее горе воскрылил — мудрствовать и помышлять о Божественном. Но и огнь суще, существенным и Божественным огнем сим раздражительную силу его соделал способною живо противостоять пагубным страстям и враждебным нам бесам. А суще желанием (предметом желанным) всякого словесного естества и успокоением (полным удовлетворением вожделения, желательную его часть разжег внутреннейшею любовию к причастию оных благ вечной жизни). Таким образом всего обновив в себе человека, из ветхого Он сделал его новым.

94. Бог Слово, священно совершив в Себе Самом наше восстановление, Сам Себя потом принес за нас в жертву через

крест и смерть, и всегда дает жриму быти пречистому Телу Своему, и каждодневно предлагает его нам в душепитательную обильную трапезу, чтоб, вкушая его и пия пречистую кровь Его, в чувстве души соделовались мы через сие причащение лучшими, нежели каковы есмы, срастворяясь с ними, претворяясь из худшего в лучшее, и едино соделываясь с сугубым Словом сугубо — и телом и душою разумною, яко с воплощенным Богом, и нам по плоти единосущным: так что мы не свои, но Того есмы, Кто едино сотворил нас с Собою через бессмертную трапезу, и тем нас соделал по домостроительству, что есть Сам Он по естеству.

95. Если, испытаны быв в трудах добродетелей и предочищены слезами, приступая, вкушаем от хлеба сего и от чаши сей тем, то сугубое Слово, с двумя естествами нашими в кротости нашей срастворяясь, всецело претворяет нас в себя самого, яко воплощенное и нам по человечеству единосущное, и всех боготворит и Себе, яко сообразных с Ним и братий, усвояет, яко Бог и Отцу единосущный. Если же приступаем, будучи срастворены с веществом страстей и осквернены скверною греховною, то Оно, приближаясь к нам, естественным ему грехоистребительным огнем пожигает и попаляет нас всех, и жизненность нашу подсекает, не благоволением благости своей, а отвращением к нечувствию нашему будучи к тому понуждаемо.

96. Ко всем, по деятельному любомудрию, начавшим шествовать путем заповедей, Господь, невидимо приближаясь, сшествует им; так как они не совершенное еще имеют мудрование, душа их еще много недоумевает в деле добродетели и душевные очи их праведно удерживаемы бывают в сие время, чтоб не познали своего преуспеяния, когда сшествует им Господь, содействует им избавляться от страстей и простирает руку помощи к содеванию всякой добродетели. Когда же они продолжают делать успехи в подвигах благочестия и идти к бесстрастию через смирение, тогда Господь не хочет, чтоб они все еще оставались утомленными трудами добродетелей, но чтоб простирались далее и восходили к созерцанию. Почему, напитав их вдоволь

хлебом слез, светом умиления благословляет и ум их отверзает в познании глубины Божественных Писаний, и тотчас скрывается от них, чтоб возбудить их и понудить к тщательнейшему исканию Его.

97. Праведно Господь укоряет в косности тех, кои долго медлят в трудах деятельной жизни и не хотят расстаться с ними и на высшую востекши степень созерцания, говоря им: о *несмысленная и косная сердцем, еже веровати* (Лк. 24, 25) Тому, Кто ходящим по духу может открыть глубины Духа! Ибо нехотение от новоначальных подвигов переходить к совершеннейшим, и от буквы Божественного Писания проходить к высшему его разумению и смыслу есть признак души ленивой, не ищущей вкусить сладости духовных благ и на зло себе отвращающейся от своего преспеяния. За это ей, как несущей светильник свой погасшим, не только сказано будет: пойди, купи у продающих, но, по затворении пред нею чертога брачного, приложится: отойди; не вем тя откуду еси (см. Мф. 25, 9, 12).

98. Когда Господь Иисус Христос, как некогда к граду Вифании, приблизится к падшей душе с целью воскресить ум ее, умерший от греха и погребенный под тлением страстей, тогда мудрость и правда, погруженные в печаль об умертвии ума, в слезах сретают Его, и говорят: если бы Ты здесь у нас был, блюдомый и хранимый, то брат наш — ум — не умер бы от греха (см. Ин. 11, 21). После сего правда спешит напитать Господа Иисуса попечением о многом и деланием добродетелей и почтить Его предложением трапезы злострадания (произвольных лишений) полной и многовидной; а мудрость, оставя всякое другое попечение и притрудное злострадание, предпочитает приседеть умному деланию, мысленным движениям Господа и слушанию созерцательных Его разумений. Господь же первую милостиво приемлет за то, что она добре подвизается и усердствует напитать Его трапезою многообразного деятельного любомудрия, а за то, что она печется о многом и много занимается тем, что не много полезно, укоряет: ибо едино есть на потребу и на угождение Господу — лучшему помыслу подчинить худший, перстное мудрование души преложить в духов-

ное в потовых трудах добродетельных; а *вторую* похваляет и к Себе привлекает, как избравшую благую часть ведения духовного, в коем воспарив выше человеческих вещей, входит она в дивные глубины Божии, бисер многоценный оттуда себе добре покупает и узревает сокровенные сокровища Духа, и бывает ей радость неизреченная, которая не отымется от нее.

99. Ум, умерщвленный страстьми и оживотворенный присещением Господа Иисуса, отбросив камень нечувствия, разрешается от плениц греха и тлетворных помыслов духовными слугами Господа, то есть страхом мук и трудами доброделания; вкусив же потом света будущей жизни, отпускается идти к бесстрастию, достигнув коего, восседает на престоле чувств, и чисто священнодействовав таинство видения, бывает сотрапезником Господа Иисуса, и вместе с Ним восшедши от земли на небо, соцарствует Ему в Царствии Бога и Отца, почив от всех своих исканий.

100. Тамошнее имеющее быть по разрешению от тела возустроение для каждого ревнителя законно подвизающегося, прошедшего до средины и усовершившегося в меру возраста исполнения Христова, явственно видно бывает через действенное удостоверение Духа. Там вечная радость во свете присносущем составляет блаженство того наследия; радость непрестающая объемлет сердца законно здесь подвизающихся и веселие Духа Святого лобызает их, которое, по слову Господа, не отымется от них. Сподобившийся пришествия Утешителя здесь и плодами Его насладившийся в возделывании добродетелей, и обогатившийся дарами Его, радости исполнен сущи и всякой любви, так как всякий страх отбег от него, — в радости разрешается от уз тела, и с радостию вземлется от всего видимого, к коему, еще живущи, наперед забыл всякое чувство, и упокоевается в неизреченной радости света там, где есть всех веселящихся жилище; хотя тело в некоторых во время разрешения и пресечения союза с душою и страждет, подобно женам при трудных родах.

ТРЕТЬЯ УМОЗРИТЕЛЬНЫХ ГЛАВ СОТНИЦА – О ЛЮБВИ И СОВЕРШЕНСТВЕ ЖИЗНИ

1. Бог есть ум бесстрастный паче всякого ума и всякого бесстрастия — свет и источник света благого — премудрость, слово и ведение, и податель премудрости, слова и ведения. Кому даны сии дары чистоты ради, и в ком они усматриваются, в тех сохранным пребывает и еже по образу; так что они являются через то сынами Божиими, водимыми Духом, как написано: *елицы бо Духом Божиим водятся, сии суть сынове Божии* (Рим. 8, 14).

2. Которые трудами подвижническими соделали себя чистыми от всякой скверны плоти и духа, те стали приятелищами бессмертного естества через дарования Духа. До сего же достигшие полны суть света благого, от коего исполнены будучи в сердце тихим миром, отрыгают благие словеса, и премудрость Божия течет из уст их в ведении Божеских и человеческих вещей, и слово их чистое вещает о глубинах Духа. *На таковых несть закона* (Гал. 5, 23), так как они однажды навсегда соединились с Богом и благим изменились изменением.

3. С усердным тщанием притрудно простирающийся к Божественному бывает отображением образа Божия добродетелями душевными и телесными; поскольку тогда он в Боге и Бог в нем упокоевается по срастворению, так что он от сего есть и видится образом Божественного блаженства по богатству даров Духа, и по внутреннему устроению богом, Бог же — совершителем его совершенства.

4. Не по органическому устроению тела человек есть образ Божий, но по мысленному естеству ума, не описуемого телом, долу тяготеющим. Ибо как Божеское естество, вне всякой твари суще, не описуется, как не определимое и не телесное, не качественное, не осязаемое, не количественное, невидимое, бессмертное, необъемлемое и отнюдь нами неразумеемое, так и данное от Него нам мысленное естество, как неописуемое, не телесно есть, невидимо, неосязаемо, необъемлемо, и есть образ бессмертной и присносущной Его славы.

5. Первый Ум сый, Бог единосущное в Себе имеет Слово с Духом соприсносущным, ни без Слова и Духа никогда не бывая, по причине нераздельности естества, ни сливаясь с ними, по причине неслиянности сущих в Нем ипостасей. Почему и естественно рождая из существа своего Слово, Сам не отделяется от Него, не секом будучи в Себе. Имеет же соприсносущное Слово соестественным Себе собезначального Духа, предвечно от Отца исходящего, и от родителя своего не отсекается. Ибо у них едино есть и нераздельное естество, хотя по различию ипостасей разделяется на лица, и троично воспевается — Отец, Сын и Дух Святой. Лица сии, как единое естество и Бог един, никогда не отделяются от соприсносущного существа и естества. Сего-то триипостасного и единичного естества образ виждь в созданном Им человеке, но по части его мысленной, а не по видимой, по бессмертной, а не по смертной и разлагающейся.

6. Бог, несравненно выше сущи всех созданных Им тварей, рождая Слово без разделения с Ним, и Духа Святого испущая, в сохранение бытия и силы тварей, есть вне всего и внутри всего. Таким же образом и причастный Божеского Его естества человек, будучи образом Его, по мысленной, не телесной и не смертной душе, и ум имея естественно рождающий слово из существа своего, вне и внутри есть вещества и видимых сих членов тела. И как создавший его не разделен от своих ипостасей, Слова и Духа, так и он, по душе, не секом есть и не разделен от ума и слова, единого естества и существа, неописуемого телом.

7. Триипостасно Божество, в Отце, Сыне и Духе Святом поклоняемое. Тречастным зрится и созданный Им образ — человек, душою, умом и словом поклоняющийся самому создавшему все из не сущих Богу. Что Богу по естеству совечно и единосущно, сие и образу Его по естеству соестественно и единосущно. По сим чертам усматривается, что есть в нас по образу, и по ним я есмь образ Божий, хотя срастворен с брением и прахом.

8. Ино — образ Божий, и ино то, что усматривается в образе. Образ Божий — душа мысленная, ум и слово — единое и нераздельное естество; а усматриваемое в сем образе есть начальственность (самостоятельность), владычественность (независимость) и самовластность (свобода). Также — ина слава ума, ино достоинство его, — ино то, что по образу, и ино то, что по подобию. Слава ума есть возношение горе, приснодвижность к высшему, острозоркость, чистота, разумность, мудрость, бессмертие. Достоинство ума есть словесность, самостоятельность, владычественность, самовластие. То, что по образу, есть иметь душу с умом и словом, личную, единосущную и нераздельную. Ум и слово принадлежат душе нетелесной, бессмертной, Божественной, мысленной, и все они единосущны, совечны, нераздельны между собою и разделены быть не могут. То, что по подобию, есть праведность, истинность, благоутробие, сострадание и человеколюбие. В ком сии качества в действии суть и постоянно пребывают, в тех ясно зрится и что по образу и по подобию.

9. Троечастная разумная душа видится опять в двух видах действования, из коих одно разумное, а другое страстное. Разумное, по образу Создавшего ее сущи, неудержимо и неопределимо чувствами, яко вне и внутри их бывающее. Сим действованием она, сприобщаясь к умным Божественным силам, по естеству востекает к Богу, яко к первообразу своему, и Божественным Его услаждаема бывает естеством. Страстное же ее действование чувствами раздробляется на многие части, подлежа страданиям и отрадам. Сим действованием она, сприобщаясь к естеству чувствительному, питательному и растительному, подлежит влияниям воздуха, холода и теплоты, и в пище имеет нужду для поддержания жизни, для возрастания и здоровья. Изменяясь под действием всего сего, она иногда похотствует, и бессловесные восприемлет похотения, уклоняясь от движения по естеству, иногда преогорчевается и неразумным гневом волнуется, а иногда испытывает алчбу, жажду, печали, болезни, и опять успокаивается: так что здесь она то отрадами услаждается, то скорби терпит; почему эта сторона ее и назы-

вается справедливо страдательною или страстною, как в страстях и страданиях проявляющаяся. Когда же мертвенное сие пожерто бывает умною жизнию, в силу победы лучшего над худшим, тогда и *живот Иисусов* является *в мертвенней плоти нашей* (2 Кор. 4, 11), животворную производя в нас мертвость бесстрастия и нетленное бессмертие подавая наитием Духа Святого.

10. Как Творец всего, прежде создания всех вещей из ничего имел в Себе ведение о природе и сущности их, как Царь веков и предведатель всего, так и созданному им по образу Своему человеку в царя творения, дал иметь в себе не силу только все познавать, но и то, из чего все созданное составлено. Так сухое и холодное имеет он в персти, из коей сотворен, теплоту крови от воздуха и огня, влажные мокроты от воды, от растений растимость, от животно растений питаемость, от неразумных животных страстность, от Ангелов мысленность и разумность, от Бога вдохнутие оное невещественное, не телесную и бессмертную душу, видимую в уме и слове, и в силе Духа Святого, — чтоб быть и жить.

11. Богу, создавшему нас по образу и подобию Своему, бываем мы подобны добродетелью и разумением. Добродетель же Божия есть правда, преподобие и истина, как говорит Давид: *праведен еси, Господи, и истина Твоя окрест Тебе* (Пс. 118, 137; 88, 9), и еще: *праведен... и преподобен... Господь* (Пс. 144, 17). Бываем мы Ему подобны также правотою и благостию, ибо *благ и прав Господь* (Пс. 24, 8); словом премудрости и словом разума, ибо сии в Нем суть, и Он именуется премудростию и разумом (см. Кол. 2, 3); святостию и совершенством, как Сам говорит: *будите совершени, якоже Отец ваш небесный совершен есть* (Мф. 5, 48), и: *святи будите, яко Аз свят есмь* (Лев. 19, 2); смирением и кротостию, ибо говорит: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29).

12. Ум наш, будучи образом Божиим, имеет свойственное ему в себе, когда пребывает в сродной ему деятельности и не допускает в себе движений, далеких от его достоинства

и природы. Почему охотно любит вращаться в том, что к Богу относится и с Тем ищет соединиться, от Коего получил начало, Коим движется и к Коему устремляется по естественным своим свойствам, и Ему подражать желает человеколюбием и простотою. Чего ради рождая слово, ум, как другие небеса, возустрояет души единоплеменных человеков, и твердыми их терпением естественных добродетелей соделывает и животворит их духом уст своих, подавая им силу против пагубных страстей. Таким образом и он является устроителем мысленной твари, подражая Создателю великого мира, Богу, и ясно слышит такое к себе свыше слово: *аще изведеши честное от недостойнаго, яко уста Моя будеши* (Иер. 15, 19).

13. Кто пребывает в естественной уму деятельности и в достойном употреблении слова, тот чистым соблюдается от вещества и украшается кротостию, смирением, любовию и милосердием, и осияниями Святого Духа просвещается. К высшим созерцаниям устремляя очи ума, он достигает познания сокровенных таин Божиих и благолюбиво сообщает их словом премудрости тем, кои могут слушать сие, не только для себя размножая талант свой, но и ближним своим давая насладиться плодами его.

14. Кто лучшее из наших двух естеств превозвысил над худшим и сделал его свободным от влияния сего последнего, тот обрел невещественное между невещественными духами жительство, став и сам мысленным духом, хотя телесно видится вращающимся среди других людей.

16. Пока естественные наши силы бесчинно держат себя между собою и распадаются на многие скопы, до тех пор мы не можем быть причастными и сверхъестественных даров Божиих. Оставаясь же непричастными их, мы далеко негде стоим и от таинственного священнодействия, совершаемого мысленным деланием ума на небесном жертвеннике. Когда же мы, ревностно проходя священные подвиги, очистимся от чувственных влечений и силою Духа соберем воедино образовавшиеся в нас скопы, тогда и неизреченных Божиих благ бываем причастны, и Божественные таинства таинственного священ-

нодействия ума достойно возносим Богу Слову на пренебесный мысленный жертвенник Божий, как зрители и священнослужители бессмертных таин Его.

17. *Плоть бо похотствует на духа, дух же на плоть* (Гал. 5, 17), и брань некая стоит между обоими ими скрытная, чтоб одному из врагов сих одержать победу над другим и перетянуть властительство на свою сторону. Это и есть то, что называется в нас крамолою, скопом, бунтом, восстанием, междоусобною бранью, коею раздирается душа.

20. Божественный свет с собою соединяет причастившиеся его души, и своим единством объединяет их в себе, и своими совершенствами совершенствует их, в глубины Божии вводит умное око их, и зрителями великих таин делает их. Восхоти только крайнюю стяжать чистоту трудами духовными, и самым делом узришь в себе Богу любезное действо сказанного.

24. Для сохранения сокровенных сокровищ Духа, надо упраздниться от дел человеческих, избрав безмолвие, которое, чистотою сердца и сладостию умиления сильнее распаляя любовь к Богу, разрешает душу от уз чувств, силы ее возводит в естественное им состояние и им возвращает первобытное устроение.

34. Богоподобия, сколько оно для нас доступно, невозможно улучить ревнителю, если он наперед теплыми слезами не смоет приразившейся к нему тины греховной и не прилепится к исполнению святых заповедей Христовых. Иначе невозможно ему сделаться причастником неизреченных Божиих благ. Ибо желающий умно вкусить Божественной сладости, всецело отстает от всякого мирского чувства, и душу свою всю занимает созерцанием отложенных святым благ.

35. Сохранить неизменным богоподобие, стяжеваемое крайнею чистотою и полною любовию к Богу, возможно только при непрестанном простирании ока ума к Богу, в котором душа обыкновенно установляется через постоянное пребывание в доброделании, через непрестанную, чистую и непарительную молитву, через всестороннее воздержание и усердное чтение Писаний.

38. Когда кто соделается причастником Духа Святого и наитие Его познает из неизреченного некоего Его в себе действа и благоухания, которое ощутимо обнаружится даже и в теле, тогда в пределах естества пребывать таковой уже не может, но добрым изменением десницы Вышнего изменившись, забывает о пище и сне, презирает все телесное, небрежет о покое плоти, и весь день пребывая в трудах и потах подвижнических, утомления какого-либо или какой-либо потребы естественной не чувствует, ни голода или жажды, ни сна, или других нужд естества. Ибо *любовь Божия* с радостию неизреченною *излилась в сердце его* (Рим. 5, 5), и он, всю ночь в бодренном бдении проводя, в телесном упражнении умное совершает делание, бессмертною услаждается трапезою из бессмертных произрастений мысленного рая, в который будучи восхищен, Павел слышал неизреченные глаголы, которые не леть есть слышать человеку, имеющему пристрастие к чувственному.

40. Что из сущего в нас выше для нас рачителей — видимое или мысленное? Если видимое, то ничего уже не будет для нас предпочтительнее и желательнее вещей тленных. А если мысленное, то *Дух есть Бог, и иже кланяется Ему, духом и истиною достоит кланятися* (Ин. 4, 24). Таким образом телесное упражнение излишне бывает, когда в силе умное делание, от которого тяготеющее долу легким делается и все превращается в духовное, в единении его с лучшим.

41. Три есть степени в преуспевающих в восхождении к совершенству: очистительная, просветительная и таинственная или совершительная. Первая свойственна новоначальным, вторая — средним и третья — совершенным. По трем сим степеням восходя по порядку, рачительный подвижник возрастает до возраста Христова, и приходит *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13).

42. На очистительной степени стоят вводимые в священные подвиги. Свойственны ей — отложение образа перстного человека, освобождение от всякой чувственной страсти, облечение в нового человека, обновляемого Духом Святым. Дела ее — ненависть к чувственному, изможждение плоти, удаление от всего,

что может возбуждать страстные помыслы, раскаяние в содеянном; при сем — омытые слезами сланости греха, благоустроение нрава благодатию Духа, умиленным сокрушением очищение внутреннего сткляницы, то есть ума, от всякой скверны плоти и духа, и влияние в него вина слова, веселящего сердце человека очищаемого и принесение его царю духов для вкушения. Конец же — действенное разжение себя огнем подвижничества, трудами подвижническими извержение из себя всякого яда греховного, закаление себя через погружение в воду сокрушения и соделание себя мечом, сильно посекающим страсти и бесов. Достигший сего угасил силу естественного огня, заградил уста львов — свирепых страстей, стал силен духом, из немощного соделался крепким и, как другой Авситидианин (Иов), воздвиг себе трофей терпения, победив искусителя.

43. На просветительной степени стоят действием священных подвигов преуспевшие в первом бесстрастии. Свойственны ей — водворение в уме образа здравых словес или здравых на все воззрений и причастие Духа Святого. Дело ее — очищение ума действием Божественного огня, мысленное сердечных очей отверстие, и рождение слова с высокими помышлениями разума. А конец — Слово премудрости, уясняющее все сущее и бывающее, ведение Божеских и человеческих вещей, и откровение таин Царствия Небесного. Достигший сего мысленным деланием ума на колеснице огненной носим бывает четверицею добродетелей, и, как другой Фесвитянин (Илия), еще живой вземлется в мысленный воздух и обходит небесные области, став выше всего земного.

44. На таинственной или совершительной степени стоят пришедшие уже в меру возраста Христова. Свойственно им — пресекать воздух, возноситься выше всего, вращаться в кругу горних чинов небесных, приближаться к первому Свету, и глубины Божии исследовать духом. Дело сей степени — исполнять зрителя таких предметов — ум ведением путей Промысла, законов правды и истины, и разрешения гаданий, притч и темных словес Божественного Писания. Конец же — тайноводствовать того, кто столь усовершен, к сокровенным тайнам

Божиим, исполнять его неизреченною премудростию через сочетание с ним Духа, и в великой Церкви Божией являть его мудрым богословом, просвещающим людей богословскими поучениями. Достигший сей меры действом глубочайшего смиренномудрия и сокрушения восхищаем бывает до третьего неба богословия, как другой некий Павел, и слышит неизреченные глаголы, которые не леть есть слышать и человеку, под влиянием чувств состоящему; вкушает неизреченные блага, коих око не видало и о коих ухо не слыхало, и делается служителем таин Божиих, став устами Его, и совершает их для людей Словом, почивая при сем блаженным покоем в Боге, совершенный в совершенном, и с богословами в общении пребывая с высочайшими силами Херувимов и Серафимов, коим принадлежит слово премудрости и вместе слово разума.

50. Духовное возрастание ревнителей о спасении соответствует возрастанию Господа нашего Иисуса Христа человечеством. Когда они младенчествуют в новоначалии, тогда, подобно Господу Иисусу, млеком питавшемуся, питаются млеком телесных добродетелей или *телеснаго обучения,* которое *вмале* (ненадолго) *есть полезно* возрастающим в добродетели и мало-помалу отлагающим младенчество (1 Тим. 4, 8). Когда возрастут они до возраста юношей и твердою начнут питаться пищею видения истины Божией, как имеющие чувства душевные уже обученными (Евр. 5, 14), тогда уподобляются Господу, преуспевшему возрастом и благодатию, посреди старцев сидящему и открывающему им глубокие тайны (Лк. 2, 46). Когда же приидут *в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13), тогда бывают подобны Господу, возвещавшему всем слово покаяния, научавшему народ тайнам Царствия Небесного и между тем к страданию своему спешно приближавшемуся. Таков конец и всякого, совершившегося в добродетелях, чтоб, прошедши все возрасты Христовы, вступить в прискорбные искушения в соответствие кресту Его.

51. Пока мы состоим под стихиями телесного обучения, дотоле под приставниками и повелителями бываем, как младен-

цы, стрегомы, чтоб не касались брашен не должных, не давали воли осязанию, не засматривались на красоту, не слушали песней сладких, не услаждали обоняния ароматами, хотя мы — наследники и господа всего отцовского достояния. Когда же кончится это время обучения и завершится бесстрастием, тогда, освободясь от закона мудрования плотского, пребываем мы под законом Духа и всыновление восприемлем. Когда же и сие совершится, тогда *Дух вопиет в сердцах наших: Авва Отче!* (Гал. 4, 3, 7) — показуя и давая уразуметь нам сыновство наше и наше к Отцу и Богу дерзновение, — и сопребывает и беседует с нами, как с сынами и наследниками, не держимыми уже под игом рабства чувствам.

52. Пред теми, кои подобно Петру преуспели в вере, подобно Иакову востекли к надежде и подобно Иоанну совершились в любви, Господь, возведши их на высокую гору богословия, преобразуется: зрак лица Его в чистом слове просвещается, как солнце; одежды Его в уразумениях неизреченной премудрости бывают светлы, как свет, и Он — Бог Слово — узревается ими стоящим посреди закона и пророков, то как законоположитель и учитель, то как открыватель глубоких и сокровенных сокровищ премудрости, то как предзритель и предсказатель грядущего. Тогда, как облак светлый, осеняет их Дух, и глас таинственного богословия приходит к ним оттуда, учащий их таинству триипостасного Божества, и так вещающий им: се возлюбленный мой предел совершенства, о *нем же благоволих,* чтоб вы были мне сынами совершенными в совершенном Духе.

69. Как *не иже яве иудей есть, ни еже во плоти обрезание: но иже в тайне иудей, и обрезание сердца духом, а не писанием* (Рим. 2, 28-29): так и муж совершен в ведении и премудрости не тот, кто мног только в явном краснословии, и истинный ревнитель благочестия не тот, кто старателен о явных телесных подвижнических трудах, но кто тщателен в сокровенном умном делании, *емуже похвала не от человек, но от Бога* (Рим. 2, 29), как не познаваемому людьми, но ведаемому и любимому Богом и теми, кои тем же Духом водятся.

70. Если *от дел закона не оправдится всяка плоть пред Богом* (Рим. 3, 20), то кто одними подвижническими трудами и потами совершенными явится пред Богом? Ибо деянием (деятельною жизнию) мы приходим только в навыкновение добродетели и пресекаем действо страстей, но этим одним не делаемся совершенными в меру исполнения Христова. Что же возводит нас в полное совершенство? Искренняя вера, которая есть *уповаемых извещение* (Евр. 11, 1), которою *Авель множайшую паче Каина принес Богу жертву и свидетельствован бысть быти праведник* (Евр. 11, 4), *и Авраам зовом послуша изыти* и переселиться в землю обетования (там же, ст. 8, 9). Она возводит истинных ревнителей к крепкому упованию приятия великих даров Божиих и дает им в сердце неистощимые сокровища духовные, чтоб износить оттоле ветхие и новые тайны Божии и давать требующим. Сподобившийся быть причастником ее восходит в любовь к Богу и ею делается совершенным в ведении Бога, и входит в покой Его, почив и сам от всех дел своих, *якоже и от своих Бог* (Евр. 4, 10).

71. Древле Бог противившимся в неверии клялся, что не внидут в покой Его, почему они и не могли внити за неверствие (см. 1 Пет. 3, 20; Евр. 3, 11; 4, 6). Как же ныне некоторые без веры одним телесным деланием чают внити в покой бесстрастия, когда видим, что многие не возмогли внити сим образом и почить от всех трудов своих? Всякому потому смотреть надлежит, не лукаво ли сердце его, исполнено быв неверием, чтоб не лишиться за то, несмотря на пребывание во многих трудах, упокоения и совершенства своего, ибо ради того и подъемлются труды деятельной жизни, чтоб, так как ему оставлено еще субботство, внити в покой бесстрастия, а не впасть в древнюю притчу противления (см. Евр. 4, 11. и не пострадать того, что пострадали противившиеся тогда по неверию.

72. Будучи чувственны, словесны и разумны, десятину некую должны приносить Богу и мы от себя: как чувственные, должны мы добре воспринимать чувствами впечатления от чувственных вещей, и через красоту их востекать к созерцанию Создателя их; как словесные, добре говорить должны о Божес-

ких и человеческих вещах; как разумные, непогрешительные разумения должны иметь о Боге, о вечной жизни, о Царствии Небесном и сокрытых в нем таинствах духовных, чтоб, и по строгом исследовании, оказаться нам и чувствующими, и говорящими, и мудрствующими здраво и безукоризненно по Богу: в чем и состоит истинная мера совершенства нашего и Священное Богу приношение.

73. Истинная десятина наша Богу есть душевная пасха, то есть прехождение всякого страстного нрава и всей неразумной чувственности. Сей, вкусивший пасхи, причащается Агнца непорочна, взявшего грех мира, и не умрет к тому, но, по слову Господа, жить будет во веки (см. Ин. 6, 50-51).

74. Возбудившийся от мертвых дел со Христом воскрес. Если он воскрес со Христом в ведении, *Христос* же *ктому не умирает* (Рим. 6, 9), то и им не будет более обладать смерть неведения. Ибо Кто древле умер грехом, сдвинувшись с естественного движения, умер единожды; а Кто ныне живет, живет Богу свободою Духа Святого, возбудившего его от мертвых дел греха, так что он не живет уже плоти и миру, умерши для членов тела и для дел житейских, но живет в нем Христос, как сущем под благодатию Духа Святого, и не состоящем под законом греха, поскольку члены свои представляет в орудие правды Богу и Отцу.

75. Освободивший члены свои от рабства страстям и предавший их в рабство правде, приблизился к освящению Духа Святого, став выше закона плоти; и грех не будет уже обладать им, пребывающим в свободе и под законом Духа. Ибо не таков конец рабства страстям, каков конец работы правде: тот обыкновенно кончается мысленною пагубою души, а этот вводит в жизнь вечную *во Христе Иисусе Господе нашем* (Рим. 6, 12-23).

76. Закон плоти обладает человеком, пока он живет плотски; когда же он умрет и умертвится миру, тогда разрешается от закона ее. Иначе же умертвиться миру нельзя, как умертвившись для членов плоти; а для них умерщвляемся, когда соделываемся причастниками Духа Святого. Духа же Святого причастниками признаемся мы, когда приносим Богу достойные плоды

Духа: любовь к Богу от всей души и к ближнему от сердца, сердечную радость от чистой совести, мир душевный от бесстрастия и смирения, благостыню помыслов ума, долготерпение в скорбях и искушениях, благость в благоустроении нрава, внутреннейшую веру в Бога, ни в чем не колеблющуюся, кротость от смиренномудрия и умиления и всяческое воздержание чувств. Когда станем мы приносить такие плоды Богу, тогда будем вне закона плоти. И закон не будет уже для нас наказателем за плоды, какие, живя для плоти, принесли мы смерти. Ибо мы свободны стали от закона ее, как воскресшие со Христом от мертвых дел свободою Духа.

77. Начаток Духа в бане пакибытия приявшие и сохранившие его неугасимым, будучи тяготою плоти бременимы, воздыхают сами в себе, всыновления чающе от исполнения Утешителева, чтоб увидеть избавление своего тела от работы тлению (Рим. 8, 23). Ибо Дух вспомоществует им в естественных их немощах и ходатайствует о них *воздыханиями неизглаголанными* (Рим. 8, 26), так как по Богу есть мудрование их и упование их чает увидеть откровение сынов Божиих в мертвенной плоти их, что есть животворная мертвость Иисусова, чтоб и им пребыть сынами Божиими, от Духа Святого водимыми, и, освободясь от рабства плоти, внити в свободу славы чад Божиих, коим, яко любящим Бога, *вся поспешествуют во благое* (Рим. 8, 28).

78. Божественное Писание постигается духовно, и сокрытые в нем сокровища только духовным открываются Духом Святым. Душевный же человек откровения их приять не может (см. 1 Кор. 2, 13, 14), так как он, кроме чередования помыслов своих о другом чем думать или внимать тому, что говорит другой, не способен. К тому же он не имеет в себе и *Духа Божия, испытующаго глубины Божии* и единаго ведающаго Божие (1 Кор. 2, 10-11), но имеет дух мира чувственный, ревности и зависти полный, сварливостью и раздором переполненный, по причине коего ему юродство есть углубляться в смысл Писания и мысли его исследовать. Не имея силы разуметь его, — так как все, содержащееся в Божественном Писании, *духовне востязуется* (1 Кор. 2, 14),

божеских ли или человеческих дел то касается, — он насмехается над теми, кои *духовне то сразсуждают* (1 Кор. 2, 13), и таковых не духовными и не Духом Божиим водимыми именует, а возводительными (анагогиками, по произвольному наведению открывающими духовный смысл в Писании), и их слова и духовные разумения извращает и перетолковывает по своему смышлению. Но духовный не таков, но *востязует убо вся,* под действом Божественного Духа, сам же он ни от кого востязуем быть не может, так как у него ум — Христос, которого никто изъяснить не может (см. 1 Кор. 2, 15, 16).

79. Огнем откроется последний день, и огнем будут испытуемы дела каждого (см. 1 Кор. 3, 13), говорит святой Павел, прилагая при сем, что, чьи дела по существу нетленны, каковые он внутрь себя отложил в созидание свое, те пребудут посреди огня нетленными, и не только не сгорят, но еще соделаются блестящими, очистившись совершенно от малых каких-либо пятен. А чьи дела тленны по веществу, каковые он, как бремя, на себя возложил, те, возгоревшись, сгорят и оставят его в огне ни с чем. Дела нетленные и пребывающие суть — слезы покаяния, милостыня, сострадание, молитва, смирение, вера, надежда и всякое дело, в видах истинного благочестия содеваемое, — кои, и когда живет человек, созидаются в нем во святой храм Богу, и когда умирает, отходят с ним и сопребывают с ним нетленными во веки. А дела, в огне истлевающие, как для всех явно, суть — сластолюбие, славолюбие, сребролюбие, ненависть, зависть, воровство, пьянство, досаждение, осуждение и всякое дело, телом совершаемое, по похоти или гневу. Все такие дела, и когда живет человек, разжигаясь похотью, тлеют вместе с ним, и когда отторгается он от тела, отходят вместе с ним, но не сопребывают с ним, а быв истреблены огнем, делателя своего оставляют в огне на нескончаемую во веки веков муку.

80. Познание Бога означает, что, наздавшийся в нем через смиренномудрие и молитву, познан Богом и обогащен от Бога неложным познанием сверхъестественных таин Его. А в ком видится надмение, тот не через них (не через смирение и молитву) наздался в нем (в познании Бога), но водится духом

мира сего чувственного. Почему таковой, хотя и кажется знающим нечто, ничего из Божественных вещей не знает, как должно. Любящий Бога и ничего не почитающий достойным предпочтения любви к Богу и ближнему познал и глубины Божии, и тайны Царствия Его, как знать надлежит тому, кто Духом Божиим движется, и познан от Бога истинным делателем рая церкви Его, который любовию и совершит волю Божию, обращая души и достойными соделывая недостойных словом, данным ему от Духа Святого, и дело свое через смиренномудрие и сокрушение соблюдет некрадомым.

81. Все мы крещены водою и Духом Святым, и все то же брашно духовное вкушаем, и все то же питие духовное пием: каковое брашно и питие Христос есть. *Но не во множайших* из нас *благоволит Бог* (1 Кор. 10, 2-5). Ибо многие из верных и ревностных христиан тела свои многими подвижническими трудами и телесными деланиями измождили и утончили; но, как они при сем не имеют умиления от сокрушенного и боголюбивого сердца, и милосердия от любви к ближним и к самим себе, то оставлены пустыми, лишенными исполнения Духа Святого и удаленными от истинного познания Бога, имея мысленные ложесна свои неплодными и слово безсольное и безсветное.

82. Чего ищут назореи от Господа, не есть только взойти на гору Синай деянием или только пред взытием туда очиститься, убелить ризы свои и не иметь соития с женою, но и то, чтоб узреть не *задняя Божия* (Исх. 33, 23), а Самого Бога, изъявляющего им Свое благоволение, дающего им скрижали ведения, и посылающего их на созидание людей своих.

83. Не всех слуг Своих и учеников Господь вводит с Собою в откровение сокровенных и высших таин Своих, но только таких некиих, коим дано ухо для слышания, коих око открыто для видения и язык новый ясен. Таких взяв и отлучив от прочих, кои тоже ученики Его суть, восходит на Фаворскую гору созерцания и преображается пред ними; не тайно открывая им потребное о Царствии Небесном, но явно показуя славу и светлость Божества.

84. Многие с полным усердием возделали нивы свои и семя чистое посеяли на них, посекши наперед терния и волчцы сожегши огнем покаяния. Но, как Бог не одождил на них дождя Духа Святого от сокрушения, то они ничего с них не пожали; ибо они высохли от бездождия и не принесли в себе многоплодного класа боговедения. Почему такие, если не с гладом слова Божия, но со скудостию боговедения и с пустыми руками вышли из тела, малым ничем из воздаяния запасшись на путевое содержание.

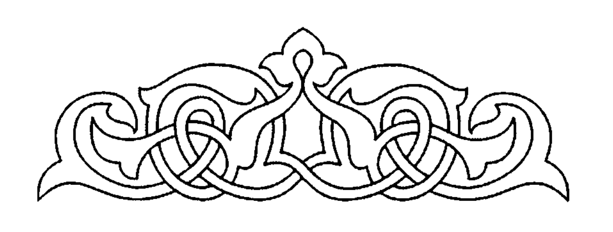
85. Всякий, износящий из уст своих полезные к созиданию ближнего слова, из благого сокровища сердца своего износит их, по слову Господа (см. Мф. 12, 35). Но никто не может войти в богословие и сказать подобающее о Боге, как только Духом Святым; и никто, Духом Божиим говорящий, не говорит того, что противно вере во Христа, но одно то, что назидает, что к Богу возводит и в Царствие Его вводит, древнее благородство восстановляет и с Богом соединяет. Если теперь явление Духа каждому дается на пользу (см. 1 Кор. 12, 7), то обогатившийся словом премудрости Божией и благую часть слова разума приявший состоит под действием Божественного Духа и храм есть неистощимых сокровищ Божиих.

86. Не оставляется непричастным благодати Духа никто из уверовавших во Христа и крестившихся, если только он не предал себя совсем в плен всякому действию противного духа и не осквернил веры делами, или с нерадением и беспечностию не сжился. Кто же сохранил неугасимым начаток Духа, приятый им в крещении или угашенный опять возжег делами правды, тому невозможно не приять и исполнения Его.

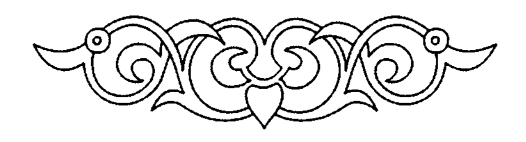
87. Имеющий любовь не умеет по рвению завидовать, не превозносится, как высокоумный и продерзый, не надмевается ни пред кем, не бесчинствует, творя неподобное в отношении к ближнему, не себе только полезного ищет, но и что полезно ближнему, не раздражается на того, кто опечаливает его, не вменяет во что-либо, если иногда придется пострадать что злое, не радуется о неправде друзей, но срадуется об истинной правде их, все находящее на него печальное покрывает, всему

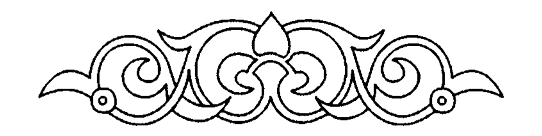
в простоте и незлобии верует, все обетованное нам Богом получить надеется, всякие искушения претерпевает, не воздавая злом за зло; и никогда от любви к ближнему не отпадает делатель любви (см. 1 Кор. 13, 4-8).

95. Когда пятерица чувств подчинена четырем главнейшим добродетелям и хранит всегдашнюю им благопокорность, тогда естество тела, из четырех стихий составленное, не мешает колесу жизни двигаться безмятежно. Когда же оно так движется, тогда силы наши не восстают одна против другой, но страстная часть похотения и гнева согласуется с мысленною, и ум, восприяв естественную свою державную власть, из четырех главных добродетелей устрояет себе колесницу, а трон из служебной пятерицы, и победив тиранствующую плоть, вземлется четвероконно восхищаемый на небеса и, представ Царю веков, венчается венцом победы, и в Нем упокоевается от течения своего.



ФЕОЛИПТ,
МИТРОПОЛИТ ФИЛАДЕЛЬФИЙСКИЙ

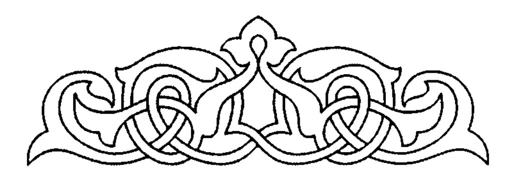




КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ФЕОЛИПТЕ, МИТРОПОЛИТЕ ФИЛАДЕЛЬФИЙСКОМ

Феолипт, воистину великое светило Филадельфийское, процветал при Андронике Втором из Палеологов, около 1325 года. Сначала он проходил подвижническую жизнь на святой горе, а оттуда потом вызван был и принял предстоятельство в Филадельфии. Здесь под его учением и тайноводством состоял Григорий Фессалоникский, которому он преподал прекрасные уроки о священном трезвении и открыл тайны умной молитвы, когда он занимался еще мирскими делами, как значится в житии сего Григория, написанном патриархом Филофеем.

Настоящее трудолюбно им составленное слово – точное изображение и верное правило сокровенного во Христе делания, равно как и последующие за ним главы, в которых прекрасно сочетаны Божественные мысли с чистотою выражения, предлагаются здесь наряду с другими (отеческими писаниями); потому что они назидательнее многого другого, и драгоценны для тех, которые желают иметь в кратком обзоре все богомудрое учение духовной философии.



ФЕОЛИПТА, МИТРОПОЛИТА ФИЛАДЕЛЬФИЙСКОГО,

СЛОВО, В КОТОРОМ ВЫЯСНЯЕТСЯ СОКРОВЕННОЕ ВО ХРИСТЕ ДЕЛАНИЕ И ПОКАЗЫВАЕТСЯ ВКРАТЦЕ, В ЧЕМ СОСТОИТ ГЛАВНОЕ ДЕЛО МОНАШЕСКОГО ЧИНА

1. Монашество есть древо высокорослое и многоплодное, которого корень — отчуждение от всего житейского, ветви — беспристрастие души и неимение никакого сочувствия к вещам, которые оставлены, плод — богатство добродетелей и боготворная любовь, и неотлучная от них радость. *Плод бо духовный есть,* говорит апостол, *любы, радость, мир* и прочее (Гал. 5, 22).

2. Удаление от мира дарует прибежище у Христа. Миром же я называю любовь к чувственным вещам и к плоти. Отчуждающийся от сего, в силу разумения истины, усвояется Христом ради любви к Нему, по которой, разделавшись со всем мирским, купил он этот один многоценный бисер — Христа.

3. Во Христа облекся ты в спасительном крещении, отложил скверну (греховную) в Божественной бане сей, восприял в ней светлость духовной благодати и первозданное благородство. Но что потом сделалось? Или лучше — что потом пострадал человек от неразумия? Любовию к миру изменил Божественные черты, сострастием к плоти исказил образ; и мрак страстных помыслов очернил у него зеркало души, внутри которого должен бы зреться Христос — умное Солнце.

4. Теперь ты снова страху Божию пригвоздил душу твою; познал омрачение мирского нестроения; уразумел рассеяние мыслей, вводимое в ум заботами житейскими; увидал суетность кружения, в которое неизбежно ввергает человека многомятежная жизнь, уязвился стрелою любви к безмолвию; взыскал мира помыслов, вняв слову пророка: *взыщи мира и*

пожени и (Пс. 33, 15); возжелал рождающегося отсюда покоя душевного, по слову того же пророка: *обратися душе моя в покой твой* (Пс. 114, 6). Ради этого и пришло тебе на мысль то благородство, которое получил ты в крещении по благодати и потом отринул злым произволением, работая страстям в мире, снова восстановить в себе благим произволением: что и в дело привел ты, пришедши в священное училище сие, облекшись в честные одежды покаяния и дав от всей души обет пребывать в монастыре до смерти.

5. Это уже второй положил ты завет с Богом. Первый (полагал ты), вступая в настоящую жизнь, а этот второй (положил ты), возревновав о (добром) конце сей жизни. Тогда веры ради сочетался ты со Христом, теперь покаянием прилепился ко Христу; тогда благодать обрел ты, теперь обязательства принял на себя; тогда, младенчествуя, не чувствовал ты дарованного тебе достоинства, хотя потом, пришедши в возраст, и величие дара сознал ты, и то, что узду носишь на устах своих, — теперь, в совершенном находясь разуме, ясно понимаешь силу обета сего.

Смотри же, (держи слово), чтоб, нарушив и это обещание, не был ты, как сосуд какой, вдребезги разбитый, выброшен во тьму кромешную, где плач и скрежет зубов: ибо кроме пути покаяния, нет другого пути, ведущего ко спасению.

6. Послушай, что возвещает тебе Давид: *Вышняго положил еси прибежище твое* (Пс. 90, 9). Прискорбную, по духу Христову, избрал ты себе жизнь, — да не приближается же к тебе зло, от обращения среди мира прилипающее к нам. Взялся ты нести покаяние, — да не идут же в след тебя любоимение, утехи, честь, украшения, несдержанность чувств; да не пребывают *беззаконницы пред очами твоими* (Пс. 5, 6), — парения мыслей, пленение ума, распущенность одни другие сменяющих помыслов, и всякое другое произвольное уклонение от правого пути и смятение; любовь к родителям, братьям, родным, друзьям и приятелям да не сретает тебя (на пути сем), и безвременное уже и бесполезное свидание и собеседование с ними да не имеет у тебя места.

7. Если так возлюбишь ты отречение от мира и телом и душою, то бич скорби не приблизится к душе твоей, и стрела печали не уязвит сердца твоего и не омрачит лица твоего. Отставшие от сластолюбивого нрава, и пристрастие ко всему сказанному пред сим отвергшие — притупляют жало печали. Ибо к подвизающейся душе приходит Христос и неизреченную подает радость сердцу, — и сей радости духовной ни что ни из сластей мира, ни из лютых горестей его, взять от него никогда не может. Благие размышления, спасительные памятования, Божественные созерцания и слова премудрости, служа подвижнику, сохраняют его на всех путях его богоугодной деятельности. Почему и наступает он на всякое неразумное похотение и продерзливую ярость, как на аспида и василиска, и попирает гнев, как льва, и сластолюбие, как змия. Причина же, почему он, отложив всякую надежду на людей и сказанные вещи, к Богу прилепился, и богатея боговедением, Бога умно призывает всегда на помощь себе, есть следующее обетование: *яко на Мя упова,* говорит Господь, *и избавлю* его, *покрыю* его, *яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу,* — и не только от всех оскорбляющих его избавлю, но и *прославлю его* (Пс. 90, 14-15).

8. Видишь ли, каковы борения подвизающихся о Господе, и какие за то воздаяния? Потщися же звание сие совершить делом, отревая и помышления о вещах, как уединился ты телом. Переменил ты одежду, — сделай себя и (в чувствах сердца) странником (чуждым всего), отложи самые слова (обычные в мире), а не только сродников по естеству. Ибо если ты не прекратишь скитания мыслями вовне, то не можешь восстать против тех, которые строят тебе засады внутри. Если не победишь борющих тебя через видимые вещи, то не обратишь в бегство невидимых наветников. Когда, прекратив внешние развлечения, ты укротишь и внутренние помыслы, тогда ум начнет воздвизаться к делам и словам духовным (или бодрствовать в них); тогда вместо порядков, соблюдаемых при обращении с родными и друзьями, будешь ты заботливо исполнять порядки доброделания, и вместо суетных слов, распложаемых мирскою беседою (на омрачение души), рассмотрение и уяснение

Божественных словес, движимых в памяти, будет просвещать и вразумлять душу твою.

9. Разрешение чувств узы налагает на душу; узы же чувств дают свободу душе. Заход солнца производит ночь; уходит Христос из души, — и мрак страстей объемлет ее, и мысленные звери растерзывают ее. Взошло чувственное солнце — и звери укрываются в норы свои; восходит Христос на тверди молящегося сердца — и всякое сочувствие к миру престает, жаление плоти исчезает и ум исходит на дело свое — богомыслие — до вечера, не известным только продолжением времени ограничивая делание духовного закона, и не в определенной только мере совершая его, но (подвизаясь в нем) пока застигнет настоящую жизнь конец и заставит душу выйти из тела: на что указывая, и пророк говорит: *коль возлюбих закон Ттвой, Господи, весь день поучение мое есть* (Пс. 118, 97), днем называя все течение настоящей жизни каждого. Итак, прекрати беседы внешние и со внешними, пока обретешь место чистой молитвы и дом, в коем обитает Христос, просвещая и услаждая тебя познанием и посещением Своим, и располагая скорби за Него считать радостью, а мирские сласти отревать, как полынь.

10. Ветры воздвигают волны морские, и если не престанут ветры, не улягутся волны и не укротится море: и духи лукавые воздвигают в душе нерадивого воспоминание о родителях, братьях, родных и друзьях, равно как о пированиях, празднествах, театрах и всех других выдумках сластолюбия, и подговаривают его повидаться с первыми и принять участие в последних зрением, языком и телом, чтоб и настоящее время истратилось суетно и следующее за тем, когда будешь сидеть один в келлии, проходило в пустых воспоминаниях о виденном и слышанном. Так бесплодно иждивается у монахов жизнь, когда они попускают воспоминаниям о мирских делах печатлеться в мысли, как ноги человека, идущего по снегу, отпечатлевают на нем следы свои. Если будем доставлять зверям пищу, когда уморим их? Если и делом и помыслами будем заняты неразумными дружбами и обычаями, когда умертвим мудрование плоти? И как возможем пожить жизнию по Христе, как обещались? След ног

на снегу уничтожается, или растаивая от лучей солнечных, или размываем будучи ниспадшею в дожде водою: и врезавшиеся в уме памятования о предметах сластолюбия и сластолюбивых делах истребляются или Христом, воссиявающим в сердце посредством молитвы, или благоумиленным дождем слез (искреннего сокрушения).

11. Неразумно действующий монах когда изгладит прежде напечатлевшиеся в уме представления? Дело добродетелей еще только телесно совершается, когда оставляешь ты обычаи мира. Печатлеются же благие памятования и Божественные слова вселяются и пребывают в душе, когда частыми молитвами, совершаемыми с теплым умилением, изгладишь из ума памятования прежних дел. Обет памятования о Боге с верою и сокрушение сердца, подобно бритве, отсекают злые воспоминания. Подражай мудрости пчел. Они, видя, что около их летает множество ос, остаются внутри улья, и таким образом, избегают вреда от этих наветников своих. Под осами разумей сношения с миром и мирянами. Их избегая со всем старанием, пребывай в сокровеннице честной обители, а отсюда далее покушайся войти во внутреннейшую сторожевую крепость души, где обитает Христос, от коего мир, радость и тишина невозмутимая. Это дары Христа, умного Солнца, которые, как лучи некие, испускает Он из Себя, и как награду какую подает душе, приемлющей Его с верою и добротолюбием.

12. Итак, сидя в келлии, памятуй о Боге: и при сем отрицая ум от всего, повергай его безгласно пред Богом, и все расположение сердца изливая пред Ним, прилепляйся к Нему любовью. Памятование о Боге есть созерцание Бога, Который влечет к Себе зрение и устремление ума, и светом Своим озаряет его. Ум, обращаясь к Богу, после того, как пресечет в себе все образные представления сущего, зрит Его безвидно, и взор свой тем просветляет, несмотря на несовершенное видение Созерцаемого, по причине неприступной Его славы. Не ведая, однако ж, Созерцаемого по непостижимости Его, ум истинно знает, что Он есть собственно Сущий и един имеет пресущное бытие; богатством же источающейся от Него благости питая

свою к Нему любовь и удовлетворяя свои стремления, сподобляется всегдашнего блаженного в Нем успокоения.

13. Таковы свойства истинного памятования о Боге. Молитва же есть мысленная беседа ко Господу, в коей произносятся слова молитвы со всецелым ока умного устремлением к Богу. Когда мысль часто призывает имя Господа, а ум напряженно внимает сему призыванию Божественного имени, тогда свет уведения Бога своим Богом, как облако светлое, осеняет всю душу.

14. За истинным и прилежным памятованием о Боге следуют любовь и радость. *Помянух,* говорит пророк Давид, *Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4). А за чистою молитвою следуют показанное уведение Бога и умиление. *Воньже аще день призову Тя,* говорит тот же пророк, *се познах, яко Бог мой еси Ты* (Пс. 55, 10); и еще: *жертва Богу дух сокрушен* (Пс. 50, 19). Когда ум и мысль предстоят Богу напряженным устремлением к Нему ока и теплым молением, тогда последует и умиление сердечное. Когда ум, слово и дух (сердце), припадают к Богу, первый — вниманием, второе — призыванием, третий — умилением, тогда весь внутренний человек службу совершает Богу, как заповедует и Господь: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего* и проч. (Лк. 10, 27).

15. Хочу, впрочем, дать тебе знать и о нижеследующем, чтоб иначе, думая о себе, что молишься, не быть тебе далеку от молитвы, не трудиться бесплодно, и не *вотще тещи* (Гал. 2, 2). Как во время устной молитвы иногда псалмопение совершается, а ум где-либо инуды носится, блуждая в страстных помышлениях по предметам мирским, так что от этого теряется самое понимание поемого, так бывает и в мысленной молитве. Часто мысль повторяет слова молитвы, а ум (внимание) не сопутствует ей, не устремляет ока своего к Богу, к Коему и обращается беседа в молитве, но незаметно уклоняется в другие какие-либо помышления. И хотя мысль обычно говорит слова, но ум ускользает от ведения Бога (памятования о Нем и разумного Ему предстояния). Тогда душа является неустроенною и как бы бессознательною; ибо ум ее блуждает в каких-либо мечтаниях

и кружится или в том, к чему невольно увлекаем и чем украдаем бывает, или в том, к чему сам произвольно отходит. Когда же в душе нет молитвенного строя, когда молящийся не сознает даже, пред Кем молится и о чем молится, как усладится ему молитва его? Как обвеселится молитвою сердце того, кто вид только имеет молящегося, а не истинную в себе учреждает молитву? *Возвеселится сердце ищущих Господа* (Пс. 104, 3). Ищет же Господа тот, кто всею мыслию и с теплым расположением припадает к Богу, отрывая всякое мирское помышление ради уведения Бога и любви, источаемых частою чистою молитвою.

16. Для пояснения того, каково должно быть в уме созерцание при памятовании о Боге и каково в мысли моление во время чистой молитвы, беру сравнение от телесного глаза и языка. Что зрачок для глаза и произношение слова для языка, то память (о Боге) для ума и молитва для мысли. Как глаз, зрительным чувством принимая впечатление от предлежащего видимого, не издает никакого звука, но самым опытом зрения получает познание о видимом, так и ум, памятью (сознанием) любовно устремляясь пред Бога в прилеплении горячего чувства и в молчании простейшего созерцания, озаряется Божественным осиянием и в нем принимает залог будущей светлости. И опять, как язык, произнося слова, открывает слышащему неявные без того желания сердца, так и мысль, часто и тепло произнося краткосложные слова молитвы, открывает прошения души все видящему Богу, а неотступностью в молитве и непрестанным сокрушением сердца отверзает человеколюбные утробы милосердого Бога и приемлет богатство спасения. Ибо *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит,* говорит пророк (Пс. 50, 19)..

17. Может поруководить тебя к уразумению образа чистой молитвы и то, как обычно действуют пред лицом земного царя. Если случится тебе получить доступ к царю, то ты и телом стоишь пред ним (достодолжно), и языком умоляешь, и очи на него (просительно) устремляешь, и таким образом привлекаешь себе царское благоволение. Делай то же и в молитве, в церковном ли стоишь собрании или молишься в келейном

уединении. Приходя в церковь на общую с братиями молитву в Господе, как телом предстоишь Ему и языком приносишь псалмопение, так и ум держи во внимании к словам и к Богу, и в ясном познании Того, с Кем беседуешь и к Кому обращаешься; помни, что если мысль усердно и чисто занимается молитвою, то сердце сподобляется неотъемлемой радости и мира неизреченного.

Когда же уединенно пребываешь в келлии, мысленную держи молитву, в трезвении ума, с сокрушением сердца, и видение осенит тебя ради трезвения, ведение вселится в тебя ради молитвы, и мудрость почиет в тебе ради умиления, изгоняя бессловесное сластолюбие и водворяя Божественную любовь.

18. Поверь мне, истину тебе говорю: если во всяком труде твоем будешь иметь при себе неотлучною матерь всего доброго — молитву, то она не воздремлет, пока не покажет тебе брачного чертога и не введет тебя внутрь, и неизреченной славы и радости не исполнит тебя. Она, отстраняя все вокруг препятствия, уравнивает стезю добродетели и делает ее удобною для ищущих (спасения).

19. Вот, посмотри, и образ мысленной молитвы! Беседа (внутреннее слово в молитве сей) уничтожает страстные движения, воззрение (или устремление) ума к Богу прогоняет мирские помышления, умиление отсекает плотолюбие. И очевидно, что молитва, в немолчном призывании Божественного имени состоящая, бывает согласием и единением ума, слова и души (сердца). Но *идеже,* говорит Господь, *два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде их* (Мф. 18, 20). Таким образом молитва, воззывая силы душевные от рассеяния по предметам страстей, и сочетавая их и между собою, и с самою тричастною душою, усвояет Сущему в трех ипостасях единому Богу. Сначала посредством разных добродетелей изгладивши из души срамоту греха, потом посредством свойственного ей святого ведения живописав в ней красоту Божественных черт, представляет она наконец душу Богу. Душа же тотчас признает своим Творца; ибо говорится: *воньже аще день призову Тя, се познах, яко Бог мой еси Ты* (Пс. 55, 10). Равно и Им познаваема бывает она;

ибо говорится: *позна* Бога *сущия Своя* (2 Тим. 2, 19). Она познает по причине чистоты образа; ибо всякий образ естественно имеет влечение к первообразу; познаваема же бывает ради подобия по добродетелям, через которые она и познание имеет о Боге, и от Бога познаваема бывает.

20. Желающий получить царское благоволение, троякий употребляет к тому способ: или (приличными) словами умоляет его (царя), или молча стоит пред ним (в умоляющем положении), или повергает себя к ногам его, единого могущего помочь ему. И чистая молитва, соединив в себе ум, слово (внутреннее) и дух (сердце), словом имя Божие призывает, умом воззревает без парения к призываемому Богу, духом (сердцем) являет сокрушение, смирение, любовь — и таким образом преклоняет к себе безначальную Троицу, Отца и Сына, и Святого Духа, Единого Бога.

21. Как разнообразие яств возбуждает желание ко вкушению их, так разные виды добродетелей (духовных совершенств) пробуждают ревность ума (к стяжанию их). Почему шествуя мысленным путем, повторяй слова молитвы и беседуй к Господу, непрестанно вопия и не унывая: неотступно молись, подражая бесстудию вдовицы, склонившей на милость неумолимого судию. Тогда (это будет значить, что) ты духом ходишь, похотям плотским не внимаешь и мирскими помыслами не пресекаешь непрерывность молитвы, но бываешь храмом Божиим, в коем неразвлеченно воспевается Бог. Так проходя мысленную молитву, сподобишься ты наконец достигнуть непрестанного памятования о Боге, войти в недоступные сокровенности ума и в таинственных созерцаниях зреть Невидимого, един Единому уединенно служа Богу, в разумных одному тебе излияниях любви.

22. Когда увидишь, что начинаешь ослабевать в молитве, возьми книгу, и внимая читаемому, усвояй смысл того; не пробегай слова будто мимоходом, но рассматривая их с рассуждением (доискиваясь смысла), слагай познанное в ум, как в сокровищницу. Потом начинай рассуждать о прочитанном, так, чтоб усладилось сердце твое уразумением того, и читаемое

оставалось незабвенным. От этого возгорится в тебе теплота при размышлении о Божественных вещах, как говорит святой Давид: *в поучении моем возгорится огнь* (Пс. 38, 4). Как пища услаждает вкус, когда бывает хорошо разжевываема зубами, так и Божественные слова питают ум и обвеселяют сердце, когда бывают вращаемы в душе рассуждением. *Коль сладка,* говорит тот же пророк, *гортани моему словеса Твоя* (118, 103). Заучивай также на память евангельские слова и изречения святых блаженных отцов, и жития их исследуй, чтоб иметь тебе все сие предметом размышления в продолжение ночей.

23. Если нужно будет тебе после чтения и размышления о Божественных словах еще чем оживлять мысль, ослабевшую к молитве и снова делать ее живодеятельною в ней, совершай устно псалмопение, тихим однако ж голосом и со вниманием ума, не позволяя себе оставлять ничего из произносимого языком неразумеваемым. Если при этом ускользнет что от внимания ума, опять начинай читать тот стих, сколько бы раз это ни случилось, пока наконец ум станет неотступно следовать вниманием за тем, что произносит язык. Ум силен и петь устами и памятовать о Боге. Учись этому из опыта. Как тот, кто ведет с кем-либо беседу и говорит с ним, и глазами на него смотрит, так и поющий псалмы может устами петь, а оком ума к Богу воззревать.

24. Не оставляй коленопреклонений. Преклонением колен изображается падение в грех, с подразумением в нем и исповедания греха; восстанием же с колен обозначается покаяние, с намеком на обет добродетельной жизни. Каждое коленопреклонение совершай с мысленным призыванием Христа, чтоб, припадая к Господу душою и телом, Бога душ и телес соделать к себе удобопременительным.

25. Если при мысленной молитве будешь иметь рукоделие какое-либо неозабочивающее, то и это будет помощью тебе в притрудном молитвенном подвиге твоем. Все показанные делания, соединяемые с молитвою, (как орудия) изощряют внимание, прогоняют уныние, душе сообщают юношескую

живость и ум соделывают более острозорким и теплоусердным к упражнению в умном делании.

26. Как только ударят в било, иди из келлии, телесными очами в землю смотря, а мысль углубляя в памятование о Боге. Вошедши в храм и восполнив собою лик молящихся, ни языком не празднословь с близстоящим монахом, ни умом не кружись в суетностях; но язык занимай одним псалмопением, а мысль держи в молитве. По окончании богослужения иди в келлию свою и начинай делать, что положено твоим правилом келейным.

27. Пришедши в трапезу, не осматривай братских частей и не разбивай души своей недобрыми подсматриваниями. Но на то только, что положено пред тобою, смотря и того одного касаясь, давай телу пищу, слуху — слышание читаемого, душе — молитву, чтоб, питаясь и телом и духом, всецело восхвалить исполняющего во благих желание твое. Оттуда встав, скромно и молча войди в келлию свою и, как трудолюбивая пчела, охотно берись за труд добрых деланий своих.

Когда делаешь какое дело вместе с братиями, пусть руки работают, уста же молчат, а ум памятует о Боге. Если бы кто подвигся на празднословие, то для пресечения сего бесчиния вставай и делай поклон.

28. Помыслы отгоняй и не позволяй им пробегать через сердце и закосневать в нем. Закоснение страстных помыслов, оживляя страсти, умерщвляет ум. Почему как только приразятся они, с первого их появления в уме спеши поразить их стрелою молитвы. Если они будут настаивать, толкая в двери внимания и возмущая мысль, то знай, что они получают подкрепление от скрытного предварившего сие нападение возжелания их; почему как бы право какое имея на душу, ради того, что пошатнулось уже произволение, они тревожат и докучают. В таком случае надобно предавать их поруганию через исповедание; ибо злые помыслы тотчас обращаются в бегство, как только бывают оглашаемы. Как при появлении света отбегает тьма, так пред светом исповедания исчезают страстные помыслы, которые и сами суть тьма. Когда, например, в помыс-

лах имели место тщеславие и похотная страсть, то они тотчас прогоняются стыдом при исповедании их и злостраданием при несении наложенной за них епитимии. После сего всякого рода помыслы, находя мысль свободною уже от страстей и занятою непрестанною сокрушенною молитвою, стремительно отбегают со стыдом.

29. Если подвижник, напрягаясь пресечь (молитвою) смущающие его помыслы, отсекает их на время и уничтожает частое их появление, совсем же не освобождается от них, но остается в состоянии борющего и боримого, то это от того, что он лелеет причины смущающих его помыслов — покой плоти и мирское честолюбие, из-за которых он не спешит и исповедать свои помыслы. Почему и покоя не имеет, держа в себе то, что дает врагам право ратовать против него. Кто, захватив чужие вещи, не бывает истязуем за них теми, кому они принадлежат? И кто, будучи истязуем и не возвращая того, что зле удерживает, может чаять свободы от соперников своих? Но когда подвизающийся, укрепившись памятованием о Боге, возлюбит уничижение и озлобление плоти и исповедует помыслы свои, не боясь стыда, враги тотчас удаляются, и мысль, сделавшись свободною, непрестанную держит молитву и непресекаемое созерцание Божественного.

30. Всякое подозрение, поднимающееся в сердце против когонибудь, отсекай в конец, потому что оно расстраивает мир и любовь. Всякую же беду, находящую совне, принимай мужественно, потому что она дает повод к спасительному терпению — терпению, за которое на небесах дарованы будут покой и отрада.

31. Так проводя дни свои, благодушно проживешь настоящую жизнь, воодушевляясь блаженными надеждами, по смерти же с дерзновением преставишься отселе и вселишься в места упокоения, уготованные тебе Господом в воздаяние за здешние труды твои, чтоб соцарствовать Ему. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцем, и всесвятым и благим и животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О ТОМ ЖЕ ДЕВЯТЬ ГЛАВ

1. Ум, удаляясь от внешнего и собираясь во внутрь, возвращается к себе самому и таким образом соединяется с естественным своим мысленным словом; и словом сим, существенно со-сущим ему, берется за молитву; молитвою же восходит к сознанию Бога со всею любительною силою и расположением сердечным. Тогда похоть плоти отходит; всякое сластолюбивое чувство престает, и все красоты земные не бывают приятны. Ибо тогда душа, заверг-ши за себя все, в теле и около тела сущее, вслед красоты Христовой влечется Ему, последуя честными делами и чистою мыслию, и поя: *приведутся Царю девы в след* Его (Пс. 44, 15); Христа представляя и предзря со словом пророка: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Пс. 15, 8); ко Христу прилепляясь любовию и взывая: *Господи пред Тобою все желание мое* (Пс. 37, 10); ко Христу всегда взирая и вопия: *очи мои выну ко Господу* (Пс. 24, 15), со Христом беседуя чистою молитвою, Его ею услаждая в радовании, и говоря: *да усладится Ему беседа моя, аз же возвеселюся о Господе* (Пс. 103, 34). Ибо и Бог, приемля молитвенную беседу, и как любимый, и как именуемый, и как на помощь взыскуемый, неизреченную подает радость молящейся душе; и душа, поминая Бога, в молитвенной беседе возвеселяется о Господе, говоря с пророком: *помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4).

2. Храни чувства и упразднишь услаждение чувственным. Бегай и мысленных мечтаний о сластях чувственных и упразднишь сластолюбные помыслы. Ум же, немечтательным пребывая, как не приемлющий впечатлений и изменений ни от предметов сластных, ни от помыслов похотных, находится в чистой простоте, и быв выше всех чувственных и мысленных вещей, к Богу возводит помышление свое, ни что другое, как имя Господа при непрестанной памяти в глубине сердца возглашая, как дитя отца своего. И как Адам, рукою Божиею созданный из персти, бысть в душу живу дуновением Божественным; так и ум, добродетелями пересозданный, частым призыванием Господа с чистою мыслию и теплым расположением возглашаемым, Божественным изменением изменяется, будучи оживляем и боготворим познанием и возлюблением Бога.

3. Когда выступишь из похотения вещей земных непрестанною сердечною молитвою, и как сном почиешь от помышления о всем, что после Бога, и всецело утвердишься в единой памяти Божией, тогда воссозиждется в тебе как бы иная помощница, любовь Божия. Ибо из молитвы рождающееся сердечное вопияние источает любовь Божественную, а Божественная любовь возбуждает ум к объявлению сокровенных вещей. Тогда ум, с любовию сгармонировавшись, оплодотворяется премудростию, и действием премудрости возвещает дивные вещи. Ибо Бог Слово, в молитвенном воззвании сердечно именуемый, вземлет разумение, как ребро, и дарует ведение, и место его восполняя благим расположением, дарует добродетель, созидает светотворную любовь и приводит ее к исступившему уму, спящему и почивающему от всякого земного похотения. Сия-то любовь и оказывается иною помощницею уму, почившему от неразумного пристрастия к чувственным вещам тем, что возбуждает ум к словесам премудрости. Тогда ум, взирая на нее и ею услаждаясь, в пространном слове обнародывает другим сокровенные расположения добродетели и незримые действия разума.

4. Выступи из всего чувственного и оставь закон плоти, и закон духовный напишется в сердце твоем. Ибо как духом ходящий похоти плотской не совершает, по апостолу (см. Гал. 5, 16), так выступающий из чувств и чувственного, то есть из плоти и мира, приходит в состояние духом ходить и духовное мудрствовать. Сие уразуметь можешь ты и из того, что Бог делал для Адама прежде преслушания.

5. Подвизающегося в хранении заповедей, в раю молитвы пребывающего и Богу предстоящего непрестанною памятью Бог исступляет из сластолюбивых воздействий плоти, всех чувственных движений, и всех воображений чувственных вещей в мысли, и мертвым соделывая его для страстей и греха, представляет причастником Божественной жизни. Ибо как спящий и мертвому уподобляется и жив есть, — первое по телу, а второе по действу души, так и в духе пребывающий для плоти и мира мертвым является, а мудрованием духа жив бывает.

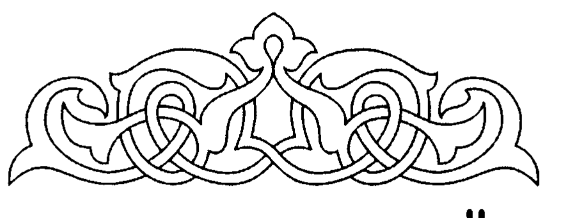
6. Если понимаешь, что поешь, то получаешь познание; от познания стяжавается сознание или совесть (относительно

познанного); от совести прозябает совершение познанного делом; от сего совершения произрастает плод опытного ведения; опытное же ведение возводит к истинному созерцанию; от сего же воссиявает премудрость, светозарными словесами благодати исполняющая воздух мысленный, и тем, кои вне суть, изъясняющая сокровенное.

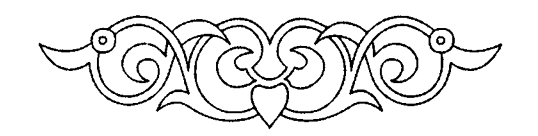
7. Сначала ум ищет и находит, потом соединяется с найденным. Искание совершает он разумом, а соединение любовию. Искание разумом бывает ради истины, а соединение любовию ради добра.

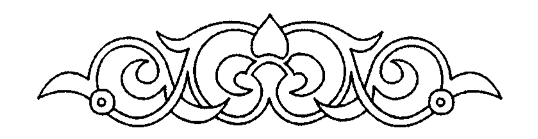
8. Стоящий выше текучего естества настоящих вещей и чуждый похотения вещей преходящих не смотрит на дольнее и не вожделевает красот земных, но на горнее отверстыми имеет очи свои, горние доброты зрит, и вкушение чистого блаженства поставляет себе целью. Ибо как для внимающего одним вещественным благам земли и склонного к плотским удовольствиям небеса заключены, как для имеющего омраченными мысленные очи свои? так презирающий дольнее и отвращающийся от него имеет ум горе восторженным, видит славу присносущных благ и постигает светозарность, обетованную святым. Таковой и любовь Божию, свыше в него сходящую, приемлет и храмом Духа Святого бывает, и Божественных хотений вожделевает, и Духом Божиим водится, и сыноположения сподобляется, и Бога имеет благоволящим к нему и им благоугождающимся. *Елицы бо Духом Божиим водятся, сии суть сынове* (Рим. 8, 14).

9. Под предлогом немощи не оставляй молитвы, даже на один какой день, пока есть в тебе дыхание, слыша слова апостольские: *егда бо немощствую, тогда силен есмь* (2 Кор. 12, 10). Действуя так, большую получишь пользу; и молитва скоро восставит тебя при содействии благодати: ибо где утешение Духа, там немощь и уныние не постоят.



ПРЕПОДОБНЫЙ ГРИГОРИЙ СИНАИТ



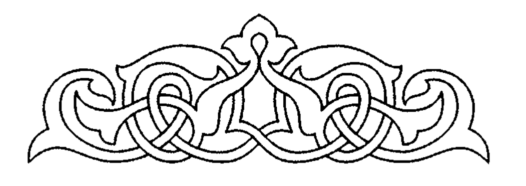


КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ ГРИГОРИИ СИНАИТЕ

Святой отец наш Григорий, постриженный в монашество на Синайской горе и потому прозванный Синаитом, процветал в царствование Андроника Палеолога, около тысяча триста тридцатого года. Пришедши на Афонскую гору и там осмотревши монастыри и безмолвища, многих отцов нашел он, кои украшались познаниями и чистотою нравов, но прилежали только о деятельной жизни, о хранении же ума, точном безмолвии и созерцании так мало были сведущи, что даже и наименований сих не понимали.

Трех только встретил он в ските Магула, против монастыря Филофея лежащем (Исаия, Корнилий и Макарий – имена им), кои немного занимались созерцанием. Видя сие, возгорелся он ревностью и начал учить трезвению, блюдению ума и умной молитве не только безмолвников, уединенно живших, но и всех киновитов. Кроме того, три лавры большие устроив в пределах Македонии, и многие весьма места и епархии обошедши, всех вообще наставлял деланию умной непрестанной молитвы своими Божественными учениями; и многих через то грешников обратив и из недостойных достойными соделав, был для них виновником удостоения их части спасаемых. Жизнь его пространно описал Каллист, святейший патриарх Константинопольский, бывший учеником его. Но как во время жизни своей признаваем он был общим учителем священному трезвению, так и по смерти руководит к нему предлагаемыми здесь творениями своими, в коих прекрасно и полно изображает деятельный способ умносердечной молитвы в руководство, и научает добрым нравам и борьбе со страстями и добре выясняет, какие признаки – прелести и какие – благодати. Почему творения сии паче всякого другого полезны как новоначальным, так и средним, и совершенным. Сокровенное же в нем духовное богатство, каково оно и колико, найдет всякий, не из любопытства прочитать его имеющий, и радостью воистину неизреченною возрадуется об обретении его.

Память его 13 августа.



СВЯТОГО ГРИГОРИЯ СИНАИТА

ГЛАВЫ[1] О ЗАПОВЕДЯХ И ДОГМАТАХ, УГРОЗАХ И ОБЕТОВАНИЯХ, ЕЩЕ ЖЕ – О ПОМЫСЛАХ, СТРАСТЯХ И ДОБРОДЕТЕЛЯХ, И ЕЩЕ – О БЕЗМОЛВИИ И МОЛИТВЕ

1. Настоящим разумным, как было первоначально, кому-либо быть или сделаться невозможно прежде стяжания чистоты и бесстрастия, из коих первая отъята чувственными неразумными наклонностями, а второе — растленным состоянием плоти.

2. Настоящие разумные суть одни те, кои явились святыми через стяжание чистоты. Чистого разума никто из мудрых в слове не имел, потому что они от рождения разумную силу свою растлевают помыслами (непотребными). Чувственный и многоречивый дух мудрости века сего, богатящий словами, призрачно лишь являющими многоведение, и наполняющий помыслами наидичайшими, творит себе в них обитель, лишив существенной премудрости, истинного созерцания и ведения нераздельного и единичного.

3. Под ведением истины разумей собственно благодатное чувство ее. Прочие же мысли надлежит называть проявлениями разумений ее и показаниями предметов ее.

4. Которые теряют благодать, страждут сие за неверие и нерадение, и которые опять обретают ее, сподобляются сего за веру и рачение. Эти последние подвигают все вперед и вперед, а те, противоположные им, совсем обращают вспять.

5. Впасть в окамененное нечувствие есть то же, что быть мертву; также быть слепу умом есть то же, что не видеть телесными очами. Ибо тот (впадший в нечувствие) лишился живодейст-

---

[1] В греческом Добротолюбии главы сии расположены акростихично; акростихами служили буквы заглавия.

венной силы; а этот — невидящий (умом) — Божественного света, дающего зреть и зримым быть.

6. Силу и премудрость от Бога получают немногие. Ибо та есть причастница Божественных благ, а эта — проявительница их: причастие же такое и преподание другим есть дело воистину Божеское, превышающее силы человека.

7. Истинное святилище, еще прежде будущего жития, есть без помыслов сердце, воздействуемое Духом. Ибо там все совершается и говорится духовно; и не стяжавший сего отсюда хотя ради некоторых добродетелей есть камень, пригодный к созиданию Божественного храма, но не есть храм и священнодействитель Духа.

8. Человек создан нетленным, каковым и воскреснет, но не непревратным, ни опять превратным, а имеющим силу по желательному расположению превратиться или нет. Желание не сильно сообщить природе совершенной непревратности: она есть почесть будущего непревратного обожения.

9. Тление — плоти порождение. Вкушать пищу и извергать излишнее, гордо держать голову и лежа спать — естественные принадлежности зверей и скотов, в коих и мы, став через преслушание подобными скотам, от свойственных нам богоданных благ отпали и соделались из разумных скотскими и из Божественных зверскими.

10. Рай двоякий есть — чувственный и мысленный, то есть Едемский и благодатный. Едем, место, в коем Богом насаждены всякого рода благовонные растения. Он ни совершенно нетленен, ни совсем тленен. Поставленный посреди тления и нетления, он всегда и обилен плодами и цветущ цветами, и зрелыми и незрелыми. Падающие дерева и плоды зрелые превращаются в землю благовонную, не издающую запаха тления, как дерева мира сего. Это — от преизобилия благодати освящения, всегда там разливающейся.

11. Текучая ныне тварь не создана первоначально тленною, но после подпала тлению, *повинившись суете,* по Писанию, *не волею,* но нехотя, *за повинувшаго ее, на уповании* обновления подвергшегося тлению Адама (Рим. 8, 20). Обновивший Адама

и освятивший обновил и тварь, но от тления еще не избавил их. Это избавление от тления иные разумеют, как изменение в лучшее состояние, а иные — как совершенное преложение чувственного.

12. Благодать приемлющие бывают, как зачавшие и непраздные Духом; но бывает, что они отметают Божественное семя или через падения или оттого, что овдовевают от Бога по причине общения со врагом, укрывающимся внутрь их. Оставление благодати бывает действа ради страстей (услаждения ради страстными движениями), а совершенное ее лишение ради делания грехов. Ибо душа страстелюбивая и грехолюбивая лишается благодати, отметает ее и вдовеет, и через то делается жилищем страстей, чтоб не сказать демонов, в настоящем и в будущем веке.

13. Гнев укрощается и заменяется радушием, ничем, как мужеством и милостивостию: они сокрушают осаждающих град души врагов, первое — внешних, а вторая — внутренних.

14. Многие из действующих по заповедям кажутся идущими путем, которые однако ж, не достигши града, остаются вне: потому что бестолково совершают путь свой, ошибочно принимая распутья, уклоняющие от прямого царского пути, то есть соседние с добродетелями пороки за настоящий царский путь. Ибо исполнение заповедей истинное не только не терпит ни недостатка, ни излишества, но и требует богоугодной цели, то есть исполнения во всем единой Божественной воли. Если же не так (дело идет), то суетен труд, потому что без этого не творятся *правыя стези Божии:* во всяком деле неотложно требуется иметь сказанную цель при делании его.

15. На пути своем через исполнение заповедей в сердце ищи Господа. Когда слышишь Иоанна, вопиющего в пустыне, как он всем повелевает *уготовать пути* и *правы творить стези* (Мк. 1, 3), разумей под сими словами заповеди сердца и деяния: ибо невозможно совершать правый путь заповедей и деяние правое без сердечной правоты.

16. Когда услышишь, как в Писании пророческим словом возглашается: *жезл Твой и палица твоя, та мя* настависта

(Пс. 22, 4), то разумей под сим суд и Промысл, в нравственном же смысле — псалмопение и молитву. Ибо *судими от Господа* жезлом наказания (обучения), *наказуемся* (обучаемся) обращению (1 Кор. 11, 32). Наказуя же восстающих на нас жезлом мужественного псалмопения, утверждаемся в молитве. Имея таким образом жезл и палицу в руке деятельного ума, не перестанем наказывать и наказываться, пока всецело не станем под Промыслом (не предадимся Ему) во избежание суда и нынешнего и грядущего.

17. Сообразно с заповедью должно предпочитать всему заповедь всеобъемлющую, память Божию, о коей говорится: помни Господа Бога твоего всегда (см. Втор. 8, 18). Ибо от чего гибнем, противоположным тому и сохранены быть можем. Губит же нас забвение Бога, мраком покрывая заповеди и обнажая нас от всякого добра.

18. Подвижники двумя заповедями приходят в древнее достоинство — послушанием и постом, ибо от противных им дел всякое зло вошло в род смертных. При сем послушанием хранящие заповеди поспешнее восходят к Богу, а постом — медленнее; и послушание пригоднее новоначальным, а пост — средним, умозрительным и мужественным. Но соблюсти в исполнении заповедей нелестное во всем послушание Богу есть удел очень немногих, и дело для самых мужественных многотрудное.

19. *Закон Духа жизни,* о коем говорит апостол (Рим. 8, 2), таков, что действует и говорит в сердце; как письменный (по букве) — во плоти действуется (или плотски исполняется). Тот освобождает ум от закона греховного и смерти, а этот тайно фарисействовать оставляет, при видимом исполнении закона телом и хождении в заповедях напоказ.

20. Состав делом исполняемых заповедей, прилично сочетаемый и счиневаемый в духе (см. Еф. 4, 16) представляет, говорят, человека, каков он — совершен или еще не совершен, судя по преуспеянию: при чем дела по заповедям суть тело; добродетели, как установившиеся внутренние расположения — кости; а благодать — душа живая, возбуждающая на дела

по заповедям и содействующая в сем. Степень рачения к возрастанию о Христе являет человека младенцем или совершенным, в нынешнем и в будущем веке.

21. Желающий возрастить тело заповедей (дела по заповедям, добродетель, праведность) да тщится взыскать словесное и нелестное млеко благодати материнской, ибо ею млекопитается всякий, желающий и ищущий возрасти возрастом о Христе Иисусе. Как млеко младенцам к возращению премудрость ее из сосцов своих дает теплоту; а как мед пищный совершенным дает веселие свое к очищению. *Мед и млеко под языком Твоим,* поется в Песнях песней (4, 11). Млеком означил здесь Соломон питательную и возрастительную силу Духа, а медом силу Его очистительную. Великий же апостол, указывая на различие действ Духа, говорит: *яко младенцев... млеком вы напоих, а не брашном* (1 Кор. 3, 1-2).

22. Ищущий уразуметь заповеди без исполнения заповедей, и через учение и чтение обрести то желающий, подобен человеку, воображающему тень вместо истины. Ибо уразумение истины есть достояние тех, кои стали причастниками истины (вкусили ее жизнью); не причастные же истины и не посвященные в нее, ища сего уразумения, почерпают его из объюродевшей премудрости. Их апостол назвал душевными, *Духа неимущими* (1 Кор. 2, 14), хотя они величаются ведением истины.

23. Как чувственное око взирает на буквы и из букв приемлет чувственные разумения, так и ум, когда очистится и приидет в древнее достоинство, взирает на Бога и от Него получает Божественные разумения. Вместо книги имеет он Духа, вместо трости (пера) — мысль и язык — *язык мой,* говорит псалом, *трость.* (Пс. 44, 2), вместо чернил — свет. Погружая мысль в свет и светом ее соделывая, начертывает он Духом словеса в чистых сердцах слушающих. Тогда познает он сказанное, что верные *научени будут Богом* и что *Бог научает человека разуму* (Ин. 6, 45; Пс. 93, 10).

24. Закон заповедей разумей, как сердечно действующую веру — непосредственную. Ибо из нее всякая заповедь источается и совершается просвещение душ, в коих тогда проявляются

такие плоды истинной и действенной веры: воздержание, любовь, как конец совершенства, смирение, как особый дар Божий и утверждение всего.

25. Православие неложное есть истинное ведение видимых и невидимых вещей: видимых — чувственных, невидимых — мысленных, разумных, духовных, Божественных.

26. Предел Православия есть чисто ведать два догмата веры — Троицу и двоицу: Троицу неслиянно и нераздельно созерцать и ведать, двоицу — два естества во Христе в едином лице, то есть единого Сына исповедать и ведать и прежде воплощения, и по воплощении в двух естествах и волях, божеской и человеческой, неслиянно славимого.

27. Рожденность, нерожденность и исходность, три неизменных и непреложных свойства лиц Пресвятой Троицы должно благочестно исповедать: Отца нерожденного и безначального, и Сына рожденного и собезначального, и Духа Святого соприсносущного, от Отца исходящего и Сыном подаваемого, как говорит святой Дамаскин.

28. Единая благодатная вера, исполнением заповедей споспешествуемая, довлела бы ко спасению, если бы мы хранили ее в силе, и веру мертвую и недейственную не предпочитали вере живой и действенной во Христе. Довлеет верному водрузить в себе образ веры и устроить жизнь по действенной во Христе вере. Но ныне невежество научает благочестивых вере на словах, мертвой и нечувственной, а не вере благодатной.

29. Троица есть простая единица: она неслиянна; троица во единице; единый триипостасный Бог отнюдь неслиянными имеет в Себе ипостаси.

30. Бог во всем триипостасно познается и поминается. Он все содержит и о всем промышляет через Сына во Святом Духе; и ни един из Них, где бы ни упоминаем был, не именуется и не мыслится сущим вне или особо от других.

31. Как в человеке есть ум, слово и дух; и ни ум не бывает без слова, ни слово без духа, но всегда суть и друг в друге, и сами по себе. Ум говорит посредством слова, и слово проявляется посредством духа. По сему примеру человек носит слабый

образ неизреченной и началообразной Троицы, показывая и в сем свое по образу Божию создание.

32. Ум — Отец, Слово — Сын, Дух Святой — Дух, как учат примерно богоносные отцы, излагая догматическое учение о пресущной и преестественной Святой Троице, о едином в трех лицах Боге, и предавая нам сим образом истинную веру, яко якорь упования. Знать единого Бога, по Писанию, есть корень бессмертия, а ведать державу триипостасной единицы есть всецелая правда. Изреченное о сем в Евангелии слово можно так разуметь: *Се же есть живот вечный, да знают Тебе, единаго истиннаго Бога* в трех ипостасях, и *Егоже послал еси Иисуса Христа* в двух естествах и хотениях (Ин. 17, 3).

33. Муки различны, как и воздаяния благих. Муки все в аде суть, по слову Писания, *в земле темной и мрачной, в земле тмы вечныя* (Иов. 10, 22), где грешники живут прежде суда и куда возвращаются опять по изречении последнего Божия определения. Ибо слова Писания: *возвратятся грешницы во ад* (Пс. 9, 18), и: *смерть упасет я* (Пс. 48, 15), что другое означают, если не окончательный приговор и вечное осуждение?

34. Огнь, тма, червь, тартар соответствуют страстям, всякого рода сладострастию, всеобъемлющей тьме неведения, неутолимой жажде чувственных удовольствий, смраду греха зловонного, — кои, как задатки и зачатки адских мук, уже отзде начинают мучительно действовать в душах грешников, когда укореняются долгим навыком.

35. Страстные навыки суть задатки адских мук, как действенные добродетели — Царствия Небесного. Должно понимать и называть добрыми делами действия по заповедям, а добродетелями укоренившиеся навыком добрые расположения. Также и греховные дела, и расположения различаются между собою.

36. Будущие награды и наказания равно вечны, хотя иным это кажется иначе. Одним Божественная правда воздает вечную жизнь, а другим — вечное мучение. Те и другие, добре или зле проживши нынешний век, воздаяние получат по делам: количество же и качество воздаяния определится добродетелями или страстями, навыком укоренившимися.

37. Огненные озера суть сладострастные души, в коих, как в зловонных болотах, смрад страстей питает неусыпающего червя невоздержания, неудержимую похоть плоти, — питает также змей, жаб и пьявиц злых похотей, скверных и пагубных помыслов и бесов. Такое состояние отзде приемлет задаток тамошнего мучения.

38. Как зачатки будущих мук скрыто присущи в душах грешников, так зачатки будущих благ присущи в сердцах праведников и действуют духовно, как и вкушаются. Ибо Царствие Небесное есть добродетельное житие, как мучение адское — страстные навыки.

39. Ночь грядущая есть, по слову Господа, будущая тьма, в которой *никто не может делать* (Ин. 9, 4); или, по другому толкованию, это есть антихрист, который и есть, и именуется ночью и тьмою; или, в нравственном смысле, это повседневное нерадение, которое, как ночь мрачная, убивает душу во сне нечувствия.

40. Суд мира сего есть неверие нечестивых, по следующему евангельскому слову: *не веруяй уже осужден есть* (Ин. 3, 18); есть также судительное Промысла Божия устроение к пресечению жизни грешной и к обращению на добрую. Ибо праведный суд Божий, действуя по направлению произволения в добрых людях или злых, одних наказывает, других милует, одних венчает, а других в ад отсылает.

41. Если естество наше Духом не будет сохранено непорочным или не очищено, как подобает, то во едино тело и дух со Христом быть не может, ныне и в будущем возустроении. Ибо всеобъмлющей и всеединящей силе Духа не обычно плат ветхости страстей пришивать к новому хитону благодати.

42. Равночестие со Христом в силу своего во Христе образования иметь будет туне приявший обновление Духа и сохранивший его, неизреченно сподобясь через то обожения. Никто там не будет едино со Христом или членом Христовым, не сделавшись здесь причастником благодати и не возымев через то в себе *образа разума и истины* о Христе (Рим. 2, 20).

43. Царствие Небесное подобно скинии богозданной; ибо и оно в будущем веке, подобно Моисеевой, будет иметь две завесы, из коих в первую внидут все освященные благодатию, во вторую же — только совершеннейшие.

44. Многими обителями назвал Спаситель различные степени тамошнего состояния. Царствие одно, но многие имеет внутри (себя) различия, по различию имеющих внити в него в добродетели и ведении, и в мере обожения. Ибо *ина слава солнцу, ина слава луне, ина слава звездам, и звезда от звезды разнствует во славе,* как говорит божественный апостол (1 Кор. 15, 41), хотя все они на Божественной тверди сияют.

45. Ангелам как бы бывает подобен, как бы бесплотен и нетленен тот, кто ум очистил слезами, душу Духом здесь воскресил и плоть, разуму подчинив, соделал световидною и как бы огненною.

46. Земно будет тело нетленное, без мокрот однако ж и дебелости, быв неизреченно претворено из душевного в духовное, так что будет и перстно и небесно. Каким создано было оно в начале, таким и воскреснет, да сообразно будет образу Сына Человеческого по всецелому причастию обожения.

47. Земля кротких есть Царствие Небесное или богомужное состояние Сына Божия, в которое мы вступили или вступаем, прияв благодатное рождение сыноположения и обновление в воскресении. Или земля святая есть обожившееся естество. Или, по иному разумению, земля, наследуемая истинно святыми, есть безволненная тишина всякий ум превосходящего мира Божественного, в которой (земле) вселится род правых.

48. Земля обетованная есть бесстрастие, в коем источается, как мед и млеко, радование Духа.

49. Святые в будущем веке (или на небесах) вещают между собою внутреннее слово, Духом Святым изглашаемое.

50. Если не уведаем, какими нас создал Бог, то не познаем и того, какими нас соделал грех.

51. Равны возрастом духовным суть те, кои здесь достигли полноты совершенства во Христе.

52. Коих труды, тех и воздаяния. Количество же и качество их, то есть их меру, чин и состояние там самым делом явлено будет.

53. Равноангельными умами, по нетлению и обожению, будут святые, яко сыны воскресения (см. Лк. 20, 36).

54. В будущем все, говорят, Ангелы и святые никогда не престанут преуспевать в приумножении дарований, стремясь все к большим и большим благам. Умаления же или прехождения от добродетели ко греху век оный не допускает.

55. Ныне мужем совершенным почитай того, кто приял подобие возрастов Христовых как бы в залог; в будущем же веке совершенным показывает сила обожения.

56. В будущем такую всякий имеет степень обожения, в какой ныне кто бывает совершен в возрастаниях духовных.

57. Слава истинная, говорят, есть ведение или духовное созерцание, или есть догматов точное разумение и истинной веры познание.

58. Изумление есть всецелое восторжение душевных сил к тому, что познано из велелепной славы Божества. Или изумление есть чистое и всецелое простертие ума к сущей во свете беспредельной силе. Исступление же есть не только душевных сил к небу восхищение, но и выступление за пределы самого чувства.

59. Есть два вида исступления в духе: один сердечный (в сердце углубление с забвением всего), а другой восхитительный (восторжение за пределы всего сущего). Первый свойствен еще только просвещаемым, а другой — совершенным в любви. Оба же ставят ум, в коем действуют, вне чувства (или сознания внешних отношений), так как Божественная любовь есть опьяняющее устремление духом мыслей к лучшему, коим отнимается и чувство (или сознание) внешних отношений.

60. Начало помыслов и причина в разделении преступлением человека единовидной и простой памяти, которая через сие потеряла и Божию память, и сделавшись из простой сложною и из единовидной разнообразною, стала губима своими собственными силами.

61. Врачевство первобытной памяти от этой лукавой и пагубной памяти помыслов есть возвращение ее к древней простоте. Орудие зла, преслушание, не только простую души память о добре расстроило, но и все ее силы растлило, омрачив естественные вожделения добродетели. Врачуется же память постоянною, действием молитвы утвердившеюся, памятью Божиею, в коей, срастворившись с духом, возводится она из естественного в вышеестественное состояние.

62. Причины страстей — греховные дела, помыслов — страсти, мечтаний — помыслы, мнений — память (оразнообразившаяся), памяти — забвение (об истинном и должном); забвения родительница — неведение, неведения — разленение; разленение рождается от похотного вожделения; вожделения матерь — превратное движение, движения — действо дела; дело же такое есть плод неразумной склонности ко злу и прилепления к чувственному и к чувствам.

63. В мысленной силе души рождаются и действуют помыслы, в раздражительной — зверские страсти, в вожделетельной — скотские похоти, в уме — мечтательные воображения, в рассудке — мнения.

64. Нахождение помыслов злых есть как ручное течение. В них состоит прилог, с коим потом сосложение греховное бывает, как наводнение волненное, покрывающее (заливающее) сердце.

65. Глубоким рвом тинным почитай мокротную сласть, скверну блуда и печаль о вещественных стяжаниях, коими будучи отягощаем, страстный ум во глубину отчаяния погружается помыслами своими.

66. Помыслы страстные представляют образы страстных вещей. Действие помышлений невещественно; но они напоминают и влекут к вещественному и бывают причиною плотских грехов (перифраз).

67. Помыслы суть слова бесов и предтечи страстей: ибо невозможно сделать что-либо доброе или худое, что наперед не приложит и не возбудит помысла о себе. Помысл есть движение безвидного прилога каких-либо вещей.

68. Вещи сами по себе рождают простые помыслы; бесовский же прилог порождает помыслы злые. Естественные помыслы отличаются от противоестественных и преестественных по сравнению.

69. Помыслы мгновенно изменяются одни в другие: естественные в противоестественные, и те, кои по естеству, в такие, кои выше естества. Бесовские же прилоги ко всему прилипают, даже и к Божественным (перифраз).

70. Заметь, что впереди помыслов стоят причины их, впереди мечтаний — помыслы, впереди страстей — мечтания, впереди демонов страсти, как цепь какая или чин в бесчинных духах устрояется, держась одно другого. Но без бесов ничего тут не творится: ни мечтание не строит образов; ни страсть не действует без скрытной силы бесовской. Впрочем, они берут силу над нами больше по нашей беспечности (с перифразом).

71. Бесы наполняют образами ум наш, или лучше, сами облекаются в образы по нам и приражаются (прилог вносят) соответственно навыкновению господствующей и действующей в душе страсти: ибо сим навыкновением страстным они обыкновенно пользуются к размножению в нас воображений страстных, и даже во сне мечтание наше делают богатым воображениями: при чем преобразуются бесы похоти иногда в свиней, иногда в ослов, иногда в коней женонеистовных и огневидных, иногда в жидов наиболее невоздержных; бесы гнева — иногда в язычников, иногда во львов; бесы страшливости — в измаилитов; бесы непостоянства — в идумеев; бесы пьянства и объядения — в сарацын; бесы любостяжания — иногда в волков, иногда в тигров; бесы лукавства — иногда в змей, иногда в ехидн, иногда в лисиц; бесы бесстыдства — в собак; бесы лености — в кошек. Бывает, что бесы блуда иногда превращаются в змей, иногда в ворон и грачей; в птиц превращаются наиболее воздушные бесы. Трояко же фантазия наша изменяет воображения бесов, по причине троечастности души, представляя их в виде птиц, зверей и скотов, соответственно трем силам души — желательной, раздражительной и мыслительной. Ибо три князя страстей против сих трех сил вооружаются, и какою страстию

окачествована душа, сродный с тою они принимают образ, в коем и приступают к ней.

72. Бесы сласти греховной часто приступают, как огонь и как угль огненный. Эти сластолюбивые бесы разжигают вожделетельную силу души, но, приводя при сем в смятение и рассудительную, омрачают душу. Причина похотного жжения, смятения мыслей и омрачения души главным образом лежит в страстной сласти.

73. Ночь страстей есть тьма неведения. Или опять: ночь есть страстеродительная область, в коей царствует князь тьмы и в коей звери сельные, птицы небесные и гады земные, переносно понимаемые, как духи злобы, рыкая, ищут поглотить нас в пищу себе.

74. Во время действия страстей, из помыслов одни идут впереди, а другие последуют за ними: предшествуют помыслы мечтаний (чередование образов), а последуют помыслы страстные (возбуждаемые теми образами). Страсти предваряют бесов, а бесы последуют за страстями.

75. Начало и причина страстей есть злоупотребление, злоупотребления — склонность, склонности — движение желательного навыкновения, испытание желания есть прилог, прилог же — от бесов, коим Промыслом попускается обнаруживать, каково наше самовластие.

76. Яд жала греха к смерти есть страстный навык душевный: ибо неудобоизменим и неудобопреложим нрав того, кто произвольно окачествовался страстьми.

77. Страсти разно именуются: разделяются же на телесные и душевные. Телесные подразделяются на скорбные и греховные; скорбные опять подразделяются на болезненные и наказательные. Душевные также разделяются на раздражительные, похотные и мысленные; мысленные подразделяются на вообразительные и рассудочные. Из них всех иные произвольны по злоупотреблению, другие же невольны по необходимости, так называемые незазорные страсти, кои святыми отцами названы соприкосновенностями и естественными свойствами (нравами).

78. Одни страсти суть телесные, а другие душевные; иные суть страсти похоти, иные страсти раздражения, и иные — мыслительные; и из сих — иные страсти ума, и иные — рассуждения. Все они разносочетаваются между собою и друг на друга действуют, — и от того изменяются.

79. Страсти раздражения суть: гнев, горечь, бранчивость, вспыльчивость, дерзость, надменность, кичение и другие подобные. Страсти вожделения суть: лихоимание, разврат, невоздержность, ненасытность, сластолюбие, сребролюбие, самолюбие, всех лютейшая страсть. Страсти плоти суть: блуд, прелюбодеяние, нечистота, непотребство, чревоугодие, леность, рассеянность, миролюбие, животолюбие и подобные сим. Страсти слова и языка суть: неверие, хула, лукавство, коварство, любопытство, двоедушие, поношение, клевета, осуждение, уничижение, болтливость, притворство, ложь, срамословие, буесловие, лесть, насмешливость, себявыставление, человекоугодие, надутость, клятвопреступление, празднословие и прочее. Страсти ума суть: самомнение, превозношение, велехваление, спорливость, ретивость, самодовольство, противоречие, непослушание, мечтательность, придумывание, любопоказность, славолюбие, гордость — первое и последнее из всех зол. Страсти мысли суть: парение, легкомыслие, пленение и рабство, омрачение, ослепление, отбегания (от дела), прилоги, сосложения, склонения, превращения, отвержения и подобные сим. Одним словом, все худые мысли, чувства и расположения, несообразные с природою нашею, размещаются по трем силам души, равно как и все добрые, сообразные с естеством нашим, в них же сопребывают.

80. Давид с изумлением велегласно так взывает к Богу: *удивися разум Твой от мене: не возмогу к нему* (Пс. 138, 6). Он недосягаем для слабого ума моего и моих сил.

81. Достойно исследования, почему богоносные отцы похоть и гнев иногда называют силами плотскими, а иногда душевными? Говорим о сем, что слова святых никакого не имеют несогласия, если как следует рассмотреть их до точности, но те и другие истинствуют, премудро изменяя, когда должно, свои

о сих предметах суждения. Душа сама по себе имеет силу хотения и мужественную энергию к действованию, что есть сила раздражительная; но, будучи создана разумною и духовною, она не получила вместе с бытием похоти и гнева; равно как и плоть первоначально, будучи создана нетленною, не имела тех мокрот, от коих после породились похоть и ярость зверская. Уже по преступлению, когда впал человек в тлю и дебельство плоти, по необходимости возникли в нем похоть и ярость. Почему, когда плоть господствует в нем, похоть и гнев сопротивляются душевным желаниям. Когда же мертвенное сие покорится разуму, тогда они содействуют душе в делании добра.

82. Когда душа через вдуновение создана была разумною и мысленною, тогда вместе с нею не создал Бог ярости и похоти скотской, но одну силу желательную вложил в нее и мужество к исполнению желаний. Равным образом и тело создав, Он не вложил в него вначале гнева и похоти неразумной, но после уже через преслушание оно приняло в себя мертвость, тленность и скотность. Тело, говорят богословы, создано нетленным, каковым и воскреснет, как и душа создана бесстрастною; но как душа имела свободу согрешить, так тело — возможность подвергнуться тлению. И обе они, то есть душа и тело растлились, и срастворились, по естественному закону сочетания их друг с другом и взаимного влияния: причем душа окачествовалась страстями, паче же бесами, а тело уподобилось скотам несмысленным и погрузилось в тление. Объединившись таким образом, силы обеих их составили единое скотоподобное существо, бессмысленное и неразумное, гневу и похоти работное. Вот как человек *приложися скотом несмысленным и уподобися им* всячески, как говорит Писание (Пс. 48, 13).

83. Начало и источник добродетелей есть благое произволение или желание добра, как Бог есть причина и источник всякого блага. Добра же начало есть вера, паче же Христос, камень веры, Коего имеем мы началом и основанием всех добродетелей, в Коем стоим и созидаем всякое дело благое. Он есть краеугольный камень, связующий нас Собою и бисер многоцен-

ный, которого ища, во глубину безмолвия входящий инок продает все желания свои послушанию заповедям, чтоб через это стяжать его.

84. Добродетели имеют между собою равность в том отношении, что все воедино сводятся, к одному ведут концу и один все вместе лик добродетели полным делают. Но есть добродетели, большие других добродетелей, как объемлющие и совмещающие в себе очень многие, или даже и все добродетели, каковы Божественная любовь и смирение, и Божественное терпение. О последнем говорит Господь: *в терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19). Не сказал: в посте вашем или в бдении вашем. Терпение же я разумею то, которое бывает по Богу, и есть царица добродетелей и основание мужественных доблестей. Оно есть само в себе — мир в бранях, отишие в бурю и непоколебимое утверждение для стяжавших его. Кто стяжал его во Христе Иисусе, тому не могут вредить ни оружия, ни копья, ни воинства напускаемые, ни самое полчище бесов, ни фаланги сопротивных сил.

85. Добродетели, хотя одни из других рождаются, но бытие свое имеют из трех сил душевных — все, кроме Божественных. Ибо причина и начало четырех родовых Божественных добродетелей, из коих и в коих состоят все прочие, именно — мудрости, мужества, целомудрия и правды, есть Божественная духодвижная премудрость, в уме четверояко движимая. Не все их однако ж вместе она производит (или приводит в движение), но особо каждую в свое время, как хочет: одну как свет; другую как силу живодейственную и как воодушевление приснодвижное; третью как освятительную и очистительную силу; четвертую как росу непорочности, обрадовательную и от зноя страстей охладительную. Каждую каждому дает она, как сказано, по преуспеянию; совершенному же и действо их совершенное царствует.

86. Опыты добродетелей, своим тщанием и усилием совершаемых, не дают душе совершенной благонадежности, если они не будут в существенное обращены сердечное расположение благодатию. Каждая из них имеет особое дарование и свое

ей свойственное действо, — и когда дарована будет, оттоле сохраняется неизменною и непреложною. Ибо сподобившиеся сего имеют в членах своих, как душу живую, благодать, чтоб совершать их. Без благодати же весь сонм добродетелей обыкновенно бывает мертв, и в тех, кои по видимому имеют их или и делом исполняют, одна тень их и призрак представляется, а не подлинный лик.

87. Итак, четыре есть начальных добродетели: мужество, благоразумие, целомудрие, правда. И восемь есть других нравственных качеств, происходящих от излишества или недостаточности их и по сторонам их близко следующих, которые у нас именуются и почитаются пороками, а в мире добродетелями. По сторонам мужества идут дерзость и страшливость; по сторонам благоразумия — лукавство и бестолковость (бестактность); по сторонам целомудрия — невоздержность и бесчувствие; по сторонам правды — лихоимство и неправда. Посреди их идут добродетели не только начальные, высшие всякого излишества и недостаточности, но и частные дела добрые. В одних (кои посреди) действует доброе произведение в правости сердца, а в других (кои около) — испорченность и самомнение. О том, что посреди идут добродетели правые, свидетельствует притча, так гласящая: *и исправиши вся стези благи* (Притч. 2, 9). Все они находятся в трех силах души, в коих и рождаются и созидаются, имея к созиданию себя самих основанием четыре родовые добродетели, паче же Христа: причем естественные добродетели очищаются деятельными (добрые прирожденные нравы и черты темперамента — добрыми делами по заповедям), Божественные же и вышеестественные даруются благодатью Святого Духа.

88. Из добродетелей одни суть деятельные, другие естественные, третьи Божественные, кои от Духа Святого. Деятельные суть дело благого произволения, естественные происходят от сложения, Божественные — от благодати.

89. Как добродетелей порождение в душе имеет начало, так и страстей. Но те обыкновенно по естеству рождает она, а эти в противность естеству. Исходным же началом к порождению

добра или зла бывает для души склонение желания: куда склонится желание, то душа берет в побуждение и действует.

90. Отроковицами называет Писание (Песн. 1, 2) добродетели по причине сочетания их с душою, вследствие коего они с нею созерцаются, как один дух и тело. Символом любви служит лик отроковиц, а свидетельством чистоты и святости сих священных дев — их одеяние и убранство.

91. Есть восемь начальственных страстей: три главных: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие; и пять подчиненных им: блуд, гнев, печаль, леность, гордость. Также и из противоположных им добродетелей есть три главнейшие: воздержание, нестяжательность и смирение, и пять за ними следующих: чистота, кротость, радость, мужество и самоуничижение, — и потом весь ряд добродетелей. Изучить и познать силу, действие и качество, свойственное каждой добродетели и страсти есть достояние не всякого хотящего, а только того, кто делом все испытал и от Духа Святого дарование получил к распознанию и различению их.

92. Добродетели то действуют, то действуемы бывают. Действуют они в нас, приходя в подобающее им время, когда, сколько и как хотят. Мы же делаем их по произволению, нравственному строю и навыкновению. Но они сами в себе существенны, мы же только приблизительно подходим к ним, образуясь по ним нравственно. Очень немногими духовное существенно усвояется, прежде будущего вкушения того, неизменного. Наибольшая же часть из нас только подобия некие имеем добродетелей, а не самое существо их (перифраз).

93. Священнодействует Евангелие, кто, причастившись его, и другим действенно может преподать свет Христов. Как некое Божественное семя, сеет он слово на душевных нивах слушающих его, по указанию апостола: *слово ваше да бывает всегда во благодати, солию растворено* Божественной благостыни (Кол. 4, 6); *да даст благодать слушающим* с верою (Еф. 4, 29). В другом месте апостол, назвав учителей земледелателями, а учимых — нивою возделываемою, явно представляет тех оратаями и сеятелями

Слова Божия, а этих тучною землею добродетелей, богато плодоносною.

94. Различно бывает устно произносимое к научению других слово, по различию способов, коими собирается: ибо иное бывает от учения, иное от чтения, иное от деяния, иное от благодати. Но как вода, всюду одинаковая по естеству, претворяется и прелагается в свойственное инде ей особое качество по различию лежащего под нею перстного вещества, так что и на вкус бывает то горька, то сладка, то солона, то кисла, так и слово произносимое разно бывает соответственно нравственному строю каждого и разное потому производит действие и неодинаковую приносит пользу.

95. Слово дано всему разумному естеству для пользования им, и от него, как от разных некиих яств, душа разную получает пользу и разное чувствует услаждение. Научное слово для нее есть, как педагог, нрав ее образующий; слово от чтения — как *вода покойна,* ее питающая; слово от деяния — как *место злачно,* ее утучняющее; слово от благодати — как *чаша, упоявающая ее* и веселящая (Пс. 22, 2, 5); неизреченное же благодати радование — как *елей, лице умащающий,* веселящий и светлым соделывающий (Пс. 103, 15).

96. Воистину, не только в себе, как жизнь, душа сие имеет, но и когда от других учащих слушает, чувствует то, коль скоро обоими ими руководствует любовь и вера — когда один слушает с верою, а другой поучает с любовию, без надмения и тщеславия предлагая словеса о добродетелях. Тогда слово от учения душа приемлет, как педагога; слово от чтения, как питателя; слово от деяния внутреннейшее, как невестоукрасителя сладчайшего; слово от Духа просветительное, как слово жениха, сочетающего ее с собою и обвеселяющего. Всякое слово, исходящее из уст Божиих, есть или слово, из уст святых исходящее действием Духа, или сладчайшее от Духа вдохновение, коим не все, а только одни достойные наслаждаются. Ибо хотя все разумные наслаждаются словом, но таких, которые бы здесь обрадываемы были словесами Духа, очень немного; наибольшая же часть только виды духовных словес по памяти

и знают, и причастны их бывают, не причастившись еще в чувстве Слова Божия, сего истинного хлеба будущего века. Ибо там сей один предлагается вдоволь достойным ко всякому услаждению, не бывая ни съедаем, ни иждиваем, ни похищаем никогда.

97. Без духовного чувства невозможно в чувстве вкусить сладости Божественных вещей. Ибо как притупивший чувства делает их неспособными ощущать чувственное, не видит, не слышит, не обоняет, будучи совсем расслаблен, или лучше полумертв; так и страстями умертвивший естественные силы душевные соделывает их бесчувственными к действу и причастию таинств Духа. Ибо духовно не видящий, не слышащий и не ощущающий мертв есть духом: ибо не живет в нем Христос, и сам он не движется и не действует о Христе.

98. Равное и такое же, чтоб не сказать одно и то же, действо имеют чувства наряду с душевными силами, особенно когда они здравы. Тогда чувства чувственное, а душевные силы мысленное ясно зрят, особенно когда нет в них какой-либо сатанинской брани, противовоюющей закону ума и духа. Когда же воедино совокупятся они Духом, став единовидимыми, тогда непосредственно и существенно познают Божеское и человеческое, как оно есть по естеству, и значение их ясно созерцают, и единую причину всяческих, Троицу, сколько возможно, чисто зрят.

99. Безмолвствующий первее должен иметь следующие пять добродетелей, как основание, на коем устроять и делания свои: молчание, воздержание, бдение, смирение и терпение; делание же богоугодных три: псалмопение, молитва и чтение, — и рукоделие, если немоществует. Сказанные добродетели не только объемлют прочие все, но и входят в состав одна другой. — С утра надлежит, упраздняясь от всего, пребывать в памяти Божией молитвою и сердечным безмолвием, и первый час терпеливо молиться; потом второй — читать; третий — петь; четвертый — молиться; пятый — читать; шестой — петь; седьмой — молиться; осьмой — читать; девятый — петь; десятый — вкусить пищи; одиннадцатый — отдохнуть, если имеется

нужда; двенадцатый — петь вечерню. Так, добре проходя поприще дня, угождает он Богу.

100. От всех добродетелей подобает, подобно пчеле, собирать полезнейшее, и таким образом всех по малу причащаясь, уготовлять великий склад делания добродетелей, из коих образуется мед премудрости на обрадование душ.

101. Послушай, если желаешь, и как удобнее проходить ночное поприще. Бдение ночное бывает трех родов: новоначальных, средних и совершенных. Первый таков: половину ночи спать и половину бодрствовать — или с вечера до полночи, или с полночи до утра. Второй таков: бодрствовать с вечера час один или два, потом поспать часа четыре, и вставать на утреню — петь и молиться часов шесть до утра; затем петь первый час и сидеть, безмолвствуя, как выше показано, и или соблюдать чин деланий определенных на каждый час, или держать непрестанную молитву без перерыва. Третий состоит во всенощном стоянии и бдении.

102. Теперь скажем и о пище. Литры (около фунта) хлеба достаточно для всякого, подвизающегося в безмолвии; пить две чаши вина нерастворенного, а воды — три; и из брашен, какие случатся, съедать, не сколько похотливо взыскует естество, но воздержно употреблять подаемое Промыслом. Лучшее же и кратчайшее руководительное для хотящих жить, как следует, правило есть — соблюдать следующие три всеобъемлющие делания добродетелей: пост, бдение и молитву, коими подается надежнейшая твердость всем добродетелям.

103. Для безмолвия прежде всего требуются вера и терпение и, от всего сердца, крепости и силы, любовь и надежда. Верующий, если здесь и не получит искомого, по нерадению ли или по другой какой причине, но по исходе отсюда, всячески невозможно ему не приять удостоверения о плоде веры и подвигов и не узреть свободы, яже о Христе Иисусе, Который есть душ наших искупление и спасение, вочеловечившийся Бог Слово. А *неверующий* всеконечно осужден будет во исходе. Он, впрочем, уже *осужден* есть, как говорит Господь (Мк. 16, 16). Ибо порабощенный сластям, и славы от человек ищущий,

а не от Бога, не верен есть, говорит (см. Ин. 5, 44). Хотя на словах и верным кажется таковой, но он сам себя обманывает, не видя того. Ибо услышать имеет: «Так как ты не принял Меня в сердце свое, но отверг Меня за хребет свой; то и Я отвергну тебя». Верному же благонадежну быть подобает и веровать истине Божией, свидетельствуемой во всех Писаниях, исповедуя свою немощь, чтоб не подпасть осуждению сугубому и неизвинимому.

104. Ничто так не делает сердца сокрушенным и души смиренною, как уединение разумное и молчание от всех. Ничто другое поистине так не расстраивает состояния безмолвия и не лишает Его Божественной помощи, как следующие главные страсти: дерзость, чревоугодие, многоглаголание и суетная забота, надмение и, госпожа страстей, самомнение. Кто охотно попускает себе с ними свыкаться, тот, с продолжением времени омрачаясь более и более, делается наконец совсем обуморенным. Впрочем, если он опомнится и с верою и рвением положит начало соблюдению должного, то опять улучит искомое, особенно если будет искать со смирением. Если же по нерадению хоть одна из сказанных страстей воцарится в нем, тогда и все полчище зол с пагубным неверием во главе нападши на него, совершенно опустошают душу его, делающуюся от бесовских смятений и волнений другим некиим Вавилоном, так что *последняя* его *бывают горша первых* (Мф. 12, 45): он делается тогда яростным врагом и поносителем безмолвствующих, язык свой изощряя всегда против них, как бритву и как меч обоюдоострый.

105. Воды страстей, коими мутное и возмущенное море безмолвия наполняет душу, переплыть иначе нельзя, как на порожнем и легком корабле полного нестяжания и воздержания. Ибо от невоздержания и любовещия потоки страстей, потопив землю сердца и нанося на нее всякую гниль и грязь помыслов, мутят ум, омрачают сердце и отягчают тело, в душе и сердце производят нерадение, омрачение и обуморение, и лишают их свойственного им по естеству настроения и чувства.

106. Ничто так расслабленною, беспечною и несмысленною не делает душу и ревностных подвижников, как самолюбие, сия кормилица страстей. Внушая предпочитать покой тела трудам о добродетели и предусмотрительным почитать благоразумием не отягчать себя делами произвольно, особенно удобными и небольшими потами по исполнению заповедей, оно обыкновенно отнимает у души охоту и ревность к прохождению поприща безмолвия и производит в ней сильное и непреодолимое разленение на дела.

107. Для разленившихся к исполнению заповедей и возжелавших изгнать мутное омрачение нет лучшего и пригоднейшего врача, как нерассуждающее с верою во всем послушание. Оно есть живительное многосоставное врачевство добродетелей для тех, кои пьют его, и нож, за раз очищающий язвины ран. Предпочетший в вере и простоте действовать сим ножом паче всех других за раз отсек все страсти, и в безмолвие не только доспел, но через послушание и совершил его вполне, обретши Христа и подражателем Его и рабом соделавшись и именуясь.

108. Без делания и жительства плача невозможно претерпеть вара безмолвия. Плачущий и помышляющий об ужасах, предшествующих смерти и последующих за нею, прежде чем они в самом деле наступят, не может не иметь терпения и смирения, кои суть два основания безмолвия. А без них вступивший в безмолвие будет всегда совоспитанницею своему нерадению иметь самомнение, от коих размножаются пленения и парения, ввергающие нас в расслабление. Отсюда далее дщерь нерадения — невоздержание — тело делает вялым и бессильным, а ум — омраченным и ожестелым. Тогда и Иисус скрывается, народу мыслей и помыслов, сущу на умном месте.

109. Вкусить мучение совести здесь или в будущем не всех удел, а одних тех, кои погрешают против веры и любви. Она, держа меч ревности и обличения обнаженным, без жалости мучит повинных. Кто противится греху и плоти, того она утешает; а кто подчиняется им, мучение ее преследует, пока не пока-

ются. И если не покаются, мучение переходит с ними в другую жизнь, и там продлится во веки (перифраз, сокращенно).

110. Из всех страстей две особенно жестоки и тяжки: блуд и уныние, то есть леность, когда они овладевают душою и расслабляют ее. Они тесную имеют одна с другою связь и сочетание; от того с ними трудно бороться и их преодолевать, совсем же победить для нас и невозможно. Первая обилует в вожделетельной силе души, но объемлет обе части естественного нашего состава — и душу и тело, разливая сласть свою по всем членам. Вторая, держа владычественный ум, охватывает, как плющ, всю душу и плоть, и все естество наше делает ленивым, расслабленным, как бы параличом разбитым. Отгоняются они, хотя прежде блаженного бесстрастия не побеждаются в конец, когда душа в молитве получает силу Духа Святого, которая, подав ей отраду, крепость и глубокий мир, обвеселяет ее в сердце успокоением от тиранства их. Та (блудная страсть) — начало, госпожа и царица сластей, преимущая сласть сластей и спутница ее — леность, наводящая тристатов фараоновых, суть непобедимая колесница. Через них привзошли к нам бедным в жизнь все страсти.

111. Начало умной молитвы есть очистительное действо или сила Духа Святого, и таинственное священнодействие ума, как начало безмолвия — упразднение от всего или беспопечение; средина — просветительная сила (Духа) и созерцание, а конец — исступление или восторжение ума к Богу.

112. Святилище духовное есть, — прежде будущего паче ума наслаждения, — умное ума действо таинственно на жертвеннике душевном и священнодействующего, и причащающегося Агнца в обручение Божие. Вкушать же Агнца на мысленном жертвеннике души есть не разуметь только Его или причаститься, но быть, как Агнец, по образу Его в будущем. Здесь мы имеем только словеса, а там уповаем получить самые предметы таинств.

113. Молитва в новоначальных есть, как огнь веселия, из сердца исторгающийся; а в совершенных, как свет благоухающий, внутри его действующий. Или опять: молитва есть

проповедь апостолов, действо веры, лучше же — вера непосредственная, основание упования, оживление любви, ангельское движение, сила бесплотных, дело и веселие их, Евангелие Божие, извещение сердца, надежда спасения, знамение освящения, символ святости, познание Бога, обнаружение крещения или очищения в бане пакибытия, обручение Духа Святого, Иисусово радование, веселие души, милость Божия, знамение примирения, печать Христова, луч мысленного солнца, денница сердец, утверждение христианства, показание примирения Божия, благодать Божия, премудрость Божия, лучше же — начало самопремудрости, Божие явление, дело иноков, жительство безмолвствующих, причина безмолвия, признак ангельского жительства. И что много говорить? Молитва есть Бог, действующий все во всех, так как едино есть действо Отца и Сына, и Святого Духа, вседействующего о Христе Иисусе.

114. Если бы Моисей не получил от Бога жезла силы, то не соделался бы богом фараону и не казнил бы его и Египта. Так и ум, если не будет иметь в руке силу молитвы, то не возможет сокрушить грех и противные силы.

115. Говорящие или делающие что-либо без смирения подобны строящему храмину зимою или без цемента. Опытом, разумом обрести и познать смирение есть достояние (очень) весьма немногих. Словом о нем разглагольствующие подобны измеривающим бездну. Мы же слепые, мало нечто о сем великом свете гадающие, говорим: смирение истинное ни слов смиренных не говорит, ни видов смиренных не принимает, не нудит себя смиренно о себе мудрствовать и не поносит себя, смиряяся. Хотя все такое начатки суть, проявления и разные виды смирения, но само оно есть благодать и дар свыше. Два есть смирения, как говорят святые отцы: почитать себя низшим всех и Богу приписывать добрые дела свои. Первое есть начало, второе конец. Тем, кои взыскивают его, предлагается иметь с разумом следующие три в себе помышления: что они грешнее всех людей, что они срамнее всех тварей, как сущие в состоянии неестественном, что они окаяннее бесов,

как рабы бесов. Смиряющемуся так говорить надлежит: есть ли на свете грешники, коих грехи, не говорю, превосходили бы, но хоть равнялись бы моим? Нет, душа моя; мы с тобою хуже всех людей, мы — земля и пепел под ногами их. И как мне не считать себя срамнейшим всех тварей, когда они держат себя по чину естества своего, тогда как, по бесчисленным беззакониям своим, я стал ниже естества? Поистине звери и скоты чище меня грешного; почему я ниже всех, как до ада низведший себя, и как во аде лежащий еще прежде смерти. Кто же не ведает и не чувствует, что грешник хуже и бесов, как раб их и подданный, уже отзде с ними во тьму кромешную заключенный? Воистину хуже бесов обладаемый ими; и потому с ними наследую я бездну, окаяннейший. В преисподней, в аде и бездне прежде смерти обитающих, как в самопрельщении дерзаешь называть себя праведным, сделав себя злыми делами грешником непотребным и бесом? Горе прельщению и заблуждению твоему, бесный, пес нечистый, за сие в огнь и тьму осуждаемый!

116. Духодвижная премудрость есть, по рассуждению богословов, сила умной, чистой и ангельской молитвы, коей признаком служит, если во время молитвы ум видится безвидным и ни себя, ни другого чего не представляющим даже на мгновение, будучи и от чувств отвлекаем действующим в нем светом. Ибо тогда ум делается отрешенным от всего вещественного и световидным, неизреченно во един дух с Богом сочетаваясь.

117. Есть семь разных деланий и расположений, вводящих и руководящих к этому богоданному смирению, кои взаимно входят в состав друг друга и друг от друга происходят: молчание, смиренное о себе думание, смиренное говорение, смиренное одеяние, самоуничижение, сокрушение и последность (иметь себя во всем последним). Молчание с разумом рождает смиренное о себе думание. От смиренного же о себе думания рождаются три вида смирения: смиренное говорение, смиренных и бедных одеяний ношение и самоуничижение. Сии же три вида рождают сокрушение, бывающее от попущения

искушений, и именуемое промыслительным обучением и от бесов смирением. Сокрушение же легко делом заставляет душу чувствовать себя сущею ниже всех и всех последнейшею, яко всеми превосходимою. Два же сии вида приносят совершенное и богодарное смирение, которое именуется силою и совершенством всех добродетелей — и оно-то Богу приписывает добрые дела. Итак, первое из всех руководств к смирению есть молчание, из которого рождается смиренное о себе думание; а это рождает три вида смирения. Три эти рождают один — сокрушение; а сокрушение рождает седьмой вид смирения — почитание себя низшим всех, которое называется промыслительным смирением. Промыслительное же смирение приносит богодарное, совершенное, непритворное, истинное смирение. Первое из этих (промыслительное) так приходит: когда человек, будучи оставлен самому себе, побежден бывает, порабощен и возгосподствован всякою страстью и помыслом, тогда, будучи побеждаем духом (вражеским), и не находя помощи ни от дел, ни от Бога и ни от чего совсем, и готов будучи пасть даже в отчаяние, смиряется он во всем, сокрушается, низшим всех себя имеет, последнейшим и рабом всех, худшим даже самых бесов, как их тиранству подлежащий и ими побеждаемый. Вот это и есть промыслительное смирение, в силу которого от Бога дается второе, высшее, которое есть Божественная сила, вседейственная и всетворная. Его ради видя себя органом Божественной силы, человек ею совершает дивные Божии дела.

118. Существенное света созерцание духовное, ум немечтательный и непарительный, действо молитвы истинное, из глубины сердца непрестанно потоком исторгающееся, души воскресение и горе воспростертие, Божественное ужасание и в духе исступление всецелое, и богодвижное ангельское души возбуждение обрести невозможно в нашем роде, потому что ныне в нас по множеству искушений господствует тиранство страстей. Уму обычно о всем таком мечтать прежде времени, так как это легкое занятие, но за это он иногда теряет и то малое доброе устроение, которое дано ему Богом. Почему со мно-

гим рассуждением надлежит не искать прежде времени, что бывает в свое время, и отбрасывая то, что в руках, мечтать об ином чем. Уму естественно о вышереченном строить легкие фантазии и воображения, хотя еще не достиг того. Потому не мал страх, чтоб не лишился таковой и того, что дано, и не потерял разума, впадши в прелесть, как ставший мечтателем вместо безмолвника.

119. Благодать — не вера только есть, но и действенная молитва. Ибо она в явности показывает истинную веру, имеющую живот Иисусов, производима будучи духом посредством любви. Потому вера мертва и безжизненна у того, кто не видит ее в себе действующею. Даже и верным да не именуется тот, кто верует только голым словом, а не имеет веры, действующей любовию или Духом. Таким образом, надлежит показывать ее в явности посредством успехов в делании добрых дел или иметь ее действующею во свете и сияющею в делах, как говорит Божественный апостол: *покажи ми веру твою от дел твоих, и аз тебе покажу от дел моих веру мою* (Иак. 2, 18), показывая сим, что вера благодатная обнаруживается делами по заповедям, как и заповеди делом исполняются и светлы бывают верою, которая во благодати. Вера есть корень заповедей, или лучше источник, напояющий их к произращению. Она разделяется надвое — на исповедание и благодать, пребывая однако же нераздельною естеством.

120. Малая и великая (длинная и короткая) лествица послушническая имеет пять степеней, возводящих к совершенству: первая — отречение (от мира), вторая — подчинение (вступление в обитель с обетом исполнять уставы монашеские), третья — послушание (подчинение на деле, в жизни), четвертая — смирение, пятая — любовь, которая есть Бог. Отречение от ада возводит лежащего и порабощенного освобождает от вещества. Подчинение обретает Христа и Ему служит, по слову Его: *аще кто Мне служит, Мне да последствует: и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет* (Ин. 12, 26). Христос же где? На небесах сидит одесную Отца. Там должно быть и служащему, где Тот, Кому он служит: сие да помнит полагающий

ногу на первую ступень восхождения по указанной лествице. Послушание, действуя всецело по заповедям, устрояет лествицу из разных добродетелей, и их, как восхождения, располагает в душе. Высокотворное смирение, приняв послушливого с такой лествицы, возводит его горе к небесам, предает царице добродетелей — любви, и ко Христу подводя, представляет Ему. Так по короткой лествице удобно восходит на небеса послушливый.

121. Горе, в царские божественные чертоги нет другого кратчайшего пути восхождения малою лествицею добродетелей, как умерщвление пяти противных послушанию страстей, именно: преслушания, прекословия, самоугодия, оправдания и пагубного высокого о себе мнения. Это суть члены и части непокоривого беса, поглощающего лживых послушников и отсылающего их в бездну к змию: преслушание — уста ада, прекословие — язык его, яко меч острый, самоугодие — зубы его изощренные, оправдание — гортань его, высокое о себе препровождающее в ад мнение — отрыгание всепоглощающего чрева его. Но кто препобеждает первое послушанием, тот и прочее за раз отсекает, и на небеса быстро востекает одною степенью. Чудо же, воистину непостижимое и неизреченное, сотворил наш человеколюбивый Господь, что одною добродетелью, или лучше одною заповедью можно немедленно восходить на небеса, как одним преслушанием низошли мы и нисходим в ад.

122. Как иной некий мир, второй и новый человек есть и именуется, по Божественному апостолу, сказавшему: *аще кто во Христе, нова тварь* (2 Кор. 5, 17). К тому же, так как, по слову апостола, *брань наша несть к крови и плоти, но к началом и ко властем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* князя воздушнаго (Еф. 6, 12), то, сообразно с сим, надо полагать, что воюющие с нами скрытно находятся в другом великом мире, по природе одинаковом с природою наших душевных сил. Ибо против трех сил души три князя злобы, борясь с подвижниками, делают нападения, и в чем кто ни преуспеет и над чем ни трудится, в том и борим бывает ими. При сем дракон, князь

бездны восстает войною против внимающих сердцу, как имеющий *крепость на чреслах* похотных (Иов. 40, 11); через любосластного исполина забвения пущает он на них палительные тучи разжженных стрел, как иное море взволновывает в них похоть, воспеняет и разжигает ее, и к смешению их возбуждает, наводняя потоками сластей ненасытных. Князь мира сего нападает на проходящих деятельные добродетели, как заведывающий войною против раздражительной части; через исполина лености окружает он их всякими чарами страстей и борется с ними, всегда мужественно противоборствующими ему, — побеждает и побеждаем бывает, и соделывается через то виновником для них или венцов, или стыда пред лицом Ангелов. Князь воздушный находит на упражняющихся в мысленном созерцании, фантазии им представляя, как имеющий поручение действовать на словесную и мысленную часть вместе с воздушными духами злобы; через исполина неведения приводит он в смятение горе вчиняющуюся мысль, омрачает ее и страх на нее наводит, внося в нее фантастические туманные образы духов и их преобразования, и призрачно производя молнии и громы, бури и трески. Так каждый из трех князей, приражаясь к соответственным силам души, ведет против нее войну и против какой части определен кто стоять, против той и нападки свои направляет.

123. Были и они некогда умами, но отпадши от оного безвеществия и тонкости, вещественную некую дебелость стяжал каждый из них, отелесяясь по чину и действу, коим окачествился действенно. Ибо так как и они, подобно человеку, ангельскую потеряв сласть (ангельский вкус или ангельский рай сладости), лишились Божественного наслаждения, то в персти и они, как мы, стали находить наслаждение, вещественными как бы соделавшись к вещественным страстям навыкновениями. И дивиться сему нечего, когда и наша, по образу Божию созданная, разумная и мысленная душа, знать Бога не захотевши, сделалась скотскою, бесчувственною и чуть не безумною, по причине наслаждения вещественным.

Ибо навык обыкновенно претворяет природу и изменяет действо ее сообразно с произволением.

124. Восстание страстей и брань плотская, возбуждающаяся против души, пяти видов бывает в нас. Иногда плоть злоупотребляет сущим, иногда взыскивает делать неестественное, как естественное, иногда вооружаема бывает против души от бесов, яко сладце содружившаяся с ними; бывает, что душа и сама по себе бесчинствует, как окачествовавшаяся страстию сею; бывает, наконец, брань и от бесов, по попущению восстающих на нас, смирения ради нас, когда они всеми указанными способами не успеют соблазнить.

125. Главных же причин сей брани три, от всех и от всего нам прилучающиеся: привычка, злоупотребление сущим и, по попущению, зависть и брань бесов. Восстание и похотствование плоти на душу и души на плоть, то же и по навыку и по действу суть, что восстание страстей плоти на душу и доблестное борение души против плоти. И сам супостат наш иной раз внезапно и без причины, как стыда не знающий, с дерзостью поднимает против нас брань. Не давай же, друже мой, пьявице кровелюбивой сосать кровь из артерий, потому что она ненасытна; ни змию и дракону не попускай досыта наедаться перстию; и удобно победишь гордыню льва и змия. Воздыхай, пока, совлекшись дольнего, не облечешься в вышнее жительство и не преобразишься по образу создавшего тебя Иисуса Христа.

126. Воистину, совершенно плоть сущие и самолюбие лобызающие всегда работают сластолюбию и тщеславию; в них и зависть укоренена. Иссыхая от злорадства и огорчаясь благоуспешностию ближнего, оклеветывают они доброе, как худое, как сущее порождение прелести не приемлют, яже суть Духа, или и не веруют в то, ни Бога уведать и познать по маловерию своему не могут такие по ослеплению своему и маловерию, там справедливо услышат: *не вем вас* (Мф. 25, 12).

127. Истинный любомудрец есть тот, кто от существующих вещей познал Творца их и от Творца уразумел сущее и Божественное, не научением только познал, но и испытал. Или совер-

шенный любомудрец тот, кто преуспел в нравственном, естественном и богословском любомудрии, паче же в боголюбии.

128. Которые без Духа пишут и говорят, и церковь назидать хотят, душевны суть, как *Духа не имеющие* (Иуд. 1, 19). Они подходят под клятву, которая гласит: *горе, иже мудри в себе самих и пред собою разумни* (Ис. 5, 21). Ибо от себя говорят, а не *Дух Божий есть, в них глаголяй,* как определил Господь (Мф. 10, 20). Которые же от своих помыслов говорят прежде стяжания чистоты, те прельщены духом самомнения. Об этом и притча говорит: *видех мужа непщевавша себе мудра быти, упование же имать безумный паче его* (Притч. 26, 12). И то: *не бывайте мудри о себе* (Рим. 12, 16), премудрость нам заповедует. И сам, исполненный Духа, Божественный апостол исповедует, говоря: *не бо доволни есмы от себе помыслити что, яко от себе, но довольство наше от Бога* (2 Кор. 3, 5); и еще: но яко от Бога, *пред Богом о Христе глаголем* (2 Кор. 12, 19). Словеса таковых не сладостны и непросветительны, ибо они говорят их, не заимствуя из живого источника Духа, но из сердца своего, как некоего тинного озера, питающего пьявиц, змий и жаб похотей, кичения и невоздержания, и вода ведения их смрадна, мутна и теплохладна, от которой пьющие отвращаются, испытывая головокружение, мерзение и тошноту.

129. Говорит Божественный апостол: *тело Христово мы есмы и уди от части* (1 Кор. 12, 27); и опять: *едино тело, един дух есте* (Еф. 4, 4). Как тело без духа мертво и бесчувственно, так и умертвившийся страстьми через небрежение о заповедях по крещении бывает бездействен, как непросвещаемый Святым Духом и благодатию Христовою: ибо хотя он имеет Духа по вере и возрождению, но Он в нем бездействен и недвижим по душевной мертвости. Душа у нас одна, а членов тела много, но она все их держит, животворит и движет, — те однако ж, которые способны принимать жизнь, те же, которые по какой-либо случайной немощи иссохли, как мертвые и неподвижные, хотя держит в себе, но безжизненными и бесчувственными. Так и Дух Христов, весь во всех членах Христовых пребывая, те из них, кои могут быть причастны жизни, движет и животворит;

но и те, кои неспособны к сему по немощности, человеколюбно удерживает, как собственные. Таким образом, всякий верный, хотя по вере причастен сыноположения духовного, бывает однако ж бездействен и непросвещен по причине нерадения и неверия, лишаясь света и жизни Иисусовой: так что, хотя всякий верный, как член Христов, имеет Духа Христова, но иной остается бездейственным и недвижимым, как неспособный к причастию благодати.

130. Утверждаем, что есть восемь главных предметов созерцания: первый — Бог, невидимый и безвидный, безначальный и несозданный, причина всего сущего, Троичное единое и пресущественное Божество; второй — чин и стояние умных сил; третий — составление видимых вещей; четвертый — домостроительное снисшествие Слова; пятый — всеобщее воскресение; шестой — страшное Второе Христово Пришествие; седьмой — вечная мука; восьмой — Царствие Небесное. Четыре первые — прошедшие и совершившиеся, а четыре последние — будущие и еще не проявившиеся, ясно однако ж созерцаемые и признаваемые стяжавшими благодатию полную чистоту ума. Приступающий же к сему без света благодати да ведает, что он строит фантазии, а не созерцания имеет, мечтательным духом будучи опутываем фантазиями и мечтающий.

131. Вот и о прелести необходимо сказать по возможности, так как она для многих, по множеству и разнообразию ее козней и осечений, неудобораспознаваема и почти непостижима. Прелесть, говорят, в двух видах является, или лучше, находит — в виде мечтаний и воздействий, хотя в одной гордости имеет начало свое и причину. Первая бывает началом второй, а вторая началом третьей еще в виде исступления. Началом мнимого созерцания фантастического служит мнение (притязательное на всезнайство, которое научает мечтательно представлять Божество в какой-нибудь образной форме, за чем следует прелесть, вводящая в заблуждение мечтаниями, и порождающая хуление, а далее наделяющая душу страхованиями и наяву, и во сне. Ибо за возгордением следует прелесть (от мечтаний), за прелестью — хуление, за хулением — страхова-

ние, за страхованием — трепет, за трепетом — исступление из ума. Таков первый образ прелести от мечтаний. Второй образ прелести — в виде воздействий — бывает вот каков: начало свое имеет она в сладострастии, рождающемся от естественного похотения. От сласти сей рождается неудержимость несказанных нечистот. Распаляя все естество и омрачив ум сочетанием с мечтаемыми идолами, она приводит его в исступление опьянением от палительного действа своего и делает помешанным. В сем состоянии прельщенный берется пророчествовать, дает ложные предсказания, предъявляет, будто видит некоторых святых, и передает слова, будто ими ему сказанные, опьянен будучи неистовством страсти, изменившись нравом и по виду став, как бесноватый. Таковых миряне, духом прелести водимых, называют психариями (душица, душонка), кои приседят и пребывают при храмах святых некиих, ими будучи одуховляемы, воздействуемы и мучимы, и от них людям возвещая откровения; но их следует прямо называть бесноватыми, прельщенными и заблудшими, а не пророками, предсказывающими и настоящее, и будущее. Бес непотребства, омрачив их ум сладострастным огнем, сводит их с ума, мечтательно представляя им некоторых святых, давая слышать слова их и видеть лица. Но бывает, что бесы эти сами являются и смущают их страхованиями: подчинив их игу велиара, они против воли толкают их на грехи делом, как преданных им рабов, имея потом проводить их в ад.

132. Ведать подобает, что прелесть три главных причины имеет, по коим находит: гордость, зависть бесов и наказательное попущение. Этих же причины суть: гордости — суетное легкомыслие (или тщеславие), зависти — преспеяние, наказательного попущения — греховная жизнь. Прелесть от зависти и гордого самомнения скорое получает исцеление, особенно если кто смирится. Но прелесть наказательная, — предание сатане за грех, — часто попущает Бог своим оставлением даже до смерти. Бывает, что и неповинные для спасения предаются на мучительство (бесов). Ведать подобает, что

и сам дух гордостного самомнения дает предсказания иногда в тех, кои не тщательно внимают сердцу.

133. Все благочестивые цари и иереи истинно помазуются в новой благодати, как преобразовательно помазываемы были тогда и древние. Ибо те были прообразы для нашей истины, не от части, но все всех нас предзнаменовали. Означает же оно, что помазуемый, чистый и бесстрастный всецело посвящается Богу и ныне, и в будущем.

134. Тот устами своими *возглаголет премудрость и в поучении сердца* своего *разум* (Пс. 48, 4), кто ясно покажет из сущих дел Бога Слова ипостасную премудрость Бога и Отца.

135. Великая противоборница истины и в пагубу вводительница человеков есть ныне прелесть, через которую в душах нерадивцев воцарился мрак неведения, отчуждавший их от Бога. Три есть страсти (главнейшие ее порождения): неверие, лукавство и разленение, кои одна другую рождают и взаимно друг друга поддерживают. Неверие есть учительница лукавства, а лукавство — спутница разленения, которое ведет к совершенной лености. Или наоборот — разленение есть родительница лукавства, как сказал Господь: *рабе лукавый и ленивый* (Мф. 25, 26), а лукавство — мать неверия: ибо всякий лукавый неверен, неверующий же и небогобоязнен. От небогобоязненности рождается разленение — матерь презорства (или небрежности), от коего нерадят о всяком добре и всякое худо соделывают.

136. Истинное боговедение и неложное познание вещей составляет совершенное, православное, догматическое учение. Почему мы должны так словословить Бога: Слава Тебе, Христе Боже наш, слава Тебе, что Ты благоволил ради нас вочеловечитися, Бог сый пресущный. Велико таинство Твоего домостроительства! Спасе наш, слава Тебе!

137. По Максиму Великому, есть три разных цели, с какими даровитые мужи пишут сочинения безукоризненные и непринудительные: первая — себе на память; вторая — другим на пользу; третья — по послушанию. С последнею целью составлено много писаний для тех, кои смиренно ищут слова истины.

Кто же пишет из человекоугодия, для славы и показности, тот теряет мзду свою и никакой от того пользы не получит ни здесь, ни в будущем веке, но и осудится, как человекоугодник и лукавый браконьер Слова Божия.

НАСТАВЛЕНИЕ БЕЗМОЛВСТВУЮЩИМ

1) Как сидеть в келлии

Сидя в келлии своей, терпеливо пребывай в молитве в исполнение заповеди апостола Павла (см. Рим. 12, 12; Кол. 4, 2). Собери ум свой в сердце и оттуда мысленным воплем призывай на помощь Господа Иисуса, говоря: ***Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!*** Не поддавайся малодушию и разленению, но поболи сердцем и потруди себя телом, ища Господа в сердце. Всячески понуждай себя на делание сие: ибо *Царствие Божие* есть достояние *нудящих себя, и* сии *нуждницы восхищают его* (Мф. 11, 12), как сказал Господь, показывая, что взыскание его требует чувствительных трудов и подвигов.

2) Как произносить молитву

Из отцов одни говорили, что надо произносить полную молитву: ***Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя;*** а другие — половину, так: ***Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя,*** или: ***Господи, Иисусе Христе, помилуй мя,*** или что надо переменять и говорить то полно, то сокращенно. Не должно однако ж часто переменять слова молитвы, поблажая лености, но с пожданием в показание терпения. Еще — одни учат устно произносить молитву, а другие — мысленно умом. Я же то и другое полагаю. Ибо иногда ум изнемогает произносить молитву сам по себе, от уныния, иногда уста утомляются делать это. Потому обоими надо молиться, и устами и умом. Однако ж, тихо и без смятения надо взывать к Господу, чтобы глас не расстроил внимания ума и не пресек молитвы, пока ум навыкнет деланию сему и прияв силу от Духа, станет крепко молиться сам в себе. Тогда не будет нужды произносить молитву устно, да и невозможно,

потому что достигший сего довольствуется вполне умным деланием молитвы и не имеет желания отставать от нее.

3) Как держать ум

Знай, что никто не может сам собою удержать ума, если не будет он удержан Духом: ибо он неудержим, не по естеству, как приснодвижный, но потому, что, по нерадению, усвойствовал себе кружение или скитание туда и сюда, изначала навыкнув сему. Когда через преступление заповедей Возродившего нас (в крещении) отделились мы от Бога, тогда потеряли единение с Ним и погубили в чувстве умное Его чувство. Поползнувшийся таким образом ум и отдалившийся от Бога всюду водится, как пленник. И невозможно ему установиться иначе, как если повинется Богу и с Ним соединится, часто и терпеливо станет молиться Ему и каждый день умно исповедоваться Ему, в чем погрешает, Который тотчас и прощает все в смирении и сокрушении просящим прощения, и святое имя Его всегда призывающим. Когда в силу такого молитвенного труда, водворится в сердце действо молитвы, тогда она станет удерживать при себе ум, веселить и до пленения не допускать. Бывает, впрочем, и после сего парение мыслей, которые вполне покоряются только совершенным в Духе Святом, о Христе Иисусе достигшим непарительного состояния.

4) Как отгонять помыслы

Из новоначальных никто никогда не отгоняет помысла, если Бог не отгонит его. Только сильным свойственно бороться с ними и прогонять их. Но и они не сами собою отгоняют их, а с Богом воздвигаются на брань с ними, как облеченные во всеоружие Его. Ты же, когда приходят помыслы, призывай Господа Иисуса часто и терпеливо, и они отбегут: ибо, не терпя сердечной теплоты, молитвою подаемой, они, как огнем палимые, отбегают. Иисусовым именем, говорит Лествичник, бичуй супостатов: ибо Бог наш есть огнь, поядаяй злобу. Скорый на помощь Господь вскоре сотворит отмщение вседушно вопию-

щих к Нему день и ночь. Не имеющий же действа молитвы иным образом побуждает их, подражая Моисею. Ибо когда он восстанет и на небо прострет руки и очи свои (см. Исх. 17, 11), Бог прогоняет их. Потом опять садится и начинает молитву с терпением. — Вот какой способ употребляет еще не стяжавший действа молитвы. Но и имеющий действо молитвы при движении телесных страстей, — разленении, говорю, и блуда, — страстей лютых и тяжких, часто вставая, простирает руки в помощь против них. Однако ж прелести ради недолго сие творит, и опять садится, чтобы враг не обольстил ума его, показав какой-либо призрак. Ибо иметь ум, даже безопасный от падения, и горе, и долу, и в сердце, и всюду безопасным от вреда свойственно одним чистым и совершенным.

5) Как петь псалмы

Одни говорят, что надо петь часто, другие — что не часто, а третьи, что совсем не нужно. Ты же ни часто не пой, во избежание смятения, ни совсем не оставляй пения во избежание расслабления и нерадения, но подражай поющим не часто; ибо мерность во всем прекрасна, по словам немудрых мудрецов. Много петь хорошо для проходящих деятельную жизнь, по причине неведения ими мысленных занятий и по причине труда, а не для безмолвствующих, для коих довлеет в Боге едином пребывать, молясь в сердце и от помышлений удерживаясь. Ибо безмолвие, по святому Лествичнику, есть отложение помышлений о вещах и чувственных, и мысленных. К тому же, истощив всю силу свою на многопение, ум несилен уже будет крепко и терпеливо пребывать в молитве. Ночью, говорит также Лествичник, больше времени отдавай молитве, а пению меньше. Так и ты должен поступать. Когда в сидении своем видишь, что молитва действует и не перестает двигаться в сердце твоем, никогда не оставляй ее, чтоб встать на пение, пока она сама не оставит тебя по смотрению. Ибо иначе ты, оставя Бога внутри, вне стоя будешь обращать к Нему беседу, от высшего к низшему переходя. К тому же и смуту произведешь этим в уме, извлекши его из его мирного отишия. Безмолвие, по

имени своему, и делания у себя заводит такие, чтоб в мире и тишине совершать их. Ибо Бог наш есть мир, превыше всякой молвы и шума сущий.

Надлежит, по образу жизни нашей, ангельскому быть и пению нашему, а не плотскому. Гласное пение есть указание на вопль умный внутри, и дано нам на случай разленения и одебеления нашего, чтоб возводить нас в должное поистине настроение. Тем, кои не знают молитвы (не испытали ее силы и действа), которая, по святому Иоанну Лествичнику, есть источник добродетелей, напояющий, как произрастения, душевные силы наши, подобает много петь, без меры петь, всегда быть занятым разными деланиями и никогда не знать покоя от них, пока от многого притрудного действования, вступят в состояние созерцания, обретши умную молитву, действующую внутри их. Иное есть делание безмолвия, и иное общежитие; каждый же, пребывая в том, к чему призван, спасется. Почему боюсь писать, немощных ради, зная, что ты вращаешься среди таковых. Кто по слуху или учению трудится в молитве, всуе трудится, не имея руководящего. Вкусивший благодати должен умеренно петь, по словам отцов, больше же упражняться в молитве; а когда разленение нападет, пусть поет или читает деятельные главы отеческие. Корабль не имеет нужды в веслах, когда ветер надувает паруса, потому что тогда ветер дает ему достаточное веяние к легкому преплытию сланого моря страстей; а когда ветер спадет и корабль остановится, тогда надо приводить его в движение веслами или ладьею.

Некоторые в виде возражения указывают на святых отцов, которые совершали всенощные стояния, все время проводя в псалмопении. На это скажем, что не все одним путем шествовали и одного правила держались до конца. Многие от деятельной жизни переходили к созерцанию, и престав от дел, воссуботствовали по духовному закону и о Боге едином веселились, насыщаемы будучи Божественною сладостию, по благодати не попущавшею им петь или о другом чем помышлять, и всегда в изумлении пребывали, как достигшие конца желаний, хотя отчасти. Другие же до конца деятельную проводили жизнь и спа-

сение улучили, почив в чаянии приять воздаяние в будущем. Некоторые в смерти получали удостоверение в спасении или по смерти издавали благоухание в показание сего; это те, которые сохранили благодать крещения, но, по причине пленения или неведения ума, не вкусили ощутимого, хотя таинственного общения с нею, пока жили. Иные то и другое благоискусно совершают, то есть пение и молитву, и так проводят жизнь, богатую имея благодать, как приснодвижную, и ни в чем не встречая препон. Другие до конца наипаче безмолвие держали, несмотря на то, что были простецами, и единые с Единым Богом соединившись, в единой молитве полное почерпали довольство. Совершенные все могут о укрепляющем их Христе Иисусе, Коему слава во веки веков. Аминь.

6) Как пищу принимать

Что сказать об утробе, царице страстей? Если можешь умертвить ее или полумертвою сделать, не давай ослабы. Одолела она меня, возлюбленне, и я служу ей, как раб и данник. Она содейственница бесов и обиталище страстей. Через нее бывает падение наше и через нее восстание, когда она благочинствует. Через нее потеряли мы и первое, и второе Божественное достоинство. Ибо после растления, древле бывшего, мы обновлены во Христе; но се ныне опять отпали мы от Бога, через пренебрежение заповедей, кои сохраняют и возращают благодать в преуспеянии, хотя не сознавая сего, возносимся, мняся с Богом быти.

В деле питания телесного большое бывает различие, как сказали отцы: иному мало, а другому много требуется для поддержания естественных сил своих, и каждый удовлетворяется пищею по силам своим и по навыку. Но безмолвствующий всегда должен быть голодующим, не давая себе пищи досыта. Ибо когда желудок отягчен бывает и ум через то помутится, тогда не может человек творить молитву крепко и чисто; но под действием испарения от многих брашен клонимый ко сну вожделевает поскорее лечь соснуть, от чего бесчисленные мечтания во сне наполняют ум.

Итак, желающему спасение улучить и нудящему себя Господа ради жить безмолвно, хлеба, как полагаю, достаточно литры (три четверти фунта), воды или вина в день три или четыре чаши, и прочих снедей, какие случаются, вкусить понемногу, не допуская себя до насыщения, чтоб таким мудрым употреблением пищи, то есть вкушением от всех снедей с одной стороны избегнуть кичения, с другой не показать гнушения Божиими творениями, зело добрыми, за все благодаря Бога. Таково рассуждение благоразумных! Немощным же в вере воздержание от снедей более полезно и апостол таковым повелел *зелие ясти* (Рим. 14, 2), так как они не веруют, что Бог сохранит их.

Что же тебе сказать? Ты попросил правила, а оно обычно тяжело, особенно тебе, старому. Юннейшие не могут удерживать всегда вес и меру, а ты как удержишь это? Тебе надо свободно действовать в приятии пищи. Когда будешь побеждаем, раскаивайся, зазрев себя, и новые употребляй усилия. И не переставай так поступать всегда, падая и восставая, и при этом себя одного укоряя, а не другого кого, и будешь иметь покой, премудро падениями стяжавая себе победу; однако ж не преступай предела, который мы положили впереди, — и довлеет ти: ибо не укрепляют столько тела прочие снеди, как хлеб и вода. Почему пророк, другое все ни во что считая, сказал только: *сыне человеч! яждь весом хлеб твой и воду мерою пий* (Иез. 4, 9 и далее).

Три предела имеет пищи вкушение: воздержание, доволь и сытость. Воздержание есть алкать немного и поевши; доволь — ни алкать, ни отягощаться; сытость — отягощаться немного. А по насыщении и еще есть дверь есть чревобесия, коею входит блуд. Ты же, зная сие наверное, по силе своей избирай себе лучшее, не преступая пределов: ибо совершенным свойственно и то, чтоб, по апостолу, *и насыщаться и алкать,* и во всем мощным быть (Флп. 4, 12-13).

7) О прелести и о других предметах

Смотри, я хочу дать тебе точное ведение о прелести, чтоб ты берегся от нее и, по неведению, не причинил себе большего вреда и не погубил души своей. Ибо самовластие человеческое

легко склоняется на сторону врагов, особенно у неопытных, как ими неутомимее преследуемых. Близ и около новоначальных и самочинных бесы обыкновенно распростирают сети помыслов и пагубных мечтаний и уготовляют рвы падений: так как град их находится еще под властью варваров. И нечего дивиться, если кто из них заблудился или выступил из ума, или принял и принимает прелесть, или видит что чуждое истины, или говорит что неподобающее, по неопытности и неведению. Часто иной, разглагольствуя об истине от невежества своего, говорит одно вместо другого, не умея сказать правильно, как дело есть, и тем приводит в ужас слушающих, а на безмолвников наводит поношение и смех неразумным своим действованием. В том, что новоначальные ошибаются и после многих трудов, ничего нет дивного: так случалось со многими, Бога ищущими и ныне, и в прежние времена.

Память Божия или умная молитва выше всех деланий; она есть глава и добродетелей, как любовь Божия. Но бесстыдно и дерзостно желающий внити к Богу и исповедать Его чисто, и нудящийся стяжать Его в себе удобно умерщвляем бывает от бесов, если попущено им будет сие. Ибо дерзко и самонадеянно взыскав того, что не соответствует его состоянию, в гордости нудится он прежде времени достигнуть того. Господь милосердый к нам, видя, как скоры мы на высокое, часто не попускает нам впасть в искушение, чтоб каждый, сознав свое высокоумие, сам собою обратился к настоящему действованию прежде, чем сделается поношением и посмехом для бесов, и плачем для людей; особенно когда кто взыскивает сего дивного дела с терпением и смирением, с послушанием и вопрошением опытных, чтоб вместо пшеницы не пожать куколь, горечи вместо сладости, и вместо спасения не найти пагубы. Ибо сильным и совершенным принадлежит бороться всегда с бесами одним и на них непрестанно обращать меч духовный, *иже есть глагол Божий* (Еф. 6, 17); немощные же и новоначальные пользуются, как твердынею, бегством, с благоговением и страхом отказываясь от противоборства и не дерзая прежде времени вступать в него, и таким образом избегают смерти.

Ты же, если добре безмолвствуешь, чая с Богом быть, никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа или Ангела, или святого какого, или бы свет мечтался и печатлелся в уме. Ум и сам по себе естественную имеет силу мечтать и может легко строить призрачные образы того, что вожделевает, у тех, кои не внимают сему опасно и таким образом сами себе причиняют вред. Также и память о добрых и худых вещах обыкновенно вдруг печатлеет в уме образы их, и вводит его в мечтание. Тогда испытывающий сие бывает уже мечтателем, а не безмолвником. Потому внимай, да не поверишь чему-либо, увлекшись тем, хотя бы то было что-нибудь хорошее, прежде вопрошения опытных и полного исследования дела, чтоб не потерпеть вреда; но будь всегда недоволен сим, храня ум бесцветным, безвидным и безобразным. Часто и то, что было послано Богом к испытанию для венца, во вред обращалось многим. Господь наш хочет испытать наше самовластие, куда оно клонится. Но узревший что-либо мысленно или чувственно и приемлющий то без вопрошения опытных, легко, хотя то и от Бога есть, прельщается или имеет прельститься, как скорый на приятие помыслов. Сего ради новоначальному надлежит внимать сердечному действу, как незаблудному, все же прочее не принимать до времени умирения от страстей. Бог не негодует на того, кто тщательно внимает себе, если он из опасения прельщения не примет того, что от Него есть, без вопрошения и должного испытания, но паче похваляет его, как мудрого, хотя на некоторых и негодовал.

Впрочем, не всех вопрошать надо, но одного того, кому и других управление вверено, кто жизнию блистает и кто, будучи беден, многих богатит, по Писанию (см. 2 Кор. 6, 10). Многие неопытные повредили многим неразумным, за коих суд приимут по смерти. Ибо не всем принадлежит руководить и других, но тем, коим дано божественное рассуждение, по апостолу (см. 1 Кор. 12, 10), именно рассуждение духовом, отличающее лучшее от худшего мечем слова. Каждый имеет свой разум и свое рассуждение естественное, деятельное или научное, но

не все имеют рассуждение духовное. Почему премудрый Сирах и говорит: *мирствующие с тобою да будут мнози: советницы же твои един от тысящ* (6, 6). Немал же труд найти руководителя незаблудного ни в делах, ни в словах, ни в разумениях. Незаблуден ли кто, узревается из того, если он имеет свидетельство от Писания и на деяние, и на разумение, смиренномудрствуя в том, о чем должно мудрствовать. Ибо немалый труд постигнуть истину явно и чисту быть от того, что противно благодати; потому что диавол обычай имеет, особенно для новоначальных, представлять под видом истины прелесть свою, преображая лукавое свое в духовное.

По сей причине тщащийся достигнуть чистой молитвы в безмолвии, должен шествовать к сему в трепете великом, с плачем и испрашиванием руководства у опытных, непрестанно слезы проливая о грехах своих, в скорбном сокрушении и боязливом опасении, как бы не попасть в ад или не отпасть от Бога и отлучену быть от Него ныне или в будущем. Ибо диавол, когда увидит кого, в плаче живущего, то не замедляет там, боясь смирения, порождаемого плачем. Если же кто мечтает достигнуть высокого с самомнением, не истинное, а сатанинское имея желание, то такого удобно опутывает он сетями своими, как раба своего. Почему величайшее есть оружие держать себя в молитве и плаче, чтобы от молитвенной радости не впасть в самомнение, но сохранить себя невредимым, избрав радостопечалие. Ибо чуждая прелести молитва есть теплота с молитвою к Иисусу, ввергающему огнь в землю сердца нашего; теплота, попаляющая страсти, как терния, вселяющая в душу веселие и тишину, и приходящая не с десной и не шуей стороны или свыше, но в сердце источающаяся, как источник воды от животворящего Духа. Сию единую в сердце своем возжелай обрести и стяжать, блюдя ум свой немечтательным и обнаженным от разумений и помыслов, и не бойся. Ибо рекши: *дерзайте. Аз есмь, не бойтеся* (Мф. 14, 27), сей самый с нами есть, нами искомый и нам всегда покровительствующий; и мы не должны бояться или воздыхать, Бога призывая.

Если же некоторые совратились, повредившись в уме, то знай, что они пострадали это от самочиния и гордости. Ибо в послушании с вопрошением и смиренномудрием ищущий Бога никогда не потерпит вреда благодатию Христа, всем человеком спастися хотящего. Если же и случается с таким искушение, то это бывает для испытания и увенчания, и сопровождается скорою помощью от Бога, попускающего сие, ими же весть судьбами. Ибо кто право живет и безукоризненно обращается со всеми, удаляясь от человекоугодия и высокоумия, тому, хотя бы и бесчисленные против него поднял искушения весь бесовский полк, это не повредит, как говорят отцы. Которые же самонадеянно и самовольно действуют, эти и вреду удобно подвергаются. Почему безмолвствующий должен всегда держать царский путь. Ибо излишество во всем сопровождается обычно самомнением, а за этим последует прелесть.

Три добродетели должно точно соблюдать в безмолвии и каждый час испытывать, всегда ли пребываем мы в них, чтоб, как-нибудь быв окрадены забвением, не стали мы шагать вне их. Они суть следующие: воздержание, молчание и самоуничижение, то есть смирение. Они одна другую поддерживают и хранят; молитва от них рождается и возрастает непрестанно.

Начало действа благодати в молитве различно обнаруживается, так как по апостолу, и разделение Духа бывает разнообразно, по Своей Ему воли (см. 1 Кор. 12, 11). В некоторых приходит дух страха, разрушающий горы страстей и сокрушающий камни — жестокие сердца — такой страх, что от него плоть как бы гвоздьми пригвождается и мертвою становится. В других же является потрясение или обрадование, которое взыгранием назвали отцы. В иных, наконец, и преимущественно в преуспевших в молитве, Бог производит веяние света тонкое и мирное, когда Христос вселится в сердце (см. Еф. 3, 17), и таинственно воссияет в духе. Посему Бог говорил Илии на горе Хоривской (см. 3 Цар. 19, 12), что не в этом и не в том Господь — не в частных действах новоначальных — но в тонком веянии света, показав совершенство молитвы.

Вопрос: Что делать, когда бес преобразуется в Ангела света и прельщает человека?

Ответ: Для этого человек имеет нужду в большой рассудительности, чтоб добре распознавать различие добра и зла. Итак, не увлекайся скоро по легкомыслию тем, что представляется, но будь тяжел (нескородвижен) и с большим испытанием доброе принимай, а худое отвергай. Всегда должен ты испытывать и рассматривать, а потом верить. Ведай, что действа благодати явны, и бес, хотя преобразуется, подавать их не может, именно — ни кротости, ни приветливости, ни смирения, ни ненавидения мира, ни пресечения похоти и страсти, кои суть действа благодати. Бесовские же действа суть — надмение, высокоумие, устрашение и всякое зло. По таким действиям можешь распознать, от Бога ли воссиявший в душе твоей свет или от сатаны. Фридакс видом похож на горчицу, и уксус цветом похож на вино; но при вкушении их гортань распознает и определяет различие каждой из сих вещей. Так и душа, если имеет рассуждение, умным чувством может распознавать дары Духа Святого и призрачные мечтания сатаны.

О БЕЗМОЛВИИ И МОЛИТВЕ

1) Как надлежит творить молитву

1. С утра понудь ум свой сойти из головы в сердце и держи его в нем, и непрестанно взывай умно и душевно: ***Господи Иисусе Христе, помилуй мя!*** пока утомишься. Утомившись же, переведи ум на вторую половину и говори: ***Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!*** Многократно проговорив сие воззвание, переходи опять на первую половину. Но часто по лености не должен ты переменять сии воззвания, потому что, как растения не укореняются, если часто их пересаживать, так и молитвенные движения в сердце, при частой перемене слов молитвенных.

2. Когда увидишь возникновение и приступание помыслов, не засматривайся на них, хотя бы они и не были худы; но держа неисходно ум в сердце, взывай к Господу Иисусу и скоро

прогонишь помыслы и наводителей их, бесов, отгонишь, опаляя их и бичуя невидимо Божественным именем сим. Так учит Лествичник, говоря: именем Иисуса бичуй супостатов, ибо против них нет более сильного оружия, как это, ни на земле, ни на небе.

2) Внимать себе должно и памятовать Бога

3. Исаия отшельник говорит: «Держи ум неудержимый, развиваемый и разодеваемый вражескою силою, которая по нерадению нашему после крещения опять возвратилась в леностную душу с другими духами злейшими, как говорит Господь, и *последняя* его соделала *горша первых* (Мф. 12, 45)». Другой некто учит: «Монах должен иметь память Божию вместо дыхания» или, как говорит иной: «Должен иметь любовь Божию предваряющею дыхание». Святой Лествичник внушает: «Иисусова память да соединится с дыханием твоим, и тогда познаешь пользу безмолвия». Апостол Павел уверяет, что *ктому не он живет, но живет в нем Христос,* действуя и Божественную жизнь вдыхая (Гал. 2, 20). Также и Господь говорит: *Дух, идеже хощет, дышет* (Ин. 3, 8), взяв пример от дуновений чувственного ветра. Быв очищены (в крещении), мы прияли обручение Духа, взращивающего и обожающего причастных Его. Но как мы вознерадели о заповедях, кои суть блюстители благодати, то опять впали в страсти и, вместо дыхания Духа Святого, исполнились ветром злых духов, от коих всякое у нас нестроение. Сохранивший же Духа и от Него очищение стяжавший разгорячается Им и вдохновляется Божественною жизнью, и затем Им говорит, Им умствует и Им движется, по слову Господню: *не вы бо будете глаголющии но Дух Отца вашего глаголяй в вас* (Мф. 10, 20). Равным образом и имеющий противного Ему духа и им овладенный, противное делает и говорит.

3) Как петь подобает безмолвникам

4. «Утомившийся, — говорит Лествичник, — пусть, встав, помолится, и седши опять, пусть мужественно берется за преж-

нее делание» (Сл. 27, 23). Хотя он сказал это об умном делании, то есть что так должно делать, когда кто достигнет хранения сердца; но не неприлично сказать то же и о псалмопении. Варсонофий Великий, будучи вопрошен о пении, именно, как должно петь, отвечал: «Часы и песни суть церковные предания, и добре даны для соглашения (собирающихся на молитву). Скитяне же ни часов не поют, ни песней не имеют, но рукоделие, наедине поучение (умную молитву) и по малу небольшое молитвословие» (Отв. 74). Стоя же на молитве, должен ты говорить Трисвятое и «Отче наш», и попросить Бога об избавлении от ветхого человека. Долго однако ж медлить на сем молитвословии не следует, но ум твой весь день должен быть в молитве. Сими словами старец показал, что наедине поучение есть умная или сердечная молитва, а по малу молитва есть стояние на псалмопении. То же говорит и великий Иоанн Лествичник: «Дело безмолвия есть беспопечение о всем, молитва без лености, то есть псалмопение, и третье — делание сердца некрадомое» (Сл. 27, 46). Это есть седалище молитвы и вместе безмолвия.

5. *Вопрос:* Откуда это различие, что одни учат много петь, другие — мало, третьи — совсем не петь?

Ответ: Разрешение сего вопроса таково. Которые деятельною жизнью через многие труды и в долгие годы обрели действо благодати, те как сами научились сему, так и других учат. Они не верят тем, кои говорят о себе, что по милости Божией достигли сего в короткое время теплою верою, как говорит святой Исаак, и порицают таковых, будучи окрадаемы неведением и самомнением, и других уверяют, что, если что бывает иначе, чем у них, то оно прелесть есть, а не действо благодати. Не ведают они, *яко удобно есть пред очима Господнима внезапу обогатити нищаго* (Сир. 11, 21). Укоряет и апостол тогдашних учеников, яко неведущих благодати, говоря: *или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть? разве точию чим неискусни есте* (2 Кор. 13, 5), то есть за леность вашу не преуспеятельны. Почему таковые и дивных свойств молитвы, действом Духа Святого

производимых в некиих, не приемлют (не признают за истинные) по причине неверия и высокомудрия.

6. Скажи мне, так сидящий, если кто постится, воздерживается, бдение совершает, стоит на псалмопении, поклоны творит, плачет, не стяжательствует, не есть ли это делание? (Но мы признаем все сие необходимым для безмолвствующего). Как же ты думаешь и говоришь, будто мы предлагаем преуспеть в молитве без деятельной жизни? Не это мы утверждаем, а то, что кроме деятельной жизни требуется еще и умная деятельность, без коей невозможно успеть в молитве. Теперь послушай. Если кто устами творит молитву, а ум его кружится, какая польза? Когда один созидает, а другой разоряет, ничего из этого, только труды (см. Сир. 34, 23). Но как телом кто делает, так должен делать и умом, чтоб телесно не казаться праведным, а в сердце быть исполненным всякой неправды и нечистоты. Сие и апостол утверждает, говоря: *аще бо молюся языком,* то есть устами, *дух мой,* или глас мой *молится, а ум мой без плода есть. Помолюся убо духом, помолюся же и умом.* И: *хощу пять словес умом моим глаголати нежели тмы словес языком* (1 Кор. 14, 14, 15, 19). Свидетель же, что он об этом (об умной молитве) говорит, святой Лествичник, который говорит в слове о молитве (пункт 21): «Великий великой и совершенной молитвы делатель говорит: *хощу пять словес умом моим глаголати* и прочее». Деланий много, но они частны; сердечная же молитва велика и всеобъемлюща, как источник добродетелей, по Лествичнику (пункт 1, о молитве), потому что ею стяжавается всякое благо. Святой Максим говорит: «Нет ничего страшнее помышления о смерти и велелепнее памяти о Боге», показывая превосходство сего дела. Некоторые же в нынешнее время даже слышать не хотят, есть ли благодать, будучи по великому нечувствию и невежеству ослеплены и маловерны.

7. Которые поют не много, хорошо, думаю, делают, честь воздавая умеренности (ибо мера во всем прекрасна), чтобы, истощив всю силу душевную на деятельный труд псалмопения, ум не оказался малоусердным к молитве, не находя в себе сил для нее, но чтоб, немного поя псалмы, большую часть времени

проводить в молитве. С другой стороны, когда ум стужит частым мысленным вопиянием и непрестанным водружением внимания его в молитву, справедливо давать ему некое отдохновение, отпуская его в простор псалмопения из утеснения в безмолвной молитве. Это прекрасный чин, это учение мужей премудрых.

8. Добре также творят и те, кои совсем не держат псалмопения, если они преуспевают. Таковые не имеют нужды в псалмопении, но должны пребывать в молчании, непрестанной молитве и созерцании, если достигли просвещения. Ибо они с Богом соединены и не должны отторгать ум свой от Него, и ввергать его в смущение (или в толпу помыслов). Святой Лествичник говорит, что «для послушника (живущего в братстве) падение есть своей воле следование, а для безмолвника молитвы оставление или пресечение». Ибо ум таковых прелюбы творит, когда отступает от памяти Божией, как от жениха, и с любовию емлется за другие последнейшие вещи.

Научить других сему чину не всех возможно. Послушливых простецов и неграмотных — да; потому что послушание ради смирения ко всякой добродетели способно. Непослушливым же, простецы ли они или ученые, не преподается сия наука, чтоб не впали в прелесть; ибо самочинный не может избежать самомнения, которому обычно сопутствует прелесть, как говорит святой Исаак. Некоторые же, не помышляя об имеющем быть вреде, всякого прилучающегося учат своими усилиями держать память Божию для того, чтобы ум навык сей памяти и возлюбил ее, что невозможно особенно для привыкших жить по своему чину. Ибо, так как ум их нечист по причине нерадения и высокомудрия и не предочищен слезами, то они узревают паче срамные образы помыслов, нежели молитву, между тем как гнездящиеся в сердце их духи нечистые, будучи тревожимы страшным именем (Божиим), скрежещут, желая погубить уязвляющего их. Почему если самочинник услышит или из книг узнает о делании сем и возжелает держать его, то одно из двух постраждет: или, если нудить себя будет, впадет в прелесть и останется неисцельным, или, если нерадеть будет, во всю жизнь останется безуспешным.

9. Скажу и я, как мало нечто из опыта познавший. Когда сидишь в безмолвии днем или ночью, непрерывно молясь Богу, без помыслов в смирении, и ум твой изнеможет от взывания, возболезнует тело и сердце от сильного водружения непрестанного призывания Иисуса, не чувствуя между тем теплоты или возвеселения, от коих рождается и коими поддерживается ревность и терпение подвижника: тогда, встав, стань и пой псалмы, один или с учеником, который с тобою, или займись размышлением о каком-либо слове Писания (и вообще богомыслием); или в память о смерти погрузись; или возьми рукоделие какое; или чтению внемли, стоя паче, чтоб утрудить тело. — Когда стоишь на псалмопении один, читай Трисвятое, потом твори молитву душевно или умно, при чем ум да внимает сердцу. Если належит уныние, читай псалмы, два или три, и тропари умиленные негласно: ибо таковые гласно не поют, как говорит Лествичник. Довольно для них сердечного болезнования о благочестии, как сказал Марк, и теплоты духовной, к обрадованию и возвеселению их даруемой. После псалма твори молитву умно или душевно, без парения, и «Аллилуия» — таков чин святых отцов Варсонофия и Диадоха, и прочих. Псалмы, как говорит Василий Божественный, переменять надо каждый день, для раздражения через то усердия, и для того, чтоб ум, поя всегда одно и то же, не терял сладости от пения. Надо давать уму свободу и он еще паче укрепится в ревности и усердии. Если же с учеником верным стоишь на пении, он пусть читает псалмы, а ты, сердцу тайно внимая и молясь, блюди себя. Все же помышления, чувственные или мысленные, из сердца исходящие, презирай с содействием молитвы. Ибо безмолвие есть отложение помышлений, кои не от Духа и не суть Божественнейши, чтоб внимая им, как добрым, не потерять большего.

4) О прелести

10. Тщательно и разумно внимай, любитель Божий. Когда, делая свое дело, увидишь свет или огнь вне или внутри, или лик какой, Христа, например, или Ангела, или другого кого,

не принимай того, чтоб не потерпеть вреда. И сам от себя не строй воображений, и которые сами строятся, не внимай тем и уму не позволяй напечатлевать их в себе. Ибо все сие, со вне будучи печатлеемо и воображаемо, служит к прельщению души. Истинное начало молитвы есть сердечная теплота, попаляющая страсти, отраду и радость вселяющая в сердце непоколебимым возлюблением, и утверждающая сердце несомненным удостоверением. Все, приходящее в душу, говорят отцы, чувственное ли то или духовное, коль скоро сомневается в нем сердце, не приемля его, не от Бога есть, но послано от врага. Когда также увидишь ум свой во вне или в высоту влекомым от некоей невидимой силы, не верь сему и не попускай уму влекому быть, но тотчас понудь его на дело его. Что от Бога, то само собою приходит, говорит святой Исаак, тогда как ты и времени того не знаешь. Хотя и враг внутри чресл покушается призрачно представлять духовное, одно предлагая вместо другого, вместо теплоты наводя жжение нестройное, вместо веселия радость возбуждая бессловесную и сласть мокротную, и успевает укрывать себя за сими прельщениями от неопытных, но время, опыт и чувство обыкновенно обнаруживают его пред теми, коим не безызвестны его злые козни. Гортань брашна различает, как говорит Писание. Так и вкус духовный все ясно показывает, как оно есть, не подвергаясь прельщению.

5) О чтении

11. Святой Лествичник говорит: «Будучи делателем (деятельную проходя жизнь) прочитывай деятельные писания отцов; ибо, если ты чтомое будешь обращать в дело, то чтение прочего будет для тебя излишне» (Сл. 27, 78). Всегда читай о безмолвии и молитве, именно у святого Лествичника, у святого Исаака, у святого Максима, у Нового Богослова и ученика его Стифата, у Исихия, у Филофея Синайского и у прочих, писавших о сем же. Прочие же писания оставь до времени, не как нетерпимые, а как в это время не соответствующие цели твоей (навыкновению молитве): ибо предметы, коих они касаются, могут отвлекать ум твой от молитвы. Да будет чтение твое

наедине и негласное, чтоб не пришло искушение похвастать пред собою или голосом, или изяществом произношения, или не вообразить себя сущим в собрании и всех пленяющим своим искусством чтения. Да не будет чтение твое ненасытно: ибо во всем самое лучшее есть — мера: не слишком скоро, не слишком лениво или небрежно, но благоговейно, внимательно и разумно. Ум, укрепляясь душеполезным чтением, приемлет силу крепко молиться. Чтение же беспорядочное омрачает ум и расслабляет, и негодным делает к молитве.

12. Обращай внимание и на намерение воли, присматривая, куда оно клонится: по Богу ли, для самого ли добра и ради пользы душевной сидишь ты на безмолвии, поешь псалмы, читаешь молитвы, или другое что доброе делаешь, да не окраден будешь, не замечая того, и да не окажешься по схиме делателем Божиим, а по сердцу человекам, а не Богу угодить желающим. Ибо много козней у лукавого и втайне зорко он смотрит за склонением нашего произволения, всячески ища окрасть дело наше неведомо для нас, чтоб не по Богу было то, что делается. Но хотя он неослабно ратует и бесстыдно приступает, но ты, имея твердое намерение единому Богу угождать, не часто будешь окрадываем им, пусть склонение воли твоей будет нудимо им влаяться и колебаться нехотя. И пусть иной по немощи и побеждаем бывает против воли, но скоро прощается и похваляется от Ведущего намерения наши и сердца. Страсть эта, разумею тщеславие, не дает монаху преуспеть в добродетели, так что он труды терпит, а под конец оказывается бесплодным. И оно ко всем трем подкрадывается и обнажает их от плода трудов добродетельных — и к новоначальному, и к среднему, и к совершенному.

13. Вот еще что говорю, узнав то из опыта: монах никак не может преуспевать без следующих добродетелей: поста, воздержания, бдения, терпения, мужества, безмолвия, молитвы, молчания, плача, смирения, — кои одна другую рождают и одна другую хранят. Непрестанный пост, иссушая похотение, рождает воздержание; воздержание — бдение; бдение — терпение; терпение — мужество; мужество — безмолвие; безмол-

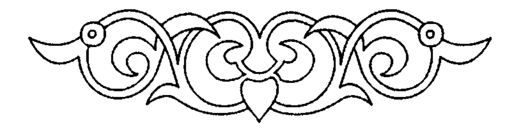
вие — молитву; молитва — молчание; молчание — плач; плач — смирение; смирение наоборот — плач, и так далее, восходя обратно, найдешь, как дочери рождают матерей.

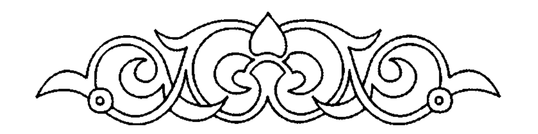
14. Надлежит здесь и болезненные труды сего подвига исчислить по порядку и ясно показать, как должно проходить каждое делание, чтобы иной, не безболезненно шествуя по слуху путем сим и не получив плода, не обвинил нас или другого кого, что на деле не так есть, как мы сказали. Ибо болезнование сердечное и труд телесный обыкновенно делают дело, как оно есть по истине. Через них обнаруживается действо Духа Святого, которое в крещении дается всякому верующему, но по причине нерадения о заповедях погребается страстьми и по неизреченной милости ожидает покаяния нашего, чтоб в конце за бесплодие наше не услышать нам: *возмите от него талант,* и следующее: *иже аще не имать* (плода), *и еже мнится имея, возмется от него* (Мф. 25, 28; Лк. 8, 18), и не быть посланными в ад на вечное мучение в геенне. Всякое делание телесное и духовное, не имеющее болезнования или труда, никогда не приносит плода проходящему его; потому что с нуждою восприемлется *Царствие Небесное,* говорит Господь, *и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Под нуждностию разумей приболезненное во всем чувство телесное. Многие много лет делали или делают безболезненно, и поелику не приболезненно поднимали и подъемлют труды, то оказывались и оказываются чуждыми чистоты и непричастными Духа Святого по причине не понесения лютости болезненных трудов. Ибо небрежно и разлененно делающие много, кажется, трудятся, но никогда не собирают плодов по причине безболезненности, будучи глубоко бесчувственны. Свидетель сему тот, кто говорит: «Хотя бы мы все великие подвиги жительства нашего имели, но если не стяжали приболезненного сердца, все они поддельны и попорчены» (Леств., сл. 7, 64). То же свидетельствует и святой Ефрем, говоря: «Трудяся, трудися приболезненно, чтоб избежать болезненности суетных трудов. Ибо если, по пророку, чресла наши не истощатся от труда пощения, если не схватят нас болезни, как рождающую младенца, то не зачнем мы духа спасения

на земле сердца» (см. Ис. 21, 3). Но только долголетием, пребыванием в бесплодной пустыне и леностным безмолвием хвалимся, мняся ради сего быти нечто. Во время исхода все познаем несомненно, каков плод жизни нашей.

15. Невозможно кому-либо самому научиться художеству добродетелей, хотя некоторые пользовались своим опытом, как учителем. Ибо самому по себе, а не по совету преуспевших действовать — самомнение наводит или, лучше, порождает. Если Сын ничего от Себя не творит, но как научил Его Отец, тако творит (см. Ин. 5, 19-20), и Дух глаголати имать не от Себя (см. Ин. 16, 13), то кто помыслить может, что достиг такой высоты добродетели, на коей не имеет нужды в чьем-либо тайноводстве? Безумие паче нежели добродетель имеющим кажется таковой в самопрельщении. Почему слушаться надлежит тех, кои опытно изведали болезни и труды деятельной добродетели, и под их руководством проходить ее, то есть пост алкательный, воздержание несладостное, бдение терпеливое, коленопреклонение утомительное, стояние неподвижное, молитву непрестанную, смирение непритворное, сокрушение и воздыхание постоянное, молчание мудрое и во всем терпение. *Труды* добродетелей *твоих снеси,* говорит Писание (Пс. 127, 2); и еще: *нудящихся есть Царствие Небесное* (Мф. 11, 12). Кто всеусильно тщится каждодневно совершать сказанные делания, тот с Богом соберет и плоды от них в свое их время.

ПРЕПОДОБНЫЙ НИКИФОР УЕДИНЕННИК



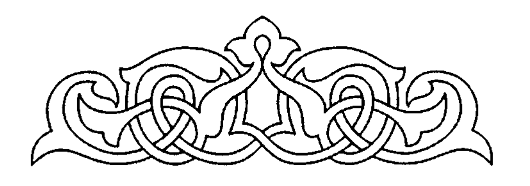


КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРЕПОДОБНОМ НИКИФОРЕ УЕДИНЕННИКЕ

(Из греческого Добротолюбия)

Никифор, преподобнейший отец наш, поприще своих аскетических подвигов совершивший на святой горе Афонской, скончался немного прежде 1340 года. Он был наставником и руководителем в изучении высшего любомудрия аскетического для Григория Солунского (Паламы), как тот сам об этом негде свидетельствует. В беспопечительном безмолвии себе единому внимая и в себе неизреченно соединившись с премирным Богом, блаженное в сердце своем восприял он просвещение благодати. Сам богато вкусив сего Божественного дара и нас отечески руководит к тому настоящим своим свитком, в коем, собрав из писаний и житий святых отцов места о трезвении, внимании и молитве, а в конце приложив и от своего опыта совет, всех приглашает путем умносердечной молитвы восходить к преискреннейшему общению с Господом.

Память 4 мая.



НИКИФОРА УЕДИНЕННИКА СЛОВО

О ТРЕЗВЕНИИ И ХРАНЕНИИ СЕРДЦА МНОГОПОЛЕЗНОЕ

Вы, которые желаете улучить благолепное Божественное просвещение Спасителя нашего Иисуса Христа, которые ищете восприять сердечно в чувстве пренебесный огнь, которые тщитеся ощутить опытом и чувством примирение с Богом, которые для того, чтобы обрести сокровище, сокрытое на поле сердец ваших и стяжать его, оставили все мирское, которые желаете, чтоб душевные свещи ваши еще отныне светло засветились, и для того отреклись от всего настоящего, которые хотите сознательно и опытно Царствие Небесное сущим внутри вас познать и приять, — приидите, и я повем вам науку вечного небесного жития, или лучше метод, без труда и пота вводящий действующего по нему в пристань бесстрастия и избавляющий его от страха прелести или падения от козней бесовских. Такой страх уместен только тогда, когда мы вращаемся вне той жизни, какой я намерен вас научить, далече негде от нее по преслушанию. Ибо тогда и с нами бывает то же, что с Адамом, который, подружившись со змием, презрел заповедь Божию и, доверившись ему, вкусил от запрещенного плода и прелестию от него насытился до пресыщения: чем жалости достойно низверг себя и всех потомков своих во глубину смерти, тьмы и тления.

Возвратимся же, братия, к себе самим, с отвращением возненавидев совет змия и всякое долу претыкание; и нам иначе невозможно с Богом примириться и сродниться, если прежде не возвратимся к себе самим, насколько сие в нашей силе, или не войдем в себя самих, отторгая себя, что удивления достойно, от мирского кружения и суетной многозаботливости, и привыкая неотступно внимать сущему внутри нас Царствию Небесному.

Потому-то монашеское житие и названо искусством искусств и наукою наук, что преподобное сие житие виновно для нас не каких-либо подобно здешним вещам тленных благ, чтоб к ним от лучшего направив ум, похоронять его в них, но обещает нам дивные иные и неизреченные блага, каких око не видало, о коих ухо не слыхало, кои и на сердце человеку не всходили (см. 1 Кор. 2, 9). От сего и *брань у нас не к плоти и крови, но к началом и властем и к миродержителем тмы века сего* (Еф. 6, 12).

Если убо настоящий век тьма есть, убежим от него, убежим же настроением ума и сердца. Ничего общего у нас с врагом Божиим да не будет: ибо *хотящий другом ему быть враг Божий бывает* (Иак. 4, 4). Врагу же Божию кто помочь может? Почему воcподражаем отцам нашим, и подобно им взыщем сущее внутри сердец наших сокровище и, обретши, крепко держать будем его, делая и храня: на что и с самого начала мы учинены. Если же явится другой какой Никодим и станет спорить, говоря: «Как может кто в сердце свое внити, там делать и пребывать?» Как тот говорил Спасителю: *како может* кто *во утробу матере своея второе внити и родитися стар сый* (Ин. 3, 4), то да слышит и сей, что *Дух идеже хощет дышет* (Ин. 3, 8). И если мы в событиях деятельной жизни такое обнаруживаем сомнение по неверию, то как войти нам в таинства жизни созерцательной? Но восход к созерцанию есть деятельная жизнь.

Но, как без письменных доказательств до такой степени неверующему убедиться нельзя, то давайте вставим в сие слово наше на пользу многим черты из житий святых и письменно изложенные ими суждения в подтверждение сказанной истины, чтоб всякий, убеждаясь тем, отлагал всякое сомнение.

Начнем с первого отца нашего Антония Великого и потом по ряду проходя последующих, соберем, сколько сможем, деяния их и слова, и предложим в уверение неверующих.

ИЗ ЖИТИЯ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО АНТОНИЯ

Шли некогда к авве Антонию два брата, и когда вышла у них вся вода, один умер и другой близок был к тому же. Не имея сил идти, лежал и он на земле и ожидал смерти. В сие время

Антоний, сидя на горе, позвал монахов, коим случилось быть у него, и сказал им: «Возьмите кувшин воды и бегите по дороге к Египту. Там из двоих, шедших сюда, один уже умер и другой умрет, если не поспешите. Это увидалось мне, когда я молился». Прибыв на то место, монахи в самом деле нашли одного мертвым и похоронили его, а другого, оживив водою, привели к старцу. Расстояние было на день пути. Если кто спросит, почему святой Антоний послал прежде, чем умер тот; вопрос будет несправедлив. Присуждение смерти брату было не Антониево дело, а Божие, Который и о первом такой суд положил, и о втором открыл. Святому Антонию принадлежит только то дивное дело, что он, сидя на горе, имел сердце трезвящееся и сподобился того, что Господь открыл ему бывшее вдали от него. Видишь, что святой Антоний, ради трезвения сердца, сделался богозрителем и прозорливым. Ибо в сердце Бог является уму сначала, по словам Иоанна Лествичника, как огнь, очищающий любителя своего, а потом как свет, просвещающий ум и боговидным его соделывающий.

ИЗ ЖИТИЯ ФЕОДОСИЯ КИНОВИАРХА

Святой Феодосий так был уязвлен сладкою стрелою любви и так крепко связан узами ее, что высшую сию и Божественную заповедь: *возлюбиши Господа Бога твоего от всего сердца твоего, и от всея души твоея, и всею крепостию твоею и всем помышлением твоим* (Лк. 10, 27) исполнял самыми делами. А это не могло быть иначе, как при устремлении всех естественных сил души ни к чему иному, как только к единому вожделению Создателя. Таково и у него было умное делание, в силу которого он и когда утешал, был страшен, и когда делал выговоры, был для всех любезен и сладостен. Кто так, как он, и со многими беседуя, наиполезнейшим являлся? И вместе был доволен к тому, чтобы собирать чувства и устроять их к вовращению внутрь? Кто, как он, среди смятений такою наслаждался внутри тишиною, как иные, живя в пустыне? И кто одинаковым бывал и среди толпы, и в уединении? Вот и великий сей Феодосий, поелику собирал чувства и вводил их внутрь, соделался уязвленным любовию к Создателю.

ИЗ ЖИТИЯ АРСЕНИЯ ВЕЛИКОГО

Дивный Арсений строго держался правила — не писать ни к кому и ни от кого не получать писем и вообще почти совсем не говорить, не потому, чтоб не мог: как можно так думать о том, кто мог так же легко говорить красноречиво, как другим говорить просто? Но по привычке больше молчать и во избежание тщеславия — показать себя. По сей же причине он и в собраниях церковных всячески старался так стать, чтоб других не видеть и самому не быть видному никому, и в толпу братий никогда не вмешивался, а укрывался от сего куда-нибудь. Так заботился он внимать себе и внутри собранным держать ум свой, чтоб отсюда удобнее возноситься к Богу. Сей пример в наследие нам оставил Божественный муж сей и земной ангел.

ИЗ ЖИТИЯ ПАВЛА ЛАТРСКОГО

Сей Божественный Павел все почти время проводил в горах и пустынях, соседями и сотрапезниками имея диких зверей, и разве когда сходил в Лавру для посещения братий, коих он обычно учил не малодушествовать и не отставать от притрудных и реболезнейших дел добродетели, но со всем вниманием и рассуждением евангельского держаться жительства и вседушно противоборствовать духам злобы. При этом он поведал им и метод, как могут они сделаться сильными — отучиться от прежних страстных расположений и отвращаться от новых насеяний страстей. Вот смотри, как сей отец Божественный учит методу не ведающих его питомцев своих, чтоб им могли они отвращать приражения страстей. Метод же этот не иной, как хранение ума: ибо его это дело (отражение прилогов), а не другого чего.

ИЗ ЖИТИЯ СВЯТОГО САВВЫ

Когда святой Савва замечал, что отрекшийся от мира точно изучил правила монашеского поведения, стал силен блюсти ум свой и бороться с помыслами сопротивных, и совсем изгнал из мысли памятование о мирских вещах и делах; тогда, если он имел тело немощное и болезненное, давал ему келлию в Лавре, а если был здоров и силен телом, разрешал ему самому строить

особую келлию. Видишь, как святой Савва паче всего требовал от учеников своих хранения ума и в особой келлии жить им позволял не иначе, как после навыка в сем делании. — Что делать нам, праздно сидящим в келлиях и даже не знающим, что это за хранение ума?

ИЗ ЖИТИЯ АВВЫ АГАФОНА

Брат спросил авву Агафона: «Скажи мне авва, что больше — телесный труд или хранение сердца?» Авва ответил ему: «Человек подобен дереву: телесный труд — листья, а хранение сердца — плод. Поелику же, по Писанию, *всякое древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает и во огнь вметаемо* (Мф. 3, 10), то очевидно, что мы должны все попечение иметь о плоде, то есть о хранении ума. Впрочем, для нас потребно и лиственное прикрытие и благоукрашение, то есть телесный труд». Дивно, как сей святой порешил всех, не имеющих хранения ума и хвалящихся одною практикою добродетелей, сказав: всяко древо, не творящее плода, то есть хранения ума, и листвие только имеющее, то есть внешнюю исправную деятельность, посекается и во огнь вметается. Страшно твое, отче, определение!

ИЗ ПОСЛАНИЯ АВВЫ МАРКА К НИКОЛАЮ

«Если хочешь, чадо, стяжать внутрь себя собственный светильник мысленного света духовного ведения, чтоб возмог ты непреткновенно шествовать в глубокой ночи века сего и чтоб *от Господа исправлялись стопы твоя* (Пс. 36, 23), так как ты *зело восхотел* пути евангельского (Пс. 111, 1; 118, 30), то есть того, чтобы с теплейшею верою и молитвою сделаться точным исполнителем заповедей Христовых; то показываю тебе дивный к тому метод или способ духовный, не нуждающийся в телесном труде или подвиге, но требующий труда духовного — внимания ума и мысли, с содействием страха Божия и любви. Сим способом ты всегда удобно можешь обращать в бегство вражеские полчища». «Итак, если хочешь одержать победу над страстьми, то молитвою и содействием Божиим внутри себя быв, сойди в глубь сердца и там проследи следующих трех сильных исполинов, разумею забвение, разленение и неведение, сию опору мысленных ино-

племенников, через коих прочие злые страсти, возвращаясь, действуют, живут и крепнут в душах сластолюбивых. Но ты многим вниманием и настоянием ума с содействием свыше, нашедши этих многих неведомых злых исполинов, легко уже потом, опять вниманием же и молитвою, возможешь избавиться от них. Тогда ревностию об истинном ведении, о памятовании слова Божия и о согласовании с тем благого произволения и жизни, при стоянии вниманием в сердце силою действенной благодати тщательно хранимом, самый след забвения, неведения и разленения истребится и исчезнет».

ИЗ СВЯТОГО ИОАННА ЛЕСТВИЧНИКА

«Безмолвник тот, кто существо бестелесное — душу свою усиливается удерживать в пределах телесного дома. Подвиг редкий и дивный!» (27, 6). «Безмолвник тот, кто говорит: *аз сплю, а сердце мое бдит* (Песн. 5, 2). Затворяй дверь келлии для тела, дверь уст для бесед, а внутреннюю дверь души для лукавых духов» (27, 17-18). «Сидя на высоте, наблюдай, если только знаешь это, и тогда увидишь, как и когда, откуда, сколь многие и какие тати хотят войти и украсть грозды винограда. Когда страж сей утрудится, то встает и молится; а потом опять садится и принимается за первое дело с новым мужеством» (27, 22, 23). «Иное дело хранение помыслов, а иное — блюдение ума; и *елико отстоят востоцы от запад* (Пс. 102, 12), столько последнее делание выше первого, хотя и несравненно труднее его» (26, 78). «Как тати, видя, что в каком-либо месте лежат царские орудия, не как попало нападают, так и сочетавший молитву с сердцем не как попало окрадается мысленными татями».

Видишь ли глаголы, обнаруживающие дивное делание сего великого отца? Но мы, как во тьме ходящие, без внимания пропускаем сии душеспасительные вещания духа, и как произвольно глухие, не слышим их.

ИЗ АВВЫ ИСАИИ

«Когда кто отдалит себя от шуего, тогда познает верно и все грехи свои, какие наделал пред Богом: ибо не видит он грехов

своих, если не отделится от них отделением горьким (с болезнованием сердца). Достигшие же в сию меру, — эти обрели плач и молитву, и то, чтоб стыдиться пред Богом, воспоминая о своем содружестве со страстьми» (Сл. 17, 21). «Станем же, братие, подвизаться по силе нашей, и Бог посодействует нам, по множеству милости Своей. Если не сохранили мы сердец наших, как отцы наши, употребим усилие наше сохранить хоть тела, как требует Бог, безгрешными; и веруем, что Он во время глада, если такой постигнет нас, сотворит и с нами милость, как и со всеми святыми Его» (Сл. 21, 20).

Утешает здесь великий сей отец крайне немощных, говоря: «Если не сохранили мы сердец наших, как отцы наши, хоть тела наши соблюдем безгрешными, как требует Бог, и Он сотворит с нами милость. Велико благоутробие сего отца и снисхождение!»

ИЗ МАКАРИЯ ВЕЛИКОГО

«Главнейшее дело подвижника в том состоит, чтоб, вошедши в сердце свое, сотворить там брань с сатаною и возненавидеть его, и противоборствуя помыслам его, воевать с ним. Если же кто по видимости сохранит тело свое от растления и блуда, внутри же любодействует пред Богом, блудничая в помыслах, то иметь тело девственным никакой нет пользы. Ибо написано: *всяк, иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Есть блуд, телом совершаемый, и есть блуд души, с сатаною общающейся».

По-видимому, великий отец сей противоречит прежде приведенным словам аввы Исаии. Но на деле этого нет. Ибо и тот внушает нам хранить тела наши, как Бог требует; Бог же требует не телесной только чистоты, но духовной, как предлагается сие в евангельских заповедях.

ИЗ ДИАДОХА

«Всегда пребывающий в сердце своем далек от всех красных жизни сей вещей и, ходя духом, похотей плотских изведывать не может. Поелику таким образом таковой шествие свое совершает в ограждении себя добродетелями, сии самые добродетели имея

как бы привратными стражами своего града чистоты, то все козни бесов против него остаются безуспешными» (Гл. 57).

Хорошо сказал святой, что безуспешными остаются козни врагов, когда то есть мы во глубине негде сердец наших пребываем и это тем более, чем более там мы закосневаем.

ИЗ ИСААКА СИРИАНИНА

«Постарайся войти во внутреннюю сокровищницу свою, и узришь сокровищницу небесную. Ибо и то и это одно суть; и одним входом видишь ты их обеих. Лествица в царствие оное внутри тебя сокрыта, то есть в душе твоей. Омой себя от греха и найдешь там степени восхождения, по коим можешь взойти в него».

ИЗ КАРПАТСКОГО ИОАННА

«Много подвига и труда требуется в молитвах, чтоб достигнуть невозмутимого состояния мысли, — другое некое сердечное небо, в коем обитает Христос, как говорит апостол: *или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть, разве точию чим неискусни есте* (2 Кор. 13, 5)».

ИЗ СИМЕОНА, НОВОГО БОГОСЛОВА

«Диавол с демонами после того, как через преслушание сделал человека изгнанником из рая, отлученным и от Бога, получил доступ мысленно колебать разумную силу всякого человека и днем и ночью, иного много, иного немного, а иного множайше. И не иначе можно оградиться от сего, как памятью о Боге непрестанною, — если в ком память Божия, напечатлевшись в сердце силою креста, утвердит ум в непоколебимости. К сему ведут все труды мысленного подвига, коим подвизаться на поприще веры каждый христианин облекся долгом, и если не так у него идет дело, то всуе он проподвизается. Сего ради подвига предприемлются и все разнообразные духовные упражнения во всяком ищущем Бога путем произвольных лишений, чтоб преклонить благоутробие всеблагого Бога даровать ему опять первое достоинство, и чтоб Христос напечатлелся в уме его, как говорит апостол: *чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. 4, 19)».

Поняли ли вы, братие, что есть некий духовный способ, скоро возводящий к бесстрастию и богозрению действующего по нему? Убедились ли, что вся деятельная жизнь считается Богом не более, как листвием на дереве без плода и что всякая душа, не имеющая хранения ума, напрасно в ней протрудится? Позаботимся же о сем, чтоб, скончавшись бесплодными, не раскаиваться бесполезно всю вечность.

ИЗ САМОГО НИКИФОРА

Вопрос (к Никифору): Из приведенных свидетельств узнаем, какое было делание у благоугодивших Богу отцов, и что есть некое делание, скоро освобождающее душу от страстей и любовию с Богом связующее, которое потребно всякому воинствующему о Христе, как мы теперь не только не сомневаемся, но и крайне убеждены в том. Но просим научить нас, что есть внимание ума, и как сподобиться обрести его. Ибо такое дело совершенно нам незнакомо.

Ответ (Никифора): Во имя Господа нашего Иисуса Христа, рекшего: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), Его Самого призвав в помощника и содейственника себе, по силе моей попытаюсь показать, что есть внимание и как, по благоизволению Божию, можно преуспеть в нем.

Внимание некоторые из святых называли блюдением ума, иные — хранением сердца, иные — трезвением, иные — мысленным безмолвием, а иные — еще иначе как. Но все сии наименования одно и то же означают; как о хлебе говорят — укруг, ломоть, кусок, так и о сем разумей. Что же есть внимание и какие его отличительные черты — сейчас узнаешь.

Внимание есть признак искреннего покаяния. Внимание есть души воззвание к себе самой, мира возненавидение и к Богу восход. Внимание есть отложение греха и добродетели восприятие. Внимание есть несомненное убеждение во отпущении грехов. Внимание есть начало созерцания, или лучше, его условие: ибо через него Бог, приникши, является уму. Внимание есть безмятежие ума, или лучше, стояние его (или установление от блуждений), по милости Божией ему даруемое. Внимание есть пресечение помыслов, памяти же Божией палата и сокровищница

терпения всего находящего. Внимание потому есть веры, надежды и любви виновница: ибо кто не верует, тот не может переносить находящие совне прискорбности; а кто не переносит охотно сих прискорбностей, тот не может рещи: *заступник мой еси Ты и прибежище мое* (Пс. 90, 2); кто же не положит Вышнего прибежищем своим, тот не будет глубоко искренен в любви к Нему.

Это величайшее из великих делание делается достоянием многих или и всех наипаче через научение. Редкие ненаученно получают его от Бога, по своему нуждническому труду и по теплоте веры; но, что редко бывает, то не закон. Посему нужно искать наставника незаблудного, чтоб, по его начертанию, научиться распознавать десные и другие недостатки и излишества по делу внимания, встречающиеся по навождению лукавого. Он, из того, что сам пострадал, искушен быв, будет объяснять нам, что потребуется, и верно показывать сей мысленный путь, который потому нам удобно будет совершать. Если нет на виду такого наставника, надо поискать его, не жалея трудов. Если же и при таком искании не найдется он, то в духе сокрушенном и со слезами призвав Бога и помолившись Ему прилежно со смирением, сделай, что скажу тебе[1].

Ведомо тебе, что дыхание наше, коим дышим, есть втягивание в себя и выпускание из себя воздуха. Орган, служащий к сему, суть легкие, которые облегают сердце и, проводя через себя воздух, обдают им и сердце. Таким образом, дыхание есть естественный путь к сердцу. Итак, собрав ум свой к себе, введи его в путь дыхания, коим воздух доходит до сердца, и вместе с сим вдыхаемым воздухом понудь его сойти в сердце и там остаться. Приучи же его, брате, не скоро оттуда выходить: ибо в начале он очень скучает в этом внутреннем заключении и тесноте, когда же привыкнет, то не любит, наоборот, кружиться вовне, потому что ему там не невесело и не нерадостно. Как муж некий, бывший в отлучке от дома, когда возвратится, сам себя не помнит от радости, что опять увидался с детьми и женою, обнимает их и не наговорится с ними: так и ум, когда соединится с сердцем, исполняется неизреченной сладости и

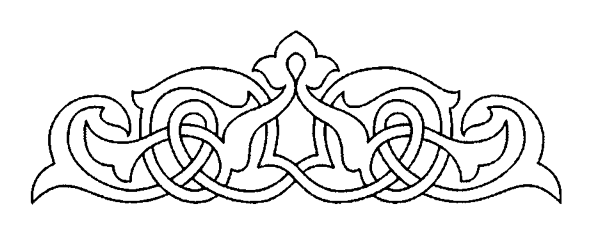
[1] Это сказываемое приводится сокращенно и перифразом, потому что наставление применяется к производству дыхания, которое ныне излагается иначе.

веселия. Тогда видится ему, как воистину Царствие Небесное внутри нас есть, которое теперь узревая в себе и чистою молитвою ища, да пребудет и укрепится в нем, он все внешнее считает не стоящим внимания и нисколько не привлекательным.

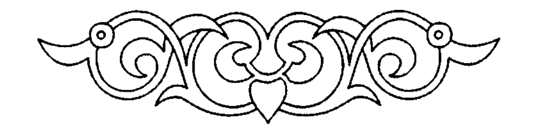
Когда таким образом войдешь ты в сердечное место, как я тебе показал, воздай благодарение Богу и, прославляя Его благость, держись сего делания всегда, и оно научит тебя тому, чего другим путем не узнаешь никогда. Подобает же тебе при сем знать, что когда ум твой утвердится в сердце, то ему там не следует оставаться молчащим и праздным, но непрестанно творить молитву: ***Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!*** и никогда не умолкать. Ибо это, содержа ум немечтательным, делает его неуловимым и неприкосновенным для прилогов вражеских и каждодневно все более и более вводит в любовь и вожделение Бога.

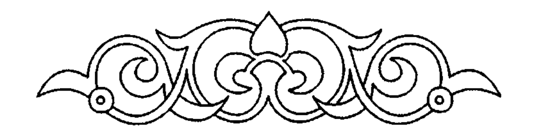
Если же, брате, и много трудясь, не возможешь ты войти в область сердца, как я тебе сказал, сделай так, как я еще тебе скажу, и с Божией помощью найдешь искомое. Ведомо тебе, что словесство (говорение) всякого человека находится в персях его. Ибо внутри персей, когда молчат уста наши, говорим мы и совещаемся с собою и молитвы творим, и псалмопение совершаем, и другое некое. Итак, этому словесству, изгнав из него всякий помысл (ибо сможешь, если захочешь), дай сию молитовку: ***Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!*** — и понудь его вместо всякого другого помышления это одно всегда вопиять там внутри. Если будешь такое делание держать неопустительно со всем вниманием, то откроется тебе через сие по времени и сердечный вход, о коем я написал уже тебе, без всякого сомнения, как это сами мы опытом познали.

Приидет же к тебе, при многовожделенном и сладостном внимании, и весь лик добродетелей: любовь, радость, мир и прочее, ради коих потом всякое твое прошение исполняемо будет о Христе Иисусе, Господе нашем, с Коим Отцу и Святому Духу слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.



СВЯТИТЕЛЬ ГРИГОРИЙ ПАЛАМА, АРХИЕПИСКОП СОЛУНСКИЙ





КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О СВЯТИТЕЛЕ ГРИГОРИИ, АРХИЕПИСКОПЕ СОЛУНСКОМ

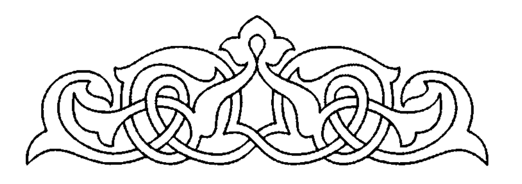
Святой Григорий родился в Царьграде от родителей благородных и знатных. Очень рано лишился он отца и был воспитан матерью, равно как братья его и сестра. По окончании образования изъявил он желание принять иноческое житие. С этим желанием совпало и желание матери его, братьев и сестры, и они всею семьею вступили в монашество. Святой Григорий мать и сестру пристроил в одну из женских обителей, а сам с братьями направился на Афон, где братьев устроил жить в некоем монастыре, а сам отдал себя в послушание некоему дивному и святому старцу Никодиму, который добре научил его всем иноческим подвигам и деланиям не словом, а делом, не для знания, а для жизни; так что вскоре стал он юным старцем и сподобился явления Божией Матери, приявшей его в свое заступление и предстательство.

По преставлении старца своего святой Григорий вступил в лавру Афонскую и в ней прожил несколько лет в страхе Божием, в послушании ко всем и любви всех. Потом, оставя лавру, вселился в пустыню, где проходил крайне жестокое житие, горя любовью к Богу, Коему душою и телом предал себя на служение. Сего ради все наветы бесовские победил, Божественных откровений сподоблялся и дарование получил исцелять больных душою и телом, и творить знамения и чудеса. Прожив в пустыне лета довольна, приял он по повелению Божию сан священства и, как ангел Господень, совершал тайны Божии, приводя всех предстоящих в умиление и плач.

Все чтили его, как мужа святого, как богоносца, пророка и бесов прогонителя. Но беды, напасти и искушения не миновали и его: и от бесов, и от людей, и особенно от еретиков. Он же все то в продолжение 23-х лет сладце претерпевал, все обращая во славу Божию. Своим зломудрием Варлаам Калабрийский в то время особенно возмущал Церковь Божию, но встретил сильного противоборца в святом Григории, который победоносно отражал его нападения на истину и поразил его самого, как врага Божия, когда по сему случаю царем Андроником был собран Собор, куда приглашен был и святой Григорий, который, раскрыв еретические мудрования Варлаама и обличив их лживость в лицо ему, был первою причиною его осуждения и изгнания. С ним вместе одинаковой участи подвергся и второй по нем в еретичестве – некто Акиндин.

Главари таким образом были поражены, но оставались в немалом количестве ученики их, которые не переставали смущать Церковь и соблазнять православных. Надлежало противодействовать. Находя более всех пригодным для сего святого Григория, на том же соборе положили рукоположить его в архиепископа Фессалоникского и возложить на него сие дело, которое он усердно и успешно исполнял при трех царях и трех патриархах, обличая и вразумляя заблудших и беседами, и писаниями, и на многих частных соборах.

Этого труда не оставлял он до конца жизни в продолжение 30 лет своего архипастырства. Но он был не исключительный. Ревнуя сам о преуспеянии в духовной жизни с детства, он неутомимо заботился и о руководстве других в сем первом христианском деле, возбуждая, утверждая, пути и распутия указывая и словом и писаниями, которых было немало. Аскетические его писания помещены в греческом Добротолюбии, откуда мы переносим их в переводе и в наш сборник аскетических писаний.



СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ, АРХИЕПИСКОПА ФЕССАЛОНИКСКОГО,

КО ВСЕЧЕСТНОЙ ВО ИНОКИНЯХ КСЕНИИ, О СТРАСТЯХ И ДОБРОДЕТЕЛЯХ И О ПЛОДАХ УМНОГО ДЕЛАНИЯ

1. По причине множества нападающих на меня я положил было совсем воздержаться от писания о чем-либо, если бы ты, досточтимая мать, непрестанно не просила меня о том и письмами, и напоминаниями через других, пока не убедила опять взяться за сие дело, в утешение и назидание ищущих спасения. Для тебя самой не требуются никакие увещания, потому что, благодатию Христовою, ты со старческим возрастом стяжала и седину мудрости и священные заповеди евангельские изучила долголетнею по ним деятельностью, деля жизнь свою между трудами послушания и безмолвием, коими, убелив дщицу души своей, ты сделала ее способною принять Божественные начертания и сохранить их. Но дело сие таково, что душа, совершенно плененная любовию к духовному учению, никогда не получает насыщения им. Почему премудрость и говорит о себе: *ядущии мя еще взалчут* (Сир. 24, 23). И Господь, вселяющий такое Божественное желание в душу, говорит о Марии, избравшей сию благую часть, что она *не отымется от нея* (Лк. 10, 42).

2. Тебе, впрочем, может быть, такие писания нужны и для дщерей великого Царя, живущих под твоим пестунством и для невест, коих ревнуешь ты обручить с бессмертным Женихом, Коему подражая, и ты, как Он ради нас приял наш воистину зрак, приемлешь теперь сама лицо новоначальных, требующих учения. Почему и я, не как довольный к научению других, и при том к такому научению, но послушания ради и заповеди давать просящему, с готовностью исполню долг любви о Христе, из того, что имею ныне.

3. Знай, досточтимая мать, или лучше, да познают через тебя избравшие жить по Богу отроковицы, что и у души есть смерть, хотя она бессмертна по естеству. Так и возлюбленный Богослов говорит: *есть грех к смерти... и есть грех не к смерти* (1 Ин. 5, 16-17), разумея здесь конечно смерть души, и великий Павел говорит: *сего мира печаль смерть соделовает* (2 Кор. 7, 10), конечно, смерть души. И опять: *востани спяй и воскресни от мертвых и освятит тя Христос* (Еф. 5, 14). Из каких мертвых призывает он воскреснуть? Всеконечно из умерщвленных плотскими пожеланиями, кои воюют на душу (см. 1 Пет. 2, 11). Почему и Господь мертвыми назвал живших по духу мира сего суетного, когда одному из учеников Своих, просившему пойти погребсти отца своего, не дал на то позволения, но повелел за Собою следовать, оставя мертвым погребать своих мертвецов. Мертвыми назвал Господь тех еще живущих, конечно, как умерших душою.

4. Ибо как отделение души от тела есть смерть тела, так отделение Бога от души есть смерть души. И это есть главным образом смерть, смерть души. На нее указывал Бог и когда, давая заповедь в раю, сказал Адаму: *в какой день вкусишь от запрещенного древа, смертию умрешь* (Быт. 2, 17). Ибо тогда умерла душа его, через преступление отделившись от Бога; по телу же он продолжал жить с того часа и далее до девятисот тридцати лет. Но смерть, прибывшая через преступление, не душу только сделала непотребною и человека подклятвенным, а и тело, соделав многоболезненным и многострастным, предала наконец смерти: ибо тогда же вслед за умертвием внутреннего человека через преступление перстный Адам услышал: *проклята земля в делех твоих... терния и волчцы возрастит тебе... в поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишися в землю, от нeяже взят еси: яко земля еси, и в землю отыдеши* (Быт. 3, 17-19). Если в будущем оном пакибытии с воскресением праведных воскреснут телеса и беззаконных и грешников, то лишь для того, чтоб быть преданными второй смерти, муке оной вечной, червю неумирающему, скрежету зубов, тьме кромешной, мрачной геенне огненной неугасимой, по слову пророка, который

говорит: *сожгутся беззаконицы и грешницы вкупе, и не будет угашаяй* (Ис. 1, 31). Ибо это есть вторая смерть, как научил нас святой Иоанн через Откровение. Послушай и великого Павла, который говорит: *аще бо по плоти живете, имате умрети: аще ли духом деяния плотская умерщвляете, живи будете* (Рим. 8, 13). О жизни и смерти говорит он тех, кои будут в будущем веке, жизнию называя наслаждение вечного Царства, а смертию — вечнующую оную муку. Таким образом, преступление заповеди Божией является причиною всякой смерти и для души и для тела, и той, которая бывает в сем веке, и той, которую составит нескончаемая оная мука.

5. И вот настоящая смерть, когда душа разъединяется с Божественною благодатию и сочетавается с грехом. Имеющие ум должны избегать такой смерти и страшиться. Для добре мудрствующих она страшнее самой муки геенской. Ее и мы всеусильно избегать будем. Все бросим, все оставим, от всего отречемся и во взаимных отношениях, и в делах, и в желаниях, что отвлекает и отделяет нас от Бога и такую причиняет смерть. Кто будет бояться сей смерти и беречься от нее, тот не убоится приближения смерти телесной, имея обитающею в себе истинную жизнь, которая наипаче смерти приобретает неотъемлемость. Ибо как смерть души есть настоящая смерть, так и жизнь души есть настоящая жизнь. Жизнь же души есть единение с Богом, как жизнь тела — единение его с душою. Ибо как через преступление заповеди отделившись от Бога, душа умертвилась, так через послушание заповеди соединившись опять с Богом, она оживотворяется. Сего ради говорит в Евангелии Господь: *глаголы, яже Аз глаголах, дух суть и живот суть* (Ин. 6, 63). Испытав сие опытно, святой Петр сказал Ему: *глаголы живота вечного имаши* (Ин. 6, 68). Но они бывают глаголами живота для тех, кои слушаются их, для тех же, кои преслушают, заповедь жизни бывает в смерть. Так и апостолы, будучи *благоуханием Христовым,* для одних были *вонею смертною в смерть,* а для других *вонею животною в живот* (2 Кор. 2, 15-16).

6. Жизнь сия опять есть жизнь не души только, но и тела; ибо она обессмертвляет и его через воскресение, не только от

смертности избавляя, но и от никогда не престающей смерти, будущей оной адской муки. Она и ему дает вечную во Христе жизнь, беструдную, безболезненную и беспечальную, воистину бессмертную. Но как за смертию души, то есть за преступлением и грехом, смерть тела после последовала, а с нею и в землю отъитие и превращение в персть, за телесною же смертию опять смерть души вторая, осуждение ее во ад: так и за воскресением души, которое есть возвращение ее к Богу через исполнение Божественных заповедей, воскресение тела после последует, когда оно опять соединится с душою; за воскресением же сим последует истинное бессмертие и совечнствование с Богом достойных того, соделавшихся духовными из плотских и ставшими, подобно Ангелам Божиим, жить на небе способными. *Восхищени будем,* говорит апостол, на *облацех в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем будем* (1 Сол. 4, 17). Как Сын Божий, человеколюбия ради соделавшийся человеком, умер плотию через отделение души Его от тела, без отделения однако же от Него Божества, почему и, воскресив тело Свое, Он взял его на небо во славе: так и пожившие здесь по Богу, при отделении от тела не отделяющиеся от Бога, в воскресение возьмут и тело к Богу, входя вместе с Ним в радости неизреченной туда, куда *предтечею о нас вниде Иисус* (Евр. 6, 20), чтоб вместе с Ним наслаждаться и имеющею во Христе открыться славою. Ибо они не одного воскресения, но и вознесения Господня и всей Божественной жизни Его будут сопричастниками, но не и пожившие здесь плотски и во время исхода оказавшиеся никакого общения не имеющими с Богом. Ибо хотя и все воскреснут, но *каждый,* как говорит апостол, *в своем чину: духом деяния плотская* умертвивший здесь там будет жить со Христом Божественною и воистину вечною жизнию; похотями же плотскими и страстями дух умертвивший здесь, там, увы! имеет быть осужден вместе с художником и виновником всякого зла, и предан нестерпимому и непрестающему мучению: что есть вторая, не имеющая преемства, смерть.

7. Где же начало имела истинная смерть, породительница и виновница временной и вечной смерти и для души и для тела?

Не в области ли жизни? Почему, увы! человек тотчас и изгнан был из рая Божия за пределы его, как смертоносную и Божественному раю не соответствующую стяжавший жизнь. Таким же образом и истинная жизнь, виновница истинной и вечной жизни и для души и для тела должна получить начало в сей области смерти. И не ревнующий стяжать ее по душе здесь да не обольщает себя пустыми надеждами получить ее там или как-нибудь сподобиться человеколюбия Божия во время оно. Ибо тогда будет время праведного воздаяния, а не милования и щадения, *время гнева и откровения праведнаго суда Божия* (Рим. 2, 5), время показания *руки крепкой и высокой,* ввергающей на муку в ад непокоривых (Пс. 135, 12). Горе имеющему *впасть в руце Бога живаго!* (Евр. 10, 31). Горе имеющему там испытать гнев Господень, а не здесь от *страха Божия* познавшему *державу гнева Его* (Пс. 89, 11), и делами не исходатайствовавшему себе человеколюбия Божия! — Это дело настоящего времени. Для того и жизнь сию устроил нам Бог, чтоб дать место покаянию. Если б этого не было, то человек согрешивший тотчас лишался бы и жизни сей. Ибо какая была бы от ней польза или какая в ней нужда? Почему отчаянию совершенно никакого нет места в человеках; хотя лукавый многообразно покушается ввергать в него не только нерадиво живущих, но и добре подвизающихся. Поелику таким образом время жизни есть время покаяния, то самое, что согрешивший еще жив, служит для него, если он пожелает обратиться к Богу, ручательством, что будет Им милостиво принят. Ибо в настоящей жизни самовластие всегда в силе; самовластию же, как предмет, подлежит путь вышеуказанной жизни и смерти, из коих оно может избрать или отвергнуть какой хочет, как дело достижимое. Где же тут найти место отчаянию, когда всегда и все имеют возможность, если захотят, стяжать жизнь вечную?

8. Не видишь ли, коль велико человеколюбие Божие? В начале не пользуется Он праведным судом против нашей непокоривости, но долго терпя, дает время для обращения. В сие время долготерпения дает Он нам власть сынами Ему соделаться (см. Ин. 1, 12), если хотим. Что я говорю — сынами Ему сделаться?

Соединиться с Ним и быть един дух с Ним (см. 1 Кор. 6, 17). В это же время долготерпения, если мы и противным Ему пойдем путем и возлюбим смерть паче истинной жизни, Он не отъемлет данной нам власти или свободы возвратиться к Нему, и не только не отъемлет такой власти, но Сам воззывает нас обратно и обходит, ища, как бы обратить нас к делам жизни, по притче о делателях винограда, с утра до самого вечера жизни (см. Мф. 20, 1-16). Но кто зовет и нанимает? Отец Господа нашего Иисуса Христа и Бог всякой утехи. Кто — виноград, к деланию в коем призывает Он? Сын Божий, сказавший: *Аз есмь лоза* (Ин. 15, 1). Ибо *ко Христу и придти никто не может,* как Сам Он сказал в Евангелии, *если Отец не привлечет его* (Ин. 6, 44). А рождия (ветви) кто? Мы; ибо послушай, что тотчас затем говорит Он: *вы рождие, а Отец мой делатель есть* (Ин. 15, 1, 5). Отец *через Сына примиряет нас Себе, не вменяя нам согрешений* (2 Кор. 5, 19), и призывает не как прилежащих делам непотребным, а как ничего не делающих и праздно стоящих, хотя и праздность есть грех, так как и за праздное слово мы воздадим слово (см. Мф. 12, 36).

9. Бог, как я сказал, презирая прежде соделанные каждым грехи, паки и паки призывает нас. Что же делать зовет Он? Работать в винограднике. А это значит трудиться над рождиями, то есть над собою. Потом, — о сколь непостижимо велико человеколюбие Божие! — и награду нам обещает и дает за то, что потрудились над самими собою и для себя самих. Приидите, говорит, получите жизнь вечную, от Меня богатно подаемую. И за труд шествия сего к жизни и за самое желание получить ее от Меня, за все, как должник, уплачу наградою. Кто не исповесть благодати и не воздаст благодарения Избавителю от смерти и Подателю жизни? А Он еще и награду обещает приложить, и награду неизреченную. *Аз,* говорит, *приидох, да живот имут, и лишше имут* (Ин. 10, 10). Что это лишше? Не пребывать только и жить силою Его, но и быть Ему братьями и сонаследниками. Сие лишше есть награда, даемая тем, кои притекают к животворной лозе виноградной и бывают рождием на ней, кои над самими собою трудятся и себя самих возделывают. Что

делая? Отсекая от себя все, что есть не только ненужного и бесполезного, но и препятствующего приносить плоды, достойные житницы Божией. Что же это такое? Богатство, утехи, слава суетная, все текучее и преходящее, всякая страсть душевная и телесная, срамная и зловредная, всякое слышание и видение и всякое слово, вред душе причинить могущее. Ибо кто всего этого не отсечет и сердца с наивеличайшим тщанием не очистит от таких приростков, тот никогда не принесет плода для жизни вечной.

10. Можно и в супружестве живущим достигнуть такой чистоты, но весьма с большою трудностью. Почему все, от юности благоволение Божие улучившие, острейшим оком ума взирая на оную жизнь и благ тамошних сделавшись любителями, преподобно бегают брака, так как и *в воскресение,* как сказал Господь, *ни женятся, ни посягают, но яко Ангели Божии суть* (Мф. 22, 30). Кто таким образом желает быть Ангелом Божиим, тот справедливо еще здесь, подобно сынам воскресения оного, держит себя выше телесного смешения. К тому же повод ко греху первоначально исходил от жены. Почему желающим никогда никакого не давать супостату случая к соблазну следует отказываться от брака. Если это тело само по себе трудно удержимо и трудно склонимо к добродетели, — и мы, как естественного сраспенного с нами противоборца носим его вокруг себя, то сможем ли когда покорить его и на сколько увеличим затруднения в деле добродетели, связаны бывая многими и разными телами (жена, дети, прислуга)? И как свободу будет иметь, о которой ревновать приняла заповедь та, которая естественными связана узами с мужем, детьми и всеми единокровными? Как беспопечительно может приседеть Господу та, которая взяла на себя заботу о стольких лицах? Как пребыть ей без смущений и тревог, когда она окружена такими толпами?

11. По сей причине истинная дева, желая уподобиться святой Деве и Сыну от Девы, жениху в девстве преподобно поживших душ, не только плотского супружества убегает, но и всякого сожительства мирского, отказавшись от всех сродников: так что с дерзновением может говорить Христу с Петром: *се мы*

оставихом вся и вслед Тебе идохом (Мф. 19, 27). И что новолепного делает она, если подобно тому, как земная невеста оставляет отца и матерь ради тленного жениха и к нему прилепляется, по Писанию, она то же самое делает для премирного чертога брачного и жениха, оставив их? И было ли бы уместно иметь родство на земле тем, коих *жительство на небесех?* (Флп. 3, 20). Как, будучи чадом не плоти, а духа, будет она иметь плотского отца или матерь и сродников кровных? Как, отчуждившись от собственного тела и отчуждаясь, по возможности, как отложившая плотскую жизнь, будет она иметь соотношение какое-либо с телами чужими? Если теперь, как говорят, уподобление есть содружество и лобызает все подобное, то и дева уподобится тем, с коими сдружится и впадет в болезнь миролюбия. Любовь же к миру есть вражда на Бога (см. Иак. 4, 4), как говорит и Павел, невестоводитель духовного чертога брачного (см. Рим. 8, 7). Таким образом, она подвергается опасности не только разорвать брачный союз свой с премирным Женихом, но и стать во враждебное к Нему положение.

12. Не дивись и не кручинься, если вступившим в житейский брак, по Писанию, не служит в укоризну, если они пекутся о мирском, а не о Господнем (1 Кор. 7, 32-34); тем же, кои дали Богу обет девства, даже касаться чего-либо мирского запрещено и жить утешно совсем не позволяется. Впрочем и к брачным святой Павел так говорит: *время прекращено есть прочее, да и имущии жены, яко не имущии будут... и требующии мира сего, яко не требующе* (1 Кор. 7, 29-31). Что, как я полагаю, гораздо труднее подвига девства. Опыт также показывает, что пост удобнее воздержания в пище и питье. Может быть, и вообще верно и праведно сказал бы кто, что кто не емлется за дело спасения, к тому ни едино же у нас слово; кто же печется о своем спасении, тот да ведает, что жизнь в девстве гораздо исполнимее и малотруднее жизни брачной.

13. Но оставим это. Ты же держи мне в уме, дева, невеста Христова, рождие лозы жизни, что сказано выше. Так говорит Господь: *Аз есмь лоза, вы же рождие, а Отец Мой делатель есть. Всякую розгу о Мне, творящую плод, отребит ю, да множайший*

плод принесет (Ин. 15, 1-2, 5). Такое о тебе попечение почитай указанием на плод девства твоего и на любовь к тебе Жениха твоего; и радуйся сему много, и попекись воздать Ему за сие полнейшею преданностью. Скажу и другое нечто: золото, что-либо медное в смешение с собою приявшее, называется фальшивым; а медь, обложенная золотом или позолоченная является более светлою и блестящею, чем сама есть: так, дева, тем, кои не суть девственницы, желать тебя и твоего хвала есть: а для тебя желать их и ихнего есть бесчестие, потому что через это вожделение твое возвращает тебя в мир — то тем, что ты вступаешь в сношение с теми, кои в мире и живешь с ними после того, как умерла миру, — то тем, что желаешь услаждаться тем же, чем они и сродники их и что составляет довольство житейское, каковы богатство, знатность, слава, утехи. Таким образом, наконец, случится, что ты отпадешь от воли Жениха своего. Ибо все такое явно окаявает Он в Евангелии, говоря: «Горе вам, богатые! Горе вам, смеющиеся! Горе вам, насыщенные! Горе, когда добре рекут вам вси человецы!» Как же Он окаявает их? Не яко ли умерших душою? Невесте же жизни какое сродство с мертвыми? Кое соприкосновение с теми, кои шествуют противоположным путем? Путь, коим они несутся, пространен и широк; и если не удержать себя, примешав к себе нечто от твоего, то совсем впадут в пагубу; а ты узкими вратами и тесным путем входишь в живот (см. Мф. 7, 13). Узкими же вратами и тесным путем никто не может проходить, надымаясь славою, разливаясь в удовольствиях и обременяя себя богатством и имуществами. Но слыша, что тот путь жизни широк, не думай, чтоб он был беспечален, ибо он полон многими и тяжкими прискорбностями; широким же и пространным называют его потому, что много идущих по нему, и каждый из них обложен большою массою преходящих вещей. Твой же, дево, путь очень тесен, так что и двух, вместе идущих, не вмещает.

14. Почему многие из таких, которые прежде заняты были миром, после того, как потеряли мужей и остались одни, по ревности к премирному образу жизни твоей отрекшись от мира, взялись твоим путем шествовать, чтоб и венцов таких

же сподобиться? Таковых святой Павел заповедует почитать, как прилежащих молениям и молитвам, с упованием на Бога (см. 1 Тим. 5, 3, 5). Если что и на этом пути встречается прискорбное, то и оно доставляет своего рода утешение, к получению Царствия Небесного способствует и виновно бывает спасения; того же пути и приятное и скорбное одинаково смертоносно. Ибо, говорится, *сего мира печаль смерть соделовает, а печаль, яже по Бозе, покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. 7, 10). Почему Господь ублажает то, что противоположно благам мира, говоря: *блажени нищие духом, яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5, 3). Для чего это, сказавши: *блажени нищие,* прибавил Он еще: *духом?* Чтоб показать, что ублажения достойно собственно смирение души, и что хотя и телесная нищета блаженна и ведет в Царствие Небесное, но если ее сопровождает смирение душевное, если она с ним тесно соединена и от него получает начало. Таким образом, ублажив нищих духом, Господь дивно показал, где корень и причина видимой нищеты святых, то есть в духе их. Дух, прияв в недро свое благодать евангельской проповеди, воздает от себя источник нищеты, *напаяющий лице земли* (Быт. 2, 6), то есть внешнего нашего человека и соделывающий его раем добродетелей. Такая нищета достойна ублажения от Бога. Ибо иной может быть нестяжателен и нищ, и притом произвольно, но славы ради человеческой. Таковой не нищ духом, а лицемерит. Лицемерие же рождается от самомнения, которое противно нищете духом. Кто имеет дух сокрушенный и смиренный, тому невозможно не радоваться видимой нищете и смирению, ибо он считает себя недостойным славы, довольства, утешений и всего такого. Почитающий себя недостойным всего этого и есть ублажаемый Богом нищий. И такой воистину есть нищий, не в половину заслуживающий сие имя. И все такие суть из числа слышавших и последовавших за Господом Иисусом, Сыном Божиим, и Ему восподражавших, ибо Он сказал: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем и обрящете покой душам вашым* (Мф. 11, 29). Почему их есть Царствие Божие: ибо они суть сонаследники Христовы.

15. Душа тречастна и созерцается в трех силах: мыслительной, раздражительной и желательной. Всеми ими она больна; и Христос — врач ее — начинает врачевание Свое с последней, с желательной силы. Пищею гневу (делу раздражительной силы) служит пожелание (дело желательной силы); они же обе при дурном направлении питают гордость ума (дело мыслительной силы). Почему никогда не увидишь здравою раздражительную силу души прежде уврачевания пожелательной, и мыслительную — прежде уврачевания этих обеих.

16. Если исследуешь, найдешь, что первое злое порождение пожелания есть любостяжательность. Пожелания, содействующие людям в хранении и устроении жизни, непорочны; почему с юных ногтей являются срощенными с нами. Сребролюбие же немного после прирастает ко всем, уже существующим. Из чего видно, что оно не из естества, а от произволения имеет свое начало. И святой Павел справедливо назвал его *корнем всех зол* (1 Тим. 6, 10). Некоторые из зол, обыкновенно им порождаемых, суть следующие: скуповатость, торгашничество, хищничество, воровство и вообще всякий вид лихоимания, которое тот же апостол назвал вторым идолослужением (Кол. 3, 5). Тем же, кои не порождает оно, почти всем доставляет пищу и поддержку. Все же сие, от вещелюбия рождающееся, страсти суть души, не имеющей ревнования о доброделании. Вообще страсти, от произволения зависящие, удобнее врачуются, чем страсти, имеющие начало в естестве; но страсти, сребролюбием порождаемые, трудно победимыми делает неверие в Божественное Промышление. Неверующий в Промышление сие на богатстве опирается надеждою своею. Такой, хотя слышит слова Господа, что *удобее есть велбуду сквозе иглины ушы пройти, неже богату в Царствие Божие внити* (Мф. 19, 24), но ни во что вменяя Царствие, и притом Царствие Небесное и вечное, вожделевает земного и текучего богатства, которое и когда не имеется в руках вожделевающих его, самым тем, что вожделевается, величайший приносит вред. Ибо, *хотящие богатитися впадают* в искушения и *сети* диавольские, как говорит Павел (1 Тим. 6, 9). Оно и когда присуще, — имеется в руках, дома, —

показывает свою ничтожность тем, что, несмотря на свое присутствие, все еще жаждется неразумными, коих не умудряет даже опыт. Ибо эта несчастная страсть не от бедноты, а скорее беднота (чувство бедноты) от нее; сама же она от безумия, по которому весьма праведно от общего Владыки всяческих Христа получает имя и оный, разоряющий житницы свои и большие созидающий (см. Лк. 12, 18). Ибо, как не безумен тот, кто ради вещей, никакой существенной пользы принести немогущих (*яко не от избытка кому живот его есть.* — Лк. 12, 15), таких вещей ради предает наиполезнейшее.

17. Монаху, имеющему сию страсть, послушливым быть невозможно. Если же он упорно будет удовлетворять ей, то великая предлежит ему опасность неизлечимо пострадать за то и телом. Гиезий и Иуда, из Ветхого и Нового Завета — убедительные тому примеры. У того проказа процвела в указание на неизлечимость души, а этот на селе крови, сорвавшись с петли и *ниц быв, проседеся посреде, и излияся вся утроба его* (Деян. 1, 18).

18. Отречение от всего предшествует послушанию; и без первого последнему нет места. Оно есть элементарное начало монашеской жизни; и тому, кто прежде не отрекся от всякого стяжания, как подъять другой какой-либо подвиг такой жизни? Скажет кто: что за беда, если он неспособен к послушанию? Но он безмолвствовать станет, один сам по себе живя и прилежа молитве. Да слышит таковой, что сказал Господь: *идеже бо есть сокровище ваше, ту будет и сердце ваше* (Мф. 6, 21). Как же мысленно прострется к Седящему *одесную престола величествия на высоких* (Евр. 1, 3) тот, кто сокровища сокровиществует на земле? И как наследует Царствие тот, кому даже в ум чисто взять его не позволяет страсть любоимания? Потому и сказано: *блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5, 3). Видишь, сколько страстей отсек Господь этим одним блаженством? Но любоимание есть только первое порождение злого похотения. У него есть и второе, которого еще более надо избегать, и третье, не менее злое.

19. Какое же второе? Славолюбие. Ибо, преуспевая возрастом, прежде плотской любви, когда однако ж мы бываем еще юношами, сретает нас страсть славолюбия, как некое злое предначатие ее. Я здесь разумею тот вид славолюбия, который состоит в охорашивании тела и в щеголянии нарядами, и который отцы называют мирским тщеславием. Другой же вид тщеславия имеет место в отличающихся добродетелью и влечет с собою самомнение и лицемерие, коими враг покушается окрасть и рассеять духовное наше богатство.

20. Все сии страсти совершенное находят врачевание в чувстве и возлюблении вышней почести, с почитанием при сем себя недостойным ее, и в перенесении человеческого уничижения, с почитанием себя достойным того, и кроме того еще в предпочтении славы Божией славе человеческой, по слову пророка: *не нам, Господи, не нам; но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9), когда же сознается сделанным что-либо похвальное, в приписывании Богу соделания того, и Ему за то благодарном воссылании славы, а не себе ее усвоении. Таковой радоваться будет, что получил в дар добродетель, и не станет превозноситься ею, как ничего своего не имеющий, а паче смиряться, мысленные очи свои обращенными к Богу имея день и ночь, как *очи рабыни,* говоря псаломски, *в руку госпожи своея* (Пс. 122, 2), из опасения, как бы разъединясь в добре с дающим и блюдущим его, не низринуться в пропасть зла. Ибо сие обычно страждут рабы самомнения и тщеславия.

21. Содействует к уврачеванию таковых особенно удаление от сообщества с другими, жизнь наедине и сидение в келлии, с сознанием немощности своего произволения и почитанием себя не сильным жить в смешении с другими. Это же что другое есть, как не нищета духом, которую ублажил Господь?

22. Если кто также возьмет в ум посрамления, обыкновенно сопровождающие сию страсть, то станет избегать тщеславия, сколько есть сил. Ибо ищущий славы от людей, от самых ради ее дел обыкновенно встречает бесславие. Заботящийся о красоте, много думающий о себе по знатности предков, по блеску одежд и по другим таким вещам, обличает в себе детскую

незрелость ума, ибо все такое — прах; праха же что ничтожнее? Та же, которая не для покрытия и согревания тела употребляет одежду, а для показности и щеголяния изяществом и цветностию их, не только бесплодие души обнаруживает пред смотрящими на нее, но покрывается и бесстыдством блудническим. Да слышит таковая и таковой Того, Кто сказал: *се, иже мягкая носящии, в домех царских суть* (Мф. 11, 8). Наше же *житие на небесех есть* (Флп. 3, 20), говорит святой Павел. Не допустим же себя, ради мягкости одежд, с неба низринутыми быть в кровы князя века сего.

23. То же страждут и те, кои славы ради человеческой добрые дела делают. Ибо таковые, получив жребий иметь житие на небесех, *славу свою* — увы! — *вселяют в персть* (Пс. 7, 6), навлекая на себя сию Давидскую клятву. И молитва их не восходит к небесам, и всякое рачение их ниспадает долу, не будучи обложено крылами Божественной любви, которая земные дела наши делает горе восходимыми: так что они труды подъемлют, а награды не стяжавают. Но что я говорю о бесплодии трудов их? Они приносят плод, — но какой? Посрамление, непостоянство помыслов, пленение и смятение помышлений. *Яко Бог разсыпа кости человекоугодников,* говорит псалом: *постыдешася, яко Бог уничижи их* (Пс. 52, 6).

24. Страсть эта есть самая тонкая из всех страстей. Почему подвизающемуся должно не собеседования остерегаться или не сосложения бегать, но самый прилог почитая уже сложением, беречь себя от него. Ибо и так действуя, едва успеет он упредить скорость падения. Но хотя и, так внимая себе, будет он действовать, прилог причиняет сокрушение. Если же нет, то этим уготовляется место для гордости. Кто же сию приимет, того трудно образумить, или лучше тот становится неисправимым. Ибо это диавольское падение. Но и прежде сего, страсть человекоугодия такой стяжавшим ее причиняет вред, что они даже и в отношении к вере терпят крушение, по слову Господа, рекшего: *како вы можете веровати, славу друг от друга приемлюще, и славы, яже от единаго Бога, не ищете?* (Ин. 5, 44). Что тебе в славе человеческой, о человек, или лучше, в пустом

имени славы, которое не только не имеет того, что именует, но и лишает того? И не это только, но при других зловредностях еще зависть порождает, зависть, равносильную убийству — причину первого смертоубийства, а потом и богоубийства?

25. Полезна ли она в чем-либо естеству? Поддерживает ли его и хранит, или, прияв его повредившимся как-либо, врачует ли? Никто, конечно, это не может сказать про нее. Напротив, кто захочет тщательно исследовать все о ней, тот найдет, что она большею частью бывает лукавою советницею в делах срамных. Языческих учений проповедники внушают, что без нее ничего доброго не было бы в жизни. Но не так научены мы, носящие славное имя Того, Кто человеколюбно помазал Собою естество наше. Его имеем мы зрителем дел наших. На Него взирая, Им и для Него делаем мы все наилучшее, и все во славу Его направляем, совсем не имея в виду угождения людям, следуя святому Павлу, верховному таиннику Законоположника нашего и нашему Законодателю, который говорит: *аще бо бых еще человеком угождал, Христов раб не бых убо был* (Гал. 1, 10).

26. Третье порождение болящей похотением души есть чревоугодие, от которого всякая плотская нечистота. Почему же мы называем его третьим и последним, когда оно внедрено в естество наше от самого рождения, равно как и естественные движения, относящиеся к деторождению. Почему же мы на последнем месте полагаем плотское похотение? Потому что это есть нашего естества принадлежность. Что же естественно, то невинно, как благим Богом сотворенное, чтоб мы пользовались тем на добро. Естественные сего ради движения не указывают на болезнь души. Больною обличается душа в тех, кои злоупотребляют ими. Когда мы *плоти угодия творим в похоти* (Рим. 13, 14), тогда это сластолюбие — грешная страсть, начало плотских страстей и болезнь души, ибо они хотя совне входят, но усвояются душою и делаются собственными ее. Почему Господь говорит, что из сердца исходят помышления злые, которые и сквернят его (см. Мф. 15, 19-20). И прежде Евангелия закон говорит: *внемли себе, да не будет слово тайно в сердцы твоем беззакония* (Втор. 15, 9). Помышления злые — из души, но в душу

набираются они снизу через чувства и держатся в воображении чувственных вещей, которое приводится в движение опять чувствами же, особенно глазами, которые издали могут привлекать служащее к осквернению; чему явное свидетельство представляет праматерь наша, Ева. Ибо она прежде увидела, что добро есть еже видети и красно еже разумети (см. Быт. 3, 6), и тогда уже сосложилась с помышлением сердца, коснулась и вкусила от запрещенного древа. Потому мы добре сказали, что победе срамных страстей предшествует прельщение красотою вещей и лиц через очи. Отсюда отеческая заповедь не засматриваться на красоту чужих тел и своею не услаждаться.

27. Поелику таким образом плотские страсти зачинаются и приходят в движение от помышлений страстных, то от них надо начать и врачевание их. Ибо, как при пожаре, если желающий погасить его станет как-нибудь пресекать пламя сверху, нисколько не успеет в деле погашения; если же отторгнет вещество горючее, пожар тотчас умалится и стихнет: так и в отношении к блудным страстям, если не иссушить источника помыслов внутри молитвою и смирением, а только постом и умерщвлением тела вооружиться против них, то безуспешно будешь трудиться; если же источник освятишь смирением и молитвою, как мы сказали, то сообщишь освящение и внешнему телу. Это же, мне кажется, и апостольское внушает слово, заповедающее *препоясать чресла наша истиною* (Еф. 6, 14), как и некоему из отцов полюбомудрствовалось, что когда умозрительная сила укротит похотную, тогда стихают и страсти подчресленные и подчревные.

28. Потребно и тела умерщвление, и соразмерное воздержание в пище и питии, чтоб оно не сделалось необузданным и не стало насиловать помысла. Плотские страсти ничем другим не врачуются, как умерщвлением тела, споспешествуемым молитвою и смирением сердечным: что и есть нищета духом, которую ублажил Господь. Если убо желает кто обогатиться *освящением, без коего никто не узрит Господа* (Евр. 12, 14), да пребывает в своей келлии, умерщвляя тело и молитве прилежа в смирении, ибо для того, кто добре пребывает в уединении, кел-

лия служит пристанищем целомудрия. Внешнее же все, особенно бывающее на торжищах и праздничных гуляниях, исполнено блудного примешения, которое через слух и зрение проникает в душу приближающегося к ним монаха и погружает его в срамные помышления и движения. Можешь и огнем попаляющим назвать этот мир грешный, который веществом горючим делает для себя вращающихся в нем и всякий в них вид добродетели превращает в пепел. Огнь не сожигающий нашелся некогда в пустыне (купина). Ты же вместо пустыни сиди в келлии и укройся в ней мало елико, пока мимо идет зной страстности: ибо, когда она минет, пребывание на открытом воздухе не вредит. Тогда ты и духом нищею воистину будешь, господство над страстьми стяжешь и блестяще ублажена будешь от Того, Кто сказал: *блажени нищии духом, яко тех есть Царствие Небесное* (Мф. 5, 3).

29. И не праведно ли ублажены будут те, кои отнюдь не уповают на богатство, а на Него единого, кои никому не желают угождать, кроме Его единого, и живут в смирении пред лицем Его? Вознищенствуем же и мы духом, смиряясь, плоть умерщвляя и не стяжательствуя, да и наше будет Царствие Божие и благих сподобимся надежд.

30. Предпосылая Евангелию как бы некое его сокращение (в изречениях о блаженствах), одним сим первым изречением (о нищете духом) сколько добродетелей обнял, и сколько худых расположений отсек и лишил блаженства? Но есть в нем еще и другое нечто. Что же такое? Указание на разные смирительные искушения, кои радостно переносить необходимо желающему плод принести Возделывателю душ наших. Как растениям необходимо перезябнуть зимою, чтоб плод принести, так искусительные прискорбности необходимы для плодоносия духовного. Кто не перетерпит доблестно тяжелого бремени встреченных искушений, тот не принесет плода, достойного небесных житниц и сокровищниц. Всякий ревнитель совершенства достигает его через подъятие произвольных и непроизвольных трудов и лишений, из коих одни совне находят, другие у себя дома устроются. Но одни свои произвольные не так благотворны, как

находящие совне не по нашей воле. И любовь к Богу наиболее испытывается прискорбностью искушений непроизвольных. Произвольные лишения приготовляют душу к перенесению непроизвольных, ибо привыкши при первых ни во что ставить приятности житейские и славу, она легко уже переносит и последние. Нищий же духом по самому духу сей нищеты не только не смущается находящими скорбями, но считает себя повинным еще большим, как нуждавшийся в сильнейших врачествах покаяния. Почему живет, денно-нощно ожидая всякой скорби, и принимает всякое искушение, как подобающую ему принадлежность, и радуется, когда подпадает им, как вступивший в очистилище души своей, делая то предметом сокрушеннейшей и действеннейшей молитвы, как источник и охрану благонастроения душевного; вследствие чего не только не злопамятствует на ввергших его в искушение, но и благодарность им изъявляет, и молится о них, как о благодетелях. За это и сам он не только прощение получает содеянных грехов, по обетованию Спасителя, но сподобляется и благословения Божеского и Царствия Небесного, ублажен будучи от Господа, ради долготерпения своего до конца в духе смирения.

31. После стяжавших неотъемлемое богатство нищетою в духе, Единый блаженный объявляет причастниками блаженства своего плачущих, говоря: *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 5). Почему же Христос Господь так тесно сочетал с нищетою плач? Потому что он никогда не разлучен с нею. Но *печаль* при мирской нищете *смерть* души *соделовает,* говорит апостол; а *печаль* при нищете *по Бозе покаяние нераскаянно во спасение* души *соделовает* (2 Кор. 7, 10). При том за непроизвольною нищетою следует непроизвольный плач и за произвольною произвольный. Поелику ублажаемый здесь плач соединяется с нищетою по Богу, то подразумевается, что он ради нее бывает и от нее, как от причины, во всем зависит, и только в связи с нею духовен и произволен. Но посмотрим, как блаженная нищета порождает блаженный плач.

32. Четыре вида духовной нищеты показали мы немного выше: в мудровании, в содержании тела, в житейском состоянии,

в искушениях, совне находящих. Но никто из вас, слыша, как они раздельно излагаются, не предполагай, что они и в действительности разделены бывают: ибо они обыкновенно все вместе проявляются; почему все заключены и в блаженстве одном, которое дивно вместе показывает и то, где их как бы корень и источник, именно в нашем духе. Ибо он, приемля в недро свое благодать Евангелия, как сказано, дает из себя источник нищеты, напояющий все лицо земли нашей, нашего внешнего человека, и соделывает его раем добродетелей.

33. От каждого из сих четырех видов нищеты рождается свой особый плач, с соответствующим тому и утешением. От нищеты в содержании тела со смирением, которую составляют алчба, жажда, бдение и всякое вообще лишение и умерщвление плоти, и сверх того строгое хранение чувств, рождается не только плач (жалость, скорбение), но и слезы. Ибо как нечувствие, огрубение и ожестение сердца рождаются обыкновенно от упитания и всем довольствования тела, так от воздержания и скудной диеты — сокрушение сердца и умиление, коими уничтожается всякая горечь при телесных лишениях и доставляется тихая сладость жизни с ними. Без сокрушения сердца невозможно, говорят, избавиться от чувств греховных; сердце же приводит в сокрушение троякое воздержание — в сне, в пище и в телесном покое. Душа, освободившись через сердечное сокрушение от таких чувств и от горечи их, восприемлет вместо их духовную отраду. И это есть то утешение, ради коего Господь ублажает плачущих. Святой же Иоанн, духовную нам устроивший Лествицу, говорит: «Жажда и бдение сокрушают сердце; при сокрушенном же сердце исторгаются слезы. Испытавший сие, воссмеется о сем, блаженным то есть смехом (см. Лк. 6, 21), утешившись, как обетовал Господь (Леств., сл. 6, 13). Так от боголюбезной телесной нищеты рождается плач, блаженно утешающий стяжавших его. А от самоуничижившегося мудрования и Божественного во глубине души смирения — как?»

34. Со смирением души всегда сопребывает самоуничижение; а оно в начале в сильнейшее напряжение приводится

страхом мук вечных, пред очи представляя страшнейшее оное в одном мучилище сопребывание со врагами, и к сему прибавляя еще страх и от помышления о том, что муки те неизреченны, — что нет слов для выражения их; а нескончаемость их какого еще наддает ужаса! Жар, холод, тьма, огнь, узы, страшилища, червей неусыпающих грызение — воедино собираются в оном наказании. Но и этим всем еще не представляется весь тогдашний ужас, как он есть, судя по сказанному о противоположном состоянии: *и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9). И как бесполезен, как безотраден будет тот, конца не имеющий плач! Здесь в тех, кои в Бога согрешают, приходит в движение от сознания своих прегрешений плач, смягчаемый надеждою помилования. Там же в обличенных и осужденных, при отъятии всякой благой надежды и при отчаянии во спасении, невольное обличение и грызение совести плачем будет безмерно увеличивать належащую муку. И сейчас плач, и всегда плач, и сие сознание непрестаемости его новый рождает плач! Также и тьма на тьму будет, и жжение на жжение без малейшей прохлады. И все объемлет бесконечная бездна отчаяния.

35. Ныне же здесь плач драгоценен. Ибо внемлет ему Бог, даже до нас нисшедший присещением своим, и плачущим давший обетование утешения, так как Сам есть и именуется Утешителем. Видел ты теперь плач, который от смирившейся души исходит и с собою утешение приносит? Впрочем, самоуничижение и одно само по себе, как некое мысленное точило для умовой части души, тяжело гнетет и сокрушает, и спасительное выжимает вино, веселящее сердце человека, внутреннего нашего человека. Вино же сие есть сокрушенное умиление, которое плачем сокрушает страсти, и душу исполняет блаженной радости, избавив от сей лютой тяготы. Почему *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4).

36. От нестяжательности, или что то же — от имущественной бедности, когда она соединяется с нищетою духом: ибо только в таком случае она богоугодна, — от такой нищеты как приходит плач и сущее в нем утешение, послушай и внемли

разумно. Когда человек, оставя все, отрекается от сребра и злата и от всякого имущества, бросив то или расточив по заповеди, тогда, отторгши душу от заботы о сем, дает он ей возможность обратиться к попечению о себе самой, освободившись от дел житейских, совне развлекающих ее. Когда же ум отторгнется от всего чувственного и, возникнув от потопления заботою о сем, начнет всматриваться во внутреннего человека, тогда увидит лицо его до отвратительности загрязненным от блуждания долу; во-первых, спешит обмыть его плачем, потом, по снятии с него этого безобразного покрова, так как душа не развлекается более недостойными ее вещами, несмущенно входит во внутренние ее сокровищницы, и там втайне молится Отцу, Который прежде всего дает ему мир помыслов, как готовое вместилище для благодатных дарований, и вместе с ним совершенное смирение, родительницу и хранительницу всякой добродетели — не то смирение, которое состоит в нетрудных для всякого желающего смиренных словах и позах, но то, которое свидетельствуется благим Божественным Духом и которое созидает дух, *обновляемый во утробах наших* (Пс. 50, 12). В сих же (мире и смирении), как в крепко огражденном рае мысленном, возрастают всякого рода древа истинной добродетели, посреди коих воздвизается царский священный чертог любви, а в преддверии, как предначатие будущего века, цветет неотъемлемая неизреченная радость. Ибо нестяжательность есть мать беспопечения; беспопечение — внимания и молитвы; эти — плача и слез; а эти — изглаждают все предвзятое (прежние грехи); по изглаждении же сего удобно прочее совершается путь добродетели, потому что тогда устраняются всякие к тому препоны и совесть соделывается безукоризненною. От всего сего источается радость и блаженный смех душевный (см. Лк. 6, 21). Тогда горькие слезы претворяются в сладость, *словеса* Божии *сладки* бывают *гортани и паче меда устом* (Пс. 118, 103), в молитве прошение изменяется в благодарение, поучение в сведениях Божественных бывает в радование сердца с упованием непостыдным, испытывается то, что вещает псалом: *вкусите и видите, яко благ Господь* (Пс. 33, 9), —

веселие праведных, радость обиженных, отрада уничиженных и утешение плачущих Его ради.

37. Но простpем и далее слово наше, веруя тому, что изрекали святые отцы наши и других к тому же убеждая, как говорит апостол по писанному: *веровах, темже возглаголах, — и мы веруем темже и глаголем* (Пс. 115, 1; 2 Кор. 4, 13). Когда изгнана будет всякая гнездящаяся в нас страсть, и ум, как уже сказано выше, возвратясь к себе и к другим силам душевным, возделанием добродетелей благоукрасит душу, все простираясь к совершеннейшему, еще и еще деятельные полагая восхождения, паче и паче с Божиею помощью себя омывая: тогда он не только худое отревает, но вообще все привходящее гонит вон, хотя бы оно принадлежало и к доброй части, и востекши выше всего мысленного и всяких немечтательных о нем помышлений, и все то по любви и ради любви к Богу отложив, *яко глух и нем* (Пс. 37, 14), предстоит Богу. Тогда ни что внешнее не толчет в двери ума, потому что благодать держит внутреннее в наилучшем настроении и неизреченным, что предивно, светом осиявает его, совершенствуя сим внутреннего человека. Когда же таким образом *день озарит и денница возсияет в сердцах наших* (2 Пет. 1, 19), тогда, по пророческому слову, *изыдет* истинный *человек* на истинное *делание свое* (Пс. 103, 23) и, пользуясь светом тем, емлется пути, коим возводится на горы вечные и премирных вещей во свете оном зрителем делается.

38. Почему Божественный Нил говорит: «Состояние ума настоящее есть мысленная высота, цвету небесному подобная, в которую во время молитвы присещает и свет Святой Троицы». И опять: «Если кто хочет видеть ум в настоящем его состоянии, пусть упразднит себя от всех помышлений, тогда увидит его подобным сапфиру или небесному цвету. Но этого сделать нельзя без бесстрастия: ибо для сего потребна помощь Божия и Божественного Его света излияние». И Диадох святой говорит также: «Два блага подает нам святая благодать через крещение, из коих одно безмерно превышает другое: первое то, что она обновляет нас в воде, и осиявает то, что есть в нас по образу Божию, отъемля всякую нечистоту греховную в нас; другое же

то, что она начинает действовать вместе с нами. Итак, когда ум начнет полным чувством вкушать благостыню Святого Духа, тогда ведать должны мы, что благодать начинает как бы живописать в нас на том, что по образу, то, что по подобию: так что чувство то показывает, что мы образуемся в подобие; совершенство же подобия познаем из просвещения». И опять: «Духовной любви никто не может стяжать, если вполне удостоверительно не просветится от Святого Духа: ибо если ум через Божественное просвещение не примет в совершенстве того, что по подобию, то хотя все другие добродетели может он иметь, совершенной же любви все еще остается непричастным». Равным образом и святой Исаак говорит: «Ум облагодатствованный во время молитвы видит свою чистоту подобною небесному цвету, который старцами Израиля назван был местом Божиим, когда узрен был ими на горе». И опять: «Есть чистота ума, в коей во время молитвы воссиявает свет Святой Троицы. Но удостаиваемый света оного ум и соединенному с ним телу сообщает многие знаки Божественной красоты, стоя посреди Божественной благодати и дебелой плоти, и сообщая ей силу на то, что ей самой не под силу. Отсюда боговидное и неподражаемое добродетельное настроение, на зло совсем неподвижное или неудобоподвижное».

39. Вот до какой высоты возводит блаженный плач смиренных сердцем и нищих духом. Но скажем о нем и еще нечто. — Сопутствует он и всем видам непроизвольной или мирской нищеты. Ибо как не печалиться тому, кто и деньгами скуден, и голодует невольно, и трудами обременен, и почетом заделен? Тут плач безутешен, пока продолжается бедность, особенно, если терпящий сие не имеет истинного ведения. Ибо таковой не сласти и горести чувственные подчиняет разуму, а сам подчиняется им, и злоупотребляя изворотливостью ума, увеличивает их паче надлежащего не только без пользы, но и с большим для души вредом. Явному подвергает он себя обличению тем, что не крепко верует Евангелию Божию, предшествовавшим ему пророкам и последовавшим ему ученикам Его, посланным благовествовать через нищету достающееся не оскудевающее

богатство, через бесславия — неизреченную славу, через лишения — бесскорбное утешение, через претерпение находящих искушений — избавление от вечного томления и скорбения, отложенного тем, кои возлюбили здешнюю распущенную жизнь, и не восхотели узкими вратами и тесным путем пройти в живот. Добре сказал апостол Павел, что *сего мира печаль смерть соделовает* (2 Кор. 7, 10). Ибо если истинная жизнь души есть Божественный свет, от плача по Богу приходящий, как выше сказано словами отцов, то смерть души будет лукавый мрак, от печали мира сего находящий на душу, тот мрак, о котором Василий Великий говорит: «Грех, в оскудении добра существование свое имеющий, неправдами мрак мысленный образует». И Божественный Марк говорит: «Злыми помыслами объемлемый как увидит сокрытый под ними существенный грех, который есть мрак и туман души, от злых помышлений, слов и дел находящий на нее? Не узревший же сего общего греха когда возмолится о нем и очистится? А неочистившийся как найдет место чистого естества? Его же не нашедший как узрит внутреннее обиталище Христово?»

40. Итак, надлежит постоянною молитвою взыскать сие обиталище и не только стяжать, но и сохранить. Ибо есть такие, которые после того, как получили сие, потеряли. Голое о сем знание или случайный опыт имеют, может быть, и нескорые на учение, и юные; постоянное же с терпением делание такое не все имеют и благоговейные из старцев, и многоопытные. С сим согласуется и Макарий, небесный по ведению, и весь сонм преподобных.

41. Но как мрак сей получает существование свое от всех прегрешений; так, если наследуешь и печаль мира сего, найдешь, что она порождается и держится всеми страстями. Она носит образ, и есть как бы начало, преддверие, или залог имеющего прийти будущего нескончаемого плача для тех, кои не восхотели избрать себе ублаженный Господом плач, который не только здесь приносит утешение, служа вместе с тем залогом и вечного радования, но и добродетель крепко твердою делает, делая душу непреклонною на худшее. Ибо обнищавший,

смирившийся и уничижившийся по Богу, если, преуспевая на лучшее, не стяжет при том плача, бывает удобопревратен и охоч возвращаться мыслию к тому, что оставил, и вожделевать того, от чего отстал, делая себя таким образом преступником. Если же, пребывая постоянным в расположении к блаженной нищете и внемля ей, водворит он в себе плач, то бывает непреклонен к оставленному позади себя и не отбегает зле к тому, от чего прежде, добре делая, убежал. *Печаль бо яже по Бозе,* как говорит апостол, *покаяние нераскаянно во спасение соделовает* (2 Кор. 7, 10). Почему некто и из отцов говорил: «плач делает и хранит». И не этот только плод от плача, что от него человек делается почти неподвижным на худое и неудобовозвратным к прежним грехам, но и тот, что грехи сии становятся как бы не бывшими. Ибо так как человек из-за них в начале плачет, то Бог почитает их как бы невольными в нем; что же невольно, то не вменяется в вину. Как плачущий о бедности свидетельствуем тем, что она у него непроизвольна, почему вместе с *хотящими богатитися* или уже богатящимися, *впадет* в *сети* диавола, и, если, изменясь, не поспешит убежать из сетей сих, предпошлет себя через то в муку вечную (1 Тим. 6, 9): так в Бога согрешающий, если, раскаявшись, в плаче о грехах проводит дни свои, то праведно грехи его вменяются ему в непроизвольные, и он, вместе с не согрешавшими подобно ему, будет без соблазна для них тещи путем, вводящим в живот вечный.

42. Таков плод начала плача, которое бывает болезненно, так как с ним соединяется страх Божий. Но простираясь в предняя, он дивно сочетавается с любовию Божиею и приносит сладчайший и священный плод утешения по благостыни Утешителя, который (плод) вкушает окачествовавшийся плачем (у кого плач стал чертою характера) и который для не испытавших его есть нечто неслыханное, яко неизреченное. Ибо если сладости меда никто не может внятно изъяснить словом не вкушавшим его, то кто изъяснит сладость радости и благодати, кои от Бога, не испытавшим ее? Конечно, никто.

43. Начало плача есть как бы некое искание обручения Божия, которое кажется недостижимым. Почему при сем произносятся

некоторые как бы предобручальные слова теми, кои, по сильному желанию сего, плачут, раздираясь сердцем пред женихом, и призывая его рыданиями. Конец же плача — брачное в чистоте совершенное сочетание. Почему Павел, назвав *великим таинством* сочетание супругов во едино тело, говорит: *Аз же глаголю во Христа, и во церковь* (Еф. 5, 31-32). Ибо как те бывают едино тело, так Божии един дух бывают с Богом, как негде тот же апостол сказал: *прилепляяйся же Господеви един дух есть с Господем* (1 Кор. 6, 17). Где те, кои говорят, что благодать, обитающая во святых, есть нечто тварное? Да ведают они, что хулу изрекают на самого Духа, Коего причастными бывают святые.

44. Мы же предложим еще и другой, более выразительный пример в уяснение того, о чем у нас речь. Начало плача подобно возвращению блудного сына: ибо и он делателя своего исполняет стыдением и те же заставляет говорить слова: *отче, согреших на небо и пред Тобою, и несмь достоин нарещися сын твой* (Лк. 15, 21). Конец же его подобен сретению и объятию Небесного Отца, коих по богатству неизреченного благоутробия сподобясь, сын исполняется радостью и дерзновением, лобзание приемлет и дает, входит в дом вместе с Отцем и с Ним трапезует, небесное при сем вкушая радование.

45. Приидите же, и мы в блаженной нищете духом *припадем и восплачемся пред Господем* Богом нашим (Пс. 94, 6), чтоб и прежние грехи омыть, и неподвижными на зло самих себя соделать, и причастия Духа Утешителя сподобиться и Им пребыть утешаемыми, Ему славу воссылая со безначальным Отцом и единородным Сыном, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ДЕСЯТОСЛОВИЕ ПО ХРИСТИАНСКОМУ ЗАКОНОПОЛОЖЕНИЮ

1. *Господь Бог* твой, *Господь един есть* (Втор. 6, 4), во Отце и Сыне и Духе Святом познаваемый: во Отце не рожденном, в Сыне рожденном безначально, безвременно и бесстрастно, яко

Слове, Который, помазав Собою принятое Им от нас, наименовался Христом, и в Духе Святом, также из Отца не рожденно, но исходно происходящем. Сей единый есть Бог и сей есть Бог истинный, в Троице ипостасей — Господь един естеством, волею, славою, силою, действом и всеми свойствами Божества не разделяемый.

2. Его единаго *возлюбиши... и Ему единому послужиши, всем помышлением твоим, всем сердцем твоим... и всею крепостию* твоею; *и да будут словеса* Его и заповеди Его в сердце твоем, чтоб творить их, поучаться в них, и говорить о них, *сидя в дому и идя путем, лежа и востая* (Мк. 12, 30, 33; Втор. 6, 5-7). Всегда помни Господа Бога твоего и бойся Его единого, и никогда не забывай Его и заповедей Его; и тако Он даст тебе силу творить волю Его. Ибо Он ничего другого не требует от тебя, *точию еже боятися Его, и ходити во всех путех Его и любити Его* (Втор. 10, 12).

3. Он — хвала твоя, и Он — Бог твой. Не дивись без меры бесстрастию и невидимости премирных Ангелов, ни крайнему лукавству ниспадших оттуда сил, их хитрости и злокозненности на прельщение нас, и не дерзай думать, что в них есть что-либо равночестное Богу. Не засматривайся на величие неба и многообразность его движения, ни на блеск солнца, ни на светлость луны, ни на других звезд сияние, на пригодность воздуха к дыханию и на многополезность моря и земли, и бойся что-либо из сего сделать для себя богом. Ибо все сие работно Ему, как творение Его, словом Его из небытия к бытию воззванное. *Яко Той рече, и быша: Той повеле и создашася* (Пс. 32, 9).

4. Сего убо единого славь, к Нему прилепися любовию, и Ему кайся день и ночь о вольных и невольных грехах своих. Ибо Он *щедр и милостив, долготерпелив и многомилостив* (Пс. 85, 15), вечный благодетель, обещающий и дающий Царствие Небесное непрестающее, жизнь беспечальную и бессмертную и свет невечерний в наслаждение чтущим Его и любящим, поклоняющимся Ему и заповеди Его хранящим. Но Он же есть и Бог ревнитель, Судия праведный и страшный Отмститель, воздающий нечествующим в Него, не покоряющимся

Ему и заповеди Его оставляющим, муку вечную, огнь неугасимый, страдание непрестающее, скорбь безутешную, тьму кромешную, скрежет зубов, червь неусыпающий, что уготовал первому отступнику лукавому, и с ним всем, прельщенным от него и последовавшим ему, и оставившим Творца своего делами, словами и помышлениями.

5. *Не сотвори себе... всякого подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах,* чтоб служить тому и поклоняться яко Богу (Исх. 20, 4). Ибо все есть творение единого Бога, Который в последние веки из девственной утробы плоть прияв, на земле явися и с человеки поживе, и за спасение людей пострадав, умерши и воскресши, на небеса с телом вознесся и сел одесную величествия на высоких, с каковым телом опять приидет судити живых и мертвых. Сего, ради нас вочеловечившегося, икону сотвори по любви к Нему, и через нее воспоминай о Нем, через нее поклоняйся Ему, через нее возводи ум свой к поклоняемому телу Спасителя, сидящему во славе одесную Отца на небесах. Равным образом и святых иконы и твори, и поклоняйся им, не как богам, что воспрещено, но во свидетельство твоего с ними общения, любви к ним и чествования их, ум свой возводя к ним через иконы их; как и Моисей сотворил иконы Херувимов и поставил во святом святых, да и само Святое Святых было образом пренебесных вещей, а святое носило образ всего мира, и Моисей назвал его святым, не твари славя, но через них мир сотворившего Бога. И ты не почитай богами икон Господа Иисуса Христа и святых, но через них поклоняйся по образу Своему вначале нас создавшему, а после сей самый наш образ Свой благоволившему восприять по неизреченному человеколюбию Своему и в нем описуемым соделаться.

6. И не образу только Христа Господа поклоняйся, но и образу Креста Его, потому что он есть знамение победы Христовой над диаволом и над всем полчищем сопротивных сил, почему они трепещут и бегут, когда видят его изображаемым. Образ сей, и прежде появления первообраза, был высоко прославлен в пророках и явил великие и дивные чудеса, и во

Второе Пришествие распеншегося на нем Господа Иисуса Христа, имеющего прийти судить живых и мертвых, предыдет пред Ним, яко страшное и великое знамение Его силы и славы. Славь же Его ныне, чтоб тогда с дерзновением воззреть на Него и спрославиться с ним. И иконам святых поклоняйся, яко сраспеншихся Христу, крест изображая на лице своем и на память приводя действенно проявившееся в них причастие страстям Христовым. Равным образом чти и гробницы святых и какие-либо останки от костей их: ибо не отступила от них благодать Божия, как и от поклоняемого тела Христова не отступало Божество, во время животворящей Его смерти. Делая же сие и славя прославивших Бога, как явившихся через дела совершенными в любви Божией, ты вместе с ними прославлен будешь от Бога, и с Давидом воспоешь: *мне же зело честни быша друзи твои, Боже* (Пс. 138, 17).

7. *Не возмеши имене Господа Бога твоего всуе* (Исх. 20, 7), ложно божась или клянясь ради чего-либо земного, или ради страха человеческого, или ради стыда, или ради собственной корысти. Клятвопреступление есть отречение от Бога. Потому не спеши божиться, но всячески избегай божбы, боясь, как бы ради нее не впасть в клятвопреступление, от Бога отчуждающее, и к беззаконным причисляющее. Но будь истинен во всех словах своих, и доставишь им через то твердость клятвы. Если же когда случится тебе без нужды связать себя клятвою, то, *когда это* будет в чем-либо сообразном с Божественным законом, делай то, поколику оно законно; а вину свою, что так неосмотрительно поступил, очисть милостынею, молитвою, плачем и тела озлоблением, умилостивляя тем Христа, рекшего: не клянись или не божись. Когда же то будет в чем-либо беззаконном, то, смотри, из-за божбы своей (неразумной) отнюдь не делай дела беззаконного, чтоб не быть сопричастну к пророкоубийце Ироду. Но оставь эту беззаконную клятву неисполненною, положи потом себе законом не божиться и не клясться без разбора, спеша умилостивить Бога, приболезненнейше пользуясь вышеуказанными врачевствами.

8. Один день недели, который называется Господним, потому что посвящается Господу, воскресшему в оный из мертвых, и тем общее всех воскресение предуказавшему и в нем предуверившему, этот день *святи* (Исх. 20, 10-11), и никакого житейского дела в оный не делай, кроме необходимых, и всем, кои под тобою и с тобою, давай покой, чтоб вместе славить стяжавшего нас своею смертию и воскресением своим совоскресившему наше естество. Воспоминай будущий век и поучайся во всех заповедях и оправданиях Господних; и самого себя испытуй, не преступил ли или не оставил ли чего, и исправь себя во всем. Посещай в день сей храм Божий, и будь на всех службах церковных; причащайся Святого Тела и Крови Христовой, и начало полагай исправнейшей жизни; обновляй себя и уготовляй к принятию будущих вечных благ, ради которых земным не пользуйся на зло даже и в прочие дни; в день же Господень, чтоб Богу приседеть, совсем все то оставляй, кроме необходимейшего, без чего жить нельзя. Имея таким образом Бога местом прибежища, ты не преступишь заповеди, огня страстей не возжжешь и бремени греха на себя не возьмешь; и тако освятишь день субботний, субботствуя не деланием зла. Дню Господню уподобляй и великие узаконенные праздники, то же в них делая и от того же воздерживаясь.

9. *Чти отца твоего и матерь твою* (Исх. 20, 12), ибо через них Бог ввел тебя в жизнь, и после Бога они суть виновники твоего существования. Почему и ты после Бога их почитай и люби, если любовь к ним содействует любви к Богу, если же не содействует, то отстранись от них. Коль же скоро они препятствием будут тебе, особенно в деле веры, истинной и спасительной, яко неправославные, то не только отстранись, но и отвратись от них, и не только их, но и всех других такого рода людей. Ибо Христос Господь сказал: *аще кто не возненавидит отца своего, и матерь, и жену, и чад, и братьев, и сестр, еще же и душу свою... и не приимет креста своего и в след Мене грядет, несть Мене достоин* (Лк. 14, 26-27; Мф. 10, 37-38). Так должно относиться к тем по плоти, отцам, друзьям, братьям,

кои препятствуют спасению; тех же, кои единоверны и не препятствуют спасению, и почитай, и люби.

10. Если же по плоти отцов так, то сколь более должен ты почитать и любить отцов, родивших тебя по духу? Которые из бытия претворили тебя в благобытие, сообщили тебе свет ведения, научили тебя явно истинствовать, возродили банею пакибытия, вложили в тебя надежду воскресения и бессмертия, не престающего Царствия и наследия, и соделали из недостойного достойным вечных благ, из земного небесным, из временного вечным, сыном и учеником не человека, а Богочеловека Иисуса Христа, давшего тебе дух сыноположения, как Сам Он сказал: *и Отца не зовите себе на земли, един бо есть Отец ваш, Иже на небесех. Ниже нарицайтеся наставницы: един бо есть наставник ваш, Христос* (Мф. 23, 9-10). Всякую убо честь и любовь должен ты воздавать отцам своим духовным, поколику честь к ним возносится ко Христу Господу и к Духу Святому, в коем приял ты сыноположение (см. Рим. 8, 15) и к Отцу Небесному, из *Негоже всяко отчество на небесех и на земли именуется* (Еф. 3, 15). Постарайся во всю жизнь иметь духовного отца и открывать ему всякий грех и всякий помысл, и получать от него отпущение и врачевство: ибо им дано вязать и разрушать души, и все, что они свяжут на земле, будет связано на небеси, и все, что они разрешат на земле, будет разрешено и на небеси (см. Мф. 18, 18). Сию благодать и власть получили они от Христа; почему повинуйся им и не противоречь им, чтоб не причинить погибели душе своей. Ибо, если противоречащий плотским родителям в том, что не воспрещено законом Божиим, по закону предается смерти, то противоречащий духовным отцам не изгонит ли из себя Духа Божия и не погубит ли души своей? Почему советуйся с духовными отцами своими и слушайся их до конца, да спасется душа твоя, и наследуешь вечные и нетленные блага.

11. *Не прелюбы сотвори* (Исх. 20, 14), чтоб вместо того, чтоб быть членом Христовым, не стать членом блудничим (см. 1 Кор. 6, 15) и по отсечении от тела Божественного не быть ввержену в геенну. Если дщерь жреца, осквернившаяся

блудом, по закону огнем сжигается, как посрамившая отца (см. Лев. 21, 9), сколь паче телу Христову такое осквернение причинивший повинен будет мучению вечнующему?

12. Но если вмещаешь, и девство храни, да возможешь весь быть Божиим и к Нему прилепиться совершенною любовию, Ему приседя всю жизнь, не развлеченно всегда печась об одном Господнем, будущую предвкушая жизнь, и как Ангел Божий жительствуя на земле: ибо девство их принадлежность, и им уподобляется тот, кто прилепляется к девству; но еще более, чем им, уподобляется он Отцу, прежде всех век девственно рождшему Сына, и девственному Сыну из девственного Отца рожденно происшедшему в начале, в последние же лета от Девы Матери, плотию нетленно рождшемуся, и Духу, из единого Отца, не рожденно, но исходно происходящему неизреченно. Сему единому Богу уподобляется и нетленным браком сочетавается предызбравший истинное девство, и девствуя душою и телом, всякое чувство, слово и помышление украшающий красотами девства.

13. Если же не предпочитаешь ты девствовать, и не дал обета о сем Богу, то подобает тебе пояти о Господе одну законную жену, и с нею одною жить и как собственный тебе сосуд иметь во святыне, от чужих всеми силами воздерживаясь. Тебе можно от них совершенно воздержаться, если будешь блюстись от неуместных с ними сообращений, не станешь услаждаться блудническими словами и слышаниями, и самое зрение свое, телесное и душевное, отвращать будешь от них, сколько возможно, и навыкнешь не засматриваться с любопытством на красоту лиц. Ибо всяк, *иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28), и по сей причине нечист есть пред Христом, смотрящим в сердце. От сего же ниспадает бедный сей и до срамных дел плотских — не только до блудов, прелюбодеяний и других естественных смешений, но и до всяких неестественных непотребств. Ты же, отсекая от себя горькие корни, не смертоносные будешь приносить плоды, но сотворишь плод чистоты и сущей в ней

святыни, ее же *кроме никтоже узрит Господа* (см. Рим. 6, 22; Евр. 12, 14).

14. *Не убий* (Исх. 20, 13), чтоб не лишиться сыновства тому, кто и мертвых животворит, и не стать делами своими сыном исконного человекоубийцы. Поелику же убийство происходит от ударов, удары от поношения и брани, эти от гнева, а гнев от причиняемого нам другими ущерба и вреда, или от удара, или от поношения: то от вземлющаго *ти ризу, и срачицу не возбрани,* сказал Христос (Лк. 6, 29; Мф. 5, 40), ударившему не отплачивай ударом, и поносящему — поношением. Ибо таким образом и себя самого, и озлобляющего тебя избавишь ты от греха убийства. Ты получишь прощение, в чем погрешил пред Богом; ибо говорится: *отпущайте и отпустят вам* (Лк. 6, 37; Мф. 6, 14), а злословивший о тебе, и зло тебе сделавший примет наказание — муку вечную; ибо *кто речет брату своему: уроде, повинен есть геене огненней*, сказал Христос (Мф. 5, 22). Итак, если сможешь с корнем исторгнуть зло и в душу вселить блаженную кротость, воздай славу Христу, наставнику и содетелю добродетелей, без Коего, как научены, не можем мы сделать ничего хорошего. Если же не можешь пребыть безгневным, укори себя, когда погневаешься, и покайся пред Богом и пред тем, кто услышал от тебя или пострадал что злое. Ибо кто в начатках греха раскаивается, тот не дойдет до конца его: и кто о малых грехах не болезнует, тот через них впадет и в великие (см. Сир. 19, 1).

15. *Не укради* (Исх. 20, 15), *да не сокровенных Ведатель* (Дан. 13, 42) тебе, яко презрителю Его, воздаст многократным наказанием. Лучше убо из того, что есть у тебя, тайно подай нуждающимся, да от видящего в тайне Бога примешь стократно больше того, и в будущем веке жизнь вечную.

16. *Не послушествуй на друга своего свидетелства ложна* (Исх. 20, 16), да не уподобишься в начале оклеветавшему Бога пред Евою, и да не будешь подобно ему проклят. Лучше же прикрой падение ближнего, если от этого не будет вреда для других, чтоб не Хаму уподобиться, а Симу и Иафету, и благословения сподобиться.

17. *Не пожелай* чего из принадлежащего ближнему твоему, ни стяжаний его, ни денег, ни славы, *ни всего, елика суть ближняго твоего* (Исх. 20, 17). Ибо *похоть,* в душе зачавшись, *раждает грех, грех же* содеянный *раждает смерть* (Иак. 1, 15). Ты же, не желая чуждого, воздержись и от хищения по лихоимству. Лучше же и от своего давай просящему, и оказывай милость по силе своей нуждающемуся в милости, и не отвращайся от хотящего занять у тебя. Если найдешь что потерянное другим, сбереги то для владельца, хотя бы он был из враждебно к тебе расположенных. Ибо таким образом ты и его примиришь с собою и победишь благим злое, как повелевает тебе Христос.

18. Соблюдая все сие всеми силами и по таким правилам жительствуя, ты вложишь в душу свою сокровище благочестия и угодишь Богу и ублажен будешь от Бога и тех, кои суть по Богу, и наследником соделаешься вечных благ, коих сподобиться буди всем нам благодатию и человеколюбием Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Коему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцем и всесвятым, благим и животворящим Его Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О СВЯЩЕННОБЕЗМОЛВСТВУЮЩИХ

Вопрос ему:

Некоторые говорят, что мы худо делаем, стараясь ум свой заключать внутрь тела; ибо, говорят, гораздо нужнее и полезнее всячески простирать его вовне тела. При этом сильно осуждают они некоторых из наших, пиша против них за то, что они внушают новоначальным смотреть в себя и через дыхание внутрь вводить свой ум, говоря, что ум не разделен с душою. Если же он не разделен, а соединен с нею, то как опять вводить его внутрь? Обвиняют они их еще за то, будто они учат Божественную благодать вселять внутрь через ноздри. Но я, зная, что это сущая клевета (ибо не слышал, чтоб кто-либо из наших говорил так), заключил из сего, что и другие их нападки суть тоже злостная клевета; ибо им обычно выдумывать против

людей то, чего нет, а что есть, то злостно извращать. Однако же, и тебя прошу, отче мой, научить меня, как и почему с особенным тщанием стараемся мы вводить ум внутрь и не считаем худым заключать его в теле.

Ответ его

Тем, кои в безмолвии внимают себе, не бесполезно стараться держать ум свой внутри тела.

1. Брате! Не слышишь, как говорит апостол, что *телеса наши храм живущаго в нас Святого Духа суть* (1 Кор. 6, 19), и опять, что мы *храм Божий есмы* (1 Кор. 3, 16), как и Бог говорит: *вселюся в них и похожду, и буду им Бог?* (2 Кор. 6, 16). — Что же сподобилось быть жилищем Бога, в то вселить ум свой кто из имеющих ум сочтет чем-либо неподобным? Как и Бог в начале вселил ум в тело? Ужели и Он худо сделал? Такие слова, брате, прилично обратить к еретикам, кои говорят, что тело — зло и есть творение злого начала. Мы же быть уму в телесных мудрованиях почитаем злом, а в теле ему быть не почитаем злом: так как тело не зло. Почему каждый из прилепляющихся к Богу жизнью вопиет к Нему с Давидом: *возжада Тебе душа моя, коль множицею Тебе плоть моя* (Пс. 62, 2), и: *сердце мое и плоть моя возрадовастася о Бозе живе* (Пс. 83, 3), и с Исаиею: *чрево мое, аки гусли возгласит, и внутренняя моя аки стену обновил еси* (Ис. 16, 11), и: *страха ради Твоего во чреве прияхом... Дух спасения Твоего... и не падемся* (Ис. 26, 18). Если апостол и называет тело смертию, когда говорит: *кто мя избавит от тела смерти сея* (Рим, 7, 24), то разумеет при сем чувственное и плотское мудрование. Применяя сие последнее к духовному, он справедливо назвал его телом, и не просто телом, но смертью тела. Почему несколько выше показывая, что не плоть обвиняет, а прившедшее вследствие падения стремление греховное, он говорит: я *продан под грех* (Рим. 7, 14). Кто же продан, тот не по естеству раб. И опять: *вем,* говорит, *яко не живет во мне, сиречь, во плоти моей доброе* (там же, ст. 18). Видишь, что не плоть, а что живет в ней называет он злом. Итак, зло то, что не ум, а этот *закон, сущий во удех наших и противувоюющий закону ума живет в теле* (там же, ст. 23). Почему мы,

противовоюя сему закону греха, изгоняем его из тьмы и поселяем там ум, как епископа (над всем надзирающего и всем заправляющего), и через него полагаем законы каждой силе души и каждому из членов тела подобающее ему. Чувствам предписываем, что и в какой мере должно им воспринимать; каковое дело закона духовного именуется воздержанием; желательную часть души настраиваем наилучшим расположением, коему имя любовь; мысленную часть улучшаем, отгоняя все, что препятствует уму возноситься к Богу, и сию частичку закона духовного называем трезвением.

2. Кто воздержанием очистит тело свое, а любовию соделает гнев и похотение поводом к добродетелям, молитвою же очищенный ум предстоять Богу научит, тот стяжет и узрит в себе обетованную чистым сердцем благодать; и тогда он может с Павлом говорить: *Бог рекий из тмы свету возсияти, иже возсия в сердцах наших, к просвещению разума славы Божия о лице Иисус Христове. Имамы же сокровище сие в скудельных сосудех,* то есть в телах (2 Кор. 4, 6-7). Итак, если и мы будем держать ум свой внутри тела, ужели будем делать нечто недостойное величия ума? И кто скажет это, кроме разве того, кто совсем не духовен, и ум имеет обнаженный от Божественной благодати, хотя, впрочем, человеческий?

3. Душа наша одарена многими силами и пользуется, как орудием, телом, ею оживляемым. Каким же органом, как орудием, пользуется в своей деятельности та сила ее, которую мы называем умом? Никто никогда не думал, чтоб ум обитал в ногтях или ресницах, в ноздрях или ланитах. Но все согласны, что он внутри нас есть, — расходятся только в том, каким внутренним органом, как орудием, пользуется он. Ибо одни водворяют его в мозгу, как в некоем акрополе (кремле); другие дают ему седалище в сердцевине сердца. С этим и мы согласны, поясняя только, что разумная сила наша в сердце не как в сосуде каком заключена, как не телесная, и не вне его есть, как соединенная с ним, но есть в сердце, как в органе своем, как мы наверное это знаем, не от человеков сему научены быв, но от самого Создателя человека, который говорит в Евангелии: *не входящее в*

уста сквернит человека, но исходящее изоуст, то сквернит человека. От сердца бо исходят помышления (Мф. 15, 11, 19). То же говорит и Макарий Великий: «Сердце правит всем органом и, когда благодать займет все отделения сердца, господствует над всеми помыслами и членами, ибо там ум и все помыслы душевные». Итак, сердце есть сокровенная храмина ума и первый плотской орган мысленной силы.

4. Почему стараясь в тщательном трезвении надзирать над нашею мысленною силою, ею право править и ее исправлять, каким другим способом можем мы успеть в сем, как не собрав от вне рассеянный чувствами ум и введши его внутрь, в это самое сердце, которое есть хранилище помыслов? Чего ради и блаженный Макарий, немного ниже после приведенных выше слов говорит: «Там убо должно смотреть, написала ли благодать законы духа». «Там» — где? В главном органе, где престол благодати, и где ум и все помыслы душевные, то есть в сердце.

5. Видишь, как необходимо для тех, кои положили внимать себе в безмолвии, возвращать и заключать ум в теле, наипаче же в том, которое есть внутреннейшее в теле тело, которое мы называем сердцем. Ибо если, по Псалмопевцу, *вся слава дщере царевы внутрь* (Пс. 44, 14), то зачем нам искать ее где-либо вне? Если, по апостолу, *посла Бог Духа Сына Своего в сердца наша, вопиюща: Авва Отче* (Гал. 4, 6), то как нам не в сердцах молиться с Духом сим? Если, по слову Господа, пророков и апостолов, *Царствие Божие внутрь нас есть* (Лк. 17, 21), то не будет ли и вне Царствия Небесного тот, кто так усердно старается изгнать ум изнутри себя во вне?

6. Видишь, что греху ли кто противостоять хочет или добродетель пристяжать и венца за подвиг добродетельный сподобиться, или обрести залог сего венца — чувство духовное, необходимо внутрь тела и внутрь себя возвратить ум? Поставлять же ум не вне телесного мудрования, а вне самого тела, чтоб там он улучал умные созерцания, есть верх еллинского заблуждения, корень и источник их зломыслия, изобретение демонов, матерь невежества, дщерь бессмыслия. Почему говорящие, по наущению бесов, выступают из себя, не понимая и того самого,

что говорят. Мы же не только внутрь тела и сердца, но и внутрь себя самого вводим ум.

7. Не достойны ли потому осуждения те, которые говорят: ум не отделен от души, а соединен с нею, — как же опять вводить его внутрь? Не знают они, как кажется, что иное есть естество ума, а иное его деятельность. Или и знают, но, став произвольно на сторону обольстителей, на созвучии слов строят обманчивые софизмы. Ибо не приемля простоты духовного учения, они, как диалектически изострившиеся в противоречиях, по святому Василию Великому, извращают силу истины противоположениями лжеименного разума, с софистическою убедительностью. Таковыми неизбежно и должны быть те, кои, не будучи духовны, дают себе однако ж свободу рассуждать и учить о духовном. Не безызвестно, конечно, им, что не как глаз, который прочие видимые вещи видит, а себя не видит, так и ум. Но он и прочие вещи, какие нужно, устремляется осматривать, что, как говорит великий Дионисий, бывает по прямому движению ума, а потом в себя возвращается, действуя обратным к себе движением, и себя самого зрит. Тот же отец называет это круговым движением.

8. Но то действие ума лучше и свойственнее ему, в котором он, выше себя иной раз бывая, с Богом соединяется. Ибо ум, говорит Василий Великий, не рассеивающийся по внешним вещам (видишь, что выходит, а выходящий имеет нужду в возвращении; почему говорит), возвращается к себе, от себя же восходит к Богу незаблудным путем. Ибо сему движению ума, как говорит оный незаблудный зритель духовных вещей, святой Дионисий, невозможно впасть в какое-либо заблуждение. Отец прелести, обмана и заблуждения, желающий всегда отводить человека от сего пути и вводить в тот, который совмещает и его прелести, никогда доныне, сколько нам известно, не находил споспешника себе, который постарался бы благими словами привлекать к нему. Ныне же, как кажется, нашел он себе союзников, которые, как ты сам сказал, слагают уже и слова, склоняющие к тому и покушаются убедить всех, что во время молитвы гораздо лучше держать ум вне тела, даже тем, кои без-

молвную избрали жизнь, не стыдясь ниже того, что Иоанн, устроивши нам лествицу возводящую на небо, определительно и решительно высказал, что «безмолвник тот, кто существо бестелесное — душу свою — усиливается удерживать в пределах телесного дома» (Сл. 27, 6). Согласно с ним учили нас и все духовные отцы наши. Ибо если не заключим мы ума внутрь тела, то как сосредоточим его в себе самом?

9. Видишь, брате, что не духовно только, но и вообще человечески рассуждая, необходимейшим делом надо признать, чтоб те, кои возжелали сами себе принадлежать и воистину по внутреннему человеку быть монахами, вводили ум внутрь тела и держали его там. Да и самых новоначальных не неуместно научать, чтоб внимали себе и навыкали вводить ум свой внутрь через дыхание. Ибо того, кто не стал еще созерцательным, никто из добре мудрствующих не будет отклонять от некоторых приемов ко введению ума в себя самого. Так как у тех, кои недавно вступили в подвиг сей, ум, и будучи собираем внутрь, часто отскакивает вовне, и им должно также часто тотчас опять возвращать его внутрь, а он, у не навыкших еще сему делу, ускользает, как крайне подвижный и трудно удерживаемый вниманием в созерцании единого, то некоторые советуют им воздерживаться от частого дыхания, и несколько сдерживать его, чтоб вместе с дыханием и ум удерживать в себе, пока, с Божиею помощью, через навыкновение в сем приучив ум не отходить на окружающее и не смешиваться с тем, сделать его сильным к сосредоточению на едином. Это, впрочем (сдерживание дыхания), как всякий видеть может, следует и само собою за вниманием ума (или сопровождает его); потому что, при усиленном размышлении о чем-либо, дух сей (дыхание) не спешно входит и выходит, особенно у безмолвствующих и телом, и духом. Ибо сии, субботствуя духовно и почивая от всех дел своих, сколько это уместно, приостанавливают разнообразные движения душевных сил, особенно в видах познания, всякие восприятия чувственные и всякое вообще движение тела, в нашей власти состоящее.

10. Все же такое свойственно тем, кои преуспели в безмолвии; ибо когда душа совершенно войдет в саму себя, тогда это по необходимости приходит само собою, без труда и особенной заботы. Новоначальным же ни что из сего не дается без утомительного труда. Хотя терпение следует само собою за любовию: ибо *любы вся покрывает* (1 Кор. 13, 7); но мы научаемся с самопринуждением добре совершать дело терпения, чтоб через него достигнуть любви. Так с ними бывает, и об этом что много говорить? Все, испытавшие дело сие, смеются над теми, кои, не испытав, противные сему пишут уставы. Ибо таким вещам учит не слово, а труд деловой, и от труда опыт, который приносит полезные плоды, отвращаясь от бесплодных слов людей спорливых и любящих показность.

11. Поелику, как некто из великих учителей говорит о сем, по преступлении (по падении) внутренний человек обыкновенно согласуется с внешним (с внешними положениями и движениями), то почему не принять, что тому, кто старается ум свой обратить в себя самого, очень много содействует в сем очей своих, вместо блуждания туда и сюда, вовращение внутрь и установление в груди своей? Как, при обращении очей вовне, через видение вещей ум рассеивается по сим вещам: так, при вовращении очей внутрь, это движение их естественно туда же внутрь сердца повлечет и ум того, кто усиливается дать ему обратное движение, собрав отвне внутрь.

12. *Внемли себе,* говорит Моисей, *да не будет слово тайно в сердце твоем беззакония* (Втор. 3. 15, 9). Внемли себе, то есть всему себе; не так, чтоб одному чему из своего внимать, а другому нет, но всему внимай. Чем внимать? Конечно умом, ибо ничем другим невозможно внимать самому себе всему. Его потому поставь хранителем души и тела, и через это легко избавишься от злых страстей телесных и душевных. Так себе самому предстой, себе самому настой, себя самого надзирай, или лучше, блюди, осматривай и обсуждай. Ибо таким образом ты плоть необузданную подчинишь духу и в сердце твоем никогда не будет тайного слова беззакония.

13. *Аще дух владеющаго,* — то есть злых духов и страстей, *взыдет на тя,* говорит Екклесиаст, *места твоего не остави* (Еккл. 10, 4), — то есть ни одной части души твоей, ни одного члена тела твоего не оставляй не надзираемыми. Ибо таким образом ты и снизу искушающих духов пребудешь победителем, и свыше испытующему сердца и утробы, предварительно сам испытав их, неиспытно предстоять будешь с дерзновением. *Аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были,* говорит святой Павел (1 Кор. 11, 31), и блаженное оное святого Давида испытав чувство (вездеприсутствия Божия: *камо пойду...*) и сам ты скажешь к Богу: *яко тма не помрачится от Тебе, и нощь, яко день просветится: яко Ты стяжал еси утробы моя* (Пс. 138, 12-13) не только, говорит, души моей вожделетельную силу всю соделаю Твоею, но если в теле найдется какая искра такого вожделения, и она к тебе возлетит, к Тебе привержется, к Тебе прилепится. Ибо как в преданных чувственным сластям вожделение души все предается плоти, через что они всецело бывают плоть, и *Дух Божий не имать пребывати в них* (Быт. 6, 3): так и в устремивших ум свой к Богу и душу привергших к вожделению Божественного, и плоть, перенастроившись, возвышается вместе с ним и вкушает Божественного общения, через что и она бывает стяжанием и домом Божиим, перестает уже иметь в себе живущею *вражду на Бога и похотствовать на духа* (Рим. 8, 7; Гал. 5, 17).

14. Какое более удобное место для духа, снизу на нас нападающего, плоть или ум? Не плоть ли, в коей, как и апостол говорит, *не живет ничто доброе* (Рим. 7, 18), пока не воспримется человеком *закон духа жизни* (Рим. 8, 2)? Ее потому наиболее не должно оставлять без внимания. Иначе как она будет нашею? Как удержим ее за собою? Как отразим подступы к ней лукавого, особенно когда узнаем, как духовно противодействовать духам злобы, если и внешними приемами не научим себя внимать себе? И это говорю я не о новоначальных только, когда и из совершенных были такие, которые пользовались такими приемами во время молитвы, и были услышаны Богом, не только после Христа, но и прежде пришествия Его к нам. Ибо

и самый совершенный в Боговидении Илия, *преклонися на землю и положи лице свое между коленома своими* (3 Цар. 18, 42), и, тако ум свой собрав в себя и к Богу привергнув, прекратил многолетнее оное бездождие.

15. Эти же, от которых, как говоришь, слышал ты противное сему, мне кажется, брате, болеют фарисейскою болезнью, почему не хотят *внутреннее сткляницы* (Мф. 23, 26), то есть сердце свое, надзирать и очищать, и не согласуясь с отеческими преданиями, покушаются сами по себе председательствовать над всеми, как новые учители, смиренного положения внешнего, какое имел во время молитвы мытарь оправданный, не допуская и других убеждая не принимать его, когда молятся. Ибо, как говорит Господь в Евангелии: *мытарь же издалеча стоя не хотяше ни очию возвести на небо* (Лк. 18, 13); то ему подражать ревнуют во внешнем виде и которые внимают себе во время молитвы. Называющие же их амфалопсихами (такими, у коих душа в пупке), называют так, очевидно, в насмешку над тем, в чем ложно их обвиняют. Ибо кто же из них самих говорит, что душа в пупке? Этим они показывают, что суть явные злостные клеветники, поносители достойных похвалы мужей, а не исправители заблудших, и пишут не истины ради, а из тщеславия, и не для того, чтоб приводить к трезвению, а чтоб отводить от него. Ибо самое сие дело и тех, кои ему прилежат, всяким образом они стараются унизить за внешний прием, какой те при сем употребляют. Таковые и того, кто сказал: *закон Твой посреде чрева моего* (Пс. 39, 9), и того, кто рек к Богу: *чрево мое аки гусли, возгласит, и внутренняя моя аки, стену обновил еси* (Ис. 16, 11), готовы назвать *килиопсихами* (коих душа в чреве), и вообще порицать всех тех, которые телесными положениями и движениями изображают мысленное, Божественное и духовное. Но им они никакого не причиняют вреда, а, напротив, будут для них виновниками ублажения и приумножения венцов на небесах; сами же останутся вне священных завес и даже на тень истины взглянуть не удостоятся. И бояться надо очень, что они вечному подвергнутся наказанию за то, что не только отступили от святых, но и нападали на них словом.

16. Жизнь Симеона, Нового Богослова, конечно, ты знаешь: диво был он для всех и прославился сверхъестественными чудесами; писания же его кто назовет писаниями жизни, не погрешит против истины. Знаешь также и Никифора, оного преподобного, который много лет проживши в тишине и безмолвии, потом в пустыннейших святой горы местах поселившись, принял на себя труд извлечь из словес святых отцов и нам передать их правило священного трезвения. Тут для произволяющих ясно излагается дело трезвения, против чего, как говоришь, некоторые восстают.

17. И зачем приводить мне древних отцов? Мужи, незадолго пред нами жившие, свидетельствованные и проявленные силою Духа Святого, все сие устно передали нам: богослов сей, яко воистину богослов, верный зритель истины Божиих таинств; Феолипт оный, досточтимый предстоятель церкви Филадельфийской, и из нее, как от светильника, весь мир освещавший; Афанасий, который немало лет украшал Патриаршеский престол, и которого раку мощей почтил Бог; Нил, что из Италии, ревнитель великого Нила; Селиот и Илия, ни в чем ему не уступающие; Гавриил и Афанасий, пророческого дара сподобившееся. Все они и многие другие прежде них, с ними и после них жившие, хвалят сие предание, и желающих убеждают принимать его, несмотря на то, что новые учители безмолвия, и следа безмолвия не видавшие, и не от опыта, а от своего смышления учащие, или лучше, болтающие о нем, покушаются отвергать и уничижать, без всякой для слушающих пользы. А мы с некоторыми из тех святых лично беседовали, и учителями их имели. Как же посмеем мы этих, опытом и благодатию наученных, ни во что поставив, уступить тем, от надмения в сплетении хитрых словес учить дерзающим?

18. И ты отвратись от них, разумно говоря себе с Давидом: *благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его* (Пс. 102, 1); и отдавая себя в послушные ученики отцам, слушай, как они настоятельно внушают всегда вводить ум внутрь и там его держать.

О МОЛИТВЕ И ЧИСТОТЕ СЕРДЦА, ТРИ ГЛАВЫ

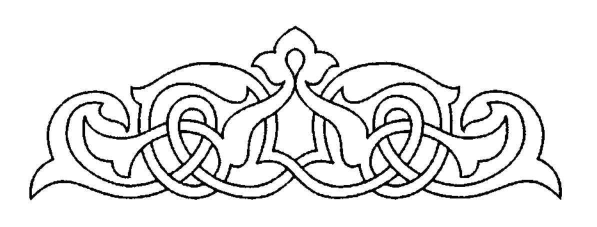
1. Поелику Бог есть сама благость, само милосердие и бездна благоволения, то кто вступит в единение с Ним, всяко сподобляется милосердия Его. Соединяются же с Ним стяжанием богоподобных добродетелей, сколь сие возможно, и богообщительною молитвою и молением. Но общение через добродетели богоподобные делает тщаливого о сем ревнителя способным к приятию Божественного единения, однако ж, не производит его; молитва же сильная, священнодействуя, совершает простертие человека к Богу и соединение с Ним, по существу своему будучи союзом разумных тварей с Создателем их, когда действо молитвы через теплое умиление и сокрушение превзыдет страсти и страстные помыслы. Ибо уму, пока он страстен, невозможно соединиться с Богом. Почему, пока он таков бывает, молясь, не улучает он милости Божией. Но поскольку отревает он страстные помыслы, постольку бывает причастен плача и сокрушения. Соответственно же сокрушению и умилению сподобляется он и милостивого утешения, и долгое пребывая время в сих чувствах со смирением, переустраивает наконец вожделетельную силу души.

2. Когда единичный ум бывает тройственным, пребывая единичным, тогда он соединяется с богоначальною Троическою единицею, затворяет всякий вход прелести, погрешению и заблуждению, и становится выше плоти, мира и миродержителя. Избегши таким образом сетей их, всецело пребывает он в себе и в Боге, вкушая источающееся изнутри духовное радование. Бывает же единичный ум тройственным, пребывая единым в возвращении к себе самому и в восхождении через себя к Богу. Возвращение ума к себе есть хранение себя, а восхождение его к Богу производится молитвою. Когда кто пребудет в сей собранности ума и в таком его простертии к Богу, тогда, сильным самопринуждением утесняя быстротечность своих мыслей, мысленно приближается он к Богу, встречает неизреченное, вкушает будущего века и духовным чувством познает, сколь благ Господь, как и Псалмопевец говорит: *вкусите и*

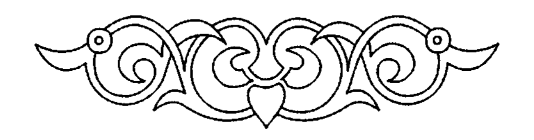
видите, яко благ Господь (Пс. 33, 9). Поставить ум в состояние тройственности, чтоб он, один и тот же сущи, и хранил, и храним был, и молитву деял, может быть, не очень трудно, но долгое время пребывать в сем состоянии, порождающем неизреченное нечто, крайне трудно. Труд над всякою другою добродетелью мал и очень сносен сравнительно с этим. Почему многие, отказываясь от тесноты молитвенной добродетели, не улучают просторности дарований; а претерпевающие это сподобляются величайших Божественных заступлений, которые дают им силу удобно все поднимать и переносить, и с удовольствием простираться в предняя, делая для них трудное легким, и ангельскую, так сказать, естеству нашему сообщая силу совершать, что выше естества, по слову пророка: *терпящии Господа изменят крепость, окрылатеют, яко орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут* (Ис. 40, 31).

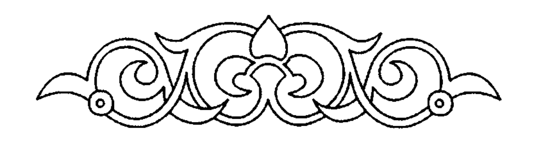
3. Умом называется и деятельность ума, состоящая в мыслях и разумениях; ум есть и производящая сие сила, называемая в Писании еще и сердцем. По сей силе ума, главнейшей между нашими силами, сущая в нас душа есть мысляща. В упражняющихся в молитве действо ума состоит в помышлениях (в богомыслии) и очищается удобно; порождающая то душа не очистится, если вместе не очищаются и все другие силы ее. Ибо душа есть нечто единое, имеющее много сил, почему она вся оскверняется, в какую бы из сущих в ней сил не вкралось зло, потому что они все состоят в общении с сею единою, по единству души. Поелику каждая из сил разные проявляет действия, то возможно, что, по особенному вниманию и тщанию, какое-либо из сих действий временно окажется чистым, но из сего нельзя заключать, чтоб и вся сила была чиста, потому что, состоя в общении с другими, она, может быть, более нечиста, чем чиста. Таким образом, по особенному вниманию и тщанию во время молитвы, чистым явивший действие ума и просветившийся мерно или светом разумения, или умным озарением (созерцанием), если посему почтет себя очистившимся, прельщает себя, впадши в ложь, и самомнением широко растворяет в себе дверь тому, кто всегда покушается прельщать нас. Если

же он, зная нечистоту своего сердца, не вознесется мерною и как бы случайною оною чистотою, то при помощи ее яснейше узревает и других сил душевных нечистоту, преуспевает в смирении, прибавляет плача и сокрушения и приискивает целесообразные врачевства для каждой силы душевной, очищая деланиями деятельную свою часть, познаванием мысленную, молитвою созерцательную, и через них достигая истинной, совершенной и прочно установившейся чистоты сердца и ума, которая не стяжавается никем никогда иначе, как совершенством в действовании, постоянным сокрушением, созерцанием и молитвою в созерцании.



КАЛЛИСТ
ПАТРИАРХ
И СПОДВИЖНИК ЕГО
ИГНАТИЙ
КСАНФОПУЛЫ

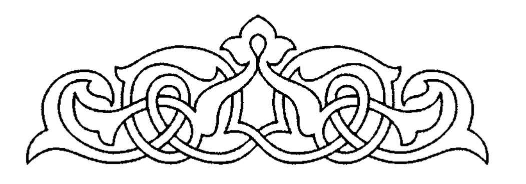




КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПАТРИАРХЕ КАЛЛИСТЕ И СПОДВИЖНИКЕ ЕГО ИГНАТИИ КСАНФОПУЛАХ

Каллист, первый патриарх Константинопольский, Ксанфопул, процветал при Андронике Втором из Палеологов (1360 г.). Память его 22 ноября. Научившись подвижничеству у святого Григория Синаита, которого потом и житие описал пространно, – проводил подвижническую жизнь на святой Афонской горе, в скиту Магула, лежащем против монастыря Филофея. Жил он с сотаинником своим Марком целых двадцать восемь лет. Но и с Игнатием, тоже Ксанфопулом, был столь дружествен, что, казалось, одна душа была в них обоих. Сделавшись потом патриархом и отправясь в Сербию с клиром для умиротворения тамошней церкви, проходил он через Святую Гору, где Максим Капсокаливит предсказал скорую ему кончину, говоря: старец сей не увидит более своей паствы, ибо позади его слышится уже надгробная песнь: *«Блажени непорочнии в пути...»* Прибыв в Сербию, он действительно переменил жизнь тленную на нетленную.

О сих двух великих подвижниках Симеон Солунский, рассуждая о молитве Иисусовой, говорит такими словами: «В наши дни о сей молитве превосходно написали Духом движимые богоносные отцы Каллист, патриарх нового Рима, и содушный ему сподвижник, преподобный Игнатий, в книге, богомудро ими составленной, излагая полное и совершенное о ней познание. Они были отраслями царствующего града, и все оставив, сначала девственно и монашески пожили в послушании (в обители), а потом вдвоем неразлучно проводили воистину небесную подвижническую жизнь, едино во Христе пребывая, как Сам Христос молился о нас к Отцу (см. Ин. 17, 11), и мир, какого святой Павел благожелал ученикам своим (см. Флп. 4, 7), соблюдши в совершенстве, мирно преставились в иную жизнь, где вышний вкушают мир, чистейше созерцая Иисуса, Коего вседушно возлюбили и взыскали, и едино с Ним пребывая, и светом Его сладчайшим ненасытно наслаждаясь: чего залог они еще здесь стяжали, очистившись через созерцание и делание и небесного сподобившись просвещения, коего отблеск виден был и на лицах их, как на лице Стефана» (Гл. 295).



ИНОКОВ КАЛЛИСТА И ИГНАТИЯ КСАНФОПУЛОВ НАСТАВЛЕНИЕ БЕЗМОЛВСТВУЮЩИМ

В СОТНЕ ГЛАВ

1) О нужде научать друг друга добру

Нам, которые яко чада Света и наследники Божии, сонаследники же Христовы, по обетованию Божественному должны быть научаемы Самим Богом (см. Ин. 6, 45), носить неизреченно в сердце яснее пламени написанным Новый Завет и управляться благим и правым Духом, надлежало бы жить ангелоподражательно и никакой не иметь нужды, чтоб кто-либо научал нас: *познай Господа* (Иер. 31, 34). Но как ныне с одной стороны — наше с детства отклонение от доброго и уклонение к худому, с другой — обольщение и непримиримая вражда против нас лютого велиара научают нас, отвратившись от спасительных и боготворных заповедей, носиться по душепагубным стремнинам, и, что всего плачевнее, возбуждают нас против самих себя и мудрствовать, и действовать, до того, что, по слову Божию, *несть разумеваяй или взыскаяй Бога,* и мы все, уклонившись от правого пути, стали неключимы (Пс. 13, 2-3), плотяны и безблагодатны, то крайнюю имеем нужду во взаимном друг друга направлении к добру и содействию в том.

2) Указывается, что настоящее наставление пишется по просьбе некоего брата и в исполнение заповеди отеческой; испрашивается помощь Божия себе к написанию, а читающим к уразумению и исполнению того

Так как ты, движимый по слову Господню желанием испытывать Божественные животворные Писания и посвященным соделаться в таинства их непогрешительно, часто просил и у нас неключимых слова и писанного правила на пользу себе, а, может быть, и другим, как сам говоришь, то мы, если не преж-

де, то теперь должным сочли исполнить с Божиею помощью, похвальное желание твое, забыв из любви к тебе и пользы ради твоей о нашей совоспитаннице — лености и, тебе подражая в твоем рвении к добру и твоем неутомимом трудолюбии, чадо наше духовное и возлюбленнейшее, паче же всего устрашившись Божия осуждения, которым угрожается всякому, скрывающему талант свой, а при этом и заповедь отеческую желая исполнить, которою заповедали нам отцы наши и учители духовные, чтоб мы и другим боголюбивым вверяли то, чему от них научились. Бог же, Отец любви и всех вообще благ всещедрый раздаятель, дававший слово и скотам несмысленным, да дарует нам, нескорым и немотствующим, благопотребное слово во отверзение уст наших, на пользу слышащих, тебе же и прилучающимся, по слову своему, да приложит ухо мудро и разумно слушать сие, и, как Ему любезно, неуклонно жительствовать по сему: ибо без Него, как написано, не можем мы делать ничего душеполезного и спасительного и: *аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии* (Пс. 126, 1).

3) Программа предлежащего наставления

Поелику всяким делом заправляет цель, цель же у нас та, чтоб по силе нашей высказать все, что может способствовать к твоему преуспеянию, а у тебя та, чтоб по тому, что будет сказано, в точности направить жизнь свою, то прежде всего другого надобно уяснить, на что в полноте домостроительства Христова взирая, можем мы верно и основание зданию жизни положить, и здание ее совершить, и в свое время, или как поможет Бог, подобающий возложить на него кров, — все архитектонством Духа (перифраз, ибо темна речь).

4) Основное начало наставления

Основное начало нашего с Божиею помощью наставления кратко совмещается в следующем положении: надобно всячески и всеусильно стараться жить по законоположению всех боготворных заповедей Спасителя; чтоб через соблюдение их взойти опять к тому совершенному духовно-благодатному возображению и воссозданию, какое в начале туне даровано нам

было во святой купели, или если угодно тебе так определить сей дар, чтоб, отложив ветхого Адама с деяниями и похотями его, облещися в нового и духовного, который есть Господь Иисус Христос, как говорит Божественнейший Павел: *чадца моя, имиже паки болезную, дондеже вообразится Христос в вас* (Гал. 4, 19); и: *елицы бо во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27).

5) Слава благодати святого крещения; и что омрачает ее, и что восстановляет

Какая же это благодать, и как мы сподобляемся ее, что омрачает ее и что возочищает, сие объяснит тебе, паче всякого злата душою и словом блестящий святой Златоуст, говоря: «*Славу Господню взирающе, в тойже образ преобразуемся* (2 Кор. 3, 18). Это было яснее для верующих времен апостольских, когда действовали дарования чудес; впрочем, кто имеет очи веры, тому и ныне нетрудно уразуметь сие. Вместе с тем, как мы крещаемся, душа наша, очищенная Духом, делается светлее солнца; и мы не только бываем способны смотреть на славу Божию, но еще и сами получаем от нее некоторое сияние. Как чистое серебро, лежащее против солнечных лучей, и само испускает лучи не только от собственного естества, но и от блеска солнечного: так и душа, очищенная Духом Божиим и сделавшаяся блистательнее серебра, и в себя принимает луч от славы Божией, и от себя отражает луч той же славы. Посему и говорит апостол: *взирающе славу Господню, в тойже обра́з преобразуемся,* от славы в славу, то есть *от славы Ду*ха в славу нашу, в нас вселяющуюся, и притом в такую славу, какой подобает быть от Господня Духа».

Спустя немного продолжает он: «Хочешь ли, я покажу тебе это яснее и чувствительнее на апостолах? Помысли о Павле, коего и одежда имела чудное действие; вспомни о Петре, коего и тень обнаруживала чудодейственную силу. Если б они не носили в себе образа Царя Небесного и не были неприступны блистания их, то одежды их и тени не обнаруживали бы такой силы: ибо одежда Царя страшна и для разбойников. Хочешь ли видеть, как и сквозь тела проникает внутренний свет их? *Воз-*

зревше на Стефана, говорит книга Деяний, *видеша лице его, яко лице Ангела* (6, 15). Но это еще ничего в сравнении с внутри его сиявшею славою. Ибо что Моисей тогда имел на лице своем, то они носили в душе своей. И еще гораздо большее того: ибо бывшее у Моисея было более чувственно, а это духовно. И как тела, имеющие способность принимать и отражать свет, освещаясь телами самосветящимися, и сами отражающийся в них свет разливают на другие ближайшие к ним тела: так бывает и с верными. И поэтому-то испытывающие сие отрешаются от земного, и помышляют об одном небесном. Но, увы! прилично нам при сем горько восстенать, что такого сподобляясь благородства, мы не понимаем даже, что говорится о нем, потому что скоро теряем его и уклоняемся к чувственному. Сия неизреченная и страшная слава бывает в нас один или два дня, а потом мы погашаем ее, наводя бурю житейских дел и густотою облаков их отражая лучи ее» (Беседа 7 на Второе послание к Коринфяном).

В другом негде месте говорит он: «Тела угодивших Богу в такую облекутся славу, какой даже и видеть нельзя этими (настоящими) глазами. Некоторые сего знамения и неясные следы благоволил Бог дать и в Ветхом, и в Новом Завете. Там лице Моисеево такою осиялось славою, что было неприступно для очей израильтян; а в Новом еще гораздо более просияло лице Христово.

Выслушал ты теперь глаголы Духа? Уразумел силу таинства? Познал, каковы болезни совершенного нашего от святой купели духовного возрождения? Каковы плоды его, полнота и победные почести? И насколько в нашей власти состоит умножить или умалить сию преестественную благодать, то есть проявить или затмить? Затмевают ее — буря житейских забот и от них рождающийся мрак страстей, кои, наподобие вихра или дикого потока нападая на нас и душу потопляя, не дают ей ни отдохнуть, ни воззреть на то, что истинно добро и блаженно, для чего она и создана, но всю ее, избитую и измученную волнами и дымом сластей чувственных, омрачают и погружают в непотребства. Проявляет же ее противное сему, то, что ограждается от боготворных заповедей, и для тех, кои не по плоти ходят, но по духу: ибо говорится, *Духом ходите и похоти плотския*

не совершайте (Гал. 5, 16), душеполезно и спасительно возводя их, как по лествице, на самый верх совершенства, на самую последнюю из степеней его — в любовь, которая есть Бог.

6) Во святом крещении мы туне приемлем Божественную благодать; когда же закрываем ее страстьми, то опять возочищаем исполнением заповедей

В Божественных ложеснах, то есть в священной купели, всецело совершенную Божественную благодать приемлем мы туне. Если же после того как-нибудь, по злоупотреблению вещами временными и по многозаботливости о делах житейских, закроем ее мглою страстей, то можно и после сего через покаяние и исполнение заповедей богодейственных опять восприять и снова стяжать преестественную ее светлость и увидеть наияснейше проявление ее. Проявление ее открывается по мере ревности каждого быть верным вере, но паче сего помощью и благоволением Господа Иисуса Христа, как говорит святой Марк: «Христос, яко Бог совершенный, совершенную даровал крестившимся благодать Святого Духа, которая никакого от нас не получает прибавления, а только открывается и проявляется в нас соответственно исполнению заповедей, и приложение веры подает нам, *дондеже достигнем вси в соединение веры... в меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13). Почему, если что приносим мы после того, как возродимся в Нем, то и это Им и из Него было уже сокрыто в нас».

7) Живущему по Богу надо все заповеди проходить, но большую часть деятельности уделять первейшим из них, яко породительницам прочих

Итак, поелику, как мы сказали, начало и корень всего свойственного нам действования есть, чтобы жить по спасительным заповедям, предел же и плод (чаемый от сего) есть, чтобы опять востещи к дарованной нам вначале через крещение совершенной благодати Святого Духа, которая хотя все еще в нас есть (ибо *нераскаянны дарования Божия,* как говорит апостол. — Рим. 11, 29), но загромождена страстьми и открывается только через исполнение богодейственных заповедей: то надлежит

нам всячески стараться через всеусильное исполнение всех таких заповедей возочистить сущую в нас благодать Духа, привести ее в явление и наияснейше увидеть, *Светильник ногама моима,* говорит блаженный Давид к Богу, *закон Твой и свет стезям моим* (Пс. 118, 5); и: *заповедь Господня светла просвещающая очи* (Пс. 18, 9); и: *ко всем заповедем Твоим направляхся* (Пс. 118, 128). Возлежавший на перси Господа говорит: *соблюдаяй заповеди Его, в Нем пребывает, и Той в нем* (1 Ин. 3, 24); и: *заповеди Его тяжки не суть* (1 Ин. 5, 3). И Сам Господь учит: *имеяй заповеди Моя, и соблюдаяй их, той есть любяй Мя: а любяй Мя, возлюблен будет Отцем Моим: и Аз возлюблю его, и явлюся ему Сам* (Ин. 14, 21); и: *аще кто любит Мя, слово Мое соблюдет: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим* (там же, ст. 23); и: *не любяй Мя, словес Моих не соблюдает* (там же, ст. 24).

Наипаче заботиться должно о первейших из сих заповедей и источных, кои суть как бы матери прочих, и им наибольшую посвящать часть действования. Ибо сим образом, с Божиею помощью, мы непреткновенно достигнем и цели предположенного в начале доброго действования, и конца стремления нашего, то есть проявления в нас благодати Святого Духа.

8) Начало всякого Богу угодного действования есть с верою призывание спасительного имени Господа нашего Иисуса Христа, и с ним воссиявающие из Него мир и любовь

Начало всякого Боголюбезного действования есть с верою призывание спасительного имени Господа нашего Иисуса Христа, так как Он Сам заявил: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5), и с сим призыванием мир и любовь: мир, ибо *молитися подобает,* как говорит апостол, *без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8); любовь, ибо *Бог любы есть, и пребываяй в любви в Бозе пребывает, и Бог в нем* (1 Ин. 4, 16). Сии же — мир и любовь — не только благоприятною делают молитву, но и сами опять из сей молитвы рождаются и воссиявают, как неразлучные Божественные лучи, и возрастают, и в совершенство приходят.

9) Каждым из сих трех и всеми тремя вместе подается нам обилие всех благ

Каждым из сих трех и всеми тремя вместе подается нам и множится в нас обилие всех благ. Ибо с верою призыванием имени Господа нашего Иисуса Христа твердо надеемся мы получить милость и жизнь истинную, в Нем сокровенную, кои при частом возглашении внутри сердца имени Господа нашего Иисуса Христа источаются из него, как из некоего Божественного источника приснотекущего. Превосходящим всякий ум и никакого предела не имеющим, миром сподобляемся примирения с Богом и друг с другом. Любовию, коей хвала несравненна, так как она есть конец и глава закона и пророков, так как и Бог именуется любовию, всецело сочетаваемся с Богом, при упразднении греха нашего правдою Божиею и предивно через любовь действующем в нас благодатном сыноположении. *Зане любовь покрывает множество грехов* (1 Пет. 4, 8); любы вся покрывает, всему миру емлет, вся уповает, вся терпит, любы николиже отпадает (см. 1 Кор. 13, 7).

10) И Господь наш Иисус Христос в дни спасительной страсти их оставил ученикам Своим, как окончательные заповеди и наследие Божественное, также и по Воскресении

Почему и Сам всеблагий и сладчайший Господь наш Иисус Христос, и когда приблизился к вольному за нас страданию Своему, и когда явился апостолам по Воскресении, и еще когда имел взойти ко Отцу Своему по естеству и нашему по благодати, яко истинный и чадолюбивый Отец, оставил их всем своим, как последние некие заповеди и сладостные утешения, как дорогие и верные, так сказать, залоги, лучше же, как Богом подаемое наследие. Когда настало спасительное Его страдание, Он явил сие в следующих сказанных ученикам словах: *аще чесо просите во имя Мое, Аз сотворю* (Ин. 14, 14); и: *аминь, аминь глаголю вам, яко елика аще чесо просите от Отца во имя Мое даст вам. Доселе не просисте ничесоже во имя Мое: просите и приимите, да радость ваша исполнена будет* (Ин. 16, 23-24). Опять по воскресении говорил Он им: *знамения* верующим *сия*

последуют: именем Моим бесы ижденут, языки возглаголют новы и проч. (Мк. 16, 17 и д.). Согласно с сим возвещает и наперсник, Иоанн Евангелист: *многа же и ина знамения, сотвори Иисус пред ученики своими, яже не суть писана* в книзе сей. *Сия же писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос Сын Божий, и да верующе живот имате во имя Его* (Ин. 20, 30-31). И святой Павел апостол: *о имени Иисусове всяко колено поклонится* и проч. (Флп. 2, 10). И в апостольских Деяниях написано: *тогда Петр исполнився Духа Свята, рече: разумно буди всем вам и всем людем Израилевым, яко во имя Иисуса* Христа *Назорея, Егоже вы распясте, Егоже Бог воскреси от мертвых, о сем сей стоит пред вами здрав.* И немного спустя: *и несть ни о едином же ином спасения: несть бо иного имене под небесем данного в человецех о немже подобает спастися нам* (Деян. 4, 8-12). И опять Спаситель: *дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мф. 28, 18). Это же явно и из того, что Богочеловек Господь сказал апостолам прежде креста: *мироставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27); и: *сия* глаголю*, да во Мне мир имате* (Ин. 16, 33); и: *сия есть заповедь Моя, да любите друг друга* (Ин. 15, 12); и: *о сем разумеют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою* (Ин. 13, 35); и: *якоже возлюби Мя Отец, и Аз возлюбих вас: будите в любви Моей. Аще заповеди Моя соблюдете, пребудете в любви Моей: якоже Аз заповеди Отца Моего соблюдох, и пребываю в Его любви* (Ин. 15, 9, 10). И опять по Воскресении в разные времена часто видится Он дающим мир, являяся своим и говоря: *мир вам* (Ин. 20, 21). Петру же апостолу, которому вверил и первенство над учениками, до трех раз говорил Он: если любишь Меня, Петре, паче других, *паси овцы Моя* (Ин. 21, 17), показывая тем, что вверение попечения о пастве есть некое воздаяние за горячайшую любовь к самому Господу Иисусу Христу. Недалеко будет от нашей цели или предмета нашего и то, если кто скажет, что от только что показанных трех добродетелей рождаются нам другие три дивные плода, именно: очищение души, просвещение и зрелость духовная.

11) В сих трех совмещены все добродетели

Если кто захочет со всем вниманием до точности исследовать, то найдет, что на этой треплетной и нерасторжимой верви висит из всех добродетелей Богом сотканная порфира. Ибо жизнь по Богу есть некая драгоценная златоиспещренная цепь, в коей одна добродетель тесно сочетается с другою и все сгармонировываются воедино: так как все они одно дело устрояют, — именно то, что обожают человека, искренно в них живущего, обогащая его как бы соединительными кольцами, — этим сладчайшего имени Господа нашего Иисуса Христа, с верою, если же хочешь, и с надеждою и смирением, спасительным призыванием, а также обогащая миром и любовию, кои суть воистину богонасажденное трехстебельное древо жизнеподательное, которого благовременно касающийся и как подобает причащающийся, не смерть, как первозданный, а жизнь непрестающую и вечную собирает.

12) Дар и присещение Святого Духа подается верным от Бога Отца о Христе Иисусе и о святом имени Его

Еще же и Святого Духа дар и присещение подается верным от Бога Отца о Христе Иисусе и о святом имени Его, как Сам преБожественный и душелюбивый Господь Иисус Христос говорит апостолам: *уне есть вам, да Аз иду: аще бо не иду Аз, Утешитель не приидет к вам: аще ли же иду, послю Его к вам* (Ин. 16, 7); и: *егда же приидет Утешитель, Егоже Аз послю вам от Отца, Дух истины, иже от Отца исходит* и проч.... (Ин. 15, 26); и опять: *Утешитель же Дух Святый, Егоже послет Отец во имя Мое* (Ин. 14, 26).

13) Святыми отцами и с живущим в них Духом Святым преподобно определено молиться нам Господу нашему Иисусу Христу и у него просить милости

Посему очень премудро славные руководители наши и наставники, и с живущим в них Духом Святым, и всех нас, паче же тех, кои возжелали вступить на поприще боготворного безмолвия, Богу себя посвятить и, отторгшись от мира, разумно

безмолвствовать, научают преимущественно пред всяким другим деланием и попечением Господу молиться и у Него просить милости с несомненным упованием, непрестанным имея делом и занятием призывание всесвятого и сладчайшего имени Его, всегда нося Его в уме, в сердце и в устах, и всячески понуждая себя в Нем и с Ним и дышать, и жить, и спать, и бодрствовать, и ходить, и есть, и пить, — и все вообще, что ни делаем, так делать. Ибо как при отсутствии Его стекается к нам все зловредное, не оставляя места ничему душеполезному: так, при Его присутствии, все противное отгоняется, ни в чем добром не бывает недостатка и все является возможным для исполнения, как и Сам Господь наш возвещает: *иже будет во Мне и Аз в нем, той сотворит плод мног: яко без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Сие убо страшное для всякой твари и досточтимое имя, паче всякого имени, с верою призвав, и мы недостойные смело подымем с помощью Его ветрила настоящего слова и начнем простираться в предняя.

14) Тому, кто возжелал непадательно шествовать о Господе путем безмолвия, паче всего надлежит со всецелым от всего отречением избрать и совершенное повиновение

О имени великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, рекшего: *Аз есмь свет*, и живот, и истина, путь и дверь ко Отцу (Ин. 8, 12; см. 14, 6); и: *Мною аще кто внидет, спасется, и внидет, и изыдет, и пажить обрящет,* конечно, спасительную (Ин. 10, 9-10) внемли тому, что мы говорим и искренно тебе советуем. Прежде всего, избери себе со всецелым, по Божественному слову, отречением и совершенное повиновение непритворное. Для сего со всем усердием взыщи и постарайся найти себе руководителя и учителя непрелестного (непрелестность его да будет в представление им в подтверждение того, что говорит свидетельства из Божественного Писания), духоносного, сообразную с словами своими и жизнь ведущего, высокого в умозрении, смиренного в мудровании о себе, во всем добронравного и вообще такого, каким, по богопреданным словесам, надлежит быть Христову учителю.

Нашедши же такого, и к нему как к родному отцу сын отцелюбивый прилепившись телом и духом, пребывай с того времени весь в его повелениях и с ним во всем согласуйся, смотря на него, как на Самого Христа, а не как на человека, и всякое от себя отгоняя неверие и сомнение, равно как и всякое свое мудрование и самоохотное хотение; шаг за шагом последуй за учителем своим, как зеркало какое, как свою совесть имея это нерассуждающее полное ему послушание. Если же иной раз что-либо противное сему подсеет в ум твой враждебный всему доброму диавол, как от блуда и как от огня, отскочи от того, так премудро говоря к себе против влагающего такие мысли прельстителя: не руководимый руководящего, а руководящий руководимого руководит; не я его, начальствующего, а он мой взял на себя суд (мою вину); не я его, а он моим состоит судьею, по святому Лествичнику, и подобное (Сл. 4). Для того, кто восприял намерение расторгнуть рукописание своих прегрешений и сподобиться быть вписану в Божественную книгу спасаемых, нет вернейшего к тому способа, как такой образ жизни, то есть послушание. Ибо, если, по блаженному Павлу, Сын Божий и Бог наш, Господь Иисус, ради нас став подобным нам и премудро устрояя отческое о нас благоволение, видится протекающим сей путь (послушания) и через него сподобляется отчего за благоугождение Ему по человечеству прославления; ибо *смирил Себя,* говорится, *послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя; темже и Бог Его превознесе, и дарова Ему имя, еже паче всякаго имене* и проч. (Флп. 2, 8-9): то кто же осмелится дерзко, чтоб не сказать несмысленно, надеяться, что сподобится славы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и отеческих воздаяний, не избрав шествовать тою же с Вождем и Учителем нашим Иисусом Христом стезею. Ибо ученику, если у него есть забота быть, как учитель, надлежит неуклонно со всем рвением душевным, как например и первообраз наилучший, смотреть на жизнь и дела руководителя своего и понуждать себя во всем всегда подражать ему. Так и о самом Господе нашем Иисусе Христе написано, что Он *бе повинуяся* отцу и матери Своей (Лк. 2, 51); и Сам о себе Спаситель говорит: не приидох, да послужат Мне, но послужити (см. Мф. 20, 28).

После сего, возможно ли о том, кто живет иначе, без руководителя, самоугодливо и самовольно, думать, что он живет Божественною жизнию, согласно с Словом Божиим? Никак отнюдь. И Лествичник говорит: «Как идущий без проводника легко сбивается с пути и заблуждается, так самочинно проходящий монашескую жизнь легко погибает, хотя бы он знал всю мудрость мирскую». Почему многие очень, чтобы не сказать все, из тех, кои шествуют не путем послушания и без совета, хотя по труду своему и поту мечтают, как во сне, будто сеют много, но по истине нажинают весьма немного; некоторые же вместо пшеницы — увы! — пожинают плевелы, как устрояющие жизнь свою самочинно по самоугодливому мудрованию, чего хуже ничего нет. О сем свидетельствует святой Лествичник, так пиша: «Вы, которые решились вступить на поприще сего мысленного исповедничества; вы, которые хотите взять на выю свою иго Христово; вы, которые отселе желаете сложить бремя свое на выю другого, которые стремитесь добровольно продать себя в рабство, чтобы в замену оного получить истинную свободу; вы, которые преплываете великую сию пучину, будучи поддерживаемы руками других: знайте, что вы покусились идти путем кратким, хотя и жестким, на котором одна только есть стезя, вводящая в заблуждение, называемая самочинием. Кто совершенно отвергся самочиния, тот всего, что почитает добрым, духовным и богоугодным, уже достиг, прежде нежели вступил в подвиг, потому что послушание есть неверование себе самому во всем добром, даже до конца жизни своей» (Сл. 4, п. 5).

Посему и ты, разумно познав сие и благой неотъемлемой части небошественного безмолвия возжелав подвижнически обучиться, последуй добре установленным законам, как тебе показано, и во-первых, обязательно обыми послушание, а потом и безмолвие. Ибо, как деяние есть ступень к созерцанию, так послушание — к безмолвию. Не покушайся же прелагать пределы, которые положили отцы, как написано (см. Притч. 22, 28); помни и то, что *горе единому* (Еккл. 4, 10). Положив таким образом доброе начало основанию, с продолжением времени возложишь ты и славный покров на духосозидательное свое здание.

Ибо, как у кого начало не искусно, у того, как сказал некто, и все не терпимо; так, напротив, у кого начало искусно, у того и все благолепно и благочинно, хотя случается иной раз и противное сему, что, впрочем, от нашего произволения бывает.

15) Какие признаки истинного послушания, кои имея, истинный послушник мог бы послушничествовать без падений

Но поелику о сем образе жизни многое нам и не удобь сказаемое слово; почему и проходящие ее проходят различно, то надобно указать тебе некоторые отличительные черты ее, как признаки, которых держась, как правила и отвеса, мог бы ты жительствовать с непогрешительною исправностью. И се говорим тебе, что истинному послушнику всенеобходимо, как нам кажется, должно соблюдать следующие ***пять добродетелей***; во-первых, ***веру*** — чистую и нелестную веру настоятелю (руководителю) своему в такой мере, чтоб смотрел на него, как на Самого Христа и как Христу повиновался ему, как говорит Господь Иисус: *слушаяй вас Мене слушает, и отметаяйся вас, Мене отметается; отметаяйся же Мене, отметается Пославшего Мя* (Лк. 10, 16); и как учит апостол: *всяко еже не от веры, грех есть* (Рим. 14, 23). Во-вторых, ***истину,*** то есть чтоб истинствовал в деле и слове, и в точном исповедании помыслов; ибо написано: *начало словес твоих истина* (Пс. 118, 160), и: *истины* взыскует *Господь* (Пс. 30, 24). И Христос говорит: *Аз есмь истина* (Ин. 14, 6); почему и самоистиною наименован был. В-третьих — ***не творить воли своей:*** ибо для послушника, как говорится, творить волю свою есть большая потеря и большой вред; ему надо всегда отсекать волю свою, и притом самоохотно, то есть не по принуждению от отца своего. В-четвертых, отнюдь ***не прекословить и не спорить;*** потому что прекословие и спор не свойственны благочестивым. И священнейший Павел пишет: *аще ли кто мнится спорлив быти, мы таковаго обычая не имамы ниже Церкви Божией* (1 Кор. 11, 16). Если же так просто и вообще всем христианам возбраняется сие, то тем паче монахам, которые дают обет полного во всем повиновения. Прекословие и спорливость происходят от самомнения, сожительницы неверия и высокоумия; как напротив, непрекословие и неспор-

ливость происходят от верного и смиренномудрого настроения. В-пятых, должно ему соблюдать следующую добродетель — точно и ***искренно все исповедывать настоятелю своему*** (руководителю); как мы и на пострижении, как бы страшному предстоя престолу Христову, пред Богом и святыми Ангелами Его дали обет иметь началом и концом (наших рачений и делании) вместе с другими нашими к Господу обетами и заветами — и исповедание тайных сердца (помышлений и желаний). Сказано и Божественным Давидом: *исповем на мя беззаконие мое Господеви: и ты оставил еси нечестие сердца моего* (Пс. 31, 5); и Лествичником: «Язвы, когда о них объявишь, не в худшее придут состояние, а уврачеваны будут» (Сл. 4, 10).

Кто сие пятеричное число указанных пред сим добродетелей станет мудро и разумно соблюдать, тот да ведает несомненно, что отселе еще он делается, как в залоге, причастником блаженства праведных. Таковы принадлежности приснопамятного послушания, как бы корень его и основание. Теперь послушай, каковы ветви его, каков плод и кров.

«От послушания, — говорит опять Лествичник, — рождается смирение; от смирения — дар рассуждения; от рассуждения — прозорливость, а от сей — предзрение» (Сл. 4, 105), что есть дело единого Бога и дар изряднейший и преестественнейший, даруемый от Него блаженно обожаемым. К сказанному да будет тебе ведомо и то, что по мере верности и искренности твоего послушания будет источаться в тебе и смирение; и опять, по мере смирения — рассуждение; то же далее и о последующих добродетелях сказать должно. Почему, сколько сил есть, подвизайся тещи непреткновенно путем послушания; и непогрешительно простирешься на предняя. Если же на стадии послушания как-нибудь хромать будешь, то знай, что не совершишь хорошо и прочего протяжения предлежащего тебе бега, то есть жизни по Христе, и не будешь увенчан венцом, какой дается победителям. Почему послушание и указанные нами выше его принадлежности да будут тебе некиим путеводителем, как бы компасом, каким пользуются мореплаватели для определения должного пути, дабы взирая на них неуклонно, мог ты безбедно переплыть великое море добродетелей и тако

достигнуть неволнуемого пристанища бесстрастия. Если и буря какая и волнение найдет на тебя, то и это будет у тебя по мере твоего послушания. Истинному послушнику и сам диавол вреда причинить не может, по словам святых отцов. Но чтобы вкратце показать тебе, какова честная высота преславного послушания, воспомянем и еще одно изречение святого отца.

Говорит опять сей светлейший светильник жительства по Христе, сей новый Веселеил небесной лествицы: «Отцы псалмопение называют оружием; молитву — стеною; непорочные слезы — банею; а блаженное послушание назвали исповедничеством, без которого никто из страстных не узрит Господа» (Сл. 4, 8). Достаточно и этого, как нам кажется, к действеннейшему показанию и похвалению треблаженного послушания через сей неподражаемый образец. Но мы и на опыте можем увидеть, сколь великое дело есть послушание, если обратим взор на прежде бывшее и рассмотрим, что было причиною нашего повреждения и смертности, когда мы не таковыми вначале были созданы, и какая опять причина нашего обновления и бессмертия. Находим, что причиною первого нашего повреждения было Адамово самоверие, самочиние и непослушание, от коих оставление и преступление Божественной заповеди, а второго, то есть обновления и нетления, производительное начало есть второго Адама, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа единосоветие с Богом Отцем и послушание Ему, от коих соблюдение заповеди Его. *Аз от Себе не глаголах,* говорит Спаситель, *но пославый Мя Отец, Той Мне заповедь даде, что реку, и что возглаголю: и вем, яко заповедь Его живот вечный есть. Яже убо Аз глаголю, якоже рече Мне Отец, тако глаголю* (Ин. 12, 49-50).

Итак, как в праотце и в сущих по образу его корень и мать всех зол есть надмение, так в новом Богочеловеке, Иисусе Христе, и в решающихся жить по образу Его, начало, источник и основание всех благ есть смирение. Таковой строй и чин, как видим, соблюдают и пренебесный, высший нас, священный мир всех боговидных Ангелов и наша земная Церковь. И мы научаемся из сего веровать, что те, которые уклоняются от сего основного закона и избирают жительствовать по дерзкому самочинию, отторгаются от Бога, от пресветлого

наследия небесного и от вселенской Церкви; за что отвсюду изгоняются и во тьму кромешную и в адский огнь отсылаются. Это же, полагаем, постраждут и сущие на стороне падшей денницы лукавые злотворцы, и являвшиеся по временам болтуны из зломудрствующих еретиков, как представляют Богописанные словеса; ибо они за самоволие и гордыню бедственно отвержены от Божественной славы и священного собора благоугождающих Богу.

Но некиим из премудрых сказано, что противное противному врачевство. Почему, так как причина всего для нас прискорбного в непокоривости и гордости, а всего радостного в благопокорности и сокрушении, то возжелавшему жить без погрешений надобно побыть на послушании у отца, опытного и непрелестного, долговременными подвигами стяжавшего ведение вещей Божественных, и в жизни украшенного всеми добродетелями, всякое его повеление и всякий совет почитая гласом и советом Самого Бога. Ибо *спасение,* говорит Премудрый, *во мнозе совете* (Притч. 11, 14); и: муж бессоветный сам себе враг. Если же некиим из досточтимых отцов случалось и без такого подвига послушания улучить боготворное безмолвие и по Богу совершенство; то это бывает по особенному Божию откровению, и притом очень редко. А что редко, как негде написано, то не закон Церкви, как и одна ласточка не делает весны. Но ты, веруя, что истинное послушание есть как бы некое предуготовительное обучение к добрейшему безмолвию, оставь то, что по особенному домостроительству бывало редко, и сообразуйся с тем, что обще для всех постановлено всечестными отцами. Так сподобишься ты и воздаяния, определенного для законно живущих.

Итак, что же? Если на случайную дорогу, не изведанную делом, едва ли кто решится вступить без верного проводника; если в море никто не пустится без искусного кормчего; если за какую-либо науку или искусство никто не возьмется без знающего дело учителя, — то кто дерзнет приступить к изучению делом искусства искусств и науки наук, вступить на таинственную стезю, ведущую к Богу, и пуститься в беспредельное мысленное море, то есть в иноческую жизнь, подобную жизни

Ангелов, с самоуверенностью достигнуть конца без руководителя, без кормчего и учителя, опытного и истинного? Поистине таковой, кто бы это ни был, прельщает себя, и прежде вступления на путь уже заблудился, как незаконно подвизающийся: как напротив, и шага не сделав, достиг конца тот, кто подчиняет себя отеческим уставам. Ибо откуда иначе имеем мы узнать, как ополчиться против плоти или как вооружиться против страстей и бесов? Как без них научимся отличать доброе от недоброго, когда к добродетелям прицепляются худые страсти и всегда стоят как бы при дверях их? Как без них умудримся обуздывать чувства телесные, и, как струны на гуслях, согласно настраивать силы душевные? Особенно же как без них можно будет нам различать гласы, откровения, внушения, видения Божественные и козни, прелести и призраки бесовские? Одним словом, как сподобимся достигнуть в единение с Богом и научиться богодейственным священнодействиям и таинствам, без посвящения в них тайноводителем истинным и просвещенным? Никак невозможно это, никак, когда видим, что и сосуд избранный, блаженнейший Павел, сии уста Христовы, сей свет мира, сие солнце всемирное, сей учитель вселенский спешит к соапостолам, чтоб вместе с ними рассмотреть свое благовестие. Чего же это ради? *Да не како,* говорит, *вотще теку, или текох* (Гал. 2, 2). Когда видим, что и сама самопремудрость, Господь наш Иисус Христос, говорит о себе: *снидох с небесе не да творю волю Мою, но волю пославшаго Мя Отца* (Ин. 6, 38), и о святом и животворящем Духе возвещает, что Он *не от Себе глаголати имать, но елика аще услышит глаголати имать* (Ин. 16, 13).

Смотря на благодетельный чин сей, содержащий все и небесное, и земное, трепетом, изумлением и ужасом объемлемся при мысли о нашей немощи и лености, и об опасном положении тех, кои по легкомыслию и самомнению решаются жить самочинно или, что то же, без всякого чина, на разорение и пагубу себе. Воистину, страшен подвиг сей, бесчисленны на нем грабители, беспрерывны засады пиратов, бесчисленны кораблекрушения. Почему из многих весьма немногие спасаются. Но сии как хотят, так пусть и шествуют; ибо *когождо дело,* как

написано, *яковоже есть, огнь искусит* (1 Кор. 3, 13), и: *яко Ты воздаси комуждо по делом его* (Пс. 61, 13). Или не просто, как хотят, но как подобает, и да хотят, и да живут. *Да даст... Господь разум о всем* (2 Тим. 2, 7). Ты же и всякий, желающий жить по Богу, по сим изречениям Писания, как бы по бахроме, уразумев всю златую и духовную ткань блаженного послушания, потщися, как указано пред сим, найти себе учителя незаблудшего и совершенного. *Совершенных же есть,* по Христоносному Павлу, *твердая пища, имущих чувствия обучена долгим учением в разсуждение добра же и зла* (Евр. 5, 14). Ища сим образом, то есть притрудно и с верою, ты непогрешительно достигнешь предположенной цели. Ибо *всяк просяй приемлет, и ищай обретает, и толкущему отверзется,* говорит Божественное Писание (Мф. 7, 8). И он (обретенный учитель) по порядку и чину научит тебя всему подобающему и боголюбезному. Еще же он поруководит тебя и к более богоугодному, и более духовному — такому, что не всем под силу, и не для всех доступно, если увидит, что ты охотно держишься мерности во всем, простоты и скудости в брашнах и питиях, в покрывалах и одеждах, и довольствуешься тем, что требуется временем, что прилично и нужно, не ища ничего излишнего, изнеживающего и одни чувства услаждающего, как поступают неразумно живущие, и сами на себя и свое спасение меч обнажающие. Ибо великий апостол говорит: *имеюще же пищу и одеяние, сими доволни будем* (1 Тим. 6, 8).

Но ты и у нас желаешь поучиться, и от нас иметь письменное изложение всего, касающегося начала, средины и конца жизни по Христе. Похвален вопрос, но нелегок скорый на него ответ. Впрочем, простреt Христос десницу Свою на помощь нам в разрешении твоего вопроса, и мы сделаем это, на пречестном послушании совершенном, как на твердом и непоколебимом основании созидая многопетый дом всего духовного домостроительства, то есть боготворное безмолвие. Итак, утверждаясь на отеческих по движению Духа провещанных, изречениях, говорим так...

16) Искренно и по Богу возжелавшему безмолвствовать должно при православной вере стараться быть исполнену и благих дел, и прочее

а) Око блюди недремлющее

Говорит Спаситель: *не всяк глаголяй ми: Господи, Господи, внидет в Царствие Небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех* (Мф. 7, 21). Почему и ты, возлюбленне, если не на словах только голых желаешь боготворного безмолвия (которое тем, кои искренно приступают к нему, дает и здесь ясные принимать проявления Божия Царствия Небесного, в будущем же веке еще полнее и совершеннее), но истиною и делом любишь его, потщися при православной вере быть исполненным и благих дел. А при этом будь мирен со всеми, сколько это от тебя зависит (см. Рим. 12, 18), ничем не развлекайся, не будь многопопечителен, то есть не давай овладевать собою суетным заботам, будь молчалив и тих, за все благодарен и сознателен в своей немощи. Над всем же сим око блюди не дремлющее и бодренно внимательное ко всем каждодневно случающимся с тобою разным и многовидным искушениям, терпением и благодушием борясь со всяким треволнением и со всякою скорбию, как-либо на тебя находящею.

Что касается до первого и второго, то есть что при православной вере должно и добрыми делами украшаться, то явным тебе о сем учителем будет преславный брат Божий, который так говорит: *вера без дел мертва есть,* как и дела без веры; и: *покажи ми веру твою от дел твоих* (Иак. 2, 26, 18); и еще прежде его, Наставник всех и Учитель, Господь наш Иисус Христос, рекший ученикам Своим: *шедше убо научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святого Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах* (Мф. 28, 19, 20). И Богослов (Григорий) говорит, что «Бог от всякого человека, имеющего крещение, требует следующих трех добродетелей: веры правой от души, целомудрия от тела и истины от языка».

б) Вера двояка

Заметь, что вера по богопереданным словесам двояка: одна, общая всем православным христианам, в которой сначала крещение прияли мы и с которою наконец буди и отойти отселе, а другая есть достояние редких людей, таких, кои через исполнение всех боготворных заповедей востекши до состояния быть по образу и подобию Божию, и таким образом обогатившись Божественным светом благодати, всю свою надежду утвердили в Господе, и до такой степени, что, по слову Господа (см. Марк. 11, 23), во время молитвы отнюдь не размышляют в сердце о прошениях своих к Богу, но с верою просят и готово получают благопотребное. Но такое твердоверие из дел чистых стяжали блаженные сии, как решительно отвергшие от себя всякое знание, раздумывание и колебание, и всякую заботу, и все, всецело погрузившиеся в Божественное упоение веры, надежды и любви к Богу, и, по Божественному Давиду, изменившиеся лучшим и блаженным *изменением десницы Вышняго* (Пс. 76, 11).

О первой вере пространно говорить нам теперь не по времени, а о второй, которая, как некий плод Божественный, отрождается и цветет от первой, очень благовременно. Вера сия есть как бы некий корень и глава именитого боготворного безмолвия. «Если безмолвник, — говорит Лествичник, — не будет веровать, то как станет безмолвствовать?» (Сл. 27, 68). И Божественный Давид говорит: *веровах, темже возглаголах* (Пс. 115, 1); а великий апостол Павел возвещает: *есть же вера уповаемых извещение, вещей обличение невидимых* (Евр. 11, 1), и: *праведный от веры жив будет* (Евр. 10, 38). И Спаситель, когда просили Его ученики приложить им веру, так сказал: *аще бысте имели веру, яко зерно горушно, глаголали бысте убо ягодичине сей: восторгнися и всадися в море, и послушала бы вас* (Лк. 17, 6); и в другой раз: *аще имате веру, и не усумнитеся, не токмо смоковничное сотворите, но аще и горе сей речете: двигнися и верзися в море, будет. И вся, елика аще воспросите в молитве верующе, приимете* (Мф. 21, 21, 22). Пишет также и преподобный Исаак: «Вера тончае знания, как знание — вещей чувственных. Все святые, сподобившиеся обрести житие сие, — потрясающее благоговеинство пред Богом, — силою веры пребывают в услаждении

житием оным преестественным. Веру же разумеем не ту, которою верует кто в различие поклоняемых ипостасей Божественных, о едином всепревышающем естестве Божества, и о предивном домостроительстве в воплощении через принятие нашего естества, хотя и эта вера крайне возвышенна, но веру, воссиявающую в душе от света благодати свидетельством ума, утверждающую сердце быть непоколебимым в верности надежды, далекой от всякого самомнения, — которая показывает себя не в приклонении слуха ушей, не в созерцании духовными очами сокрытых в душе таин, оного богатства благодатного, утаенного от очей сынов плоти и открываемого Духом тем, кои питаются на трапезе Христовой в приседении законам Его, как Он сказал: если заповеди Мои соблюдете, пошлю вам Утешителя, Духа истины, *Егоже мир не может прияти, и Той вы научит* всякой истине (Ин. 14, 17, 26). Он указует человеку сию святую силу, обитающую в нем во всякое время, всегда покрывающую его и отражающую от него все вредное. Сию-то силу ум духовный ощущает очами веры. Она есть сам Утешитель, силою веры как огнем воспламеняющий душевные силы, — и душа устремляется горе, небрежет о всякой опасности в надежде на Бога, на крылах веры возвышается выше всякой видимой твари, и всегда пребывает как бы упоенною, в изумлении пред Божественною о нас попечительностью и в чистом созерцании Божественного естества. Ибо пока не приидет то, что есть совершение таинств и мы не сподобимся явно откровения оных, дотоле вера между Богом и святыми священнодействует неизреченные таинства (то есть приемлет, содержит и созерцает сии таинства), которых, благодатию Христовою, да сподобимся и мы, здесь как в залоге, а там, в Царствии Небесном, в самой действительной истине» (Сл. 28, с. 190-192).

в) Надлежит тебе быть мирну

О третьем, о том, что тебе следует быть со всеми мирну, сильное тебе дают внушение изречение блаженного Давида и громче трубы гласящее слово Христоносного Павла, то вещает: *мир мног любящим закон Твой, и несть им соблазна* (Пс. 118, 165), и: *с ненавидящими мира бех мирен* (Пс. 119, 6), и: *взыщи мира и пожени и* (Пс. 33, 15); а это гласит: *мир имейте и святыню со все-*

ми, ихже кроме никтоже узрит Господа (Евр. 12, 14), и: *аще возможно, еже от вас, со всеми мир имейте* (Рим. 12, 18).

г) Надлежит тебе не развлекаться

О четвертом, что тебе надлежит не развлекаться, вразумляет тебя преподобный Исаак, говоря: «Если похотение есть порождение чувств, то да умолкнут наконец те, которые уверяют, что хранят мир ума и при суетных развлечениях многим. С такими мятущимися не имей общения».

д) Не должно тебе быть многопопечительну и многозаботливу

О пятом, что тебе не должно быть многопопечительным и многозаботливым, как о благословных, так и о неблагословных вещах, да послужит тебе уроком то, что говорит Господь в Евангелии: *сего ради глаголю вам: не пецытеся душею вашею что ясте... ни телом вашим, во что облечетеся. Не душа ли больше есть пищи, и тело одежди;воззрите на птицы небесныя, яко не сеют, ни жнут, ни собирают в житницы... не вы ли паче лучши их есте; кто же от вас пекийся может приложити возрасту своему лакоть един; и о одежди что печетеся... Не пецытеся убо, глаголюще: что ямы, или что пием, или чим одеждемся... Всех бо сих языцы ищут: весть бо Отец ваш Небесный, яко требуете сих всех. Ищите же прежде Царствия Божия, и правды его, и сия вся приложатся вам. Не пецытеся убо на утрей, утрений бо собою печется: довлеет дневи злоба его* (Мф. 6, 25-28, 31-34). И святой Исаак говорит: «Без освобождения от забот не ищи света в душе твоей, ни тишины и безмолвия при распущенности чувств твоих» (Сл. 69). И Лествичник: «Малый волос смущает око, и малое попечение губит безмолвие, ибо безмолвие есть отложение всех помышлений, не относящихся к делу спасения, и отвержение всех попечений, даже и благословных. Воистину достигший безмолвия не будет заботиться и о теле своем, ибо не ложен обещавшийся попещись о нем (Сл. 27, 51, 52).

е) Надлежит тебе быть молчаливу

И о шестом, что тебе должно молчаливу быть, порядок слова понуждает нас сказать тебе, говорит убо тебе и об этом святой Исаак: «Паче всего возлюби молчание, потому что оно

приближает тебя к плоду. И язык немощен изобразить его. Сперва будем принуждать себя к молчанию, и тогда от молчания родится для нас нечто, приводящее к самому молчанию. Да подаст тебе Бог ощутить сие нечто, рождаемое молчанием. Но если начнешь сим житием жительствовать, то не умею и сказать, сколько света воссияет тебе отсюда. Когда на одну сторону положишь все дела жития сего (иноческого, безмолвнического), а на другую молчание, то найдешь, что оно перетягивает на весах» (Сл. 41). «Молчание есть тайна будущего века, а слова суть орудие этого мира» (Сл. 42). «Кто возбраняет устам своим пересуждать (много говорить), тот хранит сердце свое от страстей. А кто хранит сердце свое от страстей, тот ежечасно зрит Господа» (Сл. 8, с начала). И святой Арсений Божественный глас во второй раз так законоположил: «Арсение! Бегай, молчи, пребывай в безмолвии, ибо в этом корни безгрешности» (Достопамятные сказания об авве Арсение, 2).

ж) Надлежит тебе быть безмолвну (уединение любить)

Равным образом и о седьмом, что тебе надлежит безмолвную проводить жизнь, достоверные тебе указатели суть Василий Великий и опять святой Исаак, из коих тот говорит: «Безмолвие есть начало очищения души», а этот: «Предел безмолвия есть молчание от всего» (всесторонне). Сими словами тот вкратце обозначил начало его (безмолвия), а этот — конец. И в Ветхозаветном Писании так сказано: *упразднитеся и уразумейте, яко Аз есмь Бог* (Пс. 45, 11). И святой Лествичник говорит: «Первое дело безмолвия есть беспопечение о всех вещах, и благословных, и неблагословных; ибо отворяющий дверь первым всеконечно впадет и во вторые. Второе дело — молитва неленостная; а третье — неокрадываемое делание сердца. Как невозможно, по естественному порядку, не выучившему букв читать книги, так еще более невозможно нестяжавшим первого дела безмолвия разумно проходить последние два» (Сл. 27, 46). И опять Исаак святой пишет: «Вожделенным делом безмолвия должно быть ожидание смерти непрестанное. Кто без сего помышления вступает в безмолвие, тот не может понести того, что всеми мерами должны мы терпеть и нести» (Сл. 41, с. 255).

з) Надлежит тебе за все благодарить Бога

Подобно сему и о восьмом, что ты за все должен благодарить Бога, достаточным для тебя Учителем да будет Божественный апостол Павел, который заповедует: *о всем благодарите* (1 Фес. 5, 18). К нему присовокупи и преподобного Исаака, который пишет: «Благодарность приемлющего побуждает дающего давать дары, большие прежних. Кто неблагодарен за меньшее, тот и в большем лжив и несправедлив» (Сл. 2, с начала). Еще: «Проводник даров Божиих к человеку есть сердце, непрестанно движимое к благодарению, а проводник искушения к душе есть помышление ропотливое, всегда движимое в сердце». Также: «Уста, всегда благодарящие, приемлют благословение от Бога, и в сердце, пребывающее в благодарении, нисходит внезапно благодать».

и) Надлежит тебе сознавать свою немощь

Сколь же великое благо собирается в том, кто достиг знания своей немощи, что девятое есть по числу, — сие уразумеешь, вникнув в шестой псалом Божественного Давида, в коем говорится: *помилуй мя Господи, яко немощен есмь* (Пс. 6, 3), и в другом месте: *аз есмь червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей* (Пс. 21, 7). И святой Исаак говорит: «Блажен человек, который познает немощь свою, потому что ведение сие делается для него основанием, корнем и началом всякой благостыни. Ибо как скоро познает кто и воистину восчувствует немощь свою, тотчас утесняет душу в ее суетной горделивости, омрачающей разум, и сокровиществует себе охранение» (Сл. 61, с начала); и: «Человек, достигший познания меры своей, достиг совершенства смирения».

к) Надлежит доблестно переносить искушения

Последняя глава сего слова, которая исполняет предложенное нами десятеричное число, представляет, что должно доблестно переносить имеющие случиться с тобою разные и многовидные искушения, и противостоять им с терпением и мужеством. Итак, послушай, что и о сем написано в Священном Писании. Вот что говорит Христоносец Павел: братие! *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем, и к миродержителем тмы века*

сего, к духовом злобы поднебесным (Еф. 6, 12); еще: *аще же без наказания есте, емуже причастницы быша вси, убо прелюбодейчищи есте, а не сынове* (Евр. 12, 8); также: *егоже бо любит Господь, наказует, биет же всякаго сына, егоже приемлет* (Евр. 12, 6). И брата Божия Иакова мысль первой главы послания такая: «Муж не искушенный неискусен». Святой Илия Екдик говорит: «Всякому христианину, право верующему в Бога, надлежит не предаваться беспечности, но всегда ожидать искушения и готову быть принять его; чтоб, когда придет оно, не почитать сего странным и не смущаться тем, но благодарно претерпевать тяготу скорби, припоминая, что поет с пророком: *искуси мя Господи и испытай мя* (Пс. 25, 2); и еще: и *наказание Твое исправит мя в конец* (Пс. 17, 36). Смотри, — не сказал: *наказание Твое* низвратит мя, но: *исправит мя в конец*» (Цветособр., 1).

Не ищи причин искушений, откуда они находят, но только молись благодарно перенести оные, как говорит святой Марк: «Когда найдет искушение, не ищи, от чего и для чего оно нашло, но (о том заботься), чтобы благодарно и беззлопамятно перенести его» (святого Марка об оправдании делами, гл. 198); еще: «Если нет человека, который бы благоугодил Богу без искушений, то должно благодарить Бога за всякий скорбный случай» (там же, гл. 200); также: «Всякая скорбь обличает настроение нашей воли, направо склоняется оно или налево. Потому случившаяся скорбь называется и искушением, что подвергшегося оной подвергает испытанию сокровенных его расположений» (там же, гл. 204). И святой Исаак со многим другим говорит и сие: «Искушение полезно всякому человеку. Ибо если полезно было искушение Павлу, то всякия *уста* да *заградятся, и повинен будет весь мир Богови* (Рим. 3, 19). Подвижные искушаются, чтоб нечто присовокупили к богатству своему; слабые, чтоб сохранили себя от вредного; спящие, чтоб подготовить их к пробуждению; вдали сущие, чтобы приблизились к Богу; свои Богу (домашние Божии, в дому сущие), чтоб с дерзновением пребывали в Нем. Сын, который не был упражняем (в поднятии трудного) не на пользу себе получает богатство из дома отца своего. Почему Бог сперва искушает и томит, а потом обнаруживает дар благодати. Слава Господу,

горькими врачевствами в сладость здравия нас вводящему! Нет человека, который бы не скорбел во время обучения; и никого также нет, кому не казалось бы горьким время, когда испивает он яд искушений. Без них невозможно приобрести крепкого сложения (душевного). Но и претерпеть их не наших сил есть дело. Откуда скудель, которая из брения, имела бы силу противостоять размыванию воды, если б Божественный огнь не делал ее крепкою? Если подклонимся под иго воли Божией и в смирении с непрестанным желанием будем молиться, то через терпение и мы все получим о Христе Иисусе Господе нашем» (Сл. 37, с. 231-2). И в книге Премудрости Сираха сказано: *чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу свою во искушение... и потерпи и не скор буди во время наведения* (Сир. 2, 1-2).

л) Должно на Бога надеяться и от Него чаять полезного

Котву надежды (см. Евр. 6, 19) в могущем спасать Боге утверди и от Него ожидай избытия искушений в благопотребное время. Ибо, как говорит апостол, *верен Бог, иже не оставит* нас *искуситися паче, еже* можем, *но сотворит со искушением и избытие* (1 Кор. 10, 13). Слушай, что и еще говорит Писание: *Скорбь терпение соделовает, терпение же искусство, искусство же упование, упование же не посрамит* (Рим. 5, 3-5). *Претерпевый до конца, той спасется* (Мф. 24, 13). *В терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19). *Всяку радость имейте братие моя, егда во искушения впадаете различна, ведяще, яко искушение вашея веры соделовает терпение: терпение же дело совершенно да имать, яко да будете совершени и всецели, ни в чемже лишени. И блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв приимет венец жизни, егоже обеща Бог любящим Его* (Иак. 1, 2-4, 12). *Недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18). *Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою: И изведе мя от рова страстей, и от брения тины, и постави на камени нозе мои, и исправи стопы моя: и вложи во уста моя песнь нову, пение Богу нашему* (Пс. 39, 1-4). Пишет и блаженный Симеон Метафраст: «Душа, ята будучи узами любви к Богу, ни во что вменяет страдания, но услаждается прискорбностями и цветет

в злострадании. И когда ничего не страдает за Возлюбленного, тогда еще более мнится страдать и бежит от утешения, как от муки».

17) О страхе Божием, что он двояк: один – новоначальных, другой – совершенных

Не поленимся теперь помянуть и о двояком страхе Божием, так как святые отцы в порядке добродетелей страх Божий ставят после веры.

О первом страхе Божием — новоначальных

Знай же, возлюбленнейший мой, что страх Божий двояк: один — новоначальных, а другой — совершенных. О первом страхе так написано: *начало премудрости страх Господень* (Пс. 110, 10; Притч. 1, 7); *приидите, чада, послушайте Мене, страху Господню научу вас* (Пс. 33, 12); *страхом Господним уклоняется всяк от зла* (Притч. 15, 27), и идеже страх, ту заповедей соблюдение. И преподобный Исаак говорит: «Страх Божий есть начало добродетели. Он почитается порождением веры и сеется в сердце, когда ум отстранится от суетности мирской, чтоб собрать влающиеся мысли свои от рассеяния непрестанным углублением в будущее возустроение всяческих» (Сл. 1, с начала); также: «Начало истинной жизни в человеке — страх Божий; а он не терпит пребывать в душе вместе с рассеянием мыслей» (там же, с. 4); еще: «Умудрись же в основание шествия своего положить страх Божий, и в немногие дни станешь у врат Царствия, не кружась по пути» (там же, с. 7).

О втором — совершенном страхе Божием

О втором или совершенном страхе Божием так сказано: *Блажен муж, бояйся Господа, в заповедех Его восхощет зело* (Пс. 111, 1); *блажени вси боящиися Господа, ходящии в путех Его* (Пс. 127, 1); *бойтеся Господа вси святии Его, яко несть лишения боящимся Его* (Пс. 33, 10); *се тако благословится человек, бояйся Господа* (Пс. 127, 5); *страх Господень чист, пребываяй в век века* (Пс. 18, 10). Пишет и святой Петр Дамаскин: «Признак первого страха есть ненавидеть грех и гневаться на него, как гневается на зверя угрызенный им; а страха совершенного признак есть — любить

добродетель и бояться превращения; ибо никого нет, кто бы был не превратен; почему в этой жизни, при всяком деле, должны мы всегда бояться падения» (Кн. 2, сл. 3, с. 14, в русском переводе). Посему и ты, разумно слыша сие, потщися вместе со всеми указанными выше добродетелями непрестанно держать в себе, как следует, и первый страх. Ибо он есть как бы сокровищехранилище всякого доброго деяния самое крепкое. Пребывая таким, ты всегда будешь иметь стопы свои направляемыми к деланию всех заповедей Господа нашего Иисуса Христа. Простираясь же далее сим путем, приобретешь ты и совершенный страх, чистый, по любви к добродетелям и милости благого Бога нашего.

18) За заповеди и веру Господа нашего Иисуса Христа должны мы и самой жизни не щадить, когда потребует того время

К сказанному надлежит тебе ведать и то, что за заповеди животодательные и веру Господа нашего Иисуса Христа должны мы, когда потребует время, охотно погубить и самую душу свою, то есть не пощадить и самой жизни своей, как сие Сам Господь Иисус Христос говорит: *иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю* (Мк. 8, 35), несомненно и без раздумывания веруя, что и воскресение, и жизнь, и все, что ни есть спасительного, Сам есть Богочеловек Иисус Спаситель, как Сам Он сказал: *Аз есмь воскрешение и живот: веруяй в Мя, аще и умрет, оживет: и всяк живый и веруяй в Мя, не умрет во веки* (Ин. 11, 25-26). И еще: *тако возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь, не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 16), также: *Аз приидох, да живот имут, и лишше имут* (Ин. 10, 10). В таком пребывая устроении и *задняя забывая, в предняя же простираяся,* как сказано (Флп. 3, 13), теки со Христом Иисусом Господом нашим путем своим, не озираясь вспять (см. Лк. 9, 62).

Теперь, как нам кажется, прилично изложить блаженного Никифора естественный некий метод (способ, прием) вхождения внутрь сердца вниманием через дыхание, который способствует к сосредоточению помышлений ума. Сей муж, приведши

свидетельства многих святых отцов о внутренней жизни, говорит наконец и от себя следующее:

19) Естественный метод вхождения внутрь сердца вниманием через дыхание с творением при сем молитвы: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя.* Метод сей немало способствует к сосредоточению помышлений ума

«Известно тебе, брате, как мы дышим: втягиваем в себя воздух и выпускаем его. На сем жизнь телесная держится и от сего зависит теплота тела. — Итак, седши в безмолвной келлии своей, собери ум свой, введи его в путь дыхания, коим воздух входит внутрь, и принудь его вместе с вдыхаемым воздухом сойти в сердце, и держи его там; держи, но не оставляй его молчащим и праздным, а дай ему следующую молитву: ***Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя***. И пусть он имеет сие непрестанным своим делом и никогда не оставляет его. Ибо оно, содержа его немечтательным, делает недосягаемым для прилогов вражеских и возводит в Божественное желание и любовь. Но, брате, восприими труд приучить ум свой нескоро выходить оттуда; ибо он вначале очень скучает от этого внутри заключения его и стеснения, но когда навыкнет, то уже не любит носиться по внешним предметам. Ибо Царствие Божие внутри нас есть; и тому, кто там узрит его, и взыскав чистою молитвою, ощутит, все внешнее кажется уже непривлекательным и теряет всякую цену. Ему там, внутри, уже не невесело и не нерадостно; но как муж какой-нибудь, бывший в отлучке из дома, когда возвратится, и делать не знает что от радости, что опять увидел жену и детей: так и ум, когда из рассеяния соединится опять с душою, исполнен бывает неизреченной сладости и радования» (приводится сие место сокращенно). Вот что изрек сей блаженный отец, в намерении имея научить ум, под влиянием сего естественного метода (приема или способа), от обычного своего кружения, пленения и парения возвратиться ко вниманию себе, через внимание такое снова сочетаться с самим собою и сим образом объединиться с молитвою, и вместе с сею молитвою низойти в сердце и пребыть там навсегда. Другой же некто из богомудрых,

как бы в объяснение сказанного, как навыкший опытом сему священному деланию, вот какое делает замечание...

20) Еще о естественном методе призывания Господа Иисуса Христа вместе с дыханием

Желающему научиться сему деланию надлежит ведать, что, когда приучим мы ум свой вместе со входом воздуха входить внутрь, тогда опытно познаем, что ум, приступая к схождению внутрь, лишь только начнет сие, как отвергает всякий помысл, и делается единичным и голым, и никакою другою памятью не занятым, как призыванием Господа нашего Иисуса Христа; напротив же, оттуда исходя и на внешнее обращаясь, тотчас развлекается многообразными памятями.

21) И святой Златоуст учит молитве внутри сердца со словами: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя*

И великий Златоуст говорит: «Умоляю вас, братие, никогда не нарушайте и не презирайте правила молитвы сей». Немного спустя: «Монах должен — ест ли, пьет ли, сидит ли, служит ли, шествует ли путем, или другое что делает — непрестанно взывать: ***Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий помилуй мя!*** Да, имя Господа Иисуса, сходя в глубь сердца, смирит держащего тамошние пажити змия, душу же спасет и оживотворит. Непрестанно убо пребудь с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и будут два сии воедино». И опять: «Не отлучайте сердца своего от Бога, но пребывайте с Ним и сердце свое храните всегда с памятованием Господа нашего Иисуса Христа, пока имя Господа укоренится внутри сердца и оно ни о чем другом помышлять не станет, — да возвеличится Христос в вас».

22) Свидетельства о том же святого Лествичника и Исихия

Говорит также и Лествичник: «Память Иисусова да срастворится с дыханием твоим; и тогда познаешь ты пользу безмолвия» (Сл. 27, 61). То же и святой Исихий: «Если истинно желаешь покрыть стыдом помыслы, благодушно безмолвствовать и без труда трезвенствовать сердцем; да прильнет к дыханию

твоему молитва Иисусова, — и в немного дней увидишь это на деле» (Гл. 182).

23) Желающему мысленно трезвенствовать, – всякому, паче же новоначальному, – надо для удобнейшего упражнения в молитве жить в келлии безмолвной и несветлой, потому что через это ум и мысли естественно как бы собираются воедино

К показанному выше, как главному, великими святыми отцами давно узаконенному, как видно из приведенных нами свидетельств, относительно того, как надлежит нам, сходя вместе с дыханием внутрь сердца, о Господе нашем Иисусе Христе, Сыне Божием, и о святом и спасительном имени Его молиться, размышлять и трезвенствовать, и у Него искать себе милости, — прилагается и сие: и всегда, паче же в установленное время молитвы, всякому тщащемуся трезвенствовать мысленно в сердце, паче же новоначальному, надо укрываться в келлии безмолвной и несветлой, как опытные в сем блаженном делании Божественные отцы и учители тайноводствуют и заповедуют; так как зрение и видение очами зримого и видимого обыкновенно развлекает и рассеивает мысли, при заключении же в безмолвной и примрачной, как сказано, храмине, мысли перестают разбегаться и множиться, и ум таким образом, хотя и нехотя, мало-помалу утишается и в себя собирается, как говорит святой Василий: «Ум, не развлекаемый внешним и через чувства не разбегаясь по вещам мира, к себе возвращается».

24) Главным образом непарительность подается уму Господом нашим Иисусом Христом при призывании в сердце с верою святого имени Его; а этот естественный метод (прием) схождения в сердце путем дыхания и это уединение в месте безмолвном и несветлом, и все другое подобное только способствуют к сему как бы

Паче же сего, или лучше паче всего вообще, таковой подвиг успешно совершается умом, содействием Божественной благодати, при сердечном, чистом и непарительном призывании Господа нашего Иисуса Христа, а не одним этим естественным

приемом схождения в сердце путем дыхания, или этим уединением в безмолвном и несветлом месте. Да не будет!

Ибо сие не другого ради чего святыми отцами придумано, как только ради того, что это содействует к собранию мыслей, к возвращению ума от обычного ему парения к себе самому и сосредоточению его внимания, как сказано пред сим.

А от этих (собрания мыслей и сосредоточения внимания) порождается то, что ум начинает молиться непрестанно, чисто и непарительно, как говорит святой Нил: «Внимание, ищущее молитвы, молитву обретет; ибо за вниманием, паче нежели другое что, следует молитва, о коей нам надлежит иметь наибольшее тщание» (гл. 179). Вот как должно смотреть на дело сие. Ты же, чадо, «хотя живота, любя дни видети благи», и в теле жить подобно бестелесному, живи по следующему правилу и уставу.

25) Как безмолвствующему надлежит проводить время от вечера до пробуждения от сна

По захождении солнца, призвав в помощь всеблагого и всесильного Господа Иисуса Христа, сядь на стульце в келлии безмолвной и несветлой, и собрав ум от обычного ему во вне кружения и скитания, путем дыхания тихо сведи его внутрь сердца и держи молитву сию: *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!* Вместе с дыханием соединенно как бы сводя туда и глаголы молитвенные, как говорит святой Исихий: «С дыханием твоим соедини трезвение и имя Иисусово, и помышление о смерти незабвенное, и смирение; ибо то и другое великую доставляет пользу» (гл. 189). С молитвою сею, кроме сказанного, имей и память о суде и воздаянии за добрые и худые дела, и вседушно почитая себя грешнейшим всех людей и самых демонов сквернейшим, думай посему, что всеконечно имеешь ты вечно мучим быть во аде. Если при каком-либо из сих помышлений придет тебе сокрушение, плач и слезы, на том помышлении и пребудь, пока слезы не пройдут сами собою. Если же ты не сподобился еще дара слез, то восприими подвиг и со смиренным мудрованием молись, да стяжешь их; ибо ими очищаемся мы от страстей и скверн, и ими же причастными делаемся

добрых и спасительных расположений, как говорит святой Лествичник: «Как огонь потребляет тростие, так чистые слезы — всякую скверну мысленную и видимую» (Сл. 7, гл. 31), и другой некий отец: «Желающий отребить худости свои плачем да отребляет их, и желающий стяжать добродетели плачем да стяжавает их; и если не имеешь ты сокрушения, то знай, что имеешь тщеславие, ибо оно не дает душе прийти в сокрушение». Если слезы не приидут, то, просидев, внимая сказанным помышлениям и с молитвою час один, встань потом и пропой со вниманием малое повечерие. Затем опять сядь и держи прежнюю молитву сколько сил есть, чисто и непарительно, без всякого о чем-либо попечения, без всякого помысла и мечтания, с полною трезвенностию, с полчаса. Наконец, положив на себя знамение Честного и Животворящего Креста, а также и на одре твоем, сядь на нем и войди в помышление о будущих наслаждениях и мучениях, о непостоянстве и прелестности всего временного, о внезапном наступлении смерти, сего общего долга, и о страшном посмертном и предсмертном словоистязании, помяни вкратце и о всех прегрешениях своих и прощения их тепло испроси, и до точности пересмотрев все, как провел ты мимошедший день, возляг на одр свой, держа и молитву, по слову некоего говорившего: с молитвою Иисусовою и засыпай, и спи. Сосни часов пять или шесть; вообще же соразмеряй спание с долготою ночи.

26) Как, востав от сна, проводить время до утра

Пробудившись от сна, первее всего воздай славу Богу, и призвав Его себе заступление, начни главнейшее свое дело, то есть молиться в сердце непарительно и чисто, и помолись так с час. Тогда ум сам по себе большею частью бывает тих и немятежен; мы же заповедь имеем — первейшее и наилучшее Богу приносить в жертву, то есть свое первомыслие в чистой сердечной молитве неуклонно простирать к Господу нашему Иисусу Христу, как говорит святой Нил: «Тот молитву свою делает услышанною, кто всегда все свое первомыслие, как зрелый плод, приносит Богу» (Гл. 126). Потом пропой полунощницу.

Если же ты, не будучи тверд в совершенном безмолвии, не можешь начать так, как мы сказали, по этой или по другой какой причине, как часто случается с теми, кои только начинают еще такое делание, а иной раз, хотя редко, и с теми, кои довольно успели в нем, но еще не достигли совершенства, ибо только совершенные *вся могут о укрепляющем* их *Христе* (Флп. 4, 13), так если не можешь, то восстав от сна и восставив, сколько можешь, бодренное трезвение, пой прежде полунощницу, со вниманием и разумением поемого.

После сего сядь и молись в сердце чисто и непарительно, как показано, час один, лучше же, сколько даст тебе Податель благ. Лествичник говорит: «В продолжении ночи большую часть времени посвящай молитве, а меньшую отдавай псалмопению; днем же устрояй делания свои, сообразно с силами своими» (Сл. 27, 77).

Если и после такого себя нуждения подвижнического, все еще будешь одолеваем сонным расслаблением и разленением, встань и напрягись, все держась молитвы и стараясь, как знаешь, привести себя в бодрственное состояние (святой Исаак: «Выди наружу и походи»). Потом сядь и молись, как написано, всегда со всем тщанием стараясь чистою молитвою с Чистым беседовать Богом.

Затем встань, пропой разумно шестопсалмие, пятидесятый псалом и канон, какой хочешь. После сего сядь опять и с бодренным трезвением искренно помолись полчаса. И опять, встав, пой хвалитны, обычное славословие и первый час. И затем сотвори отпуст.

Читаемое тобою произноси устами своими лишь на столько высоким голосом, чтоб то слышно было ушам твоим: так как и плод устен приносить Богу заповедано нам, всею душою и всею мыслию благодаря человеколюбивого и попечительного о нас премудрого Бога, по безмерной милости своей сподобившего нас благополучно прейти пучину минувшей ночи и увидеть светлое поприще настоящего дня, и тепло при сем также молясь и о том, да дарует Он нам безбедно протечь мрачную и свирепую бурю бесов и страстей.

27) Как подобает жительствовать с утра до обеда[1]

С утра до обеда, весь всецело возложившись на Единого Бога и Ему с сердцем сокрушенным помолившись, да будет помощником тебе, немощному, ленивому и беспечному, старайся, сколько сил есть, все время провести в молитве сердечной, чистой и непарительной, и в чтении. Когда читаешь положенное тебе из Псалтири, Апостола и Святого Евангелия, читай то стоя, так же поступай и при возношении молитв к Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Богородице; прочие же чтения Святых Писаний совершай сидя. Потом в свое время со вниманием пропой обычные часы, очень премудро святыми отцами установленные, всеусильно и вседушно отревая праздность, учительницу всякому худу и избегая вместе со страстями и поводов к ним, как бы малыми и безвредными они ни казались.

28) О том, сколь потребно избегать праздности, и о том, что церковное предание должно соблюдать и безмолвствующему

Святой Исаак говорит: «Остерегайтесь, возлюбленные, праздности, потому что в ней сокрыта верная смерть, и без нее невозможно впасть в руки домогающихся пленить инока. В день оный не за псалмы осудит нас Бог и не за опущение молитв, но за то, что опущением сим дается вход бесам. А эти, когда найдут себе проход, войдут и затворят двери очей наших; тогда тиранически наполнят нас такими нечистотами, кои подвергают Божественному приговору с наистрожайшим отмщением. И делаемся мы, таким образом, за опущение малого, что однако ж ради Христа почтено достойным великого попечения, как написано: «Кто не покоряет воли своей Богу, тот попадет под иго сопернику Его». Посему да будет почитаемо тобою, как бы стеною против ищущих пленять нас, сие, кажущееся тебе малым, совершение чего в келлии, по духу откровения, мудро установлено заведующими церковным чином для охранения нашей жизни, и опущение чего малым почитается не мудрыми, не берущими во внимание происходящего от

---

[1] Уроки сии идут до 36 главы включительно.

того вреда. Но у этих и начало пути, и средина — необузданная свобода, которая есть матерь страстей. Почему лучше подвижнически понуждать себя не опускать сего малого, нежели опущением его давать место греху. Ибо конец этой бедовой свободы — жестокое рабство» (Сл. 71, с. 519).

Немного спустя тут же говорит он опять: «О, как сладки позывы страстные! Страстные дела, бывает, что иной может иногда отсечь и удалением от предметов их мирность некую в себе водворить, и порадоваться покою от них, но позывов страстных остановить не может. Почему и нехотя искушение испытываем мы; и о страстях (что восстали) скорбим, но любим продление позывов или сластей страстных. Грехов не желаем, а приводящие нас к ним позывы с услаждением приемлем; от чего эти вторые делаются в нас причиною первых в действительности. Кто любит сласти страстные, тот поневоле и подручен им, и не желая того, раб есть страстей. Ненавидящий грехи свои перестанет грешить, и исповедующий их получит отпущение их. Невозможно же человеку оставить навык греховный прежде стяжания вражды к нему и получить прощение прежде исповедания прегрешений; из коих одно служит причиною истинного смирения, а другое — сокрушения, от стыда порождающегося в сердце» (там же, с. 520-1). И еще: «Нет греха непрощаемого, кроме того, в коем не каются» (Сл. 2, с. 12). Впрочем, об этом довольно.

Ты же, по пропетии сказанных часов, сядь, поешь, держа и молитву во время вкушения пищи, чтоб, так действуя, прийти, благодатию Божиею, в навыкновение непрестанно молиться, по заповеди. Но слово о пище, тело по неизреченной премудрости Создавшего поддерживающей, пусть подождет немного, а прежде да прострется слово о пище, душу укрепляющей и оживляющей, которою служит, по слову святых отцов, священная и боготворная молитва, что вполне справедливо, потому что душа драгоценнее тела.

29) Еще о молитве, и что молиться надлежит всегда

Как сие тело наше, по исходе из него души, мертво бывает и смердяще: так и душа, не движущая себя на молитву, мертва есть, окаянна и злосмрадна. А что быть лишену молитвы надлежит

почитать горчайшим всякой смерти, сему добре научает нас великий пророк Даниил, который избрал лучше умереть, нежели пробыть без молитвы хотя одно мгновение времени (гл. 9). Добре сему учит нас также и святой Златоуст: «Всякий молящийся с Богом беседует. Сколько же велико, будучи человеком, с Богом беседовать, из всех нас никто не ведает, но словом выразить сию честь едва ли кто возможет; ибо сия честь превышает и ангельское достоинство». Еще: «Молитва есть общее дело Ангелов и человеков; и в деле молитвы нет ничего среднего (средостение составляющего) между одним и другим естеством: она отделяет тебя от бессловесных, она же сочетает тебя с Ангелами. И тот, кто всю жизнь тщится упражняться в молитвах и служении Богу, скоро подобным Ангелам делается по жизни, чести, благородию, мудрости и разумению». Еще: «Когда диавол видит душу, огражденною добродетелями, то не смеет близко подходить к ней, боясь могущества и силы, какие подают ей молитвы, более питающие душу, чем брашна — тело». Еще: «Молитвы суть нервы души. Как тело нервами держится в строе, живет, движется и стойким является; когда же кто их пресечет, тогда вся гармония тела расстраивается: так и души святыми молитвами благоустрояются, стойкость приемлют и легко текут путем благочестия. Если же ты лишаешь себя молитвы, то то же делаешь, что вынув рыбу из воды: ибо как этой жизнь — вода, так тебе — молитва. Ею можно сквозь воздух, как сквозь воду, пронестись, на небеса взойти и стать близ Бога. Еще: «Молитва и моление делают людей храмами Божиими; и как злато, камни драгоценные и мраморы украшают дома царские, так молитвы — храмы Христовы — души верующих. Какая может быть большая молитве похвала, как то, что она соделывает нас храмами Божиими и что Кого не вмещают небеса, Тот в молитвах входит в душу живую?» Еще: «И из того можно увидеть силу святых молитв, что Павел, который, как какой крылатый, обтек всю вселенную, живал в узилищах, подвергался бичеваниям, узы носил, жил в крови и бедах, бесов изгонял, мертвых воскрешал, болезни пресекал, ни на что из всего сего не надеялся в устроении спасения людей, но молитвами ограждал душу и после знамений и воскресения мерт-

вых спешно тек на молитвы, как на главный подвиг, венчающий дело, — так как и воскресения мертвых и всего другого молитва есть подательница. Ибо какую силу в древесах имеют воды, такую же и молитвы в жизни святых». Еще: «Молитва — спасения вина, бессмертия источник, Церкви стена несокрушимая, крепость неодолимая, страшная для бесов и спасительная для нас в деле благочестия». Еще: «Как за какою царицею, в город входящею, следует всякое богатство, так за молитвою, в душу входящею, входит и всякая добродетель». Еще: «Что основание для дома, то молитва в душе; и должно, водрузив ее в душе, как основание и корень, на ней рачительно наздавать и целомудрие, и попечение о бедных, и всех законов Христовых исполнение». И еще: «Свет ума и души есть рачительная молитва, свет неугасимый и непрестанный; почему злой враг наш безмерные нечистоты помыслов влагает в ум наш и многое такое собрав, о чем и думать мы никогда не думали, обдает тем душу во время молитвы». И еще: «Великое оружие — молитва, великое ограждение». И Богослов говорит: «О Боге более памятовать должно, чем дышать». И еще: «Чаще помышляй о Боге, чем дышишь». И святой Исаак: «Без непрестанной молитвы к Богу приблизиться не можешь». Еще: «После труда молитвы возложение на ум иного попечения производит рассеяние мыслей». Еще: «Всякая молитва, в которой не утомится тело и не сокрушится сердце, подобна недоношенному плоду чрева: ибо такая молитва без души есть». И святой Лествичник: «Молитва, по качеству своему, есть общение (συνουσία — сосущие, слитие в одно бытие) и единение человека и Бога; по действию же она есть стояние мира, Бога примирение, слез матерь и опять дщерь, умилостивление о грехах, мост через искушения, средостение от скорбей, пресечение браней, дело Ангелов, пища всех бесплотных, будущее радование, конца и предела не имеющее делание, источник добродетелей, ходатаица и виновница дарований, невидимое преспеяние, пища души, просветление ума, отчаянию секира, доказательство надежды, разрешение уз печали, богатство монахов, сокровище безмолвников, уменьшение (постепенное до ноля) гнева, зеркало преспеяния, проявление мер (на какой кто стоит мере), показание состояния (или устроения духовного),

возвестительница будущего, знамение прославления. Для истинно молящегося молитва есть истязалище, судилище и престол Господень, прежде престола будущего» (Сл. 28, 1); и еще: «Молитва не что иное есть, как отчуждение от мира видимого и невидимого». И святой Нил: «Если желаешь стяжать молитву, отрекись от всего, да все наследуешь». Еще: «Молитва есть восхождение ума к Богу». Еще: «Молитва есть беседа ума с Богом». Еще: «Как хлеб есть пища для тела и добродетель — для души, так для ума молитва есть духовная пища».

И об этом (то есть о молитве, как пище душевной), так (рассуждайте).

Теперь благовременно нам и о телесной пище, о ее мере, количестве и качестве кратко сказать, что подобает по силе нашей.

30) О телесной диете или как должно питаться безмолвствующему

Написано: сыне человеч, весом снеси хлеб твой, и воду мерою пити будеши (см. Иез. 4, 9-10), сколько потребно, чтоб, довольствуясь тем, подвизающийся по Богу мог жив быть. Ибо, как говорит некто из отцов, если не дашь крови, Духа не приимешь. И великий Павел говорит: *умерщвляю тело мое и порабощаю, да не како, иным проповедуя, сам неключим буду* (1 Кор. 9, 27). То же и Божественный Давид: *колена моя изнемогоста от поста, и плоть моя изменися елеа ради* (Пс. 108, 24). И Богослов: «Ни чем так не благоугождается Бог, как злостраданием или телесными ради Его лишениями; и ни чем так не привлекается человеколюбие Его, как слезами». И святой Исаак: «Как мать печется о чаде, так и Христос печется о теле здостраждущего (терпящего ради Его телесные лишения), и всегда есть близ тела его» (Сл. 58, с. 443). Еще: «В чреве насыщенном нет видения таин Божиих» (там же). Еще: «Как те, кои сеют слезами, приемлют рукояти радования: так радостью исполняются злостраждущие (подъемлющие произвольные телесные лишения) ради Бога». Еще: «Блажен заградивший вход к себе всякому сладострастию, разлучающему его от Создателя Его» (Сл. 75, с. 533-535).

Еще: «Долгое время искушаемый в десных и шуиих, неоднократно изведав себя сими двумя способобами, прияв на себя

бесчисленные удары противника и сподобившись втайне великих вспоможений, в продолжение многих лет снискал я опытность и по благодати Божией опытно дознал следующее.

— Основание всего доброго, возвращение души из вражия плена, путь, ведущий к свету и жизни, — все это заключено в следующих способах: собрать себя воедино и всегда поститься, то есть премудро и благоразумно поставить для себя правилом воздержание чрева, неисходное пребывание на одном месте, непрестанное занятие богомыслием.

— Отсюда покорность чувств; отсюда трезвенность ума; отсюда укрощение свирепых страстей, возбуждающихся в теле; отсюда тихость помыслов; отсюда светлые движения мысли; отсюда рачительность к делам добродетели; отсюда высокие и тонкие умопредставления; отсюда не знающие меры слезы, источающиеся во всякое время, и память смертная; отсюда чистое целомудрие, совершенно далекое от всякого мечтания, искушающего мысль; отсюда проницательность и дальновидность; отсюда глубокие и таинственные понятия, какие ум постигает при пособии Божественных словес, и внутренние движения, происходящие в душе, разделение и различение духовного, как в святых силах и истинных видениях, так и в суетных мечтаниях.

— Отсюда тот страх на путях и стезях, который в море мысли отсекает леность и нерадение; тот пламень ревности, который попирает всякую опасность, и превозмогает всякий страх; та горячность, которая пренебрегает всяким вожделением, и изглаждает оное в уме, и вместе с прочим приводит в забвение всякое памятование о преходящем; короче сказать, отсюда свобода истинного человека, душевная радость и воскресение со Христом в Царствии.

— Если же кто вознерадит о сих двух способах, то пусть знает, что не только повредит он себе во всем, что пред сим сказано, но поколеблет и самое основание всех добродетелей пренебрежением сих двух добродетелей. И как они, если кто удержит их в себе и пребудет в них, суть начало и глава Божественного делания в душе, дверь и путь ко Христу; так если кто отступит и удалится от них, то приидет к сим двум противоположным тому порокам, разумею телесное скитание и бесчестное чревоугодие.

Это суть начала противного сказанному выше, — и они дают место в душе страстям» (Сл. 75, с. 533-535).

В другом месте он же пишет: «Которые нерадивы и слабы в начале подвига, те не только от сих и подобных борений[1], но и от шума древесных листьев приходят в боязнь и смятение, и малою нуждою, голодом в случае недостатка и небольшою немощию преодолеваются, отрекаются от подвига, и возвращаются вспять. Истинные же и благоискусные подвижники не пресыщаются злаками и овощами, даже питаясь сухими былиями, не соглашаются что-либо вкусить прежде назначенного часа, но в телесном изнеможении лежат на голой земле; очи их едва смотрят от чрезмерного истощения тела, и если от нужды близки бывают они к тому, чтобы разлучиться с телом, не уступают над собою победы и не оставляют крепкого произволения, потому что желают и вожделевают лучше сделать себе принуждение из любви к Богу, и предпочитают трудиться ради добродетели, нежели иметь временную жизнь и в ней всякое упокоение. И когда приходят на них искушения, веселятся паче и еще усовершаются ими. Даже среди тяжких предстоящих им трудов не колеблются они в любви Христовой, но пока не утратят жизни, пламенно желают с мужеством выдерживать нападения и не отступают, потому что через это усовершаются» (Сл. 60, с. 475).

С сими и подобными сим уроками согласуясь, и так же покоряясь тому, кто сказал: царским путем шествуй*, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27), и мы излагаем тебе средний устав о пище, состоящий в таких правилах...

31) Как подвизающемуся должно питаться в понедельник, среду и пяток

В три дня недели, второй, четвертый и шестой, всегда твори девятицу, вкушая пищу однажды в день (в 9 часов), съедая хлеба унгий шесть (три осьмухи фунта), сухих снедей не досыта и воды три или четыре чаши, последуя 69-му правилу святых апостолов, которым законополагается: «Если какой епископ или пресвитер, или диакон, или чтец, или певец[2] святую

---

[1] Выше изображены вражеские искушения.

[2] Аскеты причисляются в духовенству.

Четыредесятницу пред Пасхою или в среду, или в пятницу не постится, да будет извержен, кроме препятствия от немощи телесной; если же это будет мирянин, да будет отлучен». В понедельник же пост установлен после святыми отцами.

32) Как должно питаться во вторник и четверток

В два дня, во вторник и четверток, дважды в день принимай пищу, съедая хлеба тоже шесть унгий, какое-либо варево воздержно и сколько-нибудь из сухих снедей, и выпивая вина, если употребляешь, растворенного водою чаши три или четыре; вечером же съедай хлеба унгии три, что-нибудь из сухих снедей или овощей каких, вина с водою выпивай одну чашу или много две, когда жажда сильная одолевает.

Жажда, впрочем, много содействует в слезах, сожительницею имея и бдение, о коих так говорит святой Лествичник: «Жажда и бдение сокрушают сердце; от сердца же сокрушенного источаются слезы» (Сл. 6, 13). И святой Исаак: «Ради Бога потерпи жажду, да напоит Он тебя любовию Своею».

Если же ты и в эти два дня предпочтешь однажды принимать пищу, очень добре сотворишь; так как пост и воздержание есть первая добродетель — мать, корень, источник и основание всего доброго. И из внешних мудрецов некто говорит: «Избери наилучшую жизнь, навык же потом сделает ее приятною». И Василий Великий: «Где произволение с твердою решимостию, там нет препятствий». И другой некто из богоносных мужей: «Начало плодоносия — цвет; а начало деятельной жизни воздержание» (прп. Нила, ч. 1, с. 201).

Это, равно как и последующее за сим, иным покажется, может быть, неудобным или даже и невозможным. Но кто возьмет во внимание процветающее от сего приплодие и пред очами ума держать станет обыкновенно порождающееся из сего славное состояние; тот признает сие нетрудным, и помощью Господа нашего Иисуса Христа при своем посильном о том рачении и словами, и делами воспроповедует, сколь сие удобоисполнимо, в подтверждение сего, как бы печать какую приложив ими (делами и словами). И святой Исаак говорит: «Скудный хлеб на трапезе чистого очищает душу вкушающего от

всякой страсти... От трапезы постящихся, пребывающих в бдении, и трудящихся о Господе возьми себе врачевство жизни и возбуди от омертвения душу свою. Ибо среди их возлежит Возлюбленный, освящая снеди их и горечь скудной трапезы их претворяя в неизреченную свою сладость; духовные же небесные служители Его осеняют их и святые явства их» (Сл. 8, с. 62). Еще: «Воня постника весьма сладостна, и встреча с ним веселит сердца рассудительных... Любезно Богу поведение воздержного» (там же, с. 63).

33) Как надлежит питаться в субботу. Также о бдениях и о том, как подобает принимать пищу во время оных

Во всякую субботу, кроме Великой, подобает тебе два раза принимать пищу, как выше положено для вторника и четвертка. Это и по определению священных правил, и потому, что во все всего лета дни Господни должен ты совершать бдения, кроме сырного и еще кроме того случая, когда на неделе случится какой-нибудь великий Господский праздник или праздник какого-либо из великих святых. Тогда совершай бдение в эти дни, а в день Господень оставляй его. Но так или так будет, в субботу все два раза принимай пищу. Впрочем, так как тебе полезно всегда понуждать себя на делание бдения нощного, то гораздо лучше тебе, несмотря на совершение бдения на неделе, по случаю означенных выше дней, совершать оное и на воскресенье. Пользу от этого великую сам скоро увидишь; *разверзется,* скажем словом пророка Исаии, *рано свет твой, и изцеления твоя скоро возсияют* (Ис. 58, 8).

Святой Исаак говорит: «Каждому подвигу против греха и похотения труд бдения и пощения есть начало, особенно для того, кто подвизается против сущего внутри нас греха. И из этого узревается признак ненависти ко греху и похоти в подвизающихся в сей невидимой брани. И все почти страстные прилоги начинают умаляться от пощения. После же него особенно содействует подвижничеству нощное бдение. Во всю жизнь свою любящий беседовать с сею двоицею, другом бывает целомудрия. Как упокоение чрева и многоспание до расслабления, возжигающее похоть блудную, суть начало всех зол: так суть

путь Божий святой и основание всякой добродетели пост, бдение и бодренность в священнослужении Богу». Еще: «В душе, облиставшейся памятью и неусыпным бдением ночь и день, — вот где устрояет Господь к утверждению ее и обезопасению облако, сенью своею покрывающее ее во дни, и светом огня освещающее ночью» (см. Пс. 77, 14). Еще: «Избери себе сладостное делание, бдение всегдашнее по ночам, коими все отцы совлеклись ветхого человека и сподобились обновления ума. В часы сии душа чувствует жизнь оную бессмертную, и в чувстве ее совлекается тьмы страстей, и приемлет Духа Святого» Еще: «Почти делание бдения, да обретешь утешение в душе своей». Еще: «Не думай, человече, что во всем подвижничестве монашеском есть какое-либо делание, большее нощного бдения». Еще: «На монаха, пребывающего в бдении с рассуждением ума, не смотри, как на плоть носящего: ибо дело сие, яко воистину, есть дело ангельского чина». Еще: «Душа, в сем ангельском делании бдения трудящаяся, будет иметь херувимские очи, и ими созерцать и видеть непрестанно небесные видения».

Бдения сии проводи в молитве, псалмопении и чтении, чисто, непарительно и с сокрушенным умилением, один, или с любезным и единомысленным содружием. После всякого твоего бдения делай труда ради, от бдения бывшего, небольшое утешение в пище и питии на вечери, именно: съедай хлеба унгии три, с приложением и сухих каких снедей, сколько потребно тебе будет, пей и вина с водою чаши три. Но смотри, имея бдение в день девятичный, никак не нарушай ради сего бдения девятицы. Ибо сие подобает творити и оного не оставляти. Утешение, о коем здесь говорится, полагается по совершении бдения.

34) Как подобает питаться по воскресеньям и о других вещах, также о труде и смирении

Также и во все воскресные дни два раза в день принимай пищу, как и в субботы. Это установление цело да блюдется, как положено, кроме немощи. То же делай и во все дни, в кои так делать разрешили святые отцы или долгим обычаем так установилось по каким-либо причинам. И в эти дни не однажды принимаем мы пищу и сухоядения не держим, но от всего полезного

и не зазорного вкушаем, также и из овощей, что случится, с воздержанием однако ж и в определенном количестве; ибо воздержание во всем и всегда прекрасное дело. При телесных же немощах, можно, как сказали мы, вкушать, не стыдясь, от всего потребного и разрешенного нам для поддержания тела. Ибо святые отцы научили нас быть страстоубийцами, а не телоубийцами. Разрешенное же разумеем не вообще христианам, а нам, по нашему иноческому чину. Всего сего причащайся с благодарением, во славу Божию и во избежание кичения, только не допускай излишества. «Скудость вещей, — говорит святой Исаак, — невольно научает человека воздержанию, хотя бы он того и не хотел; напротив, когда их у нас вдоволь и доступ к ним открыт, тогда трудно нам себя воздержать». Телесного упокоения не люби. Ибо душа, Бога возлюбившая, по слову опять преподобного Исаака, в Боге едином и упокоение имеет. Избери же себе паче труд и скудость в содержании, и смиренство. Ибо труд и смирение, пишет некто из святых, стяжавают Христа.

35) Какую диету держать и как жительствовать должно в посты, и особенно в пост Великий

О диете и вообще об образе жизни во святые посты излишне, думаю, толковать в особенности и подробно. Ибо как определено тебе поступать в те дни, в кои держишь девятицу, так надлежит тебе поступать и в святые посты, кроме суббот и воскресений. Но, если можешь, держи себя в них еще строже и еще трезвеннее, наипаче же во святую великую Четыредесятницу, которая есть как бы десятина Богу от целого года, и победителям Христовым доставляет награды за подвиги пресветлым днем Божественного Воскресения.

36) О рассуждении в частности и о том, что умеренному деланию цены нет; и о послушании

Впрочем, все сие и все подобное сему надлежит тебе проходить со тщательным рассуждением для сохранения мирного сердца устроения при удовлетворении потребностей двоякого твоего естества. *С премудростию,* говорит Премудрый, *зиждется дом и с разумом исправляется: с чувствием исполня-*

ются сокровища от всякаго богатства честнаго и добраго (Притч. 24, 3, 4). Пишет и Божественный Фалассий: «Рассудительная скудость и теснота царский есть путь; безрассудное же самоизнурение и бессловесная поблажливость вредны, как без толку с той и другой стороны бывающие». И преподобный Исаак: «За ослабою членов следует исступление и смятение помыслов; за неумеренным деланием — уныние, и за унынием — исступление. Но одно исступление разнится от другого исступления: за первым исступлением следует блудная брань; а за вторым — оставление безмолвного своего обиталища и перехождение с места на место. Умеренному же и терпеливо, хотя с трудом держимому деланию, цены нет. Умаление подвижнического самоутруждения множит сласть греховную, а безмерность в нем порождает исступление» (Сл. 71, с. 524). И святой Максим Исповедник: «Не все пекись о плоти, но определив ей подвиг по силе ее, весь ум свой обрати на внутреннее. Ибо *телесное обучение вмале есть полезно, а благочестие на все полезно есть* (1 Тим. 4, 8)» (О любви, сотня 4-я — 63). Когда же весовая чаша плоти сколько-нибудь перетягивает, мучит и тяготит чашу душевную, влекущи ее к пожеланиям и движениям бесчинным и душетлительным, как написано: *плоть похотствует на духа, дух же на плоть* (Гал. 5, 17); тогда ты сам, обуздав ее браздою воздержания, умертвляй ее пока, и нехотя станет она послушною правящему и покорится лучшему, припомнив слово великого Павла: елико *внешний наш человек тлеет,* толико *внутренний обновляется по вся дни* (2 Кор. 4, 16)», и святого Исаака: «Дай себе умереть в подвигах и не жить в нерадении: ибо не только те, кои за веру во Христа прияли смерть, суть мученики, но и те, кои умирают за соблюдение заповедей». Еще: «Лучше нам умереть в подвигах, чем жить в падениях». Еще: «Главное — все делай с советом и вопрошением отца твоего духовного о Христе Иисусе: ибо таким образом благодатию Христовою несносное и стремнистое бывает легко, и тебе покажется, будто ты несешься по ровному, несколько покатому полю». Но пора нам возвратиться к тому, с чего отступили (см. гл. 27).

37) Как подвизающемуся надлежит проводить время от вкушения пищи до заката солнца; и о том, что веровать должно, что по труду и мере делания нашего прибавляется нам и подаяние Божественных даров

Подкрепившись пищею, как подобает подвизающемуся, по слову Божественного Павла, повелевающего: *подвизаяйся от всех воздержится* (1 Кор. 9, 25), сядь и читай довольно отеческие писания, наипаче те, кои учат трезвению; потом сосни час один, если дни велики; встав затем, порукодельствуй немного, держа и молитву; после сего помолись, как прежде показано... опять читай, размышляй и поучайся, всячески стараясь смиренномудрствовать и иметь себя ниже всех людей.

Ибо возносяй себе, говорит Господь, смирится*; смиряяй же себе, вознесется* (Лк. 18, 14); еще: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12); еще: *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать* (Иак. 4, 6; Притч. 3, 34). Еще: *начало гордыни отступление от Господа* (Сир. 10, 14); еще: *гордии законопреступоваху до зела* (Пс. 118, 51); и еще: *не высокая мудрствующе, но смиренными ведущеся* (Рим. 12, 16). И Божественный Златоуст говорит: «Тот наилучше знает себя, кто думает о себе, что он ничто; и ничто так Богу не любезно, как причисление себя к последнейшим». И святой Исаак: «Смиренномудрым открываются тайны». Еще: «Где произрастает смирение, там источается слава Божия». Еще: «Благодати предшествует смирение, а наказанию предшествует самомнение». И святой Варсонофий: «Если истинно желаешь спастися, то покажи послушание самым делом: воздвигни ноги твои от земли, ум же свой возведи на небеса, и там будь помышлением своим ночь и день, но при этом, сколько сил есть, почитай себя презренным, всячески напрягаясь видеть себя низшим всякого человека. Это есть истинный путь; кроме его другого нет для хотящего спастися *о укрепляющем его Христе* (Флп. 4, 13). Да течет хотяй; да течет хотяй; да течет хотяй, да постигнет (см. 1 Кор. 9, 24). Свидетельствую сие пред Богом живым, хотящим жизнь вечную даровать всякому желающему» (Отв. 477). И святой Лествичник: «Не постился я, не совершал бдений, не спал на голой земле, но смирихся, паче всего ища ни во что себя вменения, и

вскоре спасе мя Господь (см. Пс. 114, 5)». Опять святой Варсонофий говорит: «Беспопечение о всем приближает тебя ко граду; непочитание себя чем-либо между людьми вселяет во град, а умертвие для всякого человека делает наследником града и сокровищ его». Еще: «Если хочешь спастися, держи ни во что себя вменение, и теки вперед». «Ни во что же себя вменение есть, по преподобному Иоанну, ученику сего святого, не равнять себя ни с кем, и о добром деле не говорить: и я то же сделал».

После сего опять молись чисто и непарительно, пока спадет вечер. Тут пой обычную вечерню и отпуст сотвори, от чистого сердца веруя, что по мере труда и болезнования добродетели ради, и вообще по мере делания нашего подвижнического, Богом присуждается нам подаяние даров, венцов и утешений, как говорит Божественный Псалмопевец: *по множеству болезней моих в сердце моем, утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19). И Сам Спаситель: *приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28); и Павел великий: *понеже с Ним* (Христом) *страждем, да и с Ним прославимся. Непщую бо, яко недостойны страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 17-18); и Максим, премудрый в разумении Божественных вещей: «Причиною (такого или другого) раздаяния Божественных благ бывает мера веры каждого. Ибо поколику веруем, потолику и силу ревности о действовании по вере имеем. Почему действующий по вере соответственную своей деятельности показывает и меру веры, приемля, поколику веровал, и меру благодати. А не действующий по мере соответственную своему безделью показывает и меру безверия, приемля, поколику не веровал, и лишение благодати. Таким образом, худо делает завистливый, завидуя преуспевающим, когда явно в его власти, а не другого кого, состоит приложение веры и деятельности по вере, чтоб приять и по мере веры приходящую благодать».

Наконец, от души испрашивай прочее время пребыть в мире и покаянии, сподобиться христианской кончины живота, безболезненной, непостыдной и мирной, и доброго ответа на Страшном Судище Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.

38) Чистая молитва есть больше всякого делания

К показанному выше знай и то, брате, что всякий метод или прием, всякое правило и, если хочешь, эти разные делания, потому установляются и узаконяются, что мы не можем еще чисто и непарительно молиться. Поелику, когда сие, благоволением и благодатию Господа нашего Иисуса Христа, совершится в нас, тогда мы, оставя многое и разнообразное, непосредственно паче разума соединяемся с Единым Единичным и Единящим, как сказано славным Богословом: «Когда Бог с богами (богоподобными людьми) соединяется и ими познается, тогда Святым Духом всуществленное в сердце совершается осияние». Оно рождается от помянутой чистой и непарительной молитвы сердечной. Редко же кто и едва один из тысячей сподобляется благодатию Христовою достигнуть такого устроения. А еще выше его востечь и духовной сподобиться молитвы, и удостоиться откровения таинств будущего века есть достояние весьма немногих, в родах и родах появляющихся благоволением благодати, как пишет и святой Исаак: «Как из многих тысяч едва находится один, исполнивший заповеди и все законное и достигший душевной чистоты: так из тысячей разве один найдется, с великим хранением сподобившийся достигнуть чистой молитвы, расторгнуть сей предел и улучить оное таинство, потому что многие чистой молитвы никак не сподобились, а немногие. Достигший же того таинства, которое после нее и за пределами ее есть, едва в роде и роде найдется кто благодатию Христовою...» (Сл. 16, с. 91).

Почему и ты, если хочешь сподобиться таковых новых таинств делом и вещью, то есть самым опытом о Христе Иисусе, во всякое время и всякий час, и во всяком делании твоем пытайся настраиваться так, чтоб молиться в сердце чисто и непарительно, да тако, как из младенца ссущего преуспеешь в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова, и с верным и мудрым строителем (управляющим — Лк. 12, 42) улучишь ублажение и гласное одобрение, как в суде (разумно) устрояющий словеса свои, то есть сообразно с словом и жизнь ведущий, почему и не поколеблешься вовек. Филимон пишет о сем так: «Брате, ночью или днем сподобит тебя Бог чисто и непарительно помо-

литься умом, не смотри на свое правило, но сколько есть у тебя силы, напрягайся пребыть в сем прилеплении к Богу, и Он просветит сердце твое о делании духовном». И еще некто из богомудрых сказал: «Если желаешь в теле подобно бестелесным служить Богу, стяжи непрестанную сокровенную в сердце молитву, и прежде смерти душа твоя будет, как Ангел». Согласное с сим пишет и святой Исаак, когда, будучи вопрошен некиим, «что главное во всех трудах дела сего, то есть безмолвия, чтоб достигший сего уразумел, что достиг совершенства в сем образе жизни, — ответил: то, когда кто сподобится непрестанной молитвы. Ибо когда он достигнет сего, то это будет означать, что он восшел на самый верх всех добродетелей и соделался уже жилищем Святого Духа; так как тому, кто не приял несомненно сей благодати Утешителя, невозможно с отрадою держать пребывание сей молитвы в сердце. Почему и говорится, что, когда Дух Святой вселится в ком из людей, тогда не престает он от молитвы, ибо тогда Сам Дух молится в нем непрестанно (см. Рим. 8, 26). Тогда, и когда спит он, и когда бодрствует, молитва не пресекается в душе его; но ест ли, пьет ли, спит ли, делает ли что, даже и в глубоком сне, без труда издаются сердцем его благоухания и воздыхания молитвенные. Тогда молитва не отступает от него, но всякий час, хотя и умолкает таковая вне, внутри его не перестает она священнодействовать тайно. Почему молчание чистых некто из христоносцев называет молитвою; так как помыслы их суть Божественные движения; движения же чистого сердца и ума суть кроткие гласы, коими они сокровенно воспевают Сокровенного» (Сл. 21, с. 151-2). и многие другие из богоносных мужей, будучи опытно самою благодатью тайно научаемы, изрекли очень много такого, удивления достойного, что мы по длительности слова опускаем.

39) О количестве коленопреклонений в продолжение дня и ночи

Что касается до количества коленопреклонений, то знаем, что триста числом определено их нам Божественными отцами, кои и должны мы совершать в каждое нощеденствие пяти дней недели. Ибо во всякую субботу и всякое воскресенье, а также

и в другие обычаем определенные дни и недели, по некоторым таинственным и сокровенным причинам, воздерживаться от них получили мы заповедь. Некоторые, впрочем, более сего числа кладут поклонов, а иные менее: каждый по силе и произволению своему. И ты совершай их по силе своей. Впрочем, блажен воистину, кто всегда во всем, что по Богу есть, понуждая себя, понуждает себя часто и в этом. Ибо *нудится Царствие Божие, и нуждницы восхищают* его (Мф. 11, 12).

40) О том, что раздаяние даров Божиих бывает не только по мере подвига и делания нашего, как сказано, но и по навыку и способности, по вере и естественному нашему предрасположению

И то ведать подобает, что раздаяние нам даров Божиих бывает не только по мере подвига и делания нашего, как сказали мы прежде, но и по навыкновению сему образу жизни, и по способности, и по вере нашей и по естественному нашему расположению. Святой Максим говорит: «Ум есть орган премудрости; разум — орган ведения; естественное по обоим им убеждение — орган по обоим им составляющейся веры; естественное же человеколюбие — орган дарования исцелений. Ибо всякое дарование Божие благодатное способный к тому и естественный имеет в нас приемный орган, как силу или навык, или предрасположение. Именно: кто ум свой сделал чистым от всяких чувственных мечтаний, тот приемлет премудрость; кто же разум поставил господином врожденных нам страстей, — разумею гнева и похоти, тот приемлет ведение; кто по уму и разуму непоколебимое имеет убеждение в вещах Божественных, тот приемлет всемогущую веру; кто в естественном преуспел человеколюбии, тот по совершенном уничтожении самолюбия приемлет дарование исцелений». — И все это так есть.

Смотри же, чтоб никто не знал дела твоего, кроме настоятеля и руководителя твоего, молясь усердно и о нас недостойных, говорящих, но не делающих добра, да сподобимся первее творить угодное Богу, а потом и другим говорить и советовать. Ибо, по слову Господню, *кто сотворит и научит, сей велий наречется* (Мф. 5, 19). Тебе же Вседержитель и Господь всеще-

дрый да дарует силу и да благопоспешит и выслушать сие разумно и творить со всем усердием: ибо, по Божественному Павлу, *не слышателие бо закона праведни пред Богом, но творцы* (Рим. 2, 13). И да наставит Он тебя на всякое дело благое и спасительное, и в предлежащем тебе умном и священном делании да поруководит Духом по молитвам святых. Аминь.

Но как впереди малое нечто сказано нами о деятельной рассудительности, то теперь благовременно, по силе нашей, вкратце сказать и о всеобъемлющей и совершеннейшей рассудительности, так как она больше всех добродетелей, по свидетельству великих отцов наших.

41) О всеобъемлющей и совершеннейшей рассудительности; и о том, кто живет противоестественно и плотски, кто – по естеству и душевно и кто – выше естества и духовно

Кто плотски и противоестественно живет и действует, тот совсем потерял свою рассудительность; а кто, отклонясь от зла, положил начало творить благое, как написано: *уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15), тот, как только еще вводимый в область добра и ухо приклоняющий к учению, приникает мало как бы некоему чувству рассудительности, свойственной новоначальному. Кто же по естеству и душевно, то есть смысленно и разумно живет и действует, почему называется и средним, тот, по своей мере, и видит и обсуждает и то, что его касается, и то, что касается подобных ему. Кто, наконец, выше естества и духовно живет, тот, как прошедший за предел страстного, новоначального и среднего, и благодатию Христовою достигший совершенства, то есть всущественного просвещения и совершеннейшей рассудительности, видит себя самого и обсуждает наияснейше, а также и всех видит и обсуждает определительно верно, сам не будучи ни от кого видим и обсуждаем верно, хотя у всех на виду находится, как говорит апостол: *духовный востязует убо вся, а сам той ни от единаго востязуется* (1 Кор. 2, 15).

42) Еще о рассудительности, в уподоблениях

Из сих первый подобен шествующему в глубокой ночи и непроницаемой тьме; почему, как блуждающий в непроглядной тьме и мраком покрытый, не только себя не видит и не обсуждает, но и того не разумеет, куда направляется и где полагает стопы свои, как говорит Спаситель: *ходяй во тме не весть, камо идет* (Ин. 12, 35). Второй подобен шествующему в светлую ночь, звездами освещаемую; почему, мерцаниями звезд будучи мало как бы осияваем, понемногу ступает, часто спотыкаясь ногами о камни нерассудительности и подвергаясь падениям. Сей немножко и себя, как в тени, видит и обсуждает, как написано: *востани спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос* (Еф. 5, 14). Третий подобен шествующему в ночи полнолунной и тихой; почему, лучами лунными направляем будучи, идет менее заблудно и в предняя простирается; себя видит, как в зеркале, и обсуждает, равно как и сшествующих ему, как сказано: *емуже,* то есть пророческому слову, *внимающе, якоже светилу, сияющу в темнем месте, добре творите, дондеже день озарит, и денница возсияет в сердцах ваших* (2 Пет. 1, 19). Четвертый подобен шествующему в полдень чистейший, светлыми лучами солнца освещаемый; почему таковой и сам себя совершенно видит, как при солнечном свете, и обсуждает полно и верно и других многих, лучше же сказать, всех восстязует, по вышеприведенному слову святого Павла, да и все, встречающееся с ним, что бы то ни было и как бы ни было, сам шествуя незаблудно и последующих ему ведя непреткновенно к настоящему Свету, животу и истине. О таковых написано: *вы есте свет мира* (Мф. 5, 14); и Божественный Павел говорит: *Бог, рекий из тмы свету возсияти, иже возсия в сердцах наших, к просвещению разума славы Божия о лице Иисусе Христове* (2 Кор. 4, 6); и блаженный Давид: *знаменася на нас свет лица Твоего, Господи* (Пс. 4, 7); еще: *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10); и опять сам Господь: *Аз есмь свет миру: ходяй по Мне, не имать ходити во тме, но имать Свет животный* (Ин. 8, 12).

43) О преложении и изменении, бывающем с каждым человеком, и о высокой славе смирения

Желаем мы, чтоб ты ведал и то, что и совершенства достигшие через очищение себя и просвещение, сколько это возможно (ибо в нынешнем несовершенном веке нет совершенного совершенства, но паче недоверщенное совершенство), и такие не всегда сохраняют неизменность и по причине естественной немощи, и по причине прокрадывающегося иной раз возношения, но и изменения, и окрадения претерпевают иногда во испытание, и опять заступлений наибольших сподобляются. Ибо непреложность и неизменность есть достояние будущего века; в настоящем же веке бывает то время чистоты, мира и утешения Божественного, то примешения нечистого волнения и печали, и это соответственно жизни и преуспеянию каждого, и имиже весть Господь судьбами, для того, да познавая из сего немощь свою (ибо блажен, говорит некто, сознающий немощь свою), подобно святому Павлу, *не надеющеся* будешь *на ся, но на Бога, возставляющаго мертвыя* (2 Кор. 1, 9). И святой Исаак говорит: «Один раз за другим иные многократно преступают закон и покаянием врачуют души свои, и благодать приемлет их; потому что во всяком разумном существе без числа бывают перемены, и с каждым человеком ежечасно происходят изменения. И рассудительный имеет много случаев уразуметь это. Но испытания, каждый день бывающие с ним, особенно могут умудрить его в этом, если он трезвенно бодрствует над собою, между прочим и для того, чтоб наблюсти себя умом и познать, какое изменение в кротости и тихонравии принимает душа каждый день и как из мирного устроения своего внезапно переходит она в смятение, и как бывает при сем в великой и несказанной опасности. И сие-то блаженный Макарий явно по великому попечению и ревности о братиях написал на память и в научение их, — не предаваться, во время изменения сопротивлений (или браней), в отчаяние, потому что и с стоящими в чин чистоты случаются всегда падения, как случается с воздухом охлаждение, и без того, чтоб они были в нерадении и разленении, а напротив, когда

шествуют по чину своему, случаются с ними падения, противные цели их стремления» (Исаака сл. 46, с. 283, 4).

И еще немного ниже говорит он: «Изменения, говорит святой Макарий, в каждом бывают, как в воздухе». Выразумей это «в каждом», потому что естество одно. Чтоб ты не подумал, что он сказал это о низших и немощнейших, полагая, что совершенные свободны от изменения и всегда стоят неуклонно в одном чине, без страстных помыслов, как и евхиты говорят, прибавил он это «в каждом». Как же это, блаженне Макарие? Ты говоришь, что как вне бывает холод и вскоре потом зной, там град и спустя немного вёдро, так бывает и в нашем подвижничестве: то брань, то заступление благодати; в иное время душа бывает в обуревании, и восстают на нее жестокие волны; и снова происходит изменение, потому что приходит благодать, и наполняет сердце человека радостью и миром от Бога, целомудренными и мирными помыслами. Он указывает здесь на сии помыслы целомудрия, намекая, что прежде них были скотские и нечистые, и как бы совет дает, говоря: «Если за сими целомудренными и скромными помыслами последует нападение худых, не будем печалиться и отчаиваться. И всегда, во время упокоения благодатного, не будем величаться в самовосхвалении, но во время радости станем ожидать скорби» (Исаака сл. 46, с. 285).

Далее говорит он еще: «Знай, что все святые пребывали в сем деле. Пока мы в сем мире, вместе с прискорбным бывает нам втайне и утешение избыточествующее. Ибо каждый день и каждый час требуется от нас опыт любви нашей к Богу, в борьбе и подвиге против искушений. И вот что есть — не печалиться и не унывать нам в подвиге; и так исправляется путь наш. Желающий же от этого отступить или уклониться бывает добычею волков. Вот дивно что в сем отце святом, — как он кратким словом подтвердил мысль сию, доказал, что она исполнена разума, и из ума читающего совершенно исторг всякое сомнение! Он говорит: «Уклонявшийся от сего и частью волков ставший не хочет шествовать должным путем, но положил в уме своем стяжать искомое, шествуя путем собственным, по которому не ступали ноги отцов» Исаака сл. 46, с. 286-7).

Еще ниже: «Смирение и без дел многим прегрешениям стяжавает прощение; а дела без него, напротив, неполезны. Что соль для всякой пищи, то смирение для всякой добродетели, и крепость многих грехов может оно сокрушить. Об нем потому нужно в душе печалиться (заботиться) непрестанно, с уничижением своего разумения; и если приобретем его, оно сделает нас сынами Божиими, и без дел добрых представит нас Богу, а без него все дела наши, всякие добродетели и всякое делание напрасны. Его одного достаточно, чтоб без сторонней помощи представить нас пред лице Бога и говорить за нас ходатайственно» (Исаака сл. 46, с. 289). И еще: «Сказал некто из святых: когда приидет к тебе помысл гордыни, говоря: вспомни добродетели свои, ты скажи ему: смотри, старик, на блуд свой» (Исаака сл. 46, с. 290).

44) О покаянии, чистоте и совершенстве

Святой Исаак говорит: «Совершенство всего течения нашего состоит в следующих трех: в покаянии, чистоте и совершенстве. Что же есть покаяние? Оставить прежнее и печалиться о нем. Что есть чистота вкратце? Сердце милосердующее о всяком созданном естестве. И что есть совершенство? Глубина смирения, которая есть оставление всего видимого и невидимого: видимого — всех чувственных вещей, невидимого — существ мысленных» (Сл. 48, с. 298).

Иначе: «Покаяние есть сугубое умертвие от всего произвольное. Сердце милосердующее есть горение сердца о всякой твари, и о людях, и о птицах, и о животных, и о демонах, и о всяком создании» (там же).

И опять: «Пока мы в мире сем находимся и остаемся во плоти, дотоле, если до самого свода небесного подымемся, без дел и труда, и в беспопечении быть не можем. В этом все совершенство, прости мне. Выше же этого есть тайное в сердце поучение без помышлений или умная молитва (Сл. 47, в конце).

Святой Максим говорит: «Любомудрие по добродетели обыкновенно производит бесстрастие произволения, а не бесстрастие естества, в силу коего, то есть бесстрастия произволения, приходит в душу мысленная благодать Божественной

сладости». И опять: «Испытавший печаль и сладость плотскую может быть назван опытным, как опытом познавший приятности и неприятности вещей плотских; совершенным, силою разума победивший сладости плотские и прискорбности; всецелым, деятельные и мысленные навыкновения неизменными соблюдший крепким к Богу устремлением. Сего ради рассудительность и признана высшею всех добродетелей, что те, у кого она, по благоволению Божию, породится, будучи просвещаемы Божественным светом, могут наиточнейше различать Божеские и человеческие вещи, и видения таинственные и сокровенные».

Но время уже по ряду изложить тебе, сколько доступно нам, что касается начала священного и боготворного безмолвия. Бог же да наставит нас в том, что имеет быть сказано.

45) О пяти деланиях первоначального или вводного безмолвия приступающих к нему, именно: молитве, псалмопении, чтении, богомыслии и рукоделии

В пяти деланиях, коими благоугождается Бог, должен проводить свое нощеденствие или часы дня и ночи только что приступивший к безмолвию, новоначальный, именно: ***в молитве,*** то есть в памятовании Господа Иисуса Христа непрестанном, тихо вводимом, как сказано прежде, путем дыхания в сердце, и опять также изводимом, при смежении уст, без всякой какой-либо иной мысли и воображения, которая (молитва) при всестороннем воздержании, то есть при обуздании чрева, сна и других чувств, с искренним смирением исправляется в келлии (кроме сей молитвы должен он проводить время) ***в псалмопении, в чтении*** священного Апостола и святых Евангелий, писаний святых и богоносных отцов, особенно глав о молитве и трезвении, и прочих Божественных словес Духа, ***в воспоминании*** с болезнованием сердечным ***грехов своих, в размышлении*** о суде Божием или о смерти, или о вечном мучении, или о вкушении вечных благ, и о подобном, — и ***в рукоделии*** небольшом, для прогнания уныния. (Но после сих деланий, особенно рукоделия) надлежит опять возвращаться к молитве, хотя делание ее притрудно и требует самопринуж-

дения, пока ум навыкнет легко пресекать свое парение, всецелым приседением (или вниманием полным) Господу Иисусу Христу, непрестанною о Нем памятью, частым приникновением во внутреннюю клеть или сокровенную область сердца и водруженным там вкоренением внимания. Пишет о сем и святой Исаак: «Потщися войти в клеть, внутри тебя сущую, и узришь клеть небесную: ибо одна есть и сия и оная; и одним входом узришь ты обе». И святой Максим: «Сердце правит всеми органами, и когда благодать займет все пажити сердца, тогда оно царствует над всеми помыслами и членами. Ибо там ум и все помыслы душевные; там потому должно смотреть: написала ли благодать Всесвятого Духа законы свои». Там: где? В господственном органе, на престоле благодати, где ум и все помыслы душевные — в сердце.

46) С чего начинать надо восхотевшим разумно безмолвствовать, какое сему начало, возращение, преуспеяние и совершенство

Вот делание новоначальных монахов, первое и как бы вводное для взявшихся безмолвствовать разумно: ***начинают*** они страхом Божиим, постоянным исполнением всех заповедей боготворных и беспопечением о всех благословных и неблагословных вещах, прежде же всего верою, совершенным удалением от всего, противного сему начинанию, и искренним расположением к истинно сущему, как сказано прежде. ***Возрастают*** упованием непостыдным, простираясь вперед в меру возраста исполнения Христова пребыванием в сердечной молитве, чистой и непарительной, со всецелым к Богу прилеплением. И таким образом ***вступают в совершенство*** неизменною и непрестанною духовною молитвою, и из совершенной любви источающимся к единому Богу исступлением, восхищением и единением превожделенным: что и есть деянием к созерцанию непогрешительное приспеяние и воспростерие, которое испытав, Богоотец Давид и изменившись блаженным оным изменением, велегласно возопил: *аз рех во изступлении моем: всяк человек лож* (Пс. 115, 2). Другой же некто из просиявших в сем чине исповедал: *око не виде, и ухо не слыша и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9); и потом

приложил: *нам же Бог открыл есть Духом Своим: Дух бо вся испытует и глубины Божия* (там же, ст. 10).

47) О чине безмолвия новоначальных

Итак, новоначальный, по сказанному пред сим, должен нечасто выходить из келлии своей и избегать бесед и свиданий со всеми, разве только по крайней нужде допуская себе это, и то со вниманием, сдержанностью и редко, как говорит и Божественный Исаак: «При всяком деле память сия (об охранении себя) да пребывает с тобою, потому что помощь, которая от охранения себя, больше помощи, которая от дел». Эти беседы и свидания не только в новоначальных, но и в преуспевающих уже производят рассеяние и расхищение мыслей, как говорит опять тот же святой Исаак, что «упокоение плоти юным только вред приносит, а распущенность и юным и старым», и что «безмолвие внешние чувства умерщвляет, а движения внутренние оживляет; внешнее же сообращение противное сему производит, то есть внешние чувства оживляет, а внутренние движения умерщвляет». Лествичник же пишет: «Безмолвник тот, кто существо бестелесное — душу свою усиливается удерживать в пределах телесного дома, что крайне дивно». Еще: «Безмолвник тот, кто говорит: *аз сплю, а сердце мое бдит»* (Песн. 5, 2). И еще: «Затворяй дверь келлии для тела, дверь уст для бесед и внутреннюю дверь души для лукавых духов» (Сл. 27, 6, 17, 18).

48) О внимательной и трезвенной сердечной молитве и делании ее

Молитва, со вниманием и трезвением совершаемая внутри сердца, без всякой другой мысли и воображения какого-либо, словами: ***Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий*** невещественно и безгласно воспростирает ум к самому призываемому Господу Иисусу Христу, словами же: ***помилуй мя*** опять возвращает его и движет к себе самому, так как не может еще не молиться о себе. Но когда он достигнет опытом совершенной любви,

тогда всецело воспростирается он к единому Господу Иисусу Христу, о втором (то есть о помиловании) прияв действенное извещение. (Почему, как говорит другой некто, взывает только: ***Господи, Иисусе Христе*** в сильном любительном расположении сердца).

49) Как святые отцы передали нам говорить молитву

Почему не все святые отцы передают нам всегда всю произносить молитву, но кто всю, кто половину, может быть, по силе и состоянию молящегося. Так Божественный Златоуст передает всю ее возглашать, говоря так: умоляю вас, братие, никогда не оставлять правила молитвы или понебречь о нем. Ибо я слышал некогда отцов, которые говорили: «Какой это монах, если он небрежет о правиле или попирает его? Но он должен, ест ли или пьет, сидит дома или путешествует, или другое что делает, непрестанно взывать: ***Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!*** — дабы это поминание имени Господа нашего Иисуса Христа раздражало на брань против врага. Поминанием сим душа, нудящая себя на то, может разыскать в себе все, и худое и доброе: прежде имеет она увидеть внутри, в сердце своем, худое, а потом и доброе. Поминание сие имеет привести в движение змия, и поминание сие имеет смирить его. Поминание сие может обличить живущий в нас грех, и поминание сие может потребить его. Поминание сие может подвигнуть всю силу вражию в сердце, и поминание сие может победить и искоренить ее мало-помалу: имя Господа Иисуса Христа, исходя в глубину сердца, змия, держащего пажити ее, смирит, душу же спасет и оживотворит. Непрестанно убо пребудь с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и будут два в едино. Впрочем, дело сие не есть дело одного дня или двух, но многих лет и долгого времени: ибо великий требуется подвиг и многолетний, да извергнется враг и вселится Христос».

И опять: «Нужно запереться в себе и править умом, и обуздывать его, и всякий помысл и всякое действо лукавого казнить призыванием Господа нашего Иисуса Христа». Еще: «Где

стоит тело, там да будет и ум, чтоб посреди между Богом и сердцем ничего другого не находилось, как средостение или перегородка, затеняющая сердце и отделяющая ум от Бога. Если же иной раз что-нибудь похитит ум, не надо замедлять в помыслах, дабы сосложение с помыслами не вменилось в дело греховное в день суда пред лицем Господа, когда судить имеет Бог тайная человеков. Упраздняйтеся убо всегда и пребывайте с Господом Богом нашим, пока Он ущедрит вас. И ничего другого не ищите у Господа славы, кроме одной сей милости: ища же милости, ищите ее с сердцем смиренным и умиленным, и с утра до вечера вопийте, а если можно, то и всю ночь: ***Господи, Иисусе Христе, помилуй мя,*** и понуждайте ум свой на это дело до самой смерти. Ибо великого понуждения требует дело сие, потому что *узкая врата и тесный путь,* вводящий *в живот,* и одни нудящие себя входят в него: ибо таких нудящих себя есть Царствие Небесное (Мф. 7, 14; см. также Мф. 11, 12). Умоляю убо вас, не отдаляйте сердец ваших от Бога, но внимайте им и храните их всегдашним памятованием Господа нашего Иисуса Христа, пока не укоренится имя Господа внутри сердца вашего, и оно ни о чем уже другом не станет помышлять, как только о том, да возвеличится Христос в вас».

Прежде же сего святого Златоуста святой Павел в одном из посланий своих сказал: *аще исповеси усты твоими Господа Иисуса, и веруеши в сердце, твоем, яко Бог того воздвиже из мертвых, спасешися: сердцем бо веруется в правду усты же исповедуется во спасение* (Рим. 10, 9-10). И опять: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). Сие — *Духом Святым* — прилагает он в таком смысле: когда сердце восприимет действо Духа Святого, коим и молится, что есть достояние преуспевших и тех, кои обогатились действенно возобитавшим в них Христом. Согласно с этим говорит и святой Диадох: «Ум наш, когда памятию Божиею затворим ему все исходы, имеет нужду, чтоб ему дано было какое-нибудь, обязательное для него, дело для утоления его приснодвижности. Ему должно дать только священное имя Господа Иисуса, которым и пусть всецело удовлетворяет он

свою ревность к достижению предположенной цели. Но ведать надлежит, что, как говорит апостол, *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым.* С нашей стороны требуется, чтоб сказанное речение ***(Господи, Иисусе Христе,*** и проч.) умом, в себе утесняющимся, непрестанно было изрекаемо в сокровенностях его так, чтобы при этом он не уклонялся ни в какие сторонние мечтания. Которые сие святое и преславное имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут видеть и свет ума своего (ясность мысли или определенное сознание всех внутренних движений). И еще: сие дивное имя, будучи с напряженною заботливостью содержимо мыслию, очень ощутительно попаляет всякую скверну, появляющуюся в душе. *Ибо Бог наш огнь поядаяй есть* всякое зло, как говорит апостол (Евр. 12, 29). Отсюда наконец Господь приводит душу в великое возлюбление славы Своей; ибо преславное то и многовожделенное имя, укосневая через памятование о Нем ума в теплом сердце, порождает в нас навык любить благостыню Его беспрепятственно, потому что нечему уже тогда полагать тому препону. И сие-то есть бисер оный многоценный, который стяжавают, продав все свое имение с неизреченною радостию об обретении Его» (гл. 59). Святой же Исихий мысль свою о сем излагает так: «Душа, воспаривши по смерти на воздух ко вратам небесным, и там не постыдится врагов, имея за себя с собою Христа; но и тогда, как дерзновенно возглаголет к ним во вратех (см. Пс. 126, 5). Только до самого исхода своего, да не скучает она день и ночь взывать к Господу Иисусу Христу, Сыну Божию; и Он сотворит отмщение ее вскоре, по неложному Божественному обетованию Своему, которое изрек Он в притче о неправедном судье: *ей глаголю вам, яко сотворит отмщение вскоре* (Лк. 18, 8), и в настоящей жизни, и по исходе ее из тела» (гл. 149). Лествичник говорит: «Бей супостатов Иисусовым именем; ибо против них нет более сильного оружия ни на небе, ни на земле» (Сл. 21, 7). В другом месте прилагает он: «Иисусова память да соединится с дыханием твоим; и тогда познаешь пользу безмолвия» (Сл. 27, 61).

50) О том, что не только у святых отцов, но и у святых апостолов обретаются тайноводственно изреченные духом словеса священной молитвы сей

Но не только у сказанных святых отцов и подобных им найдешь ты словеса священной молитвы, но и еще прежде них, у самых первых и верховных апостолов Петра, Павла и Иоанна. Один из них, как сказали мы прежде, говорит: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3); другой: *благодать и истина Иисус Христом бысть* (Ин. 1, 17), и еще: *всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть* (1 Ин. 4, 2); предпочтенный же другим ученикам Христовым, на вопрос Спасителя ко всем апостолам: *кого Мя глаголют человецы быти,* ответил от лица всех, блаженнейшее вводя исповедание: *Ты еси Христос, Сын Бога Живаго* (Мф. 16, 13, 16). Почему и после них бывшие, наши славные наставники, и из них особенно те, кои шествовали путем бесподъяремной, пустынной и безмолвной жизни, такие изречения, раздробленно и по частям тремя такими столпами святой Церкви предвозглашенные, и как Божественные глаголы, по откровению Духом Святым предузаконенные, собрав воедино и одни с другими, с помощью живущего в них Святого Духа, прекрасно согласив и сгармонировав, составили священную нашу молитву, нарекши ее столпом молитвы и последующим за ними передавши держать ее и хранить в том же виде.

Посмотри теперь, какой в сем дивный чин и какая дивная последовательность, носящая явную печать небесной премудрости! — Один возглашает имя: *Господа Иисуса,* другой: *Иисуса Христа,* третий: *Христа Сына Божия,* как бы один за другим следуя и один другого со вниманием держась, в согласии и сочетании сих богодейственных глаголов. Видишь, как каждый из них берет в конце изречения другого стоящее речение и его полагает началом своего? Блаженный Павел сказал: никто не может исповедать *Господа Иисуса.* Последнее речение: *Иисуса* берет святой Иоанн и ставит первым в своем изречении: иже исповесть *Иисуса Христа.* Последнее его речение *Христа* в исповедании святого Петра помянуто первым: *Ты Христос Сын Бога.* Так составилось как триплетная и нерасторжимая вервь

боготворная молитва наша, премудро и разумно сплетенная и сотканная. Так до нас дошла, так блюдется нами, и в том же виде от нас перейдет к тем, кои будут после нас. Что касается до речения: *помилуй мя,* прилагаемого к спасительным словам молитвы, то есть *Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий,* то его приложили святые отцы, наипаче для младенчествующих еще в деле добродетели, новоначальных и несовершенных. Ибо преуспевшие и совершенные о Христе, каждым из сих воззваний одним: *Господи Иисусе; Иисусе Христе; Христе Сыне Божий!* или даже только возглашением: *Иисусе,* довольны бывают, объемля то и лобызая, как полное делание молитвы, и через это одно исполняемы бывая неизреченной всякий ум, всякое видение и всякое слышание превосходящей сладости и радования. В убеждение и удостоверение в сем полнейшее сладчайший и душелюбивый Господь наш, Иисус Христос, Сын Божий, Коего словеса суть дела и глаголы — Дух и живот, явно возвестил: *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5); еще: *аще чесо просите от Отца во имя Мое, Аз сотворю* (Ин. 14, 13, 14).

51) О том, что и новоначальным можно молиться иногда всеми словами молитвы, иногда частью их внутри, однако ж, сердца, и всегда; и о том, что не надо часто переменять речения молитвенные

Можно и новоначальным молиться иногда всеми словами молитвы, а иногда частью их, внутри, впрочем, сердца и непрестанно. Ибо, по святому Диадоху, «всегда пребывающий в сердце своем далек от всех красных жизни сей вещей, и ходя духом, похотей плотских изведывать не может. Поелику же таковой шествие свое совершает в ограждении добродетелями, сии самые добродетели имея как бы привратными стражами своего града чистоты, то все козни бесов против него остаются безуспешными» (гл. 57). Пишет и святой Исаак: «Кто ежечасно назирает за душою своею, у того сердце возвеселяется откровениями. Кто зрение ума своего сосредоточивает внутри себя самого, тот зрит в себе зарю Духа. Кто возгнушался всяким парением ума, тот зрит Владыку своего внутри сердца своего» (Сл. 8, с. 54).

Но при сем не следует часто переменять речения молитвы, чтобы таким частым переменением и перенесением (внимания от одного на другое) ум, привыкши к нестоянию на одном и уклонению от него, навсегда не остался неводруженым в себе и потому бесплодным, подобно древам, часто пересаждаемым с места на место.

52) О том, что плод внутрисердечной молитвы требует долгого времени подвига и нуждения себя, и что вообще все доброе немалым трудом и временем достигается

То, чтоб молиться всегда внутри сердца, равно как и то, что за пределами сего последует, достигается не просто и как случилось, не с недолгим и малым трудом, хотя и это с некоторыми, по неизреченному смотрению Божию бывает, но требует долгого и времени, и труда, и подвига, телесного и душевного, и нуждения себя напряженного и продолжительного. Ибо, по превосходству дара и благодати, коих чаем мы сделаться причастными, надлежит нам по силе своей приложить и соразмерные с тем подвиги и часы или предел того означить, который, по священным наставникам нашим, есть извержение из пажитей сердца врага и действенное вселение в него Христа. Так, святой Исаак говорит: «Кто желает видеть Господа внутри себя, да напряжется всеусильно очистить сердце свое непрестанным памятованием о Боге, и тако во светлости ума своего всякий час будет он зреть Господа» (Сл. 8, с. 55). И святой Варсонофий: «Если внутреннее делание с Богом не поможет человеку, то напрасно он трудится во внешнем. Ибо внутреннее делание с болезнованием сердца приносит чистоту; чистота — истинное безмолвие сердца; безмолвие сие — смирение; смирение же уготовляет человека в обиталище Богу; силою же возобитания такого изгоняются бесы со страстями; и бывает так человек храмом Божиим, полным святости, полным света, чистоты и благодати. Блажен тот, кто, во внутреннейших тайниках сердца созерцая Господа, с плачем изливает пред Его благостию моление свое» (Отв. 210). И преподобный Иоанн Карпафский: «Долгий подвиг в молитвах и немалое время потребны для того, чтоб в нестужаемом устроении ума обрести иное некое сердечное небо, где обитает Христос, как го-

ворит апостол: *или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть; разве, точию чим неискусни есте»* (2 Кор. 13, 5). И великий Златоуст: «Непрестанно пребывай с именем Господа Иисуса, да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и будут два едино. Но дело сие не есть дело одного дня или двух, но долгого подвига и немалого времени. Ибо много подвигов и времени потребно, да извержется враг и вселится Христос».

53) О молитве сердечной нечистой; и о том, как достигает кто молитвы чистой и непарительной

От постоянства в употреблении сказанного метода или приема к стяжанию чистой и непарительной молитвы, с препобеждением всех к тому препон в помыслах и внешних соприкосновенностях, подвизающийся приходит наконец в навыкновение без нуждения себя молиться истинно, чисто и непарительно, или в такое устроение, в коем ум всегда пребывает в сердце, не с нуждением и против воли вводим бывая туда через дыхание, и тотчас опять выскакивая, но там неисходно с любовию пребывая и непрестанно молясь. Святой Исихий говорит: «Кто не имеет чистой от помыслов молитвы, тот не имеет оружия на брань, молитвы, говорю, той, которая непрестанно действовалась бы во внутренних сокровенностях сердца, дабы призыванием Господа Иисуса Христа незримо был бичуем и опаляем враг, скрытно ратующий» (Гл. 21). И еще: «Блажен воистину, кто так прилепился мыслью к молитве Иисусовой, вопия к Нему непрестанно в сердце, как воздух прилежит телам нашим, или пламя к свече». И тут же еще: «Солнце, проходя над землею, производит день, а святое и поклоняемое имя Господа Иисуса, непрестанно сияя в уме, порождает бесчисленное множество солнцевидных помышлений» (Гл. 196).

54) О непарительной и чистой сердечной молитве и рождающейся от нее теплоте

Та есть и именуется сердечною молитвою — чистою и непарительною, из которой рождается в сердце некая теплота, как поется в псалмах: *согреяся сердце мое... и в поучении моем* возгорится *огнь* (Пс. 38, 4), огнь, который Господь Иисус Христос

пришел воврещи на землю сердец наших, прежде износившую терние страстей, ныне приносящую духовные плоды благодатию, как говорит Господь наш Иисус Христос: *огня приидох воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгореся* (Лк. 12, 49), который (огнь) некогда и Клеопу с бывшим с ним спутником согревши и разжегши, заставил в исступлении вопиять друг ко другу: *не сердце ли наше горя бе в нас, егда глаголаше нама на пути, и егда сказоваше нама Писания?* (Лук. 24, 32). Говорит и святой Иоанн Дамаскин в одном тропаре своих к Богородице Пречистой песнопений: «Влечет меня к песнопению сердечный огнь любви девическия». И святой Исаак пишет: «От напряженного делания рождается безмерная горячность, распаляется в сердце горячими помышлениями, вновь появляющимися в уме. А сие делание и хранение утончают ум своею горячностью и сообщают ему видение. От сей горячности, производимой благодатию созерцания, рождается слезный ток. От непрестанных слез душа приемлет умирение помыслов и возвышается до чистоты ума, а при чистоте ума человек приходит в видение таин Божиих. После сего ум достигает до зрения откровений и знамений, как видел пророк Иезекииль» (Сл. 59, с. 459-60). И еще: «Слезы, ударение себя по главе во время молитвы, повержение на землю пробуждают сладостную теплоту слез внутри сердца, и сердце с похвальною восторженностью воспаряет к Богу, взывая: *возжада душа моя* к Тебе*, Богу крепкому и живому: когда прииду и явлюся лицу* Твоему, *Господи* (Пс. 41, 3)». (Сл. 69, с. 508). И Иоанн Лествичник: «Огнь (духовный), пришедши в сердце, воскрешает молитву; по воскресении же и вознесении ее на небо бывает сошествие огня небесного в горницу души» (Сл. 28, 45). И еще: «Кто есть верный и разумный монах, который теплоту свою сохранил неугасимою, и до самого исхода своего не переставал прилагать огнь к огню, теплоту к теплоте, вожделение к вожделению, тщание к тщанию». И святой Илия Екдик: «Когда душа, упразднившись от всего внешнего, соединится с молитвою, тогда молитва, как пламя некое, окружив ее, как огонь железо, делает ее всю огненною. И тогда душа — все та же душа — только бывает неприкосновенною для всего внешнего, подобно раскаленному железу» (Гл. 103).

Еще: «Блажен, кто еще в жизни сей таким видетися сподобился; и сам свой бренный по естеству образ видит огненным по благодати».

55) Теплота различное имеет порождение, но та, которая происходит от чистой сердечной молитвы, есть самая настояще истинная

Ведай, что теплота таковая различное и многообразное имеет в нас свое порождение и пребывание. Это явно из изложенных изречений святых отцов, но не смеем сказать, что и из самого дела (опыта). Из них наиподлиннейшая теплота есть та, которая приходит от чистой сердечной молитвы, с нею всегда порождается, возрастает и в существенном просвещении субботствует, то есть существенно просвещенным, по свидетельству отцов, делает человека, так себя имеющего.

56) Какое непосредственное действие теплоты сердечной

Сия теплота непосредственно отгоняет все, что препятствует совершенным образом совершаться первейшей чистой молитве. Ибо огнь есть Бог наш, и огнь, поядающий злокозненность бесов и страстей наших. Святой Диадох говорит: «Когда сердце с жгучею некоею болью принимает бесовские стреляния, так что боримому думается, будто он носит самые стрелы, — это знак, что душа стала ретиво ненавидеть страсти. И это есть начало очищения ее. Ибо, если она не потерпит великих болей от бесстыдства греха, то не возможет потом богатно порадоваться и о благотворности правды. После сего желающий очистить свое сердце да разгорячает его непрестанно памятью о Господе Иисусе, имея это одно, чтоб памятовать Господа предметом богомыслия и непрестанным духовным деланием. Ибо желающим сбросить с себя гнилость свою не так следует вести себя, чтоб иногда молиться, а иногда нет, но всегда должно упражняться в молитве с блюдением ума, хотя бы жил далеко негде от молитвенных домов. Ибо, как взявшийся очистить золото, если хоть на короткое время оставит горнило без огня, делает, что очищаемая руда опять ожестевает; так и тот, кто иногда памятует о Боге, а иногда нет, что,

кажется, приобретает молитвою, то теряет пресечением ее. Но мужу, любителю добродетели, свойственно всегдашнею памятью о Боге потреблять земляность сердца, чтоб таким образом при постепенном испарении худа под действием огня благого памятования душа с полною славою совершенно востекла к естественной своей светозарности» (Гл. 97). Вот каким образом ум, беспрепятственно пребывая в сердце, молится чисто и без блуждания, по слову святого, который говорит: «Тогда бывает чистая и неблуждательная молитва, когда ум блюдет сердце во время молитвы». Пишет и святой Исихий: «Тот подлинно истинный монах, кто держит трезвение, и тот есть истинный трезвенник, кто в сердце монах (у кого в сердце только и есть, что он да Бог)».

57) О вожделении Господа и расположении к Нему, кои рождаются от теплого внимания и молитвы

От таковой молитвы, теплой и со вниманием, то есть от чистой молитвы, рождаются в сердце вожделение, Божественное расположение и любовь ко всегда памятуемому Господу Иисусу Христу, как написано: *отроковицы возлюбиша тя, привлекоша тя* (Песн. 1, 2). И еще: *уязвлена есмь любовию аз* (Песн. 2, 5). И святой Максим говорит: «Все добродетели содействуют уму в Божественном расположении, более же всех чистая молитва: ибо через нее к Богу воспаряя, бывает он вне всего».

58) О слезах сердечных и еще о Божественном вожделении и расположении

Из такого сердца источается почасту и слеза, очищающая и утучняющая, а не истощающая и иссушающая обогатившегося сим. Ибо сие последнее бывает от страха Божественного, а то первое — от Божественного расположения, при сильном и неудержимом вожделении и возлюблении приснопамятуемого Господа Иисуса Христа. В восторг приведенная сим душа вопиет: «Усладил Ты мене вожделением, Христе, и изменил Божественным Твоим расположением». И еще: «Весь еси, Спасе, сладость, весь еси желание и вожделение, весь еси ненасытен, весь красота недомыслимая». И с Павлом, проповедником Христо-

вым, взывает: *любы Божия обдержит нас* (2 Кор. 5, 14). *Кто ны разлучит от любве Божия? скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч? Известихся бо, яко ни смерть, ни живот, ни Ангели, ни Начала, ниже Силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тварь кая возможет нас разлучити от любве Божия, яже о Христе Иисусе Господе нашем* (Рим. 8, 35, 38, 39).

59) Увещание – не искать ничего, что выше меры; и еще руководство относительно непрестанного сердцем памятования Господа нашего Иисуса Христа

Да сподобится желающий сего и того, что после сего бывает, о чем теперь неблаговременно говорить, — пусть строго держится следующего правила: «Не ищи прежде времени того, что будет в свое ему время: ибо и доброе не добро, если не добре делается». И по святому Марку: «Не полезно прежде делания первейших дел знать о вторых: ибо знание без делания надымает, а любовь созидает, потому что все терпит» (см. 1 Кор. 8, 1). Всемерно надо стараться и всегда подвизаться о том, чтоб, как сказано, памятование Господа Иисуса Христа непрестанно носить во глубине сердца, — во глубине, а не вне и сверху, — как говорит и об этом тот же святой Марк: «Если полною духовною надеждою не откроется внутреннейшее сокровенное вместилище сердца нашего, то нельзя верно узнать живущего там и увидеть, приняты ли наши словесные жертвы или нет.

60) О теплой ревности, о Божественном в нас явлении и о существенном просвещении благодати

Ибо таким образом ревнитель о совершенстве в духе удобно отклонится не от дел только лукавых, но и от помыслов страстных и от мечтаний неподобных, как написано: *духом ходите и похоти плотския не совершайте* (Гал. 5, 16). И не только это, но и от всякого вообще помысла и от всякого мечтания отступит он, как попаляющий и потребляющий горячею своею о добродетели ревностью всякое лукавое действо, прежде чувственно и мысленно в нем действовавшее, с началовождями всего злого злорадными бесами, как говорит святой Исаак: «Страшен

бесам и вожделенен Богу и Ангелам Его, кто с пламенною ревностию искореняет возращаемое в нем от врага терние» (Сл. 8, с. 56). И в такое преуспеяние приидет он, что от сего примет извещение о любви к нему Божией, и действенного сподобится проявления и вселения существенного и Божественного просвещения благодати, и в великом радовании востечет к прежнему, благодатию святого крещения священнодейственно сообщенному нам благородию и сыноположению духовному. И о сем далее говорит святой Исаак: «Это Иерусалим и Царство Божие, внутри нас сокровенное, по слову Господню (см. Лк. 17, 21). Эта область облако есть Божией славы, в которую только чистые сердцем внидут узреть лице своего Владыки» (там же). Только сам он да не ищет явления Бога в себе, чтоб не принять того, кто воистину тьма есть, и лживо представляется светом.

61) О действах – Божеском и вражеском

Почему, если ум его увидит свет, когда он не ищет его, то пусть не принимает его и не упраздняет, как говорит святой Марк: «Есть действо благодати, неведомое младенчествующему о Христе, и есть другое действо злой силы, истине уподобляемое. Хорошо не всматриваться в таковое явление из опасения прелести и не проклинать его из опасения оскорбить истину; но во всяком случае прибегать к Богу, Который Один ведает полезное в том и другом. Впрочем, пусть спрашивает имеющего благодать и силу по Богу научить и рассудить».

62) Об учителе просвещенном и незаблудном

И если найдет могущего научить, не потому только, что узнал то из Божественного Писания, но потому, что и сам блаженно испытал Божественное просвещение — благодарение Богу. Если же нет, то лучше ему не принимать того, но в смирении прибегать к Богу, от искреннего сердца недостойным себя почитая и называя такого удостоения и видения, как сему тайно научились мы благодатию Христовою от языков (уст) нелживых, Духом Святым движимых и вещающих, равно как из богодухновенных Писаний, а отчасти и из опыта.

63) О просвещении истинном и ложном, то есть о свете Божеском и лукавом – вражеском

В некоторых из своих писаний славные отцы наши указывают признаки непрелестного и прелестного просвещения, как сделал и треблаженный Павел Латрский, когда вопросившему его о сем ученику своему сказал: «Свет силы вражеской огневиден, дымоват и подобен чувственному огню; и когда душа, обуздавшая страсти и очистившаяся от них, увидит его, с неприятностию относится к нему и гнушается им: свет же Духа благого благ, радостотворен и чист, и приближаясь, освящает светом, радостию и тихостию исполняет душу и делает ее кроткою и человеколюбивою». То же говорят и другие.

64) О мечтании непотребном и благопотребном и как должно относиться к ним

Как немного прежде помянули мы о мечтании, и о мечтании непотребном, то очень полезно будет, как нам кажется, и еще, сколько сможем, поговорить и о нем, и о всяком вообще мечтании. Ибо очень много противится оно, проклятое, чистой сердечной молитве, и единичному и не блуждающему деланию ума. Почему Божественные отцы часто очень говорят о нем и против него. Многообразное, как баснословный Дедал, и многоглавое, как Гидра, это мечтание есть как бы мост какой для бесов, как сказали отцы, через который проходят и переходят эти убийственные нечестивцы, общаются как бы и смешиваются с душою, и соделывают ее ульем трутней — обиталищем бесплодных и страстных помышлений. Таковое мечтание надобно отметать в конец, если иной раз не хочешь, ради покаяния и сокрушения, плача и смирения, особенно же ради посрамления нелепого мечтания, привлечь и противовосставить мечтание благолепное, и смешав то с этим, и через сие устроив брань против того, поразить его, как бесчестное и бесстудное, и восторжествовать над ним. Действуя так, ты не вред какой себе причинишь, а, напротив, большую получишь пользу от того, что, с непогрешимым рассуждением устрояя дела свои, нелепое мечтание будешь упразднять благолепным и насмерть

поражать врагов их же оружием, как некогда Божественный Давид Голиафа (1 Цар. 17, 49).

65) Не только непотребное, но и благопотребное мечтание неуместным признано святыми отцами в чистой молитве и в умном делании простом и единичном

Такое, впрочем, борение свойственно младенцам еще или новоначальным. Преуспевшие же при долголетнем подвиге всякое вообще отметают мечтание и непотребное, и благопотребное, так что и следа его не остается. Как воск тает от лица огня, так оно рассеивается у них и исчезает под действием чистой молитвы, ради простого и безобразного привержения ума к Богу, предания себя Ему и преискреннего с Ним соединения. Святой Исихий говорит: «Всякий помысл воспроизводит в уме образ какого-либо чувственного предмета: ибо ассирианин (враг), будучи сам умною силою, не иначе может прельщать, как пользуясь чем-либо привычным для нас, чувственным» (Гл. 180). И опять: «Поелику всякий помысл входит в сердце через воображение чего-либо чувственного (чувственное же мешает умственному), то Божественный свет Божества тогда уже начинает осиявать ум, когда он упразднится от всего и сделается совершенно безвидным (никакого вида и образа не представляющим). Ибо светлость оная проявляется в чистом уже уме, под условием оскудения его от всяких помышлений» (Гл. 89). То же и Василий Великий: «Как не в рукотворенных храмах живет Господь, так и не в воображениях каких и мысленных построениях (фантазии), кои представляются (вниманию) и как стеною окружают испортившуюся душу, так что она силы не имеет чисто взирать на истину, но все еще держится зерцала и гаданий». И Божественный Евагрий: «Бог там пребывающим признается, где познанным имеется: почему чистый ум и называется престолом Божиим. Помышление о Боге не обретется в помышлениях, печатлеющих ум образами, но в помышлениях не печатлеющих. Сего ради молящемуся надлежит всячески отдалять от себя помышления, печатлеющие в уме образы». И святой Максим в пояснениях на великого Дионисия говорит: «Иное есть мечтание и иное помышление или

мысль. Они производятся разными силами и свойствами движения разнятся: ибо мысль есть действие или произведение ума, а мечтание — плод страсти, напечатление образа, представляющего нечто чувственное или как бы нечто чувственное. Почему никакое мечтание не должно иметь места в отношении к Богу; ибо он паче ума все превосходит». И Василий Великий: «Ум, не рассеивающийся по внешним предметам и чувствами не носимый по миру, возвращается к себе самому, от себя же восходит к помышлению о Боге, и оною красотою облиставаем будучи, забвение приемлет о самой природе». Сие ведая и ты, каждый час, с Божиею помощию, понуждай себя безмечтанно, без воображений и образов, молиться чисто всем умом, всею душою и всем сердцем. О сем говорит и святой Максим:

66) Об уме, душе и сердце – чистых и совершенных

Об уме чистом: «Чистый ум тот есть, который, избыв от неведения, осиявается Божественным светом».

О душе чистой: «Душа чиста та, которая, освободясь от страстей, Божественною любовию непрестанно обвеселяема бывает».

О сердце чистом: «Сердце чисто то, которое, всегда представляя Богу память безвидною и безобразною, готово бывает едиными от Него впечатлениями печатлетися, в каких Он обычно благоволит явным себя ей делать».

Об уме совершенном: «Ум совершенен тот, который, верою познав Сущего выше всякого ведения и все создания Его обозрев, от Бога приял ведение всеобъемлющее (в общих чертах) о Промысле и суде Его, в них проявляемом, — разумеется, сколько вместимо для человека».

О душе совершенной: «Душа совершенна та, которой вожделетельная сила всецело устремлена к Богу».

О сердце совершенном: «Совершенным называется сердце, не имеющее никакого естественного движения к чему-либо и каким-либо образом, на котором (сердце) как на дщице, добре выглаженной, ради его простоты, Бог, приступая, напишет Свои законы».

Приложим к сему и следующее:

О чистом уме: по святому Диадоху: «Очистить ум есть дело Единого Духа Святого»; еще по Лествичнику: «Ум удержать от парения, то же есть дело Единого Святого Духа»; еще святой Нил говорит: «Кто восхотел бы увидеть состояние ума своего, тот пусть упразднит себя от всех помышлений и тогда увидит его подобным сапфиру или небесному цвету». И еще он же: «Состояние ума есть мысленная высота, цвету небесному подобная, на котором во время молитвы и свет Святой Троицы появляется». Святой Исаак: «Когда ум совлечется ветхого человека и облечется в нового благодатного человека, тогда узрит чистоту свою, подобную небесному цвету, который старейшины сынов Израилевых наименовали местом Божиим (см. Исх. 24, 10), когда Бог явился им на горе» (Сл. 16, с. 99).

Делая так, как сказано пред сим, то есть чисто, немечтанно и безо́бразно молясь, ты будешь шествовать по следам святых. Если же не так, то будешь мечтатель вместо безмолвника, и вместо гроздия оберешь терние, что да не будет с тобою!

67) Как пророки видели образные видения

Если кто предполагает, что пророческие видения, образы и откровения были делом фантазии и происходили естественным порядком, да ведает таковой, что носится далеко от правой цели и истины. Ибо пророки, и в нынешнее время бывающие у нас священнотаинники, не по естественному какому-либо порядку и чину видели и воображали, что видели и воображали, но Божественно как бы и паче естества было то в уме их печатлеемо и представляемо, неизреченною силою и благодатию Святого Духа, как говорит Василий Великий: «Неизреченною некоею силою пророки принимали воображения в уме, имея его неразвлеченным и чистым, и Слово Божие слышали как бы возглашающимся в них». И еще: «Пророки видели видения действием Духа, Который печатлел образы во владычественном их уме». И Григорий Богослов: «Сей (Дух Святой) действовал первое в Ангельских и Небесных Силах, потом в отцах и пророках, из коих одни Бога видели или познавали, другие будущее предузнавали, когда владычественный их ум от Духа принимал

такие образы, по коим они соприсутствовали будущему, как настоящему».

71) О чистой молитве[1]

Святой Нил говорит: «Подвизайся ум свой во время молитвы соделывать глухим и немым и будешь тогда иметь возможность молиться, как должно» (о молитве гл. 11). И еще: «Блажен ум, который во время молитвы хранит совершенное без-образие, или безмечтание» (там же, гл. 117). И святой Филофей: «Редко очень можно найти безмолвствующих умом. Это есть принадлежность только тех, которые все средства употребляют к тому, чтобы привлечь к себе Божественную благодать и исполниться истекающим от ней духовным утешением». И Василий Великий: «Молитва добрая та есть, которая действенно внедряет в душу помышление о Боге. Вселение Божие есть иметь в себе водруженным Бога памятованием, когда сие памятование не пресекается земными попечениями, и ум не возмущается нечаянными движениями страстей. Боголюбивый, от всего отбегая, к Богу отходит.

72) Иное есть бесстрастие ума, а другое – молитва истинная, что и выше

Ведать подобает, что хотя, по святому Максиму, не может ум одною деятельностью благою сделаться бесстрастным, если в то же время не будет воспринимать многих и разных созерцаний, но, по Божественнейшему Нилу, можно, и бесстрастным будучи, не молиться истинно, но быть развлекаему разными помышлениями и далеко отстоять от Бога; ибо сей святой отец говорит о сем так: «Не всякий, улучивший бесстрастие, уже и молится истинно; ибо таковой может еще занят быть простыми помышлениями (о вещах бесстрастных при том движений) и развлекаться историями их (может быть картинами их и разными их сочетаниями), и далеко отстоять от Бога» (Гл. 56). И еще: «Но и когда ум не коснит в простых помышлениях о вещах, не значит еще, что он достиг уже и места молитвы: ибо он может

[1] Главы 68–70 опускаются по крайней темноте их.

быть занят (философским) умозрением о сих вещах и углубляться в причинные их отношения. Хотя все сие суть отвлеченности, но как они суть умозрения о вещах, то печатлеют в уме образы их, и далеко отводят его от Бога (ум философствует, но не молится: состояние ученых)» (Гл. 57). Говорит и Лествичник: «Которых ум научился истинно молиться, те воистину лицом к лицу беседуют к Господу, как те, кои говорят на ухо царю (ближайшие доверенные)».

Из таковых изречений можешь ты уразуметь точно обоих видов жизни и деятельности различие и несравнимое сравнение, то есть той, которая ведется под влиянием свыше, и той, которая своими силами устрояется. Дело одной из них — поучения и многие и разнообразные умозрения; делание же другой — истинная молитва. К сему помни и следующее, что иное дело бесстрастие ума, и другое — истинная молитва; и еще, что имеющий истинную молитву, как указывают отцы, по всякой необходимости и ум бесстрастный имеет, но об имевшем ум бесстрастный нельзя еще сказать, что он имеет и молитву истинную.

73) Еще о мечтаниях и воображениях ума, и о признаках прелести и истины

Какие признаки прелести

Безмолвствуя и желая один быть с единым Богом, никогда не принимай, если увидишь что-либо чувственное или мысленное внутри тебя или вне: лик Христа или Ангела, или образ святого, или световое воображение, мечтаемое умом; но не верь сему с негодованием, хотя бы то и доброе что было, прежде, чем вопросишь кого из опытных, что есть дело самое полезное и Богу любезное, и благоприятное. Храни же ум свой всегда бесцветным, безо́бразным, безвидным, бесформным, бескачественным, бесколичественным, внимающим одним словам молитвы, в них поучающимся и об них размышляющим в сердечном внутри движении, последуя Лествичнику, который говорит: «Начало молитвы состоит в том, чтоб отгонять приходящие помыслы при самом их появлении; средина

ее в том, чтобы ум заключался в словах, которые говорим или помышляем; а совершенство молитвы есть восхищение ко Господу» (Сл. 28, 19). Святой Нил так о сем говорит: «Высшая совершенных молитва есть восхищение некое ума и полное его исступление от всего чувственного при ходатайстве Духа воздыханиями неизглаголанными (см. Рим. 8, 26) пред Богом, видящим расположение сердца, открытое как написанная книга и молчаливыми знаками изъявляющее свое хотение. Так до третьяго неба восхищен был Павел, не ведая, в теле ли он был или кроме тела (см. 2 Кор. 12, 2). Так Петр, возшедши на горницу помолитися, видел видение плащаницы (см. Деян. 10, 9). Вторая же после сей первой (высшей) молитвы есть та, в которой слова молитвы произносят с припоследованием им ума сокрушенного и сознающего, Кому приносит он моление. Молитва же, пресекаемая заботами телесными и смешивающаяся с ними, далеко от устроения подобающего молящемуся» (Рус. Доброт., т. 2, с. 245; гл. 168-170). В сем убо пребывая, другого ничего не принимай до времени умирения страстей с вопрошением, как сказано, опытных.

Таковы признаки прелести. Теперь посмотри...

Какие признаки истины

Признаки же истины и благого, и животворящего Духа суть *любы, радость, мир, долготерпение благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22), как говорит Божественный апостол, называя сии добродетели плодами Божественного Духа. Он же опять говорит: *якоже чада света ходите: плод бо духовный есть во всякой благостыни, и правде, и истине* (Еф. 5, 9), коим все противное составляет принадлежность прелести. Говорит о сем и некто из Богомудрых, вопрошен будучи от другого, так: «Относительно незаблудной стези ко спасению, о коей спросил ты, возлюбленне, ведай, что много путей, ведущих в живот и много ведущих ко смерти. Один путь, ведущий в живот, есть исполнение заповедей Христовых. В заповедях сих найдешь ты всякий вид добродетели, особенно же три сии: смирение, любовь и милосердие, без коих никто не узрит Господа. Сии три суть непобедимые оружия против диавола, кои

даровала нам Святая Троица, — смирение, говорю, любовь и милосердие, на кои даже воззреть не может все демонов полчище. Ибо в них и следа нет смирения; и для них, за то, что они омрачились превозношением, уготован огнь вечный. Где у них любовь или хоть тень милосердия, когда они к роду человеческому непримиримую держат вражду, и день и ночь не перестают ратовать против него? Облечемся убо в сии оружия, ибо носящий их вокруг себя неуловим для врагов. Сию треплетную вервь, которую сшила и соплела нам Святая Троица, видим, что она и три есть, и едино: три — именами, если же хочешь, то и лицами, а едино — силою и действом, и к Богу приближением, устремлением и себя присвоением. О них сказал Господь: *иго бо Мое благо, и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 30). И возлюбленный ученик Его: *заповеди Его тяжки не суть* (1 Ин. 5, 3). Сего ради душа, с Богом срастворившаяся чистотою жития, хранением заповедей и сими тремя оружиями, кои суть Сам Бог, в самого Бога облекается и бывает некоторым образом богом через смирение, милосердие и любовь, и миновав вещественную двоицу, и восшедши выше главы закона, то есть любви, сочетавается с пресущественною и живоначальною Троицею, непосредственно беседуя с нею, светом свет приемля и радуясь радостью непрестающею и вечною». — Но довольно и об этом.

Указав таким образом отчасти признаки и плоды прелести и истины, скажем теперь малое нечто изречениями, как и подобает, отеческими и об утешении, от обоих их бывающем — то есть об утешении Божественном и истинно благодатном, и об утешении поддельном, вражеском. Божественный Диадох говорит о сем так...

74) Об утешении Божественном и поддельном

«Когда ум начнет ощущать благодатное утешение Святого Духа, тогда и сатана свое влагает в душу утешение в кажущемся сладким чувстве, во время ночных успокоений, в момент тончайшего некоего сна (или засыпания). Если в это время ум окажется держащим в теплейшей памяти святое имя Господа Иисуса и как верным оружием против прелести воспользуется

сим пресвятым и преславным именем, то лукавый обольститель оный тотчас удаляется, но за то возгорается наконец бранью против души своим лицом (а не помыслами). Так ум, точно распознавая обманчивые прелести лукавого, более и более преуспевает в различении духовных вещей» (Гл. 31).

И опять: «Благое утешение бывает или в бодрственном состоянии тела, или при погружении его в сон, когда кто в теплом памятовании о Боге как бы прилеплен бывает к Нему любовью; а утешение поддельное, прельстительное, как я сказал, бывает всегда в то время, как подвижник приходит в тонкое некое дремание или забытье, при памятовании о Боге посредственном. То, происходя от Бога, явно влечет души подвижников благочестия к любви Божией в сильном излиянии душевных чувств; а это обыкновенно обвевает душу некиим ветром обманчивой прелести и во время сна телесного покушается похитить чувство вкушением чего-то приятного, несмотря на то, что ум в известной мере здравствует в отношении к памятованию о Боге. Итак, если, как я сказал, ум окажется в такое время трезвенно памятующим о Господе Иисусе, то тотчас рассеивает это обманчиво кажущееся приятным дыхание врага, и с радостью выступает на борьбу с ним, имея готовое против него оружие, по благодати, в прехвальной опытности своей духовной» (гл. 32).

И еще: «Если душа неколеблющимся и немечтательным движением воспламенится к любви Божией, влеча как бы в глубину сей любви неизреченной и самое тело, — в бодрствовании ли то или, как я сказал, при погружении в сон воздействуемого святою благодатию подвижника, между тем как душа совершенно ни о чем другом не помышляет, кроме того одного, к чему возбуждена; то ведать надлежит, что это есть действо Святого Духа. Будучи вся преисполнена приятными чувствами от неизреченной оной Божественной сладости, она и не может в ту пору помышлять ни о чем другом, а только чувствует себя обрадованною неистощимою некоею радостию. Если же при таком возбуждении ум восприимет колебание некое сомнительное или нечистое какое помышление, и если при сем Святым Господним именем будет пользоваться для отвращения

зла, а не паче по одной любви к Богу; то ведать надлежит, что утешение то от прельстителя и есть только призрак радости. Радость такая совне навевается и является не как качество и постоянное расположение души; видимо, что тут враг хочет опрелюбодействовать душу. Видя, что ум начинает проявлять верную опытность своего чувства, он и своими утешениями, кажущимися благими, подступает утешать душу в ожидании, что она, будучи развлекаема этою блажною мокротною сластию, не распознает своего смешения с обольстителем. По сим признакам можем мы распознавать *духа истины и духа лестча* (1 Ин. 4, 6). Никому, впрочем, невозможно ни Божественной благости чувством вкусить, ни горечи бесовской ощутительно испытать, если кто не удостоверится в себе, что благодать во глубине ума его сотворила себе обитель, а злые духи гнездятся негде окрест членов сердца. Бесы же отнюдь не хотят, чтобы люди как-нибудь удостоверялись в том, дабы ум, верно зная это, не вооружался против них непрестанною памятью о Боге» (33).

Имеешь теперь и об этом достаточно сведений, — и довольствуйся тем, по совету Премудрого: *мед обрет яждь умеренно, да не како пресыщен изблюеши* (Притч. 25, 16).

75) О сладости Божественной, из сердца источающейся

Ближе же к существу дела можно сказать: кто объяснит сладость меда не вкушавшим его? Несравненно же более (невозможно не вкусившим объяснить) сладость Божественную и радование преестественное и животочное, из сердечной чистой и истинной молитвы источающееся, и текущее приснотечно, о коих говорит Богочеловек Иисус: *иже пиет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки; но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды, текущия в живот вечный* (Ин. 4, 14). И опять: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет: веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече о Дусе, егоже хотяху приимати верующии во имя Его* (Ин. 7, 37-39), — говорит Наперсник. И великий Павел под-

тверждает: *посла Бог Духа Сына Своего в сердца ваша, вопиюща: Авва Отче* (Гал. 4, 6).

76) О том, что духовная сия сладость много знамений имеет и не имеет наименования

Сия духовная сладость, преестественная и животочная, есть вместе существенное сияние и свет, и красота недоуменная, крайнейшее из желаний желание, боговедение и обожение таинственное, невыразимым пребывающее и после какого-нибудь выражения его, недоведомым и после некоего уведания его недоразумеваемым и после некоего уразумения его. Так говорит и святой Дионисий: «В сей сущий над светом мрак молимся мы приити, и через неувидание и неуведание, увидеть и уведать Сущего выше видения и ведания, (увидеть, то есть, и уведать) самую сию неувидаемость и неуведаемость Его: ибо сие-то и есть увидеть и уведать пресущественного и пресущественно воспеть Его через отрицание в Нем всего тварного». И еще: «Божественный мрак есть свет неприступный, в коем Бог живущим исповедуется, яко невидимый по причине безмерной явности, и неприступный по причине пресущественного светолития. В сем мраке бывает всякий, сподобляемый уведать и увидеть Бога, через то самое, что не видит и не ведает истинно, когда бывает в Том, Кто выше видения и ведания, сие самое познавая, что Он есть за пределами всего, чувствами и умом познаваемого (или всего чувственного и мысленного)». И Василий Великий: «Неизреченны всецело и неописанны молниеносные блистания Божественной красоты; ни слово не может выразить сего, ни слух вместить. Наименуем ли блеск денницы или светлость луны, или сияние солнца — все это недостойно к уподоблению славы, и в сравнении с истинным светом далее отстоит от Него, нежели глубокая ночь и ужаснейшая тьма от полуденной ясности. Если красота сия, незримая телесными очами, а постижимая только душою и мыслию, озаряла кого-либо из святых и оставляла в них невыносимое уязвление желанием; то возмущенные здешнею жизнию говорили они: *увы мне, яко пришельствие мое продолжися!* (Пс. 119, 5). *Когда прииду, и явлюся*

лицу Божию? (Пс. 41, 3); еще: *разрешитися и со Христом быти, много паче лучше* (Флп. 1, 23); и опять: *возжада душа моя к Богу крепкому и живому* (Пс. 41, 3); также: *ныне отпущаеши раба Твоего Владыко* (Лк. 2, 29). Тяготясь сею жизнию, как узилищем, сколько были неудержимы в стремлениях к Богу те, у коих коснулось души Божественное желание. По причине ненасытимого желания созерцать Божественную красоту они молились о том, чтобы зрение красоты Божией простиралось на всю вечную жизнь» (Т. 5, с. 100, 101).

И Богослов: «Где страх, там заповедей соблюдение; а где заповедей соблюдение, там плоти очищение и избавление от осеняющего душу облака, не дающего ей видеть Божественного луча; где же очищение такое, там воссияние света; где это световоссияние, там полное удовлетворение желания, высшего всех желаний». И святой Григорий Нисский: «Когда тщанием о доброй жизни отмоешь нечистоту, налипшую на твое сердце, тогда снова воссияет в тебе боговидная красота, как обыкновенно бывает с железом. Ибо когда оно на точильном камне обнажится от ржавчины, тогда, быв пред сим черным, начинает издавать сияние некое и блеск, отражая солнечные лучи. Так и внутренний наш человек, которого Господь называет сердцем, после того, как отчистит ржавчинную нечистоту, образовавшуюся на его зраке от лукавой мокротности, опять восприемлет свое первообразное подобие и делается благим». И святой Нил: «Блажен постигший неразлучную с молитвою непостижимость (Божию)». И святой Лествичник: «Бездна плача порождает утешение; чистота же сердца приемлет просвещение. Просвещение сие есть неизреченное действо Духа, дающее видеть, не видя, и ведать, не ведая» (Сл. 7, 55).

Сего ради и треблаженны, подобно древней Марии, избравшие благую сию часть — сие жительство духовное, и за то сподобляемые богоподобного некоего жребия, столь благого, что им в великом и в исступление приводящем радовании можно с Божественным Павлом явно восторгаться и вопиять: *егда благодать и человеколюбие явися Спаса нашего Бога, не от дел праведных, ихже сотворихом мы, но по своей Его милости,*

спасе нас банею пакибытия и обновления Духа Святаго, Егоже излия на нас обилно, Иисус Христом Спасителем нашим, да оправдившеся благодатию Его, наследницы будем по упованию жизни вечныя (Тит. 3, 4-7). И еще: *извествуяй же нас с вами... и помазавый нас, Бог: иже и запечатле нас, и даде обручение Духа в сердца наша* (2 Кор. 1, 21, 22). Также: *имамы же* сие *сокровище в скуделных сосудех, да премножество силы будет Божия, а не от нас* (2 Кор. 4, 7). Так возвещают Богопросвещенные мужи. — Буди же и нам их богоуветливыми к Господу молитвами пожить хоть отчасти, подобно им, по милости и благодати Божией.

77) Желающие надлежащим образом безмолвствовать по всей необходимости должны кроткое иметь сердце

Тебе же, чадо, теперь благовременно, прежде всего другого или и вместе со всем другим, знать, что как желающий добре научиться стрелять не без определенной меты натягивает лук, так и хотящий научиться безмолвствовать пусть такою метою имеет всегда быть кротку сердцем. Так святой Исидор говорит: «Недовольно для добродетели подвизаться, но надлежит в подвизании соблюдать и должную мерность (или соразмерять и согласовать одни подвиги или делания с другими). Ибо если, например, проходя подвиг кротости, мы пресекаем его какими-либо возмутительными движениями, то это будет значить ни что другое, как что мы спасение улучить желаем, делать же, что к сему благопотребно, не хотим». Но еще прежде сего святого Божественнейший Давид изрек: наставить *кроткия на суд*, научить *кроткия путем своим* (Пс. 24, 9). И Сирах: *кротким открываются тайны* (Сир. 3, 19). И сладчайший Иисус: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). И еще: *на кого воззрю, токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Ис. 66, 2). Также: *блажени кротцыи, яко тии наследят землю* (Мф. 5, 5), или сердце, приносящее благодатию Божиею плод — сам тридцать, сам шестьдесят, сам сот, соответственно чину новоначальных, средних и совершенных, — никогда ничем не смущая и не смущаясь, если где не о благочестии идет дело.

78) Как преуспеть в кротости; и о трех силах души — раздражительной, желательной и разумной

В безгневии и кротости легко преуспеешь, если будешь все отклонять от себя и душу подвигать к любви, больше молчать, умеренно насыщаться пищею и всегда молиться, как сказали отцы: «Раздражительную часть души обуздай любовию, желательную воздержанием увядь, разумную молитвою окрыли: и свет ума никогда не помрачится в тебе». Еще: «Гневу узда — благовременное молчание; пожеланиям неразумным — умеренная еда; неудержимости помыслов — единомысленная молитва». И еще: «Есть три добродетели, кои завсегда свет доставляют уму: ни в ком не видеть злонамеренности, претерпевать все находящее без смущения, и благотворить злотворящим. Эти три добродетели рождают другие три, большая их: невидение злонамеренности рождает любовь; несмущенное перенесение находящего порождает кротость; благотворение злотворящим стяжавает мир». И опять: «Три есть главнейших нравственных состояния у монахов: первое — ни в чем не погрешать делом; второе — не давать замедлять в душе страстным помыслам; третье — бесстрастно смотреть в уме на лица жен и обидевших».

79) Надобно скорее каяться в случае падений каких-либо и тем мудро укреплять себя против будущих искушений

Если случится тебе когда-либо возмутиться или иной раз допустить какое-либо поползновение, и погрешить против чего подобающего; то тотчас надобно поправить это дело, и другой ли кто тебя опечалил или ты другого кого, поскорее умиротвориться; а для сего от души каяться, плакать и слезы лить, себя самого осуждая во всем; и таким образом укрепив себя на будущее время, внимать себе потом разумно. Так учит Господь Иисус, говоря: *аще убо принесеши дар твой ко алтарю, и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем, и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой* (Мф. 5, 23, 24). И апостол: *всяка горесть, и гнев, и ярость, и кличь, и хула, да возмется от вас, со всякою злобою. Бывайте же друг ко другу блази, милосерди, про-*

щающе друг другу, якоже и Бог во Христе простил есть вам (Еф. 4, 31, 32). Еще: *гневайтеся и не согрешайте: солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26). И еще: не отмщайте за себя, *но дадите место гневу;* также: *не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое* (Рим. 12, 19, 21). Так говорится о примирении друг с другом.

80) О поскользновении и покаянии

О поскользновении святой Исаак говорит: «Не тогда будем печалиться, когда поскользнемся в чем-либо, но когда закосневаем в том же; потому что поскользновение бывает часто и с совершенными, а завоевывать в том же есть совершенное умертвие. Печаль же, какую чувствуем о своих поскользновениях, вместо чистого делания вменяется нам по благодати. Кто, в надежде на покаяние, поскользнется вторично, тот лукаво поступает с Богом. Неведомо нападает на такого смерть, и не оставляет ему времени, чтоб, как надеялся он, покаяться и исполнить дела добродетели» (Сл. 90, с. 611). Еще: «Ежечасно надлежит нам знать, что в сии двадцать четыре часа дня и ночи мы имеем нужду в покаянии. Значение же слова *покаяние,* как дознали мы из действительного свойства вещей, таково: оно есть с исполненною сокрушения молитвою приближающееся к Богу неослабное прошение об оставлении прошедшего, и болезнование о хранении будущего» (Сл. 47, с. 292). И еще: «Благодать на благодать людям по крещении дано покаяние; ибо покаяние есть второе рождение от Бога. И то дарование, с которого залог прияли мы от веры, приемлем покаянием. Покаяние есть дверь милости, отверстая усильно ищущим ее; сею дверью входим к Божественной милости, и кроме сего входа не обретем милости; *вси бо,* по слову Божественного Писания, *согрешиша, оправдаеми туне благодатию Его* (Рим. 3, 23—24). Покаяние есть вторая благодать, и рождается в сердце от веры и страха; страх же есть отеческий жезл, управляющий нами, пока достигнем в духовный рай; и когда достигнем, тогда оставит он нас и возвратится. Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами» (Сл. 83, с. 568). Опять: «Как невозможно переплыть большое

море без корабля и ладьи; так никто не может без страха достигнуть любви. Смрадное море между нами и мысленным раем можем перейти только на ладье покаяния, на которой есть гребцы страха. Если же сии гребцы страха не правят кораблем покаяния, на котором по морю мира сего приходим к Богу, то утопаем в сем смрадном море» (Сл. 83 с570).

81) О покаянии, страхе, любви, плаче, слезах и самоукорении

(Продолжаются слова святого Исаака.) «Покаяние есть корабль, а страх — его кормчий, любовь же — Божественная пристань. Страх сажает нас на корабль покаяния, перевозит через смрадное море житейское и вводит в Божественную пристань, которая есть любовь. К сей пристани приходят все, труждающиеся и обремененные покаянием. И когда достигнем любви, тогда достигли мы Бога, и путь наш кончен, и пришли мы к острову тамошнего мира, где Отец, Сын и Дух Святой» (Сл. 83, с. 571).

О печали же по Боге так говорит Спаситель: *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4). Еще о слезах пишет тот же преподобный Исаак: «Слезы во время молитвы — признак Божией милости, которой сподобилась душа в своем покаянии, — признак того, что молитва принята, и слезами начала входить в поле чистоты. Ибо если не будут отъяты в людях помыслы о преходящем и не отринут они от себя мирской надежды, и не возбудится в них пренебрежение к миру, и не начнут они уготовлять доброго напутствия к исходу своему, не начнут в душе восставлять помыслы о том, что будет там, то глаза не могут проливать слез, потому что слезы суть следствие чистого и непарительного богомыслия, многих частых и неуклонно пребывающих помыслов, памятования о чем-то тонком, совершающемся в уме, и памятованием сим приводящем сердце в печаль, от чего слезы умножаются и наиболее увеличиваются» (Сл. 30, с. 202). И святой Лествичник: «Как огонь пожигает тростие, так чистые слезы — всякую видимую и мысленную скверну» (Сл. 7, 31). Еще: «Постараемся приобрести чистые и нелестные слезы, которые рождаются от размышления об отшествии нашем в вечность: ибо в таковых нет ни окрадения,

ни возношения; но паче очищение, преуспеяние в любви к Богу, смытие греха и бесстрастие» (там же. 33). И еще: «Не верь твоим источникам слез прежде совершенного очищения от страстей, ибо то вино еще ненадежно, которое только что вышло из точила» (там же, 35). И еще: «Слезы, которые происходят от страха, сохраняют сами себя сим же страхом; но те, которые рождаются от любви, в некоторых людях легко бывают окрадаемы, разве только великий оный и приснопамятный огнь возжет сердце во время действия. И поистине удивительно, как меньшее[1] не бывает в свое время тверже большого» (гл. 66).

О самоукорении говорит Антоний Великий: «Великий подвиг для человека — раскаяние во грехах своих пред Богом и ожидание искушений до последнего издыхания» (Дост. сказ., п. 4). И другой отец святой, будучи вопрошен: «Что особенно нашел ты, отче, на пути сем?» Сказал в ответ: «То, чтоб себя самого во всем укорять»; что и вопросивший похвалил, сказав: «Другого пути нет кроме сего». И Авва Пимен сказал со стенанием[2]: «Все добродетели вошли в мир сей. Возьми одну добродетель, — и без нее с трудом устоит человек. Спросили его: какая это добродетель? И он сказал: та, чтоб человек всегда укорял себя самого». Он же сказал еще: «Кто укоряет себя, тот, что бы ни случилось с ним, потеря ли какая или бесчестие, или скорбь, никогда не смутится, потому что наперед считает себя всего того достойным»[3].

82) О внимании и о том, что с мудрою осторожностью должно твердо держаться на своем пути

Равным образом о *внимании* и осмотрительной твердости пишет Божественный Павел: *блюдите, како опасно ходите: не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть* (Еф. 5, 15-16). И святой Исаак: «О, как дивна ты,

---

[1] То есть слезы от страха – слез от любви.

[2] В «Достопамятных сказаниях» есть подобное сему сказание: «Авва Пимен говорил со вздохом: все добродетели вошли в дом сей, кроме одной, без которой едва ли устоит человек. – Какая же это добродетель? – спросили его. – Самоосуждение, – отвечал старец (134 изр.)».

[3] В «Достопамятных сказаниях» похоже на это 95 изречение: «Если человек во всем будет винить самого себя, то везде устоит».

премудрость, как издалека все предусматриваешь? Блажен, кто обрел тебя: ибо таковой освободился от юношеской небрежности. Кто за малую цену или плату покупает себе врачевство великих страстей, тот добре творит. То и любомудрие, чтоб в малых и малейших делах всегда быть бодренно внимательну. Такой сокровиществует себе великий покой; и не спит, чтоб не случилось с ним что противное, но заблаговременно пресекает причины к тому, и в малейших вещах переносит малую печаль, предотвращая тем великую». И далее почему Премудрый и говорит: «Трезвенствуй и бодрствуй над жизнию своею; ибо сон ума — родня истинной смерти и есть образ ее». А богоносный Василий говорит: «Кто в малом своем небрежен, не верь, чтоб тот был рачителен и в большом» (Сл. 75, с. 543-4).

83) О том, что безмолвствующему надо быть рачительну о всем сказанном, паче же всего быть тиху и кротку, и всячески стараться чисто призывать Господа Иисуса Христа внутрь сердца

По сей же причине и о всем сказанном имей усердное попечение, наипаче же о том, чтоб быть тиху и кротку, и с чистою совестью в глубине сердца призывать Господа Иисуса Христа, как мы сказали. Ибо таким образом, простираясь путем в предняя, будешь иметь Божественную благодать упокоеваемой душою твоею. Святой Лествичник говорит: «Никто из тех, кои подвержены раздражительности и возношению, лицемерию и памятозлобию, да не дерзнет когда-либо увидеть и след безмолвия, чтобы ему не впасть в исступление ума. Если же кто чист от сих страстей, тот наконец познает сам, что полезно. Думаю, впрочем, что и он сам не познает того» (Сл. 27, 36). И не только благодать будешь ты иметь упокоеваемою душою твоею, но и душу свою успокоившеюся от всего, что прежде смущало и тяготило ее — от бесов и от страстей. Ибо хотя они опять будут докучать, но без последствий, потому что душа уже не переходит на их сторону и не вожделевает сласти, которые от них.

84) О добром и восторженном боголюблении и о Божественной красоте

Все вожделение такового, вся его сердечная и восторженная любовь и всецелое расположение устремлено к преестественной красоте Божеской, блаженнейшей, которая названа отцами верховнейшим из желаемых предметов.

Так, Василий Великий говорит: «Когда благочестивая любовь (любовь к Богу) обымет душу, тогда всякий вид брани (или сманивание к другому чему) для нее посмеяния достоин, и все муки за вожделенного Господа более услаждают ее, чем уязвляют». И еще: «Что предивнее Божественной красоты? Какое помышление радостнейше паче мысли о Божеском благолепии? Какое вожделение души так сильно и неутолимо, как то, которое от Бога внедряется в очищенную от всякого зла душу, которая тогда искренно из глубины своей взывает: *уязвлена есмь любовию аз*» (Песн. 2, 5).

85) О брани, обучительном попущении и об оставлении по отвращению

Подвергается, впрочем, брани и таковой по обучительному попущению, а не по причине оставления по отвращению. Для чего же? Для того, чтоб не превознесся ум его по причине обретенного им блага; но будучи борим и через то обучаем, всегда держал смирение, коим одним всегда может он не только побеждать в гордости нападающих на него, но и больших даров сподобляться, преуспевая, сколько то доступно человеческому естеству, и при всем том, что неизбежными узами и тяготою плоти связан и держим есть, простираться в предняя к совершенству о Христе и бесстрастию. О сем так говорит святой Диадох: «Сам Господь говорит, что сатана спал с неба (см. Лк. 10, 18), чтоб не видел безобразный сей обиталищ святых Ангелов: как же он, не удостоиваемый общения с добрыми служителями Божиими, может иметь общим с Богом обиталищем ум человеческий? Если и скажут, что это бывает по попущению, то этим не представят ничего доказательного. Ибо попущение обучительное никак не лишает душу Божественного

света, бывает же при сем только то, что благодать, как я уже говорил, скрывает от ума свое присутствие, чтоб горечью бесовскою подвигнуть душу со всем страхом и с великим смирением взыскать помощи от Бога, испытывая в себе злое действие ума. Так мать дитя свое, бесчинствующее по причине нехотения подчиниться уставам млекопитания, на короткое время спускает из объятий своих, чтоб оно, убоявшись окружающих его безобразных чужих людей или зверей каких-либо, в страхе великом и в слезах в матерние опять потянулось возвратиться объятия. По отвращению же Божию бывающее попущение душу, не хотящую иметь Бога в себе, предает бесам, как бы связанною. Но мы — не подметные чада, но, как веруем, истинные есмы детища Божией благодати, редкими попущениями и частыми утешениями ею млекопитаемые, да под действием таковой ее к нам благостыни доспеем приити *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова*» (Еф. 4, 13) (Гл. 86). И в след за сим продолжает: «Попущение обучительное сначала поражает душу великою скорбию, чувством унижения и некоторою мерою безнадежия, чтоб подавить в ней тщеславие и желание изумлять собою, и привесть ее в подобающее смирение. Но тотчас потом наводит оно в сердца умиленный страх Божий и слезную исповедь, и великое желание добрейшего молчания. А оставление, по отвращению Божию бывающее, оставляет душу самой себе, и она исполняется отчаянием и неверием, надмением и гневом. Надлежит убо нам, зная то и другое — попущение и оставление, во время их приступать к Богу, сообразно с свойствами каждого из них: там благодарение и обеты должны мы приносить Богу, яко милостиво наказующему необузданность нашего нрава лишением утешения, чтоб отечески научить нас здраво различать доброе от худого; а здесь непрестанное исповедание грехов, непрерывные слезы и большое уединение, да, хотя таким приложением трудов, возможем умолить и преклонить Бога призреть, как прежде, на сердца наши. Ведать, впрочем, надлежит, что когда при обучительном попущении бывает у души с сатаною борьба в схватке лицом к лицу, тогда благодать, хотя скрывает себя, но неведомым помоганием содействует душе, чтоб

показать врагам ее, что победа над ними есть дело одной души» (Гл. 87). И святой Исаак: «Умудриться человеку в духовных бранях, познать своего Промыслителя, ощутить Бога своего и сокровенно утвердиться в вере в Него невозможно иначе, как только по силе выдержанного им испытания. Благодать, как только усмотрит, что в помысле человека начало появляться несколько самомнения, и стал он высоко о себе думать, тотчас попускает, чтоб усилились и укрепились против него искушения, пока не познает свою немощь, не побежит и не емлется во смирении за Бога. Сим приходит человек в меру мужа, совершенного верою и упованием на Сына Божия и возвышается до любви. Ибо чудная любовь Божия к человеку познается, когда бывает он в обстоятельствах, разрушающих надежду его. Здесь Бог силу свою показывает во спасении его. Ибо никогда человек не познает силы Божией в покое и свободе, и нигде Бог не являл ощутительно действенности Своей, как только в стране безмолвия и в пустыне, в местах, лишенных сходбищ и молвы, бывающей в обитании с людьми» (Сл. 49, с. 318-19).

86) О бесстрастии и о том, что есть человеческое бесстрастие

К сказанному надлежит приложить здесь отчасти слово о бесстрастии и совершенстве; потом еще немного, — и кончить настоящее наше писание. О бесстрастии святой Василий Великий говорит: «Кто соделался любителем Бога и возжелал, хотя малейше, причаститься Его бесстрастия, духовной святости, тихости, невозмутимости и кротости, и вкусить порождаемого сим веселия и радования, тот старается далеко отводить помыслы свои от всякой вещественной страсти, могущей возмутить душу, и чистым и не затененным оком обозревает Божественные вещи, ненасытно наслаждаясь тамошним светом. Установив же душу в таком навыке и в таком устроении, своим Богу становится, по возможному уподоблению Ему, и бывает Ему любезен и вожделеннейший, как мужественно подъявший такой великий и трудный подвиг, и возмогший из среды своего с веществом растворения

чистою и как бы отторженною от всякого примешения телесных страстей мыслию беседовать с Богом». Это — о бесстрастии.

А о том, что есть человеческое бесстрастие, святой Исаак пишет так: «Бесстрастие не в том состоит, чтоб не ощущать страстей, но в том, чтоб не принимать их. Вследствие многих и различных добродетелей, явных и сокровенных, приобретенных святыми, страсти изнемогли в них и нелегко могут восстать на душу; и мысль не имеет нужды непрестанно быть в рассуждении их внимательною, потому что во всякое время исполнена в помышлениях своих изучением и исследованием превосходнейших созерцаний, сознательно движимых в уме. И когда страсти начнут приходить в движение и возмущаться, мысль внезапно вземлется от близости к ним сознанием чего-либо горнего, приникшего в ум, и страсти остаются без воздействия на него, как сказал блаженный Марк: «Ум, по благодати Божией исполняя добродетельные деяния и приблизившись к ведению, мало ощущает того, что исходит из худшей и неразумной части души. Ибо ведение его восхищает его на высоту и отчуждает от всего, что в мире святых, по их непорочности, по тонкости, легкости и остроте ума их, а также по их подвигам очищается ум их и делается светозарным, так как плоть их иссохла от упражнения делами безмолвия и долгого в нем пребывания. Сего ради легко и скоро прилагается каждому созерцание, которое, пребывая в них, руководит их к углублению в созерцаемое с изумлением. В таком состоянии богатно множатся в них созерцания и мысль их никогда не бывает скудна предметами высшего разумения. Таким образом, никогда не остаются они без того, что составляет в них плод Духа. Долговременным же в сем роде навыком изглаждаются в сердце их воспоминания, которыми возбуждаются в душе страсти, и ослабляется сила диавольской власти. Ибо, когда душа не сдружится со страстьми помышлением о них, тогда, поелику непрестанно занята она иною заботою, сила страстей не может в когтях своих удержать духовных чувств ее» (Сл. 48, с. 305-6).

И блаженный Диадох: «Бесстрастие есть не то, чтоб не быть бориму от бесов, ибо в таком случае надлежало бы нам, по апос-

толу, *изыти из мира* (1 Кор. 5, 10); но то, чтоб, когда они борют нас, пребывать непреоборимыми: подобно тому, как в латы облеченные воители и стрелянию противников подвергаются, и слышат звук от летящих стрел, и видят даже самые стрелы, на них испускаемые, не уязвляемы однако ж бывают ими по причине твердости воинской одежды своей. Но эти, железом будучи ограждены, не подвергаются уязвлению во время брани; мы же, посредством делания добрых дел облекшись во всеоружие святого света и в шлем спасения, будем рассеивать темные демонские фаланги: ибо не одно то приносит чистоту, чтоб не делать более зла, но паче то, чтоб всеусильною ревностью о добре вконец потребить в себе злое» (Гл. 98).

Святой Максим указывает четыре вида бесстрастия, говоря так: «Первым бесстрастием называю я то, когда телесное ко греху движение не производится в дело. Вторым бесстрастием называю я совершенное отвержение страстных помыслов душевных, в силу коего увядает движение страстей, не имея воспламеняющих его к действенности страстных помыслов. Третьим бесстрастием называю я совершенную неподвижность страстного похотения, которое обыкновенно и во втором имеет место, состоящем в чистоте помыслов. Четвертым бесстрастием называю я совершенное отложение страстных в мысли мечтаний, по коему и третье получает свое бытие, не имея чувственных мечтаний, кои представляли бы страстные виды». Еще: «Бесстрастие есть мирное устроение души, по коему она бывает неудободвижима на зло».

87) О бесстрастии и совершенстве

Вот и слова святого Ефрема, который о бесстрастии и совершенстве говорит так: «Бесстрастные, ненасытно простираясь к верховному вожделенному благу, делают некончимым или несовершенным совершенство, потому что вечные блага конца не имеют: кончимо или совершенно оно, судя по мере силы человеческой, а некончимо и несовершенно, как всегда превосходящее само себя каждодневными приложениями и возвышающееся непрестанно восхождениями к Богу». Подобное сему говорит о совершенстве и святой Нил: «Два совершенства надо

принимать: одно временное, а другое вечное, о коем пишет апостол: *егда же приидет совершенное, тогда еже отчасти упразднится* (1 Кор. 13, 10). Слова: *егда приидет совершенное,* показывают, что здесь не можем мы вместить Божественного совершенства». Еще: «Два совершенства ведает Божественный Павел и одного и того же человека признает и совершенным и несовершенным, — в отношении к настоящей жизни называя его совершенным, а в отношении к истинному свойственному ему совершенству — несовершенным. Почему говорит: *не зане уже достигох или уже совершихся: гоню же аще и постигну:* а немного ниже говорит: *елицы убо совершенни, сие да мудрствуим* (Флп. 3, 12, 15).

88) О страстности, сладострастии, пристрастии и бесстрастии

Святой Илия Екдик говорит: «Материя злая или греховная — тела есть страстность, души — сладострастие, ума — пристрастие. Обличаются же или обнаруживаются они: первое — осязанием, другие (сладострастие и пристрастие) — другими чувствами. Противоположное же всем им (бесстрастие) — противоположным расположением». Еще: «Сладострастный близ есть страстного, пристрастный — сладострастного, далеко же от обоих их — бесстрастный» (Гл. 71, 72).

89) Кто страстен, сладострастен, пристрастен и бесстрастен; и о врачевании каждого из них

О сем тот же преподобный говорит: «Страстен тот, у кого влечение ко греху сильнее помысла, хотя он не грешит еще внешне; сладострастен тот, у кого действо греховное (желание сделать грех) слабее помысла, хотя он страстно услаждается им внутри; пристрастен тот, кто свободно, или лучше раболепно привязан к тому и другому. Бесстрастным был бы тот, кому неизвестны такие разные движения и состояния (кто не испытывает их)». Равно и способы врачевания их он же ясно указывает, говоря: «Страстность изгоняется из души постом и молитвою, сладострастие — бдением и молчанием, пристрас-

тие — безмолвием (уединением) и вниманием; бесстрастие же установляется памятованием о Боге» (гл. 72, 73).

90) О вере, надежде и любви

Поелику всех благ или нравственных доброт начало, средина и конец, если хочешь, и хороводитель и главарь — вера, надежда и любовь, — сия треплетная и боготканная вервь, паче же всех любовь, потому что *Бог любы есть* и именуется (1 Ин. 4, 8); то неправедно не восполнить ими, что еще недостает в настоящем сочинении; тем паче, что по святому Исааку: «Завершение плодов Святого Духа тогда бывает, когда кто сподобляется совершенной любви» (Сл. 21, с. 154). Давай же и о ней не много помянем словами отцов святых. Так святой Лествичник пишет: «Н*ыне же,* скажем после всего сказанного, *пребывают три сия,* все теснейшим союзом связующие и держащие в нем, *вера, надежда и любы, больши же* всех *любы:* ибо ею именуется Бог (1 Кор. 13, 13; 1 Ин. 4, 8). По моему разумению, первая из них есть луч, вторая — свет, а третья — круг; все же они одно суть сияние и один блеск. Первая все может творить и устроять; вторую милость Божия окружает и делает непостыдною; третья никогда не падает, не перестает тещи, и уязвленному ею не дает почить от блаженного упоения» (сл. 30, 1-3). И еще: «Слово о любви знаемо Ангелам; но и тем по действу осияния. *Бог любы есть,* и кто хочет изречь, каков предел ее, тот, слеп будучи, покушается исчесть песок в бездне морской. Любовь, по качеству своему, есть уподобление Богу, сколько оно доступно для смертных; по действу — опьянение души; по свойству — источник веры, бездна долготерпения, море смирения. Любовь истинно есть отложение всякого противного помышления: ибо *любы... не мыслит зла* (1 Кор. 13, 5). Любовь, бесстрастие и сыноположение одними именами различаются. Как свет, огонь и пламя в одном действии сходятся: так разумей ты мне и об этих» (там же, гл. 5-9).

И святой Диадох: «Духовным созерцанием, братие, да предводительствуют вера, надежда и любовь, и наипаче любовь; ибо те (вера и надежда) научают только презирать видимые

блага, а любовь самую душу добродетелями сочетавает с Богом, умным чувством постигая Невидимого» (Гл. 7). И еще: «Иная есть любовь души естественная, а другая Духом Святым изливается в нее. Та, когда хотим, от нашего хотения соразмерно движется, почему и от злых духов удобно расхищается, когда нуждно не держим в ней своего произволения. А эта так пламенит душу любовию к Богу, что все части души прилепляются к неизреченной сладости Божественного возлюбления в безмерной некоей простоте расположения; ибо тогда ум, как бы чреват бывая от духовного благодатного действа, источает обильный поток любви и радования» (Гл. 34).

И святой Исаак: «Любовь, возбуждаемая чем-либо совне, есть как малый светильник, питаемый елеем, которым и поддерживается свет его, или как наводняемый дождем поток, которого течение прекращается с оскудением составляющей его дождевой воды. Но любовь, которая имеет виновником Бога, есть то же, что бьющий из земли источник; потоки ее никогда не прерываются: ибо Он Сам есть источник сей любви и неоскудевающая пища ее» (Сл. 30, с. 199). Еще будучи вопрошен: «В чем завершение многих плодов Духа», сказал он в ответ: «В том, когда сподобится кто совершенной любви». Когда за сим последовал вопрос: «По чему узнать, что достиг ее кто-нибудь?» Ответил: «Когда памятование о Боге возбудилось в уме его, тогда сердце его немедленно возбуждается любовию к Богу, и очи его обильно изводят слезы. Ибо любви обычно воспоминанием о любимых возбуждать слезы, и кто таков, у того никогда не оскудевают слезы; потому что никогда не прекращается в нем то, что влечет его к памятованию о Боге. Почему и во сне он беседует с Богом; ибо любви свойственно производить это, и она есть совершенство людей в настоящей жизни» (Сл. 21, с. 154, 5). И еще: «Любовь к Богу естественно горяча, и когда нападет на кого без меры, делает душу ту исступленною. Почему сердце ощутившего ее не может вместить ее и стерпеть, но по мере качества (своего) и нашедшей на него любви видится в нем изменение необычное. И вот каковы знамения ее чувственные: лицо человека делается огненным и радостным, и тело

его согревается. Отступают от него стыд и страх, и бывает как бы исступленным; сила, собирающая ум, бежит из него, и бывает он как бы изумлен. Страшную смерть почитает радостию, и созерцание ума его никогда не испытывает пресечения какого-либо в помышлении о небесном. И отсутствуя, как присутствующий беседует он, незримый никем. Ведение и зрение его естественно проходит, и чувственно не ощущает он движения своего, коим движется между вещами. Ибо хотя он и делает что, но совершенно того не чувствует, так как ум его высится в созерцании, и мысль его всегда как бы беседует с кем другим. Сим духовным упоением упоевались некогда апостолы и мученики; и одни весь мир обошли, трудясь и терпя поношение, а другие, будучи рассекаемы на уды, пролили кровь свою, как воду, и претерпевая ужаснейшие страдания, не впадали в малодушие, но доблестно все переносили, и будучи премудры, почитаемы были неразумными. Иные же скитались в пустынях, в горах, в вертепах, в пропастях земных, в нестроениях благоустроенными пребывая. Такого нестроения да сподобит нас достигнуть Бог» (Сл. 73, с. 528-9).

91) О святом причащении и о том, скольких благ бывает для нас виновно частое с чистою совестию сие причащение

Ни что столько не содействует и не способствует нам к очищению души, к просвещению ума и к освящению тела, и обеих их Божественнейшему изменению, еще же и к отражению страстей и бесов, свойственнейше же сказать, к преестественному с Богом единению и Божественному сочетанию и срастворению, как чистое, с чистым сердцем и расположением, сколько то возможно человеку, причащение Святых, пречистых, бессмертных и животворящих Таин, — самого, говорим, честного Тела и Крови Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Почему необходимо и об этом особенно поговорить, и затем положить конец нашему писанию.

Об этом, о том то есть, что причащение Святых Христовых Таин крайне необходимо, не только явно говорят отцы, но и сама Жизнь и сама Истина яснейшими словами возвещает, ибо

говорит: *Аз есмь хлеб животный. Сей есть хлеб сходяй с небесе, да аще кто от него яст, не умрет. Аз есмь хлеб животный, иже сшедый с небесе: аще кто снест от хлеба сего, жив будет во веки. И хлеб, егоже Аз дам, плоть Моя есть, юже Аз дам за живот мира* (Ин. 6, 48, 50-51). Еще: *аще не снесте плоти Сына человеческаго, ни пиете крове Его, живота не имате в себе. Ядый Мою плоть, и пияй Мою кровь, имать живот вечный. Плоть бо Моя есть истинно брашно, и кровь Моя истинно есть пиво. Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, во Мне пребывает и Аз в нем. Якоже посла Мя живый Отец, и Аз живу Отца ради: и ядый Мя, и той жив будет Мене ради. Сей есть хлеб сшедый с небесе. Ядый хлеб сей, жив будет во веки* (Ин. 6, 53-58). И святой Павел говорит: Братие, *аз приях от Господа, еже и предах вам, яко Господь Иисус в нощь, в нюже предан бываше, прием хлеб, и благодарив, преломи, и рече: приимите, ядите: сие есть тело Мое, еже за вы ломимое: сие творите в Мое воспоминание. Такожде и чашу, по вечери, глаголя: сия чаша, новый завет есть в Моей крови: сие творите, елижды аще пиете, в Мое воспоминание. Елижды бо аще ясте хлеб сей, и чашу сию пиете, смерть Господню возвещаете, дондеже приидет. Темже иже аще яст хлеб сей, или пиет чашу Господню недостойне, повинен будет телу и крови Господни. Да искушает же человек себе, и тако от хлеба да яст, и от чаши да пиет: ядый бо и пияй недостойне, суд себе яст и пиет, не разсуждая тела Господня. Сего ради в вас мнози немощни и недужливи, и спят доволни. Аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были: судими же, от Господа наказуемся, да не с миром осудимся* (1 Кор. 11, 23-32).

92) Необходимо знать чудо Святых Таин, что они суть, для чего даны и какая от них польза

Пишет святой Златоуст: «Нужно знать чудо сих Таин — в чем оно состоит, для чего дано и какая от него польза. *Едино тело,* сказано, мы бываем и уди от плоти Его и от костей Его (Еф. 4, 4). Да внимают сим словам посвященные! Итак, чтоб не любовию только, но и самым делом быть нам членами плоти Христовой, будем соединяться с сею плотию. А это бывает через пищу, которую Христос даровал, чтобы выразить Свою ве-

ликую любовь к нам. Для этого Он смесил Самого Себя с нами и растворил тело Свое с нами, чтобы мы составили нечто единое, как тело, соединенное с главою. И это есть знак самой сильной любви. На это указывал и Иов, когда говорил о своих домочадцах, которые так сильно любили его, что желали срастись с его плотию: *кто убо дал бы нам от плотей его насытитися?* (Иов. 31, 31). Так говорили они, желая выразить свою великую любовь к нему. С этою же целию так поступил и Христос, чтоб ввести нас в большее содружество с Собою и показать любовь Свою к нам. Он дал желающим не только видеть Его, но и осязать, и вкушать, и касаться зубами плоти Его, и соединяться с Ним, и насыщать им всякое желание» (Беседа на Ин. 46, с. 551-2, ч. 1). Еще: «Приобщающиеся этой крови стоят вместе с Ангелами, Архангелами и прочими горними силами, облеченные в царскую одежду Христову и имея оружие духовное. Но этим я не сказал еще ничего великого: они бывают облечены в самого Царя. Но сколько велико и чудно это таинство, столько же верно и то, что, если приступишь к нему с чистотою, приступишь во спасение, если же с совестию лукавою — в наказание и мучение. *Ядый бо,* сказано, *и пияй* Господа *недостойне, суд себе яст и пиет* (1 Кор. 11, 29). Если и оскверняющие Царскую порфиру наказываются одинаково с раздирающими ее, то что удивительного, если приемлющие тело Христово с нечистою душою подвергнутся тому же наказанию, какому и те, которые истерзали его гвоздями. Смотри, на какое страшное наказание указывает Павел в словах: *отверглся кто закона Моисеева, без милосердия при двоих и триех свидетелех умирает. Колико мните горшия сподобится муки, иже Сына Божия поправый и кровь заветную скверну возмнив, еюже освятися*» (Евр. 10, 28, 29) (там же, с. 555-6). И еще: «Причащаясь тела Господа и пия кровь Его, будем твердо помнить, что мы приобщаемся того Тела, которое восседит горе и которому поклоняются Ангелы, которое находится близ нетленной силы, — сие именно тело мы вкушаем. О, сколько открыто нам путей ко спасению! Он соделал нас Своим телом, дал нам Свое тело, и все это не отвлекает нас от зла?! О, омрачение! О, бесчувствие!» (Беседа 3, на Послание к Ефесяном, с. 47). И опять:

«Дивный некий старец поведал мне, что он сподобился увидеть и услышать нечто такое, что если имеющие преселиться отсюда причастятся Святых Таин с чистою совестию, то когда умрут, Ангелы, ради сего причащения, дориносят возносят их отсюда».

И Божественный Иоанн Дамаскин (О вере православной, кн. 4, гл. 13): «Поелику мы двояки и двусоставны, то надлежит и рождению у нас быть двоякому, и ястию сложну. Рождение дается нам водою и Духом, ястие же нам есть хлеб животный, Господь наш Иисус Христос, сшедший с небес». Еще гораздо ниже: «И как в крещении, поелику обычно людям мыться водою и мазаться елеем, сочетал Он с елеем и водою благодать Духа, и соделал то банею пакибытия; так и, поелику обычно нам ясти хлеб и пить воду и вино, сочетал Он с ними Свое Божество, и соделал их Своим телом и Своею кровию, дабы через то, что обычно и что по естеству бывает, бывать нам в состоянии, которое выше естества. Тело воистину соединено с Божеством, — то тело, которое от Святой Девы, не потому что само тело, вознесшееся на небеса, сходит, но потому, что самые хлеб и вино претворяются в Тело и Кровь Господа Бога. Если желаешь знать, как это бывает, то довольно тебе услышать: Духом Святым, как от Святой Девы Духом Святым Сам Себе и в Самом Себе Господь плоть составил. Больше этого мы ничего не знаем, но только то, что Слово Божие истинно есть, действенно и всемогуще, способ же: как — не исследим». И еще немного спустя: «С верою достойно причащающимся бывает Святое Причастие во оставление грехов и в жизнь вечную, и в охранение души и тела, а тем, кои без веры недостойно причащаются, в осуждение и мучение, как и смерть Господня. И не есть хлеб и вино только образ тела и крови Христовой. Да не будет! Но самое тело Христово обоженное и самая кровь. Ибо Он говорит: *плоть Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво*». Еще пониже: «Тело и кровь Христовы служат к укреплению нашей души и тела, но не истощаются и тлению не подвергаются, а бывают нам в охрану и очищение от всякой скверны. Им будучи очищаемы, соединяемся мы с телом Христовым и Духом Его, — и бываем тело Христово. Хлеб сей есть начаток

будущего хлеба, который есть насущный. Ибо *насущный* или на будущий хлеб указывает, то есть на хлеб будущего века, или на тот, который мы теперь принимаем к сохранению нашего существа. Ибо плоть Господня есть Дух животворящий, потому что от животворящего Духа зачалось; рожденное же от Духа Дух есть. Говорю же это я, не отрицая естество тела, но желая показать его животворящность и Божественность». И еще в самом конце сей главы: «Сии (тело и кровь в таинстве) называются вместообразными будущих как бы не сущие истинно тело и кровь Христовы, но потому что ныне через них мы причащаемся Христова Божества, тогда же мысленно через одно созерцание Его».

И Божественный Макарий: «Как вино по всем членам пьющего расходится, и бывает вино в нем и он в вине: так и пиющий кровь Христову Духом Божества напояется, который по всей душе расходится, и душа бывает вся в Нем, и освятившись таким образом, делается достойною Христа Господа. Ибо апостол говорит: *вси единем Духом напоихомся* (1 Кор. 12, 13). Также и истинно причащавшиеся хлеба в Евхаристии сподобляются причастниками быть Духа Святого, и так достойные души во веки могут живы быть. И как для тела жизнь не из него самого есть, но из вне его есть, то есть от земли, так и душе благоволил Бог не из собственного его естества, но из Своего Божества, из Духа Своего и света иметь брашно, питие, одеяние, кои суть истинный живот души. Ибо Божественное естество имеет и Хлеб жизни, рекший: *Аз есмь хлеб животный* (Ин. 6, 51) и воду живую, и вино веселящее, и елей радования».

И святой Исидор: «Приобщением называется причастие Божественных Таин, потому что оно подает нам соединение со Христом и соделывает нас общниками Царствия Его». И святой Нил: «Невозможно иначе спастися верному и оставление прегрешений получить, и Царствия Небесного сподобиться, если со страхом, верою и любовию не причащается он пречистых Таин Тела и Крови Христовых». Подобное сему пишет и святой Василий Великий в письме к благородной Кесарии: «Хорошо и преполезно каждый день приобщаться и принимать Святое Тело и Кровь Христову, потому что Сам Христос ясно говорит: *ядый*

Мою плоть и пияй Мою кровь, имать живот вечный (Ин. 6, 54). Ибо кто сомневается, что непрестанно быть причастником жизни не иное что значит, как жить множайше. Мы причащаемся четыре раза каждую седмицу: в день Господень, в среду, в пяток и субботу, также и в иные дни, если бывает память какого святого» (Т. 6, писм. 89).

Думаю, что в эти дни и литургисал святой сей, ибо всякий день не мог, будучи обременен столькими попечениями. И святой Аполлос сказал, что «монахи должны, если могут, приобщаться каждодневно Святых Таин, потому что кто удаляется от Святых Таин, тот удаляется от Бога, а кто постоянно приобщается, тот всегда принимает в себя Спасителя; ибо Сам Спаситель говорит: *ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Итак, сие весьма полезно монахам, потому что через сие они постоянно творят воспоминание спасительной страсти Христовой. К тому же при сем каждодневно должно им быть готовыми и так приготовлять себя, чтоб быть всегда достойными приять Святых Таин, и отпущения грехов сподобиться» (Лавсаик, с. 169). В братстве преподобного Аполлоса всегда соблюдался такой порядок жизни (там же, с. 167).

Святой Лествичник говорит: «Если тело, другому телу прикасаясь, изменяется действием его, то как не измениться тому, кто непорочными руками прикасается телу Божию?» (Сл. 28, 52). Написано также и в «Герондике»: «Иоанн Вострский, муж святой и власть имеющий над духами нечистыми, спросил бесов, живших в некоторых отроковицах бесноватых и злодействовавших в них, говоря: “Каких вещей боитесь вы в христианах?” Те ответили: “Вы воистину имеете три великие вещи: первая та, что носите вы на шее вашей; вторая та, чем омываетесь вы в церкви; третья та, что вкушаете вы в собрании”. Когда спросил он их еще: “Из сих трех, чего больше боитесь вы?” Они сказали: “Если б вы добре хранили то, чего причащаетесь, то никто из нас не возмог бы оскорбить христианина”. — Эти вещи, коих боятся наши неистовые враги паче всего, суть: крест, крещение и причащение».

93) Конец всех пространно изложенных вещей; и частное увещание просившему о том

Се, чадо любезнейшее, исполнено твое прошение, с Божиею помощию. Если, может быть, мы не сумели сделать это в точном соответствии твоему желанию и ожиданию, то всяко сделали по силе своей. Но Богу любезно делаемое по силе. Ты же смотри, не до сего только простирай твою любовь к научению и труд по нему, но яви себя и делами любителем научения и ревнителем. Ибо знаменитый брат Божий говорит: «*Братия мои возлюбленнейшие! Бывайте же творцы слова, а не точию слышателие, прельщающе себе самих. Зане аще кто есть слышатель слова, а не творец, таковый уподобися мужу, смотряющу лице бытия своего в зерцале: усмотри бо себе и отъиде и абие забы, каков бе приникий же в закон совершен свободы, и пребыв, сей не слышатель забытлив быв, но творец дела, сей блажен в делании своем будет*» (Иак. 1, 22-25).

94) Как должно слушать и принимать духовные словеса отцов

Паче же всего надлежит тебе уразуметь, как верно и с подобающим благоговением принимать и выслушивать Божественные и духовные законоположения отцов. Ибо святой Макарий говорит: «Духовные предметы недосязаемы для не испытавших их. К душе же святой и верной на помощь к постижению их приходит причастие Святого Духа; и тогда небесные сокровища Духа приемлющему их опытом одному бывают явственны, не посвященному же в сие даже и помыслить о том совершенно невозможно. Итак, благоговейно слушай о них, пока и ты, веры ради, сподобишься получить то же. Тогда самым опытом душевных очес узнаешь, каких благ и таинств души христиан могут быть причастны еще здесь».

Находясь в таком состоянии, ты очень скоро соберешь богатый приплод и пользу и от того, что написано, и от того, что услышать случится; и соединяя с научением и делание узнанного, преуспеешь до того, что будешь в состоянии и других увещевать и руководить самым опытом к вещам Божественнейшим, для многих недоступным. Что и буди тебе,

всемощною длани Господа Иисуса Христа держимому и направляемому! Аминь.

Поелику пресыщение словом неприятно для слуха, как пресыщение пищею для тела, и вообще умеренность во всем есть наилучшее дело; то надлежит и нам, избегая излишества и лобызая мерность, как наилучшее, потолковав еще немного о нашем предмете и сделав краткое некое оглавление настоящего сочинения, на этом бросить якорь слова нашего.

95) Возглавление всего (главнейший пункт), – как должно молиться, и об истинном просвещении и Божественной силе

Отцы говорят, что желающий разумно трезвенствовать, пусть сошедший путем дыхания внутрь сердца непрестанно понуждает себя молиться чисто и непарительно, одним внимая словам молитвы и в них углубляясь, именно: ***Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя!*** дотоле, пока ум просветится в сердце, как говорит святой Диадох: «Которые сие святое и преславное имя непрестанно содержат мысленно во глубине сердца своего, те могут, наконец, увидеть и свет ума своего» (Гл. 59). Когда же сие совершится по Божию мановению, тогда с момента сего все остальное течение нашего по Богу жительства, яко во свете ходящие, паче же яко сынами света сущие, незаблудно и непреткновенно пройдем мы, как говорит Сам света податель Иисус: *дондеже свет имате, веруйте во свет, да сынове света будете* (Ин. 12, 36); еще: *Аз есмь свет миру: ходяй по Мне, не имать ходити во тме, но имать свет животный* (Ин. 8, 12). И святой Давид так взывает к Господу: *во свете Твоем узрим свет* (Пс. 35, 10). И Божественный Павел: *Бог, рекий из тмы свету возсияти, иже возсия в сердцах наших* (2 Кор. 4, 6). Ибо Им, как неугасимым и всесветлым светильником, истинно верные путеводятся и простирают взор свой за пределы чувственного, — и им, яко чистым сердцем, отверзается небесная дверь ко всякому равноангельному и высокому образу жизни и устроению. И таким образом, как из солнечного диска, воссиявает им свет, делающий их способными духовно воссуждать, рассуждать, прозревать, предузревать и подобное. И вообще через Него воссиявает Им всякое показание и откровение без-

вестных таин; и силою преестественною и Божественною исполняются они в Духе Святом, этою же преестественною силою и персть их облегчается, или лучше плоть их утончается и, как метеор будто, горе воспаряет. Сею, в Духе Святом просветительною силою, некоторые из святых отцов, еще в теле суще, будто невещественные и бестелесные, не мокрыми переходили ногами реки непроходимые и моря кораблеходные, долгие и многодневные пути в одно мгновение проходили, и много других совершали дивных дел на небе, на земле, в солнце, в море, в пустынях, в городах, во всяком месте и стране, в зверях, в гадах, и вообще во всякой твари и во всех стихиях, — и прославились. Когда стояли они на молитве, святые и честные тела их поднимались от земли, как бы окрыленные; по кончине — оставались нетленными и творили знамения и чудеса; по воскресении же *восхищены будут в сретение Господне на воздусе, и тако всегда с Господем* будут, как удостоверяет таинник Божий Павел (1 Фес. 4, 17). И святой Макарий: «Вякая душа, верою и тщанием о всех добродетелях еще здесь сподобившаяся облещися во Христа в силе и удостоверительно сподобляется всегда получать существенное ведение небесных таин, соединена будучи с небесным светом нетленного образа своего. В день же воскресения тело, в силу того же славного небесного образа, спрославится душе и Духом восхищено будет в сретение Господа на воздухе, соделавшись сообразным телу славы Его».

96) Другое возглавление

Сих новых и невыразимых словом вещей и разумений началом и породительницею бывает упомянутое пред сим безмолвие, при совершенном беспопечении и в соединении со вниманием и молитвою, имея основанием твердым и ограждением неодолимым исполнение Божественных заповедей. От сих же, беспопечения, говорю, безмолвия, внимания и молитвы — сердечное движение и теплота, страсти и бесов палящая, и сердце, как в горниле, очищающая, а от этой — Господа Иисуса Христа вожделение и неистощимое любление, от сего — сладкое, как из источника; течение сердечных слез, коими душа и тело, в покаянии, любви, благодарении и исповедании,

как иссопом очищаются и утучняются, от них — тишина и мир помыслов, коему нет предела, яко всяк ум превосходящему, а от него — снегосиятельно светлое осияние. Конец же всего — доступное человеку бесстрастие, души прежде тела воскресение, образа и подобия Божия возображение и возвращение в сие состояние путем деяния и созерцания, веры, надежды и любви, также совершенное горе к Богу простертие, непосредственное с Ним соединение, исступление и почитие в Нем и стояние в настоящем веке, яко в зерцале, гадании и залоге, а в будущем — видение Бога лицем к лицу, совершенное Его причастие и присносущное Им наслаждение.

97) О том, что сей есть воистину незаблудный, истинный, и отцепреданный образ жизни по Богу, то есть безмолвие после послушания, которое достойно названо святыми жизнию во Христе сокровенною

Сей путь, сие духовное по Богу жительство и священное делание истинных христиан есть истинная, незаблудная и неподдельная, во Христе сокровенная жизнь. Его проложил и к нему тайноводствовал Сам Богочеловек, сладчайший Иисус; по нему прошли Божественные апостолы; по нему проследовали бывшие после них, и им, как и должно, последовавшие славные руководители наши и учители, которые с самого начала, с первого на землю пришествия Христова даже до ныне, как светила сияя в мире зарями живоносных словес и дел предивных, одни другим передавали и тем, кои в наше время суть, передали сие доброе семя, сей священный квас, сей начаток святой, сей залог некрадомый, сию благодать и силу свыше, сей бисер многоценный, сие Божественное отческое наследие, сие на селе сокрытое сокровище, сие обручение Духа, сие царское знамение, сию живую и текущую воду, сей огнь Божественный, сию честную соль, сей дар, сие запечатление, сей свет — и подобное сему. Что и отселе будет, как наследство, передаваемо и таким образом переходить из рода в род, до самого Второго Пришествия Христова. Ибо неложен обетовавший: *се Аз с вами есмь... до скончания века. Аминь* (Мф. 28, 20).

98) О том, что хотя и другие есть спасительные пути, но этот предпочтительно царский есть, ведущий к усыновлению

Хотя и иные пути и жительства, если же хочешь, и делания, были и суть в обычае, яко добрые, ко спасению ведущие и покой дающие тем, кои их проходят; но этот есть предпочтительно царский, все другие делания, как душа тело, превосходящий, яко вполне обновляющий до усыновления Богу и дивно в Духе обожающий человека, который проходит его достодолжно, как говорит Василий Великий: «Дух Святой, пришедши в душу, дал жизнь, дал бессмертие, воздвиг лежащего. Подвигнутое же от Духа Святого движением присносущным стало животным, святым; и человек по Духу, всельшемуся в него, приял достоинство пророка, апостола, Ангела, Бога, будучи прежде того землею и пеплом».

99) По причине высоты делания жительство сие многоименно

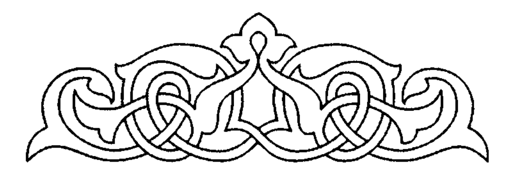
Сего ради святые отцы жительство сие величают многими славными наименованиями: они наименовали его путем разумным, деянием похвальным и созерцанием верным, пространнейшею молитвою, трезвением ума, умным деланием, делом будущего века, Ангельским жительством, небесным житием, Божественным поведением, страною живых, таинственным возреванием, духовною трапезою полнейшею, раем, Богом соделанным, небом, Небесным Царством, Божиим Царством, мраком превысшим света, жизни во Христе сокровенною, боговедением, обожением преестественнейшим и другими близкими к сим.

Сим Божественным отцам последуя, и мы, в лукавых и нечистых помыслах, словах и делах живущие, решились старательно исполнить твое, возлюбленный, прошение, и не поленились сделать, как ты просил, даже и больше меры нашей, твоей ради любви и отеческой заповеди, как сказали мы и в предисловии к сему труду. Жизни же сей равноангельной предводитель есть Сын Божий, Бог Слово, по новому неизреченному воплощенному домостроительству Своему, по благоволению безначального Отца и содействию Святого Духа.

100) Нравоучение – что с Божию помощию и благодатию и нам сколько можно стараться, должно и подвизаться; да сподобимся отныне еще в виде залога таких сверхъестественных величайших даров и ради малого разленения, увы! да не упустим их: что да не буди нам!

Когда такие и толикие предлежат нам блага, возлюбленные, не в надежде только и по обетованиям в будущем, но ныне воистину и делом, возревнуем улучшить их, пока имеем время. Потечем, восподвизаемся, да сподобимся их и мы, за малое и привременное рачение о них и краткий труд, паче же по дару и благодати Божией. *Недостойны бо страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18), по словам Павла, Божественного проповедника. Послушаем его; и если отныне потщимся, обретем их, по уверению его, в виде начатка и обручения (см. Рим. 8, 23; 2 Кор. 1, 22). Потщимся же: ибо если приглашаемые из низкой доли к сродству и общению с царским домом все для получения того пускают в ход — и слова, и дела, и умышления, хватаются даже за самое недостижимое, с презрением нередко самой жизни; и это ради славы и чести привременной и скоропреходящей, служащей иной раз не на добро, а на пагубу; то сколько паче надлежит употребить и деятельности и рвения нам, призываемым к общению, браку и сочетанию с Богом, всех царей Царем и Содетелем, всегда пребывающим, и свойственникам Своим славу и честь подающим пресветлую и непрестающую, и не это одно, но еще с получением области чадами Божиими быть, как говорит Евангелие: *елицы прияша Его, даде им область чадом Божиим быти верующим во имя Его* (Ин. 1, 12). Область дает Он, а не властительски влечет и не против желания нашего принуждает. Ибо властительское принуждение всегда вооружает принуждаемого против принуждающего, чтоб воздать злом за зло. Сим образом Он воздает честь древнему нашему самовластию, дабы, когда тело благое всецело делается по Его благоволению и благодати, совершение его приписывалось нашей ревности и рачению. Он, хотя Бог есть и Владыка, все Свое сделал: всех одинаково создал, за всех также и умер, чтобы всех равно и спасти. За нами же оставлено приступить к Нему, уверовать, соделаться своими

Ему, со страхом, рвением и любовию служить Ему, истинно возлюбившему нас человеколюбивому Владыке и Попечителю, до возжелания даже и смерть за нас подъять самоохотно, и смерть поносную, чтоб избавить нас от тиранства диавола, началозлобного врага нашего, примирить с Богом и Отцем, и наследниками Божиими и сонаследниками Своими соделать. Что предивно и преблаженно. Не дадим же себе ради малого какого-либо и краткого самоугодливого разленения и вознерадения, и поддельного какого удовольствия отстранить себя от таких и толиких благ, честей и наслаждений; но ревностно будем делать все подобающее, и всякие нести труды, не щадя, если потребуется, и самой жизни ради угождения Господу, как и Он не пощадил Своей ради нас, и притом Бог сый, — да сподобимся таким образом и нынешних и будущих даров и венцов. Буди же всем нам улучити их благоволением и благодатию Господа и Бога, и Спаса нашего Иисуса Христа, столько Себя за нас смирившего и таковым смирением преестественную и Боготворную благодать Свою еще отзде самым делом богатно нам подающего. Ему подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным и пречистым Его Отцем, и с соприсносущным и всесвятым, и благим, и животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.



БЛАЖЕННОГО КАЛЛИСТА ПАТРИАРХА
главы о молитве[1]

1. Если хочешь держать настоящее делание молитвы, подражай гусляру, который, преклонив немного главу и ухо обратив к струнам, искусно ударяет по струнам и, извлекая гармонические звуки, услаждается их мелодией.

2. Ясен ли тебе пример сей? Гусли — сердце; струны — чувства; бряцало — память Божия; гусляр — ум. Ум памятью о Боге и Божественных вещах извлекает из богобоязненного сердца чувства святые, от которых сладость некая неизреченная исполняет душу, и ум, чистым бывая, освещается Божественными озарениями.

3. Гусляр ничего не видит и не слышит, кроме своей мелодии, коею услаждается. И ум во время молитвы действенной трезвенно углубляется в сердце и ничему уже внимать не может, кроме Бога. Все внутреннее его изрекает к Богу Давидским гласом: *прильпе душа моя по Тебе* (Пс. 62, 9).

4. Если чувств телесных не заградим, то не источится в нас ключом бьющая вода оная, которую даровал Господь самарянына. Сия, ища чувственной воды, обрела иную воду живую, текущую внутрь ее самой. Ибо как земля естественно имеет в себе воду, которую, как только откроется исход, тотчас и изливает, так и земля сердца естественно имеет в себе эту воду духовную, из него ключом бить начинающую, как только возможно станет, подобно праотческому свету, который через преслушание потерян Адамом.

5. Как вода чувственная непрестанно течет из источника: так и живая вода, ключом бьющая из души, по открытии ее, не перестает источаться. Она, и в душе Богоносного мужа Игнатия вселившись, располагала его говорить: «Нет во мне огня

---

[1] Предлагаются несколько сокращенно и инде перифразом.

веществолюбивого (питающегося веществом), но во мне вода действует и говорит».

6. Сия блаженная, паче же и треблаженная вода, умное, говорю, трезвение души, подобна воде, бьющей и источающейся из глубины земли. И эта вода, что из источника истекает, источник делает полным, а вода, что бьет из сердца, и как бы сказать, приснодвижно движима бывает Духом, всего внутреннего человека исполняет Божественною духовною росою, внешнего же делает огненным.

7. Ум, очистившийся от всего внешнего и чувства всецело подчинивший себе деятельною добродетелью, неподвижным пребывает внутри сердца, как в центре водружая взор свой. Там, приемля мысленные озарения, как блистания молнийные, собирает он Божественные разумения.

8. Слыша сие, никто из непосвященных или еще *млека требующих* (Евр. 5, 12), да не касается того, как такого, чего касаться не в свое время запрещено. Покушение тех, которые прежде времени взыскивают того, что бывает в свое время, и тщатся насильно протесниться в пристань бесстрастия, без должного к тому приготовления, святые отцы назвали умоисступлением. Ибо не знающему букв невозможно читать книг.

9. Движения, вследствие подвига производимые в душе Божественным Духом, делают сердце тихостным и непрестанно побуждают его вопиять: *Авва Отче!* Но это не сопровождается какими-либо воображениями или бывает безóбразно; нас же преобразует зарею Божеств́енного света и дает нам образ, какой подобает соответственно горению Духа Божественного; и не только это, но и изменяет, и переменяет Божественною властию, как Сам Он один то ведает.

10. Ум, очистившийся посредством трезвения, если непрестанною памятию Иисусовою не упразднится от всего внешнего, легко омрачается. Равно с деятельностью соединивший созерцание или хранение ума молвы о себе не отрицается и говора о себе ясного или неясного не отвращается. Ибо только душа, уязвленная Божественною ко Христу любовью, влечется в след Его Единого, как брата (см. Песн. 2, 5).

11. Удерживать плотские страсти и взыграния или с разумом упраздняться от них, по слову пророка: *упразднитеся и разумейте* (Пс. 45, 11), можно и живущим в мире; изгладить же, или потребить их — для них невозможно. Но жизнь пустынная умеет явно искоренять их.

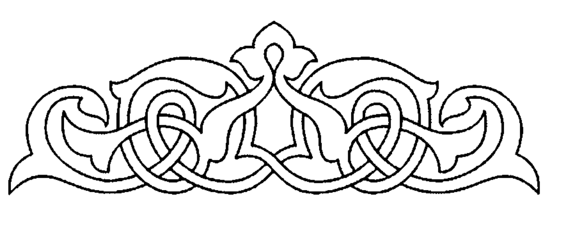
12. Из живых или текучих вод иная нищета — быстрое движение, а иная — тихое и медленное. Первая, по причине скорости своего движения, не может оставаться мутною и, если когда немного возмутится, скоро опять прочищается, имея такое движение. Но когда движение воды, изменившись, станет наималейшим, тогда она не только возмущается, но такою почти и остается по неподвижности своей; и надобно бывает прочищать ее, дав ей движение.

13. К новоначальным, нравоучимым и деятельным бес подходит звуками ясными или неясными. А для созерцательных производит некие фантазии, иногда окрашивая воздух наподобие света, а иногда производя огневые какие-либо образования, чтоб такими покушениями прельстить как-нибудь подвижника Христова.

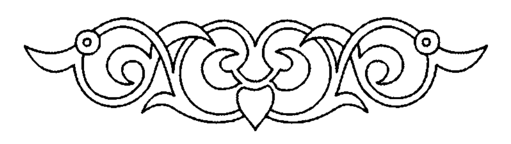
14. Если хочешь научиться, как должно молиться, взирай на конец внимания или и молитвы. Конец же сей есть умиление, сокрушение сердца, любовь к ближнему; чему противоположное само собою явно, именно — помысл похоти, шептание клеветы, ненависть к ближнему и сему подобное. Все сие несовместно с деланием молитвы[1].

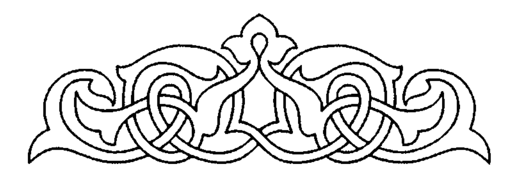
---

[1] Очевидно, что это – часть только глав или отрывок.



ГОСПОДИН КАЛЛИСТ ТИЛИКУД





ГОСПОДИНА КАЛЛИСТА ТИЛИКУДЫ[1]

О БЕЗМОЛВНИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

1. Нельзя покаяться без безмолвия; нельзя сколько-нибудь коснуться чистоты без анахоретства; невозможно, при видании людей и беседах с ними, сподобиться умного зрения Бога и молитвенной беседы с Ним. Почему те, коих объемлет заботливое желание покаяться в своих прегрешениях, очиститься от страстей, достигнуть и вкусить созерцания Бога и беседы с Ним — что есть предел и цель живущих по Богу, и залог вечного Божия наследия — всеми способами взыскивают безмолвия, наиполезнейшим делом для себя почитая удаление от людей и анахоретство, с должным, конечно, к тому расположением и настроением.

2. Начало деланий их в безмолвии бывает плач, самоосуждение и самоуничижение; ради их, чтоб они происходили сколько можно чище — бдения, стояния, воздержание и телесный труд, коих предел — потоки слез, источаемых очами смиренномудрствующих в сокрушении сердца. Так внимают они очищению своему, и так деятельно преуспевают в нем. Пределом сих трудов служит умиротворение помыслов, как началом излияния слез.

3. После сего ум обычным образом начинает рассматривать природу вещей, постигать художество Божие, понимать Божественную мысль и узревать во всем следы Божеской силы, премудрости, благости и всего, что обыкновенно в Боге созерцается; и в таинства Писания входит он, и преестественных благ

---

[1] В греческом Добротолюбии никаких сведений о нем не дано. Мысли и даже фразы сей статьи сходны с Каллистом и Игнатием. Знать дается, что в греческом Добротолюбии сия и следующая статьи стоят там, где бы следовало стоять двум статьям славян. Добротолюбия под заглавием: Святейшего Каллиста, патриарха Константинопольского образ внимания молитвы; и Его же – о молитве вкратце. Сих статей нет в греческом Добротолюбии. Вероятно, они взяты из каких-либо рукописей.

вкушает, и премирными красотами наслаждается, и Божией любви делается приятелищем; и, таким образом, пленяется любовию, радуется и благодушествует, как достигший предела добродетелей, любви к Создателю всяческих, никакой прелести не испытывая и не подозревая, а только претерпевая одни соблазнительные нападки и непотребные греховные движения, по многим причинам, как изменчивый.

4. Таким путем следует восходить к возустроению себя, далеко стоя от нечаяния и окрыляясь надеждою на человеколюбие Божие в достижении благ Божественных, пребывая в слезах, в молитве и в других сказанных добрых деланиях, услаждаясь, сколько доступно, раем любви к Богу и ничего больше не видя, кроме слез, мира помыслов и любви Божией. Так держится незаблудный путь, так образуется залог спасения души, смиренномудрствующей, трезвящейся и молящейся, во Христе Иисусе, Господе нашем.

5. Когда сидишь в келлии, ум твой да имеет дерзновение к Богу во смирении своем. Смирение пусть держит по причине бедности твоей и твоего ничтожества, а дерзновение — по причине всепревосходящей любви Божией и Божия снисхождения, какое имеет Он к людям. Так душа возводится к благоговейному почитанию Бога, когда, и сознав себя грешною, дерзает приступать к Нему по Его человеколюбию. Почему священный Павел заповедует, говоря: *Да приступаем убо с дерзновением к престолу благодати* (Евр. 4, 16). И воистину, дерзновение к Богу есть некое око или крыло молитвы, или дивное некое молитвенное устроение; не так, чтоб дерзал кто о себе, яко добрый и достойный, но чтоб воспарял к надежде Божественной, воодушевляясь помышлением о неизреченном человеколюбии, любви и незлобии к нам Божием. Итак, молись с дерзновенным настроением, в смиренном мудровании, питаясь благими надеждами на Бога, как сказано, во Христе Иисусе, Господе нашем.

6. Надлежит тебе строго держаться того, что смиряет плоть, и ум освобождает от всего вяжущего и гнетущего. Вот что я разумею: умеренное ястие, легкое питие, краткий сон, стояние на молитве по силе, преклонение колен со смиренным видом, бедная одежда, малоговорение, и то по нужде, и другое, что

сколько-нибудь может укрощать плоть. Вместе с сим надобно завести и то, чем ум возбуждается к деятельности и сердце располагается прилепляться к Богу. Таковы: чтение Священного Писания и святых его толковников, умеренное, разумное псалмопение, размышление о том, что прочитывается из писаний и о дивных вещах, видимых в творении, и устная молитва, пока святая благодать Духа действенно подвигнет ее из сердца. Тогда другой праздник и время иного ликования, не языком возбуждаемого, а из сердца Духом действенно исторгаемого.

7. Это ты теперь совершай так: сделай, сколько можешь, коленопреклонений, потом сядь и молись; утомившись молиться, переходи к чтению, как сказано, и опять возвращайся к молитве; намолившись досыта, встань на псалмопение непродолжительное, от него опять переходи к молитве и, утомившись над нею, побудь немного в размышлении, прежде сказанном, и опять берись за молитву. Наконец, и рукоделием займись немного для разогнания уныния, как слышал ты от отцов, святче. Во всем твоем по Богу делании, каждодневном, с утра до утра, преимущество всегда да отдается молитве; прочие делания привходят только, по причине утомления в молитве. Когда же милость Божия приосенит душу, и благодать Духа источит из сердца, как из источника, молитву, тогда ум одной молитве прилежит и созерцанию, отторгши себя от всего другого, и одною молитвою и созерцанием услаждается в раю любви Божией.

8. Над всеми добрыми делами державствует молитва: слезу покаяния она рождает, к умирению помыслов весьма много содействует, будучи понуждаема единого Бога почитать высочайшим миром; любви к Богу она есть родительница; мысленную силу души она одна очищает, Бога представляя родителем и Ангельской чистоты; вожделетельную силу души чистою для Бога сберегает: ибо, прилепляясь к Богу и беседуя с Ним, безмерно и преестественно благим и добрым, она и вожделение все прилепляет к Богу; раздражительную часть души в такой мере укрощает, в какой припадает, молится и просит Бога, смиряя и душу через такое припадание, потому что никто, в то время как молится и просит, не может держать в душе несмиренное или

гневливое мудрование. Посему, сводя все воедино, могу сказать, что все силы души и все действия ее нравственные и умственные преподобная молитва очищает и исправляет, особенно когда вземлет с собою и созерцание Бога, и последующую за ним Божественную любовь, при мирном строе жизни и поведении, по сказанному прежде. Из какого же места сердца источается слеза, там да мыслится и зрится помысл твой, склоняясь внутрь тебя путем дыхания во время молитвы, и там да пребывает, сколько можно. Ибо это крайне благотворно производит частые и обильные слезы, пресекает пленение ума, водворяет мир мысленный, дает ход молитве и содействует обретению молитвы сердечной, благодатью животворящего Духа, во Христе Иисусе, Господе нашем.

9. Есть пять деланий безмолвия: ***молитва*** или непрестанная память Иисусова, вводимая путем дыхания, без всякого стороннего помышления, которая (молитва) усовершается через всестороннее воздержание — и чрева, и сна, и других чувств, внутри келлии со смирением; ***псалмопение*** мирное; *чтение* такое же из Божественных Евангелий и святых отцов, из глав о молитве, особенно Нового Богослова, Исихия и Никифора; ***размышление*** о суде Божием, о памяти смертной и о подобных предметах, и небольшое ***рукоделие***. Прошедши все, опять следует возвращаться к молитве, нудя себя без жалости к таким деланиям, пока ум привыкнет отлагать парение свое памятью о Господе и непрестанные приникновения к болезнованию сердца. Таково делание новоначальных монахов, желающих безмолвствовать, или безмолвников в новоначалии их безмолвствования. Таковой должен нечасто выходить из келлии и избегать свиданий и бесед со всеми, разве только по крайней нужде допуская, но и в таком случае со всяким вниманием и себя хранением, и при том сколько можно реже, потому что это не только новоначальным, но и преуспевающим уже причиняет рассеяние мыслей.

10. Молитва: ***Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя,*** умом в сердце творимая со вниманием, без всякого стороннего помышления, не вдруг такою является, но требует навыка. Сначала делается сие с нуждением, при чем и сторонние

помышления пресекают ее. Но труд, терпение и усердие производят, наконец, то, что она творится уже непринужденно сама собою. Привтечение сторонних мыслей долго не прекращается; но, наконец, и это проходит. Тогда молитва сия невозмущенно из сердца возносится умом к Господу, с верою, упованием и благоговеинством. И это есть сердечная молитва. Ее сопровождает теплота некая, которая зачинается с самого начала углубления ума в сердце для сей молитвы и содействует ему в отревании сторонних мыслей и чувств, и сама вместе с сим очищением ума от всего стороннего возрастает, усиливается и установляется. Когда сердце исполнится сею духовною теплотою, которая отлична от всех других теплот, тогда ум сидит неисходно в сердце и непрестанно к Господу взывает с теплотою, чисто и беспримесно. В сей молитвенной теплоте порождается в сердце любовь к приснопоминаемому Господу Иисусу, а из нее слезы сладостные источаются от вожделения поминаемого Иисуса. Это — непрестанная молитва, которая едино есть с любовию к Господу.

11. Чтоб сподобиться сего и всего другого, что из сего последует (о чем говорить теперь не время), надо всячески стараться страх Божий иметь пред очами своими с памятью Иисусовою внутри сердца, а не как-нибудь вне, дабы оно сим образом удобно отрывало не только нечистые и страстные, но и всякие вообще сторонние помышления. Плодом сего будет удостоверение в любви Божией к действующему так.

12. Блаженное состояние! Но да поостережется сподобившийся сего взыскать явления Бога, чтобы вместо Света истинного не принять того, кто есть сущая тьма, притворяющаяся светом. Если же иногда ум увидит свет без всякого искания его, пусть не принимает его и не отвергает; но пусть пойдет и спросит у имеющего силу различения таких вещей и от него узнает истину, и по истине поступит. Это — если найдет настоящего опытного учителя, который знает дело не из Божественного только Писания, но сам испытывал просвещение свыше благодатию Божиею. Если же не найдет такого, то лучше не прини-

мать, но во смирении предать дело Богу, почитая себя недостойным такого видения. Это узнали мы от отцов.

13. При всем другом и паче всего другого надлежит ведать следующее: как желающий выучиться стрелять не без цели или знака натягивает лук, так и возжелавший научиться безмолвию пусть имеет свой знак, — именно, чтоб быть всегда кротку сердцем и никогда ничем не возмущаться до гнева или неудовольствия. В этом легко успеть, если от всех уклоняться и больше молчать. Если же когда случится возмутиться, надо поскорее покаяться, себя укоряя, и положить строже внимать себе потом, чтобы тихо и с чистою совестью, положив начало, опять призывать Господа Иисуса и Божественную Его благодать в успокоение души своей. Что и получит. И не только это, но душа его получит успокоение и от всех прежде стужавших ей страстей и бесов, и неизреченною возвеселится радостию. Если, впрочем, они и стужат ей когда, но воздействовать на нее не возмогут; ибо она уже не лежит к ним и никакого не имеет желания ихних услаждений, так как все ее желание устремлено к Господу, дающему ей благодать. Брани же такой она подвергается по попущению, а не по оставлению. Для чего? Для того, чтоб не превознесся ум ее тем, что обрел истинное благо, от которого другие еще далеки, но имел в сих бранях всегдашнее побуждение к смирению, им не только побеждая гордых супостатов, но и больших даров сподобляясь. Коих да сподобимся и мы все от Христа, ради нас столько Себя смирившего и всем смиренным богатую благодать подающего.

О ВНИМАНИИ И МОЛИТВЕ

(Собрано из святых отцов[1])

1. Все рачение подвижника должно быть обращено на то, чтоб высшая часть души не была унижена восстанием низших сластолюбивых похотений. Ибо как бы душа свободным оком

[1] Кто потрудился, не сказано. И здесь излагаемые мысли сходны с Каллистом и Игнатием.

могла воззреть на сродный ей мысленный свет, прилепившись к низшим сластям плоти? Почему прежде всего надлежит подвижнически держать воздержание, сие безопасное хранилище целомудрия, и владычественному уму не позволять вращаться в нечистых помыслах. Необходимо также иметь попечение о внутреннем человеке, чтобы ум пребывал непарительным, и был прилеплен к славе Божией, как последней цели, если хотим избежать суда Господа, рекшего: *горе вам, яко подобитеся гробом повапленым, иже внеуду убо являются красны, внутрьуду же полни суть костей мертвых, и всякия нечистоты. Тако и вы, внеуду являетеся человеком праведни, внутрьуду же есте полни лицемерия и беззакония* (Мф. 23, 27-28). Сего ради подвиг потребен великий, и притом законный, в сердце, в слове и в делах, да не вотще будет принята нами Божия благодать.

2. Как воск принимает образ формы, в которую вливается, или печати, какою печатается; так и мы своего внутреннего человека да образуем учением Господа нашего Иисуса Христа, делом исполняя сказанное Павлом: *совлекшеся ветхаго человека с деянми его,* — да облечемся в нового*, обновляемаго в разум по образу создавшаго его* (Кол. 3, 9). Ветхим же человеком называет он все в частности грехи и осквернения. Будем, говорит, так образовывать своего внутреннего человека *в обновлении жизни* (Рим. 6, 4) до самой смерти, чтоб сделаться достойными истинно сказать: *живу не к тому аз, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20). Многое потому потребно рачение и неусыпное попечение, как бы, действуя противно сей заповеди, не лишиться нам такого и толикого плода и не подпасть страшным угрозам за то. Когда же диавол покусится навстовать, и начнет с чрезмерною силою, как какие стрелы разженные, пускать помыслы свои в безмолвствующую и мирствующую душу и внезапно воспламенит ее, делая надолго остающимся и трудно изгладимым воспоминание о том, что им однажды ввергнуто; тогда должно с сильнейшим трезвением и напряжением противостать таким нападениям, пока не изгладятся совсем, подобно атлету какому, с тщательным

вниманием и быстрыми движениями тела отражающему нападки противника. Первенство, однако ж, в сем деле надо отдавать молитве и призыванию споборания себе свыше в пресечении брани и отвращении стрел. Сему святой Павел научает нас, говоря: над *всеми же* сими *восприимите щит веры... всякою молитвою молящеся* (Еф. 6, 16-18).

3. Когда душа, ослабив собранность и напряжение мысли, начнет вносить в себя какие-либо воспоминания о каких-либо предметах, тогда помысл, необученный и неискусившийся, устремляясь к воспоминаемым предметам и ими одними занимаясь, одну прелесть заменяет другою долгим рядом и, наконец, низвергается в срамные и непотребные помышления. Такую небрежность и распущенность души должно поспешнее исправлять, возводя ум к тщательнейшему и напряженнейшему вниманию, и понуждая его тотчас заняться добрыми предметами. Ибо настоящий философ или истинно мудрый человек, имея тело как бы кабинетом души и безопасным местом убежища, на рынке ли бывает или на праздничном торжестве, на горе или на поле, или среди толпы людской, сидит себе в своем естественном монастыре, собирая ум внутрь и любомудрствуя о подобающем ему. Возможно и в келлии сидящему помыслами блуждать вне и по рынку ходящему быть трезвенну, как в пустыне, в себя вовращаясь и Богу единому внимая, не принимая впечатлений, толпою падающих на душу через чувства от чувственных вещей.

4. Приступающему к телу и крови Христовым в воспоминание Его, за нас умершего и воскресшего, надлежит не только чисту быть от всякой скверны плоти и духа, да не в суд себе яст и пиет, но и действенно показывать, что им исполнена воля за нас умершего и воскресшего в том, что он не только чист от греха, но и умер греху и миру, и себе, а живет только единому Богу.

5. Из порочных помыслов иные никогда не входят в душу нашу, если мы крепким ограждением оградим себя. Иные рождаются внутри, когда разленимся, и растут, но как только сознаются, скоро глохнут и исчезают. Иные рождаются, растут, входят в худые дела и все здравие души нашей расстраивают,

когда мы бываем в большом разленении и вознерадении. Блаженно никогда не принимать худых помыслов. Второе после него то, чтоб, когда войдут помыслы, изгонять их скорее, и не попускать им долее замедлять в нас, чтоб они не осквернили пажити души нашей и не сделали ее непотребною. Но если и до этого прострем свое нерадение, есть (по человеколюбию Божию, да не отчаивается нерадивый) и в таком случае утешение, и много врачевств благостынею оною неизреченною уготовано против таких ран.

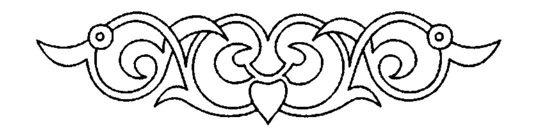
6. Прошу же тебя, пока ты в теле, не давай воли своему сердцу. Ибо как земледелец не может верить никакому плоду, появляющемуся на его поле; ибо не знает, что с ним случится, прежде чем запрет его в житнице своей: так и человек не может давать волю своему сердцу, пока есть дыхание в ноздрях его, потому что не знает, какая страсть встретит его от этого и управится ли он с нею. Тем паче не должен допускать сего монах до последнего своего издыхания, но надлежит ему всегда взывать к Богу о милости и бороться, если желает получить Царствие Небесное.

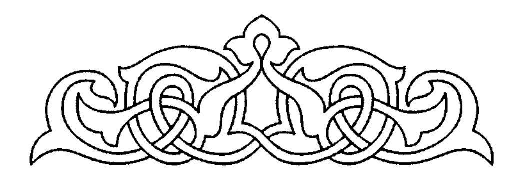
7. Лукавый, зная наверное, что непарительно молящийся Богу очень многое может сделать, спешит всякими способами, и благословными и неблагословными, развлечь его ум. Но мы, зная это, вооружимся всячески против врага нашего и когда стоим на молитве, и колена преклоняем, никакому отнюдь помыслу не дадим войти в сердце наше, ни белому, ни черному, ни десному, ни шуему, ни писанному, ни неписанному, кроме умаливания Бога и с неба сходящего в ум просвещения и облистания.

8. Великий подвиг и много времени требуется пребыть в молитвах, чтоб обрести невозмутимое устроение ума — сие второе некое внутрь сердечное небо, где обитает Христос, как говорит апостол: *или не знаете себе, яко Иисус Христос в вас есть* (2 Кор. 13, 5). Если кто желает увидеть в сем состоянии ум свой, да блюдет себя от всех помышлений, и тогда ум его узрит себя сапфиру небесному подобным. Ум не узрит места Божия в себе, если не станет выше всех помышлений о вещах,

но он не станет выше их, если не совлечется страстей, связующих его с чувственными вещами через помышления. Страсти изгонит он добродетелями, голые же (бесстрастные) о вещах помыслы — духовным созерцанием; а это восприимет, когда появится его свет.

БЛАЖЕННЫЙ СИМЕОН, АРХИЕПИСКОП СОЛУНСКИЙ





БЛАЖЕННОГО СИМЕОНА, АРХИЕПИСКОПА СОЛУНСКОГО,

О СВЯЩЕННОЙ МОЛИТВЕ[1]

1. О молитве, братие, многое нам и великой важности слово, и, по истине сказать, она есть от Бога преподанное нам дело, глава всякого другого. Есть же молитва то, чтоб с Богом быть, всегда сосущим Богу быть, иметь, как говорит Давид, душу, прилепленную к Нему и нерасторжимую с Ним и ум неотторжимым от Него. *Прильпе душа моя по Тебе,* говорит он (Пс. 62, 9); еще: *возжада Тебе душа моя* (Пс. 62, 2); еще: *имже образом желает елень на источники водныя: сице желает душа моя к Тебе, Боже* (Пс. 41, 2); еще: *возлюблю Тя, Господи, крепосте моя: Господь утверждение мое и прибежище мое* (Пс. 17, 2); еще: *душа моя в руку Твоею выну* (Пс. 118, 109), вместо: с Тобою выну. Сего ради и *благословлю Господа,* говорит, *на всякое время, выну хвала Его во устех моих* (Пс. 33, 2). И с Ангелами себя сущим представляет пророк, когда молится, соединяясь с ними в сем добром деле изъявления любви своей к Богу и вожделению Его. *Хвалите,* говорит, *Господа с небес; хвалите Его в вышних. Хвалите Его вси Ангели Его: хвалите Его вся Силы Его* (Пс. 148, 1, 2). Не в том смысле говорит он так, чтоб Ангелы не хвалили, и он приглашает их к тому, но как бы хваля их, что они имеют это собственным и не пресекаемым своим делом по любви к Богу, и себя к ним присоединяя, потому что молитва к Богу и богохваление должны быть делом всякой разумной твари немолчным и непрестающим. К сему же добрый и ангельский песнопевец Давид и всю вселенную пламенит, предуказывая, полагаю, явление на земле Спасителя, познание через Него Пресвятой Троицы всеми народами и непрестанное ими Ее славословие, говоря: *хвалите Господа вси языцы: похвалите Его вси людие* (Пс. 116, 1).

---

[1] Patrologiae Graecae. T. 155, c. 535-548, главы 293-297.

А что Ангелами немолчная возглашается хвала Богу, сему учит и Исаия, видевший славу Божию и Ангелов, непрестанно певших Трисвятую песнь; и Иезекииль равным образом. Такая песнь есть дело первейших чинов, Серафимов и Херувимов, из коих первые называются огненными за сильную их любовь и пламенные песни, как означает сие и имя их — Серафим; а вторые называются излиянием по причине широты или расширения ими ведения и богохваления, как показывает и слово — Херувим. Они называются еще многоочитыми по причине обилия, тонкости и проницательности их созерцания и славословия, и их непрерывности. Почему и между нами огненными называются мужи преподобные, горевшие любовию и ревностию, и сердечною молитвою, по реченному: *согреяся сердце мое во мне, и в поучении моем возгорится огнь* (Пс. 38, 4); еще: *не сердце ли наше горя бе в нас?* (Лк. 24, 32) и еще: *духом горяще, Господеви работающе, в молитве пребывающе* (Рим. 12, 11-12). Многие у нас были и такие, кои имели преизливающееся обилие боговедения и, как вода многая, изливались в Божественном вожделении, как говорится: *излияся благодать во устнах твоих* (Пс. 44, 3); еще: *расширил еси сердце мое* (Пс. 118, 32). И такие есть между нами, коих можно назвать очитыми, яко зрящих Бога, как написано: *очи мои выну ко Господу* (Пс. 24, 15); еще: *предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Пс. 15, 8), кои и как чистые сердцем зрят Господа (см. Мф. 5, 8). И третьему чину Ангелов — Престолам между нами некоторые подражают. Это те, в коих Бог упокоевается; ибо упокоение есть седалище и престол. Как на сих упокоеваются сидящие, так Бог упокоевается в них, чтущих Его помышлениями, песнями, словами и делами, так как *покой Его честь* (Ис. 11, 10). Почему и Бог, благоугождаясь ими, говорит о них: *вселюся в них и похожду* (2 Кор. 6, 16); еще: кто таков, к тому говорит: *Аз и Отец приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23); еще, утверждая, что сие так бывало, апостол говорит: *или не знаете, яко Иисус Христос в вас есть, разве точию чим неискусни есте* (2 Кор. 13, 5). Сие-то самое — иметь Христа, носить Его в сердце и уме, непрестанно о Нем помнить и помышлять, и гореть к Нему любовию, как Серафимы, зреть Его всегда, как

Херувимы, и в сердце своем иметь Его упокоевающимся — есть дело молитвы. Почему для рабов Христовых преимущественным пред всеми другими делом есть и должна быть молитва; все другие служения стоят на второй степени.

Прочие Ангелы, как посылаемые во спасение наше и возвещающие нам веления Божии, хотя деятельно служат, пособствуя хотящим наследовать спасение; но и они все непрестанным делом имеют молитву. Почему, когда являются нам, устрояя потребное ко спасению нашему, не без богохваления и молитвы являются, а и нас научают и исповеданию Бога, и богохвалению. Так Исаия слышал их, поющих славу Богу, и Иезекииль, и Даниил; пастыри в час рождения Господа видели множество вой небесных, хвалящих Бога и глаголющих: *слава в вышних Богу* (Лк. 2, 14); Иоанн в Апокалипсисе тоже слышал многих их поющими; а тот Ангел, который открывал Апокалипсические таинства, когда Иоанн поклонился ему, сказал: *виждь, ни клеврет ти есмь, и братий твоих имущих свидетельство Иисусово: Богу поклонися* (Апок. 19, 10). Видишь, какую они все Богу честь воздают и при служении Ему главнейшим делом имеют всегда воспевать славу Ему. Почему и нам святой Павел, Серафимский благовестник, до третьего восходивший неба, говорит: *непрестанно молитеся* (1 Фес. 5, 17). Сам же он этому научен от Владыки всяческих, Который учит: *бдите убо на всяко время молящеся* (Лк. 21, 36); еще: *бдите убо, яко не весте дне ни часа, в оньже Сын Человеческий приидет* (Мф. 25, 13), и еще: *бдите и молитеся, да не внидете в напасть* (Мф. 26, 41); также: *да будут чресла ваша препоясана и светильницы горящии: и вы подобни человеком, чающим* Господина *своего, когда возвратится от брака, да пришедшу ему и толкнувшу, абие отверзут ему* (Лк. 12, 35-36). Сими словами Он научает нас внутренней молитве, вниманию ума и молитве непрестанной. Потом наводит: *блажен раб той, егоже пришед Господь его обрящет творяща тако* (Лк. 12, 43); и прибавляет слово о дарах за такое бдение и молитвы, что *над всем имением своим поставит его* (там же, ст. 44), сделает его и других подобных богами, царями небесными, светлейшими солнца. Видишь, какие дары от Бога уготовляются

тем, кои бдят и молятся! Их да сподобимся и мы всегда, бодрствуя и непрестанно молясь, как научены.

2. Есть много молитв, но превосходнее всех та, которую дал нам Сам Спаситель («Отче наш...»), как пишется в Евангелии, яко объемлющая вкратце всю евангельскую истину, а после нее спасительное призывание Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия (Иисусова молитва), в научении нас которому потрудились многие преподобные отцы наши, и между ними златословесный отец наш, в трех словах изложивший учение о сей Божественной молитве; затем богоносный Лествичник, Диадох святой, епископ Фотики, Симеон Новый Богослов, аскет Никифор и другие многие. Они говорили о ней достойно жившего в них Духа Божия, так как и молитва сия в Духе Святом изрекается, как говорит святой Павел: *никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). И тот, кто изрекает ее, от Бога есть, как говорит святой Иоанн: *всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога есть* (1 Ин. 4, 2). Наилучше же в наши дни сии написали о ней Духом водимые, богоглаголивые, богоносные, христоносные и божественные воистину святые отцы наши: Каллист, бывший патриарх царствующего града, нового Рима, и сотрудник и сподвижник его преподобный Игнатий, в ста главах изложив полное о ней учение, духовное, высокое и богомудрое.

3. Сия Божественная молитва, состоящая в призывании Спасителя есть следующая: ***Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя***. Она есть и молитва, и обет, и исповедание веры, — Духа Святого и Божественных даров подательница, сердца очищение, бесов изгнание, Иисуса Христа вселение, духовных разумений и божественных помыслов источник, грехов отпущение, душ и телес врачевательница, Божественного просвещения подательница, милости Божией кладезь, откровения Таин Божиих ходатаица, единая спасительница, яко имя Спасителя нашего Бога в себе носящая, имя Иисуса Христа Сына Божия, на нас названное. *И несть бо иного имене под небесем... о немже подобает спастися нам* (Деян. 4, 12), как говорит апостол. Призывание сие есть и молитва, потому что сим испрашиваем мы

милости Божией; и обет, потому в нем мы себя самих предаем Христу через призывание Его, и исповедание, потому что, исповедав так Господа Иисуса, Петр ублажен Им (см. Мф. 16, 17); и сердца очищение, потому что Бог зрит и призывает, и очищает того, кто таким образом зрит Бога; и бесов изгнание, потому что именем Иисуса Христа бесы были изгоняемы и изгоняются; и вселение Христа, потому что Христос в нас есть памятованием о Нем и памятованием сим вселяется в нас и исполняет веселия, как говорит святой Давид: *помянух Бога и возвеселихся* (Пс. 76, 4), и духовных разумений и помыслов источник, потому что во Христе *все сокровища премудрости и разума сокровенна* (Кол. 2, 3), и он подает их тем, в коих вселяется; и Божественного просвещения подательница, потому что Христос есть истинный свет (см. Ин. 5, 20), и призывающим Его сообщает просвещение и благодать, как пророк взывал: *буди светлость Господа Бога нашего на нас* (Пс. 89, 17) и как Господь обетовал: *ходяй по Мне... имать свет животный* (Ин. 8, 12), и милости Божией кладезь, потому что милостив Господь и ущедряет всех призывающих Его (Пс. 85. 5) и *творит скорое отмщение вопиющих к Нему* (Лк. 18, 7, 8); и откровения смиренным таин Божиих ходатаица, как рыбарю Петру истина о Христе явлена была от Отца Небесного (Мф. 16, 17), и как святой Павел *восхищен* был *в рай* до третьего неба *и слышал неизреченные глаголы* (2 Кор. 12, 4); и единая спасительница, потому что *несть ни о едином же ином спасения* (Деян. 4, 11), кроме Господа, к Коему взываем, ибо сей единый есть *Спас миру Христос* (Ин. 4, 42). Почему в последний день, хотя и не хотя, *всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца* (Флп. 2, 11). Такое исповедание есть знак веры нашей и свидетельство, что мы — от Бога. Ибо *всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа, во плоти пришедша, от Бога есть,* а не исповедующий сего *от Бога несть,* а есть *антихристов* (1 Ин. 4, 3). Почему всем верующим надлежит имя сие непрестанно исповедывать, и для проповедания веры, и для засвидетельствования любви нашей к Господу нашему Иисусу Христу, от которой ничто никогда отнюдь не должно нас разлучать, и ради благодати от имени сего, отпущения грехов, уврачевания души, освящения, просвещения и,

прежде всего, ради спасения. Божественный евангелист говорит: *сия же писана быша, да веруете, яко Иисус есть Христос, Сын Божий.* Се вера, и *да верующе живот имате во имя Его.* Се спасение и жизнь! (Ин. 20, 31).

4. Сие призывание всякий благочестивый всегда да возглашает как молитву, и умом своим и языком, и стоя, и ходя, и сидя, и склоняясь на ложе, и говоря что-либо, и делая, — и всегда да понуждает себя к тому, и обретет великий покой и радость, как опытно знают это имеющие о сем заботливое попечение. Но как это для людей житейских и даже для монахов, когда они находятся в неизбежных хлопотах о житейском, невыполнимо, то хоть определенное время пусть каждый на это отрядит, — только да имеют правилом всегда творить молитву сию все, и освященного чина лица, и монашествующие, и миряне: монашествующие, как к тому уже и призванные, и неотложный долг имеющие, хотя и в хлопотах бывают по исполнению послушаний, всегда да нудят себя творить сию молитву и призывать Господа непрестанно, хотя с расхищением мыслей и пленениями ума, и по причине сего расхищения да не позволяют себе нерадеть о ней, но всячески да стараются опять возвращаться к ней и радоваться сему возвращению; лица священного сана да радеют о сем деле, как о проповеди, как о священнодействии, как о проявлении любви своей ко Христу Господу; миряне да блюдут сию молитву, как печать и знамение веры своей, как охрану, освящение и отгнание искушений. Сего ради все: и лица священного сана, и миряне, и монахи, восстав от сна, прежде всего должны воспоминать о Христе и об Нем помыслить, принося Ему сие первомыслие, как жертву, яко Им спасенные, Его имя носящие, в Него облекшиеся во святом крещении, Им запечатленные во святом миропомазании, Его тела и крови причащающиеся и через то членами Его делающиеся и храмом, и живущим Его в себе имеющие. За все сие всякий христианин долг имеет вседушно любить Его и по любви сей стараться всегда помнить Его; и кроме того, иметь определенное время творить молитву Его по силе своей.

ИСТОЛКОВАНИЕ МОЛИТВЫ «ГОСПОДИ, ПОМИЛУЙ!»

Господи Иисусе Христе, помилуй мя! и сокращеннейше: Господи, помилуй! от апостольских времен даровано христианам и определено, чтоб они непрестанно возглашали сие, как и возглашают. Впрочем, делая так, весьма немногие ныне знают, что значит: ***Господи помилуй!*** Потому взывают бесплодно; вопиют: ***Господи помилуй!*** а милости Господней не получают, потому что не ведают сами, чего ищут.

Сего ради надлежит нам знать: какая это милость Господа Иисуса? Какая? Всякая: все, что нам потребно в настоящем нашем падшем состоянии, в Его деснице есть. Ибо Он, с тех пор, как воплотился и соделался человеком, как пострадал такие страсти и излиянием всесвятой крови Своей искупил человека из рук диавола, — с этих пор стал Господом и Властителем человеческого естества особенным некиим образом. Все наше и стало таким образом в Его руках.

Господь и прежде воплощения искони был Господом всех тварей, видимых и невидимых, как Создатель их и Творец. По бытию так это и есть и будет, но не по свободной деятельности разумных тварей. Бесы, а за ними и люди не восхотели сами от себя иметь Его Господом и Властителем своим, и отторглись от Него, сущего Владыки всяческих. Ибо всеблагий Бог, создавши людей и Ангелов самовластными и одарив их разумом, не хочет нарушать сего их самовластия и господствовать над ними насильно, против их воли. Почему, которые из них хотят быть под властью и управлением Божиим, над теми Он господствует и тех защищает, а которые не хотят, тех оставляет творить волю свою, как самовластных. Посему и Адама, когда он, прельщенный богоотступником диаволом, сделался и сам отступником от Бога и не восхотел слушаться заповеди Его, оставил Он произволению его, не желая властительски господствовать над ним. Но завистливый диавол, прельстивший его в начале, не перестал и далее прельщать его, пока не сделал его по неразумию его подобным скотам несмысленным, и он не стал жить подобно неразумным животным.

Тогда сжалился над ним многомилостивый Бог, и преклонив небеса, сошел на землю и сделался человеком человека ради, и пречистою кровию Своею искупив его, устроил для него спасительный путь жизни: во святом Евангелии указал, как благоугождать Богу, Божественным крещением возродил и воссоздал его, в пречистых тайнах питание небесное учредил ему и, кратко сказать, с высочайшею премудростию нашел способ, как Ему быть нераздельно с человеком и человеку с Ним, чтоб диавол не имел более места в человеке. Но и после сего Он все же никого не приневоливает, но оставляет всем на произвол спасаться, как им предлагается, или гибнуть. Так это и идет: одни спасаются, а другие небрегут о спасении; из коих иные совсем не веруют в Евангелие, а иные и веруют, но не живут по-евангельски.

Которые теперь христиане, после стольких даров благодатных, после стольких благодеяний Божиих, опять прельстились диаволом и по действию мира и плоти отдалились от Бога, и подпали под иго рабства греху и диаволу, творя волю его, но не совсем еще сделались бесчувственными, чтоб не чувствовать зла, какое пострадали, а понимают ошибку свою и сознают рабство, какому подпали, сил же на то, чтоб избавиться от него, в себе не видят; те прибегают к Богу и вопиют: ***Господи помилуй,*** чтобы сжалился над ними многомилостивый Господь и помиловал их, чтоб принял их, как блудного сына, и опять даровал им Божественную благодать Свою, и ею избавил их от рабства греху, удалил от них бесов, и возвратил им свободу, да сим образом возмогут они прочее жить богоугодно и соблюдать заповеди Божии.

Итак, те христиане, которые с такою целью вопиют: ***Господи помилуй!*** всеконечно сподобятся милости Божией, и получат благодать, чтоб освободиться от рабства греху и спастись. Те же, которые совсем не имеют сказанных помышлений и не сознают бедственности своего положения и своего порабощения воле плоти и мирским обычаям, и даже времени не имеют подумать о своем рабстве, но без всякой такой цели, просто по одной привычке, вопиют: ***Господи помилуй!*** Эти как могут получить милость Божию? И особенно такую дивную и безмерную милость? Для таких лучше не получать ее, нежели,

получив, опять потерять, потому что тут уж будет двойное прегрешение.

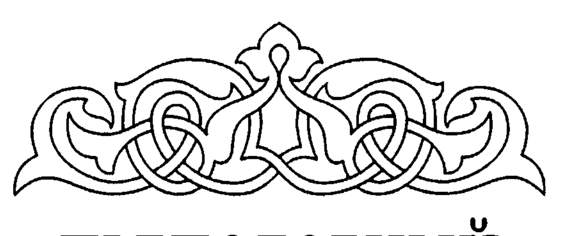
Поясню теперь тебе то же примерами. Представь себе человека бедного и нищего, желающего получить милостыню от кого-либо из богатых. Что говорит он, пришедши к богатому? Ничего, как: помилуй мя! Сжалься над моею бедностью и благоустрой мою жизнь. Или долг кто имеет на себе и не имеет чем уплатить его; желая же избавиться от тяготы сей, приходит к решению — упросить того, кому должен, простить ему долг. Приходит к нему, и что говорит? Тоже только: помилуй мя! сжалься над моею бедностию и прости мне долг, каким я должен тебе. Равным образом, когда кто провинится в чем-либо пред другим и желает получить от него прощение, что делает? Приходит к тому, против кого погрешил и говорит: помилуй мя! Прости мне, в чем я погрешил пред тобою.

Все такие знают, о чем просят и для чего просят, и получают по прошению, соответственно обстоятельствам, и полученное обращают во благо себе. Поставь теперь с другой стороны грешника, который и беден духовно, и должен пред Богом, и оскорблял Его многократно. Если он вопиет будто к Богу: помилуй мя! А между тем не понимает, что такое говорит и для чего говорит, даже и того не знает, в чем та милость, которую желает получить от Бога, и к чему она ему благопотребна, а просто по привычке взывает: Господи помилуй! — то как Бог подаст ему милость, когда тот не может даже узнать, что получил, потому внимания на то не обратит и злоупотребит тем или сгубит то, и тем паче еще прежнего сделается грешником?

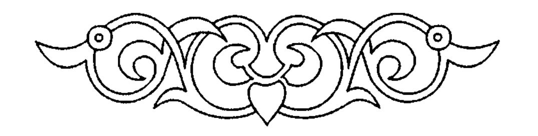
Милость Божия не другое что есть, как благодать Святого Духа, которую должны испрашивать у Бога мы, грешные, непрестанно вопия к Нему: помилуй мя! Яви милость Свою, Господи мой, ко мне грешному, в жалком состоянии, в каком я нахожусь, и приими меня опять во благодать Твою; дай мне дух силы, чтоб он укрепил меня в противостоянии искушениям диавола и худым навыкам моим греховным; дай мне дух совета, чтоб я уцеломудрился, пришел в чувство и исправился; дай мне дух страха, чтоб я боялся Тебя оскорблять, и исполнял

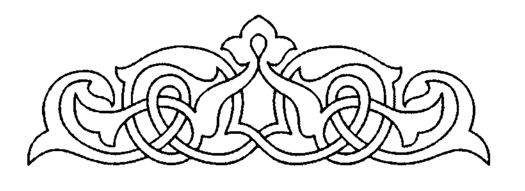
заповеди Твои; дай мне дух любви, чтоб я любил Тебя и не удалялся более от-близ Тебя; дай мне дух мира, да соблюду мирною душу мою, соберу все помышления мои и пребуду безмолвен и не мучим мыслями; дай мне дух чистоты, да хранит он меня чистым от всякого осквернения; дай мне дух кротости, да буду тихонравен в обращении с братиями моими христианами и воздержен от гнева; дай мне дух смирения, да не помышляю о себе высокая и да не буду горд.

Кто знает и чувствует, сколь потребно все сказанное и, прося того у многомилостивого Бога, взывает: ***Господи помилуй!*** — тот наверное получит то, о чем просит, и сподобится милости Божией и благодати Его. Но кто не знает ничего из того, что мы сказали, и только по привычке взывает: ***Господи помилуй!*** — тому нет возможности получить когда-либо милость от Бога. Ибо и прежде он уже получил много милостей от Бога, но не познал того и не возблагодарил Бога, даровавшего ему их. Получил он милость Божию, когда создан был и стал человеком; получил милость, когда воссоздан был в крещении и стал православным христианином; получил милость, когда избавился от стольких бед, душевных и телесных, испытанных им в жизни; получал милость Божию всякий раз, как сподоблялся причащаться пречистых Таин; получал милость Божию всякий раз, как согрешал пред Богом и огорчал Его грехами своими, а не был погублен и не наказан, как подобало; получал милость Божию, когда многообразно благодетельствован был от Бога, но или не сознавал того, или забывал. Такому христианину как еще получить милость от Бога, когда он не знает и не чувствует, что получил столько милостей от Него? И теперь если и взывает: ***Господи помилуй***, то не знает, что говорит, и произносит слова сии без всякой мысли и цели, по одному лишь обычаю.



ПРЕПОДОБНЫЙ СИМЕОН НОВЫЙ БОГОСЛОВ





СИМЕОНА НОВОГО БОГОСЛОВА

О ВЕРЕ, И К ТЕМ, КОТОРЫЕ ГОВОРЯТ, ЧТО ЖИВУЩЕМУ В МИРЕ НЕВОЗМОЖНО ДОСТИГНУТЬ СОВЕРШЕНСТВА В ДОБРОДЕТЕЛЯХ. В НАЧАЛЕ СЛОВА – МНОГОПОЛЕЗНАЯ ПОВЕСТЬ[1]

Доброе дело проповедать перед всеми милость Божию и возвещать братиям своим великое Его благоутробие и неизреченную благодать, какую имеет Он к нам. Знаю я человека, который ни долгих и великих постов не держал, ни бдений не совершал, ни на голой земле не спал, ни других подобных особенно тяжелых подвигов на себя не налагал, но, приведши на память грехи свои, познал свое окаянство и, осудив себя, смирился, — и многоблагоутробный Господь за это одно спас его, как говорит Божественный Давид: *смирихся и спасе мя* (114, 5). Короче сказать: поверил он словесам Бога, и за эту веру Господь приял его. Стяжать смирение много есть препятствий, преграждающих путь к нему; но уверовать словесам Бога нет никакого препятствия, которое ставило бы преграду к тому. Как только захотим от всей души нашей, тотчас и уверуем. Ибо вера есть дар всеблагого Бога, который (дар) дал Он нам иметь естественно (вложил в естество), употребление его подчинив самовластию произволения нашего. Почему и скифы, и варвары естественно имеют веру и верят словам один другого. Но чтобы показать вам на опыте действие вседушной веры, послушайте, я расскажу вам в подтверждение сказанного некую повесть.

Жил в Константинополе некто по имени Георгий, юноша возрастом лет двадцати. Это — в наши дни, на нашей памяти. Он был красив лицом, и в его походке, в манере держать себя и

---

[1] Из собрания слов его – слово 56. Помещаются здесь сие и следующее слово, потому что тут они стоят в греческом Добротолюбии.

в приемах обращения было нечто показливое: так что по сей причине делали о нем разные недобрые предположения те, которые смотрят на одну внешность, и не зная, что сокрыто внутри каждого, судят о других ошибочно. Он познакомился с неким монахом, жившим в одном из константинопольских монастырей, человеком святым, и, открывая ему сокровенности сердца своего, сказал и то, что сильно жаждет спасения души своей. Честный старец, поучив его, как следовало, и дав ему небольшое правило к исполнению, дал еще и книжицу святого Марка подвижника, где он пишет о духовном законе. Юноша принял эту книжицу с такою любовию и с таким благоговением, как бы она была послана ему от самого Бога, и сильную возымел к ней веру, надеясь получить от нее великую пользу и великий плод. Почему читал ее с великим усердием и вниманием, и, прочитав всю, великую получил пользу от всех глав ее. Но из всех глав три наипаче запечатлелись в сердце его; первая: «Ища врачевания, пекись о совести (внимай ей); и что она говорит тебе, делай то, и получишь пользу» (Гл. 69). Вторая: «Ищущий (чающий получить) действенности Святого Духа прежде делания заповедей подобен купленному за деньги рабу, который в то же время, как его только что купили, ищет, чтоб вместе с уплатою за него денег подписали ему и свободу» (Гл. 64, о хотящ. оправ. от дел). Третья: «Молящийся телесно и не имеющий еще духовного разума подобен слепцу, который взывал: *Сыне Давидов, помилуй мя* (Мк. 10, 48). Другой же некто прежде слепой, когда прозрел и увидел Господа, уже не называл Его сыном Давидовым, но исповедал Его Сыном Божиим» (см. Ин. 9, 35, 38) (Гл. 13, 14, о дух. зак.). Эти три главы очень ему понравились, и он поверовал, что через внимание к своей совести, как внушает первая глава, он получит уврачевание (немощей душевных); через исполнение заповедей достигнет действенности Святого Духа, как учит вторая глава, и благодатию Святого Духа прозрит умно и узрит неизреченную красоту Господа, как обещает третья глава. И уязвился он любовию к красоте сей, и хотя еще не видел ее, сильно возжелал ее и усердно взыскал, в надежде узреть ее наконец.

При всем том, однако ж, он ничего особенного не делал (как уверял меня с клятвою), кроме того, что каждый вечер неопустительно исправлял то небольшое правило, которое дал ему старец; и не иначе, как исправив уже его, ложился в постель и засыпал. Но со временем совесть начала ему говорить: положи и еще несколько поклонов, прочитай сколько-нибудь других псалмов, проговори, сколько можешь, большее число раз и: ***Господи Иисусе Христе, помилуй мя!*** Он охотно слушался своей совести, и что она внушала ему, делал без размышления все так, как бы то повелевал ему Сам Бог, и ни разу не ложился он спать так, чтобы совесть обличала его, говоря: «Для чего не сделал ты того и того?» Так всегда слушался он совести своей, никогда не оставляя без исполнения того, что сделать она внушала ему. А она каждый день все больше и больше прилагала к обычному его правилу, и в немногие дни вечернее его молитвословие возросло в великое последование. Днем он находился в палатах одного Патрикия, и на нем лежало попечение о всем потребном для людей, живших там. Вечером же каждый день он уходил оттуда и никто не знал, что делал он у себя. Он же и слезы проливал из очей своих обильные, и коленопреклонений делал многое множество, падая лицом на землю; когда стоял на молитве, ноги держал вместе тесно одну к другой, и стоял неподвижно; и к Пресвятой Богородице читал молитвы с болезнию сердечною, воздыханиями и слезами; ко Христу же Господу обращаясь, падал к пречистым ногам Его, как бы Он телесно присущ был ему, и умолял Его умилосердиться над ним, как некогда над слепым, и даровать прозрение душевным очам его. Поелику каждый вечер увеличивалась молитва его, то он, наконец, простаивал, молясь, до самой полночи; и однако ж во все время молитвы ни разленения себе не дозволял, ни до нерадения себя не допускал, ни членов тела своего не распускал, ни очей не обращал по сторонам или вверх, чтоб взглянуть на что, но так стоял неподвижно, как столп какой или как бестелесный.

Однажды, как он стоял таким образом на молитве и говорил умом паче, нежели устами: «Боже, милостив буди мне грешному»,

внезапно низошло на него свыше Божественное осияние пресветлое и исполнило все то место. Тогда забыл уже юноша сей, что находится в комнате и под кровлею, потому что во все стороны виделся ему один свет, не знал даже, попирает ли он землю ногами своими; ни о чем мирском не имел уже он попечения и не приходило тогда на мысль ему ни что из того, что обыкновенно бывает на уме у тех, кои носят плоть человеческую; но был весь срастворен с невещественным оным светом, и ему казалось, что и сам он стал светом; забыл он тогда весь мир и исполнился слез и радости неизреченной. Потом ум его востек на небеса и он увидел там другой свет, более светлый, чем тот, который был окрест его. И показалось ему, к изумлению его, что вскрай света того стоит помянутый выше святой оный и равноангельный старец, который дал ему небольшую ту заповедь о молитве и книжицу святого Марка подвижника. Услышав это от юноши, я подумал, что ему много содействовала молитва старца, и что Бог устроил такое видение, чтоб показать юноше, на какой высоте добродетели стоял старец оный. Когда прошло видение то, и юноша пришел в себя, то нашел себя (как говорил после) всего исполненным радости и изумления, и плакал от всего сердца, которое со слезами было исполняемо и сладостию великою. Наконец, лег он в постель; но тотчас запел петух и показал, что была уже полночь. Немного спустя заблаговестили в церкви и к утрени; и юноша встал, чтоб прочитать по обычаю своему последование утрени. Так он совсем не спал в ту ночь; сон и на ум ему не приходил.

Случилось это, как ведает Господь, который и соделал сие, ими же весть судьбами. Юноша же тот ничего особенного не делал, кроме того, что с крепкою верою и несомненною надеждою всегда верно исполнял слышанное им от старца правило и вычитанное в книжице наставление. И никто не говори, что он делал это для испытания. Это и на ум ему не приходило. Кто испытывает, тот не имеет твердой веры; но юноша тот, отложив всякий страстный и самоугодливый помысл, так много заботился о верном исполнении того, что внушала ему совесть, что

никакого уже сочувствия не имел к вещам мира сего, даже пищи и пития не вкушал в сладость или вдоволь.

Слышали, братия мои, что может сделать вера в Бога, свидетельствуемая добрыми делами? Поняли, что ни юность нисколько не вредит, ни старость не пользует, когда нет разума и страха Божия? Познали, что ни мир и житейские дела не мешают исполнять заповеди Божии, когда имеется ревность и внимание? Ни безмолвие и удаление от мира не пользует, когда властвуют леность и нерадение? Все мы, слыша о Давиде и удивляясь ему, говорим: один был Давид и другого такого не было, но вот смотрите, в юноше этом проявилось нечто больше, чем в Давиде. Давид приял свидетельство от Бога, помазан в царя и пророка, получил Духа Святого и многие имел о Боге удостоверения. Почему, когда согрешил, и потерял благодать Святого Духа и дар пророческий, и отчужден был от обычного собеседования с Богом, что дивного, если, вспомнив о благодати, от коей ниспал, опять взыскал он от Бога потерянные блага? Но этот юноша ничего такого не имел, а был связан мирскими делами, заботился только о временном, а о чем-либо высшем земли и подумать не имел времени, — и однако ж — дивны судьбы Господни! — лишь только услышал малое нечто от оного святого старца и вычитал те три главы у аввы Марка, тотчас несомненно поверил слышанному и написанному и с непоколебимою надеждою ввел то в дело, и с небольшим тем деланием, которое совершал вследствие того, сподобился возвысить ум свой до небес, подвиг на милость Матерь Господа; Ее молитвами умилостивил Бога и привлек на себя благодать Святого Духа, которая с такою силою осенила его, что он сподобился увидеть свет, который видеть многие желают, но немногие сподобляются. Этот юноша ни постов долгих не держал, ни на земле не спал, ни власяницы не носил, ни из мира не выходил телесно, а только духовно — душевным настроением, — и с небольшим бдением, которое совершал, явился высшим дивного оного Лота, бывшего в Содоме, или лучше сказать, явился ангелом в теле человеческом, человеком по видимости и ангелом по умному строю. За что и сподобился увидеть сладчайший оный

свет мысленного Солнца правды, Господа нашего Иисуса Христа, каковой свет удостоверил его, что он имел восприять и будущий свет. И праведно: ибо любовь и сердечное его к Богу прилепление сделали его исступленным, отторгли дух его и от мира сего, и от собственного естества, и от всех вещей, и сделали его всего светом от Святого Духа, при всем том, что он и жил среди города, и правил целым домом, и пекся о рабах и свободных, и делал все, что потребно для настоящей жизни.

Довольно этого в похвалу юноше и для того, чтобы подвигнуть и вас прийти в такую же любовь, подражая ему; или желаете, чтоб я сказал вам и другое что большее, чего, может быть, и слух ваш приять не сможет? Впрочем, что может быть больше и совершеннее страха Божия? Конечно, ничего нет. Святой Григорий Богослов сказал: «Начало премудрости — страх Господень. Ибо где страх, там заповедей соблюдение; где заповедей соблюдение — там очищение плоти, — этого облака, облегающего душу и не дающего ей чисто видеть Божественный свет; где очищение, там осияние, а осияние есть исполнение желания бедственного». Говоря так, он показал, что освящение Духом есть некончаемый конец всякой добродетели, и кто достигнет такого освещения Духом, тот покончил со всем чувственным и начал пребывать сознанием в одном духовном. Это, братия мои, суть дивности Божии. И Бог для того изводит в явь сокровенных рабов Своих, чтоб поражали им добротолюбивые и благие, а злонравные остались безответными. Ибо и те, которые вращаются в многолюдстве и проводят жизнь в треволнениях мира, если ведут себя, как должно, обретают спасение и сподобляются от Бога великих благ ради веры, которую показывают к Нему, чтоб в день суда ничего не имели сказать в оправдание свое те, которые не обретают спасения по причине лености своей и нерадения. Так истинен Тот, Кто обетовал даровать спасение ради веры в Него! Итак, братия мои возлюбленные, попечальтесь о себе самих и о мне, любящем вас и многократно проливающем слезы о вас. Ибо благоутробный и милостивый Бог повелел и нам быть благоутробными и милостивыми, и печалиться как о себе самих, так и друг о друге. Ве-

руйте от всей души в Господа, ненавидьте мир сей, как подобает, и не пекитесь о временных и неверных благах его, но приступите к Богу и прилепитесь к Нему. Ибо пройдет еще немного времени, и настанет конец мира сего и настоящей жизни; и горе тем, которые испадут от Царствия Божия. Меня душат слезы, и я плачу и скорблю от всего сердца, когда помышляю, что — имея такого великодаровитого и человеколюбивого Владыку, Который за одну, искренно являемую к Нему веру, дарует нам столь великие и дивные блага, и ум, и слух, и чаяния превосходящие — мы, не подумавши, подобно бессловесным животным предпочитаем всему тому землю и земное, которое, по благоутробию Божию, даровано нам на потребу тела нашего, чтоб, между тем как оно было бы тем питаемо умеренно, душа беспрепятственно совершала течение свое к премирному, будучи и сама питаема умною пищею, исходящею от благодати Святого Духа, по мере очищения ее и обновления. Ибо для того мы, люди, созданы от Бога разумными, чтоб прославляли Его, благодарили и любили за невеликие блага, дарованные Им для настоящей жизни, и таким образом сподоблялись получить в будущей жизни блага великие и вечные. Но горе нам, что, не имея совершенно никакого попечения о будущем, мы пребываем неблагодарными Богу и за настоящее, уподобляясь демонам, или лучше сказать, являясь хуже их. За это справедливо большему, чем они, должны мы подлежать мучению. Ибо мы больше облагодетельствованы, чем они: соделались христианами, получили столько духовных даров, веруем в Бога, Который соделался ради нас человеком и претерпел такие страдания и крестную смерть, чтоб избавить нас от заблуждения прелести и греха. Но что скажу на все это? Увы нам! На словах только веруем мы в Бога, а делами отвергаемся Его. Не во всяком ли месте именуется Христос — в городах, селах, киновиях и горах? Не всюду ли находятся христиане? Но разыщи, если это кажется тебе благословным, и расследуй до точности, исполняют ли они заповеди Христовы, и поистине, среди стольких тысяч и мириад, с нуждою найдешь одного, который и делом, и словом есть христианин. Не сказал ли Христос и Бог

наш: *веруяй в Мя, дела, яже Аз творю, и той сотворит, и больша сих сотворит* (Ин. 14, 12)? Но кто из нас дерзнет сказать: я творю дела Христа и верую право во Христа? Но видите ли посему, братия мои, как в день суда мы имеем оказаться неверными и быть преданы горшим мукам, чем те, кои совсем не знали Христа, то есть неверные? Одно из двух необходимо: или нам быть наказанными больше неверных, или Христу оказаться неверным слову Своему — что невозможно.

Написал я это не для того, чтоб помешать кому удалиться от мира, и не потому, чтоб предпочитал безмолвию жизнь среди мира, но чтобы удостоверить всех, которые будут читать настоящее сказание, что желающий творить добро получает от Бога силу творить оное во всяком месте: и среди мира, и в безмолвии. Напротив, предмет сего сказания таков, что еще более должен подвигать к отшельничеству. Ибо если тот, кто вращался среди мира и не думал никогда ни об отречении от мира, ни о нестяжательности, ни о послушании, такую милость получил от Бога за то одно, что от всей души поверил и призвал Бога; то какие блага получить подобает надеяться тем, которые, оставляя весь мир и всех людей, предают и самую жизнь свою на смерть за заповедь Божию, как Он повелел? Впрочем, кто начнет творить добрые дела с верою несомненною и с усердием великим и чувствовать пользу, от сего бывающую, тот сам собою познает, что забота мирская, пребывание и вращание среди мира служат великим препятствием для тех, которые желают жить по Богу. Бывшее с юношею тем, как мы сказали, есть нечто дивное и необычайное; и мы не слыхали, чтоб подобный добрый случай был с другим кем. Но если и был с немногими какими, или будет после, да ведают они, что если не удалятся от мира, то скоро очень потеряют полученное благо.

О том юноше после я узнал от него же самого еще и следующее. Я встретил его, когда уже он стал монахом и провел в монашеской жизни года три или четыре. Было ему тогда тридцать два года. Я знал его очень хорошо: мы от юности были друзьями и воспитывались вместе. Так он и рассказал мне еще следующее: «После оного дивного видения и изменения, бывшего

во мне, немного прошло дней, как со мною случились многие искушения мирские, по причине которых, во время совершения мною тех сокровенных по Богу делании, я увидел в себе, что мало-помалу лишаюсь блага оного, и сильное возымел желание удалиться от мира и в уединении искать Христа, мне явльшегося. Ибо верую, брате, что для того Он и благоволил явиться мне, чтоб взять к Себе и меня недостойного, отделив от всего мира. Но как я не мог этого исполнить тогда же, то мало-помалу забыл все, что пересказывал тебе прежде, и впал в совершенное омрачение и нечувствие, так что не помнил уже ничего из того, что сказывал тебе, ни малого, ни большого, до самомалейшего движения мысли или чувства. Затем впал я еще в большие зла, чем прежде, и пришел в такое состояние, как бы никогда не слыхал слов Христовых и не понимал их; но и на святого оного, который так милостив был ко мне, и дал мне малую заповедь и книжицу святого Марка, смотрел я как на одного из случайных людей, нисколько не помышляя о том, что видел относительно его. Это я сказываю тебе подробно, говорил он далее, для того, чтоб ты знал, в какую глубину пагубы ниспал я, окаянный, по нерадению своему, и подивился неизреченной благости Божией, явленной на мне потом. Не умею тебе сказать, как без моего ведома остались в бедном сердце моем любовь и вера к оному святому старцу, но думаю, что ради их после сколького времени человеколюбивый Бог по молитвам его умилосердился надо мною и опять через него же исхитил меня из прелести и исторг из глубины зол. Я недостойный не совсем отдалялся от этого старца, но когда бывал в городе, часто заходил к нему в келью и исповедывал ему бывающее со мною, хотя не исполнял заповедей его, бессовестный. Теперь же, как видишь, милосердый Бог презрел многое множество грехов моих и устроил мне сделаться монахом от того самого старца и сподобил всегда пребывать с ним вместе мне, поистине недостойному. После чего с великим трудом и с обильными слезами, при решительном отчуждении и отделении от мира, совершенном послушании и отсечении своей воли, многих других делах и приемах строгого самоумерщвления

и неудержимом стремлении ко всему доброму, удостоился я опять увидеть, хотя некоторым образом примрачно, малый луч сладчайшего оного и Божественного света. Но такого видения, как то, которое видел тогда, даже доселе не сподобился еще я увидеть опять».

Это и многое другое говорил он мне со слезами. Я же, бедный, слушая такие святые слова его, подумал, что он весь был исполнен Божественной благодати и был премудр, при всем том, что не был научен внешней мудрости. Получая ведение от делания и опыта, стяжал он точнейшее познание духовных вещей. Почему я просил его сказать мне, что это за вера, которая может производить такие дивные явления, и преподать мне то письменно, с приемом учительским. Он тотчас начал говорить мне о том, и что говорил, то и писать не поленился. Что именно, то, чтоб не удлинить без меры теперешнего моего слова, я напишу в других словах, в обрадование и услаждение тех, которые любят читать такого рода писания с верою.

Итак, прошу вас, братия мои, потечем с усердием и себе путем заповедей Христовых, и лица наши не постыдятся. Но как тому, кто толчет с терпением, Господь отверзает двери Царствия Своего, по обетованию Своему, и тому, кто ищет, дает Духа Всесвятого, и невозможно тому, кто ищет от всей души, не найти Его и не обогатиться дарами Его: так и вы несомненно получите дивные блага от Него, какие уготовал Он любящим Его здесь отчасти, как укажет мудрость духовная, а в будущем веке всецело, со всеми от века святыми, во Христе Иисусе Господе нашем, Коему слава во веки веков. Аминь.

О ТРЕХ ОБРАЗАХ ВНИМАНИЯ И МОЛИТВЫ[1]

Есть три образа внимания и молитвы, коими душа возвышается и преуспевает или низвергается и гибнет. Кто эти три образа употребляет в свое время и как следует, тот преуспе-

---

[1] Слово 68, оттуда же.

вает; а кто употребляет их неразумно и не во время, тот низвергается.

Внимание так должно быть связуемо и неразлучно с молитвою, как связано и неразлучно тело с душою. Внимание должно идти вперед и сторожить врагов, как некий страж; оно первое пусть вступает в борьбу с грехом и противостоит злым помыслам, входящим в душу, а позади внимания пусть следует молитва, которая истребляет и побивает тотчас все те злые помыслы, с которыми пред сим вело брань внимание: ибо одно оно не может их побивать.

На этой брани внимания и молитвы (с помыслами) висит жизнь и смерть души. Если вниманием храним молитву чистою, то преуспеваем, а если не внимаем, чтоб хранить ее чистою, но оставляем неохраняемою, и она оскверняется злыми помыслами, то бываем непотребными и безуспешными.

Итак, поелику есть три образа внимания и молитвы, то надлежит нам показать отличительные свойства каждого образа, чтоб любящий спасение избрал лучшее.

О первом образе внимания и молитвы

Отличительные свойства первого образа таковы: когда кто, стоя на молитве и воздевая на небо руки свои и очи свои, и ум свой, держит в уме Божественные помышления, воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых, и кратко все слышанное в Божественных Писаниях собирает в ум свой и рассуждает о том, тогда во время молитвы, зря на небо, и подвигает тем душу свою к вожделению и любви Божией, а иной раз извлекает даже слезы и плачет (то это будет первый образ внимания и молитвы).

Но при этом образе (молитвы, если кто на нем одном останавливается, бывает, что) мало-помалу (молящийся так) начинает кичиться в сердце своем, сам того не понимая; ему кажется, что делаемое им есть от благодати Божией в утешение ему, и он молит Бога сподобить его всегда пребывать в таком

делании. А это (так думать о сем образе молитвы) есть знак прелести: ибо добро уже не добро, когда не бывает добрым образом и как следует.

Такой человек, если убезмолвится крайним безмолвием (сделается исихастом, у нас — затворником), то ему едва ли можно не исступить из ума (будет он находиться в крайней опасности пострадать сие). Но если и случится, что не исступит он из ума, все же невозможно ему будет стяжать добродетели или бесстрастие. На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благовония обонянием своим, слышат гласы ушами своими и подобное. Некоторые из таких взбесновались и в безумии ходят с места на место. Другие прельстились, приняв диавола, преобразившегося и явившегося им в виде Ангела света, а они того не распознали и остались неисправимыми до конца, не хотя слышать совета ни от какого брата. Иные из таких сами себя лишили жизни, быв подвигнуты на то диаволом; иные бросились в пропасть; иные удавились. И кто может пересказать разные прелести, какими прельщает их диавол, когда они неисчислимы?

Из сказанного нами всякий разумный человек может понять, какой вред происходит от сего первого образа внимания и молитвы (если почитать его последним пределом совершенства в молитве). Если же и случится кому из употребляющих сей образ не пострадать никакого из тех зол, о коих мы слышали, по причине сожительства с братиями (потому что им подвергаются особенно те, которые живут уединенно), то все же он всю жизнь свою проведет, не преуспевши (в духовной жизни).

О втором образе внимания и молитвы

Второй образ есть такой, — когда кто сводит ум свой внутрь себя, отвлекая его от всего чувственного, хранит чувства свои, собирает все помыслы свои, чтоб не скитались по суетным вещам мира сего; и то исследует помыслы свои, то вникает в слова

читаемой молитвы, то возвращает назад помыслы свои, если они, быв пленены диаволом, унеслись к чему суетному и худому, то с большим трудом и самопонуждением напрягается прийти в себя самого, если был возобладан и побежден какою-либо страстию. Отличительная черта сего дела та, что оно происходит в голове: мысли с мыслями борются.

Имея такой подвиг и такую брань с самим собою, не может он мирствовать в себе никогда и не находит времени заняться деланием добродетелей, чтоб получить и венец правды. Такой человек подобен ведущему брань с врагами своими ночью в темноте, который слышит голоса врагов своих и принимает удары от них, но не может ясно видеть, кто они такие, откуда пришли, как и для чего бьют его. Потому что сам он пребывает в голове, а помышления злые исходят из сердца. Он и не видит их, так как не внимает сердцу. Тьма, которая в уме его, и буря, какую имеет он в помыслах своих, причиняют ему сей ущерб (не дают ему видеть это), и нет ему возможности ускользать от врагов своих демонов, чтоб они не поражали его. Тщетно подъемлет он труд, несчастный, и даже совсем теряет мзду свою, если при этом, и сам не замечая того, возобладан бывает тщеславием, воображая, что надлежаще внимает себе. В гордости своей презирает он других и осуждает их, а себя самого хвалит, мечтая при сем, что достоин быть пастырем словесных овец и руководить других; и походит он на слепца, который берется водить других слепцов.

Таков второй образ (внимания и молитвы). И всякий, желающий себе спасения, должен знать ущерб, причиняемый им душе, и добре внимать себе. Впрочем, он лучше первого, как лучше ночь лунная ночи темной, в которую не светит луна.

О третьем образе внимания и молитвы

Третий образ воистину дивен есть и неудобоизъясним, и для тех, которые не знают его опытно, не только не удобопонятен, но кажется даже невероятным; и они не верят, чтоб подобная

вещь была на деле. И в самом деле, в наши времена, сей образ внимания и молитвы встречается не у множайших, а у весьма немногих; и, как мне думается, благо сие убыло от нас вместе с послушанием. Послушание, если кто возымеет его к духовному отцу своему в совершенстве, делает его беспопечительным относительно всего, так как он всю печаль свою однажды навсегда возверг на духовного отца своего; почему, будучи далек от всякого пристрастия мирского, он является способным к тому, чтоб быть весьма ревностным и неленостным делателем сего третьего образа молитвы, если, впрочем, нападет и на духовного отца истинного, который сам не состоит в прелести. Ибо кто посвятил себя Богу и всю печаль свою возвергнет на Него и на духовного отца своего, так что по истинному послушанию перестанет уже жить своею собственною жизнью и творить волю свою, но умрет для всякого пристрастия мирского и для тела своего, — такой какою привременною вещью может быть побежден и порабощен? Или какое попечение и какую заботу может иметь? Вследствие сего, этим третьим, бывающим вместе с послушанием, образом внимания и молитвы, все козни и хитрости, какие бы ни употребляли демоны, чтоб увлечь ум его к помыслам многим и разнообразным, бывают уничтожаемы и развеваемы; ибо тогда ум такого человека, будучи свободен от всего, имеет благовремение без всякой помехи исследовать наносимые демонами помыслы и с великим удобством отгонять их, и чистым сердцем приносить молитвы свои Богу. Таково начало истинной жизни (духовной)! И которые не полагают такого начала, всуе трудятся, сами не зная того.

Начало сего третьего образа не то, чтоб воззревать на небо, воздевать руки свои горе, иметь ум свой в том, что на небе: это, как мы сказали, есть принадлежность первого образа и недалеко от прелести — и не то, чтоб хранить умом своим чувства и на это обращать все свое внимание, а на внутренние брани душевные, причиняемые врагами, не смотреть (они смотрят и борются, но все в голове, и не остерегаются их); это — принадлежность второго образа, и кто употребляет это, попадает в рабство демонам и не может сотворить отмщения сим порабо-

тителям своим, но враги и непрестанно борют его явно и тайно, и делают его тщеславным и гордым.

Но ты, возлюбленный, если хочешь спастись, начни дело таким образом: после (установления в сердце) совершенного послушания, какое, как мы сказали, должно тебе иметь к духовному отцу своему, и все прочие дела свои делай с чистою совестью, как бы ты был пред лицем Бога: ибо без послушания невозможно быть совести чистой. Совесть же свою хранить чистою должен ты в трояком отношении: в отношении к Богу, в отношении к духовному отцу своему и в отношении к прочим людям, также к вещам и предметам мира (житейским).

В отношении к Богу долг имеешь хранить совесть свою чистою, не позволяя себе делать ничего такого, о чем знаешь, что оно не упокоевает Бога и неприятно Ему.

В отношении к духовному отцу своему делай одно то, что он заповедует тебе, и ни больше, ни меньше того не позволяй себе делать, но шествуй по намерению его и по воле его.

В отношении к другим людям соблюдешь совесть свою чистою, не позволяя себе делать им ничего такого, что сам ненавидишь и чего не желаешь, чтоб они делали тебе самому.

И в отношении к вещам долг имеешь хранить совесть свою чистою, употребляя их всегда, как должно — именно пищу, питие, одежду.

И вкратце, все делай так, как бы ты был пред лицем Бога, и ни в каком деле не допускай себя до того, чтоб обличала и уязвляла тебя совесть, что ты не сделал его хорошо.

Действуя таким образом, ты уровняешь себе истинную и незаблудную стезю к третьему образу внимания и молитвы, который есть следующий: ум (быть в сердце — отличительная черта сего третьего образа молитвы) да хранит сердце в то время, когда молится, и внутри его да вращается неотходно, и оттуда, из глубины сердца, да воссылает молитвы к Богу. (В этом все; трудись так, пока вкусишь Господа.) Когда же, наконец, ум там, внутри сердца, вкусит и чувством ощутит, яко благ Господь, и усладится тем (наш труд; вкушение же сие есть действо благодати в смиренном сердце); тогда не захочет уже он отдаляться

от места сердечного (тогда скажет и он те слова, какие сказал апостол Петр: *добро нам зде быти...)* и всегда уже будет взирать туда, внутрь сердца, и там неисходно вращаться, отгоняя все помыслы, всеваемые диаволом (се третий образ внимания и молитвы, как ему следует быть). Для тех, которые никакого не имеют сведения о сем деле и не знают его, оно большею частью кажется трудноватым и утеснительным; но те, которые вкусили сладости, какую оно имеет, и усладились ею в глубине сердца своего — эти взывают с Божественным Павлом и говорят: *кто ны разлучит от любве Христовы?* и проч. (Рим. 8, 35).

Почему святые отцы наши, слыша Господа, говорящего, что *из сердца исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы,* и что *сия* (вся) *суть сквернящая человека* (Мф. 15, 19-20), слыша также, что в другом месте Евангелия заповедуется нам очищать внутреннее сткляницы, да будет и внешнее чисто (см. Мф. 23, 26), оставили всякое другое духовное дело и стали всецело подвизаться в этом одном делании, то есть в хранении сердца, будучи уверены, что вместе с этим деланием удобно стяжут и всякую другую добродетель, а без него не могут установиться ни в одной добродетели. Это делание некоторые из отцов назвали сердечным безмолвием; другие назвали его вниманием; иные — трезвением и противоречием (помыслам), иные еще рассмотрением помыслов и хранением ума. Они все в нем преимущественно упражнялись и им сподобились получить Божественные дарования. Его разумеет и Екклесиаст, когда говорит: *веселися, юноше, во юности твоей... и ходи в путех сердца твоего непорочен* (Еккл. 11, 9) и чист, удаляя сердце свое от помышлений злых. О сем же самом говорит он и в другом месте, что «если найдет на тебя прилог диавольский, то не позволяй ему войти в место твое», разумея под местом сердце (Еккл. 10, 4). И Господь нам говорит во святом Евангелии: *не возноситеся* (μὴ μετεωρίζεσθε — не носитесь, как метеоры. — Лк. 12, 29), то есть не носитесь умом своим туда и сюда. И в другом месте Он же говорит: *блажени нищии духом* (Мф. 5, 3), то есть блаженны те, которые не стяжали в сердце своем никакого пристрастия к

миру, но бедны всяким помыслом мирским. И все святые отцы много писали об этом. Кто хочет, пусть читает писания их и увидит; пусть прочитает, что написал Марк Подвижник, что сказал святой Иоанн Лествичник, преподобный Исихий, Филофей Синайский, авва Исаия, Варсонофий Великий и другие многие.

Одним словом, кто не внимает себе и не хранит ума своего, тот не может сделаться чист сердцем, чтоб сподобиться узреть Бога. Кто не внимает себе, тот не может быть нищ духом, не может сокрушаться и плакать, ни быть тихим и кротким, ни алкать и жаждать правды, ни быть милостивым или миротворцем, ни перенести гонение за правду. И обще говоря, нет возможности стяжать добродетели иным каким-либо способом кроме сего внимания. Почему, паче всего другого о нем надлежит тебе приложить старание, чтобы собственным опытом изведать, что я говорю тебе. Если желаешь научиться и тому, как следует это делать, я скажу тебе об этом.

Три вещи надлежит тебе соблюдать прежде всего другого: ***беспопечение*** о всем, даже благословном, а не только неблагословном и суетном, или иначе, умертвиться всему, ***совесть чистую*** во всем, так, чтоб она не обличала тебя решительно ни в чем, и совершенное ***беспристрастие,*** чтоб помысл твой не клонился ни к какой мирской вещи. Стой вниманием внутри себя самого (не в голове, а в сердце)[1]. Там имей ум свой, стараясь всячески обрести место, где сердце, чтоб, обретши его, там уже всецело пребывал ум твой. Ум, подвизаясь в сем, улучит место сердца. Это случится, когда благодать даст сладость и теплоту

---

[1] При сем святой Симеон указывает некие внешние приемы, кои иных соблазняют и отбивают от дела, а у других покривляют самое делание. Так как сии приемы, по недостатку руководителей, могут сопровождаться недобрыми последствиями, а между тем суть не что иное, как внешнее приспособление к внутреннему деланию, ничего существенного не дающее, то мы их пропускаем. Существо дела есть приобресть навык стоять умом в сердце, в этом чувственном сердце, но нечувственно. Надо ум из головы свесть в сердце и там его усадить, или, как некто из старцев сказал, сочетать ум с сердцем. Как этого достигнуть? Ищи и обрящешь. Удобнее сего достигнуть хождением пред Богом и молитвенным трудом, особенно хождением в церковь. Но помнить надо, что наш только труд, а само дело, то есть сочетание ума с сердцем, есть дар благодати, подаемый, когда и как хочет Господь. Лучший пример – Максим Капсокаливит.

молитвенную. С сего же момента и потом, с какой бы стороны ни возник и ни показался какой-либо помысл, прежде чем войдет он внутрь и помыслится или вообразится, ум тотчас прогоняет его оттуда и уничтожает именем Иисусовым, то есть ***Господи Иисусе Христе, помилуй мя!*** С сего также времени ум человека начинает иметь злобу и ненависть к демонам, поднимает на них непрестанную войну и поражает. Прочее же, что обыкновенно последует за сим деланием, с Божиею помощию сам из опыта узнаешь посредством внимания ума, и держа в сердце Иисуса, то есть молитву Его — ***Господи, Иисусе Христе, помилуй мя!*** И некто из отцов говорит: «Сиди в келлии своей, и она научит тебя всему».

*Вопрос.Н*о почему же первый и второй образы внимания и молитвы не могут доставить сего?

Ответ. Потому что мы не так употребляем их, как следует. Святой Иоанн Лествичник, уподобляя сии образы как бы лествице некоей о четырех ступенях, говорит: «Иные укрощают страсти и смиряются; иные поют, то есть молятся устами; иные упражняются в умной молитве; иные восходят в созерцание. Которые берутся восходить по сим ступеням, не начинают с верхних, чтоб нисходить к нижним, а от нижних идут к верхним — ступают на первую, потом на вторую, далее на третью и, наконец, на четвертую. И вот каким образом может, кто желает, подняться от земли и взойти на небо: во-первых, нужно подвизаться умом и укротить страсти, во-вторых, упражняться в псалмопении, то есть молиться устами, потому что когда умалятся страсти, тогда молитва уже естественно доставляет удовольствие и сладость даже языку и вменяется в благоугодную пред Богом, в-третьих, молиться умно, и в-четвертых, восходить в созерцание. Первое свойственно новоначальным, второе — преуспевающим, третье — подходящим к последним степеням преуспеяния, а четвертое — совершенным».

Итак, начало не другое какое есть, как умаление и укрощение страстей; а они не другим каким способом умаляются в душе, как хранением сердца и вниманием: ибо, как говорит Господь наш, от сердца исходят помышления злые, которые

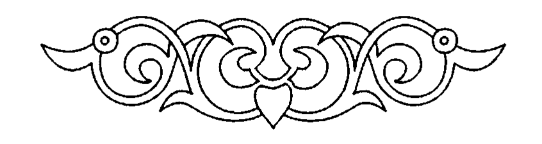
сквернят человека; там и потребны внимание и хранение. Когда же страсти, посредством сопротивления им сердца, усмирятся совсем, тогда ум приходит к возжеланию Бога и ищет содружиться с Ним, для чего умножает молитву и в ней преимущественно проводит время. От сего возжелания Бога и молитвы ум делается сильным и прогоняет все помыслы, которые вращаются вокруг, чтоб войти в сердце, поражая их молитвою. И тогда бывает брань; с великим шумом восстают злые демоны и посредством страстей производят мятеж и бурю в сердце, но именем Иисуса Христа все сие потребляется и разливается, как воск в огнь. Однако ж, и быв изгнаны, и вышед из сердца, они не успокаиваются, но опять покушаются возмутить ум совне через чувства; впрочем, ум и тут очень скоро восстановляет в себе и начинает чувствовать тишину, обычно в нем бывающую, потому что они не имеют силы возмущать самую глубину ума, а возмущают только поверхность его. Но совсем избавиться от брани и не быть боримым злыми демонами ум все еще не может. Это — достояние совершенных — тех, которые всецело отрешаются от всего и непрестанно пребывают во внимании сердечном.

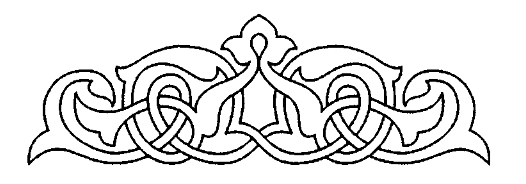
Итак, кто проходит все сие по чину, каждое в свое время, тот может, после того как очистится сердце его от страстей, всецело весь и вдаваться в псалмопение, и противоборствовать помыслам, и на небо воззревать чувственными очами или созерцать его очами души умственными, и молиться чисто воистину, как подобает.

Впрочем, воззревать на небо чувственными очами надо сколько можно реже, страха ради злых в воздухе находящихся, демонов, которые потому и называются духами воздушными, многоразличные прелести производящими на воздухе, — и нам надлежит быть внимательными. Бог одного от нас требует, того, чтоб сердце наше было очищаемо посредством внимания. А затем будет, по слову апостола: «Если корень свят, то явно святы и ветви и плод» (см. Рим. 11, 16). Если же кто не в таком порядке, как мы сказали, станет возводить очи свои и ум свой на небо, и воображать что-либо мысленное, то он увидит

мечтания, что-нибудь ложное, а не истинное, по той причине, что сердце его нечисто. Так первый и второй образ внимания и молитвы, как мы не раз говорили, не приводят человека в преуспеяние. Почему, как желая построить дом, мы не кровлю прежде возлагаем, а после полагаем основание, потому что так нельзя, но прежде кладем основание, потом строим дом, и тогда уже возлагаем кровлю: так надлежит нам поступать и в отношении к духовному: прежде положим основание, то есть станем хранить сердце и изгоним из него страсти, потом построим духовный дом, то есть прогоним мятеж, воздвигаемый в нас злыми духами посредством внешних чувств и навыкнем пресекать сию брань как можно скорее, и тогда же возложим и кровлю, то есть совершенное отрешение от всего, чтоб всецело предаться Богу, и тем закончим духовный дом свой во Христе Боге, Коему слава во веки. Аминь.

ПРЕПОДОБНЫЙ
МАКСИМ
КАПСОКАЛИВИТ





ИЗ ЖИТИЯ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО МАКСИМА КАПСОКАЛИВИТА

ОБ УМНОЙ БЛАГОДАТНОЙ МОЛИТВЕ

Божественный Григорий Синаит, встретив святого Максима и беседуя с ним, между прочим спросил его: «Прошу тебя, отче мой честнейший, скажи мне: держишь ты умную молитву?» Тот, поникши немного главою, ответил ему: «Не хочу скрывать от тебя, честный отче, чуда Пресвятой Богородицы, которое было со мною. От юности моей имел я великую веру к Госпоже моей Богородице и умолял Ее со слезами, да подаст мне сию благодать умной молитвы. В один день, пришедши в храм, как имел обычай, просил я Ее о сем с безмерною теплотою сердца, и когда потом с любовию целовал святую икону Ее, вдруг ощутил в груди моей и в сердце моем некую особенную теплоту и пламя, изшедшее от святой иконы, которое не жгло меня, а орошало и услаждало, и вносило в душу мою великое умиление. С этого момента, отче мой, сердце мое начало изнутри себя говорить молитву, и ум мой услаждается памятованием Господа моего Иисуса Христа и Пресвятой Владычицы моей Богородицы и всегда пребывает в сем памятовании о них; и с того времени молитва не пресекалась в сердце моем, — прости мне».

Говорит ему святой Григорий: «Скажи мне, святый отче, бывало ли с тобою в то время как ты говорил молитву: Господи Иисусе Христе и прочее — Божественное какое изменение или исступление, или другой какой плод Духа Святого?» Божественный Максим ответил ему: «Да; и сего ради, отче, я уходил в пустынные места и всегда любил полное безмолвие, да наслаждусь в большей мере плодом молитвы, то есть преизобильною любовию к Богу и восхищением ума к Господу».

Святой Григорий спросил его: «Прошу тебя, отче, скажи мне: имеешь ты то, о чем сказал?» Божественный Максим, потупив очи, говорит ему: «Не пытай о моих прельщениях».

Тогда святой Григорий сказал ему: «О, когда бы и мне дал Бог иметь такое же прельщение, какое у тебя, отче святой! Впрочем, прошу тебя, скажи мне: в тот час, как ум твой восхищаем бывает к Богу, что видит он умными очами своими? И может ли тогда ум вместе с сердцем возводить молитву?» Святой Максим ответил ему: «Нет, не может. Ибо когда благодать Святого Духа придет в человека посредством молитвы, тогда молитва прекращается[1], так как ум тогда весь овладевается благодатию Святого Духа и не может более действовать собственными своими силами, но пребывает бездействен и повинуется только Духу Святому, и куда хочет Дух Святой, туда и ведет его, или в невещественный воздух света Божественного, или в другое какое созерцание несказанное, или, как часто бывает, в Божественную беседу, и кратко сказать, как хочет Утешитель, Дух Святой, так и утешает рабов Своих; какая потребна каждому из них, ту и подает им благодать Свою. Сие, что говорю я, может всякий явно видеть в пророках и апостолах, которые сподоблялись видеть всякого рода видения, хотя люди насмехались над ними, почитали их прельщенными и упившимися. Так пророк Исаия видел Господа, на престоле высоком превознесенного и окруженного Серафимами. Первомученик Стефан видел отверстые небеса и Господа Иисуса одесную Отца, и прочее. Таким же образом и ныне рабы Христовы сподобляются видеть разные видения, которым некие не верят и никак не признают их истинными, но считают прелестями, и тех, которые видят их, называют состоящими в прелести. Дивлюсь я таким много и неудомеваю, что это за люди, и как ослепились они, что, будто слепые, не видят и не веруют тому, что обетовал неложный Бог устами пророка Иоиля, именно, что это самое даст Он верующим, говоря: *излию от Духа Моего на всяку плоть и прорекут* (Иоил. 2, 28), каковую благодать Господь ниспослал на

---

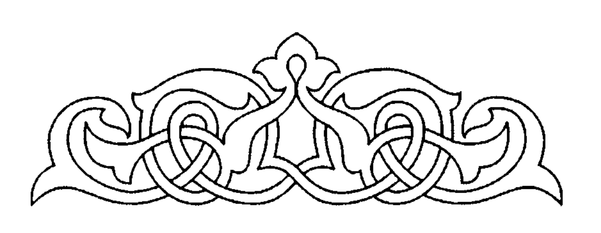
[1] Так и у святого Исаака.

учеников Своих и ныне подает ее, и будет подавать до скончания века, по обетованию Своему, всем верным рабам Своим. Итак, когда сия благодать Духа Святого сойдет на кого-либо, то не что-либо обычное показывает ему из вещей чувственного мира сего, но показывает то, чего тот никогда не видел и не воображал. Тогда ум такого человека научается от Святого Духа высшим и сокровенным тайнам, которых, по Божественному Павлу, ни око человеческое не может видеть, ни ум уразуметь сам собою никогда (см. 1 Кор. 2, 9). И чтоб тебе понять, как ум наш видит их, вникни в то, что я скажу тебе. Воск, когда далеко от огня находится, бывает тверд, и можно взять его и держать; но как только ввергнешь его в огонь, тотчас растаивает и там в огне возгорается, и горит, и бывает весь светом, и таким образом кончается весь среди огня. Так и ум человеческий, когда один сам о себе бывает, не сретясь с Богом, тогда уразумевает, как обычно, окружающее его по силе своей; когда же приблизится к огню Божества и к Духу Святому, тогда весь всецело овладевается оным огнем Божеским, и бывает весь свет, и там в пламени Духа Святого возгорается, и разливается в Божеских помышлениях, и никак невозможно ему тогда среди огня Божества помышлять о своем и о том, о чем хочет».

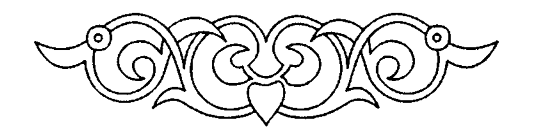
После сего святой Григорий напомянул ему: «Бывает, капсокаливите мой, и другое нечто, подобное сему, что однако ж есть действо прелести». На это великий оный Максим ответил ему: «Бывает; но у каждой из сих свои особые признаки — иные признаки прелести и иные — благодати. Когда злой дух прелести приближается к человеку, то возмущает ум его и делает диким, сердце ожесточает и омрачает, наводит боязнь и страх и гордость, очи извращает, мозг тревожит, все тело в трепетание приводит, призрачно пред очами показывает свет не светлый и чистый, а красноватый, ум делает исступленным и бесноватым, и уста заставляет говорить слова непотребные и хульные; тот, кто видит сего духа прелести, большею часто серчает и исполнен бывает гнева, смирения совсем не знает, ни истинного плача и слез, но всегда хвастается своими хорошествами и тщеславится ими, всегда без сдержанности и страха Божия

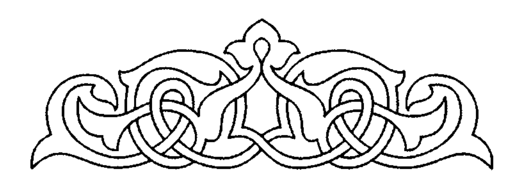
поддается движениям страстей, наконец, выходит из ума и приходит в совершенную пагубу. От таковой прелести да избавит нас Господь молитвами твоими, отче честный. Признаки же благодати суть следующие: когда входит в человека благодать Святого Духа, то собирает ум его и делает его внимательным и смиренным, приводит ему на память смерть и грехи его, будущий суд и вечное мучение, душу его исполняет сокрушенным умилением и подвигает к плачу и слезам, очи его делает кроткими и полными слез, и чем более сближается с человеком, тем более умиротворяет душу его и утешает святыми страданиями Господа нашего Иисуса Христа и беспредельным Его человеколюбием, и ум исполняет возвышенными созерцаниями: *а)* недомыслимой силы Божией, как Он единым словом все из не-сущего привел в бытие, *б)* безмерной силы, коею все содержит, всем управляет и о всем промышляет, *в)* непостижимой Святой Троицы и неисследимой бездны Божеского существа и прочее. Тогда ум человека восторгается Божеским оным светом и просвещается светом Божеского ведения, сердце делается тихим и кротким и обильно источает плоды Духа Святого — *радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, любовь, смирение* и прочее (Гал. 5, 22), и душа его восприемлет неизреченное веселие».

Слыша сие, святой Григорий Синаит пришел в исступление, изумляясь тому, что говорил преподобный Максим, и более не называл уже его человеком, но земным Ангелом.



СВЯТИТЕЛЬ ГРИГОРИЙ ПАЛАМА, АРХИЕПИСКОП СОЛУНСКИЙ





ИЗ ЖИТИЯ СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ ПАЛАМЫ, АРХИЕПИСКОПА СОЛУНСКОГО, ЧУДОТВОРЦА, СОСТАВЛЕННОГО ПАТРИАРХОМ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИМ ФИЛОФЕЕМ

О ТОМ, ЧТО ВСЕМ ВООБЩЕ ХРИСТИАНАМ НАДЛЕЖИТ НЕПРЕСТАННО МОЛИТЬСЯ

Пусть никто не думает, братия мои христиане, будто одни лица священного сана и монахи долг имеют непрестанно и всегда молиться, а не и миряне. Нет, нет; все мы, христиане, имеем долг всегда пребывать в молитве. Ибо смотрите, что святейший патриарх Константинопольский Филофей пишет в житии святого Григория Солунского.

Имел святитель сей друга возлюбленного, Иова по имени, человека простейшего, но многодобродетельного, с коим беседуя однажды, владыка сказал о молитве, что всякому вообще христианину надлежит подвизаться в молитве всегда, и молиться непрестанно, как заповедует апостол Павел обще всем христианам: *непрестанно молитеся* (1 Фес. 5, 17), и как говорит о себе пророк Давид, при всем том, что был царь и имел попечение о всем царстве своем: *предзрех Господа предо мною выну* (Пс. 15, 8), то есть всегда мысленно зрю Господа предо мною в молитве моей. И Григорий Богослов учит всех христиан и говорит им, что чаще надлежит поминать в молитве имя Божие, чем вдыхать воздух. Говоря это и многое другое другу своему Иову, святитель прибавил еще, что, повинуясь заповеданиям святых, нам надлежит не только самим молиться всегда, но и других всех учить тому же, всех обще: и монахов,

и мирян, и мудрых и простых, и мужей, и жен, и детей, и побуждать их молиться непрестанно.

Слышавшему сие старцу Иову показалось это новым делом, и он начал спорить, говоря святителю, что молиться всегда есть дело только аскетов и монахов, кои живут вне мира и сует его, а не мирян, кои имеют столько забот и дел. Святитель привел новые свидетельства в подтверждение сей истины и новые неопровержимые ее доказательства, но старец Иов не убедился и ими. Тогда святой Григорий, избегая многословия и любопрепирательства, замолчал, после чего каждый пошел в келлию свою.

Когда потом Иов молился наедине в келлии своей, является ему Ангел, посланный от Бога, *иже хощет всем спастися и в разум истины приити* (1 Тим. 2, 4), и укорив его, зачем спорил со святым Григорием и противился явному делу, от коего зависит спасение христиан, возвестил ему от лица Божия, чтоб вперед внимал себе и остерегался говорить кому что-либо противное сему душеспасительному делу и противиться воле Божией, даже и в уме своем чтоб не держал противного сему помысла и не позволял себе мудрствовать разно с тем, что сказал святой Григорий. Тогда простейший старец Иов тотчас поспешил к святому Григорию, и припадши к ногам, просил прощения в противоречии ему и любопрительности, и открыл ему все, что сказал ему Ангел Господень.

Видите теперь, братия мои, как имеют долг все обще христиане, от мала до велика, молиться всегда умною молитвою: ***Господи Иисусе Христе, помилуй мя!*** так, чтоб ум их и их сердце навык имели всегда изрекать священные слова сии. Убедитесь же, сколько благоугождается сим Бог и сколько великое от сего происходит благо, когда Он, по безмерному Своему человеколюбию, Ангела небесного послал объявить нам, чтоб никто более никакого не имел в сем сомнения.

Но что говорят миряне? Мы обременены делами и заботами житейскими: как возможно нам молиться непрестанно?

Отвечаю им, что Бог не заповедал нам ничего невозможного, а все только такое, что мы можем делать. Почему и это можно

исполнить всякому, ревностно ищущему спасения души своей. Ибо если б это было невозможно, то было бы невозможно для всех вообще мирян, и тогда не нашлось бы столько и столько лиц, кои среди мира исправляли сие дело непрестанной молитвы, как следует, из коих да будет представителем многих других такого рода лиц отец святого Григория Солунского, дивный оный Константин, который при всем том, что вращался в среде придворной жизни, назывался отцом и учителем царя Андроника, и занимался каждодневно государственными делами, кроме своих домашних дел, как имевший большое имущество и множество рабов, жену и детей, — при всем том столь был неотлучен от Бога и столь привязан к умной непрестанной молитве, что многократно забывал, что говорил с ним царь и придворные вельможи о царственных делах, и нередко раза по два и более спрашивал об одном и том же; чем другие вельможи, не зная причины того, смущались и его укоряли, что так скоро забывает дело и повторительными вопросами обременяет царя. Но царь, зная причину того, защищал его и говорил: «У Константина есть свои думы, которые не дают ему иной раз со всем вниманием относиться к делам нашим».

Премногое множество было и других подобных, которые, живя в миру, всецело были преданы умной молитве, как уверяют исторические о них записи. Итак, братия мои христиане, умоляю вас и я вместе со святым Златоустом, спасения ради душ ваших, не нерадите о деле таковой молитвы. Подражайте тем, о коих я сказывал, и сколько возможно последуйте им. Сначала это может показаться вам очень трудным, но будьте уверены, как бы от лица Вседержителя Бога, что самое сие имя Господа нашего Иисуса Христа, непрестанно вами призываемое, поможет вам преодолеть все затруднения, а с продолжением времени вы навыкнете сему деланию и вкусите, сколь сладко имя Господне. Тогда опытно познаете, что дело сие не только не невозможно и не трудно, но и возможно, и легко. Почему святой Павел, знавший лучше нас великое благо, какое доставит сия молитва, заповедал нам непрестанно молиться. Не стал бы он обязывать нас к

сему, если б это было крайне трудно и невозможно, зная наперед, что в таком случае мы, не имея возможности исполнить то, неизбежно оказывались бы ослушниками его и преступниками заповеди его, и через то делались достойными осуждения и наказания. А это не могло быть в намерении апостола.

К тому же поимейте во внимании и способ молитвы, как возможно непрестанно молиться — именно — молиться умом. А это мы всегда можем делать, если захотим. Ибо и когда сидим за рукоделием, и когда ходим, и когда пищу принимаем, и когда пьем, всегда умом можем молиться и творить умную молитву, благоугодную Богу, молитву истинную. Телом будем работать, а душою молиться. Внешний наш человек пусть исполняет свои телесные дела, а внутренний весь пусть будет посвящаем на служение Богу, и никогда не отстает от этого духовного дела умной молитвы, как заповедует нам и Богочеловек Иисус, говоря в святом Евангелии: *ты же, егда молишися, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже втайне* (Мф. 6, 6). Клеть души есть тело; двери — наши суть пять чувств телесных. Душа входит в клеть свою, когда ум не блуждает туда и сюда по делам и вещам мирским, но находится внутри сердца нашего. Чувства наши затворяются и остаются такими, когда мы не даем им прилепляться к внешним чувственным вещам, и ум наш таким образом остается свободным от всякого пристрастия мирского и сокровенною умною молитвою соединяется с Богом Отцем своим.

И Отец твой, видяй втайне воздаст тебе яве (Мф. 6, 4), прилагает Господь. Видит ведающий все сокровенное Бог умную молитву и воздает явными дарами великими. Ибо и эта молитва есть истинная и совершенная молитва, которая исполняет душу Божественною благодатию и духовными дарами, подобно миру, которое, чем крепче затыкаешь сосуд, тем благоуханнейшим делает сосуд сей. Так и молитва, чем крепче заключаешь ее внутрь сердца, тем более она обилует Божественною благодатию.

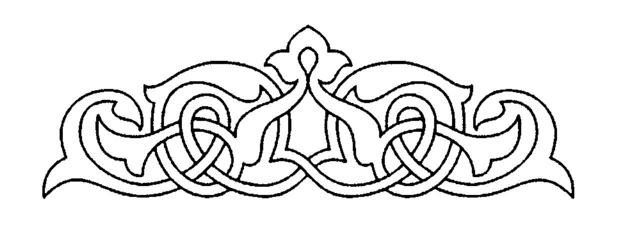
Блаженны те, которые навыкают сему небесному деланию, потому что им они побеждают всякое искушение злых бесов, как Давид победил гордого Голиафа. Им погашают бесчинные пожелания плоти, как три отрока угасили пламень пещи. Сим деланием умной молитвы укрощаются страсти, как Даниил укротил диких зверей. Им низводят росу Духа Святого в сердце свое, как Илия низвел дождь на гору Кармил. Сия умная молитва восходит до самого Престола Божия и хранится в златых фиалах, и, как кадило, благоухает пред Господом, как видел Иоанн Богослов в откровении: *двадесять и четыре старцы падоша пред Агнцем, имуще кийждо гусли, и фиалы златы полны фимиама, иже суть молитвы святых* (Апок. 5, 8). Сия умная молитва есть свет, просвещающий душу человека и сердце его воспламеняющий огнем любви к Богу. Она есть цепь, держащая в единении Бога с человеком и человека с Богом. О, ни с чем несравнимая благодать умной молитвы! Она поставляет человека в положение всегдашнего собеседователя с Богом. О, дело, воистину дивное и предивное! Телесно обращаешься с людьми, а умно беседуешь с Богом.

Ангелы не имеют чувственного гласа, но умом приносят Богу непрестанное славословие. В этом состоит все дело их и этому посвящается вся жизнь их. Так и ты, брате, когда входишь в клеть свою и затворяешь дверь, то есть когда ум твой не влается туда и сюда, но входит внутрь сердца твоего, и чувства твои заключены и отграждены от вещей мира сего, и ты таким образом всегда молишься, тогда ты бываешь подобен святым Ангелам, и Отец твой, видящий тайную молитву твою, которую приносишь ты Ему в сокровенности сердца своего, воздаст тебе же великими духовными дарами.

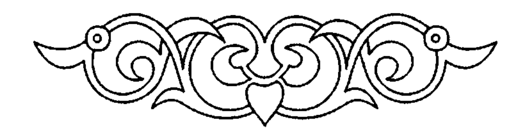
Да и что еще большее и лишше желаешь ты от сего, когда, как я сказал, ты мысленно всегда находишься пред лицем Бога и беседуешь с Ним непрестанно, — беседуешь с Богом, без Коего никогда никакой человек не может быть блаженным ни здесь, ни в другой жизни.

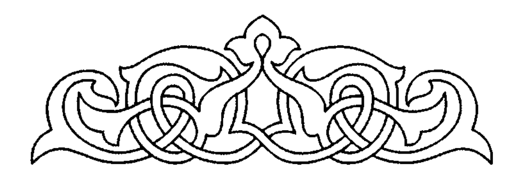
Наконец, брате мой, кто бы ты ни был, когда возьмешь в руки сию книгу и, прочитавши, возжелаешь испытать делом ту

пользу для души, какую доставляет умная молитва, тепле прошу тебя, не забудь, когда станешь творить молитву сию, с одним воззванием: Господи помилуй! — вознести к Богу прошение и о грешной душе того, кто потрудился над составлением сей книги, и того, кто тратился на отпечатание и издание; ибо они имеют большую нужду в молитве твоей, да обрящут милость Божию душе своей, как и ты своей. Буди! Буди!



ПРИЛОЖЕНИЕ





Н. Н. Лисовой

ДВЕ ЭПОХИ – ДВА ДОБРОТОЛЮБИЯ

(Преподобный Паисий Величковский и святитель Феофан, затворник Вышенский)

«Бога стяжи и не востребуеши книги», — глубоко и точно на все времена сказал великий византийский мистик X века, учитель Симеона Нового Богослова Симеон Благоговейный. В земной нашей грешной истории книги остаются «невостребованными», как правило, отнюдь не в периоды полноты опытного боговедения, но как раз напротив — в эпохи его оскудения.

Одной из самых востребованных книг, признаваемых «событием не только в истории русского монашества, но и русской культуры»[1] и даже «фундаментальной книгой культуры европейской»[2] и совершенно, однако, обойденной вниманием исторической и богословской отечественной литературы является Добротолюбие.

ДОБРОТОЛЮБИЕ – КНИГА И ОБРАЗ ЖИЗНИ

Более двух веков прошло с того дня, как в Венеции в 1782 г. был отпечатан на греческом языке фолиант с не очень, на первый взгляд, понятным названием «Филокалия священных трезвенников» — в двух частях единой пагинации, без указания имен составителей, но с обязательной «ктиторской» пометой о финансировании издания князем Иоанном Маврокордатом, представителем одной из знатных фанариотских семей. Мы знаем теперь, что издание подготовлено было известными деятелями православного возрождения в Греции — митрополитом Коринфским Макарием Нотарой и его помощником преподобным Никодимом Святогорцем[3].

Одиннадцать лет спустя книга с русским калькированным названием Добротолюбие, хотя не вполне идентичного содержания, пришла в Россию, где ее ожидали и больший успех, и еще более удивительная судьба.

На титульном листе первого российского (кириллического) издания торжественно значилось: «Добротолюбие или словеса и главизны священного трезвения, собранные от писаний святых и богодухновенных отец, в нем же нравственным по деянию и умозрению любомудрием ум очищается, просвещается и совершен бывает. Перевод с еллиногреческого языка». В выходных данных читаем: «Повелением императрицы Екатерины Алексеевны всея России при наследнике ее... Павле Петровиче... благословением же Святейшего Правительствующего Синода, напечатася книга сия в царствующем великом граде Москве. В лето от сотворения мира 7301. От Рождества же по плоти Бога Слова 1793, месяца майя».

Это был собственно первый том книги, хотя издатели, не уверенные, видимо, в скором выходе второго, представили его как законченное целое («Оглавление книги сия, на части разделяющияся»). Второй том (часть четвертая) вышел, без выходных данных, через несколько лет — на бумаге, датируемой 1797 г. Среди сохранившихся экземпляров первого издания встречаются как по отдельности первый (со сквозной пагинацией трех частей) и второй тома, так и конволюты обоих (с особой пагинацией второго, т. е. части четвертой).

В 1990 г. московское Добротолюбие 1793—1797 гг. в полном виде было факсимильно переиздано в Бухаресте в серии «Памятники мировой культуры», за что можно искренне поблагодарить румынских коллег[4]. Уместно сказать, однако, о странном библиографическом недоразумении. В сопроводительной брошюре к изданию профессор Дан Замфиреску пишет: «Лишь в 1988 г. архимандрит Киприан Захариа открыл в библиотеке Румынской академии “Часть четвертую” — вероятно, единственный сохранившийся экземпляр»[5]. И далее как в тексте, так и на обложке брошюры подчеркивается, что репринтное воспроизведение выполнено «по *единственной* полной копии, доныне известной». Автор ссылается при этом на лучших специалистов по нашей теме — А.-Э. Н. Тахиаоса и архиепископа Каллиста Уэра (Ware),

один из которых, по его словам, вообще «не видел de visu ни одного экземпляра первого издания», а другой «видел два экземпляра, каждый раз без четвертой части»[6].

Между тем в настоящее время в действующем фонде Музея книги Российской Государственной библиотеки в Москве числится семь полных комплектов первого издания[7]. (С несколькими из них, вполне идентичными, автору приходилось в разное время работать.) Два экземпляра находятся в Отделе рукописей и редких книг Государственного Исторического музея[8], один (говорим лишь о полных комплектах) — в Российской Национальной библиотеке в Петербурге[9]. Есть они и в других отечественных собраниях. Грустно, разумеется, что известные зарубежные исследователи «в глаза не видели» (русская калька латинского de visu) обсуждаемого издания. Не видели, потому что, как водится, не искали в России.

Но вернемся к самой книге. *Добротолюбие* — как мы сказали, калька греческого слова Φιλοκαλία — «любовь к прекрасному, возвышенному»; славянское «добрóта» в данном сочетании не имеет морального оттенка, ассоциируемого с современным словом «добротá», но означает преимущественно «красота, доблесть»[10]. Смысл «филокалии» (слова и жанра) — тот же, что «антологии» («собрания цветов»).

Книга представляет удачный и редкий случай, когда принцип «отечества», т. е. жизне- и мыслеустроения по образцу и вере отцов, один из основолежащих для православной традиции[11], сконцентрирован и воплощен под одной обложкой. Здесь представлены компактно, отдельными сочинениями или фрагментами, творения мистиков разных веков — с IV по XIV — в единой линии богословского развития. Антоний Великий (251—356), «иноческого жития первоначальник», авва Евагрий (346—399), «великий учитель созерцательной жизни», Марк Подвижник (IV в.), Иоанн Кассиан Римлянин (360—435), зачинатель монашества на Западе, Нил Синайский, Диадох Фотикийский, Исихий Иерусалимский, Иоанн Карпафийский, Исайя Отшельник (все — подвижники V в.), Феодор Едесский († 848), Симеон Новый Богослов (949—1022), его ученик Никита Стифат (XI в.), талантливые компиляторы XI—XII вв. Илия Екдик и Петр Дамаскин, идеологи афонского исихастского

возрождения XIII—XIV вв. Никифор Уединенник, Феолипт Филадельфийский, Григорий Синаит, Каллист и Игнатий Ксанфопулы... Не будет преувеличением сказать, что книга вместила в себя классику православной аскетики во всем объеме пройденного ею, до XIV столетия включительно, исторического пути. «Сменяются страны, города, народы, области, монастыри, но единая жизнь благодатная течет неизменно. Замирая в одном месте, она вспыхивает в другом, то шире раскидываясь, то сосредоточиваясь в небольшом круге людей, но никогда не иссякает»[12]. «Это древнее русло и есть, в широком смысле, исихастская традиция»[13].

Подчеркнем два момента. Историки различают в святоотеческом наследии писания «отцов-богословов» и «отцов-аскетов», — деление довольно условное[14], но отражающее до известной степени преимущественную проблематику творений тех и других. Огрубляя и обостряя, «богословы» — это те, кто размышляет и учит, как «устроен» Бог, «аскеты» — те, кто исследует, как устроен человек. Но поскольку цель христианской жизни есть, по учению преподобного Серафима Саровского, «стяжание Духа Святого», т. е. «стяжание» Бога человеком (обожение, theosis), доказательству чего посвящено предисловие Никодима Святогорца, открывающее греческое Добротолюбие и сохраненное в сокращенном виде русскими издателями, постольку писания мистиков, «отцов Добротолюбия», руководителей на путях умной молитвы и фактического теозиса, оказываются «более актуальными» — по крайней мере для широкого круга православных читателей. Можно почти ничего не знать из так называемого школьного, академического богословия, тем паче из «внешней» философии — и быть при этом Серафимом Саровским или Силуаном Афонским. Познание истины в Православии возможно, как писал, цитируя В. Ф. Эрна, А. Ф. Лосев, лишь «как осознание своего бытия в Истине. Всякое усвоение истины не теоретично, а практично, не интеллектуалистично, а волюнтаристично. Степень познания соответствует степени напряженности воли, усвояющей Истину. И на вершине познания находятся не ученые и философы, а святые. И путь восхождения один: это лестница христианского подвига»[15].

И второе. Добротолюбие, верный свидетель исихастской традиции, пронизывающей — в указанном широком смысле — всю

историю Православия, вмещает в себя, как видно из перечисленного неполного списка, и таких подвижников-учителей, которых богословская «школа» оставила бы далеко за пределами ортодоксии. Достаточно вспомнить Евагрия, одну из ключевых фигур Добротолюбия, осужденного за еретические взгляды на V Вселенском Соборе, или епископа-несторианина (но православного святого!) Исаака Сирина... «Воцерковляя» их, Добротолюбие руководствуется критерием святости, а не «непогрешимости», «православия» (умения «правильно славить» Бога — действенного молитвенного богообщения), а не «правомыслия» (умения лишь правильно о Нем мыслить).

При этом составители как греческого, так и обоих русских изданий, включая в сборник наиболее насыщенные и почитаемые произведения, заведомо не ставили перед собой ни научно-издательских, ни теоретических богословских задач. Книга была и призвана быть учебным руководством по «художеству» (т. е. искусству, практическому прохождению) иноческого подвига. И не внешнего, видимого, телесного подвига (трудов, постов, бдений, умерщвлений плоти), но внутреннего, сокровенного — трезвения, как сказано в титульном подзаголовке, молитвы и безмолвия. Слушанию духовной тишины, исихии, ее мудрости и напряженной музыки учились делатели (не просто читатели) Добротолюбия.

Она и сложилась, эта книга, точнее, образец и прототип ее, как сказал бы М. А. Волошин, в «раскаленных горнах» последней Византии — в недрах афонского исихазма XIII—XIV столетий. Единомышленникам и наследникам Григория Синаита и Паламы важно было показать, что возвещаемое ими учение об «умном делании», об умно-сердечной молитве как пути к осиянию «фаворским светом» и соединению с Богом, не есть их новоизмышленное «мнение», плод экзальтации и прелести, но представляет собой исконную живую традицию, никогда в Церкви не угасавшую и восходящую преемственно к самым ранним «отцам пустыни». Исследователями установлены и подлинные афонские рукописи XIII—XV вв., к которым восходит Добротолюбие по типу и составу[16], хотя идея подобного сборника в более или менее отчетливом виде носилась в воздухе последней трети изголодавшегося по духовности XVIII — рационалистического — столетия.

Строго говоря, жанр исследуемой книги, по крайней мере ее наименование, восходят к так называемой «Филокалии Оригена», составленной в IV в. Василием Великим и Григорием Богословом из наиболее важных фрагментов сочинений почитавшегося ими в молодости александрийского мыслителя.

Можно даже сказать, что и наше Добротолюбие восходит к тому, «оригенскому», — через включенные в сборник тексты упоминавшегося уже «православного оригениста» Евагрия, а равно и находившихся, по мнению исследователей, под влиянием Евагрия блаженного Диадоха, аввы Исайи и др.[17] Правда, для авторов, подобных названным, не всегда уместно и возможно бывает впрямую указать какие-либо идейные, тем паче литературные зависимости. Если кто-то из них и описал однажды первым некие состояния опытного богопознания и пути восхождения к ним, это не значит, что мистики последующих поколений, даже и воспроизводя те же или аналогичные сюжеты, непременно будут находиться под его влиянием. Характер преемства отцов Добротолюбия точнее, на наш взгляд, передал исихаст и «добротолюбец» XX, неспокойного, столетия преподобный Силуан Афонский, сказав (по поводу удивления иностранцев, что, де, русские иноки читают столь сложные, доступные на Западе лишь для ученых профессоров книги, как Добротолюбие и иные творения патристики): «Наши монахи не только читают эти книги, но и сами могли бы написать подобные им... Монахи не пишут, потому что есть уже многие прекрасные книги, и они ими довольствуются, а если бы эти книги почему-либо пропали, то монахи написали бы новые»[18].

Монахи написали бы новые... Вот подлинный смысл Добротолюбия, которое есть в буквальном смысле «не догма, а руководство к действию», не книга, но образ жизни. Разумеется, подобный «жанр» не может возникнуть или возродиться в ту или иную эпоху, если не будет живых носителей соответствующих христианских «добрóт» (в древнерусском смысле). Каппадокийцы IV в., афонские исихасты XIV в., русские и греческие «добротолюбцы» XVIII—XIX вв. — вехи единого, неотрывного от истории и жизни Церкви «филокалического движения», ритм «филокалического» ее дыхания...

УПАДОК И ВОЗРОЖДЕНИЕ

У истоков русского монашеского возрождения XVIII в. стоял преподобный Паисий Величковский[19]. Его имя не значилось ни на первом, ни на последующих московских изданиях Добротолюбия, но на Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвященном 1000-летию Крещения Руси, он был причислен к лику святых как «подвижник Добротолюбия», который «верных научил ум к Богу возводить» и сердцем совершать Иисусову молитву. Именно так сказано в основном литургическом документе его прославления — в тропаре преподобному[20].

Время, когда жил преподобный Паисий, — трудное время в истории русского монашества. Преподобный был ровесником антимонашеского законодательства Петра Первого и монастырской реформы Екатерины Второй.

О секуляризации (то есть национализации) церковных и монастырских земель мечтал еще Петр и многое для этого сделал. Вплотную подошло к реформе правительство его дочери Елизаветы Петровны. Указ Екатерины II от 26 февраля 1764 года подвел итог более чем 60-летней истории секуляризации. Были сформированы «монастырские штаты», определявшие число обителей, получавших государственное содержание, размер этого содержания (соответственно одному из трех вводимых «классов») и, наконец, число иноков в монастыре каждого класса.

Число обителей в стране резко сокращается. Около 600 из них (почти две трети) закрыто, в том числе более сотни таких, что основаны были в прежние века святыми подвижниками, канонизованными и местночтимыми. Еще 160 «вынесено за штат», т. е. им дозволялось продолжить свое существование, но без какой-либо государственной поддержки. Это был второй, после синодальной реформы Петра, сокрушительнейший удар по Русской Православной Церкви, по церковному Преданию, по духовным основам народной жизни.

Подводя итог, А. С. Пушкин скажет в «Заметках по русской истории XVIII века»: «Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тем своему неограниченному властолюбию и угождая духу времени. Но, лишив его независимого состояния и ограничив монастырские доходы, она нанесла сильный удар просвещению

народному. Жаль! ибо греческое (православное) вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер. Мы обязаны монахам нашей историей, следственно, и просвещением».

Секуляризация 1764 года предопределила последующие судьбы и особенности жизни и развития русских монастырей. В Российском государственном архиве древних актов сохранилась записка князя Г. А. Потемкина-Таврического «О монастырях», поданная на высочайшее имя в октябре 1786 г. Она показывает, как ни странно, что церковная политика правительства была еще «средней линией» в сравнении с крайними апологетами истребления монашества. «Собрание монахов по образу нашему, — говорилось в документе, — есть собрание тунеядцев, стыд Церкви и общество пияниц. Я не спорю, что людям, наскучившим жить в мире, бывает удовольствием отлучение от него, и что есть такие, кои по добродетели избирают монашескую жизнь, ведя себя богоугодно, но таковых столь мало, что едва наполнят один монастырь. Я полагаю во всем государстве для прямых монахов довольными: монастырь Нилов (имеется в виду Нило-Столобенская пустынь), Саровскую пустынь и Софрониеву (имеется в виду Софрониева пустынь в основанной Г. А. Потемкиным Екатеринославской губернии, переданная в 1779 г. ученику Паисия Величковского старцу Феодосию с русской братией, приведенной им из Молдавии), со строгим наблюдением монашеских правил, дабы меньше было охотников. Остальные все в городах, а паче в Москве, — уничтожить, как несообразные уединению. Протчие же обратить в училищи, госпитали для бедных и престарелых офицеров и рядовых и больницы для недугующих».

Екатерине II хватало государственного ума и религиозного такта оставлять без последствий подобные крайние суждения. Кстати, как свидетельствует письмо графа А. А. Безбородко князю Г. А. Потемкину, «Ее Величество особливо удивилась записке о монахах, быв прежде в мнении, что Вы, Григорий Александрович, исключительно к их пользе представляете». Если автор «Записки» мог считаться при дворе «настроенным исключительно к пользе монахов», то можно себе представить, как относились к монашеству и Церкви другие государственные деятели того времени!

...Правда, Саровскую пустынь, где по знаменательному совпадению как раз в это время был пострижен в мантию преподобный Серафим, а также Софрониеву, населенную учениками старца Паисия, и Потемкин считал обителями для «прямых (т. е. *истинных*) монахов».

В целом русское духовенство со смирением приняло реформу. Единственным способом внутреннего протеста со стороны духовенства и монашества оставалось — процвести подвижниками. Екатерининская эпоха впервые вводит русское монашество в сферу напряженного богословского поиска. Добротолюбие Паисия Величковского и «Беседа о стяжании Святого Духа» Серафима Саровского становятся ответом на вызов времени.

ПРЕПОДОБНЫЙ ПАИСИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ – ПЕРЕВОДЧИК И РЕДАКТОР

...Таинственная книга — церковный Устав. Каждый день за службой читается в церкви, что кому «на роду написано». Паисий, в миру Петр Иванович Величковский, родился в год Кириопасхи (когда Воскресение Христово совпадает с Благовещением) — знаменательный и «урожайный»: его сверстниками будут Григорий Сковорода и Паисий Хилендарский. В день рождения, 21 декабря 1722 г. (пятница 32-й седмицы по Пятидесятнице), на утрени было положено чтение: «Входящий дверью есть пастырь овцам» (Ин. 10, 2). В день смерти, 15 ноября 1794 г. (среда 25-й седмицы по Пятидесятнице), на утрени читали: «Паси овец Моих» (Ин. 21, 16—17). И на литургии (с воздвиженской преступкой) — о «пропавшей овце» и «потерянной драхме» (Лк. 15, 1—10). От купели до гроба — единая тема пастырства...

Мы не будем останавливаться здесь на всех перипетиях жизненного пути Паисия. Они неплохо известны благодаря открытой А. И. Яцимирским[21] и изданной недавно греческим ученым А.-Э. Н. Тахиаосом «Саморучной повести», т. е. «Автобиографии»[22] подвижника, а также его «Житию», написанному старейшим из учеников Паисия Митрофаном и изданному в переделке схимонаха Платона в 1836 г.[23]. В 1845 г. в редакции старца Макария Оптинского оно было напечатано И. В. Киреевским в журнале «Москвитянин» и вышло затем в Москве в составе известной книги

«Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского» — двумя подряд изданиями в 1847 г. и третьим в 1892 г.[24].

Детство в Полтаве, где отец, дед и прадед были потомственными протоиереями, пять лет — в младших классах Киево-Могилянской академии, затем — странничество по монастырям и скитам Малороссии в поисках иноческого подвига и старческого руководства. В 1741 г., в праздник Преображения, он стал рясофорным монахом с именем Платон, в 1743 г. уходит в Молдавию, где подвизается под руководством старцев Михаила Трейстенского и Василия Поляномерульского (сочинения последнего будут изданы оптинцами в вышеуказанной книге вместе с трудами Паисия). Проведя здесь три года и изучив молдавский язык, Платон в 1746 г. отправляется на Афон, где принимает (в 1750 г.) пострижение в мантию с именем Паисий и становится (с 1756 г.) руководителем небольшой иноческой общины смешанного этнического состава. В 1763 г. возвращается «в двух кораблях» в Молдавию с братией в 60 человек (большая часть, молдаване, — на одном корабле, меньшая, украинцы и русские, с самим Паисием — на другом). Поселяется сначала в монастыре Драгомирне, откуда в 1774 г. уходит (по политическим обстоятельствам, из-за передела границ) в монастырь Секул, и наконец, в 1779 г., назначен настоятелем Нямецкого Вознесенского монастыря (с сохранением игуменства в Секуле). Здесь в 1790 г. возведен в сан архимандрита. К этому времени под его рукой, в двух обителях, находится до тысячи иноков, послушников и трудников десяти различных национальностей. Неизвестно, успел ли он до кончины видеть и держать в руках вышедший в Москве первый том Добротолюбия.

Для уточнения объема и характера его переводческого наследия мы имеем четыре прижизненных источника: письмо Паисия своему ученику и другу иноку Феодосию (около 1782 г.), предисловие 1787 г. к изданной лишь через много лет после кончины старца книге слов святого Исаака Сирина[25], реальный состав московского Добротолюбия 1793—1797 гг. и, наконец, описанный А. И. Яцимирским корпус рукописей Паисия и его учеников из румынских собраний.

Важнейшим из источников является письмо к Феодосию, содержащее, можно сказать, филологическую и филокалическую

исповедь старца, итог и самооценку его многолетней работы как исследователя и переводчика. Письмо издано дважды (остальные цитирования и перепечатки вторичны). В первый раз — иеросхимонахом Макарием (Ивановым) и И. В. Киреевским полтора века назад в указанной книге «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского» (местонахождение оригинала не указано, мы будем в дальнейшем цитировать ее по третьему изданию, 1892 г.). По этому изданию архимандрит (впоследствии епископ) Никодим (Кононов) воспроизвел его в статье о Паисии в «Жизнеописаниях отечественных подвижников благочестия XVIII—XIX веков»[26]. В 1994 г. письмо (по рукописи из собрания Нового Нямца) опубликовано кишиневской исследовательницей Валентиной Пелин[27]. В том и другом случае документу не повезло. Русские издатели в свое время опустили при публикации первую часть письма, относившуюся к подробностям пребывания Феодосия в молдавских монастырях (в 1779 г. по приглашению и ходатайству князя Г. А. Потемкина он был переведен с братией в Россию, в Софрониеву пустынь, куда и адресовал ему письмо Паисий), сочтя ее неактуальной для русского читателя и для аскетико-назидательных целей книги. Список, изданный госпожой В. Пелин, восполняет этот пробел, но зато содержит существенные — и, к сожалению, не оговоренные автором в тексте — сокращения во второй, более нас интересующей части[28]. Несколько лет назад итальянскими учеными из монашеской общины Бозе напечатан в итальянском переводе полный текст письма.

Рассказ Паисия, содержащийся в письме Феодосию, позволяет восстановить долгую историю постепенной, целенаправленной, хотя и подверженной массе случайных факторов, работы по формированию и подготовке того корпуса текстов, который будет потом положен в основу московского Добротолюбия, именуемого по праву *Добротолюбием Паисия.*

Интерес к святоотеческой книжности преподобный Паисий проявлял с самых ранних лет. Уже в детстве, как мы узнаем из «Саморучной повести», в круг чтения отрока Петра входили наравне с Библией книги Ефрема Сирина, аввы Дорофея и «Маргарит» Иоанна Златоуста. Позже, в киевские годы, в Богоявленском Братском монастыре он общается с иеросхимонахом Пахомием, который имел у себя в келейном собрании «неколико книг

отеческих» и позволял Петру делать из них выписки. Также и в Китаевском скиту молодой послушник постоянно слушал в храме и на трапезе Ефрема Сирина и других отцов. С этого же времени начинается, по свидетельству преподобного, его будущая любовь «к благословенному молдавскому языку и народу».

В Любечском монастыре Паисий приобщается уже и к книгописанию: переписывает «большую часть» Лествицы Иоанна Синайского. Отмечает старец в своей автобиографии и встречу со старцем Исихием, занимавшимся «преписанием книг отеческих», и совместную работу в Киево-Печерской лавре с иеросхимонахом Павлом, который давал ему «книги отеческие на прочтение». Последний эпизод «Саморучной повести», предшествующий уходу на Святую Гору, повествует о иеромонахе-отшельнике Рафаиле в скиту Долгоуцы в Молдавии, который также «упражнялся в преписании книг отеческих».

Сделавшись руководителем иноческой общины в Ильинском скиту на Афоне, Паисий начал приобретать (переписывать или покупать) книги о внутренней жизни иноков и старческом руководстве ею — первоначально из сугубо практических, пастырских соображений. «И во первых, начах прилежно, Божиею помощию, книги отеческия, о послушании и трезвении, внимании же и молитве учащие, с немалым трудом и иждивением стяжавати, ово сам своею рукою преписуя, ово же и пенязьми купуя»[29]. По долговременном изучении приобретенных книг, в условиях их непосредственного, аскетического и старческого использования («неколико лет чтый тыя с прилежанием»), он убедился, что славянские списки книг содержат во многих местах «неисповедимую неясность», приводящую к утрате «самого грамматического разума». Он попробовал править тексты на основании других славянских списков: «Возмнех, яко словенские отеческие книги с других словенских книг мощно есть поне мало исправити». Начав с рукописи, содержавшей сочинения Исихия, Филофея и Феодора Едесского, он сверял ее по четырем разным спискам. Попытка оказалась неудачной. Ошибки суммировались, «разума» не прибавлялось. Книгу любимого им Исаака Сирина, принесенную еще из Киева, «шесть недель день и ночь исправлял по другой такой книге, якобы во всем с греческою сходной, но со временем понял, что мою лучшую по той худшей испортил».

Пришло понимание, что «словенские отеческие книги отнюдь не могут получить исправления, разве от своих источников»[30], т. е. без обращения к греческим оригиналам. Середина XVIII столетия представляла, однако, для православного просвещения такую бесплодную пустыню, что и греческие, даже старые и опытные иноки и духовники Святой Горы, не знали интересующих Паисия книг, «ни даже имен их авторов доселе не слышали». Нам в это трудно сейчас поверить, и греки отчасти все же, быть может, лукавили перед русским собратом (малороссов на Афоне, естественно, считали русскими). Но в основном описание Паисия безусловно соответствует действительности: падение «книжного разума» и забвение исихастской традиции в греческих монастырях было ничуть не меньшим, скорее большим, чем в русских. (К библиотекам «больших» афонских монастырей, в которых работал позже Никодим Святогорец, Паисий, очевидно, не имел доступа.)

После пятнадцатилетнего пребывания на Афоне, совсем незадолго (за два с половиной года) до возвращения в Молдавию, т. е. лишь около 1761 г., ему посчастливилось в скиту Василия Великого, основанном иноками из Кесарии Каппадокийской, найти и заказать для себя «краснописцам» копии книг, содержавших тексты одиннадцати «трезвенных» отцов из числа вошедших впоследствии в Добротолюбие[31].

Следующая стадия работы связана с жизнью Паисия и его учеников уже в Молдавии — в Свято-Духовском монастыре в Драгомирне (с 1763 г.). Речь шла по-прежнему в первую очередь об исправлении древнеславянских переводов — уже по греческим оригиналам, но возникает мысль «и вновь превод с еллиногреческих начати производити».

На этом пути Паисий столкнулся с «великим и неизреченным неудобством»: энтузиаст и самоучка, он вынужден был убедиться на практике, что для переводов патристики требуется высокий уровень подготовки, и дело не только в теоретической грамматике и совершенном знании обоих языков — переводящего и переводимого, но и в общей культуре — владении риторикой, поэтикой, философией и, конечно, богословием. Если еще принять во внимание отсутствие словарей, без которых «перевод книг все равно что дело художника без кисти», неизбежно недостаточное

на первых порах понимание греческой терминологии — тем более что «его (древнегреческого. — *Н. Л.*) глубины и сами природные греки, совершенно ученые, едва могут достигать», да и честно признаваемое, далеко не идеальное знание «нашего преславного славенского языка», — не удивительно, что переводчик, по собственным воспоминаниям, едва не приходил в отчаяние.

Владевший молдавским языком лучше, чем греческим, Паисий в этот период осуществлял свою редакционную и переводческую работу следующим образом. За основу и руководство брался молдавский перевод[32], осуществленный к тому времени (частично еще на Афоне, частично в Драгомирне) его учениками-молдаванами: иеромонахом Макарием и Иларионом Даскалом. Не без юмора пишет старец, как, сочтя их перевод «по всему истинным без всякого сумнения» и держась за него «крепко, как слепой за тын», начал он, «прилежно взирая» на греческий оригинал, исправлять древние славянские рукописи — Исихия, Диадоха, Макария Великого, Филофея, Нила Синайского, Фалассия, Григория Синаита, Симеона Нового Богослова, Кассиана. Совершенствуясь с годами как в греческом, так и в искусстве перевода, он потом «и вторицею, и третицею некоторые из них исправил», стал критически относиться и к греческим, привезенным с Афона оригиналам, которые «на зело премногих местах явились в орфографии погрешны». Соответственно, первые из переведенных им к тому времени «без единого лексикона» книг (Антония, Исайи, Петра Дамаскина) имели столько огрехов и искажений, что «и помыслить было страшно», а существенно улучшить их «без достоверных еллиногреческих» было невозможно. Например, Феодора Студита, которого он «по нужде» (т. е. в силу практической надобности) перевел в тот период с новогреческого, он «и до сего времени (писано, напомню, в 1782 г. — *Н. Л.*) не сподобился на еллиногреческом узрети». Равно и названного Исаака Сирина, исправленного, трудами целого года, в Драгомирне — «частью с еллиногреческого, частью с молдовлахийского», предстояло ему много лет спустя, «полумертвому, мало уже не слепому», откорректировать заново по появившемуся печатному изданию.

В 1774 г. прибывший в Драгомирну грек-святогорец Константин принес рукопись, списанную с кодекса византийского времени

и содержавшую «множество книг отеческих» — в том числе таких, коих Паисий «дотоле в славянском языке не видел». Грек переписал для него эту книгу, правда, тоже с «бесчисленными» орфографическими ошибками, так что «воистину получили *злато* словес святых, валяющееся во *блате* (болоте) неправописания». Тем не менее на основе этих «заболоченных» текстов Паисий делает новый перевод — «Марка Подвижника, Никиты Стифата триста глав, Феодора Едесского». Естественно, столь взыскательный знаток и собиратель отеческой письменности не мог быть доволен своей невольно обесцениваемой дефектными оригиналами переводческой деятельностью. Не удовлетворительной оказывалась и источниковая база: одних книг в монастыре «не обреталось» по-гречески, других — на славянском. Так, «Четыреста глав о любви» Максима Исповедника Паисий имел лишь в московском старопечатном издании, «Слово постническое» того же святого еще в юности было им переписано в Киеве; греческих же оригиналов творений Максима «не сподобился и доселе (до 1782 г. — *Н. Л.*) узрети». Симеон Солунский наличествовал на греческом и на молдавском, но не было его по-славянски и т. д.

Едва ли только из иноческого смирения заканчивает Паисий свои размышления выводом, что «превышше силы моей труд мой сей бысть, но по всему храмлющ есть и несовершен». Он категорически отказывается предоставить Феодосию свои переводы для издания в России, считая, что они «не точию к выпечатанию, но ниже к преписанию на ином месте отнюдь суть неудобны»[33]. В качестве альтернативы старец предлагает обратиться к текстологически, по его мнению, более надежной греческой Филокалии, подготовленной к изданию митрополитом Макарием Коринфским, «преискусным во внешнем учении» и сумевшим собрать нужные рукописи в библиотеках «великих святогорских обителей». Паисий говорит о Филокалии в будущем времени, как о книге ожидаемой, и рекомендует русским церковным властям постараться приобрести ее тотчас по выходе в свет и поручить переводчикам сделать ее перевод, профессионально и богословски более основательный и годный для печати[34].

Между тем, заметим на будущее, из числа пятнадцати авторов, вошедших в первый том московского Добротолюбия (1793),

только четверо не упоминаются в «автореферате» Паисия, как можно было бы назвать его письмо Феодосию (1782). Об остальных мы, во всяком случае, знаем, что их творения к тому времени достоверно существовали в его переводе. Об этом свидетельствуют и рукописные тексты готовых переводов, сохранившиеся в румынских библиотеках и описанные А. И. Яцимирским в составе «Библиотеки старца Паисия Величковского»[35].

Учтенные исследователем рукописи Нямецкого и связанных с ним монастырей подтверждают текстологически состав четырех частей московского Добротолюбия примерно на две трети (17 из 25-ти авторов). Автографы (беловые или черновые) переводов Паисия сохранились для одиннадцати авторов, еще для шести мы имеем списки, созданные ближайшими учениками. Нередко книги переписывались по многу раз: Яцимирский указывает 10 списков сочинений Петра Дамаскина, 8 — Каллиста и Игнатия, 15 — Симеона Нового Богослова, 14 — Филофея Синайского.

Из числа археографически не подтвержденных святых «отцов-трезвенников» (т. е. вошедших в московское Добротолюбие, но не отложившихся в так называемой «Библиотеке Паисия») четверо не упомянуты и в его письме к Феодосию (Феолипт Филадельфийский, Евагрий, Житие Максима Кавсокаливита и «Лествица» Феофана). Не исключено, что они и не были — до и вне венецианской Филокалии — известны старцу («и прочие, о молитве, нами еще и доселе не слышанные книги»[36]), а переводились для московского издания уже в России, непосредственно с греческой книги. Впрочем, в перечне Яцимирского не находим также и достоверно старцем переводившихся (см. выше) текстов Никиты Стифата и Каллиста, патриарха Константинопольского[37].

Более того, с учетом рукописей, датируемых Яцимирским достаточно широко — «концом XVIII» и просто «XVIII веком», корпус славянских переводов старца (о молдавских переводах, сделанных им и его учениками, здесь не говорим[38]) отражает практически весь набор текстов-оригиналов, составивших греческую Филокалию. К сожалению, условность некоторых датировок не позволяет без дополнительного исследования ставить вопрос о том, какие из переводов делались до знакомства с венецианской Филокалией, какие позже, и делались ли после 1782 г. самим

Паисием переводы (или привычные многократные сверки) непосредственно с печатной греческой Филокалии. Скорее всего, насколько мы представляем себе «творческую лабораторию» старца, такие сверки должны были производиться.

Сложившемуся корпусу паисиевских текстов не хватало лишь некоторой программной и жанровой заданности, которая «оформляла» бы, «собирала» наличную множественность писателей и произведений не в сборник даже, не в хрестоматию, а в *цельную книгу*, на которую по праву будут ссылаться потом почти как на Коллективного Автора, сопоставимого с другими «книгами-авторами», канонизованными в церковном сознании, — с «Дионисием Ареопагитом», «Аввой Дорофеем», «Лествицей».

Такое жанровое и композиционное единство в полной мере сумели придать своей Филокалии митрополит Макарий Нотара и Никодим Святогорец. Но «программы» (не книжного только, но и энергийного) собирания — Паисия, с одной стороны, митрополита Макария, с другой (возможно были и другие, неизвестные нам участники) — осуществлялись параллельно, так что ситуация 1760—1770 гг. справедливо может быть охарактеризована словами преосвященного Каллиста Уэра как «филокалическое движение до Филокалии».

ПЕРЕВОДЫ ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ В РОССИИ

После письма к Феодосию, датируемого ранее 1782 г. — даты появления венецианской Филокалии, о подготовке которой говорится в письме, в наших данных о судьбе Паисиевых переводов следует пробел вплоть до 1793 года, когда они (все-таки именно они!) оказались изданы в России, в составе известного уже читателю московского Добротолюбия.

Не прислушавшись, очевидно, к совету старца о принципиально новом переводе греческой Филокалии, митрополит Санкт-Петербургский Гавриил (Петров), тогдашний первоиерарх Русской Церкви, благословил готовить первое русское Добротолюбие на основе переводов, привезенных в 1791 г. из Молдавии. Позднейшие церковные источники со ссылкой на «предания», но не на документы, излагают эпизод следующим образом.

«Ученик старца Афанасий доставил митрополиту и греческий подлинник, и старцев перевод сей книги, который по назначению митрополита сначала был рассматриваем знающими греческий язык учителями Александро-Невский академии (семинарии. — *Н. Л.*), а потом (как это известно из предания, сохранившегося в Троицкой Сергиевой лавре) отдан для пересмотра и исправления учителю греческого языка в Сергиевой лавре (семинарии. — *Н. Л.*) Якову Дмитриевичу Никольскому (бывшему впоследствии протопресвитером московского Успенского собора), исправлен им в местах, трудных для разумения, и напечатан в Московской Синодальной типографии»[39].

В другом месте того же «Жития», в рассказе об учениках Паисия, сюжет изложен с дополнительными подробностями: «Схимонах Афанасий, мирское имя которого было Андрей Николаевич, из сенатских секретарей... привез в Петербург из Молдавии книгу Добротолюбие на греческом языке. И когда, в 1791 и 92 годах, по благословению митрополита Гавриила, сличаем был с греческим подлинником перевод сей книги, сделанный старцем Паисием, и встречавшиеся в оном трудные к разумению выражения и обороты нужно было заменять более ясными и общепонятными, тогда трудившиеся в сем деле обязаны были постоянно советоваться обо всем с духовными старцами: с игуменом Валаамского монастыря Назарием, с иеромонахом Феофаном, впоследствии архимандритом Новоезерского монастыря, иеромонахом Филаретом (впоследствии Новоспасским. — *Н. Л.*) и с принесшим сию книгу в Россию Афанасием. “Они, — говорил мудрый архипастырь (Гавриил. — *Н. Л.*) ученым переводчикам, — хотя и не знают так, как вы, греческого языка, но лучше вас знают из опыта духовные истины, не постигаемые одним только книжным учением, и потому правильнее могут понимать смысл наставлений, содержащихся в этой книге”»[40].

Б. В. Титлинов в 800-страничном исследовании о Гаврииле Петрове ограничился одной фразой: «При ближайшем участии Гавриила была в 90-х гг. издана любимая православной Русью книга “Добротолюбие”, исправленная преподавателями Невской и Московской Лаврской семинарий»[41].

Другой известный историк Русской Церкви не более красноречив в изложении интересующего нас сюжета. «Со старцем

Паисием (Величковским) он (имеется в виду митрополит Гавриил. — *Н. Л.*) был в живых сношениях и содействовал напечатанию Паисиева Добротолюбия»[42].

Есть в нашем распоряжении и документ — письмо самого Афанасия арзамасской игумении Марии (Протасьевой) (от 3 июля 1799 г. из Нямца). Старец вспоминает, как «трудился в Москве, на Новгородском архиерейском подворье (на Ильинке. — *Н. Л.*), ради напечатания первой книги Филокалии или Добротолюбия», как «многие из переводов, напечатанных в той же книге (но не все? — *Н. Л.*) наперед я от покойного старца Паисия в Россию завез» и как, наконец, «окончив перевод и другой книги Добротолюбия (части четвертой? — *Н. Л.*), я тому пять лет (т. е. в 1794 г. — *Н. Л.*), по несытости моей к отеческим книгам паки возвратился к старцу Паисию»[43].

Многое остается неясным: степень участия петербургских переводчиков и старцев (Афанасий работает на Новгородском подворье — подворье Гавриила, — но в Москве), роль Троице-Сергиевой лавры (приписал же почему-то В. С. Сопиков лавре честь перевода Добротолюбия[44]), объем и характер вклада самого Афанасия (какие переводы он привез, что переводил сам).

Так или иначе, «уло́жены» были эти паисиевские (или, может быть, какие-то из них — афанасиевские) переводы петербуржскими и московскими редакторами в схему венецианской Филокалии. Для этого были переведены (неизвестно в точности кем) «Предисловие» Никодима Святогорца и составленные им краткие справки-предисловия к каждому из авторов.

Число и порядок авторов в московском издании сильно отличались от греческого. Странным образом ряд переводов Паисия включен в него не был: Максим Исповедник, авва Фалассий, толкование на молитву «Господи, помилуй». В чем причина неследования (хотя и непоследовательного неследования, если можно так выразиться) российских издателей греческой Филокалии? Возможно, она заключается в составе и порядке гипотетического «протосборника» Паисия, привезенного в Петербург Афанасием. Частично, может быть, дело в цензорском отношении редакторов из Петербургской Александро-Невской и Московской Лаврской семинарий (в том числе и Я. Д. Никольского), которые, по мнению позднейших исследователей, «более мешали, чем помогали».

Известно, что и полвека спустя переводы старца проходили академическую цензуру с большим скрипом. Но во многом, как думает А. Н. Тахиаос, состав и порядок авторов объясняется обычной «русской» причиной — неготовностью рукописи в целом к сроку. Авторы набирались в той последовательности, как их отредактированные писания поступали в типографию.

Особый вопрос — о составе и характере текстов второго тома (четвертой части). Он действительно так и не вышел в царствование Екатерины Второй, и надежду на его публикацию старцы Нямецкого монастыря, преемники Паисия, еще в августе 1797 г. возлагали на будущее — на «свободную отраду» в связи с воцарением императора Павла. «О другой же половине Филокалии что Бог устроит, а желается и нам знать. Но по новости нынешней, кажется, верно надобно ожидать печати таковым книгам»[45].

Что именно переводил в России Афанасий («другую книгу Добротолюбия»), как мы уже сказали, не очень ясно. В письме Феодосию, которое мы выше разобрали подробно, из состава второго тома Паисий не назвал лишь трех отцов (Иоанна Карпафийского, Илию Екдика и «Сказание об авве Филимоне»). Однако и эти тексты, как явствует из описания А. И. Яцимирского, а также из сообщения о рукописях Российской Национальной библиотеки[46], присутствуют в рукописной паисиане — в списках, восходящих к самому старцу или его ближайшим ученикам.

Впрочем, надо признать, никто не занимался специально текстологической сверкой рукописной традиции переводов с текстами московского Добротолюбия. Может быть, некоторые разделы действительно переводились в Москве заново?

Наблюдения автора показывают, что, во всяком случае, тексты московского Добротолюбия отличаются по языку и стилю перевода от изданных впоследствии Оптиной пустынью достоверно паисиевских переводов Исаака Сирина, Феодора Студита и других отцов, но об этом позже.

Время шло, и хотя «свободная отрада» ни в царствование Александра I, ни в царствование Николая I упрямо не совпадала с ожидавшимся старцами «филокалическим возрождением», Добротолюбие выдержало, хотя не без сложностей, за шесть десятилетий шесть изданий — очень много для трудной по языку и содержанию богословской книги[47]. Оно стало в России любимым

народно-монашеским чтением, вошло в рифмованный и нерифмованный монастырский фольклор:

Наукою Добротолюбья
Обнимем сердцем боголюбье[48],

и стало наконец «героем» своеобразной исихастской «повести». Я имею в виду выдержавшие множество изданий «Откровенные рассказы странника». История происхождения памятника достаточно сложна, и автор его, при наличии нескольких гипотез, остается фактически неизвестен[49]. Но простота языка и фабулы, при постоянном высоком молитвенном настрое, не могли не вызвать благодарного отзыва у широкой православной аудитории, привычной скорее к академической богословской сухости. Основная идея Добротолюбия формулировалась Странником буквально в одном абзаце:

«Сия книга называется Добротолюбие. Она содержит в себе полезную и подробную науку о непрестанной внутренней молитве, изложенную двадцатью пятью святыми отцами, и так высока и полезна, что почитается главным и первейшим наставником в созерцательной духовной жизни и, как выражается преподобный Никифор, “без труда и потов в спасение вводит”.

— Неужели она выше и святее Библии? — спросил я.

— Нет, она не выше и не святее Библии, а содержит в себе светлые объяснения того, что таинственно содержится в Библии»[50].

Удивительно близки к откровениям Странника суждения одного из почитаемых русских старцев середины XIX столетия, преподобного Адриана Югского. Помимо того, что Адриан тоже считал Добротолюбие «чудотворной книгой», называл «прямой дорожкой в рай», сравнивал неоднократно с Библией и Евангелием, слагал пословицы типа «Лествичник силен, а Добротолюбие сильнее» или «Добротолюбие вернее матери родной»[51], решился даже однажды с любимой книгой на редкий подвиг 40-дневного неядения («чтение драгоценнейшей книги Добротолюбия составляло единственное утешение для души моей»[52]), — помимо этого существуют прямые совпадения и в принципиальном отношении к странничеству, как наиболее богоугодному образу жизни. «Странническая и бесприютная жизнь, проходимая разумно, в полной покорности Богу, в живом хранении Его заповедей, под ру-

ководством Библии и Добротолюбия, — поучал Адриан своих духовных чад, — верный и действенный способ к духовнообразованию. Странствовать при таком направлении ума непременно нужно с паспортом»[53]. И в другом месте: «С паспортом странствовать, а жизнь вести по учению книги Добротолюбия — хорошо будет»[54].

Излишне говорить, что Добротолюбие было популярно не только среди подобных «очарованных» и «разочарованных» странников. К создателю русского перевода книги с равным пиететом возводили духовные генеалогии своих героев «пророческий» Достоевский[55] и «анафемский» Толстой[56]. Святитель Феофан Затворник ссылкой на эту книгу заканчивал «Путь ко спасению»[57], а святитель Игнатий (Брянчанинов) на ней основывал «Слово о молитве Иисусовой»[58]. Митрополит Филарет рекомендовал ее в библиотеки мужских общежительных монастырей[59], а молодые монахини загадывали по ней, как поступить в трудную минуту[60]. С нею уходил в затвор Серафим Саровский[61], Макарий и Авросий Оптинские к ней обращались в своих письмах как к главному духовному арбитру[62], а философы Серебряного века по ней сопоставляли особенности экстатических состояний в христианской и индийской мистике[63].

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ» ИСААКА СИРИНА

Меньше повезло переводам Паисия, не вошедшим в Добротолюбие или с самого начала не предназначавшимся для него. В рукописном наследии самого старца сохранились: «Монашеские заветы» Василия Великого и «Беседы» Макария Египетского, Лествица Иоанна Синайского и «Поучения» аввы Дорофея, «Оглашения» Феодора Студита и «Тактикон» Никона Черногорца. Среди книг, переведенных Паисием и переписанных его учениками, в описаниях А. И. Яцимирского значатся также Дионисий Ареопагит, «Богословие» Иоанна Дамаскина, Ефрем Сирин, Исаак Сирин, даже Кормчая с толкованиями Аристина[64].

Объем переводческой деятельности поразителен. Правда, А. И. Яцимирский, как и другие авторы, не проводит различия между новыми, собственными переводами Паисия и исправленными им по рукописным и печатным источникам переводами старыми.

Нередко тексты переписывались многократно (Яцимирский перечисляет восемь Лествиц, девять книг аввы Дорофея, шесть списков «Предания» Нила Сорского), что подтверждает сознательное использование Паисием нямецкого скриптория как центра распространения аскетической литературы для монастырей в России. Переписывалось и печатное Добротолюбие, экземпляры которого были, очевидно, дороги и малодоступны для подвижников Секула и Нямца (старший список — 1796 г.)[65].

Многие из переводов так и не были впоследствии изданы. Переводы аввы Дорофея и Иоанна Лествичника активно использовались оптинскими старцами для подготовки соответствующих изданий на современном русском языке[66]. Наибольший читательский успех выпал на долю паисиевских версий Феодора Студита и Исаака Сирина (изданы Оптиной пустынью в 1853 и, соответственно, 1854 гг.).

История перевода Исаака Сирина, знаменитого «философа пустыни» (VII в.), принадлежавшего к числу любимейших и наиболее ценимых старцем Паисием писателей, особенно интересна. Рассказанная, с филологической стороны, в упомянутом предисловии Паисия к окончательной редакции перевода 1787 г., она имела продолжение почти детективного характера.

В 1791 г., направляя в Россию, митрополиту Гавриилу, тексты, составившие основу московского Добротолюбия, старец послал и отдельный беловой список Исаака Сирина — с собственноручной дарственной надписью и, видимо, письмом к митрополиту, «дабы повелел оную напечатать и разослать по монастырям российским»[67]. Рукопись не была издана; неизвестно, ставился ли вообще в то время вопрос о ее издании и даже была ли она получена адресатом. Во всяком случае, переписавший и привезший книгу в Петербург схимонах Феодор получил со временем ее же от кого-то в подарок уже в Москве, позже она попала — через Феодора, а затем, последовательно, Леонида и Макария Оптинских — в библиотеку известного археографа, историка Оптиной пустыни архимандрита Леонида (Кавелина)[68].

В начале XIX в., когда при полной «свободной отраде» в Нямецком монастыре была открыта (с 1800 г.) типография для печатания славянских книг, за издание Исаака Сирина в переводе Паисия взялся его ученик и сподвижник, автор первой редак-

ции «Жития» старца, схимонах Митрофан Святогорец. 17 апреля 1811 г. нямецкие старцы посылают готовую напечатанную книгу экзарху Святейшего Синода в Молдавии, Валахии и Бессарабии митрополиту Гавриилу (Банулеско-Бодони). Последний, узнав, что «оные книги (имеются в виду Исаак Сирин и Феодор Студит) были в руках покойного преосвященного Гавриила Санкт-Петербургского и он не хотел их печатать», рассудил отослать напечатанную книгу в Петербург к первенствовавшему тогда в Синоде митрополиту Амвросию (Подобедову). Тот в свою очередь направил полученный экземпляр для рассмотрения одному из цензоров. Вскоре в Кишинев пришел ответ (от 11 июля 1811 г.), в котором значилось, что перевод найден «во многом несообразным с прямым христианским смыслом и даже нетерпимым».

Трудно поверить, но в 1811 г. в православной Российской империи писания святого отца Исаака Сирина, переведенные преподобным старцем Паисием, обвинялись в «нелепой нравственности», которую рецензенты усматривали в советах святого отца «удаляться от человеков», «не заниматься телесной деятельностью», «изнурять тело» и др. Под арестом оказались не только 500 экземпляров тиража, отпечатанного Митрофаном «на свой кошт», но и сам сподвижник Паисия[69].

Отдельные экземпляры нямецкого издания Исаака Сирина все же доходили впоследствии до русских монастырей. К 1840-м гг. относится свидетельство архимандрита Леонида (Кавелина) о том, что «по существующему доселе запрещению ввоза из заграницы книг славянской печати без всяких изъятий в отношении их содержания — и эта книга попадала в наше отечество лишь случайно и потому продавалась не дешево (рублей по 15 и более серебром)»[70]. Напомним для сравнения, что Странник приобрел свое любимое Добротолюбие всего лишь за два рубля. Лишь в 1854 г. лучший из переводов старца Паисия дошел старанием оптинцев, как мы указывали выше, до русского читателя[71]. Дальнейшая его научно-издательская жизнь продолжалась почти до 1917 года — параллельно с бытованием другого русского перевода, выполненного в Московской Духовной академии и изданного, по совпадению, в первый раз одновременно с паисиевским в 1854 г. В 1911 г. вышло новое издание академического перевода

под редакцией профессора С. И. Соболевского, значительно измененное, вновь сверенное с переводом Паисия и широко использовавшее аппарат примечаний оптинского издания[72].

История 1811 г. с Исааком Сириным чуть было не повторилась в 1822 г. при попытке переиздания самого Добротолюбия. По позднейшему, к случаю, воспоминанию митрополита Филарета, «когда один (видимо, сам Филарет. — *Н. Л.*) предлагал напечатать Добротолюбие и Исаака Сирина, другой (очевидно, по контексту, другой член Синода. — *Н. Л.*) возразил: не скажут ли, что это мистическое направление?»[73] Святитель, очевидно, имел в виду специфику восприятия термина «мистический» в Петербурге последних лет царствования Александра I, когда «мистическое» нередко ассоциировалось с «масонским».

С 1847 г. открывается новая, важнейшая страница русской паисианы — связанная с деятельностью знаменитой Оптиной пустыни и устроенного при ней Иоанно-Предтеченского скита[74]. По утверждению архимандрита Леонида (Кавелина), уже учитель и старец Макария Оптинского отец Афанасий (Захаров; на его руках умер Афанасий Святогорец, один из создателей Добротолюбия. — *Н. Л.*) «имел верные списки всех письменных трудов Паисия»[75]. Неудивительно, что к началу издания книг в келейном собрании о. Макария «обрелись верные копии: а) с исправленных старцем Паисием древних славянских переводов писаний Макария Великого, Иоанна Лествичника, святых Варсонуфия и Иоанна; б) из переведенных им самим книг Максима Исповедника, Федора Студита (с новогреческого языка), житие Григория Синаита, слова Григория Паламы и некоторые другие творения святых подвижников»[76].

Многие тексты, принадлежащие к той же разветвившейся по русским монастырям рукописной традиции, оказались к тому времени и в библиотеке знаменитого славянофила И. В. Киреевского и его жены Натальи Петровны[77]. Трудами И. В. Киреевского[78], оптинских старцев[79], профессоров Московского университета С. П. Шевырева и Московской Духовной академии известного философа Ф. А. Голубинского, по благословению — и при прямом участии — митрополита Московского Филарета (Дроздова)[80] почти все имевшиеся у них рукописные переводы Паисия были изданы[81].

ЯЗЫК ПРЕПОДОБНОГО ПАИСИЯ И ЯЗЫК ДОБРОТОЛЮБИЯ

Прежде чем обсудить вопрос о языке преподобного Паисия и его переводов, скажем несколько слов о его национальности. Часто пишут и говорят о нем, по традиции книжных надписаний, как о «молдавском старце». Это связано лишь с территорией пребывания: почти половину жизни (до и после Афона) Паисий прожил в Молдавии. Украинец по отцу, с еврейской кровью по матери, он считал себя, безусловно, украинцем («малороссиянином»), всегда дорожил памятью о своей «малой родине» (подписывался: «родимец полтавский»). Национальная принадлежность его была подчеркнута и в надписи на мраморной надгробной плите в Вознесенском соборе Старо-Нямецкого монастыря: «Старец Паисий Малороссиянин»[82].

Вместе с тем независимо от долгих странствий в балканских «контактных зонах», независимо также от локальных церковных юрисдикций, он всегда сознавал себя сыном Русской Церкви. «Православная наша Всероссийская Церковь», — с пафосом говорит он в письме Феодосию[83]. Есть основания думать, что российский патриотизм Паисия существенно возрос к концу жизни — под влиянием, в том числе, русских побед над Турцией. Г. А. Потемкин и Екатерина II со своей стороны делали, возможно, ставку на общепризнанный в балканских странах авторитет Паисия. Сан архимандрита он получил в 1790 г. от архиепископа Амвросия (Серебренникова), прибывшего с Потемкиным в качестве местоблюстителя Молдо-Влахийской экзархии (принятие старцем сана от русского архиерея вызвало, кстати, раздражение со стороны антирусски настроенных молдаван и румын в составе Паисиевой паствы). Есть предание о посещении старца в Нямце самим «великолепным князем Тавриды»[84]. Видимо, именно эти активизировавшиеся к началу 1790 г. контакты с русскими церковными и светскими властями определили согласие Паисия послать в Петербург свои переводы, составившие московское Добротолюбие, и предопределили последующий массовый исход в Россию русских иноков из паисиевских монастырей (особенно после амнистии Александра I всем самовольно покинувшим пределы империи).

Скажем здесь, к слову, что рост румынского национализма, сопровождавшегося, особенно в середине XIX века, тяжелыми формами русофобии, привел к тому, что из обителей, окормлявшихся некогда преподобным Паисием, было «изгнано все славянское»[85]. В недавние годы кем-то из ретивых националистов была выдвинута даже гипотеза о румынском (!) происхождении самого «родимца полтавского», что вызвало заслуженную отповедь со стороны ведущего румынского знатока Паисия и его наследия — архимандрита Киприана (Захария)[86].

Вернемся к филологии. «Язык Паисия и его круга, — пишет известный греческий ученый, издатель и исследователь «Автобиографии» старца А.-Е. Н. Тахиаос, разумея письменный их язык, — это русско-славянский церковный язык XVII века»[87]. Подобное определение нуждается в пояснении. Дело в том, что традиционный для церковно-книжного употребления в славянских православных Церквах древнеславянский, кирилло-мефодиевский в своей основе, литературный язык реально представлен в памятниках с самого начала в национально-культурных изводах (церковнославянский русского извода, церковнославянский сербского извода и т. д.). «Выход в свет грамматики М. Смотрицкого в Москве в 1648 г., — писал академик Н. И. Толстой, — можно считать значительной вехой, символизирующей победу (в лингвистической сфере. — *Н. Л.*) московского центра и утверждение за ним доминирующего авторитета в отношении норм древнеславянского литературного языка во всем грекославянском ареале»[88]. Что касается Молдавии и Валахии, как и Афона и всей южнославянской зоны, то и сюда в XVIII в., в эпоху Паисия Величковского, «усиливается приток церковнославянских книг из Москвы и отчасти из Киева, распространяются нормы, установленные грамматикой М. Смотрицкого, происходит последняя в истории древнеславянского литературного языка централизация и нормализация на основе языка Московского Центра»[89].

В ситуации славяно-греко-молдавского трилингвизма Паисия и заведомой его диглоссии (разговорный русско-украинский — и книжный церковнославянский) неизбежны были языковая интерференция и наличие лексических примесей — из разговорного языка в книжный и обратно. Это и были главные факторы формирования языка Паисия, именуемого в церковных переизданиях

прошлого столетия то «славянорусским», то «полуславянским» (в смысле приближения древней славянской лексики и нормы к русскому современному типу), то даже «древнеобразным», т. е. стилизованным под древний (так назвал его святитель Игнатий (Брянчанинов).

Тахиаос напрасно считает «безупречным» письменный церковнославянский язык Паисия и Митрофана. В языке «Автобиографии» много живых диалектизмов (украинизмов) — не только на орфографическом уровне: «дяк» (дьячок), «обытель» (обитель), «высповедатися» (исповедаться)), но и на лексическом: «струшовати» (стряхнуть), «дуб» (челн), «свита» (в смысле одежды), «слизно» (скользко), «писменный» (грамотный), «горелка» (водка), «почути» (услышать), «цибули» (лук)[90].

В переводах Паисия, вошедших в Добротолюбие, картина иная. Там действительно задан гораздо более высокий уровень нормированности (отчасти он обусловлен, возможно, последующим дополнительным редактированием). Паисий как писатель активно заявляет себя энтузиастом и патриотом «нашего славенского», который «неисповедимою красотою своею и превеликим богатством и преизобилием речений многая языки превосходит, и сложением имен и глаголов, и сочинением и свойством своим паче прочих к еллиногреческому языку ближайший есть»[91].

Затрудненность и «неудобопонятность», по позднейшим оценкам, языка и перевода Паисия объясняется как объективными, так и субъективными причинами. Паисий переводил труднейшие (и по языку, и по богословию) произведения, иногда со сложной многоязычной предысторией (например, сирийский текст Исаака Сирина VII в. в дефектной греческой передаче IX в.) — не имея школы, не имея предшественников. В том числе – предшественников-греков: Макарий Коринфский и Никодим Святогорец уже шли за ним. Субъективная особенность — страсть к буквальному, пословному и часто поморфемному следованию греческому оригиналу. (Характерно, что больше всего переводчик горевал об отсутствии в церковнославянском языке артиклей, для замены которых он разработал со временем целую хитроумную систему надстрочных отсылок (точек), прояснявших — не всегда, к сожалению, для читателя — связь и порядок слов в предложении.) Отсутствие в славянском выработанной богословско-аскетической

терминологии (Паисий является одним из ее создателей) и принятый им в этом неизбежном терминотворчестве пословно-поморфемный принцип приводили нередко к конструированию нарочито усложненных терминов, отпугивавших читателя (и церковного цензора) уже в середине XIX в.

Приведем лишь несколько примеров таких неологизмов. «Встраственный» (греч. empathes) вместо «страстный», «возначальствовавый» вместо «начальствующий», «словесство» (logos) вместо «разум», «повсемне» (katholon) вместо «вообще», «узаконоположивый» (nomothetesas) вместо «поставивший в закон», наконец, «упреисподнивать» (katachthonisein) вместо простого «низвергать». Если припомнить еще «уставопищие» в смысле «порядок употребления пищи» или «разумом вкачествитеся» вместо «усвоить знание», то читателю ясно станет, о чем идет речь. Все примеры, их можно умножить, взяты нами из московского Добротолюбия, несколько улучшенного в языковом отношении, как мы уже отмечали, последующей редактурой. В «безредактурных» переводах Исаака Сирина и Феодора Студита, изданных оптинцами, при бесспорных изяществе и точности, «искусственных» терминов и нестандартного словоупотребления гораздо больше.

СВЯТИТЕЛЬ ФЕОФАН ЗАТВОРНИК: ЖИТИЕ И ВРЕМЯ

С середины XIX в. история русского Добротолюбия неразрывно связана с именем другого великого русского святого — святителя Феофана Затворника[92].

Бешеная Выша... Это недалеко от Шацка, в Рязанской области. Так называли в народе в советские годы Вышенскую Свято-Успенскую пустынь, потому что в ней находилась до самого недавнего времени психиатрическая лечебница.

Когда-то это место знала вся Россия. Здесь почти тридцать лет жил и работал, запершись в монашеской келье, епископ Феофан (Говоров). Фамилию забыли, он для всех был и остался святителем Феофаном Затворником. Он ушел и затворился в этом красивом уединенном месте не для того, чтобы предаваться праздному созерцанию, — для того, чтобы не мешали молиться и

работать. Человек разнообразных дарований, писатель, богослов и иконописец, он посвятил всю свою жизнь разъяснению *пути ко спасению* — к достижению возможной для человека меры причастности к Богу, обожения. Его творческое наследие огромно: десятки книг, толкования на все послания апостола Павла — лучшие в русской, а может быть, и в мировой богословской литературе... Добротолюбие — в пяти больших томах, в современном русском переводе — «дополненное», как отмечено на титульном листе, то есть существенно превосходящее по объему (и содержанию) как греческий оригинал, так и первое русское (по языку церковнославянское) издание, составленное из переводов Паисия Величковского. И конечно, письма... Их издали когда-то в восьми выпусках, но и после того многое из эпистолярного наследия святителя осталось рассеянным в повременных изданиях. Каждому своему корреспонденту Феофан отвечал глубоко и обстоятельно, как будто не был день и ночь занят своим молитвенным и литературным подвигом. Некоторые письма становились целыми небольшими художественными трактатами из области нравственного богословия и психологии.

Орловская земля дала нам многих известных писателей. Бунин, Лесков, Тургенев... Тютчев, Фет, Апухтин... В начале XIX века из орловского края выходили великие святители: Иннокентий Херсонский, Иеремия Отшельник, Феофан Затворник.

...Святитель Феофан (в миру Георгий Васильевич Говоров) родился в семье священника 8 января 1815 года[93] в селе Чернавске Елецкого уезда Орловской губернии. По окончании духовного училища в Ливнах учился в Орловской Духовной семинарии. Ходил с земляками в известный Задонский монастырь, всю жизнь чтил память святителя Тихона Задонского.

В год смерти А. С. Пушкина — церковную историю нельзя отрывать от истории России, русской культуры — Георгий Говоров поступает, как за сто лет до него Паисий, в Киевскую Духовную академию. Ее ректором был тогда святитель Иннокентий (Борисов), блестящий богослов и проповедник, тогда архимандрит, впоследствии архиепископ Херсонский. От Иннокентия в будущем создателе Добротолюбия — широта, любознательность, интерес к точным наукам, стремление к живому проповедническому слову.

На последнем курсе академии, 15 февраля 1841 года, студент Говоров был пострижен в монашество. Чин пострижения совершил новый ректор академии, преемник Иннокентия, архимандрит Иеремия (Соловьев), также памятный в анналах русского православного подвижничества. Новопостриженный получил в монашестве имя Феофан — *Богоявленный.*

Вместе с двумя другими принявшими иночество студентами, среди них был знаменитый впоследствии историк Русской Церкви Макарий (Булгаков), Феофан посетил известного киево-печерского подвижника Парфения, духовника лавры. «Вот вы, ученые монахи, — сказал старец молодым богословам, — набравши себе правил, помните, что важнее всего: молиться и молиться непрестанно умом в сердце Богу, — вот чего добивайтесь».

Молиться умом в сердце... Этот наказ об умно-сердечной, внутренней молитве станет стержнем всей позднейшей аскетики Феофана.

В апреле того же 1841 года ректор Иеремия в Успенском соборе Киево-Печерской лавры рукоположил Феофана в иеродиаконы, а 1 июля — в иеромонахи. Кто-то из биографов образно сказал: «Как от одной свечи в храме зажигают другую, так от одного светильника Церкви, Иеремии Отшельника, был зажжен другой светильник — Феофан Затворник».

Иеремия в свою очередь — через Смарагда и Афанасия Брянских — восходит к той же школе Паисия Величковского. В духовном преемстве свои генеалогии...

Биографию русского ученого монаха прошлого века читаешь как послужной список офицера-пограничника: преподавание в одной семинарии, инспекторство в другой, ректорство в третьей... Потом по разным академиям... А там сделают епископом — и опять с кафедры на кафедру. И везде граница... Между добром и злом, Христом и антихристом, знанием и невежеством...

Так шла жизнь и святителя Феофана. В год принятия сана он со степенью магистра окончил академию и был назначен инспектором Киево-Софийского Духовного училища. Под руководством киевских старцев продолжается практическое и научно-богословское изучение святоотеческой книжности, которое станет главным делом его жизни. Потом будет преподавание в Новгородской

Духовной семинарии и Петербургской академии, где он читал нравственное богословие, т. е. православную этику.

С 1847 года семь лет молодой иеромонах служил в составе Русской Духовной миссии в Иерусалиме — под началом известного историка-востоковеда архимандрита (позже епископа) Порфирия (Успенского). В отчете за 1849 год Порфирий сообщал в Святейший Синод: «Иеромонах Феофан выучился писать святые образа масляными красками и превзошел своих учителей, местных арабов, в сем художестве. Природное его дарование обнаружилось само собою» [94]. Иконописание на всю жизнь останется любимым домашним «промыслом» святителя. Весной-летом 1850 г. пять месяцев весь состав Миссии провел в путешествии: посетили древние обители преподобных Антония Великого и Павла Фивейского на Красном море и Богошественный Синай. В монастыре святой Екатерины на Синае Феофан принимает участие в предпринятом архимандритом Порфирием по просьбе братии составлении каталога греческих рукописей монастырской библиотеки. Так, об одной из рукописей, содержащей Ветхий Завет (X—XI вв.), Порфирий пометил в каталоге: «Эту рукопись рассматривал помощник мой, иеромонах Феофан. Сам я не заглянул в нее по недостатку времени. Теперь жалею об этом»[95]. Всего Феофаном за время работы над каталогом было описано более 70 рукописей. «Несомненно здесь, — писал А. А. Дмитриевский, — он познакомился с греческою палеографиею и приобрел интерес и любовь к древнегреческой святоотеческой письменности, которою занимался в тиши своей кельи до самой своей блаженной кончины»[96].

В 1854 г., с началом Крымской войны, Миссия была отозвана из Палестины. Опять — Петербургская академия, потом ректорство в Олонецкой семинарии. Но Феофану суждено было еще послужить на Востоке: его назначают настоятелем русской посольской церкви в Константинополе (Стамбуле). Годы, проведенные на Святой Земле и в столице древней Византии, дали ему отличное знание греческого языка, знакомство с древними рукописями и книгами, прочную духовную связь с лучшими представителями восточного православного духовенства, особенно — с афонскими старцами.

В 1857 году архимандрит Феофан вновь возвращается в Петербургскую академию (теперь уже ректором). Но более. 29 мая 1859 года состоялось его поставление во епископа Тамбовского и Шацкого. Но как учебно-административная работа, так и служение епархиального архиерея, которому отдано еще семь лет жизни — сначала в Тамбове, потом на Владимирской кафедре, — не удовлетворяют ученого аскета, тяготят его. Его влечет пустыня, уединение.

Зов пустыни... Бывают души, которые слышат его почти с колыбели. Феодосий Печерский, Сергий Радонежский, Серафим Саровский... Из бояр и дворян, купцов и крестьян, духовных и военных, порывая домашние и сословные связи, они уходят в монастыри — древние заповедные оазисы духовного сосредоточения и богомыслия. И в самом монастыре — налагают на себя подвиги молчальничества, столпничества, затвора...

Еще в бытность свою епископом Тамбовским Феофан приглядел себе тихую, незаметную Вышенскую пустынь под Шацком, на берегу речки Выши, впадающей неподалеку в Цну. Еще совсем недавно (автору довелось быть там в начале 1970-х) речка была удивительно чистой, и кругом стоял старый сосновый бор. «Вышу можно променять только на Царствие Небесное», — говорил святитель.

В 1866 г. прошение епископа Феофана об увольнении на покой (уже не первое его прошение) наконец удовлетворено Святейшим Синодом. Он поселяется на Выше. Первые шесть лет он еще не совсем «затворник»: ходит со всеми иноками к церковной службе, по воскресеньям и праздникам сам участвует в совершении литургии. Но с Пасхи 1872 г. наступает окончательный перелом: святитель затворяется в отдельном флигеле и прекращает всякое общение с кем-либо. Принимает лишь настоятеля пустыни, который был его духовником, и своего келейника. Со всеми другими — общение только письменное. Для совершения литургии и причастия святитель оборудовал у себя во флигеле домашнюю церковь в честь особо им чтимого праздника Богоявления — Крещения Господня.

Впрочем, затвор Феофана, как и весь его иноческий строй, не вполне обычен. Он взял с собою в затвор всю свою большую библиотеку, принадлежности для живописи и иконописи, токарный

и столярный станки, телескоп и микроскоп. То есть в затворе он сохранил весь распорядок — и всю широту — своих творческих и научных интересов.

И работал, работал не покладая рук. Затвор сделал Феофана, по оценке историков русского богословия, «глубочайшим христианским психологом». Здесь развился и писательский его дар. Он писал много и быстро, как сам признавался, «за один присест». При этом — просто, глубоко и метко: «книга должна быть как пистолет духовный — что ни страница, то выстрел».

Одна за другой выходят замечательные книги святителя: «Путь ко спасению. Краткий очерк аскетики», «Начертание христианского нравоучения», «Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни», «Письма о духовной жизни», «Что такое духовная жизнь и как на нее настроиться», «Уроки из деяний и слов Иисуса Христа»... Библиография только дореволюционных публикаций святителя Феофана, составленная иеромонахом Георгием (Тертышниковым), насчитывает более 500 названий[97].

Особое место в его духовном наследии занимают переводы греческой святоотеческой классики. Прежде всего, вновь переиздаваемое ныне Сретенским монастырем Добротолюбие в пяти томах, мы еще скажем о нем подробнее. Затем — «Псалтирь Ефрема Сирина», «Слова» преподобного Симеона Нового Богослова (два тома), «Невидимая брань» Никодима Святогорца, «Митерикон, собрание наставлений аввы Исайи монахине Феодоре». Наконец, «Древние иноческие уставы», изданные святителем за полтора года до смерти и составившие как бы дополнительный, шестой, том Добротолюбия.

Великим богословом-экзегетом проявил себя Феофан Затворник в толковании посланий святого апостола Павла — к Римлянам (т. 1—2), Первого и Второго к Коринфянам, к Галатам, к Ефесянам и дальше по порядку. Он начал было толковать и последнее, одно из самых сложных — к Евреям, — но остановился на первых стихах, сил уже не было...

В часы досуга — строгал, точил... «Если попадутся вам под руку какие дерева — черное, ореховое, — пришлите небольшими брусочками. Всяких чудес можно наточить». Или в другом письме: «Хочу бросить делать книги и возьмусь делать книгорезки». Митрополит Питирим Волоколамский показывал мне когда-то

подаренный ему архиерейский посох, выточенный руками святого Феофана.

...Или занимался музыкой, играл на фисгармонии, о чем с юмором повествует в письмах: «Гуделка приехала, гудит добре. Все гудки дают очень приятные звуки. А какие есть аккорды — прелесть, все бы слушал. Понемногу навыкну. Я впрочем этого не дожидаюсь и задуваю на чем свет стоит. Надо опасаться, как бы не разбежались монахи...»

И в следующем письме: «Будучи в Москве, не найдете ли там какого-либо самоучителя для скрипки, дешевенького. Чтоб вышел полный музыкальный комплект...»

И, конечно, природа (в последние годы Феофан гулял только у себя на балконе): «Возумейте наслаждаться природою: всякое время года имеет свои прелести. Сумейте их найти и восчувствовать. В сем — мудрость».

«ДАТЬ ВАМ ПРАВИЛА НЕ УМЕЮ...»

Направление, в котором развивал русское богословие святитель Феофан Затворник, неразрывно связано с разъяснением понятий *возрождения*, *обожения*, *богообщения*.

Существо христианства, по мысли святителя Феофана, состоит в восстановлении падшего человека. «Человек в творении назначен быть в общении с Богом, чтобы жить в Нем и блаженствовать» (Епископ Феофан. Внутренняя жизнь. М., 1899. С. 65). В начале мы согрешили и отпали от Бога, пали — и умерли. Но «Бог нас, мертвых прегрешениями, сооживил Христом (Еф. 2, 4). В сем существо Христианства!» (там же, с. 17). Соединяясь с Иисусом Христом, восставая во Христе — мы воссоединяемся с Богом и снова начинаем жить (там же, с. 51). Ради этого Господь приходил на землю, в этом существо Нового Завета — в живом общении с Богом чрез Господа Иисуса Христа в Его святой Церкви (там же, с. 73). А цель и средоточие всего процесса — обожение. «Когда Господь в славе вознесся, это Он человека в Себе вознес на небеса. И когда вознесся и сел одесную Бога и Отца — это человечеством сел Он одесную Бога, это человека в Себе ввел Он в соцарствование Богу — в промыслительное державствование над всем видимым и невидимым. Так исполнилось Божие о нас

благоволение. Сын Божий, сошедши на землю, восприял на рамо Свое человека, как *овча погибшее*, и принес его к Отцу Своему. Видите, как возвеличено естество человеческое в Господе: оно обожено — оно соцарственно Богу, оно превыше всякого начала, и власти, и силы» (там же, с. 49-50).

Большую ценность представляют мысли епископа Феофана о возможности богословского различения участия Лиц Пресвятой Троицы в домостроительстве спасения. Домостроительство Сына, посланного Отцом, связывается им преимущественно с объективной стороной спасения, а домостроительство Духа Святого — преимущественно с субъективной его стороной, с личным спасением каждого человека[98].

В книге «Письма к одному лицу в Петербурге по поводу появления там нового учителя веры» (СПб., 1881), направленной против сектантов пашковцев, отрицавших значение Третьего Лица Пресвятой Троицы в икономии нашего спасения, святитель Феофан Затворник собрал полный свод соответствующих библейских и святоотеческих свидетельств.

Усиленно подчеркивая, как и преподобный Серафим Саровский, значение благодати Духа Святого в спасительном перерождении человека, святитель Феофан разъясняет: «Я собрал столько свидетельств о благодати Святого Духа не с тем, чтобы умалить или заслонить, что содеяно и содевается Господом Иисусом в нашем спасении, но с тем, чтобы выставить на вид, что опускается, и кажется не с добрым намерением, и близ Господа восставить, как и подобает, в твоем сознании и Духа Святого, в равной силе и степени с Господом устрояющего спасение. Спасение наше в Господе Иисусе Христе, но содевается оно в нас благодатию Святого Духа».

И далее: «Желающему полно разуметь все, относящееся к нашему спасению, надлежит различать два момента: домостроительство спасения, или устроение всего, потребного для спасения, — и содевание спасения каждого лица. Первое совершил Господь Иисус Христос по благоволению Отца, но не без Духа Святого, а второе совершает, по благоволению же Отца, Дух Святой, но не без Христа Господа, Сына Божия». «Чтобы совершилось спасение каждого человека в частности, необходимо, чтобы совмещенное в Лице Господа все потребное для спасения

перешло в каждого и им было усвоено. Сие последнее совершает Дух Святой...

Так и веруй, что твое спасение содевается в равной силе Господом Иисусом Христом и Духом Святым или в Господе Иисусе Христе благодатию Святого Духа, не забывая при сем содержать в мысли: по благоволению Отца... Всяко, однако же, не погрешишь, если будешь помышлять, что в устроении всего потребного ко спасению преимущественно действовал Господь Иисус Христос, нераздельно, однако ж, от Духа Святого, а в содевании спасения каждого преимущественно действует Дух Святой, тоже нераздельно, однако ж, от Господа Спасителя». Богослову, пытающемуся вникнуть в таинственную жизнь Церкви и совершающееся в ней благодатное богообщение, необходимо, по мнению святителя Феофана, «велегласно возвещая о Господе Иисусе, столь же велегласно возвещать и о Святом Духе, не забывая, однако же, и благоволение Отца» (там же).

Главная область интересов Феофана как ученого богослова лежала не в догматике, а в нравственном богословии, психологии и аскетике. Еще в сороковые годы, будучи бакалавром Петербуржской академии по кафедре нравственного богословия, он задался целью построить православную психологию как стройную богословскую дисциплину. «Вот, по-моему, какой должна быть программа этой психологии: изобразить состав естества человеческого — дух, душа и тело — и представить систематический перечень всех способностей и отправлений каждой части, а затем описать состояние частей естества и способностей: 1) в естественном состоянии, 2) в состоянии под грехом и 3) в состоянии под благодатью. Маленький опыт такой психологии представлен мною в “Письмах о христианской жизни”».

Существует и еще более сжатый, но яркий и образный конспект православной психологии святителя — в церковном поучении, сказанном им в тамбовском Питиримовском соборе, в Неделю о самаряныне, 1 мая 1860 года («Внутренняя жизнь», с. 38—44).

Неделей о самаряныне называется пятое воскресенье после Пасхи, когда на литургии читается рассказ святого евангелиста Иоанна (из четвертой главы) о беседе Иисуса Христа с самарянкой — о жажде и живой воде. «Самарянка просит Его: дай мне

такую воду, чтобы мне не ходить сюда на колодезь за водою и вообще не иметь жажды. Господь говорит: “Всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять, а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек” (Ин. 4, 13—14)».

«Можете догадаться, — начинает свое толкование Феофан, — что здесь рассуждается не о простой жажде, когда хочется пить воду, — а о другой некоторой жажде, более ценной и более обширной. Словом **жажда** означаются высшие потребности человеческого духа, которым нельзя найти полного и прочного удовлетворения нигде, кроме Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Самарянка в сем отношении представляет образ природы человеческой, с неудовлетворенною жаждою обращающейся к Господу после того, как многократно удовлетворяла ее из колодца самоизобретенных тварных благ и все не находила покоя от жажды».

И далее святитель излагает свое учение о человеческой природе и о том, сколько есть, соответственно, видов жажды.

«Человек не тело только имеет, но и душу, и в душе самой, или в своей внутренней жизни, не душу только, но и дух, который несравненно выше души... Каждая из сих частей существа человеческого — дух, душа и тело — имеет свои потребности. Чувство потребности и есть жаждание. Стало быть, у нас есть три рода жажданий: жаждание телесное (плотское, чувственное), жаждание душевное и жаждание духовное. Первое, плотское, ищет земных и чувственных удовольствий, второе — душевное — ищет благ житейских или благ мира, третье — духовное — ищет благ духовных, небесных — Бога и Божественных вещей».

В свою очередь, жажда каждого из трех уровней имеет как бы по три разновидности. На уровне телесном Феофан выделяет потребности сохранения (есть, пить, спать), движения (ходить, работать, гулять) и употребления чувств (смотреть, слышать, обонять и т. д.). «Три класса потребностей плотских — три рода и жажданий чувственных, которые удовлетворяются чувственными вещами, нас окружающими. Кто занят преимущественно удовлетворением сих потребностей, — тот стоит на степени животного. Встал, походил, поговорил, поел и опять соснул, — прогулялся, повертелся, поглазел, поболтал и снова спать. Вот вся

тут программа жизни... Пусто, — но, к сожалению, очень-очень большой круг людей сюда принадлежит».

Три потребности могут быть выделены и в душе: «1) потребность знания, 2) предприимчивость или попечительность и 3) искание эстетических удовольствий... Столько же в ней и жажданий. Тут жажда никогда не удовлетворяется, а постоянно снедает человека, несмотря на то, что он и минуты не дает себе покоя».

«В духе — есть потребность созерцания Бога и Божественных вещей, удовлетворяемая познанием духовного мира; есть потребность покоя в Боге или покоя совести, удовлетворяемая исполнением воли Божией, есть потребность Богообщения или вкушения Бога, удовлетворяемая молитвенным исчезновением в Боге.

Вот у нас три класса жажданий и по три вида жажданий в каждом классе, — всех девять, как бы девять уст, из которых человек слышит непрестанный вопль: жажду!.. Всю жизнь человек бьется, чтоб как-нибудь заглушить сей вопль — и не успевает. Почему? Потому, прежде всего, что неправильно распределяет эти жаждания. Посмотрите, как бывает: чувственные потребности стоят напереди, и о них больше заботы, затем душевные, уже в меньшей мере удовлетворяемые, а духовные считаются последними, и о них мало или совсем не бывает заботы.

Так что человек находится теперь в превратном положении — наверху у него то, чему следует быть на низу. А в таком виде трудиться насытить человека есть то же, что стараться наполнить водою сосуд, обратив его кверху дном».

Соответственно, программа врачевания человеческой природы состоит в восстановлении должных приоритетов. «Кто желает покоя, тому надо поправить сию ошибку. Надо прежде всего – удовлетворить дух, возведши его в Богообщение. Далее, силою духа и по его указанию и руководству — удовлетворять и потребностям душевным и телесным. Бог, — полнота благ, — наполнив дух, через него низольет пополнительные удовлетворения на потребности души: на ее знания, предприятия и услаждения, — и на потребности тела, дав им меру, и вес, и цель».

Была у святителя и своя, вполне оригинальная, вытекающая из всего его мировоззрения модель материального мира, разумеется, опирающаяся на тогдашний уровень естественнонаучных представлений и ориентированная на определенную философ-

скую систему (прежде всего, Лейбница). Один из знакомых владыки увлекся химией. Это дало Феофану повод сформулировать в нескольких письмах свой взгляд на мир и на науку.

«О мире я так думаю. Основа мира вещественного — атомы. Но атомы не все одинаковы, — они разные, как разные стихии. Сами, однако ж, они ни движения, ни соединения взаимного иметь не имеют. Все производят действующие в них силы. Какие это силы?

Я допускаю лестницу невещественных сил душевного свойства. Взаимное притяжение, химическое сродство, кристаллизация, растения, животные — производятся соответствующими невещественными силами, которые идут, возвышаясь постепенно.

Субстрат всех сил — **душа мира.** Бог, создав сию душу невещественную, вложил в нее идеи всех тварей, и она инстинктивно, как говорится, выделывает их, по мановению и возбуждению Божию. Душа мира создана вместе со словом: "да будет свет!" Свет сей – эфир — есть оболочка души. Словами: "да будет" — творилось нечто новое... Во второй день — твердь. Когда Бог говорил: "да изведет земля...", то Ему внимала душа мира и исполняла повеленное. Она выделяла из себя всякого рода растительные души, которые и дали разнородные растения, а потом стали воспроизводить их "по роду своему". Так же, по слову Божию: "да изведет земля душу живу всякую", — душа мира выделила души животных, которые и произвели разные роды животных».

Совсем другое дело — человек. Он и по трехчастности своего состава, и по особенности творения, и по судьбе посмертной выделяется из всего тварного мира, живого и неживого. В нем впервые задействовано новое начало — дух.

«Когда надлежало сотворить человека, то не земле дается повеление: "да изведет", а в тайне Пресвятой Троицы произносится: "Сотворим"... Тело особо творится из персти (из материи, буквально: "из глины". — *Н. Л.*). Это было не мертвое тело, а живое — с душою животною. В сию душу вдунут дух — Божий дух, предназначенный Бога знать, Бога чтить, Бога искать.

Сей дух, соединяясь с душою животною, поднял ее над душою животных на целую стадию, и видим в человеке, что до известной степени у него все идет, как у животных... до смышленности. А далее начинается ряд сил, хоть душевного свойства, но выше души — рассудок, воля, вкус. Еще далее страх Божий,

совесть, недовольство тварным, стремление к Богу. Это — совсем отрешенные от души проявления духовные. Можно еще, между душою и духом поместить душевно-духовность: идеальничающий ум, перестраивающая все заново воля и творчество (в искусствах). Это гениальность — с умной, практической и художественной стороны. Дух в душе, или душа в духе»[99].

Феофан не создал особой богословской системы. И не ставил такой цели — не любил схем, систем, формализма... Даже формализма в молитве. «Дать вам правила не умею. Да на что правило? Одно то данное — навыкновение Иисусовой молитве — исполняйте и все тут... Вообще к правилам не следует пристращаться, а быть свободну в отношении к ним, одно имея в намерении, как бы внимание к Богу благоговейное не отходило»[100]. Его книги вводят не в систему богословских знаний и концепций, а прямиком в настрой христианской жизни. Поэтому читателям Феофана не нужно задаваться какой-то последовательностью в чтении его книг. Он сам сказал: «Порядок тут всякий пригож... Много зараз не читайте... Не читайте затем, чтобы только прочитать, а чтобы освежить и попитать душу. Если при чтении и размышлении какая-либо мысль исторгнет вас из среды тварей и перенесет пред лице Господа... закрывайте книгу, — оставайтесь с сею мыслию...»[101]

Ему было когда-то предсказано, что он умрет на 94-м году. Он думал — жизни. И радовался творческому долголетию. Оказалось — века. Он умер 6 января 1894 года, двух дней не дожив до семидесяти девяти. Было что-то значительное в том, что день его перехода в другой мир, предстания Богу, был днем Богоявления — ведь недаром он был Феофаном, Богоявленным.

А может быть, *Богу явленным*? Явившим, предъявившим Богу все лучшее, святое и творческое, что есть в русском человеке, его душе и сознании? И явившим нам, современникам и потомкам, живой образ Божий в русском человеке, русское «начертание пути к спасению»?

...«Если бросит Господь Русь православную, то тогда уже пойдет все навыворот. И мне нередко сдается, уж не бросил ли Он ее? Слишком уж пустились мы вперед. И удержу нет. Впрочем, отчаиваться нечего. По истории видно, что бывали времена и тяжелые, а потом прояснилось небо.

Господи, помилуй нас!»

ЛЕТОПИСЬ РАБОТЫ НАД ДОБРОТОЛЮБИЕМ

Годы создания святителем Феофаном Затворником новой версии Добротолюбия в современном русском переводе, расширенного по сравнению не только с Паисиевой, но и с греческой Филокалией, определяют обычно по выходным данным первого и последнего (пятого) томов: 1877—1890. Фактически работа заняла — с большими перерывами, изменениями плана, отвлечениями и возвращениями к теме — почти четверть века.

Между тем даже в специально-богословских и источниковедчески ориентированных публикациях встречаются серьезные ошибки. Так, Б. В. Титлинов писал в «Русском биографическом словаре», что «первое издание Добротолюбия вышло в 1877 г. в Санкт-Петербурге; второе, дополненное — в Москве, в 1883 г. »[102]. Здесь что ни слово, ошибка. Первый том (а не издание), не менее «дополненный», чем остальные, вышел в 1877 г., второй том (а не издание) — в начале 1885 г., хотя помечен в выходных данных 1884 г. Архимандрит Георгий (Тертышников), составитель наиболее полной библиографии трудов Феофана, говорит, что работу над Добротолюбием Феофан начал «с 1875 года» (по свидетельству самого святителя, с 1866 г.), третий том «был окончен» в 1888 г. (на самом деле, на год раньше), перевод пятого «отнял у святителя несколько лет» (меньше года: с августа 1888 по апрель 1889 г.)[103].

Мы сочли полезным представить читателю «библиохронику» работы над Добротолюбием, том за томом, почти раздел за разделом, — словами самого владыки, на основании его опубликованных писем[104]. Не претендуя на исчерпывающую полноту, мы получаем надежную хронологическую канву творческой истории книги.

В конце каждой цитаты первая цифра означает порядковый номер письма соответственно сквозной нумерации, принятой в восьмитомном собрании писем (Святитель Феофан Затворник. Творения. Собрание писем. Репринтное издание. М., 1994. Вып. 1—8), вторая (римская) цифра — номер тома, третья — страницу.

14. 09. 1866: «На Воздвижение написал прошение с отречением от управления обителью... Тут же прошу о пенсии. Мне хорошо. Дюже хорошо. Переводить начал Добротолюбие — с греческого» (1066; VII, 29).

14. 11. 1866: «Отложил на время святого Антония, — отдохнуть. Перевожу следующих по Добротолюбию греческому... Аввы Исайи... » (1070; VII, 35. В издании письмо датировано ошибочно 1868 г.).

18. 01. 1871: «Сижу теперь и перевожу писания св. Антония Великого — родоначальника монахов. Я начал это еще с приезда на Вышу, да бросил, а теперь опять вздумалось. Трудноват язык. Докончу ли?» (416; III, 60).

21. 11. 1873: «Первую часть (Добротолюбия. — *Н. Л.*) кончаю... Ныне завел переписку только (т. е. отдал том первый в переписку. — *Н. Л.*)» (1076; VII, 42).

17. 04. 1875: «Вздумал между делом приготовить второй том русского Добротолюбия. Первый уже готов. Там Антоний Великий, Макарий Великий, Марк Подвижник, Исайя Отшельник, Евагрий... Все пустынники. Во втором будут все уставщики общежитийные... Св. Пахомий, Василий Великий, Кассиан, св. Венедикт... и другие тут между ними... Порядочный томик соберется. На этом я отдыхаю, — хоть и тут труд не малый» (1086; VII, 58).

02. 07. 1875: «Кончил устав святого Пахомия, — берусь за святого Василия Великого устав» (1088; VII, 59).

23. 07. 1875: «Не остановилось бы дело. Это нечто большое... Книг в десять. Уставы святого Пахомия и святого Василия выбрал. Да перевожу устав святого Венедикта. Еще Кассиана к ним — и довольно в этом роде» (1089; VII, 61).

11. 08. 1875: «Один (том Добротолюбия. — *Н. Л.*) уже в ходу; другой наготове — уставы святых Пахомия, Василия, Венедикта уже переведены, устав Кассиана переводится» (1090; VII, 64).

28. 03. 1876: «Второй выпуск я думал составить из уставов Пахомия, Василия Великого, св. Венедикта и Кассиана. Теперь вижу, что Кассиан один составит большую

книгу. Потому те три устава нужно печатать особо. И составят они второй выпуск, а Кассиан будет третий. Что дальше, увидим» (1101; VII, 86).

01. 04. 1876: «Очень рад, что идет печатание. Второй выпуск можно тоже печатать... без Кассиана, за которым дело, — и который между тем один составит большую книгу» (1102; VII, 87).

16. 05. 1876: «Добротолюбие продвигается ли (имеется в виду печатание первого тома. — *Н. Л.*). Желаю ему успеха» (1105; VII, 91).

09. 06. 1876: «Добротолюбие идет очень лениво (см. примечание в предыдущей цитате. — *Н. Л.*)... И это должно пристыжать С.-Петербург. Для меня, однако ж, это все равно» (1106; VII, 91—92).

10. 08. 1876: «Отпечатанные листы Добротолюбия присланы. Читаю неспешно. Во второй том сборника предполагаются уставы» (1107; VII, 93).

04. 10. 1876: «Уставы готовы... И прозевали мы... Вон святой Кассиан переведен и уже печатается (имеется в виду перевод епископа Петра Екатериновского, изданный в 1876 г. — *Н. Л.*)... Но горевать нечего. Это для нашего сборника лучше. Я выберу, в таком случае, из него сущность его учения о подвижничестве и духовном преспеянии. И короче, и полезнее» (1108; VII, 94).

22. 11. 1876: «Прежнее предисловие (к первому тому. — *Н. Л.*) никуда не гоже. Кое-как скропал новое, и хотя оно тоже не прелесть, но все лучше прежнего, по крайней мере, смиреннее. Препровождаю его и прошу покорно его отпечатать вместо прежнего, которое под лавку. Что касается до подписи составителя, то ее не должно быть ни под каким видом. Это входило в условия передачи издания афонцам» (1110; VII, 97).

28. 04. 1877: «Посылаю еще одну книгу Добротолюбие (т. е. первый том уже отпечатан и получен на Выше. — *Н. Л.*)» (Письма епископа Феофана. Тамбов, 1897. С. 262).

01. 10. 1881: «Идет тихоходно и сборник Добротолюбие, 2 том... Уж на кончике...» (Письма епископа Феофана. с. 233).

21. 06. 1882: «Что делает Выша? Все спит. Впрочем, сверяю новый перевод Аввы Исайи — с переводом Паисия Величковского, который прислали мне добрые оптинские старцы» (1155; VII, 163).

26. 10. 1882: «Следовало бы толковать Послание к Евреям, или собирать второй том Добротолюбия... или еще что... Ничего не делается. Лень окончательно обуяла». (Речь идет об отказе от идеи строить второй том на древних иноческих уставах и о возвращении к порядку материалов греческого Добротолюбия. — *Н. Л.*)

28. 03. 1883: «Вот я и свободен стал. А писать все же не хочется. Взялся за Добротолюбие, о коем докучают непрестанно афонцы. И св. Кассиана уже приготовил... т. е. выписку из него (из перевода, сделанного ранее и вошедшего позже в «Древние иноческие уставы». — *Н. Л.*)» (1159; VII, 169).

25. 04. 1883: «Сижу теперь над вторым томом Добротолюбия. Кассиан святый и преподобный Исихий — кончены... Течет преподобный Нил премудрый... Пред св. Кассианом надо поместить извлечения из св. Ефрема. Он — начало. Конец — Исаак Сирианин. И все, кои между ними, все, хоть по немногу, войдут в сей том» (1160; VII, 172).

10. 01. 1885: «Второй том Добротолюбия печатается. Половину присылали для просмотра. Опять много ошибок... Жду конца. Выйдет книжка пузатенькая: она вся о борьбе со страстьми» (1167; VII, 182).

14. 05. 1885: «Посылаю вам (полученный из типографии. — *Н. Л.*) второй том Добротолюбия» (1169; VII, 187).

25. 03. 1886: «Взялся за третий том Добротолюбия, который будет состоять из одних тех статей, кои имеются в греческом Добротолюбии. Переводится Диадох» (Письма епископа Феофана. С. 377).

23. 07. 1886: «Сейчас кончил Диадоха... Какой ясновидящий! А между тем в славянском переводе он очень те-

мен. Теперь начинаю Иоанна Карпафского» (998; VI, 134).

06. 08. 1886: «Дело, которое на руках, делаю очень не быстро. Диадоха, однако ж, кончил... Кончаю главы и Иоанна Карпафского... Пойдет и далее... » (999; VI, 135).

25. 08. 1886: «Мое здоровье исправно. Глаз служит еще. Долго ли, Бог один ведает. Перевожу теперь что следует для третьего тома Добротолюбия... Собеседования Аввы Зосимы, — того, что похоронил и напутствовал Марию Египетскую» (1000; VI, 137).

17. 09. 1886: «Теперь собираю третий том Добротолюбия — все по греческому Добротолюбию. Имеются уже — Диадох, Иоанн Карпафский, Авва Зосима, четыре сотни изречений аввы Фалассия. Следует св. Иоанн Дамаскин, Феодор Едесский, Филофей Синайский и т. д.» (1001; VI, 139).

08. 10. 1886: «Теперь перевожу умозрительное слово Феодора, что следует за деятельными главами Феодора Едесского. Кто такой сей Феодор? Это не Едесский. В греческом подлиннике оно и не озаглавливается: Феодора Едесского, — а просто: Феодора преподобного. Здоровье мое исправно. Имею ревность покончить с Добротолюбием... Еще книжки две-три потребуется. Достанет ли на это глаза моего...» (1002; VI, 140—141).

30. 10. 1886: «Корпаю третий том Добротолюбия. Скоро, кажется, кончу. Я было хотел особою книгою св. Максима Исповедника выпустить, но раздумал... Его-то и перевожу... В Добротолюбии (греческом. — *Н. Л.*) из него 1100 изречений или глав... Как кончу его, так и томик составится... опять толстенький... Едва ли доведу до конца Добротолюбие. Глаз хиреет... Заметно... » (1176; VII, 195).

23. 11. 1886: «Сижу над Максимом Исповедником. Еще остается пять сотен — глав или изречений. Иной раз в сутки больше одного изречения и не переведешь» (1004; VI, 142—143).

30. 01. 1887: «Теперь третий том Добротолюбия составляю... Все шло гладко. Но как дошел до св. Максима Исповедника... и начались острые пути. Ведь он премудреный. И много есть темного. Подумываю выборку сделать: все ясное взять, а темноватое опустить. И исповедаться перед всеми, что сил не хватает. У него 700 глав о богословии и о добродетели и грехе... Эта премудрость, т. е. выборку сделать, явилась у меня только ныне... Скушно сидеть... думаешь-думаешь, и все-таки не придумаешь» (Письма, с. 381).

02. 02. 1887: «Понемножку перевожу, как знаете, Максима Исповедника. Трудноват!» (1007; VI, 148).

19. 03. 1887: «Третий том Добротолюбия подходит к концу. Что готово, отсылаю на Афон, — где, как полагают старцы, они лучше могут устроить переписку... Максима Исповедника перестал переводить подряд, а делаю выборку более простых и более деятельных (т. е. практических. — *Н. Л.*) изречений... Этакие же главы оставил и из переведенных уже; прочие опустил: так что из 700 — наберется едва ли до 300. Достали старцы поучения св. Феодора Студита. У нас их известно только 90—95, а их всего около 400... Куда как хорошо будет, если их все перевести?! Может быть, я возьмусь за этот перевод. А может — нет» (1008; VI, 149—150).

30. 04. 1887: «Третий том Добротолюбия был кончен. Но вздумалось прибавить аскетические уроки святого Феодора Студита... Выбрать их надо из его поучений... Что потребует времени немалого... А при моей лености — и очень великого. Сделать, однако ж, надо» (1009; VI, 151—152).

01. 06. 1887: «Третий том Добротолюбия отослал для переписи на Афон. Теперь делаю выборку наставлений Феодора Студита из его катихизисов. Если успею, и это пойдет в третьем же томе, а нет — в четвертый, который тоже надо готовить» (1010; VI, 153).

24. 06. 1887: «Из поучений св. Феодора Студита делаю выборку, потому что не нашли еще сборника исправного.

Когда достанут афонцы исправный список, тогда подряд переведем... А эта выборка пойдет в четвертом томе Добротолюбия» (1011; VI, 155).

16. 08. 1887: «Выборка из св. Феодора Студита с переводом идет... хоть очень лениво...» (1188; VII, 213. В издании датировано ошибочно 1889 годом).

18. 08. 1887: «Выборка и перевод святого Феодора Студита идет... » (1013; VI, 158).

29. 09. 1887: «Пострадал ли третий том Добротолюбия (имеется в виду пожар в русском Пантелеимоновом монастыре на Афоне. — *Н. Л.*), не пишут. Но не думаю» (1016; VI, 165).

27. 10. 1887: «Начал переводить второй том (из четырех. — *Н. Л.*), рукописи поучений св. Феодора Студита. Не скоро дело сие делается» (1017; VI, 166).

27. 11. 1887: «Второй том идет проворней. Через месяц, может быть, кончу. Все (все четыре. — *Н. Л.*), может быть, к половине следующего года кончить можно» (1018; VI, 167).

29. 12. 1887: «Времени нет; спешу доканчивать св. Феодора Студита... Что потребует не более месяца...» (1019; VI, 168—169).

27. 01. 1888: «Третий том Добротолюбия только получил, набело переписанный для прочтения. А печать еще после цензуры. Вышло что-то большое, тогда как я думал, что этот том будет меньше прежних. Св. Студит к концу. Осталось 24 поучения... Но надо тоже пересмотреть» (1021; VI, 171).

Февраль, 1888: «Без просыпа лежал на поучениях св. Феодора Студита — ноябрь, декабрь и январь. Только что кончил... Всего будет такая же книга, как Добротолюбие. И я полагаю издать сии поучения — не как «Поучения», а как наставление монахам — определив на них четвертый том Добротолюбия. Третий том в переписке набело лежит предо мною и ожидает перечитывания, которое и начнется завтра. По окончании сего перечитывания начнется заготовка пятого, конечного тома Добротолюбия, в который

войдет все, что еще остается в греческом Добротолюбии; и если сего окажется слишком много, — то в сокращении» (1197; VII, 228. В издании не датировано).

14. 02. 1888: «Я все сидел за Феодором Студитом, и очень усиленно. Кончил. Остается пересмотреть... Это будет четвертый том Добротолюбия. Третий — перечитываю переписанный набело» (1022; VI, 173).

16. 03. 1888: «Все возился с третьим томом Добротолюбия. Так дурно переписали афонцы. Наконец, и этому пришел конец; ныне посылаю в Москву для печатания... Читать же вам придется не раньше как спустя полугода. Но всяко полагаю, в этом году» (1023; VI, 174).

29. 05. 1888: «Я здоров, но леность совсем одолела. Знаете, сколько времени я перечитываю св. Феодора? Начал, кажется, еще до масленицы... и еще не кончил. Остается с треть» (1024; VI, 176).

22. 06. 1888: «Феодора Студита еще не перечитал. Останавливает то, что надо заголовки ко всякому поучению придумывать» (1026; VI, 180).

17. 07. 1888: «Книги мои все приняты афонцами. Они и далее печатать будут с небольшою платою. Теперь идет у них третий том Добротолюбия. Еще немножко, и будет готов четвертый. Все — поучения св. Феодора Студита. Перечитываю. Кончу, и возьмусь за пятый том. Сюда войдет все, что есть в греческом Добротолюбии. И конец» (1183; VII, 207).

07. 08. 1888: «Феодора Студита отослал афонцам для переписи. Теперь идет и пятый том. Начало с Симеона Нового Богослова. Но как он переведен, то нужное немногое оттуда взято будет. Переводятся главы ученика его Никиты Стифата... премудрые» (1028; VI, 182).

23. 08. 1888: «Перевожу Никиты Стифата премудрые наставления. К нему или впереди его будут извлечения из Симеона Нового Богослова. И так далее... Это пятый том Добротолюбия. Но голова стала слабеть. Только утром и могу работать, и то часа три. А вечером уже давно ничего не работаю» (1029; VI, 183).

26. 09. 1888: «Сижу, готовлю пятый том Добротолюбия. Перевожу Никиту Стифата, ученика Симеона Нового Богослова» (1030; VI, 185).

26. 10. 1888: «Пятый том переводится. Третий — печатается. Долго возились с переписыванием его. Четвертый — переписывается» (1031; VI, 187).

02. 11. 1888: «У афонцев на руках два новых тома Добротолюбия, из коих один печатается, а другой только переписывается. Между тем готовится еще том — последний» (1184; VII, 207—208).

08. 11. 1888: «Вот бы вам пригодились собеседования Аввы Зосимы — в третьем томе Добротолюбия я перечитываю отпечатываемые листы... и ныне — о нем читалось» (1032; VI, 189).

04. 12. 1888: «Я перевожу теперь святого Григория Паламу. Он проще предшественников. После него останутся только главы Игнатия и Каллиста. Есть там (в греческом Добротолюбии. — *Н. Л.*) еще какой-то Катафигиот Каллист... Но он очень отвлечен и едва ли будет переведен. Впрочем, посмотрю» (1033; VI, 191).

20. 12. 1888: «Спешу докончить Добротолюбие. Лучше сказать: хочу спешить, но не спешится. Потому что очень мудрена фразеология св. отцов. Думал, что легче будут Каллист и Игнатий. Нет, и они не легче. Иной раз один пунктик только и успеешь переложить» (1185; VII, 209).

19. 01. 1889: «У меня все по-старому... Один глаз не служит уж давно; и другой гонится за ним, но еще служит. Лености моей я одолжен тем, что до сих пор не кончил Добротолюбия. Идет, впрочем, уже последний том» (758; IV, 256).

27. 01. 1889: «Третьего тома отпечатано 25 листов... Но больше, кажется, 30 — и не будет этот том. Те два (т. 1, 2. — *Н. Л.*) уж слишком грузны» (1035; VI, 193).

20. 02. 1889: «У меня куча дел. Перечитываю переписанный четвертый том. Весь будет из писаний св. Феодора Студита» (1186; VII, 210).

13. 03. 1889: «Третий том, наконец, жду, что вот-вот приедет. Больше года его переписывали... И печатать начали, чай с половины прошлого года, если не раньше. И четвертый том переписывался с год... Теперь перечитываю переписанный... Еще немножко, и кончу... Пятый кончается переводом» (1036; VI, 196).

20. 04. 1889: «Третий том Добротолюбия в Шацке, но от нас туда езды нет (по причине весеннего половодья. — *Н. Л.*). Когда получу, пришлю. Четвертый том, переписанный, — отправлен в цензуру. Пятый том имеется для переписки. — И аминь... и Богу слава!» (1037; VI, 198).

21. 04. 1889: «А у меня трехдневный звон — ради окончания Добротолюбия. Пятый том кончен и приготовлен к отправке в Москву для переписи, и ждет только, когда откроется дорога. Четвертый том пошел в цензуру. Третий отпечатан и лежит в Шацке, тоже ожидая дороги» (1187; VII, 211—212).

01. 06. 1889: «У меня на душе — засуха. Ничего делать не хочется со времени окончания Добротолюбия. Это скучное время! Посылаю вам три экземпляра третьего тома Добротолюбия. Тут все отборные статьи: Диадох премудрый, Зосима многоопытный, Филофей тайнозрительный... Четвертый том печатается, пятый переписывается» (1038; VI, 199—200).

14. 06. 1889: «Я не писал к вам, потому что спешил окончить Добротолюбие, а по окончании его отдыхаю» (905; V, 180).

23. 08. 1889: «После окончания Добротолюбия еще ничего не придумал. Начал однажды понемножку переводить Толковую Лествицу. Ибо Лествица во многом, по сжатости речи, темна» (1040; VI, 202—203).

02. 10. 1889: «После Добротолюбия никак не нападу на дело по душе... и доселе ничего не делаю. Печатание четвертого тома Добротолюбия на кончике... Пятый том — совсем готов к печатанию» (1042; VI, 206).

23. 10. 1889: «Жду последние листки четвертого тома Добротолюбия. Но, кажется, афонцы немного сдремнуть прилегли» (1043; VI, 208).

13. 12. 1889: «Получил я четвертый том Добротолюбия» (1045; VI, 210).

31. 01. 1890: «Посылаю вам четвертый том Добротолюбия» (1214; VII, 252).

26. 05. 1890: «Посылаю вам книги — Добротолюбие, четвертый и пятый томы» (968; VI, 83).

25. 03. 1891: «Я теперь ничего не делаю. Давно были у меня составлены уставы св. Пахомия и св. Василия Великого и переведены уставы св. Кассиана и св. Венедикта. Теперь перечитываю их понемногу и когда кончу, отдам афонцам для издания. Выйдет большая книга» (1201; VII, 235).

30. 05. 1891: «Вздумал я издать уставы монашеские — Пахомия Великого и других. Они давно готовы, но издание отлагалось. Вот теперь пойдут в ход. Еще жду — уставы Никона Черногорца и Саввы Сербского — с Афона (в предполагавшееся издание не вошли. — *Н. Л.*)» (1202; VII, 237).

15. 09. 1891: «Книготворчество кончается совсем. Перечитываю уставы монашеские, и когда перечитаю — конец. Вот спанья-то будет!!!» (1204; VII, 240).

15. 11. 1892: «Посылаю вам один экземпляр “Древних иноческих уставов” (то, что называют иногда “шестым” томом Добротолюбия. — *Н. Л.*). У меня теперь все переделано. Новых загадываний писательских нет. Да и писательство отошло от сердца и из головы. Само естество просится на покой» (572; IV, 42).

СВЯТИТЕЛЬ ФЕОФАН И ПРЕПОДОБНЫЙ ПАИСИЙ

Пять «пузатеньких», по выражению святителя Феофана, томов Добротолюбия стали не только завершением и памятником его многолетнего творческого подвига, но и выдающимся событием в истории русской православной духовности. Подробное их описание, с сопоставительной характеристикой состава каждого

тома и общей оценкой качества перевода, сделано недавно М. ван Парисом[105]. Сравнительный анализ двух Добротолюбий, Паисия и Феофана, как в богословском, так и — в неотделимом от богословского — историко-филологическом и культурологическом аспекте, был впервые предложен автором несколько лет назад на конференции в Бозе, посвященной преподобному Паисию[106].

Остановимся кратко на языковых и издательских критериях, по которым отчетливо расходятся Добротолюбие Паисия (церковнославянское по языку и русское, московское, по первому и всем последующим изданиям) и Добротолюбие Феофана (русское по языку и изданию)[107].

Вся история русской богословской мысли в XIX в. — это, по внутренней стороне, борьба за святых отцов, за возвращение к живому богомыслию патристики и, соответственно, за «национальное освобождение в области богословия» (священномученик Иларион Троицкий) — против западничества и схоластики. По внешней филологической стороне — это острая конкуренция филологических и научно-издательских принципов, с одинаковым напряжением проявлявшаяся в библеистике (проблема русского перевода Библии), патристике (переводы в журналах духовных академий), гомилетике (ср. проповеди святителя Филарета (Дроздова), с одной стороны, и епископа Иоанна Смоленского или праведного Иоанна Кронштадтского, с другой). В условиях углубления секуляризации русской жизни и противостоящих ей попыток «воцерковления» светской культуры борьба за выработку национальной школы богословствования была в значительной степени борьбой за выбор языка.

Отношение к наследию Паисия в этом смысле, переход от его Добротолюбия к Добротолюбию Феофана связаны с общим изменением системы религиозно-психологических, социальных и культурологических ориентаций в русском обществе второй половины XIX столетия.

Для святоотеческих изданий, осуществленных Оптиной пустынью и связанных с именами преподобных старцев Макария и Амвросия, характерно такое же максимально бережное отношение к тексту Паисия, каким было отношение самого Паисия к греческому оригиналу. Переводы Паисия, наравне с оригинальными его творениями (типа «Свитка об умной молитве»), вос-

принимаются сами по себе, и справедливо, как памятники святоотеческой (уже русской святоотеческой) традиции. Литургическое почитание их создателя в лике святых началось в Нямецком и связанных с ним монастырях сразу после кончины старца[108]. С другой стороны, оптинцы, как в свое время и издаваемый ими Паисий, ориентируются первоначально на монашескую аудиторию, на будущих практиков — и лишь в меру опыта интерпретаторов — Добротолюбия: «Кто будет делать, тот поймет», говорил Макарий. С этой точки зрения весьма выразительна, хотя и по специальному поводу оброненная, формулировка митрополита Филарета: «Лучше оставить темное темным, чем дать читателю нашу мысль вместо мысли святого отца»[109]. Отец Макарий, как известно, отзывался в подобных случаях и резче: «Да не поставим свое гнилое вместо его (Паисия) высокого духовного понимания»[110].

Эта аскетическая установка (а для оптинских подвижников вся их редакционно-издательская работа была разновидностью умного делания) вела издателей к следующим вариантам: (1) обычное подстрочное комментирование характерных терминов и оборотов Паисия — с привлечением русского академического (для изданных уже отцов) и греческого изданий (классические примеры — Феодор Студит, 1853 г., и Исаак Сирии, 1854 г.); (2) сплошное комментирование, т. е. параллельное воспроизведение паисиевского и современного русского переводов (так издали в 1855 г. авву Фалассия[111]); наконец, (3) неосуществленный экспериментальный вариант с параллельным греческим текстом (так собирались издать Максима Исповедника).

Вместе с тем, трезво оценивая языковую и культурную ситуацию, оптинцы почти одновременно с выходом церковнославянских паисиевских книг перешли с начала пятидесятых годов на русские издания. Независимо от того, осуществлялся ими современный русский перевод с греческого оригинала (при учете перевода Паисия) или речь шла о переложении на русский паисиевского церковнославянского перевода (с обращением к греческому лишь в затруднительных случаях), это радикально меняло ситуацию как переводческого делания, так и читательского восприятия.

«Школа перевода» (в данном случае) определяется как выбором исходного языка и текста (будет это древнегреческий, новогреческий или латынь; рукописная традиция или только печатный текст), так и выбором результирующего языка и текста (на что ориентирован переводчик: на церковнославянский язык или современный русский, на церковное или домашнее употребление книги, на монашескую или светскую аудиторию, на специалиста, способного обратиться к оригиналу, или на широкого, мало подготовленного читателя).

По этим параметрам «школа Паисия» и «школа Феофана» в самом кратком сравнении различаются следующим образом.

Текст Паисия рассчитан только и исключительно на монахов. Текст Феофана принципиально предназначен для всех, даже, пожалуй, преимущественно для светского благочестивого, но не очень умудренного в богословии читателя.

Паисием работа ведется — там, где это перевод, а не справа, — только исходя из греческих текстов. Характерное для воспитанников Афона и актуальное для церковной жизни Малороссии XVIII в. неприятие всего латинского отражено в многочисленных сочинениях и переводах «родимца полтавского», относящихся непосредственно к антикатолической полемике и здесь не рассматриваемых. Феофан в работе широко использует как западноевропейскую (католическую и протестантскую) научную литературу, так и латинские переводы греческих святых отцов. Это относится и к его переводам-переделкам, таким как «Невидимая брань» — латинский, иезуитский трактат по аскетике, переведенный в свое время на греческий преподобным Никодимом Святогорцем и полностью перелицованный и «оправославленный» в русской версии святителя Феофана.

Принцип пословного и даже поморфемного перевода весьма затруднял, как мы видели, восприятие паисиевских переводов. При этом переводчиком всегда точно сохранялся объем исходного текста. Для достижения этой цели перевод трудного места осуществлялся любой ценой («пусть темное будет темным»). Феофан, напротив, следует принципу свободного перевода, ориентированного на точную передачу смысла, а не словесной оболочки. Он широко и свободно прибегает к выборке, пропуску «темных» мест и целых глав, — даже целых трудных для перево-

да авторов (например, в его Добротолюбии опущены многие главы Максима Исповедника, полностью Каллист Катафигиот), что он спокойно признает в своих письмах и предисловиях к соответствующим томам.

Там, где Паисий конструирует громоздкие богословские (и не только богословские) термины путем безудержного и не всегда уместного калькирования греческих, напоминая в этом отношении столь же неудачные опыты словотворчества известного книжника-переводчика XVII в. Евфимия Чудовского, Феофан предпочитает контекстуальные определения, когда понятие литературно «обсказывается», а не калькируется. Соответственно, Добротолюбие Паисия знает лишь богословствование «внутри текста» (ничего от себя). Феофан богословствует в своих вольных «обсказываниях» в понятиях и терминах православной науки второй половины XIX в.

Различаются и индивидуальные манеры работы того и другого переводчика. Для Паисия характерны многократные возвращения к одному и тому же тексту, бесконечные повторные сверки и редактирования. Феофан писал только «в один присест». Поэтому и жалуется в письмах на сложность перевода, на трудность святоотеческих текстов. Поэтому и переходит так легко, в нетерпении, к практике сокращений и извлечений.

Но зато у Паисия явно отсутствие заботы о «внешнем» читателе, о каком-либо воздействии на светскую, не иноческую, тем паче не православную аудиторию (при постоянной заботе о распространении своих переводов в русских православных монастырях). У Феофана, напротив, присутствует постоянный «прицел» на читателя — в том числе на привлечение читателя не воцерковленного.

Святителя Феофана нередко упрекали в неточности переводов: К. Попов (1903) — по поводу перевода творений Диадоха Фотикийского, отец Павел Флоренский (1908) — по поводу Григория Синаита, архиепископ Василий (Кривошеин) — по поводу Симеона Нового Богослова, А. И. Сидоров (1995) — по поводу аввы Евагрия, В. В. Бибихин (1995) — по поводу святителя Григория Паламы. Это напоминает случай, когда в свое время старец Амвросий Оптинский, пытаясь объяснить кому-то из корреспондентов причины критического отношения Феофана к Игнатию

(Брянчанинову), приводил в качестве возможной причины «неточность» цитирования последним святых отцов. Старец был абсолютно прав относительно приведенного им примера[112], и число «неточных» примеров из сочинений святителя Игнатия без труда можно было бы умножить, но любые упреки по адресу Феофана, как и амвросиевские по поводу Игнатия, бьют мимо цели. Ни тот, ни другой не ставили перед собой задачу академически точного перевода тех или иных святоотеческих творений, но сами создавали в известном смысле собственные «святоотеческие творения». Тем более что традиция творческого, не буквалистского цитирования восходит у русских святых отцов к высокой классике — творениям митрополита Илариона Киевского, святителя Кирилла Туровского и преподобного Иосифа Волоцкого.

Относительно качества переводов Феофана, думаем, более взвешенной является оценка М. ван Париса, считающего Феофана «очень тщательным и почтительным переводчиком»[113]. В целом безусловно прав современный исследователь исихастской традиции, считающий лучшим собранием ее первоисточников — «капитальнейший русский вариант Добротолюбия святителя Феофана Затворника»[114].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При всех индивидуально-психологических, филологических и прочих расхождениях, оба переводчика, создатели двух Добротолюбий, — представители единой мистико-аскетической традиции православного Востока, единой русской богословской школы.

...Долгие годы среди нямецких монахов жила легенда, будто под именем старца Паисия в Молдавии скрывался император Петр Великий, оставивший тайно, под бременем усталости и раскаяния российский престол, принявший схиму и избранный вскоре братией своим игуменом. Монастырский фольклор — особая стихия. И хотя Яцимирский справедливо подчеркивал, что возникновению предания могли способствовать чисто случайные совпадения имен (Паисий — в миру Петр, Великий — Величковский), смысл легенды символичнее и глубже.

Восемнадцатый век, век церковных и монастырских реформ, начатый Петром Великим, действительно оканчивался Паисием Величковским. Дело, начатое им вне пределов юрисдикции Русской Церкви, к концу его жизни, как бы одолев, поверх границ и юрисдикций, мертвящую норму «Духовного регламента», дошло до Москвы и Петербурга, овладело сознанием первоиерархов Русской Церкви, всколыхнуло духовную жизнь всей церковной и монастырской России. Подхваченное Оптиной пустынью и славянофилами, оно стало парадоксальным образом одним из высших достижений петербуржского (петровского) периода русской истории и культуры.

В неменьшей степени сказанное относится к Феофану Затворнику, лучшему и завершающему в известном смысле представителю как традиций русского ученого иночества XVIII—XIX вв., так и богословской науки духовных академий, с которой связан был долгий начальный период его творческой биографии.

Знаменательное совпадение. В годы, когда иеромонах Феофан подвизался в Иерусалиме в составе Русской Духовной миссии, там же, на Святой Земле, на горе Фавор, совершал свой незримый миру подвиг старец Иринарх (1767—1859) — славянин из Румынии, ученик учеников преподобного Паисия Величковского. Сегодня в основанном им монастыре на Фаворе живет греческий иеромонах-настоятель, служащий, как и во времена Иринарха и Феофана, молебны для посещающих гору паломнических групп. Но при скудности внешнего присутствия тем более знаменательно, что учение Добротолюбия об умной молитве, осияваюшей подвижника светом Фаворским, свершив назначенный круг, вернулось чрез школу Паисия Величковского к начальной точке — к умной молитве Преображения[115].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Флоровский Георгий,* протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 127.

[2] *Zamfirescu Д.* A fundamental book of the european culture. Bucharest, 1991.

[3] *Ταχιαος Α. Ν.* Ὁ Παΐσιος Βελιτσκόφσκη (1722—1794) καὶ ἡ ασκητικοφιλολογικὴ σκολὴ του. Θεσσαλονικη. 1964; *Papoulides C.* Nicodemo l'Hagiorite (1749—1809) // Theologia 37 (1966) 390—415, 576—590.

[4] Добротолюбие. La Philocalie slavonne de Paissy Velitchkovsky. Reproduction anastatique integrale de l'édition princeps: Moscou, 1793. Soignée et presentée par Daa Zamfiresco. Bucarest, 1990.

[5] *Zamfirescu D.* Op. cit. P. 16.

[6] Там же.

[7] Устное сообщение сотрудника РГБ А. А. Гусевой.

[8] Экземпляр в двух томах из Щаповского собрания имеет владельческую запись по нижнему полю первых пятнадцати листов первого тома: «Сия книга города Болхова болховского третьей гильдии купца Дмитрия Григорьева сына Третьякова (...) заплочено ассигнациями пять рублей 1803 года месяца декабря». Экземпляр конволют, принадлежавший иеромонаху Досифею (Немчинову), содержит на титульном листе первой части пространную запись с послужным списком владельца.

[9] Каталог изданий кириллической печати Московской типографии XVIII века. Л.,1987. Вып. 2. С. 203—204.

[10] Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков). Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994. С. 191—192; Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). // Составил Григорий Дьяченко. Репринтное издание. М., 1993. С. 147—148.

[11] *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Издание Свято-Владимирского братства. 1992. С. 60.

[12] *Мансуров Сергий,* священник. Очерки из истории Церкви. М., 1993. С. 35.

[13] *Хоружий С. С.* Аналитический словарь исихастской антропологии // Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия. М., 1995. С. 45.

[14] См., напр., отдельную главу в лекциях Г. В Флоровского: VI. Отцы-аскеты // *Флоровский Георгий,* протоиерей. Византийские отцы V—VIII веков. Париж, 1933 (репринтное издание: М., 1992).

[15] Русская философия. — *Лосев А. Ф.* Страсть к диалектике. М., 1990. С. 76—77. (Источник цитаты: *Эрн В. Ф.* Г. С. Сковорода. М., 1912. С. 20—21.)

[16] *Tachiaos A.-A. N.* De la Philokalia au Dobrotoljubie. La création d'un 'sbornik' // Cyrillomethodiaum 5 (1981), 208—213.

[17] *Сидоров А. И.* Евагрий Понтийский: жизнь, литературная деятельность и место в истории христианского богословия // Творения аввы Евагрия. М., 1994. С. 56—57.

[18] *Софроний (Сахаров),* иеромонах. Старец Силуан. Жизнь и поучения. М., 1991. С. 67.

[19] *Четвериков Сергий,* протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. Изд. 3. Париж, 1988; *Tachiaos A.-E. N.* The Revival of Byzantine Mysticism among Slavs and Romanians in the XVIII-th Century. Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky. Thessaloniki, 1986. О литературном наследии преподобного: *Никодим (Кононов),* архимандрит (впоследствии епископ). Старцы: отец Паисий Величковский и отец Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность. М., 1909; *Леонид (Поляков),* архиепископ. Литературная деятельность схиархимандрита Паисия Величковского // Вестник Русского Западноевропейского Православного Экзархата. Париж, 1973. Вып. 81—82, 83—84. С. 69—105, 203—237.

[20] Тысячелетие Крещения Руси. Поместный Собор Русской Православной Церкви. Троице-Сергиева Лавра, 6—9 июня 1988 года. Материалы. М., 1990. С. 191.

[21] *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905. С. 516 (= СОРЯС. Т. 79).

[22] *Tachiaos A.-E. N.* The Revival... P. 1—91.

[23] Там же. С. 93—150, 151—251. См. также: Житие молдавского старца Паисия Величковского, составленное схимонахом Митрофаном. М.,1991.

[24] Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С присовокуплением предисловий на книги св. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Пресвитера и Нила Сорского, сочиненных другом его и спостником, старцем Василием Поляномерульским, о умном трезвении и молитве. М., 1847. Изд. 1, 2; М., 1892. Изд. 3.

[25] *Преподобный Паисий Величковский.* О преводе книги св. Исаака Сирина с еллиногреческого на славенский язык краткое изъявление // Исаак Сирин. Слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским М., 1854. С. VI—XVI.

[26] Великий старец схиархимандрит Паисий Величковский. (Память 15 ноября) // *Никодим (Кононов),* архимандрит (впоследствии епископ). Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Ноябрь. М., 1910. С. 354—376. Текст письма.

[27] *Pelin V.* The correspondence of abbot Paisie from Neamts (III). Letter to Teodosie, archimandrite at the Sofroniev Hermitage // Revue des Études Sud-Est Européennes XXXII, 3—4 (1994), 349—366.

[28] Текст издан, насколько можно судить по публикации, по списку с уже отредактированного и, очевидно, сокращенного протографа. Немотивированные пропуски достигают значительной величины. Например, на с. 359 после слова «производити» (2-я строка сверху) пропущено более двух страниц (по московскому изданию 1892 г. с. 202—204). Другие пропуски менее значительны по объему, но тем более их непринципиальный характер исключает мысль о сознательном сокращении со стороны издателя, что подтверждает наш вывод о дефектности (не формальной, но содержательной) оригинала. Очевидно, оптинские издатели обладали в 1847 г. более исправным списком (не считая сознательного сокращения первой части).

[29] От письма старца Паисия, еже писа к старцу Феодосию // Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Изд. 3. М., 1892. С. 197—198.

[30] *Преподобный Паисий Величковский.* О преводе книги Исаака Сирина. С. VII.

[31] От письма старца Паисия... С. 200. Среди найденных Паисием святых отцов перечислены: Антоний Великий, Григорий Синаит, Филофей, Исихий, Диадох, Фалассий, Симеон Новый Богослов, Никифор Уединенник, авва Исайя, Никита Стифат, Петр Дамаскин. Некоторые книги, отмечает Паисий, оказались не в полном составе.

[32] По контексту речи Паисия, тяготевшего к терминологической точности, имеется в виду перевод именно на молдавский язык — близкий к румынскому, но отличный от него. (Молдавский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 305).

[33] От письма старца Паисия... С. 207—208.

[34] Там же. С. 211.

[35] Описание рукописей Паисия и его учеников, в алфавитном порядке заглавий // *Яцимирский А. И.* Указ. соч. С. 555—583.

[36] От письма старца Паисия... С. 209.

[37] Там же. С. 206.

[38] *Zamfirescu D.* Op. cit. P. 13. А. И. Яцимирский утверждал, что молдавские переводы Паисия Величковского и его учеников «сгорели в 1862 г.» (*Яцимирский А. И.* Указ. соч. С. 539).

[39] Житие молдавского старца Паисия Величковского, составленное схимонахом Митрофаном. С. 93—94.

[40] Там же. С. 100. То же: Схимонах Иоанн Молдавский, собеседник старца Паисия Величковского, и другие ученики великого старца. (Память 16 ноября) // *Никодим (Кононов).* Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX веков. Ноябрь. М., 1910. С. 412—413.

[41] *Титлинов Б. В.* Митрополит Гавриил (Петров). СПб., 1916. С. 575. Автор указывает в примечании относящиеся к изданию Добротолюбия дела архива Синода за 1792, 1797 и 1799 гг.

[42]*Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. 2. С. 491.

[43] Письмо отца Афанасия Арзамасского девичьего общежительного монастыря начальнице матери Марии // Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Изд. 3. М., 1892. С. 253—254.

[44] «Добротолюбие или словеса и главизны священного трезвения... Переведены с греческого в Троицкой Сергиевой лавре, 4 части. М., 1793—1794» (sic!) *(Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1904. Ч. 1. С. 23).

[45] Письмо старца Софрония (преемника Паисия на посту настоятеля Нямецкого и Секульского монастырей) Марии Петровне Протасьевой // Житие и писания... С. 253.

[46] *Sy Łikova M. A.* Manoscritti Paissiani nella Biblioteca dell'Accademia delle Scienze Russa // *Kauchtscniscwili N.,* Tachiaos A.-Ai. N. e aa. w. Paisij, lo starec. Ed. Qiqajon. Comunita di Bose, 1997. P. 137—140.

[47] Добротолюбие или словеса и главизны священного трезвения. Изд. 2. М., 1822; изд. 3. М., 1832; изд. 4. М., 1840; изд. 5. М., 1851; изд. 6. М., 1857. Текст всех изданий идентичен, за исключением незначительной «ползучей» правки. См. также новое издание Сретенского монастыря: М., 2001.

[48] Один из афоризмов старца Адриана Югского. (*Адриан*, иеромонах, подвижник Югской Дорофеевой пустыни. Руководство к духовной жизни или переписка с разными лицами в вопросах и ответах. СПб., 1861. (Репринтное издание: М.—Рига, 1995. С. 89.)

[49] *Василий (Гролимунд),* иеромонах. Послесловие. В изд.: Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. Предисловие архимандрита Киприана (Керна). Послесловие иеромонаха Василия (Гролимунда). Париж, 1989. С. 293—307.

[50] Откровенные рассказы странника... С. 22—23.

[51] *Адриан,* иеромонах. Руководство к духовной жизни... С. 83, 94, 99, 120, 194, 276.

[52] *София*, монахиня. Сказания о жизни и подвигах старца Адриана. СПб., 1885. (Репринтное издание: М.—Рига, 1995. С. 37).

[53] Там же. С. 123.

[54] Там же. С. 124.

[55] *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. XIV. С. 26: «Возрождено же оно (старчество. — *Н. Л.*) у нас опять с конца прошлого столетия одним из великих подвижников (как называют его) Паисием Величковским и учениками его, но и доселе, даже через сто почти лет, существует весьма

еще не во многих монастырях и даже подвергалось иногда почти что гонениям, как неслыханное по России новшество».

[56] *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 12 тт. М.,1984. Т. 11. С. 272—273: «В день Покрова Касатский поступил в монастырь. Игумен монастыря был дворянин, ученый писатель и старец, т. е. принадлежал к той преемственности, ведущейся из Валахии, монахов, безропотно подчиняющихся избранному руководителю и учителю. Игумен был ученик известного старца Амвросия, ученика Макария, ученика старца Леонида, ученика Паисия Величковского».

[57] *Святитель Феофан Затворник.* Путь ко спасению. (Краткий очерк аскетики). Изд. 8. М., 1899. С. 314: «Желающие знать о последних (т. е. высших. — *Н. Л.*) степенях христианского совершенства пусть читают святого Исаака Сирианина, Лествицу и Добротолюбие».

[58] *Святитель Игнатий (Брянчанинов).* Соч. Т. 2. Аскетические опыты. Изд. 3. СПб., 1905. (Репринтное издание: М., 1989. С. 234, 238 и др.)

[59] *Барсов Т. В.* Сборник действующих и руководственных постановлений по ведомству православного исповедания. СПб., 1885. Т. 1 С. CXVIII. Рекомендации к келейному чтению Добротолюбия распространялись, разумеется, и на женские монастыри. См., напр.: Игумения Арсения. М., 1913. С. 44. (Репринтное издание: Свято-Успенский Печерский монастырь, 1994.)

[60] *Таисия,* монахиня. Русское православное женское монашество XVIII—XX вв. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992. С. 159.

[61] «Зная касание о. Назария (Валаамского. — *Н. Л.*) к делу печатания Добротолюбия, можно с уверенностью сказать, что не без его участия стала известна эта книга и преподобному Серафиму. Привез ли он (Назарий. — *Н. Л.*) ее в Саров в 1801 г. (когда вернулся на покой в Саровскую пустынь. — *Н. Л.*), прислал ли он ее ранее, — об этом можно только гадать. Утверждать можно лишь одно, — что в лице преподобного Серафима книга эта встретила добрую, подготовленную почву. Преподобный Серафим всецело проникается духом Добротолюбия, и многие его наставления и советы взяты оттуда». —*Концевич И. М.* Оптина пустынь и ее время. Джорданвилль, 1970. (Репринтное издание: Свято-Троицкая Сергеева Лавра, 1995. С. 74). Наблюдения историка могут быть подтверждены текстом «Наставлений» преподобного, хотя и прошедших редакцию митрополита Филарета: *Ильин В. Н.* Преподобный Серафим Саровский. Репринтное издание: М., б. г. С. 88, 98, 99 и др. (ссылки на Добротолюбие). См. также апокрифический, вероятно, текст: *Преподобный Серафим Саровский.* Поучение о молитве Иисусовой. Джорданвилль, 1988. С. 14, 20, 21, 28, 34, 39, 44 и мн. др. (Ссылки на отцов Добротолюбия.)

[62] *Макарий (Иванов),* иеросхимонах. Собрание писем. М., 1862. (Репринтное издание: СПб., 1993.) Цитаты из Добротолюбия: С. 5, 6, 9, 11, 14

и дальше по всему тексту; *Амвросий (Гренков)*, иеросхимонах. Собрание писем. Репринтное издание: М., 1995. Цитаты из Добротолюбия: С. 15—16, 41, 56 первой пагинации; 113, 164, 181 второй пагинации; 3, 10, 13, 18 третьей пагинации и др.

[63] *Ладыженский М. В.* Мистическая трилогия. Т. 1. Сверхсознание и пути к его достижению. Индусская раджа-йога и христианское подвижничество. СПб., 1992. С. 6—10 и др.

[64] *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи в румынских библиотеках. С. 555, 556, 559, 561, 566 и др.

[65] Там же. С. 559.

[66] На одном из списков Лествицы, столь же активно переписывавшейся в середине XIX века в оптинском скриптории (РГБ. Ф. 214. № 515), покойный архимандрит Иннокентий (Просвирнин) нашел надпись (на обороте титульного листа): «Книга сия... в русском переводе составлена и исправлена с разных переводов одной книги, имеющихся в Оптиной Пустыни: первый, главный перевод, к которому более придерживались, как достоверно точному, молдавского старца Паисия, рукописный славянский; второй, старинный печатный славянский (М., 1646. — *Н. Л.*); третий печатный, переведенный в 1794 году, полуславянский; четвертый — Макария, архимандрита Болховского (имеется в виду Макарий (Глухарев). — *Н. Л.*), письменный русский, и пятый, печатный, в русском переводе, изданный Московской Духовной академией в 1852 году». Обрываем цитату, отсылая читателя к полному тексту: *Просвирнин Анатолий*, священник. Иеросхимонах Амвросий (Гренков) // Журнал Московской Патриархии, № 11, (1971). С. 63.

[67] *Святитель Игнатий (Брянчанинов).* Жизнь схимонаха Феодора // Богословские труды. Вып. 32 (1996). С. 273.

[68] *Леонид (Кавелин)*, архимандрит. Сказание о жизни и подвигах старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария. М., 1861. Репринтное издание: Житие иеросхимонаха Макария. Оптина пустынь, 1995. С. 156—157. История возвращения рукописи к Феодору изложена Леонидом (очевидно, со слов старца Макария) в несколько иной версии.

[69] *Яцимирский А. И.* Несколько моментов из истории русского религиозного мистицизма в XIX веке // Странник 1906 г. № 5. С. 734—747; № 6. С. 899—912.

[70] *Леонид (Кавелин)*, архимандрит. Сказание о жизни и подвигах... С. 168—169 (примечание).

[71] «Первый печатный экземпляр сей книги был прислан издателями в обитель на самый светлый праздник (Пасхи) апреля 13 числа (1854 г. — *Н. Л.*) и был принят старцем, как самый драгоценный к великому дню подарок. Не один боголюбивый старец, но и все любители отеческих писаний, были несказанно обрадованы выходом в свет сей книги» — *Леонид (Кавелин)*, архимандрит. Сказание о жизни и подвигах... С. 168.

[72] *Соболевский С. И.* Сведения о преподобном Исааке Сирине и его писаниях // Авва Исаак Сириянин. Творения. Слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911. (Репринтное издание: М., 1993. С. XI.)

[73] *Святитель Филарет (Дроздов).* Письма к архиепископу Тверскому Алексию. М., 1883. С. 118. (Письмо от 24 ноября 1852 г.)

[74] *Четвериков Сергий,* протоиерей. Оптина пустынь. Изд. 2, доп. Париж, 1988.

[75] *Леонид (Кавелин),* архимандрит. Сказание о жизни и подвигах... С. 40.

[76] Там же. С. 157—158.

[77] В одном из писем И. В. Киреевский писал отцу Макарию: «Если печатать: Симеона Нового Богослова, Максима Исповедника (по вопросу и ответу), Феодора Студита, "Житие Григория Синаита" и восемь или даже пять "Слов" Марка Подвижника, — то этот том будет более первого. А между тем, все еще не все труды старца Паисия будут напечатаны, то есть останутся еще Максима Исповедника "Толкование на *Отче наш*", Иустина Философа "О Святой Троице", Аввы Фалассия четыре сотницы и Симеона Благоговейного "Слово о безмолвии". — Письма И. В. Киреевского Макарию Оптинскому // *Четвериков Сергий*, протоиерей. Оптина пустынь. С. 123.

[78] *Афанасьев В.* Супруги Киреевские // Глаголы жизни. Православный журнал. 1992, № 1. С. 46—60.

[79] «Всеми занятиями, как по приготовлению к печатанию славянских переводов старца Паисия (с подстрочными пояснительными примечаниями), так и при переводе некоторых из них на русское наречие, — руководил непосредственно сам старец. Можно утвердительно сказать, что ни одно выражение, ни одно слово не были вписаны в отсылаемую в цензуру рукопись без его личного утверждения» (*Леонид (Кавелин),* архимандрит. Сказание о жизни и подвигах... С. 163—164).

[80] Вклад митрополита Московского в дело оптинских изданий подтверждают письма Филарета к архиепископу Алексию (Ржаницыну). За 1847—1853 гг., пока архимандрит Алексий был ректором Московской Духовной академии (и значит, возглавлял по должности цензуру духовных книг), каждое шестое письмо к нему Филарета содержит вопросы о тех или иных изданиях. См.: *Святитель Филарет (Дроздов).* Письма. С. 22, 23, 24, 87, 89, 91 и др.

[81] Соответствующие издания перечислены в хронологическом порядке в указанной книге архимандрита Леонида (Кавелина) (с. 160—170) и затем, также, к сожалению, без библиографического аппарата, в статье: *Просвирнин Анатолий,* священник (впоследствии архимандрит Иннокентий). Иеросхимонах Амвросий (Гренков). — Журнал Московской Патриархии. 1971, № 11. С. 63—65.

[82] *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. С. 542.

[83] От письма старца Паисия... С. 210.

[84] *Феофан,* архимандрит. Записки // Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия XVIII—XIX вв. М., 1994. Ч. 1. С. 216. Автор записок рассказывает также о пребывавшем некоторое время в одном из молдавских монастырей (у Феодосия, адресата известного письма Паисия) родственнике светлейшего князя Г. А. Потемкина — иноке Анаста́сии (Потемкине).

[85] *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. С. 542.

[86] *Zamfirescu D.* Op. cit. P. 4, 25 (ссылки на соответствующие публикации).

[87] *Tachiaos A.-E. N.* The Revival... P. XLI.

[88] *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 74.

[89] Там же. С. 78.

[90] По тексту «Саморучной повести», изданной Тахиаосом (The Revival... P. 1—91).

[91] *Преподобный Паисий Величковский.* О преводе... С. XII.

[92] *Корсунский И. Н.* Преосвященный епископ Феофан, бывший Владимирский и Суздальский. Биографический очерк. М., 1895; *Крутиков И. А.* Преосвященный Феофан Затворник. М., 1899; *Смирнов П. А.* Жизнь и учение преосвященного Феофана, Вышенского затворника. Изд. 1. Шацк, 1905. Изд. 2. М., 1915. (Репринтное издание: М., 1997.)

[93] Обычно указывают дату рождения святителя 10 (23) января 1815 года, но сам Феофан в письмах говорит, что день его рождения — 8 января.

[94] Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. 1. Официальные документы. Под ред. *П. В. Безобразова.* СПб., 1910. С. 485.

[95] *Бенешевич В. Н.* Описание греческих рукописей монастыря Св. Екатерины на Синае. Т. 1; Замечательные рукописи в библиотеке Синайского монастыря и Синаеджуванийского подворья в Каире, описанные архимандритом Порфирием (Успенским). СПб., 1911. С. 2.

[96] *Дмитриевский А. А.* Научное описание греческих рукописей Синайского монастыря // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1912. Т. XXIII, вып. 2. С. 210.

[97] *Георгий (Тертышников),* иеромонах. Богословское наследие епископа Феофана Затворника // Богословские труды. Вып. 16. М., 1976. С. 206 — 222.

[98] *Лисовой Н. Н.* Обзор основных направлений русской богословской академической науки в XIX — начале XX столетия // Богословские труды. Вып. 37. М., 2000. С. 46, 63—64.

[99] Письма в Бозе почившего епископа Феофана, затворника Вышенской пустыни. Тамбов, 1897. С. 91—92.

[100] Там же. С. 153.

[101] Последние заветы... Переписка из последнего года жизни Преосвященного Феофана. М., 1896. С. 9.

[102] *Титлинов Б. В.* Феофан (Говоров) // Русский биографический словарь. Т. 25: Яблоновский-Фомин. СПб., 1913. С. 391.

[103] *Георгий (Тертышников),* архимандрит. Душепопечительная и литературная деятельность святителя Феофана (Говорова) в период затвора в Вышенской пустыни // Богословские труды. Вып. 31. М., 1992. С. 44—45.

[104] *Святитель Феофан Затворник.* Творения. Собрание писем. Вып. 1—8; Письма епископа Феофана. Тамбов, 1897.

[105] *Van Paris M.* La Filocalia nella versione russa di Teofane il Recluso // Amore del bello. Studi sulla Filocalia. Bose, 1991. P. 241—276.

[106] *Lisovoj N. N.* Due epoche, due «Filocalie» // Kauchtschischwili N., Tachiaos A.-Ai. N. e aa. vv. Paisij, lo starec. Edizini Qiqajon. Comunita di Bose. 1997. P. 183—216.

[107] Добротолюбие, дополненное, в русском переводе. Т. 1. СПб., 1877. Изд. 1; М., 1883. Изд. 2; 1895. Изд. 3; 1905. Изд. 4; Т. 2. М., 1884. Изд. 1; 1895. Изд. 2; 1913 Изд. 3; Т. 3. М., 1888. Изд. 1; 1900. Изд. 2; Т. 4. М., 1889. Изд. 1; 1901. Изд. 2; Т. 5. М., 1890. Изд. 1; 1900. Изд. 2; Указатель к пяти томам Добротолюбия. М., 1905.

[108] См. «Службу Паисию Величковскому», начала XIX в., в описании А. И. Яцимирского: *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. С. 580.

[109] *Леонид (Кавелин),* архимандрит. Сказание о жизни и подвигах... С. 175.

[110] Там же. С. 165.

[111] *Авва Фалассий.* Главы о любви, воздержании и духовной жизни. М., 1855. Русский перевод в этом билингвическом издании редактировал митрополит Филарет.

[112] *Амвросий Оптинский,* иеросхимонах. Собрание писем. Репринтное издание: М., 1995. С. 117 третьей пагинации.

[113] *Van Paris M.* Op. cit. P. 270.

[114] *Хоружий С. С.* Указ. соч. С. 45.

[115] *Лисовой Н. Н.* Преображение Господне: иконография и смысл праздника // Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия. М., 1995. С. 214—215.

К БИБЛИОГРАФИИ РУССКОГО ДОБРОТОЛЮБИЯ

1. Издания.

1. 1. Греческое Добротолюбие:

Φιλοκαλία τῶν ἱερῶν νηπτικῶν. Первое издание: Venetiis,1782; второе издание: Athenis, 1893; третье издание: там же, 1957.

1. 2. Церковнославянское Добротолюбие, в переводе преподобного Паисия Величковского (1722—1794):

Добротолюбие или словеса и главизны священного трезвения. Изд. 1. Ч. 1—3. М., 1793; ч. 4. Там же, 1797; Изд. 2. М., 1822; Изд. 3. М., 1832; Изд. 4. М., 1840; Изд. 5. М., 1851; Изд. 6. М., 1856; Изд. 7. М., 1880; Изд. 8. М., 1902. Текст всех изданий идентичен за исключением незначительной «ползучей» правки.

Факсимиле первого издания: La Philocalie slavonne de Paissy Velitchkovsky. Reproduction anastatique integrale de l'édition princeps: Moscou, 1793. Soignée et presentée par Dan Zamfiresco. Bucarest,1990.

Репринт (с издания 1902 г.): М., Сретенский монастырь, 2001.

1. 3. Русское Добротолюбие в переводе святителя Феофана Затворника (1815—1894):

Добротолюбие, дополненное, в русском переводе. Т. 1. Изд. 1. СПб., 1877; Изд. 2. М., 1883; Изд. 3. М., 1895; Изд. 4. М., 1905; Т. 2. Изд. 1. М., 1884; Изд. 2. М., 1895; Изд. 3. М., 1913; Т. 3. Изд. 1. М., 1888; Изд. 2. М., 1900; Т. 4. Изд. 1. М., 1889; Изд. 2. М., 1901; Т. 5. Изд. 1. М., 1890; Изд. 2. М., 1900.

Репринт: Добротолюбие. Т. 1—5. YMCA-Press, 1988; то же. Т. 1—5. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992.

1. 4. Древние иноческие уставы: преп. Пахомия Великого, св. Василия Великого, преп. Иоанна Кассиана и преп. Венедикта, собранные епископом Феофаном. М., 1892. 600 с.

Репринт: М., 1994.

По первоначальному замыслу святителя Феофана уставы должны были составить второй том Добротолюбия. Том был подготовлен в 1875—1882 гг., но потом было решено вернуться к порядку греческой Филокалии.

1. 5. Указатель к пяти томам Добротолюбия. М., 1905.

1. 6. Каталог книг, изданных Афонским Русским Пантелеимоновым монастырем. Изд. 18. М., 1915. 64 с.

С. 8—9: об изданиях и содержании томов Феофанова Добротолюбия.

2. Из истории создания и издания Добротолюбия.

2. 1. *Преподобный Паисий Величковский.* От письма старца Паисия, еже писа к старцу Феодосию // Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского. Изд. 1. М., 1847; Изд. 2. М., 1847; Изд. 3. М., 1892. С. 197—217.

2. 2. *Афанасий (Сахаров),* иеромонах. Письмо начальнице Арзамасского девичьего общежительного монастыря Марии Петровне Протасьевой // Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. Изд. 3. С. 253—254.

2. 3. *Софроний,* архимандрит (преемник Паисия на посту настоятеля Нямецкого и Секульского монастырей). Письмо начальнице Арзамасского девичьего общежительного монастыря Марии Петровне Протасьевой // Там же. С. 253.

2. 4. *Никодим (Кононов),* архимандрит (впоследствии епископ). Схимонах Иоанн Молдавский, собеседник старца Паисия Величковского, и другие ученики великого старца. (Память 16 ноября) // Его же. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII—XIX веков. Ноябрь. М., 1910. С. 412 и след.

2. 5. *Титлинов Б. В.* Митрополит Гавриил (Петров). СПб., 1916. С. 575. Автор указывает относящиеся к изданию Добротолюбия дела Архива Святейшего Синода за 1792, 1797 и 1799 гг.

2. 6. *Tachiaos A.-E. N.* De la Philokalia au Dobrotoljubie. La création d'un 'sbornik' // Cyrillomethodianum. 5. (1981) 208—213.

2. 7. *Zamfirescu D.* A fundamental book of the European culture. Bucharest, 1991. Научное сопровождение к факсимильному переизданию московского (Паисиева) Добротолюбия 1793—1797 гг. См. № 1. 2.

2. 8. *Pelin V.* La correspondance du staretz Paisie du monastère de Neamtu) // Revue des Études Sud-Est Europénnes XXXI (1993) 3—4, 397—411; [Part 2]. The correspondence of abbot Paisie from Neamts (Unpublished texts) // RESEE XXXII (1994) 1—2, 73—81; The correspondence of abbot Paisie fron Neamts (III). Letter to Teodosie, archimandrite at the Sofroniev Hermitage // RESEE XXXII (1994) 3—4, 349—366.

Письмо Паисия его ученику и другу иноку Феодосию (около 1782 г.), содержащее, можно сказать, филологическую и филокалическую исповедь старца, итог и самооценку его многолетней работы как исследователя и переводчика, издано дважды (остальные цитирования и перепечатки вторичны). В первый раз — иеросхимонахом Макарием (Ивановым) и И. В. Киреевским полтора века назад в книге «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского» (местонахождение оригинала не указано, см. выше № 2. 1.) Второй раз — кишиневской исследовательницей Валентиной Пелин в 1994 г. (по рукописи из собрания Нового Нямца). В том и другом случае документу не повезло. Русские издатели в свое время опустили при публикации первую часть письма, относившуюся к

подробностям пребывания Феодосия в молдавских монастырях (в 1779 г. по приглашению и ходатайству Г. А. Потемкина он был переведен с братией в Россию, в Софрониеву пустынь, куда и адресовал ему письмо Паисий), сочтя ее неактуальной для русского читателя и для аскетико-назидательных целей книги. Список, изданный г-жой В. Пелин, восполняет этот пробел, но зато содержит существенные — и, к сожалению, не оговоренные автором в тексте — сокращения во второй, более нас интересующей, филологической части, непосредственно относящейся к истории Добротолюбия.

2. 9. *Лисовой Н. Н.* Две эпохи — два Добротолюбия. (Преподобный Паисий Величковский и святитель Феофан Затворник) // Церковь в истории России. Сб. 2. М., 1998. С. 108—178.

Итальянский перевод:

Lisovoj N. N. Due epoche, due «Filokalie» // Kauchtschischwili N., e aa. vv. Paisij, lo starec. Bose, 1997. P. 183—216.

2. 10. [*Говорун С.*] Из истории «Добротолюбия» // Добротолюбие. Т. 1. М., Сретенский монастырь, 2001. С. 526—533.

3. Литература о Паисии Величковском и его ближайших учениках, имевших отношение к Добротолюбию и другим святоотеческим изданиям.

А. Библиография.

3. 1. *Тахиаос А.-Э. Н.* Предварительный список полной библиографии о старце Паисии Величковском // Cyrillomethodianum XVII—XVIII Thessalonique, 1993—1994, 212—227.

3. 2. *Просвирнин Анатолий,* протоиерей. [При участии *Т. С. Кобловой* и *Н. Н. Лисового*]. Афон и Русская Церковь. Библиография // Богословские труды. Вып. 15. М., 1976. С. 185—256.

Б. Общие работы.

3. 3. *Никодим (Кононов),* архимандрит (впоследствии епископ). Жизнеописания отечественных подвижников благочестия XVIII—XIX веков, расположенные по числам месяцев, в 14 книгах (двенадцати месячных и двух дополнительных). М., 1906—1912.

Из содерж.: Старцы: отец Паисий Величковский и отец Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность // Книга сентябрьская. М., 1909. Были отдельные оттиски, см. № 3. 16;

Великий старец схиархимандрит Паисий Величковский. (Память 15 ноября.) // Там же. Ноябрь. М., 1910. С. 354—376;

Краткие очерки русской аскетической литературы синодального периода // Книга 2, доп. Июль—декабрь.

3. 4. Указатель к жизнеописаниям отечественных подвижников XVIII и XIX веков, изложенным в 12 томах по порядку месяцев. М., 1911.

3. 5. *Яцимирский А. И.* Возрождение византийско-болгарского религиозного мистицизма и славянской аскетической литературы в XVIII веке // Почесть. Сборник статей, посвященных проф. М. С. Дринову. Харьков, 1908. С. 185—203.

3. 6. *Флоровский Георгий,* протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1937. Репринт: Вильнюс, 1991. С. 125—127.

3. 7. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. Париж, 1960. Репринт: М., 1991. С. 491.

3. 8. *Смолич И. К.* Русское монашество. 988—1917. Жизнь и учение старцев. Пер. с нем. М., 1997.

3. 9. *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы // Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. XIV.

С. 26: «Возрождено же оно (старчество) у нас опять с конца прошлого столетия одним из великих подвижников, как называют его, Паисием Величковским и учениками его, но и доселе, даже через сто почти лет, существует весьма еще не во многих монастырях и даже подвергалось иногда почти что гонениям, как неслыханное по России новшество».

3. 10. *Толстой Л. Н.* Отец Сергий // Собрание сочинений в 12 томах. Т. XI. М., 1984.

С. 272—273: «В день Покрова Касатский поступил в монастырь. Игумен монастыря был дворянин, ученый писатель и старец, т. е. принадлежал к той преемственности, ведущейся из Валахии, монахов, безропотно подчиняющихся избранному руководителю и учителю. Игумен был ученик известного старца Амвросия, ученика Макария, ученика старца Леонида, ученика Паисия Величковского».

В. Агиография и историография.

3. 11. Житие блаженнейшего отца нашего старца Паисия. Собранное от многих писателей и сочиненно отцем Платоном схимонахом. Нямец, 1836.

3. 12. Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С присовокуплением предисловий на книги св. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Пресвитера и Нила Сорского, сочиненных другом его и спостником, старцем Василием Поляномерульским, о умном трезвении и молитве. М., 1847. Изд. 1 и 2; М., 1892. Изд. 3.

3. 13. [*Феофан (Соколов),* архимандрит]. Записки о. Феофана, архимандрита Кирилло-Новоезерского монастыря, бывшего келейника Преосвященного Гавриила, митрополита Новогородского и С.-Петербургского // «Странник», 1862, № 2.

То же: Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия XVIII—XIX веков. М. 1913. Репринт: М., 1994. Ч. 1. С. 199—223.

3. 14. *Архимандрит Агапит (Беловидов).* Житие молдавского старца Паисия Величковского. (Переложено со славянского на русский язык архим. А.). Изд. Козельской Оптиной пустыни. СТСЛ, 1906.

3. 15. *Добронравов В.* Иеромонах Клеопа, строитель Введенской пустыни. Владимир, 1908 г.

3. 16. *Никодим (Кононов),* архимандрит (впоследствии епископ). Старцы: отец Паисий Величковский и отец Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность. М., 1909.

3. 17. *Боровкова-Майкова М. С.* Нил Сорский и Паисий Величковский // Сергею Феодоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели. СПб., 1911. С. 27—33.

3. 18. *Четвериков Сергий,* протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский. Ч. 1—2. Petseri, 1938.

3. 19. [Румынский перевод:] Cetferikov, Protoiereul Sergie. Paisie staretul mânâstiri Neamþului din Moldova. Traducere din ru°este de Nicodim, Patriarhul Românieł. Ed. Mânâstiri Neamþu. 1940.

В конце книги (с. 416): список 212 обителей и отдельных подвижников, находившихся под прямым или косвенным духовным влиянием Паисия Величковского.

3. 20. *Леонид (Поляков),* архимандрит. Литературное наследство Паисия Величковского // ЖМП, 4 (1957). С. 57—61.

3. 21. *Леонид (Поляков),* архиепископ. Афон в истории русского монашества // Богословские труды. Вып. 5. М., 1970. С. 5—24.

3. 22. *Просвирнин Анатолий,* священник (впоследствии архимандрит Иннокентий). Схиархимандрит Паисий Величковский. (К 250-летию со дня рождения, 1722—1972) // ЖМП, 12 (1972). С. 62—64.

3. 23. *Леонид (Поляков),* архиепископ. Литературная деятельность схиархимандрита Паисия Величковского // ВРЗПЭ. Париж, 1973. Вып. 81—82. С. 69—105; Вып. 83—84. С. 203—237.

3. 24. *Иларион (Огиенко),* митрополит. Старець Паісий Величковський. Його життя, праца та наука. Історична літературно-богословська монографія. Winnipeg, 1975.

3. 25. *Tachiaos A.-E. N.* The Revival of Byzantine Mysticism among Slavs and Romanians in the XVIII-th Century. ΘΕΣΣΑΛΟΝΙΚΗ, 1986.

3. 26. *Четвериков Сергий,* протоиерей. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение и влияние на православное монашество. Изд. 3. Париж, 1988.

3. 27. *Кенанов Д.* Преводаческа школа на Паисий Величковский: търсене на истинните славянски книги // Palaeobulgarica XIII (1989) 1 96—109.

3. 28. *Кенанов Д.* Личноста на схиархимандрит Паисий Величковский и неговата книжовна школа // Сборник материалов от научната окнференция: Преподобный Паисий Величковский, неговата книжовна школа

и културата на югоизточна Европа. Велико Търново, 13 октоври 1992 г. Велико Търново, 1994. С. 52—66.

3. 29. *Иннокентий (Просвирнин),* архимандрит. Школа преподобного схиархимандрита Паисия Величковского и издательская деятельность Введенской Оптиной Пустыни // Оптина Пустынь: монастырь и русская культура. Материалы Международного симпозиума в г. Бергамо (Италия), 19—23 апреля 1990 г. Вып. 1. Под ред. *Н. К. Бонецкой* и *Н. М. Каухчишвили.* М., 1993. С. 93—99.

3. 30. *Баракки-Баваньоли М.* Максим Грек и Паисий Величковский // Оптина Пустынь: монастырь и русская культура. Материалы Международного симпозиума в г. Бергамо (Италия), 19—23 апреля 1990 г. Вып. 1. Под ред. *Н. К. Бонецкой* и *Н. М. Каухчишвили.* М., 1993. С. 100—116.

3. 31. *Тахиаос А.-Э. Н.* Возрождение византийского мистицизма старцем Паисием Величковским // Cyrillomethodianum XVII—XVIII Thessalonique, 1993—1994, 201—227.

3. 32. *Игнатия,* монахиня. Старчество на Руси. М., 1999.

3. 33. *Аристарх (Лоханов),* игумен (ред.). Великие русские старцы. Жития, чудеса, духовные наставления. М., 2000. С. 944.

О Паисии Величковском и его учениках: с. 34—55 et passim.

3. 34. *Зубов Д. В.* Афон и Россия. Духовные связи. М., 2000. С. 431.

С. 97—106: [Гл. 11]. Преподобный Паисий Величковский как возродитель связей Афона с Россией.

4. Рукописи Паисия Величковского, история их издания. Другие его творения и переводы.

4. 1. Восторгнутые класы в пищу души, то есть несколько переводов из святых отцов старца Паисия Величковского. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1849.

4. 2. Огласительные поучения преподобного Феодора Исповедника, игумена Студийского. Переведенные с греческого старцем Паисием Величковским. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1853.

4. 3. *Преподобный Паисий Величковский.* О преводе книги святого Исаака Сирина с еллиногреческого на славенский язык краткое изъявление // [Предисловие к книге:] Исаак Сирин. Слова духовно-подвижнические, переведенные с греческого старцем Паисием Величковским. М., 1854. С. VI—XVI.

4. 4. Преподобного аввы Фаласия главы о любви, воздержании и духовной жизни. Переведены с греческого на славянский старцем Паисием Величковским и изданы Введенской Оптиной пустынью с преложением на русский язык. М., 1855 (параллельное издание церковнославянского и русского текста).

4. 5. *Леонид (Кавелин),* архимандрит. Сказание о жизни и подвигах старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария. М. 1861.

Репринт: Житие иеросхимонаха Макария. Оптина пустынь, 1995. С. 184.

С. 153—173: [Глава] 7. О издании переводов святоотеческих книг. Библиографически далеко не совершенный список 16 оптинских изданий, осуществленных под общим руководством старца Макария (Иванова): с. 165—170.

С. 174—183: [Приложение]. Письма святителя Филарета (Дроздова), иеросхимонаха Макария (Иванова), профессора МДА протоиерея Феодора Голубинского о подготовке к изданию переводов Паисия Величковского.

4. 6. *Святитель Филарет (Дроздов).* Письма к архиепископу Тверскому Алексию (Ржаницыну). М., 1883. С. 22, 23, 24, 87, 89, 91 и др.

4. 7. *Паисий (Величковский),* архимандрит. Об умной или внутренней молитве. Пер. из славянского. Изд. Московского Донского монастыря иеромонаха Амвросия. М., 1892.

4. 8. *Паисий (Величковский),* архимандрит. Крини сельные, или цветы прекрасные, собранные вкратце от Божественного писания о заповедях Божиих и о святых добродетелях. Одесса, 1905.

4. 9. *Паисий (Величковский),* архимандрит. Об умной, или внутренней, молитве. Изд. 4. М., 1912.

Сокращенное переиздание: Учение старца Паисия Величковского об умной молитве // ЖМП, 7 (1973). С. 69—73.

4. 10. *Соколов Д.* Заслуги Оптиной пустыни в деле издания святоотеческих творений // Прибавления к Церковным ведомостям. 1902, № 30. С. 1001—1005.

4. 11. *Яцимирский А. И.* Описание рукописей старца Паисия и его учеников, в алфавитном порядке заглавий // *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905. С. 555—583 // СОРЯС. Т. 79).

4. 12. *Попов Н.* Собрание рукописей Московского Симонова монастыря // ЧОИДР, 1910, 4—53, 80—91, 175—180.

4. 13. *Киреевский И. В.* Письма к старцу Макарию Оптинскому // Четвериков Сергий, протоиерей. Оптина пустынь. Изд. 2, доп. Париж, 1988.

4. 14. *Просвирнин Анатолий,* священник (впоследствии архимандрит Иннокентий). Иеросхимонах Амвросий (Гренков) // ЖМП, 11 (1971). С. 61—68.

С. 63—66: об оптинских изданиях переводов Паисия Величковского. Ср. № 4. 5. и примечание к нему.

4. 15. *Sy Łikova M. A.* Manoscritti Paissiani nella Biblioteca dell' Academia delle Scienze Russa // Kauchtschischwili N., Tachiaos A.-Ai. N. e aa. vv. Paisij, lo starec. Ed. Qiqajon. Comunita di Bose. 1997. P. 137—140.

5. О значении и влиянии Добротолюбия.

5. 1. *Адриан,* иеромонах, подвижник Югской Дорофеевой пустыни. Руководство к духовной жизни или переписка с разными лицами в вопросах и ответах. СПб., 1861.

Репринт: М.—Рига, 1995. С. 83, 89, 94, 99, 120, 194, 276 и др.

Адриан называет Добротолюбие «чудотворной книгой», «прямой дорожкой в рай», сравнивает неоднократно с Библией и Евангелием, слагает пословицы типа «Лествичник силен, а Добротолюбие сильнее» или «Добротолюбие вернее матери родной», а также стихи: «Наукою Добротолюбья обнимем сердцем Боголюбье».

5. 2. *София,* монахиня. Сказания о жизни и подвигах старца Адриана [Югского]. СПб., 1885. Репринт: М.—Рига, 1995.

С. 37: Уникальный рассказ о прохождении старцем с любимой книгой редкого подвига 40-дневного неядения: «Чтение драгоценнейшей книги Добротолюбия составляло единственное утешение для души моей».

5. 3. *Святитель Феофан Затворник.* Путь ко спасению. (Краткий очерк аскетики.) Изд. 8. М., 1899.

С. 314: «Желающие знать о последних (т. е. высших. — *Ред.*) степенях христианского совершенства пусть читают святого Исаака Сирианина, Лествицу и Добротолюбие».

5. 4. *Святитель Игнатий (Брянчанинов).* Сочинения. Т. 2. Аскетические опыты. Изд. 3. СПб., 1905.

Репринт: М., 1889. С. 234, 238 и мн. др.

5. 5. *Барсов Т. В.* Сборник действующих и руководственных постановлений по ведомству Православного Исповедания. СПб., 1885. Т. 1. С. CXVIII. Рекомендации к келейному чтению Добротолюбия, включенные митрополитом Филаретом (Дроздовым) в типовой устав мужских общежительных монастырей.

5. 6. Игумения Арсения. М., 1913. Репринт: Свято-Успенский Печерский монастырь, 1994. С. 44.

5. 7. *Smolitsch K.* Die Bedeutung der Philokalie für den russische Fröemmigkeitsleben // Nikodemus [Hagiorita]. Kleine Philokalie. Einsiedeln-Zürich-Köeln, 1956.

5. 8. *Таисия,* монахиня. Русское православное женское монашество XVIII—XX вв. СТСЛ, 1992. С. 159.

5. 9. *Концевич И. М.* Оптина пустынь и ее время. Джорданвилль, 1970. Репринт: СТСЛ, 1995.

О значении Добротолюбия для подвигов преподобного Серафима Саровского. С. 74: «Зная касание отца Назария (Валаамского. — *Ред.*) к делу печатания Добротолюбия, можно с уверенностью сказать, что не без его участия стала известна эта книга и преподобному Серафиму. Привез ли он (Назарий) ее в Саров в 1801 г. (когда вернулся на покой в Саровскую пустынь. — *Ред.*), прислал ли он ее ранее, — об этом можно только гадать. Ут-

верждать можно лишь одно, — что в лице преподобного Серафима книга эта встретила добрую, подготовленную почву. Преподобный Серафим всецело проникается духом Добротолюбия, и многие его наставления и советы взяты оттуда». (См. №№ 5. 10, 5. 11.)

5. 10. *Ильин В. Н.* Преподобный Серафим Саровский. Репринт. М., б. г. С. 88, 98, 99 и др. (о влиянии Добротолюбия).

5. 11. *Преподобный Серафим Саровский.* Поучение о молитве Иисусовой. Джорданвилль, 1988.

С. 14, 20, 21, 28, 34, 39, 44 et passim (ссылки на отцов Добротолюбия).

5. 12. *Макарий (Иванов),* иеросхимонах. Собрание писем. М., 1862. Репринт: СПб., 1993.

Цитаты из Добротолюбия: с. 5, 6, 9, 11, 14 et passim.

5. 13. *Преподобный Амвросий (Гренков),* иеросхимонах. Собрание писем. Репринт: М., 1995.

Цитаты из Добротолюбия: с. 15—16, 41, 56 первой пагинации; 113, 164, 181 второй пагинации; 3, 10, 13, 18 третьей пагинации и др.

5. 14. *Ладыженский М. В.* Мистическая трилогия. Т. 1. Сверхсознание и пути к его достижению. Индусская раджа-йога и христианское подвижничество. СПб., 1992. С. 6—10 и др.

5. 15. *Хоружий С. С.* Аналитический словарь исихастской антропологии // Синергия. Проблемы аскетики и мистики Православия. М., 1995.

5. 16. *Трифон (Туркестанов),* митрополит. Древнехристианские и оптинские старцы. М., 1996. (На титульном листе: 1997.)

Указание Добротолюбия и отдельных изданий вошедших в него отцов см. в числе основных источников работы: с. 23—25. Цитаты из Добротолюбия: passim.

6. Литература о Феофане Затворнике и его Добротолюбии.

А. Библиография.

6. 1. *Георгий (Тертышников),* иеромонах. Богословское наследие епископа Феофана Затворника // Богословские труды. Вып. 16. М., 1976. С. 201—222.

Б. Творения, имеющие отношение к истории Добротолюбия.

6. 2. *Святитель Феофан Затворник.* Творения. Собрание писем. М. Вып. 1—3. 1898; вып. 4—5. 1899; вып. 6. 1900; вып. 7. 1901; вып. 8. 1902.

Репринт: М., 1994. Вып. 1—8.

В письмах содержатся многочисленные сведения о работе Феофана над русским переводом Добротолюбия. См. № 6. 10.

6. 3. Письма епископа Феофана. Тамбов, 1897 (письма, не вошедшие в основное собрание. См. примечание к № 6. 2).

6. 4. Указатель к письмам в Бозе почившего святителя Феофана. М., 1904.

В. Исследования.

6. 5. *Корсунский И. Н.* Преосвященный епископ Феофан, бывший Владимирский и Суздальский. Биографический очерк. М., 1895.

6. 6. *Крутиков И. А.* Преосвященный Феофан Затворник. М., 1899.

6. 7. *Смирнов П. А.* Жизнь и учение преосвященного Феофана, Вышенского затворника. Шацк, 1905, изд. 1; М., 1915, изд. 2. Репринт: М., 1997.

6. 8. *Титлинов Б. В.* Феофан (Говоров) // Русский биографический словарь. Т. 25: Яблоновский-Фомин. СПб., 1913. С. 391.

6. 9. *Van Paris M.* La Filocalia nella versione russa di Teofane il Recliso // Amore del bello. Studi sulla Filocalia. Bose, 1991. P. 241—276.

6. 10. *Лисовой Н. Н.* Две эпохи — два Добротолюбия. (Преподобный Паисий Величковский и святитель Феофан Затворник) // Церковь в истории России. Сб. 2. М., 1998. С. 108—178.

С. 159—168: Приложение 1. Библиохроника Феофанова Добротолюбия.

6. 11. *Иоаким (Сабельников),* иеромонах. Великая стража. Жизнь и труды афонских старцев иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария. В трех книгах. Кн. 1. Иеросхимонах Иероним, старец-духовник Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря. М., 2001. С. 831.

С. 287 и сл.: издание «Добротолюбия» епископа Феофана Затворника в контексте издательской деятельности Пантелеимонова монастыря.

7. Отдельные издания отцов, вошедших в Добротолюбие (в т. ч. их произведений, в Добротолюбие не вошедших), и исследования о них.

7. 1. *Преподобный Петр Дамаскин.* Творения. В русском переводе с еллиногреческого. М., 1874.

7. 2. *Попов К. Д.* Блаженный Диадох (V в.), епископ Фотики Древнего Эпира, и его творения. Т. 1. Киев, 1903.

7. 3. *Преподобный авва Исайя.* Краткое сведение о преподобном отце нашем Исайе, авве Нитрийском, и его писания. Перевод с греческого. (Взято из I тома Добротолюбия.) М., 1905.

7. 4. *Святой Антоний Великий.* Несколько слов о жизни св. Антония и его писания. (Взято из I тома Добротолюбия.) М., 1905.

7. 5. Изречения св. отцов об охранении души и тела в чистоте. Взято из II тома Добротолюбия в русском переводе епископа Феофана. М., 1911.

7. 6. Преподобного отца нашего Исихия, пресвитера Иерусалимского, поучение душеполезное и спасительное о трезвении и молитве. Изд. 8. М., 1912.

7. 7. *Преподобные Марк Подвижник, Исайя Отшельник и Симеон Новый Богослов.* Слова духовно-нравственные. М., 1995. С. 608.

Репринт-конволют трех изданий: Преподобного Марка Подвижника нравственно-подвижнические слова. В русском переводе. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Изд. 2. Сергиев Посад, 1911. С. 5—201;

Преподобного аввы Исайи, отшельника египетского. Духовно-нравственные слова в русском переводе. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Изд 1. М., 1860; Изд. 2. Сергиев Посад, 1911. С. 202—428; Преподобного Симеона Нового Богослова, игумена обители святого Маманта. Двенадцать слов в русском переводе. Изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Изд. 1. М., 1869; Изд. 2. Сергиев Посад, 1911. С. 429—605.

7. 8. *Василий (Кривошеин),* архиепископ, 1970.

7. 9. [*Евагрий Понтийский*]. Творение аввы Евагрия. Аскетические и богословские трактаты. Пер., вступ. статья и коммент. А. И. Сидорова. М., 1994. С. 364.

Вступ. статья: *Сидоров А. И.* Евагрий Понтийский: жизнь, литературная деятельность и место в истории христианского богословия. С. 5—75. Автор прямо говорит о том, что стремится своими переводами «продолжить традицию Добротолюбия» (с. 74).

7. 10. *Хосроев А. Л.* Из истории раннего христианства в Египте. На материале коптской библиотеки из Наг-Хаммади. М., 1997. Приложение 4. О подлинности «Посланий» Антония [Великого]. С. 286—311.

7. 11. *Преподобный Нил Синайский.* Творения. М., 1858. Ч. 1—3.

Репринт: М., 2000. С. 377.

Предисловие: *Овсянников В. П.* Преподобный Нил Постник, Синайский, и его творения. С. 3—13.

7. 12. *Преподобный Нил Синайский.* Слово подвижническое. Письма. [Книга I—IV]. М., 2000. 479 с.

7. 13. *Дунаев А. Г.* Дополнение к Добротолюбию. Вторая сотница преподобного Иоанна Карпафийского. Перевод с древнегреческого, примечания, послесловие и указатели А. Г. Дунаева. С приложением «Слова к монахам из Индии» из первой сотницы в переводе Н. А. Леонтьева. М., Индрик, 2001.

8. «Малые Добротолюбия» и подобные им антологии.

8. 1. *Харитон,* игумен Валаамского Спасо-Преображенского монастыря. Умное делание. (О молитве Иисусовой.) Сборник поучений святых отцов и опытных ее делателей. Сердоболь (Сортавала), 1936.

Репринт: М., 1998. С. 349.

В конце предисловия подпись: «Игумен Харитон. Валаам, 27 июля 1936 г.».

См. также № 8. 3.

8. 2. Что такое молитва Иисусова по преданию Православной Церкви. Беседы инока-старца с мирским иереем, вызванные «Сборником о молитве Иисусовой». Изд. Валаамского монастыря. Сердоболь (Сортавала), 1938.

См. также № 8. 3.

8. 3. Сборник о молитве Иисусовой. М., издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. С. 560.

Содерж.: Умное делание. (О молитве Иисусовой.) Составил игумен Харитон. С. 8—188; Что такое молитва Иисусова по преданию Православной Церкви. С. 189—535.

См. также № 8. 1. и 8. 2.

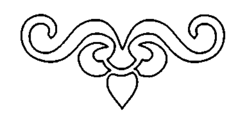
Эти издания известны православному читателю под названием «Малое Добротолюбие». В немецком издании существует другое «Малое Добротолюбие», с предисловием Игоря Смолича:

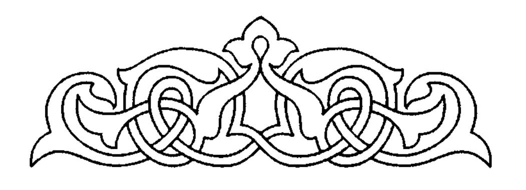
8. 4. *Nikodemus* [Hagiorita]. Kleine Philokalie. Einsiedeln-Zurich-Koeln, 1956.

8. 5. Сотницы. Ярославль, б. г. С. 289.

Из содерж.: Святой Антоний Великий и его поучения. С. 51—58; Аввы Исаака Сириянина. Сотница 1-я. С. 58—65; Сотница 2-я. С. 65—73; Преподобного Симеона Нового Богослова. Сотница 1-я. С. 79—89; Сотница 2-я. С. 89—100; Преподобного Макария Египетского. Первая сотница о развитии греха и о борьбе с ним силами троечастной души. С. 194—202; Вторая сотница об очищении внутреннего человека в молитве, покаянии и трудах деятельной жизни. С. 202—209; Третья сотница о добродетелях и о призвании христиан к сыноположению; Сотница о добродетелях святого Иоанна Лествичника. С. 221—227; Аввы Исайи Отшельника. Сотница об очищении и воскресении души. С. 237—244; Епископа Феофана (Затворника). Первая сотница о развитии греха и о средствах борьбы с ним. С. 244—252; Вторая сотница о молитве и о трудах во славу Божию. С. 252—261; Епископа Игнатия Брянчанинова. Первая сотница о трезвении троечастной души в молитве. С. 261—269; Вторая сотница об очищении внутреннего человека. С. 269—278; Оптинского старца Амвросия. Сотница о духовном возрождении. С. 278—287.

8. 6. *Ювеналий,* игумен (настоятель Свято-Казанского монастыря в Харбине). Добротолюбие. Избранное. Для мирян. Репринт: М., 2000.



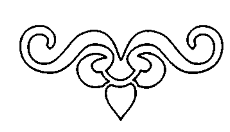


СОДЕРЖАНИЕ

Преподобный Никифор Уединенник

Святитель Григорий Палама, архиепископ Солунский

Каллист патриарх и сподвижник его Игнатий Ксанфопулы



ДОБРОТОЛЮБИЕ

Том V

4-е издание

Макет	*М. Крапивин*
Оформление	*иеродиакон Матфей (Самохин)*
Верстка	*М. Родионов*
Технич. редактор	*А. Кузнецова*
Корректоры	*О. Грецова, М. Пухова*
Технолог	*М. Мыскин*

В оформлении обложки использован фрагмент современной греческой иконы «Святитель Григорий Палама»

Формат 70x100/16. Объем 35 п.л. Тираж 5 000 экз.
Печать офсет. Бумага офс. №1. Гарнитура «Ньютон»
Подписано в печать 02.02.2010 Зак. № 1000860
Отпечатано с электронного оригинал-макета
издательства Сретенского монастыря
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
Адрес типографии: 150049, г. Ярославль, ул. Свободы, 97
Адрес издательства: 107031, г. Москва, ул. Б. Лубянка, 19
Оптовый интернет-магазин: www.sretenie.com
Книжная торговля Сретенского монастыря: (495) 628-82-10
Магазин «Сретение»: (495) 623-80-46